

**Министерство образования и науки Российской Федерации
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Ярославский государственный педагогический
университет им. К.Д. Ушинского»**

*Посвящается
1000-летию Ярославля*

**ЯЗЫК И МЫСЛЬ:
ТРАДИЦИИ И НОВЫЕ ПАРАДИГМЫ
ВТОРЫЕ ЯРОСЛАВСКИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ**

*Сборник научных трудов
Международной конференции
16 – 18 июня 2009 года*

Том 2

**Ярославль
2009**

УДК 800; 82

ББК 8081

Я 41-764

Печатается по решению редакционно-издательского совета Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского

Работа конференции и издание сборника осуществлены при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований (РФФИ), проект № 09-06-06058-г.

Я 41 **Язык и мысль: традиции и новые парадигмы. Вторые Ярославские лингвистические чтения : сборник научных трудов Международной конференции 16 – 18 июня 2009 года : в 2 т. / отв. ред. О.С. Егорова. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2009. – Т. 2. – 354 с.**

В сборнике представлены статьи, в которых исследуются общие вопросы теории языка, когнитивные аспекты изучения языка и речи, проблемы развития языка в синхронии и диахронии, проблемы психосистематики, лексико-семантические, коммуникативно-прагматические и стилистические аспекты текста и дискурса, проблемы языкового сознания и языковой личности в современном социокультурном контексте, проблемы региональной и социальной стратификации языка, проблемы лингвокультурологии и межкультурной коммуникации, современные проблемы лексикографических исследований.

Для филологов, лингвистов, культурологов, специалистов в области гуманитарного знания, а также для широкого круга читателей, интересующихся проблемами взаимодействия языка и мышления, языка и общества, языка и культуры.

УДК 800; 82

ББК 80

Редакционная коллегия:

И.К. Архипов, д.ф.н., проф.; В.П. Григорьев, д.ф.н., проф.;
А.Г. Гурочкина, д.ф.н., проф.; О.С. Егорова, д.ф.н., проф. (отв. редактор);
Е.С. Кубрякова, д.ф.н., проф.; Т.Я. Кузнецова, д.ф.н., проф.;
М.В. Никитин, д.ф.н., проф.; М.В. Новиков, д.и.н., проф.;
И.Б. Руберт, д.ф.н., проф.; И.А. Стернин, д.ф.н., проф.;
С.Г. Тер-Минасова, д.ф.н., проф.; Л.Н. Черкасов, д.ф.н., проф.

ISBN 978-5-87555-521-2

ISBN 978-5-87555-523-9 (Том 2)

© ГОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского», 2009
© Авторы статей, 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию читателей сборник содержит научные труды Международной конференции «Язык и мысль: традиции и новые парадигмы. Вторые Ярославские лингвистические чтения», которая состоялась в Ярославле 16–18 июня 2009 года.

Международная научная конференция «Язык и мысль: традиции и новые парадигмы. Вторые Ярославские лингвистические чтения» организована Ярославским государственным педагогическим университетом им. К.Д. Ушинского и посвящена 1000-летию Ярославля.

Работа конференции была поддержана Российским Фондом Фундаментальных Исследований (РФФИ), проект № 09-06-06058-г.

Основная цель Международной научной конференции «Язык и мысль: традиции и новые парадигмы. Вторые Ярославские лингвистические чтения» – обмен опытом в проведении научных исследований в отечественной и зарубежной лингвистике, сохранение традиций и определение перспектив дальнейшего развития новых теоретических направлений филологии, лингвистики, лингвокультурологии и других гуманитарных наук в свете современных парадигм знания.

В конференции приняли участие как известные ученые, так и молодые исследователи, докторанты, аспиранты, магистранты из различных вузов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Белгорода, Брянска, Волгограда, Вологды, Воронежа, Иваново, Казани, Кемерово, Костромы, Красноярска, Курска, Нижневартовска, Новосибирска, Петрозаводска, Петропавловска-Камчатского, Ростова-на-Дону, Самары, Таганрога, Ульяновска, Череповца, Читы, Ярославля и других российских городов, из стран ближнего и дальнего зарубежья: Украины, Таджикистана, Франции, Польши, Ирана, Германии, а также ведущие ученые Института языкознания РАН (Москва) и Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург).

Конференция проводилась в формате пленарных и секционных заседаний, круглых столов и мастер-классов. Различный формат мероприятий был направлен на то, чтобы дать конференции, по возможности, многообразное направление и представить в ее рамках как доклады фундаментального характера, так и дискуссии на актуальные темы. В фокусе исследовательских интересов конференции находились проблемы, касающиеся как общетеоретических и методологических вопросов языкознания, так и частных проблем изучения отдельных единиц разных языковых уровней.

Главная проблематика конференции была представлена важнейшими концептами, которые характеризуют современное пространство языковой практики человека: «Язык», «Мысль», «Речь». Пленарные доклады были посвящены проблемам, всегда привлекавшим внимание ученых в отечественной и зарубежной лингвистике, – вопросам о сущности языка и его функциях, проблемам «человек и его язык», «язык и мышление», «язык и сознание», «язык и общество», «язык и культура». Все выступающие на пленарных заседаниях были единодушны: сегодня, как никогда, возрастает роль языка в решении общегуманитарных проблем, в понимании законов антропологического развития и явлений социальной коммуникативной практики.

На секционных заседаниях конференции обсуждались общие и частные проблемы когнитивного подхода к языку, проблемы когнитивного моделирования, концептуализации и категоризации мира в языке, рассматривались когнитивные аспекты номинации и словообразования, лексики, грамматики и фразеологии, проблемы развития языка в синхронии и диахронии, современные проблемы текста и дискурса, лингвистические и стилистические аспекты художественного текста, проблемы региональной и социальной стратификации языка.

Предметом обсуждения круглых столов стали вопросы взаимодействия языка и культуры, проблемы языкового сознания и языковой личности в современном социокультурном пространстве, лингвистические и социокультурные аспекты коммуникации, актуальные проблемы современных лексикографических исследований. В рамках конференции был проведен мастер-класс издательства Кембриджского университета «Новые направления в зарубежной лингвистике и межкультурной коммуникации».

Высокая степень актуальности, острота постановки рассматриваемых вопросов и новизна подходов, высокий научно-теоретический уровень, большая познавательная ценность и практическая значимость докладов обусловили интерес участников к заявленной проблематике конференции, способствовали оживленному обмену мнениями и объективному научному обсуждению предлагаемых концепций, что, несомненно, содействовало творческому решению поставленных задач конференции.

В двух томах настоящего сборника в полном объеме отражена вся проблематика конференции, ставшая предметом глубоких дискуссий на пленарных и секционных заседаниях, а также на заседаниях круглых столов. В предлагаемых публикациях, свидетельствующих о многоаспектности научных точек зрения и различных подходах, исследуются и получают освещение в свете новых парадигм знания сложнейшие и особенно актуальные на современном этапе развития языкознания проблемы, что позволяет надеяться на то, что данный сборник будет с интересом воспринят научной общественностью.

Сборник научных трудов конференции адресуется филологам, лингвистам, культурологам, аспирантам и студентам гуманитарных специальностей, а также всем тем, кто интересуется проблемами взаимодействия языка и мышления, языка и общества, языка и культуры.

Оргкомитет конференции и редакционная коллегия выражают благодарность Российскому Фонду Фундаментальных Исследований (РФФИ) за оказанную финансовую поддержку в проведении конференции и издании данного сборника.

Оргкомитет от имени всех участников конференции также выражает искреннюю благодарность ректорату Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского за оказанную помощь в организации и проведении конференции.

Ответственный редактор

**ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ
СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАЦИИ**

© Л.Г. Антонова

*Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского.
Ярославль, Россия*

СПОСОБЫ И СРЕДСТВА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Коммуникативистика – наука, изучающая систему средств и коммуникативных функций массовой информации. В силу «молодости», она не имеет единого стабильного названия и именуется по-разному: «наука о коммуникации в разных социальных сферах», «направление теоретических исследований средств массовой информации и массовой культуры», «коммуникология», «наука о современном состоянии коммуникативного пространства, способах и средствах взаимодействия при передаче информации» [1. С. 88].

Несмотря на видимую «молодость» научного направления, изучающего законы взаимодействия в современном коммуникативном пространстве, система средств передачи информации как система информационных кодов существовала еще на ранних этапах цивилизации, где с помощью различных языковых и дискурсивных моделей (вербальных, визуальных, пластических, аудиальных) решались проблемы информирования и, как и в настоящее время, формировались у массового потребителя представления и мотивы «о новом знании, оправдывающем ожидания» и «о важном и прекрасном жизненном учении». Вот почему можно сказать, что, с позиции истории вопроса, предметом исследования коммуникативистики являются прежде всего способы, формы, средства и функции информационного и социально-культурного взаимодействия: от изучения информационных кодов наскальных рисунков, ритуальных танцев и барабанных языков первобытных времен до изучения информационных и коммуникативных кодов компьютерного эпистолярия и языка и стиля современного медиарынка.

Коммуникативистику обычно называют интегративной областью знания, теоретические основы ее синтетичны: ее можно сравнить с большим зонтом, спицами которого являются теоретические аксиомы филологии, стилистики, риторики, генристики; культурологии, рекламоведения, журналистики; психологии, политологии, социологии, этнологии, антропологии; информатики и медиакультуры. В настоящий момент коммуникативистика переживает период своей популярности и востребованности, в связи с универсальностью своих инструментальных приемов: она дает исследователю возможность изучения современных способов и средств передачи информации и исследования законов взаимодействия в условиях современного коммуникативного пространства.

Новые научные поиски в области успешного взаимодействия в новом коммуникативном пространстве могут быть связаны, на наш взгляд, с сопоставительным анализом классических законов коммуникации и проблемных вопросов современного дискурса.

Остановимся на этом подробнее.

Современное информационное общество, предлагая новые технологические модели получения и передачи информации, обращается вновь к законам эффективной коммуникации, которые и в новых условиях определяют качественные показатели информационных связей и коммуникативного взаимодействия.

Прежде всего необходимо обратить внимание на *диалоговые межличностные отношения*, сохранившие свою актуальность и в условиях «технологичной» информационной структуры современного коммуникативного пространства. По-прежнему оказываются востребованными отношения *конгруэнтности* при передаче и получении информации, которые обеспечивают соотнесенность и адекватность информационного наполнения коммуникативных отношений. *Закон адресации информации* и в новых условиях ориентирует коммуникантов на поиск эффективных «диалоговых пристроек» для обеспечения полноты и качества информации при ее передаче или приеме. *Закон конвенциональности* обращен к этической, нравственной стороне коммуникативных отношений между отправителями и получателями информации и регулирует нормативный и статусный уровень этих отношений.

Освоение классических законов эффективного общения необходимо для формирования прочных дискурсивных связей в современном информационном обществе, для установления прецедента ответственности и создателей, и потребителей информации, для повышения общей коммуникативной культуры членов информационного общества, их *медиаграмотности*.

При этом медиаграмотность воспринимается как эталонный и стабилизационный инструмент, понимается как определенный запас знаний об эффективной и продуктивной коммуникативной деятельности в новых условиях современной коммуникации, где соседствуют и традиционные, книжно-письменные, и электронные, аудиовизуальные источники получения информации, что отвечает потребностям человека, живущего в условиях научно-технического и социально-культурного прогресса. Так, в частности, медиаграмотность формирует практико-ориентированное знание, предполагающее усвоение определенной системы коммуникативных правил и технологических приемов в пространстве новой коммуникации. В первую очередь, медиаграмотность позволит избежать *консюмеризма* [1. С. 89] в опытах с информацией: грамотный человек не будет воспринимать информацию потребительски, безответственно, полагаясь лишь на «информационный голод», не осуществляя оценку содержательно-концептуальной и подтекстовой информации. Критическая оценка и фактуальной, и, тем более – прагматической информации обеспечивает понимание и защищает языковую личность от информационного манипулирования. В поисках альтернативы коммуникативистика предлагает нам в условиях коммерциализации информации сохранять и всячески поддерживать *персоналицированный режим* информационных отношений. Это позволит устранить зависимость от мнения информационного источника; обеспечит активную прагматическую позицию коммуниканту, который сможет критически оценить персональный имидж информационного источника и персональный статус журналиста (ученого), что позволит адекватно интерпретировать полученные сведения.

Не меньшую опасность для современной коммуникации и современного коммуниканта создают некоторые принципы представления информации в современных СМИ: «*принцип вращающейся двери*» и «*принцип вхождения в роль*» [1. С. 174]. Периодическое повторение одних и тех же новостных сюжетов, анонсов, рекламных сообщений, в соответствии с эффектом вращающейся двери, постоянно возвращающейся на исходные позиции, снижает, с одной стороны, статус новизны информационного объекта: информация оказывается вторичной, неким информационным суррогатом, достаточно свободно, а иногда и неверно или искусственно интерпретирующим

новостийный первоисточник. Кроме того, воспроизведенная неоднократно, подобная информация начинает восприниматься как действительно заслуживающая предельного внимания, может оказать сильное коммуникативное воздействие, что иногда приводит к появлению мифологем в тезаурусе языковой личности. Принцип «вхождения в роль» также уводит коммуниканта от решения его собственных информационных проблем: ему предлагают роль «зрителя» в хорошо организованном «информационном театре» с видеоэффектами, эпатажными приемами при подаче информации. А роль «зрителя» не предполагает строгой и критической оценки сути приобретаемой информации, от «зрителя» ожидают прежде всего яркой и стойкой эмоциональной реакции, он, по законам театрального жанра, «обманываться рад».

Медиаграмотность позволяет обратить внимание и на другие возникшие в последнее время приемы организации информационного контекста, которые, в отличие от предыдущих, положительно влияют на качественные показатели коммуникативной компетентности языковой личности и ее умения эффективно решать вопросы информационного взаимодействия в новом информационном пространстве.

Прежде всего, следует обратить внимание на такой положительный показатель медиаграмотности, как *принцип «обратной связи»* [1. С. 174], который, например, предполагает серию специальных приемов, действий, обеспечивающих коммуниканту получение ответных грамотных реакций адресата, потребителя информации. Этот прием включает деятельностные методики тематического и смыслового *отслеживания и распознавания* информационных координат: от самой простой процедуры установления обратной связи на уровне ответных реакций адресата, которую должен освоить каждый общающийся, до экспериментальных методик, которые должны быть усвоены и проработаны прежде всего теми коммуникантами, чьи профессии находятся в зоне повышенной речевой ответственности и кто по своему профессиональному статусу должен демонстрировать обязательный уровень медиаграмотности. К числу этих экспериментальных методик установления обратной связи следует отнести: работу с фокус-группой; сплошную выборку в ассоциативном эксперименте; лингво-когнитивный анализ принимаемой информации; исследование явлений «опущения» или «отторжения» информации и причин, приводящих к этому; выяснение корректности, точности при передаче информации, соблюдение условий социальной адаптивности информации и выяснение уровня подготовленности адресата для восприятия предложенной информации.

(Так, например, при восприятии и декодировании рекламного сообщения или текста медийного источника следует учитывать особую специфическую модель анализа, которая включает изучение поликодового характера информации, который заложен в рекламном или медиатексте, его структурно-композиционной оформленности, придающей сообщению завершенность, членимость; в исследовании инструментария речевого и психологического воздействия и оценке качества и эффективности передачи информации: обратить особое внимание на приемы подачи информации с использованием вербальных кодов (слов, словоформ, заявляющих определенные концепты мировосприятия человека); с привлечением пространственно-композиционных кодов (специфических жанровых моделей рекламного текста) и в режиме психотехнического кодирования (декодирования) (формирование или разрушение «образа – я»); создание «идеала – я» адресата.

Интересны и прагматически значимы методики анализа качества медийного сообщения, которые можно представить как модель поэтапного и детализированного описания рекламного сообщения (текста печатной рекламы) по определенному плану.

Если перевести прагматические рекомендации в плоскость теоретического осмысления компетентности современной языковой личности и освоения ею моделей индивидуального декодирования, то можно утверждать, что в ходе аналитического комплексного восприятия информации грамотный коммуникант должен проявить компетентностный подход и быть готовым оценить составляющие текстового продукта (рекламного или медийного сообщения) в новой (поликодовой) системе координат: оценить лингво-культурологическую систему отбора составляющих предмета речи; объяснить, как связан предметный код с информацией об уникальном торговом предложении (УТП) или уникальном информационном поводе (УИП); выяснить, отвечает ли специфика сообщения особенностям потребительской аудитории и насколько креативно решен отбор сильных и слабых доводов в защиту УТП и УИП; учтены ли гендерные особенности в представлении аргументов в основном информационном сообщении; оценить, как перераспределены составляющие предметного плана в вербально-образном и визуально-образном ряду сообщения и какова роль заголовка (слогана) и эхо-фразы как самостоятельных текстовых микрофрагментов в презентации УТП и УИП и решении задач воздействия и взаимодействия с предлагаемой потребительской аудиторией; понять и объяснить, какими коммуникативными приемами пользуются авторы данного информационного сообщения, оправданы ли они в режиме требований «достоверности» и «добросовестности» рекламной информации; охарактеризовать и оценить известные приемы «риторики образа» в решении задач воздействия в рамках медийного сообщения (перифраз, алогизм, градацию; визуализацию предметного кода; парцелляцию, сегментацию и др.).

Описанные опыты систематического и аналитического описания новых текстовых продуктов формируют необходимые коммуникативные умения современной языковой личности, «учат» оценивать «качественный порог» предлагаемой информации в новом поликодовом режиме, осмысливать сочетаемость информационных кодов разных режимов восприятия, выбирать оптимальный режим декодирования, используя усвоенные примеры авторской «риторики образа» в текстах новой медиаграмматики.)

Данные приемы могут быть истолкованы как частные случаи реализации принципа обратной связи и реализации законов взаимодействия в новом коммуникативном пространстве. Благодаря этой методике, выявляются доминирующие коды в сознании носителя информации, определяется этнокультурная стереотипность восприятия, «продвигающая» или «блокирующая» получение новой информации.

Положительно следует оценить выдвигаемый современной коммуникативистикой «**принцип солидарности и ответственности**» [1. С. 175] членов современного информационного сообщества. Основная задача использования этого принципа связана с ограничением «вредной», «экологически опасной» для пользователя информации, соблюдением общих правил НЕТикета, принятых, в частности, отправителями и получателями информации в глобальной информационной сети.

Признание и тем более следование правилам «солидарности и ответственности», безусловно, возможно в обществе, где грамотно воспринимается «свобода слова», ее социальные функции и возможности. В настоящее время можно говорить, например, о возобновлении интереса к правдивой, экологичной, прагматически ценной информации, для оценки которой экспертами вводится понятие *достоверности*, а для оценки позиции отправителя – понятие *добросовестности*, что должно свидетельствовать о соблюдении коммуникантами правил корпоративной этики и общественно-гуманитарных правил, требующих определенной информационной культуры при восприятии, переработке, оценке и передаче информации.

Эффективная и продуктивная коммуникация возможна, если коммуникантами усвоены классические законы взаимодействия и приобретены умения грамотно воспринимать и оценивать новые информационные продукты, сочетающие в себе традиционные и специфические приемы коммуницирования.

Если вернуться к идее совершенствования медиаграмотности современного члена информационного сообщества, то необходимо говорить об *освоении приемов медиалогии и признаков медиажанров*: форм передачи информации в особом поликодовом режиме, который предполагает одновременное и дифференцированное «считывание» информации; понимание особенностей формата нового информационного продукта, атрибутики того или иного специфически нового жанра, особенностей стилового воплощения авторского замысла в словесном и видеообразе. Можно и нужно говорить о необходимости усвоения сегодня языковой личностью *законов новой медиаграмматики*, которую разрабатывает современное информационное общество, построенное на новых технологических приемах изготовления и распространения информации.

Названные в статье принципы и приемы – только часть **арсенала средств взаимодействия в рамках современного коммуникативного пространства**, которые в настоящее время старательно и активно изучаются и описываются коммуникативистикой при характеристике современного прагматического и социально-культурного дискурса.

Литература

1. Землянова Л.М. Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества. – М., 1999.

© Г.М. Вишневская

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия

ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК ДЛЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ: ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАЦИИ

Теория языка для специальных целей (ЯСЦ), или языка для профессиональных целей (ЯПЦ), создаваемая в 70-х гг. XX века, ведет начало от идей функциональной стилистики [6]. Первые шаги данная теория сделала в области установления границ специальных языков и определения оснований самого понятия ЯСЦ. В самом общем виде понятие специального, или профессионального, языка противопоставлялось неспециальному, функционирующему в сфере индивидуальной и массовой коммуникации. На этой основе возникло противопоставление языков для общих целей (ЯОЦ) и ЯСЦ. При этом ЯСЦ определялся как вторичный язык с ограничением в использовании. В отечественной лингвистике для обозначения указанного регистра речи (в его устной и письменной форме) широко используется термин «подъязык».

Современная теория языка развивается на базе антропоцентрических исследований языка в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, в русле новых лингвистических направлений (когнитивной лингвистики, теории языковой личности, теории дискурса и др.). Теория языка «... создает предпосылки для более интенсивного развития теории ЯСЦ, в определенном смысле, не позволяет ей «довольствоваться» бесконечным анализом эмпирического материала, во многом имеющим характер интуитивного поиска» [2]. Основной задачей теории ЯСЦ на современном этапе является переоценка многих традиционных методов исследования, а также развитие базовых категорий теории специальных языков в целях выявления их языковой природы.

Одним из ключевых вопросов теории ЯСЦ является его метаязык. Метаязыком называется язык "второго порядка", по отношению к которому естественный человеческий язык рассматривается как "язык-объект", то есть предмет лингвистики [4]. Метаязык лингвистики и других гуманитарных наук построен на вербальной основе так же, как и естественный язык, поэтому его реализация в коммуникации рассматривается иногда как лингвистический подуровень. Метаязык математики и логики представляет собой формализованный язык, в который входят не только вербальные единицы, но также символы, индексы, цифры, формулы и т. п. Метаязыки различных наук различаются по номенклатуре терминов, их содержанию и трактовке как научных понятий. Современная теория терминографии уже достигла значительных успехов в описании терминов различных предметных областей и сфер научного знания [1]. Без знания терминологии научное общение практически невозможно. Однако специальные тексты на русском языке многих отраслей науки, вследствие открытости терминосистем для проникновения иностранных слов, нередко перегружены иностранными терминами, употребление которых не всегда оправдано. Л.В. Минаева справедливо отмечает, что в терминосистеме государственного управления появилось множество иностранных слов «... из-за изменений государственного устройства, появления новых или восстановления

старых общественно-социальных реалий и понятий. Нельзя не признать, что в специальных текстах использование иноязычных заимствований оправдано, так как они предназначены для узкого круга квалифицированных читателей и позволяют более точно и экономно передать оттенки значения описываемого явления. Все же возникает вопрос, всегда ли целесообразно употреблять иностранные слова в научном тексте или лучше пользоваться словами родного языка, обозначающими те же понятия. Так, в современных текстах мы часто встречаем, например: «рынок фрагментирует человеческие отношения»; «сертификация людей»; «рутинизация процесса»; «партиципативное управление» и множество аналогичных словосочетаний, затемняющих смысл понятий, а иногда полностью лишаящих их какого либо смысла... Для государственного управления точность и ясность формулировок имеет особое значение, поскольку задача управленцев состоит в том, чтобы донести до людей полезность и нужность их действий» [7. С. 244]. Ученый заключает: «Какими бы ни были причины использования непонятных слов и терминов в процессе общения, они служат авторам научных трудов для того, чтобы либо скрыть смысл высказывания или скудость мысли, либо свидетельствуют о нежелании автора использовать ресурсы родного языка» [7. С. 245]. С этим выводом нельзя не согласиться. Вопросы языковой экологии особенно важны для достижения взаимопонимания и эффективного взаимодействия в профессиональной сфере межкультурного общения.

Языки для специальных целей существуют в рамках развитых литературных языков и ориентированы на общеязыковые нормы речеупотребления. Совокупность произведений речи, выполняющих преимущественно функцию сообщения, относят [3] к интеллективному функциональному стилю («интеллективный» – относящийся собственно к сообщению, к его объективному содержанию). В состав интеллективного функционального стиля включают множество языков для специальных целей, т. е. разновидностей (регистров) речи, использующихся для описания тех областей знания и сфер человеческой деятельности, которые обладают собственной глубокой и разветвлённой системой понятий. Совокупность языков для специальных целей разных наук образует регистр научной речи, который в свою очередь представляет собой совокупность подрегистров, различающихся по непосредственно тематическим характеристикам, но сходных в более глобальном функционально-стилистическом плане и отмеченных функционально-стилистической неоднородностью [3].

В монографии Н.И. Кургановой «Межкультурный диалог как способ освоения культуры» иностранному языку отводится особая роль в новых условиях глобализации во всех сферах человеческой деятельности: «Ориентация на взаимодействие и взаимопонимание в процессе строительства поликультурного мира повышает значимость иностранного языка, который выступает как своего рода инструмент в диалоге культур. Но иностранный язык это также предмет, на котором происходит соприкосновение с другим образом жизни, другим менталитетом, другой культурой. Кроме того, иностранный язык как любая естественная семиотическая система является сам по себе уникальным феноменом другой культуры, постижение которой несёт новые открытия и развитие обучаемым» [5. С. 5]. Язык для специальных целей (LSP) является в настоящее время как предметом научных разысканий, так и предметом изучения в большинстве вузовских аудиторий, в особенности при обучении английскому языку студентов, ориентированных на многочисленные, нелингвистические, специальности. Он широко используется в сфере профессиональной деятельности и маркирован в лингвистическом плане рядом релевантных признаков. В области английского языка чаще всего выделяют: основной или базовый английский для специальных целей (General ESP: English for Specific Purposes), английский для академических целей (EAP: English for Academic Purposes), английский сферы искусства (EA: English for the Arts), английский сферы

бизнеса и экономики (EBE: English for Business and Economics), английский сферы юриспруденции (ELP: English for Legal Purposes), английский сферы медицины (EMP: English for Medical Purposes), английский для научно-технических целей (EST: English for Science and Technology), английский для социокультурных целей (ESCP: English for Sociocultural Purposes). Список жанров языка для специальных целей продолжает постоянно расширяться в связи с интенсивным развитием ряда современных сфер профессиональной деятельности (EVP: English for Vocational Purposes or EOP: English for Occupational Purposes), таких как компьютерный английский (ECP: English for Computer Purposes), английский язык в сфере авиации (AE: Aviation English), английский язык в гостиничном бизнесе (EHM: English for Hotel Management), английский язык туристического бизнеса (ET: English for Tourism) и т. д. (Responses to English for Specific Purposes 1998). В Великобритании нередко пользуются при описании языка узких сфер профессиональной деятельности термином "microlanguage" («микроязык»), а в США термином "Workplace ESL" («язык на рабочем месте», то есть узкоспециальный язык).

В любых специальных текстах, вне зависимости от их тематики, всегда присутствуют общие особенности их языковой организации. На фоне этих общих характеристик ярко проявляются конкретные свойства языка для специальных целей.

Лингвистические аспекты изучения языка для специальных целей связаны с изучением вопросов терминологии, грамматических особенностей специальных текстов, вопросов произношения, проблем лексикографии, трудностей перевода, специфики устных презентаций, особенностей письменной формы изложения, проблем интерференции и т. д. Об актуальности изучения языка для специальных целей свидетельствует появление ряда фундаментальных отечественных и зарубежных работ, создание целой серии словарей LSP, проведение международных конференций и симпозиумов, выпуск специальных журналов. Имеются постоянно обновляющиеся страницы в Internet, где всегда можно найти свежую информацию об исследованиях в области языка для специальных целей.

Опыт обучения английскому языку специалистов разных сфер профессиональной деятельности по программе «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» показывает, что основные трудности устной и письменной коммуникации, а также письменного и устного перевода связаны с лингвистической спецификой текстов профессионального характера.

Лингвистическая маркированность языка для специальных целей обнаруживается в устных и письменных текстах любого регистра на лексическом, грамматическом и фонетическом уровнях. Прежде всего, это логико-понятийный аппарат терминообразования, имеющий специфическую структуру терминологических слов и групп. Особое место среди них занимают акронимы и аббревиации. Грамматическая организация текстов разных жанров ESP также имеет определенные типовые формы организации языкового материала на уровнях предложения, абзаца, сверхфразового единства. Особо следует подчеркнуть маркированность синтаксиса специального текста различными средствами когезии. Лингвистический анализ научных статей, написанных носителями английского языка (native writers) и теми специалистами, для которых английский язык не является родным (non-native writers), показывает, что используемые в тексте терминологические единицы, а также дискурсивные маркеры научного текста как по их количеству, так и по номенклатуре, имеют значительные отличия [10]. Отмечаются существенные расхождения в синтаксическом построении фраз, в сочетаемости лексических единиц и т. д. Необходима тщательная и целенаправленная работа над стилем научного изложения в студенческой аудитории, изучающей английский язык как ESP. Обучение искусству устной презентации научного доклада также является неотъемлемой частью подготовки будущего специалиста той или иной отрасли знания.

Усвоение норм устной презентации в сфере профессиональной деятельности включает фонетический аспект речевого поведения говорящего. Фонетическая организация устного специального текста требует соблюдения определенных параметров, связанных с качеством (тембром) голоса, беглостью речи при транспонировании письменного текста в его устную форму (либо при устном переводе). Немаловажное значение имеет соблюдение правил акцентуации слов, особенно сложных слов и многокомпонентных словосочетаний, в потоке речи, правил экспрессивного чтения текстов интеллективного регистра речи. Интонационно правильное выделение смысловых частей текста при его устной интерпретации способствует адекватному восприятию и пониманию устного специального текста слушателями. Наш опыт участия в международных конференциях показывает, что организаторы и участники конференций предъявляют высокие требования к качеству письменных и устных научных текстов докладчиков.

Наиболее важными моментами в усвоении языка для специальных целей являются: развитие способности к устному восприятию оригинального устного, либо озвученного, текста; формирование навыка быстрого понимания специального текста «с листа» и умения передать его краткое содержание на языке оригинала; развитие навыка письменного изложения специального текста на иностранном языке, а также аннотированного варианта текста. В целом обучение языку для специальных целей, в условиях аудиторного билингвизма, то есть при обучении EFL (English as a Foreign Language), предполагает развитие речевой коммуникативной компетенции, направленной на профессионально ориентированную коммуникацию.

Что касается критериев оценки качества устных переводов специальных текстов при подготовке переводчиков в сфере профессиональной коммуникации, то среди них доминируют передача содержательного компонента оригинала и ясность в формулировании высказывания на языке перевода. Идеальный переводчик концентрирует свое внимание на самых важных моментах исходной информации, а не на дословной репродукции. Переводчик должен свободно владеть терминологией, не допускать грубых ошибок в произношении терминов (на сегментном и сверхсегментном уровнях). Грамматическое построение фраз переводчика должно быть правильным, лишены элементов неполного стиля речи. Переводчик не должен брать на себя роль комментатора сказанного или вступать в дискуссию с участниками профессионального общения. Его речевое поведение должно быть ненавязчивым и корректным. Голос переводчика должен быть сильным, но не громким, обладать приятным тембром. Четкая и ясная дикция также является важным компонентом профессионального речевого поведения переводчика.

Лингвистическая маркированность интеллективного регистра речи представляет несомненный интерес как для теории, так и для практики изучения языка для специальных целей. Иностраный язык для профессиональных целей в рамках экстенсивного и интенсивного межкультурного общения является для современного специалиста необходимой составляющей его профессиональной компетентности и коммуникативной компетенции. Эффективность использования иностранного языка в качестве языка для профессиональных целей состоит не столько в соблюдении правильности языковых форм в речи (на всех языковых уровнях), сколько в прагматической точности их употребления и их адекватной интерпретации в межкультурном диалоге. Профессиональная коммуникация – это не только особый род речевой деятельности, но и особый вид общения (Adler, Rodman 2003), требующий специальной подготовки и выработки умений, необходимых для успешного осуществления профессиональных задач. В условиях расширяющегося международного обмена во многих сферах профессиональной деятельности (особенно в областях науки, экономики, международного права) проблемы коммуникации на иностранном языке

ставят новые задачи как перед лингвистами, так и перед преподавателями. Очевидна необходимость создания учебников и учебных пособий нового поколения, отвечающих требованиям специалистов, использующих иностранный язык в своей профессиональной деятельности (как устной, так и письменной), а также переводчиков научно-технической литературы.

Литература

1. Авербух К.Я. *Общая теория термина*. – Иваново, 2004.
2. Алексеева Л.М. *Термин и метафора*. – Пермь, 2001.
3. Комарова А.И. *Язык для специальных целей (LSP): Теория и метод*. – М., 1996.
4. Конецкая В.П. *Социология коммуникации*. – М., 2008.
5. Курганова Н.И. *Межкультурный диалог как способ освоения культуры*. – Мурманск, 2007.
6. Лейчик В.М. *Языки для специальных целей – функциональные разновидности современных развитых языков: Общие и частные проблемы функциональных стилей*. – М., 1986.
7. Минаева Л.В. *Речевая коммуникация в политике*. – М., 2007.
8. Adler R., Rodman, G. *Understanding Human Communication*. 8th.ed. Oxford, 2003.
9. *Responses to English for Specific Purposes / Peter Master (Ed.)*. San Jose State University, 1998.
10. Carriò Pastor, M. *The use of connectors in scientific articles by native and non-native writers // English for Special Purposes World. J. for Teachers*, 2008.

© Л.А. Городецкая

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Цель данной статьи – рассмотреть связь лингвокультурологии с другими науками, исследующими взаимовлияние языка, коммуникативного поведения и культуры.

Поскольку лингвокультурология изучает важные в семиотическом плане элементы культуры, она тесно связана с семиотикой, которая занимается общими принципами, лежащими в основе знаковых систем. Ю.М. Лотман, создавший семиотику культуры, считал, что основу культуры составляют семиотические механизмы, обеспечивающие хранение знаков и текстов, из них состоящих, их циркуляцию и преобразование, в том числе перевод в другие знаковые системы, порождение новых знаков и новой информации. По мнению Ю.М. Лотмана, семиотика составляет основу не только теории культуры, но и методологии любых культурологических исследований [6].

Знаковые системы всегда играли важнейшую роль в сохранении и передаче культуры. Еще в дописьменную эпоху они образовывали свернутые мнемонические программы текстов и сюжетов, хранившихся в устной памяти человеческого коллектива. Эта их способность сохранилась и сейчас: символы представляют собой один из наиболее устойчивых элементов культурного континуума. «Являясь важным механизмом памяти культуры, символы переносят тексты, сюжетные схемы и другие семиотические образования из одного ее пласта в другой. Пронизывающие диахронию культуры константные наборы символов... берут на себя функцию механизмов единства: осуществляя память культуры о себе, они не дают ей распасться на изолированные хронологические пласты» [5. С. 148]. Изучение роли символов в осуществлении и передаче культуры необходимо и в лингвокультурологических исследованиях.

Межкультурная коммуникация – теоретическое и практическое научное направление, находящиеся на стыке лингвистики, культурологии, коммуникативистики и лингводидактики. Межкультурная коммуникация имеет более прикладной, чем лингвокультурология, характер. Она включает также изучение межкультурных коммуникативных компетенций, т. е. процедурных знаний, необходимых и реализуемых в конкретных коммуникативных сферах и ситуациях в форме конкретных речевых высказываний или конкретного коммуникативного поведения, и находится в тесной связи с преподаванием иностранных языков. В этом отличие межкультурной коммуникации от лингвокультурологии, которая изучает как межкультурную, так и интракультурную компетентность, является более теоретической дисциплиной и не так тесно связана с лингводидактикой.

С точки зрения взаимодействия лингвокультурологии и культурологии особенно важным представляется выделенное А.Я. Флиером антропологическое направление социально-научной культурологии, исследующее «культурное бытие людей на уровне, приближенном к их повседневной социальной практике, нормативные образцы

поведения и сознания, непосредственные психологические мотивации и пр. В отличие от фундаментальной теории, антропология ... в целом тяготеет более к эмпирическому, измеряемому уровню познания. Ее теоретические концепции нередко кладутся в основу разработки практических технологий управления социокультурными процессами» [9. С. 13].

Лингвокультурологию и межкультурную коммуникацию как самостоятельные научные направления необходимо отделить от культурной антропологии, которая изучает различные национальные культуры с иных позиций и другими методами. Заметные различия в русской и англоязычной академических традициях делают вопрос уточнения терминов весьма актуальным. Лингвокультурология охватывает не столь разнообразные области, как культурная антропология. Тем не менее, она имеет много общего с той частью культурной антропологии, которая называется этнологией и занимается обобщением конкретных сведений, собранных этнографией. Например, ритуалы, описываемые и сопоставляемые этнологами, изучаются и лингвокультурологией, поскольку большинство ритуалов включают коммуникативные акты, в том числе вербальные.

Лингвокультурология – более узкая, чем культурная антропология, область исследования еще и потому, что лингвокультурология интересуется лишь той частью культуры этноса, которая непосредственно связана с общением, а также с ценностными представлениями, нормами и правилами, диктующими те или иные формы общения. Антропология же изучает также и артефакты, производимые и используемые данной культурой, которые практически не интересуют лингвокультурологию, а также разнообразные формы организации жизни этноса, выходящие за рамки коммуникативных процессов. Кроме того, лингвокультурология, как следует из ее названия, не изучает знаковые системы, далекие от естественного языка (архитектуру, танец, музыку и пр.), которые, тем не менее, входят как важные компоненты в состав культуры большого народа или малой этнической группы и исследуются антропологами или культурологами, специализирующимися в данном виде культурной деятельности человека.

Вне всякого сомнения, лингвокультурология как научная дисциплина тесно связана с лингвистикой. Понятие «язык» в современной гуманитарной науке и практике используется в разных значениях. В книге С.Г. Тер-Минасовой «Язык и межкультурная коммуникация» приводится более десяти определений слов «язык» и «language» из русскоязычных и англоязычных толковых словарей и монографий [8. С. 15]. Их можно разделить на две основные группы: в одних определениях подчеркивается знаковая сущность, в других – объединяющая культурная функция языка и его связь с мышлением. Первый подход к языку, который можно условно назвать семиотическим, традиционно связывают с именем выдающегося швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра, который в своих лекциях, изданных посмертно его учениками, утверждал: «Язык есть система знаков, выражающих понятия, а следовательно, его можно сравнить с письменностью, с азбукой для глухонемых, с символическими обрядами, с формами учтивости, с военными сигналами и т.д. Он только наиважнейшая из этих систем» [7. С. 54]. Второй подход, который можно назвать культурологическим и который развивали многие российские языковеды, восходит к трудам выдающегося немецкого мыслителя Вильгельма фон Гумбольдта. По Гумбольдту, «Язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [2. С. 68]. Он же писал: «Язык есть орган, образующий мысль... Интеллектуальная деятельность и язык представляют собой поэтому единое целое» [2. С. 75]. Наконец, Гумбольдт очень точно выразил соотношение реальности, языка и мышления: «Язык – это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [2. С. 304].

Традиционно считается, что в семиотическом подходе к языку недооценивается его культурная функция, так как в рамках этого подхода большее внимание уделяется устройству языковых единиц, чем их функции. Представляется, однако, что оба эти подхода, легшие в основу разных лингвистических школ, необходимы для понимания как сущности языка, так и его роли в формировании и развитии человеческой культуры, ее осуществлении, хранении, передаче от человека к человеку и из поколения в поколение.

Лингвокультурология идейно-теоретически больше связана с культурологическим подходом в лингвистике, но методически ей ближе семиотический подход. Последний позволяет расчленить трудно рационализируемую связь языка и культуры («поверить алгеброй гармонию») и исследовать их знаковые составляющие. Поскольку у любого знака есть означаемое и означающее, их можно исследовать, в отличие от «духа народа», который менее охотно поддается объективному анализу. Кроме того, семиотический подход позволяет моделировать процессы общения, использующие неязыковые знаки, например, жесты, или сложные сочетания языковых и неязыковых знаков, такие как ритуалы.

Связь межкультурной коммуникации, которая, как показано выше, имеет несколько точек пересечения с лингвокультурологией, и лингвистики анализируется М.Б. Бергельсон, которая пишет, что среди лингвистических школ наибольшее значение для исследования феноменов и параметров межкультурной коммуникации имеют этнография коммуникации, этносемантика, дискурсивный анализ, кросс-культурная прагматика, межъязыковая прагматика. Интересно ее наблюдение, касающееся различий между традиционными, собственно-лингвистическими, и прагматическими подходами к исследованию коммуникативных явлений. Последние отличаются прежде всего своей функциональной направленностью. Интерес для них представляют те области, где выбор языковой формы и речевой стратегии зависит от культурных особенностей коммуникативной общности [1].

Итак, связь лингвокультурологии с лингвистикой обусловлена тем, что лингвокультурология исследует явления, находящиеся на стыке языка и культуры, и в числе прочих использует лингвистические методы. Материалом исследования в лингвокультурологии нередко являются единицы языка и речи, также являющиеся материалом исследования в лингвистике. Однако налицо существенное различие: если лингвистика стремится больше узнать о языке, привлекая, среди всего прочего, информацию о связи языка и культуры, то лингвокультурология имеет дело с использованием языковых фактов для познания того, как устроена и функционирует культура. Лингвокультурология, как видно из морфологии самого термина, может считаться разделом культурологии, подобно тому, как психолингвистика и социолингвистика являются разделами лингвистики.

При близости объектов исследования неизбежны пограничные работы, принадлежность которых к лингвистике или культурологии может вызывать научную полемику. В качестве одного из критериев отнесения какого-либо исследования к лингвистике или культурологии можно использовать ответ на вопрос «*cui prodest/cui bono?*» (кому выгодно?), т. е. какая из наук получает большее развитие в результате данного исследования – наука о языке или наука о культуре.

Разделение культуры и лингвокультуры соответствует разделению культурной компетентности и лингвокультурной компетентности. Культурная компетентность может использоваться представителями данной культуры в самых разных областях: политике, науке, литературе, искусстве. Лингвокультурная компетентность, являясь частью культурной компетентности, отвечает за общение членов социума, навязывая им определенные ограничения, нормы, правила, ритуалы, обязательные для исполнения в рамках данной культуры. Эти запреты являются специфическими для разных

национальных, религиозных, профессиональных и т.п. культур и касаются использования не только языковых единиц, но и невербальных знаков, участвующих в коммуникации, а также лингвокультурных стратегий общения, выходящих за рамки понятий «речь» и «дискурс». Образование новых наук на стыке уже существующих, диверсификация научных направлений с последующим объединением «отколовшихся» дисциплин на других принципах – примета сегодняшнего дня, не обошедшая и гуманитарные сферы. Появились такие разделы науки, как этнопсихоллингвистика [4] и семиосоциопсихология [3].

Изучая культуру через язык и речевую деятельность, лингвокультурология связана с психологией, психоллингвистикой и коммуникативными исследованиями. В отличие от лингвистики, психология – сравнительно молодая наука, которая возникла немногим более века назад: первая психологическая лаборатория была открыта в Лейпцигском университете в 1879 г. философом Вильгельмом Вундтом. До 1920-х годов психологи занимались, главным образом, интроспекцией, т. е. самонаблюдением, изучением своих собственных мыслительных процессов и эмоциональных состояний, а психология определялась как изучение мышления. В 1920-е годы под влиянием идей бихейвиоризма эмпирические подходы возобладали в зарубежной, в первую очередь, американской, психологии, которая стала определяться как изучение видимого, т. е. наблюдаемого, поведения. Исследователи исходили из того, что невозможно наблюдать чувство или мысль, но можно наблюдать то, как различные люди реагируют изменением поведения на внешние стимулы. Заметную роль в переходе западных исследователей к изучению стимулов и реакций сыграла теория условных рефлексов И.П. Павлова, который и сейчас занимает одно из ведущих мест в американских гуманитарных науках по индексу цитируемости, наряду с Л.С. Выготским и А.Р. Лурия.

В 1960-е гг. возродился интерес зарубежных психологов к изучению мыслительных процессов. Исследователей стал занимать вопрос о том, как человеческий разум обрабатывает и хранит информацию, что, безусловно, было связано с развитием информационных технологий и попытками моделировать работу человеческого интеллекта.

Психоллингвистика – часть языкознания, которая возникла в 50-60 годах XX века и активно развивается в нашей стране в последние десятилетия, соединяя опыт психологии и лингвистики. В отличие от лингвистики, изучающей язык как систему и стремящейся описать его с точки зрения его внутреннего строения, предметом психоллингвистики выступает языковая личность, рассматриваемая в индивидуально-психологическом аспекте. Психоллингвистика занимается наблюдением за реальной коммуникацией, однако душой психоллингвистического исследования стал эксперимент. В отечественной научной школе психоллингвистика понималась и понимается как теория речевой деятельности. В западной традиции речевой деятельностью занимается также коммуникативистика – молодая дисциплина, оформившаяся в самостоятельную науку тоже в 1960-е годы, когда вслед за Иллинойсом в 1947 г. и Стэнфордом в 1955 г. большинство американских университетов стали открывать кафедры коммуникативистики, интенсифицировать и расширять как преподаваемые на них курсы, так и научные исследования. Ученые, составившие основу этих кафедр, пришли из антропологии, социологии, психологии, лингвистики, философии и логики. Значительный вклад в становление коммуникативистики как науки внесли и американские филологи, продолжавшие традиции классической риторики и объединившиеся еще в 1914 году в Национальную ассоциацию преподавателей ораторского искусства. Однако коммуникативистика не сводится к лингвистике или филологии, поскольку ее интересуют разнообразные, а не только языковые, способы передачи информации и разнообразные контексты общения, в том числе Интернет, средства массовой коммуникации, реклама и т.д. Для

коммуникативистики особенности аудитории, контекст общения и невербальные средства играют не менее важную роль, чем речевые формы взаимодействия, изучавшиеся человечеством с древнейших времен. Коммуникативистика занимается исследованием многих явлений, находящихся на стыке языка и культуры, языка и поведения, которыми интересуются также лингвокультурология и психолингвистика.

Связь коммуникативистики, лингвокультурологии и психолингвистики определяется не только совпадением предмета исследования – человеческий язык и речевая деятельность, находящиеся в неразрывной связи с культурой и внутренним миром человека, но и использованием целого ряда методов. Это, в первую очередь, экспериментальные методы, первоначально разработанные в психологии для изучения мышления и поведения людей и впоследствии активно освоенные психолингвистикой. Однако если психолингвистика интересуется языковым сознанием и мыслительными процессами не только во взаимодействии человека с другими людьми и культурой, если коммуникативистика исследует интерактивное поведение людей, которое всегда реализуется во взаимодействии с другими людьми с помощью вербальных и невербальных знаков, то лингвокультурология изучает культуру через язык и общение.

Таким образом, вполне своевременным представляется выделение лингвокультурологии в самостоятельное научное направление, у которого есть свой предмет исследования – формы проявления культуры в языке и коммуникации. Являясь разделом культурологии, лингвокультурология пользуется не только культурологическими, но и семиотическими, лингвистическими, психологическими и иными методами. Все это определяет связь лингвокультурологии с другими гуманитарными дисциплинами и ее место в современном научном пространстве.

Литература

1. Бергельсон М.Б. Лингвистические методы исследования в области межкультурной коммуникации // Материалы второй международной конференции «Коммуникация 2004». – Ростов-на-Дону, 2004.
2. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984.
3. Дридзе Т.М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии // Общественные науки и современность. – № 3. – М.: Наука. – 1996.
4. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002.
5. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек, текст, семиосфера, история. – М.: Языки русской культуры, 1999.
6. Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. – С.-Петербург: Искусство, 2002.
7. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977.
8. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000.
9. Флиер А.Я. Культурология для культурологов. – М.: Академический Проект, 2000.

© С.Г. Макеева

*Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
Ярославль, Россия*

ПРОБЛЕМЫ ЛИЧНОСТНО-ЯЗЫКОВОГО РАЗВИТИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Постановка проблемы личностно-языкового развития младших школьников была осуществлена нами в рамках теоретико-методического исследования, посвящённого обоснованию личностно развивающего обучения русскому языку. Идея развивающего обучения уже перестала быть прерогативой отдельных дидактических систем (Л.В. Занкова, Д.Б. Эльконина - В.В. Давыдова), и реализация развивающей функции образования рассматривается на сегодняшний день в качестве общеобязательной задачи. Однако в её решении до сих пор не в полной мере учитывается специфика учебного предмета, не обеспечивается целостный подход к личностному развитию младших школьников в процессе обучения русскому языку.

Со своей стороны, мы полагаем, что целью личностно ориентированного развивающего обучения русскому языку является личностно-языковое развитие учащихся, которое должно осуществляться в онтогенезе языковой способности и выражаться в языковом развитии, подразумеваемом становление языковой компетенции в связи с развитием чувства языка.

Раскроем это положение.

В современной психолингвистической науке углубляется понимание языковой способности: она стала соотноситься не только с сознанием, но и с целостной личностью человека. С позиции деятельностного подхода к формированию личности языковая способность является необходимым условием личностного становления, позволяя человеку осуществлять сознательную и целенаправленную деятельность посредством речевых действий, речевой деятельности, входящих необходимыми компонентами в целокупность человеческой деятельности.

Отечественная психология отвергает популярную за рубежом идею врожденного знания языка и рассматривает онтогенез языковой способности как результат взаимодействия двух процессов: поэтапно развивающегося процесса общения взрослых и ребенка и процесса развития предметной и познавательной деятельности самого ребенка. Языковое развитие проявляется в характере функционирования языковых средств: от интуитивно-формирующихся, подражательных операций к неосознанным обобщениям, от дотеоретических («житейских») знаний в использовании языковых средств к сознательным речевым действиям как результату языкового образования.

В последнее время такой результат языкового образования всё чаще видится в формировании языковой компетенции. Интерпретация этого понятия в российской лингводидактике и методиках преподавания языков выражается в следующих трактовках языковой компетенции:

- как инструментализированного знания;
- как совокупности конкретных и обобщённых речевых умений;

- как системы универсальных речевых действий, которые формируются в практике общения и обучения.

На наш взгляд, происходит некоторое упрощение проблемы личностно-языкового развития младших школьников – особенно применительно к младшему школьному возрасту.

В соотнесении с языковой способностью как способностью порождения высказывания языковая компетенция, с одной стороны, является одним из условий её развития и функционирования. С другой стороны, языковая компетенция не только обуславливает решение языковых задач, но и сама развивается в их решении через наполнение знаний расширяющимся материалом речевого опыта и его всё более осознанным преобразованием. Тем самым знания о языке в качестве основного структурного компонента языковой компетенции не ограничиваются только научным (лингвистическим, теоретическим) знанием, но и подкрепляются «житейскими», или эмпирическими, обобщениями самим ребёнком наблюдаемых языковых явлений, рефлексии на свою и чужую речь.

Соответственно речевой опыт наряду со знаниями о языке выступает в качестве не менее значимого другого структурного компонента языковой компетенции. Ограниченность языковой компетенции – чаще всего результат разрыва между содержанием школьного языкового образования и содержанием нерелексируемого речевого опыта ребенка в его индивидуально-возрастных особенностях.

На стыке знаний о языке и речевого опыта формируется ещё один компонент языковой компетенции, имеющий чрезвычайно важное значение для языкового развития младшего школьника, – чувство языка, или, как его ещё называют, языковое чутьё. Под языковым чувством (чутьём) обычно подразумеваются сложившиеся в речевом опыте действия по аналогии, подражание речевым эталонам, освоение стереотипов речевого поведения.

Мы, в свою очередь, рассматриваем языковую способность как творческую и в этой связи не приемлем сведения языкового чувства (чутья) только к контролирующим функциям механизмов речи, сформировавшимся на основе речевой памяти, аналогий, непреднамеренного тренажа. Разделяя позиции Л.И. Божович, Е.Д. Божович, Б.И. Додонова, мы предпочитаем использовать более ёмкое понятие чувства языка, включая в его содержание интуитивно-эмоциональный механизм выбора языковых средств для порождения высказывания, его прогноза и оценки (в том числе эстетической, личностно-смысловой). Действие этого механизма необходимо в нестандартных языковых задачах, когда соотношение семантического и грамматического носит объективно неформализованный, варьирующийся характер.

При этом мы не можем согласиться с мнением о том, что чувство языка как компонент языковой способности начинает формироваться достаточно поздно (в старшем подростковом возрасте). На наш взгляд, следует говорить об уровнях развития чувства языка, и основным критерием этих уровней должна являться соотнесённость между овладением основными речевыми нормами и творческим использованием языковых средств в речевой коммуникации.

Таким образом, проблема личностно-языкового развития младших школьников содержит в себе ряд аспектов:

- 1) соотнесение теоретического изучения языка с практическим опытом его освоения младшими школьниками;
- 2) сочетание в начальном языковом образовании лингвистического анализа объективизированных языковых значений и контекстуальных смыслов этих значений;

- 3) взаимосвязь имитации (подражания) и речевого творчества в упражнениях по развитию речи младших школьников;
- 4) ориентация на самовыражение младших школьников речевыми средствами в связи с обеспечением функциональной грамотности в использовании языковых средств.

Поясним выделенные аспекты проблемы.

В языковом образовании младших школьников научное (лингвистическое) знание должно преобразовывать спонтанно накопленный опыт, а этот опыт должен быть опорой в приобретении научного (лингвистического) знания. Повышение произвольности речи требует её прохождения через «ворота осознания» (Л.С. Выготский) в использовании языковых средств, развитии рефлексии. При этом в открываемой языковой реальности следует сохранять связь с окружающей действительностью, поддерживая чувствительность младших школьников к языковой форме (звуковой, морфемной, морфологической, синтаксической), стимулируя их поиск мотивированности значения каждого слова. Этому должны способствовать языковые задачи, построенные на проявлении языковой догадки, интуиции, дискурсивного мышления. Вместе с тем, необходимо расширять возможности учащихся для творческой интерпретации языковых средств на основе выражения эмоционально-мыслительными содержаниями своего сознания. Объективизация младшими школьниками языковых значений должна сочетаться с их контекстуальным осмыслением, индивидуально-личностным наполнением значащих форм.

Обозначенная методическая стратегия в решении проблемы личностно-языкового развития младших школьников будет способствовать в конечном итоге выращиванию из каждого учащегося языковой личности как сознательного распорядителя «даром речи» (К.Д. Ушинский).

Литература

1. Божович Е.Д. Учителю о языковой компетенции школьника. Психолого-педагогические аспекты языкового образования. – М., 2002.
2. Божович Л.И. Значение осознания языковых обобщений в обучении правописанию. Вопросы педагогической психологии // Известия АПН РСФСР. Вып. 3. – М.; Л., 1946.
3. Додонов Б.И. Процесс категориального узнавания грамматического материала // Вопросы психологии. – 1959. – № 2.
4. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М., 1996.
5. Ушинский К.Д. О первоначальном преподавании русского языка // Избр. Пед. произв. – М., 1968.

© **Е.И. Власова**

*Новосибирское высшее военное командное училище (военный институт),
Новосибирск, Россия*

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКИХ ДИРЕКТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

В последнее время практически все исследования побудительных конструкций строятся на их описании с учетом прагматически значимых компонентов их функционирования.

Побудительные конструкции представляют собой разновидность одного из типов речевых актов – директивов. Все директивы объединяет общее для них значение побуждения, т. к. общим коммуникативным назначением директивного акта является желание говорящего побудить слушающего совершить какое-либо действие. Отношение между участниками побудительного акта общения, отношение говорящего к действию и отношение адресата к действию оказывают прежде всего влияние на характер побуждения к действию, которые вследствие этого являются причинами, обуславливающими существование различных разновидностей побуждения к действию, различных оттенков значения побуждения. Таким образом, директивные высказывания являются языковыми формами, в которых четко проявляется социальная дифференциация языка.

Для описания прагматических особенностей исследуемых побудительных конструкций важно выделение видов побудительных речевых актов; поскольку понимание многих из этих особенностей раскрывается в основном в процессе исследования данных речевых актов. При сравнении проанализированных нами классификаций побудительных речевых актов на материале современных языков (немецкого, английского, французского и русского) и в результате анализа ситуаций побудительных актов, встретившихся нам в немецких драматических произведениях, представляется возможным выделить три группы побудительных речевых актов:

– речевые акты, бенефактивные для говорящего (т. е. в осуществлении каузируемого действия заинтересован говорящий), которые подразделяются на категоричные (сюда относятся такие виды директивов, как приказ, требование и запрещение) и смягченные (просьба, разрешение и приглашение);

– эмоциональные, которые вызывают действие собеседника через воздействие на его чувства, могут быть бенефактивными как для говорящего, так и для слушающего в зависимости от вида побудительного акта (к ним относятся призыв, угроза, мольба);

– рекомендательные, которые представляют собой побуждение к действию, бенефактивному для слушающего (совет, предостережение, предложение).

Каждый вид побудительных речевых актов, входящих в вышеназванные группы, обладает своим набором признаков, позволяющим различать его среди других директивов. К данным различительным признакам относятся сферы коммуникации, направленность воздействия, приоритетность позиции говорящего или слушающего, заинтересованность в выполнении действия со стороны говорящего или слушающего,

возможность отказа от выполнения действия со стороны слушающего, наказуемость невыполнения действия (возможность наложения санкций по отношению к слушающему со стороны говорящего в случае невыполнения тем действия), спровоцированность речевого акта, его мотивированность и совместимость с принципом вежливости.

В побудительном речевом акте лингвистически значимыми ситуативными компонентами являются роли коммуникантов, участвующих в процессе общения.

Без сомнения, роль говорящего является ведущей. Он выражает свое намерение, выбирая определенные языковые средства, с целью побудить собеседника к действию. Но для того, чтобы достичь желаемой цели, говорящий должен учитывать интересы слушающего, его социальный статус, психологический настрой, его коммуникативную роль в данной ситуации и возможные речевые реакции, т. е. учитывать так называемый фактор адресата.

Роли коммуникантов могут быть обусловлены как «постоянными социальными характеристиками»: социальным положением, профессией, возрастом, полом, положением в семье, так и «переменными, которые определяются свойствами ситуации» [6. С. 43].

Такие ролевые характеристики, как возрастные, статусные и субординационные характеристики, определяют взаимоотношение коммуникантов в побудительном акте. В зависимости от взаимоотношения коммуникантов (старший – младший, равный – равный, младший – старший) выделяются разные типы ситуаций (см. [4. С. 298]). Важна также социально-психологическая дистанция между коммуникантами, которая может быть близкой или далекой в зависимости от интимности отношений между говорящим и слушающим. В.Д. Девкин [5] подчеркивает, что наиболее важными в коммуникации являются субъективные факторы, т. к. оформление речи может существенно меняться в зависимости от того, кто говорит. Субъективные факторы исследователь делит на более или менее стабильные и возникающие лишь в каких-то условиях непостоянные факторы. К числу стабильных автор относит государственную, классовую и профессиональную принадлежность, идеологию, воспитание, морально-этические установки, образование, эрудицию, эстетические принципы, умственные и речевые способности, психический склад, внимание, память, темперамент, хобби, возраст, пол, принадлежность к группам по интересам, территорию страны, где формировался идиолект (индивидуальное своеобразие речи). К переменным относятся психическое состояние, настроение, интерес к предмету разговора, осведомленность по вопросам, вокруг которых разворачивается диалог, конкретные намерения достичь какой-либо цели в процессе общения, представление о собеседнике.

Вопрос об адресате является спорным вопросом в лингвистике. Суть разногласий заключается в неоднозначном понимании того, кто из участников коммуникативной ситуации может быть исполнителем каузируемого действия. Достаточно широко распространено мнение, что исполнителем может быть только слушающий, то есть слушающий и исполнитель – это обязательно одно и то же лицо. Другая точка зрения состоит в том, что исполнителем действия может быть любой из участников коммуникативного акта, а также любая теоретически допустимая совокупность этих участников, а также лицо или лица, не участвующие в речевом акте.

Отношения участников речевого общения зависят и регулируются определенными правилами, которые можно назвать факторами обусловленности речевого акта. Данные факторы определяют специфику ситуаций побуждения, для каждой из которых можно составить инвентарь языковых средств побуждения.

Так, на основе фактора степени знакомства и наличия родственных отношений можно выделить основные ситуации повседневного общения. Это:

- ситуации повседневного общения между близкими людьми;

- ситуации повседневного общения между неблизкими людьми.

Доминирующим фактором в первых ситуациях являются возрастные отношения, которые предполагают общение людей одного или разного возраста. Во второй группе ситуаций доминирующим фактором являются социальные отношения людей либо одного социального статуса, либо разных социальных статусов. Внутри ситуаций общения людей разного возраста и разных социальных статусов наблюдаются различные их вариации.

На выбор речевого варианта выражения побуждения в ситуациях повседневного общения между близкими людьми влияют кроме возрастных отношений коммуникантов такие факторы, как социальное положение семьи, пол собеседников, эмоциональное состояние и настроение говорящего и его интерес к предмету разговора.

В ситуациях общения близких людей разного возраста обычно старший по возрасту коммуникант владеет инициативой ведения разговора и речевым лидерством, как правило, употребляет категоричные формы выражения побуждения. Взрослые обращаются часто по отношению к маленьким детям в форме безоговорочного приказа. Для этой цели они используют, например, такие категоричные языковые средства побуждения, как причастие II и инфинитив I:

Fleischer: Philippchen hörst du, nicht angezogen! [8. S. 148].

Toni: Franzl, schön antworten.

Kind: Spielen. [12. S. 420].

По отношению к взрослым детям побуждения в форме инфинитива, например, могут звучать уже не как приказ, а как поучение, совет со стороны более старших по возрасту, а следовательно, и более опытных родителей или знакомых:

Claudia: Aber, meine Kinder, eines tun und das andere nicht lassen! [11. S. 254].

Изменение тональности побуждения при изменении возрастных отношений коммуникантов можно наблюдать также на примерах употребления эллиптических предложений в форме побуждения. Так, при обращении более старшего по возрасту к младшему побуждение в форме эллиптического предложения звучит как приказ, требование, а при обращении младшего к старшему или ровесника к ровеснику – как просьба. Ср.:

Mutter (steht auf und stampft mit dem Fuß): Solch ein Luder – Gleich zu Bett mit dir, ich befehl es dir ... [10. S. 204].

Charlotte: Ei was, ich habe nicht Zeit. (Will gehen).

Marie (hält sie): So hör doch – nur für einen Augenblick – kannst du mir nicht helfen, einen Brief schreiben?

Charlotte: Ich habe nicht Zeit.

Marie: Nur ein paar Zeilen – ich laß dir auch die Perlen von sechs Livres. [10. S. 207].

При обращении старшего по возрасту к младшему в ситуациях повседневного общения близких друг другу людей употребляется также конструкция с глаголом sollen, в значении которого заложено значение приказа и скрытой угрозы. При помощи данной конструкции говорящий обычно передает побуждение, которое необходимо исполнить.

Конструкция с глаголом sollen используется в ситуациях, когда говорящий уверен в своей правоте, как, например, в ситуации общения матери с сыном:

Guelfo: Ha, meine Mutter! Mutter! Mutter und meine Mutter! Ich hab der Liebesblicke keinen. Kennen Sie den Guelfo? – Oh ! ich bitte, mit all dem Kosen und Streichen lassen Sie mich! Meine Wangen sind der milden sanften Hand der Mutter ungewohnt.

Amalia: So sollst du diesen Kuß haben! Sollst ihn aufgedrungen haben von der Mutter Lippen, mein wilder Sohn Guelfo! Wehr dich nicht, Guelfo ! und diesen, und diesen, mit all der Liebe der Mutter! [9. S. 14].

Младший по возрасту участник речевого взаимодействия в меньшей мере свободен в выборе манеры общения, форм обращений, выражении несогласия и собственных суждений. Тональность побуждения в таких ситуациях изменяется только под влиянием определенных психологических факторов.

В ситуациях общения близких людей одного возраста значительная роль в выборе языковых средств выражения побуждения принадлежит ситуативным факторам, обусловленным ходом коммуникативного процесса. Между родными друг другу людьми одного возраста обычно существует уже привычный опыт взаимодействия, пользуясь которым говорящий имеет возможность выразить свое доброжелательное отношение или недовольство. Чаще всего герои употребляют формы императива, которые выражают различные оттенки побуждения.

Поскольку побуждение по своей сути есть насилие над волей собеседника и грубое обращение к близкому человеку может его обидеть, то часто говорящий (в большинстве случаев независимо от его возрастной и половой характеристики) в проанализированных источниках указывает на объективную (физическую или моральную) необходимость совершения указанного действия посредством сочетаний модальных глаголов с инфинитивом основного глагола:

Rosetta (nähert sich ihm wieder): ... Du kannst dir ein Halsband daraus machen lassen. [7. S. 120].

В ситуациях повседневного общения между неблизкими людьми на выбор языкового средства побуждения преимущественно влияют социальные отношения участников коммуникации, точнее их социальный статус.

При обращении нижестоящих с вышестоящими первые чаще употребляют в качестве средств побуждения вежливые формы императива, конструкции с глаголом *bitten*, сослагательное наклонение. И, наоборот, люди с более высоким социальным статусом в общении с людьми, стоящими ниже их на социальной лестнице, чаще употребляют формы императива 2-го л. ед.ч., изъявительное наклонение, эллиптические предложения, инфинитив и причастие II.

Ослабление влияния социального статуса собеседников на выбор языковых средств побуждения иногда наблюдается в случае изменения тональности высказывания говорящего.

Тональность высказывания может зависеть:

- а) от степени воспитанности говорящего: более воспитанные люди употребляют более вежливые формы побуждения;
- б) от отношения говорящего к слушающему: при отрицательном отношении к собеседнику используются категоричные средства выражения побуждения;
- в) от эмоционального состояния и настроения говорящего.

В ситуациях повседневного общения между неблизкими людьми на выбор языкового средства выражения побуждения влияние оказывают также возрастные отношения. Это влияние четко прослеживается при общении людей одного социального статуса, но разного возраста.

Так, например, при обращении младшего к старшему по возрасту говорящий чаще всего использует вежливую форму императива:

Gerardo: Seien Sie nicht beteiligt. – Aber – mein verehrter Herr – wenn ich Ihnen – der Gedanke, daß Sie mit dem Leben zu kämpfen haben – (Sehr rasch). Ich habe nämlich aus Zufall fünfhundert Mark zu viel bekommen ... [13. S. 31-32].

При обращении взрослого человека к ребенку, как правило, используется форма 2-го л. ед. ч.:

Betty: Ah, Sie sind's Gustav? Geh, Luly, warum führst du den Herrn Brander nicht weiter? [12. S. 393].

По своей сути значение побуждения противоречит принципу вежливости, т. к. требование выполнить что-либо неизбежно ограничивает свободу воли адресата, лишая его возможности выбирать и принимать решения. Роль вежливости в этом случае состоит в уменьшении невежливости побудительных высказываний, т. е. действие принципа вежливости направлено на смягчение побуждения, что достигается путем снижения категоричности высказывания. Соблюдение принципа вежливости обеспечивает создание благоприятной для общения атмосферы.

Неотъемлемым элементом вежливости является речевой этикет, который представляет собой совокупность форм учтивости, вежливости и призван устанавливать контакт между людьми принятым способом и поддерживать доброжелательную тональность общения. Этикетная вежливость проявляется в основном в ситуациях общения между неблизкими людьми, т. к. этикетная вежливость является показателем официальности отношений. Официальное общение требует в большей степени, чем неофициальное, стандартизации поведения. Наиболее категоричны и, таким образом, наименее вежливы побуждения в ситуации общения человека, занимающего высокое положение, с человеком, стоящим на социальной лестнице ниже его, и наоборот, чем ниже социальный статус говорящего относительно слушающего, тем вежливей побуждение.

Ситуативная вежливость определяется ситуацией общения. Она реализуется в повседневном общении как в ситуациях общения между близкими людьми, так и в ситуациях общения между неблизкими людьми. В неофициальном общении употребление вежливых речевых формул минимально. Тональность взаимодействия коммуникантов зависит от их сложившихся в данной ситуации отношений: приятен ли собеседник говорящему или нет, насколько говорящий заинтересован в успешной реализации собственных намерений, хочет ли он скрыть собственную агрессию или снять проявление агрессии у собеседника и т. д.

Употребление вежливого побуждения определяется не только правилами этикета или ситуативной обусловленностью. Чем выше уровень культуры говорящего, тем он более вежлив при общении с собеседниками. Он уважает партнера, тактичен, деликатен и предупредителен.

Принцип вежливости может подвергнуться деформации. Чаще всего это происходит при авторитарном типе межличностных отношений, когда говорящий нарушает основные правила, нормы и принципы языкового общения. Для этого необходимы такие условия прагматического контекста, как приоритетность позиции говорящего, облигаторность каузируемого действия, бенефактивность действия для говорящего. Если принцип вежливости в этих ситуациях соблюдается, то он является только внешним атрибутом и фактически предназначается для успешной реализации стратегии «позитивной самопрезентации». Принцип уважения соблюдается по отношению к себе, преобразуясь в «принцип самоуважения».

Поскольку в речевой деятельности коммуниканты выступают как исполнители определенных социальных и психологических ролей, говорящий в каждом конкретном случае, осознавая собственную социальную или ситуативную роль, а также социальную или ситуативную роль слушающего, выбирает для себя наиболее приемлемую тактику поведения.

Литература

1. Алисова Т.Б., Бунтман Н.В. Прагматическая природа побудительных высказываний (приказ и просьба) // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность.» – Л.: ЛО ИЯЗ, 1988. – С.21-23.

2. Анисимова Е.Е. Коммуникативно-прагматические нормы немецких апеллятивных текстов: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1994.
3. Арутюнова Н.Д. Факторы адресата // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. – М., 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 356-364.
4. Беляева Е.И. Грамматика и прагматика побуждения: английский язык. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1992.
5. Девкин В.Д. Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика. – М.: Междунар. Отношения, 1979.
6. Крысин Л.П. Речевое общение и социальные роли говорящих // Социально-лингвистические исследования. – М., 1976. – С.45-52.
7. Büchner G. Leonce und Lena // Dichtungen. – Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1973. – S. 113-144.
8. Hauptmann G. Der Biberpelz // Dramen. – Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1976. – S. 103-172.
9. Klinger F.M. Die Zwillinge // Klingers Werke in zwei Bänden. – Bd. 1-. – Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1981. – S. 3-65.
10. Lenz J.M.R. Die Soldaten // Lenz Werke in einem Band. – Berlin und Weimar: Aufbau Verlag, 1972. – S. 175-236.
11. Lessing G.E. Emilia Galotti // Lessing Werke in fünf Bänden. – Bd. 1. – Weimar: Volksverlag, 1959. – S. 229-305.
12. Schnitzler A. Das Vermächtnis // Gesammelte Werke. Die Dramatischen Werke. – bd. 1. – Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 1981. – S. 391-464.
13. Wedekind F. Der Kammersänger // Werke. – München: Winkler verlag, 1990. – S. 5-45.

© Н.Ю. Ивойлова

*Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
Ярославль, Россия*

**СОВРЕМЕННАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ПРОПОВЕДЬ КАК
СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ВИД РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

Церковно-религиозная сфера функционирования языка в последнее время стала объектом пристального внимания лингвистов. Ведется изучение современных речевых жанров, употребляющихся в данной сфере, среди которых одно из важнейших мест занимает жанр проповеди. Данная статья посвящена рассмотрению современной англоязычной христианской проповеди с точки зрения теории речевой коммуникации.

Христианская проповедь представляет собой специфический вид речевой коммуникации, обладающий рядом дифференциальных и интегральных признаков. Проповедь – публичная речь, произносимая, как правило, в церкви священнослужителем (адресантом) перед прихожанами (адресатом) по определенному поводу с целью оказания религиозно мотивированного воздействия на адресата [1. С. 6].

Цель проповеди – побуждение слушателей к соответствующему ответному действию в религиозной и внерелигиозной сферах жизни посредством сообщения (разъяснения, внушения) им определенной максимы христианского вероучения. Это ответное действие может быть как внешне выраженным поступком, так и вербально не выраженным «действием души», по выражению А.П. Чехова, т. е. изменением в мировоззрении, в чувствах и мыслях. Таким образом, главным показателем успешности проповеди является степень ее воздействия на дальнейшее поведение аудитории.

Современную богослужебную проповедь отличает многофункциональность, связанная с ее многоплановой природой. Можно выделить следующие важнейшие функции проповеди:

1. **Богослужебная.** Проповедь не просто имеет место во время церковной службы, она сама – прежде всего богослужебный акт. Это положение особенно убедительно иллюстрируется тем фактом, что в некоторых церквях служба проводится и проповедь звучит даже при полном отсутствии прихожан.

2. **Религиозно-образовательная.** Несмотря на то, что практически все церкви организуют воскресные школы, различные курсы и группы по изучению Библии, для большинства прихожан именно проповедь остается главным источником получения религиозной информации.

3. **Нравоучительная (религиозно-воспитательная).** В современном обществе признана важная роль религии в нравственном воспитании людей. Проповедь является одним из главных средств религиозного воспитания.

4. **Функция эмоционального воздействия.** Диапазон эмоций, вызываемых проповедью, очень широк: умелый проповедник может воодушевить слушателей на совершение какого-либо действия, создать торжественное, ликующее настроение в день христианского праздника, вызвать чувство глубокого раскаяния и т. д.

5. **Объединяющая.** Богослужбная проповедь во многом способствует единению церковной общины. Уже сам акт совместного слушания, размышления, переживания оказывает объединяющее воздействие. Кроме того, проповедник имеет возможность при помощи проповеди решать многие конкретные пасторские задачи: разрешать конфликты, привлекать внимание к проблемам и пр.

В каждой конкретной проповеди находят свое выражение несколько функций из приведенного списка, одна или две при этом являются доминирующими. Цель каждой проповеди получает конкретную формулировку в зависимости от того, какая из функций выходит на первый план: «вызвать у слушателей чувство сострадания к большим СПИДом», «разъяснить основы доктрины о предопределении», «вселить чувство уверенности в собственном спасении» и т. д. В соответствии с целью определяются задачи на пути к ее достижению.

Образ автора в жанре проповеди представляется сложным, комплексным. С одной стороны, проповедник наделен уникальными полномочиями – доносить до своих прихожан слово Божие. С другой стороны, он – лишь посредник, есть еще «высший наадресант», и проповедник – тоже его «слушатель». Не случайно некоторые из современных американских теоретиков проповеди сравнивают хорошего проповедника с факсовым аппаратом, имея в виду такие качества, как точность и бесперебойность при передаче важной информации [5].

Важнейшей характеристикой адресанта проповеди является его духовный облик. Именно он в наибольшей степени определяет кредит доверия, которым наделяет проповедника аудитория. F.B. Staddock считает, что определяющими качествами проповедника являются сила веры, страстность, милосердие и авторитет [7. С. 24].

Вера не случайно стоит в этом списке на первом месте. Без нее деятельность проповедника бессмысленна и бесполезна. Отсутствие веры в то, о чем проповедуешь, теоретически возможно маскировать состоянием ложного аффекта, но никак не перед своими постоянными прихожанами. Риторический критерий единства слова и дела, возможно, в наибольшей степени применим к положению проповедника, аудиторию которого составляют его прихожане.

Страстность делает речь убедительной. Разумеется, многое зависит от индивидуальных особенностей проповедника. В современной риторике принято условное разделение ораторов на эмоциональный и логический типы. Для одних основное средство ораторского искусства – логика рассуждений, другие воздействуют на слушателей своей эмоциональностью. Естественно, каждая речь, в нашем случае – каждая проповедь, должна быть и логичной, и эмоциональной. Страстная, но бессодержательная проповедь вызывает раздражение и разочарование слушателей. Но еще худший эффект имеет полная бесстрастность проповедника. Если он так спокойно относится к тому, о чем говорит, то почему это должно волновать слушателей?

Милосердие, душевное благородство, такт – все это вмещает в себя английское слово “grace”. Это еще одно важнейшее требование к проповеднику. Среди аудитории могут быть люди, лично неприятные говорящему. Кто-то, возможно, во время проповеди поведет себя недостойным образом. Проповедник должен желать спасения душ всех слушателей и своей речью вести к этому всю аудиторию, а не только тех, кому он симпатизирует.

Авторитет проповедника в значительной мере определяется его статусом как «полномочного проводника Божественной истины» [1. С. 7]. В ситуации богослужбной проповеди адресат признает за адресантом приоритетное право на говорение, располагает резервом времени, коммуникация носит добровольный характер. Но современный мир диктует свои условия. Статус больше не гарантирует оратору автоматического внимания аудитории. Главы правительств, президенты, даже члены королевских семей внимательно следят за своим рейтингом и результатами опросов общественного мнения.

Проповеднику же приходится завоевывать и укреплять свой авторитет каждой проповедью.

Следует еще отметить, что в ситуации, когда священник проповедует перед своими прихожанами, очень важную роль играет его пасторский авторитет. У всеми любимого и уважаемого священника, ставшего для прихожан примером истинного служения Богу, слушатели готовы не заметить некоторых логических и речевых ошибок, которых другому проповеднику не простили бы.

В последние десятилетия значительным изменениям подвергся социальный облик проповедника. Раньше, говоря «проповедник», представляли себе, как правило, мужчину, достигшего определенного возраста, имеющего (в большинстве конфессий) сан священника и получившего специальное образование. Современный образ проповедника рисует J. Killinger [8. С. 27]. На воображаемый семинар к профессору гомилетики собираются: женщина средних лет, бывшая операционная сестра, теперь осваивающая профессию священника; афро-американский священник, бывший руководитель церковного хора; застенчивый молодой человек из церкви пятидесятников; пастор бедной церкви корейских иммигрантов; пастор процветающей церкви в богатом пригороде; молодой индеец, готовящийся стать священником; пожилой священник методистской церкви из рабочего квартала. Таким образом, состав проповедников характеризуется множеством различий по национально-культурному, образовательному, конфессиональному, возрастному, социальному, а также половому признакам. Для христианства в США многонациональность была характерна с самого начала, но для Великобритании тенденцию к многонациональности можно считать достаточно новым явлением.

Важным фактором, оказавшим влияние на социальный облик современного проповедника, стало то, что продолжает увеличиваться число людей, ступающих на эту стезю в достаточно зрелом возрасте, имея профессиональный опыт в другой сфере. Многие церкви проводят политику активного привлечения к проповеднической деятельности мирян. Некоторые конфессии достаточно терпимо относятся к перспективе появления проповедников с нетрадиционной сексуальной ориентацией, и первые подобные случаи уже отмечаются.

Но более всего стоит отметить влияние, которое оказало на современный образ проповедника феминистское движение. В современных сборниках «лучших проповедей» половину, а иногда и больше, авторов составляют женщины. В 1994 году англиканская церковь в Великобритании впервые наделяет нескольких женщин саном священника, – а уже в 1999 году в сборнике «лучших проповедей», выпущенном под эгидой «Times», из тринадцати англиканских проповедей пять написаны женщинами.

Изменение социального состава проповедников влечет за собой мировоззренческие изменения и не может не отразиться на содержании и стиле проповедей. J. Killinger отмечает, что женщины-проповедники уделяют большее внимание психологическим и эмоциональным проблемам человека в мире, вопросам строительства семьи и воспитания детей, в то время как мужчины-проповедники предпочитают более традиционные библейские и богословские темы. Женщины отличаются большей терпимостью и лучшей способностью соотносить Слово с окружающим миром. J. Killinger отмечает позитивное влияние, которое деятельность женщин-проповедников уже оказывает на проповедников-мужчин: они становятся более открытыми к диалогу и более чуткими к изменениям в обществе [8. С. 6].

Адресат проповеди представляет собой специфическую, особую социально-психологическую группу, объединенную в рамках категории «религиозная вера» [1. С. 8]. Анализируя аудиторию богослужебной проповеди, целесообразно более конкретно выделить объединяющие ее признаки:

1. Принадлежность к одной конфессии и обусловленное этим единство религиозных воззрений.

2. Общий или пересекающийся код (язык общения).
3. Общий район проживания.
4. Приблизительно равный объем фоновых и специальных религиозных знаний, обусловленный предшествующим совместным опытом.
5. Внутренняя готовность к получению религиозной информации.
6. Аудитория проповеди в церкви при колледже, университете, военном гарнизоне, исправительном учреждении, доме престарелых или ином учреждении будет также характеризоваться единством по возрастному, профессиональному, половому, социальному признаку или по нескольким из них.

Кроме определенных общих черт, аудитория проповеди характеризуется различиями в возрасте, в уровне образованности, в социальном статусе, в профессиональном плане, в направленности интересов и пр.

Учет фактора аудитории является одним из ключевых моментов, определяющих успешность проповеди. Средневековые руководства по гомилетике выделяли до 120 видов аудитории проповедника: от королевского двора до сборища блудниц. В средние века практиковалось обращение по ходу проповеди к отдельным группам прихожан: к молодым, достигшим зрелости, пожилым, и старикам, к мужчинам и женщинам, к бедным, лицам среднего достатка и богатым и т.п. [6].

Аудитория богослужбной проповеди, как правило, детально знакома проповеднику. Он знает не только состав и особенности своих слушателей, но и то, чем они живут, что их волнует в настоящий момент. Все это отражается на выборе темы проповеди, на подборе иллюстраций, на стиле изложения. Таким образом, слушатели в определенной мере являются соавторами проповеди.

В некоторых церквях США прихожане еще в большей степени задействованы в проповеднической деятельности. Устанавливаются специальные ящики, куда прихожане опускают листки с предложениями о темах будущих проповедей. Организуются проповеди в виде пресс-конференций, дискуссий, диалогов. Группы прихожан помогают проповеднику в написании проповедей. Мебель в церкви устанавливается таким образом, что кафедра проповедника находится не перед слушателями, а среди них.

Важное значение имеет тот факт, что, с точки зрения теории коммуникации, Бог является не только «высшим наадресантом», но и «высшим наадресатом», учитывая, прежде всего, богослужбную функцию проповеди. Таким образом, традиционные участники коммуникативного акта – адресант (проповедник) и адресат (прихожане) – подразумевают участие в этом акте третьего «скрытого коммуниканта» – Бога, который выступает одновременно и как «скрытый наадресант», и как «скрытый наадресат». В этом заключается уникальность речевого акта проповеди.

Коммуникативный контакт между адресантом и адресатом проповеди может осуществляться как непосредственно – face-to-face, так и опосредованно – при помощи телевидения, радио, печатных изданий. Это во многом предопределяет языковую организацию текста проповеди.

Исследуемая в данной работе богослужбная проповедь изначально создается в расчете на непосредственный контакт с аудиторией и только потом (далеко не всегда) может быть представлена в печатном виде, как правило, подвергнувшись специальной обработке. Речь проповедника – это *устная подготовленная речь*, или «скриптная» речь, по терминологии М.Я. Блоха [2. С. 121]. Это промежуточный тип между письменной и устной речью. Разумеется, существуют виртуозы, способные проповедовать на любую тему без какой-либо предварительной подготовки, но такие исключения только подтверждают правило.

Объективно, вопрос о том, в какой форме текст будет подготовлен к изложению и каким образом он будет изложен, проповедник решает точно так же, как и любой другой оратор, будь то политик или адвокат. Многие проповедники в процессе подготовки пишут полные тексты, другие – более или менее подробные конспекты, третьи

записывают только ключевые мысли. Важно, что, даже если текст проповеди изначально целиком появляется на бумаге, он пишется как будущая устная речь, рассчитанная на восприятие на слух. Специалисты-гомилеты в различных пособиях настоятельно и, видимо, не без оснований рекомендуют не насыщать проповеди книжной лексикой и сложными синтаксическими оборотами, превращая их в богословские трактаты или эссе.

Существуют три основных варианта изложения подготовленного текста проповеди:

1. Чтение текста по рукописи. Этот вид изложения наиболее удобен для проповедника, но рукописный текст становится, в некотором роде, барьером между ним и аудиторией. Тем не менее, такие известные проповедники, как H.S. Coffin и H.E. Fosdick, использовали именно этот метод. Проповеди чаще читают с листа в больших церквях и соборах, когда прихожан очень много и зрительный контакт затруднен.

2. Изложение заученного наизусть текста. Этот метод был особенно популярен в 19 веке. Его использовали, например, J.A. James и A. Burnet. Противники заучивания проповедей наизусть утверждают, что при этом барьер между проповедником и аудиторией не пропадает, а только становится невидимым, находясь в сознании проповедника в виде рукописи, с которой он мысленно «считывает» текст [8. С. 165].

3. Свободное изложение текста. В настоящее время этот метод изложения считается лучшим. Им пользуется большинство известных проповедников современности, в том числе D.H. Read, F.B. Craddock. При этом, в качестве опоры может выступать полный текст, конспект, развернутый или простой план, ключевые слова. Часто в процессе своей карьеры проповедник проходит путь от речи с опорой на полный текст через несколько последовательных стадий к полному отсутствию опоры.

Таким образом, богослужбная проповедь как вид «скриптной» речи существует в трех видах:

- как рукопись будущей речи;
- как устное сообщение;
- как отредактированный печатный текст.

Очевидно, что печатные варианты текстов проповедей не отражают всех особенностей этого жанра.

Что касается миссионерской проповеди, то в большинстве своем ее проявления также относятся к «скриптной» речи: это выступления проповедников на телевидении, по радио, при проведении различных религиозных акций. Однако в ситуациях непосредственного общения с «обращаемыми» часто имеет место спонтанная проповедь.

Проповеди, которые публикуют миссионерские издания, – это образцы письменной речи, созданные специально для печати.

Литература

1. Агеева Г.А. Религиозная проповедь как специфический вид языковой коммуникации (на материале современной немецкоязычной проповеди): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 1998.
2. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики. – М.: Высшая школа, 2000.
3. Ивойлова Н.Ю. Строй текста современной христианской проповеди (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003.
4. Кашкин В.Б. Основы теории коммуникации. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007.
5. Alling R., Schlafer D.J. "God's Spirit Bears Witness with Our Spirits". The Conversation Partners of Inspired Preaching // Preaching as the Art of Sacred Conversation (Sermons that Work VI). – Harrisburg, Pennsylvania: Morehouse Publishing, 1997.
6. Brearley M. Foreword // The Fifth Times Book of Best Sermons. – London, New York: Cassell, 1999.
7. Craddock, Fred B. Preaching. – Nashville: Abingdon Press, 1985.
8. Killinger John. Fundamentals of Preaching. – Minneapolis: Fortress Press, 1996.

© М.В. Китик

Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ДЕБАТЫ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Данная статья имеет целью охарактеризовать коммуникацию в парламентской сфере с точки зрения теории коммуникации и теории дискурса.

В соответствии со шкалой институциональности, представленной Е.И. Шейгал, жанры политической коммуникации градуированы от межличностной (приватной) коммуникации до институциональной (публичной), что соотносимо с понятием формального/неформального общения. А.В. Дмитриев, В.В. Латынов и А.Т. Хлопьев (1997) считают, что парламентские дебаты находятся на стыке между официальной и неофициальной коммуникацией, т. к. обращены они непосредственно к оппоненту (приватное общение), а их результаты могут быть достоянием СМИ. Но участники дебатов выступают всегда не как частные лица, а как представители политического института, поэтому нельзя не согласиться с Ю.М. Скребневым, Е.И. Шейгал и Е.Н. Бакумовой в том, что публичность дискуссии влияет на официальный статус выступления. Таким образом, парламентские дебаты представляют собой максимальную институциональность общения. Парламентские дебаты проводятся с целью приблизиться к истине и убедить участников дискуссии и произвести на них необходимое впечатление. Дебаты являются сложным речевым событием, характеризующимся наличием макродиалога, при этом диалогическая форма (речь в прениях, участие в дискуссии) сочетается с монологической (доклад, первая речь члена парламента).

С точки зрения статусно-ролевых характеристик участников общения отмечают личностное и статусно-ориентированное общение, которым соответствует личностный и статусно-ориентированный дискурс. Политический дискурс относится к институциональному виду коммуникации, в котором осуществляется коммуникация между институтом и гражданином и между агентами в институтах.

Субъект парламентского выступления – это сам политик. Его личность, безусловно, оказывает влияние на форму и содержание его речи. Говоря о британских политиках, следует вспомнить, что британцам, как никакой другой нации, свойственно уходить от прямой оценки событий. Отсюда стремление к смысловой неопределённости (это определение встречается в трудах Д. Грина, К. Тайхмана), выраженной расплывчатостью формулировок. Однако, будучи профессиональным подъязыком, язык политики должен стремиться к точности обозначения, особенно в парламентской речи, где это является непременным условием профессионализма политической коммуникации. Налицо – конфликт двух тенденций. Но смысловая неопределённость является прагматически обусловленной и потому подавляет номинативную точность как свойство специального подъязыка [7. С. 52].

Адресат политической речи в ходе парламентских слушаний – политические деятели, члены парламента. Они ориентированы на восприятие профессиональной специальной лексики и знакомы с приёмами публичного выступления. Но вместе с тем они – представители общественных кругов, избранные из числа обычных граждан. Они

воспринимают любое выступление субъективно. Следовательно, выбор языковых средств непременно окажет на них необходимое влияние, поможет склонить к принятию желаемого решения, т. е. будет способствовать достижению цели публичного выступления.

Важным аспектом языковой деятельности является также степень свободы языковой личности в рамках коммуникативной ситуации, соотношение в речевом поведении внутри жанра индивидуального и общепринятого. Функции парламента как законодательного органа страны и общественного института чётко определены не только особенностями профессиональной сферы, но и сложившимися традициями. Поэтому степень свободы языковой личности ограничена требованиями, предъявляемыми к официальной речи, профессиональным этикетом и традициями.

В политическом дискурсе вся совокупность действий сводится к речи, и большинство событий политической жизни – события коммуникативные [7. С. 264]. Следуя определению В.Г. Гольдина, парламентские дебаты можно отнести к сложным речевым событиям, имеющим «общественно закреплённый, институционализированный, даже в значительной мере ритуализированный характер», название которых «вполне определяет ролевой состав, отношения и поведение участников» [4. С. 27].

Дифференцируя события политической жизни как цикличные, календарные и спонтанные, Е.И. Шейгал относит парламентские дебаты к календарным событиям, т. к. они предсказуемы, планируются заранее, варьируются по параметру времени и участников события [7. С. 265]. Место события остаётся неизменным.

Парламентские слушания характеризуются определенной спецификой в сравнении с другими жанрами политического дискурса:

- коммуникация осуществляется в рамках обособленного общественного института – парламента (внутри-институциональная коммуникация);
- специфика хронотопа: жестко фиксированное место коммуникации и заранее определенное время (парламентские слушания относятся к календарным речевым событиям);
- парламентские дебаты относятся к сложным речевым событиям; они охватывают ряд самостоятельных жанров: публичная речь политика, дискуссия, отчет, протокол, справка, повестка дня, голосование, объявление и др.;
- парламентские дебаты относятся к агональным жанрам политического дискурса, так как его суть составляет противоборство политических оппонентов;
- субъект коммуникации – индивидуально-коллективный: непосредственно в дебатах принимает участие конкретный политик, который представляет позицию своей партии или политического блока; кроме того, он представляет интересы своих избирателей, как бы «озвучивая их голоса»;
- адресат – также индивидуально-коллективный: даже если политик обращается в дискуссии непосредственно к конкретному члену парламента, он всегда ориентируется и на косвенного адресата – всех политиков, присутствующих на дебатах, а также, опосредованно, на народ, получающего информацию о дебатах через трансляцию или публикацию стенограмм;
- содержание коммуникации обусловлено актуальностью темы в политической жизни страны, а также спецификой функции парламента как политического института – это, прежде всего, законотворческая деятельность.

Дискурс парламентских дебатов, будучи одним из жанров политического дискурса, определяется как «текст публичной речи в динамике» [2. С. 55] и обладает рядом специфических характеристик.

Главной особенностью дискурса парламентских слушаний (данное именование мы отождествляем с термином «дискурс парламентских дебатов») является тот факт, что

он имеет коллективного автора, т. е. каждый участник общения принимает участие в его производстве посредством собственного речевого акта (под речевым актом мы понимаем «целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятого в данном обществе» [8. С. 412] и в данном социальном институте. Е.Н. Белова отмечает эмоциональную окраску каждого акта, которая в совокупности с содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной сторонами образует модальность всего дискурса парламентских дебатов [2. С. 56].

В дискурсе слушаний прослеживается определённая последовательность и связанность речевых актов: предыдущий акт задаёт контекст для оценки последующего речевого акта. Так, например, речевой акт-ответ становится возможным только после речевого акта-вопроса, так же, как акт-возражение возникает только после акта-мнения.

Другая важная особенность дискурса парламентских дебатов – его направленность на достижение некоей глобальной цели, которая определяет прагматические установки участников общения и влияет на выбор тактик общения, которые, в свою очередь, задают определённую последовательность речевых актов. Е.Н. Белова предполагает, что дискурс парламентских слушаний – это своего рода макротекст, состоящий из микротекстов, которые характеризуются завершённостью, смысловым единством, наличием двух типов информации, эмоциональной окраской и прагматической установкой [2. С. 57]. Дискурс парламентских слушаний определяется Е.Н. Беловой как аргументативный дискурс.

Дискурс парламентских дебатов может быть разделён на смысловые блоки, обладающие рядом функциональных свойств и состоящие из подблоков, которые могут быть общими для разных выступлений и выполнять роль связующего звена между речевыми актами коммуникантов.

Анализ стенограмм заседаний британского парламента показал, что в дискурсе парламентских слушаний, как одном из жанров политического дискурса, могут использоваться разные риторические приёмы и средства разной степени интенсивности высказывания. Выбор оратором средств повышения или снижения интенсивности высказывания зависит от цели его выступления. В связи с вышеназванными национально-культурными особенностями в дискурсе парламентских слушаний наблюдается преобладание средств снижения интенсивности высказывания над усилением.

Политики, использующие в своих выступлениях средства снижения интенсивности, руководствуются следующими целями: уход от прямой оценки событий и смягчение неприятных фактов, сокрытие совершённых неправовых действий и аморальных поступков, спасение репутации политика или политической организации, перераспределение ответственности, соблюдение дипломатического этикета, создание имиджа «гибкого политика», завоевание поддержки избирателей.

Таким образом, рамки жанра парламентских дебатов ограничиваются коммуникацией в отдельной профессиональной сфере, которой присущ выбор языковых средств, обусловленный культурными традициями страны. Налицо все признаки жанра: институциональность, наличие субъектно-адресных отношений, подчинение содержания и формы профессиональной цели, социокультурная дифференциация и дифференциация по событийной локализации.

Литература

1. Белова А.Д. Лингвистические аспекты аргументации. – Киев, 1997.
2. Белова Е.Н. Структура и семантика аргументативного дискурса: На материале слушаний комитетов и подкомитетов Конгресса США: Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1995.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ. – М.: Рус. словари, 1996.
4. Гольдин В.Е. Обращение: теоретические проблемы. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987.

5. Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993.
6. Цветкова М.В. Английское // Межкультурная коммуникация: Учеб. пособие. – Нижний Новгород: Деком, 2001.
7. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Монография. Языкознание: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. – М.: БРЭ, 1998. – М.-Волгоград: Перемена, 2000.
8. Языкознание: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. 2-е изд. – М.: БРЭ, 1998.
9. Archer A. First Among the Equals. Lnd, 1984.
10. Crystal David. The Cambridge Encyclopedia of the English Language, Cambridge University press, 1995.
11. House of Commons Hansard Debates, <http://www.publications.parliament.uk>.
12. House of Lords Hansard Debates, <http://www.publications.parliament.uk>.

© Е.П. Логунова

Мичуринский государственный аграрный университет, Мичуринск, Россия

ИСКУССТВО КАК ЯЗЫК КУЛЬТУРЫ

Функционирование сложного культурного механизма нуждается в наличии языковой системы. Эта необходимость вызвана богатством и многообразием информационного содержания культуры. Каждый культурно-информационный процесс требует адекватного воплощения с помощью своего языка. Процессы «опредмечивания» в культуре осуществляются прежде всего в ее основных подсистемах – материальной, духовной и художественной. Плоды материальной культуры могут выполнять знаково-коммуникативную функцию, но это не обязательно, как обязательно для культуры духовной и художественной, изначально ориентированных на усвоение другими людьми.

Словесный язык, при всей его информационной емкости и коммуникативной мощи, не является единственной знаковой системой, используемой в целях объективации и материализации духовного производства. Для полноценного выражения и восприятия духовного необходимы и другие языки культуры. С одной стороны, вербальный язык обладает бесспорным преимуществом перед языками интонации, жеста, изображения, а с другой стороны, ему недоступно многое из жизни человеческой души! Это значит, что каждый язык культуры идиоматичен, не переводим адекватно ни на один другой язык и поэтому является наилучшим средством связи в той конкретной ситуации, для «обслуживания» которой он «изобретен» и усовершенствован культурой [2. С. 270].

Искусство – важнейшая подсистема культуры, ее эпицентр. Оно является, по мнению некоторых исследователей, универсальным языком культуры. Универсальность эта заключена прежде всего в самой природе искусства – художественной образности, что делает искусство внятным для представителей различных культур.

Универсальность художественного языка объясняется широким спектром возможностей искусства для выражения и отражения действительности. Возможности эти напрямую связаны с характером используемых в искусстве материальных средств. Эти средства – как материальные носители художественного образа – различаются между собой, и различие заключается в пространственно-статическом характере одних (камень, глина, рисунок и цвет и т. д.); процессуально-внепространственном характере других (слово и невербальные звучания); и пространственно-временном, пластико-динамическом характере третьих (тело человека и его экранные изображения). Исторически сложились три группы искусств: изобразительные-архитектонические; словесно-музыкальные; сценические, и экранные; и – соответственно этой классификации – три типа образности [2. С. 264].

М. Каган обозначил искусство как «самосознание культуры», ибо именно произведение искусства способно репрезентировать в наибольшей полноте и адекватности ту культурную эпоху, в которой оно было создано, к которой оно принадлежит и которую оно воспроизводит. Таким образом, искусство есть тот универсальный язык культуры, благодаря которому создаются, сохраняются и доводятся до потомков конкретные исторические события, жизнь людей различных этносов,

раскрываются и делаются более понятными для грядущих поколений тайны душевной жизни давно ушедших людей.

Искусство можно считать универсальным языком культуры, так как оно обладает необходимыми средствами для познания и отражения духовной жизни человека, в то время как, по замечанию М. Бахтина, для отвлеченной мысли философии, психологии, этики, социологии предметом исследования является «человек вообще». Это познание духовного мира человека становится возможным, потому что художественный образ (как основа языка искусства) духовен по своей природе, являясь формой идеального. Особенность духовной структуры художественного образа состоит в том, что он, с одной стороны, порождается творческой деятельностью, в которой нераздельно слиты познание, ценностное осмысление и проектирование вымышленной реальности, а с другой стороны – несет в своем содержании в нерасторжимом единстве все эти три начала [2. С. 255]. Поэтому «великие образы искусства – Гамлет, Дон Кихот, Обломов – содержат такое богатство конкретных знаний о человеке, которого нет в абстрагировавших их квинтэссенцию понятиях «гамлетизм», «донкихотство», «обломовщина» [1. С. 10].

Помимо этого, универсальные возможности художественного языка дают искусству еще одно преимущество перед наукой и философией. Их теоретическое знание схватывает, выявляет и фиксирует то, что составляет силу наук о природе и позволяет им познавать законы, управляющие природным и социальным миром: естественные и философские науки выявляют и фиксируют «общее, инвариантное, сущностное, абстрагируясь от единичного, вариативного, индивидуально-своеобразного» [1. С. 10]. Для познания человека этого недостаточно. Человек – это тайна, и каждое мгновение он делает свободный выбор в пользу того или иного поступка, чем определяет свою дальнейшую жизнь. Эта уникальность, неповторимость и непредсказуемость человеческой личности может быть воспроизведена в полной мере только с помощью языка искусства.

Особенностью искусства является то, что каждый его вид имеет свои возможности, свой язык для более адекватного отражения и выражения явлений действительности. Этим объясняется доминирование тех или иных искусств в различных культурно-исторических эпохах. Эпохой «востребованы» прежде всего те адекватные средства (виды искусства), которые могут сохранить и передать потомкам смысловые акценты и ценности эпохи. Например, человек эпохи Романтизма, не стремящийся быть образцом, совершенством, идеалом, подобно человеку Просвещения, а неповторимый, непредсказуемый, лучше всего может быть представлен средствами музыки и поэзии. Для эпохи Возрождения наиболее репрезентативным стало искусство живописи.

Таким образом, в рассматриваемом контексте – искусство как самосознание культуры – действительно, искусство является универсальным языком культуры. Но есть и другая сторона данного утверждения.

Выявляя, фиксируя и истолковывая повторяющиеся в различные культурные эпохи «формулы» искусства, все же невозможно, в силу многих причин, создать «словарь» художественного языка. Безусловно, существует некий «набор» определенных стандартных приемов, формул, сочетаний слов и звуков, соотношений архитектурных элементов, композиционных приемов, которые используются художником в качестве основы для подражания и дальнейшего творчества. Но в целом, как и жизнь искусства, художественный язык культурно детерминирован. Уровень организации (порядок) элементов художественного языка коренится в характерных для данного народа и культуры ментальных установках, чувственных склонностях; диктуется включенностью искусства в ткань социальной действительности и существует поверх различий его жанров, функций и типов.

Таким образом, есть смысл при исследовании отдельных явлений культуры говорить об изучении конкретного искусства «в культуре». Исходная позиция исследователя при этом такова: искусство является результатом деятельности человека, которая обусловлена и формируется ценностями, убеждениями и верованиями людей, составляющих данную культуру [3. С. 20].

Литература

1. Каган М.С. Се человек... Жизнь, смерть и бессмертие в «волшебном зеркале» изобразительного искусства. – СПб: Изд. «Logos», 2003.
2. Каган М.С. Философия культуры. – СПб: ТОО ТК «Петрополис», 1996.
3. Орлов Г. Древо музыки. – Вашингтон – СПб: Н.А. Frager and Co; «Сов. композитор», 1992.

© **Е.В. Маринина**

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

КОГНИТИВНЫЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАГМАТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Термин «прагматический», как и многие термины лингвистики и других гуманитарных дисциплин, чрезвычайно многозначен. В данной работе под **прагматическими текстами** мы понимаем тексты и минитексты учебных материалов разных видов и уровней (учебники, иллюстративная фразеология учебных словарей, минитексты грамматических упражнений и т. п.), которые были либо специально написаны, либо целенаправленно адаптированы, чтобы проиллюстрировать и продемонстрировать студентам, изучающим иностранный язык, факты изучаемого языка; дать некий образец нормативного языка, к которому они (студенты) должны стремиться.

Такое понимание термина «прагматический» восходит к известной дихотомии “What is the English We Use?” и “What is the English We Speak About?”, предложенной в своё время О.С.Ахмановой [4]. В дальнейшем идея о необходимости специального моделирования учебных текстов была разработана в трудах И.М. Магидовой [1; 2].

Прагматические тексты редко находятся в центре внимания лингвистов. Основанные на них исследования, как правило, носят прикладной характер. Между тем, тексты учебных материалов могут дать богатейший материал для изучения многих фундаментальных проблем не только методики преподавания иностранных языков, но и лингвокультурологии, а также таких областей лингвистики, как социолингвистика и когнитивная лингвистика.

К сожалению, в процессе обучения иностранному языку практически не возникает вопрос о соотношении языка и мышления, хотя изучение иностранного языка, особенно на продвинутых этапах, неизбежно связано с формированием вторичной языковой личности. Овладение любым иностранным языком подразумевает не только освоение лексико-грамматической системой языка, но и понимание языковой картины мира, обретение нового взгляда на экстралингвистическую действительность, характерную для данного языка.

Ключевую роль в этом процессе играют прагматические тексты, т. е. письменные и устные тексты и минитексты учебных материалов, являющиеся основой преподавания иностранных языков.

Изучение прагматических текстов может идти по разным направлениям. Эта проблема многоаспектна и многогранна. Поскольку данная работа основывается на изучении текстов британских учебных пособий по английскому языку, основное внимание будет уделено явлению, чрезвычайно характерному для английского языка, а именно политической корректности, которая всё больше и больше проявляется в теоретических воззрениях, методических принципах и подходах авторов зарубежных учебников.

Более 30 лет политическая корректность как явление общественной, политической и культурной жизни многих англоговорящих стран, прежде всего США, а в последнее десятилетие и Австралии, является предметом изучения не только историков, философов, социологов, но и лингвистов, и культурологов.

Среди лингвистов первые дискуссии по поводу употребления этого термина происходили в начале и середине 1970-х годов. К концу 1990-х годов термин «политическая корректность» несколько вышел из употребления, так как был скомпрометирован эксцессами и экстремальными действиями его сторонников. Сам же подход в области языка не только остался, но приобретает всё более разнообразные формы и систематический характер.

Необходимо отметить, что отношение к политической корректности в научной среде очень неоднородно. Многие исследователи в США, а ещё в большей степени – в Великобритании, говорят о «политическом новоязе» (“newspeak”), о новой цензуре, о нетерпимости людей, провозглашающих идеи равенства и равноправия всех членов общества. Говорится о терминологической и грамматической абсурдности языковых нововведений, связанных с политической корректностью. Американское по своему происхождению явление политической корректности часто рассматривается как неприемлемое вмешательство в использование и естественное развитие английского языка [7].

В последнее время теоретические споры и комментарии по поводу политической корректности приобрели для преподавателей английского языка вполне практический интерес. Если раньше мы в основном знакомили студентов с существованием такого феномена, теперь всё чаще и чаще оно проникает в учебники, учебные пособия и словари. Это проникновение происходит на разных уровнях: фонетики, словообразования, грамматики, лексики, отбора текстов и даже подбора иллюстративного материала.

Таким образом, приходится констатировать, что, в применении к учебным материалам, политическую корректность следует понимать в широком смысле, как определенную идеологию, определяющую принципы отбора учебных текстов.

Один из центральных вопросов в преподавании иностранных языков – проблема нормы. Ещё несколько лет назад вопрос, нужно ли придерживаться нормы в преподавании иностранных языков, мог показаться абсурдным, особенно в России, где традиционно языковое образование было строго регламентировано и кодифицировано. До недавнего времени необходимость соблюдения языковой нормы была одним из основных принципов преподавания иностранных языков. Это же относилось и к родному языку. Все образованные люди, не говоря уже о тех из них, которые должны были выступать публично, использовали литературный, нормативный вариант русского языка, что строго контролировалось.

Такое же отношение к языковой норме было характерно для многих европейских стран. В этой связи достаточно вспомнить деятельность Французской Академии по кодификации французского языка. Что касается английского языка, хрестоматийным примером до сих пор служит «Пигмалион» Б. Шоу. И сегодня в Великобритании по-прежнему речь человека служит индикатором его классовой принадлежности. «Может, нам и нравятся региональные акценты, и мы считаем, что они приятны, мелодичны, благозвучны, но всё равно, по нашему мнению, так говорят только выходцы из рабочего класса» [3. С. 96-97].

В последнее время ситуация изменилась коренным образом. В нашей стране мы постоянно слышим не только на улице, но и по радио, по телевидению, читаем в газетах, журналах, книгах слова и выражения, которые раньше считались ненормативными, даже

табуированными. Развёрнута дискуссия о допустимости мата в качестве художественного средства в литературе и просто экспрессивного средства в языке повседневного общения.

Проблема нормы чрезвычайно сложна и противоречива. Любой язык постоянно развивается и, как следствие, изменяется, что, в свою очередь, приводит к изменению языковой нормы. Но ни один национальный язык, не говоря уже о языках международного общения, не может существовать без нормативного варианта.

При этом проблема выбора нормативного варианта, да и само право нормативного варианта на существование, перестаёт быть чисто лингвистической проблемой и переходит в область политической корректности. Следуя логике приверженцев соблюдения этого принципа, выбор любого варианта английского языка в качестве нормативного автоматически означает, что все остальные варианты являются ненормативными, а это, в свою очередь, оскорбляет чувства людей, говорящих на этих вариантах, что недопустимо. Любой преподаватель или автор учебника, настаивающий на использовании одного из британских или американских вариантов английского языка (например, *RP* или *General American*) в качестве нормативного, рискует быть обвинённым в культурном империализме.

В этой связи вполне понятно, почему представители одной из профессиональных ассоциаций преподавателей английского языка (*TESOL*) на своем конгрессе в 1999 году пришли к единодушному мнению о том, что в современных условиях, когда английский становится “глобальным” языком, каждый преподаватель имеет право преподавать на своем собственном диалекте или на основном диалекте своей страны или региона. “As English is becoming a global language, we, as teachers, must develop our student’s capacities to communicate in the global village environment. Nobody on the panel was suggesting that a standard English be put in place, but instead, the speakers advocated for each teacher to teach in her or his own dialect, or in the major dialect of the country or region” [6. P. 12].

Без всякого сомнения, английский действительно стал не просто одним из основных языков международного общения, но он становится именно “глобальным” языком. Но это не означает, тем не менее, что любой из его региональных и социальных вариантов и диалектов и все они одновременно могут быть успешно использованы для международного общения. В этом случае может повториться ситуация Вавилонского столпотворения, люди перестанут понимать друг друга, а английский язык потеряет свой статус *lingua franca*, языка, обеспечивающего взаимное понимание и общение между людьми.

В учебных материалах проявляются и лингвокультурологические аспекты политической корректности. Так, например, на страницах учебных пособий находят отражение отзвуки вполне конкретных политических и идеологических явлений, в частности, движения феминизма. В большом количестве случаев, если речь идет о начальнике, шефе и т. п., то теперь это будет женщина. Например, *Since Mrs Smith is ill, Mr Bond is deputizing for her toda* [10].

Справедливости ради следует отметить, что авторы британских учебных пособий относятся к необходимости соблюдать нормы политической корректности в прагматических текстах и изрядной долей иронии.

Bigamous woman torn between two husbands: «I just couldn’t choose between them,” she tells judge.

Ann is very upset: the Coal Board intends to reject her application to become a miner on the grounds that she is too tall [5].

Следует отметить, что, по мнению некоторых американских педагогов и методистов, необходимость неукоснительно соблюдать требования политической корректности при написании или выборе учебных пособий привело к значительному ухудшению их качества [8].

Как уже отмечалось, политическая корректность – это не просто набор неких языковых средств, а определенного рода идеология, призванная обеспечить равноправие всех говорящих на данном языке, а если речь идет об учебниках для иностранцев, изучающих английский язык, то равноправие всех национальностей. На практике это означает, что в большинстве зарубежных курсов по английскому языку на начальном и среднем этапах, обращённых к наиболее массовому потребителю, всё труднее найти тексты об англоговорящих странах. Изучение английского языка на материале текстов, связанных с культурой, историей, образом жизни Великобритании и США, может быть воспринято, как считают наши зарубежные коллеги, как навязывание этой культуры иностранцам, изучающим язык, как проявление культурного империализма. С их точки зрения, учебник должен быть основан на культуре студента, а не на культуре автора учебника [9].

Следует отметить, однако, что зарубежные учебники и учебные пособия пишутся не для конкретной языковой группы изучающих язык, а для всех вообще и ни для кого в частности. Это является одним из основных теоретических оснований учебников такого рода. Логично было бы предположить, что, исходя из требований политической корректности, все нации и национальности, все страны, упоминаемые в текстах и упражнениях, будут описаны одинаково объективно, благожелательно и нейтрально.

В этой связи интересно проанализировать, что можно узнать из зарубежных учебников и учебных пособий о России.

Мы увидим, что, в отличие от многих других стран, Россия по-прежнему описывается с позиций давно устаревших стереотипов, а порой и просто пренебрежительно.

On May Day, in a startling departure from tradition, the President got on a bicycle and rode round Red Square [10].

When the Russian Army occupied Belanon, many people refused to knuckle under [5].

Одним из наиболее популярных учебников английского языка не только в России, но и во многих других странах, уже на протяжении многих лет является *Headway*. Как выяснилось, в этом учебнике России отводится очень незначительное место. По частотности упоминания она далеко отстала от многих азиатских стран. В нём невозможно найти хотя бы малейшее упоминание о каких-либо достижениях России, даже об известных во всем мире успехах в освоении космоса, не говоря уже о русском искусстве, русской науке и т. п.

Та скудная информация, которая всё же приводится, в большинстве случаев является либо устаревшей, либо предвзятой. Так, например, в упражнении на понимание устного текста в учебнике *Headway Intermediate* (первое издание) девушка Светлана рассказывает о жизни в Советском Союзе 1960-х годов, хотя учебник был издан значительно позже. В ее рассказе особое внимание уделяется традиционному воскресному семейному обеду, конечно же, с обязательными водкой или коньяком.

Тема алкоголя, действительно, будет теснейшим образом связана с Россией и русскими для студентов, изучающих английский язык во всем мире. Уже в новом издании *Headway Intermediate* в тексте, посвященном особенностям образа жизни в разных странах и национальным стереотипам, можно прочитать о России: *In Russia you must match your hosts drink for drink or they will think you are unfriendly*. В упражнении к этому же тексту студенты должны ответить на следующий вопрос: *Why is it not a good idea to ... go to Russia if you don't drink alcohol*.

Следующей по частотности употреблением ассоциацией, связанной с Россией, является меховая одежда, что вполне предсказуемо. В рабочей тетради для курса *New Headway Intermediate* студенты должны написать предложения о той или иной национальности. Предлагаемое предложение о русских: *The Russians wear fur hats*.

Практически единственное мужское русское имя, встречающееся на страницах этого учебника, конечно же, Айвэн (*Ivan*).

Более или менее пространный текст о русских (4 абзаца) дается лишь один раз. В *Headway Elementary* рассказывается о юном шахматном гении Иване Мирском, который родился в России, но потом вместе с отцом переехал в США по неизвестным читателю причинам. При этом его отец не говорит по-английски, не работает, Иван не ходит в школу, не общается со сверстниками. Все это естественно порождает у студентов множество вопросов.

Если обобщить всю информацию о России и русских, которую получают студенты во всем мире, если они занимаются английским языком по учебному курсу *Headway*, то картина получится малопривлекательная. В Россию нужно ехать, чтобы посмотреть Кремль и Красную площадь. Русские летом и зимой ходят в меховых шапках и шубах или зимних пальто. При этом непьющему или малопьющему человеку в России вообще делать нечего.

Именно такой образ России будет сформирован у студентов, изучающих английский язык по этому учебнику во многих странах мира.

Национальные стереотипы опасны сами по себе. Это первый шаг в формировании национальных предрассудков и предубеждений. Это особенно опасно в учебных материалах, в прагматических текстах, которые, по определению, предназначены для отработки и имитации. Если на протяжении нескольких уроков на материале текстов и упражнений студент будет постоянно повторять один и тот же контекст, связанный с итальянцами, испанцами, французами и т.п., он запомнит его надолго, и информация, заложенная в этих текстах и минитекстах, наверное, пусть незначительно, но повлияет на его представление о той или иной нации.

Различные проявления политической корректности в прагматических текстах – лишь одно из направлений изучения текстов и минитекстов учебных материалов. Такие тексты могут дать интереснейший материал для изучения особенностей национального языкового мышления, формирования вторичной языковой картины мира и вторичной языковой личности и других фундаментальных проблем когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и смежных дисциплин.

Литература

1. Ахманова О.С., Магидова И.М. Прагматическая лингвистика, прагмалингвистика и лингвистическая прагматика // Вопросы языкознания. – 1978. – № 3. – С.43-48.
2. Магидова И.М. Теория и практика прагмалингвистического регистра английской речи: Автореф. дис. ...д-ра филол. наук. – М., 1982.
3. Фокс К. Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения. – М.: РИПОЛ классик, 2008. – С. 96-97
4. Akhmanova O., Idzelis R. What is the English We Use?: A Course in Practical Stylistics. – Moscow: Moscow University Press, 1978.
5. Allsop Jake. Test Your Phrasal Verbs. – Penguin Books. – 1990. – P. 5, 9, 42.
6. The AZ-TESOL Newsletter, Spring. – 1999. – Vol.20. – № 1. – P.12.
7. Bloomsbury Good Word Guide. – http://www.ukpoliticisms.org.uk/usernet_evidence/political_correctness.htm
8. Political Correctness. – http://www.en.wikipedia.org/wiki/Political_correctness
9. Prodromou Luke. Reason Not the Need: Shakespeare in ELT // IATEFL Newsletter. – 2000. – № 156. – P.20-22.
10. Watcyn-Jones Peter, Allsop Jake. Test Your Prepositions. – Penguin Books. – 1990. – P.12, 24

© Т.Н. Омеляненко

Московский государственный открытый университет, Москва, Россия

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОММУНИКАЦИИ И ПЕРЕВОДА: О ВЫРАЖЕНИИ ЧУВСТВ И ЭМОЦИЙ В РАЗНЫХ КУЛЬТУРАХ

Необходимость изучения и преподавания иностранного языка в неразрывной связи с культурой страны стала аксиомой. Из самого термина «межкультурная коммуникация» следует, что при общении взаимодействуют не только языки, но и культуры стран общающихся сторон. Это нашло отражение в многочисленных работах исследователей по выявлению конкретных межкультурных различий и сходств, а также в современных учебниках иностранного языка всех уровней. Кроме того, культурологические аспекты языковой деятельности составляют неотъемлемую часть работы переводчика и обучения переводу.

Культурно-языковая компетентность обуславливает успешность или неуспешность нашего интернационального общения во всех сферах: учебе, работе, отдыхе, туризме, дружбе и даже браке. Эта компетентность очень важна и для формирования имиджа страны, нации, национального характера, которые представлены не только искусством, литературой, музыкой, но и определенными стереотипами поведения. Недооценка важности культурологической информации может привести к нежелательным последствиям. Так, например, не совсем адекватное, а порой и неуместное поведение и речь наших соотечественников в сфере туризма привели к тому, что в европейских туристических фирмах появились заявки на «туры без русских».

Тема разницы культур и языков бесконечна и разнообразна, поэтому ограничимся лишь некоторыми явлениями, наиболее очевидными, частыми и влияющими на успешность межкультурной коммуникации и перевода – выражении чувств и эмоций в разных культурах: сочувствия, симпатии, расположения, оценки, благодарности. Рассматриваются вербальные и невербальные способы выражения.

Всем людям, независимо от их языка и национальной принадлежности, свойственно испытывать эмоции. Однако доля эмоционального и рационального у разных народов может варьировать, как варьируют и сами эмоции, а также предпосылки, вызывающие их. Одна и та же ситуация или событие не обязательно вызывает одинаковые эмоции у представителей разных культур. Так, например, проблемы во взаимоотношениях в большей степени огорчают японцев, чем европейцев; ситуации успеха, напротив, являются причиной большей радости для европейцев, чем для японцев.

При изучении национально-культурных особенностей коммуникации особого внимания заслуживает вопрос не столько о том, какие эмоции испытывают представители разных культур в тех или иных ситуациях, а о том, как они их проявляют. Эмоции справедливо относят к одному из важнейших различий между культурами, находящих яркое отражение в языке и речи.

Эмоции, выражаемые представителями разных культур, могут отличаться степенью экспрессивности, направленностью, значением, целевыми установками. В одних культурах приветствуется свободное проявление эмоций (арабы,

латиноамериканцы), в других предпочитается сдержанность и самоконтроль (англичане, и особенно – китайцы, японцы). Конечно, это не дает основания считать один народ эмоциональным, а другой холодным и сдержанным, поскольку связь между проявлением эмоций и чувствами, испытываемыми при этом, не всегда прямая и однозначная.

В межкультурном общении важно уметь правильно интерпретировать те или иные проявления эмоций, дать им верное толкование. Это касается как вербального, так и невербального общения, между которыми существует определенная взаимосвязь.

Одним из ярких различий в невербальном проявлении эмоций является улыбка, на национальный характер которой обращали внимание многие исследователи. У разных народов существуют различные нормы и ожидания в отношении того, когда и как следует улыбаться. Сравнивая английскую и русскую улыбки, С.Г. Тер-Минасова, отмечает, что в англоязычном мире улыбка – это не только биологическая реакция на положительные эмоции, но и формальный знак культуры, не имеющий ничего общего с искренним расположением к тому, кому ты улыбаешься; это знак того, что у вас нет агрессивных намерений, способ формальной демонстрации окружающим своей принадлежности к данной культуре, к данному обществу [3. С. 190]. Такая улыбка выполняет социальную функцию, т. е. функцию общественного взаимодействия.

Знаменитая американская улыбка выполняет сразу несколько функций: она может быть обязательным компонентом обслуживания, а также социальным признаком преуспевания. Она может использоваться в идеологической пропаганде как наглядное доказательство счастливой жизни в этой стране. Наконец, она является демонстрацией оптимизма как национальной черты характера.

Но даже постоянно улыбающиеся американцы и англичане не могут не удивляться при виде китайцев и японцев, которые улыбаются, рассказывая о драматических и даже трагических событиях, например, о смерти своих близких. Такая улыбка шокирует, может показаться бесчеловечной, если не понимать ее истинного значения.

Улыбаясь, китайцы стараются не показывать отрицательные эмоции, снизить негативное воздействие печального события на собеседника, не огорчать его этим, т. е. их улыбка тоже является социально направленной. Часто за такой улыбкой кроется смущение либо трудности, возникающие в общении, что европейцами воспринимается как проявление согласия и удовлетворения и приводит к серьезному непониманию между собеседниками.

В России улыбка – это выражение естественного искреннего расположения, симпатии, хорошего отношения к окружающим, т. е. русская улыбка передает эмоциональную информацию. Русские люди улыбаются гораздо реже, чем англичане или американцы, и в тех ситуациях, когда они действительно испытывают положительные эмоции: когда видят или слышат что-нибудь забавное, или общаются с друзьями, в привычном кругу. Однако улыбаться незнакомым людям на улице у русских не принято. Данная особенность приводит к тому, что в глазах англичан мы выглядим хмурыми, мрачными, неприветливыми. Английская улыбка, в свою очередь, воспринимается русскими как неискренняя, фальшивая, вызывающая подозрительность.

Такое отношение к «западной» улыбке можно обнаружить и в русском языке, где сочетания *дежурная улыбка*, *вежливая улыбка*, *приклеенная улыбка* имеют отрицательную коннотацию «неискренняя». Более того, с легкой руки одного из сатириков появилось сочетание «хроническая улыбка» с намеком на болезнь, т. е. на долгое аномальное, неестественное состояние.

Негативное отношение к слишком частой или постоянной улыбке как к неестественной и неискренней форме выражения эмоций прослеживается и во фразеологии, особенно ярко выражающей коллективный жизненный опыт многих

поколений народа, всю его систему ценностей и общественную мораль: «Набьет и улыбка оскомину», «На что зубы скалил, то на себя и напаял».

Что касается английского и американского языкового сознания, то здесь проявилась общая положительная оценка западной культурой улыбки вообще, включая формальную, а также отношение к улыбке как к активному позитивному средству воздействия в коммуникации: “*Smile of fortune*”, “*Keep smiling!*” [4 .С.674-675].

Для русской культуры характерно открытое проявление эмоций как положительных, так и отрицательных. В английской же коммуникативной культуре сдержанность и самоконтроль принято считать одними из основных черт английского коммуникативного поведения, ориентированного на чувства других. Демонстрация своих чувств, особенно отрицательных, не приветствуется. Такие слова, как *emotional*, *effusive*, *demonstrative*, *excitable* имеют отрицательную коннотацию, а слово *emotionalism* (эмоциональность) обозначает чрезмерное проявление эмоций, состояние, в котором человек теряет контроль над своими эмоциями.

В результате открытое, неконтролируемое проявление эмоций в русской культуре и контроль над проявлением эмоций, характерный для английского коммуникативного поведения, приводят к тому, что русские люди воспринимаются англичанами как излишне эмоциональные, англичане же в глазах русских представляются холодными и сдержанными. Американцы же кажутся нам эмоциональнее англичан, но вежливо-равнодушными, не очень отзывчивыми, а иногда даже черствыми, не проявляющими сочувствия.

Само отношение к сочувствию у русских и американцев очень различается и зависит от менталитета, уклада и образа жизни народа, столь различных в России и США. Сочувствие и сострадание к страждущим в России веками играли решающую роль в создании общественной атмосферы, а современный «позитивно мыслящий» американский оптимист никогда не испытывал бед, выпавших на долю русского народа, и для него неудачи – нечто недолговременное и преходящее как в работе, так и в личной жизни. Поэтому неудачник не вызывает такого сочувствия, как в России.

Разница в отношении американцев и русских к сочувствию и состраданию прямо выражается в семантике их языков. Если буквально перевести на английский такие восклицания, как «*Ах ты бедненький!*», «*Бедная моя!*», «*Бедняжка!*», которыми сердобольный русский человек утешает попавшего в беду, то будь на месте последнего американец, слова утешителя нанесли бы ему удар по самолюбию. Ни один американец не захочет, чтобы его считали «бедненьким». Именно поэтому такая лексика трудно переводится на английский – нет эквивалентов. Очень распространенное в русском языке слово «Бедняжка» выражает не только сочувствие, но и личное сострадание, что может не утешить, а унижить и разозлить американца. Поэтому утешая, нужно приободрить его, выразив надежду, что он справится: “*You poor thing! But I'm sure you'll manage/come through this all right*” [л.в. С.51].

Еще одним примером различий в проявлении эмоциональности у американцев, англичан и русских является выражение симпатии, ласки. В английском языке гораздо менее скромное место в сравнении с русским занимают уменьшительно-ласкательные формы. Это относится и к именам собственным, и к нарицательным. В русском языке имеется большое количество форм для выражения уменьшительно-ласкательного отношения к окружающим, тогда как в английском языке нет такого изобилия.

У большинства английских имен собственных подобные формы отсутствуют в отличие от русских, но у целого ряда английских имен есть краткие формы: Роберта в кругу друзей могут называть *Bob*, *Rob*, *Robbie*, а вместо имени *James* – *Jim*, *Jimmie*, *Jamie*, или *Jack*. однако нужно обязательно спросить, какое имя человек предпочитает, иначе он может обидеться.

Некоторые нарицательные существительные имеют в английском языке уменьшительно-ласкательную форму: *dog – doggie, cat – kitty*, но их использование требует большой осторожности, т.к. большинство таких форм употребляются, главным образом, детьми, а взрослыми – в отношении к домашним животным. Попытки перевести русские *ложечка, чашечка кофе* как *a little spoon, a little cup of coffee* позабавят американца, а буквальный перевод таких русских слов, как *милая, дорогуша, ласточка, солнышко, латочка*, прозвучит либо странно, либо уничижительно. Если назвать американскую девушку *girlie*, она воспримет это как оскорбление, а выражение *the dear little one* по отношению к ней вызовет смех [1. С. 152].

Приведенные выше примеры, показывающие большую интенсивность выражения чувств и эмоций у русских, казалось бы, позволяют считать их излишне эмоциональными, а англичан холодными и сдержанными. Однако категоричности таких выводов противоречит вербальное поведение представителей этих лингвокультур. Так, «холодные и сдержанные англичане» в общении часто демонстрируют удивительную эмоциональность и экспрессивность, давая оценку как собеседнику, так и всему происходящему и наблюдаемому: *How absolutely marvelous! / You're absolutely fantastic! / That's brilliant*. В то же время «эмоциональные русские» в повседневном общении являются, по сравнению с англичанами, часто более сдержанными.

Сопоставляя английские оценочные реплики с их русскими соответствиями, можно обнаружить определенную асимметрию их экспрессивности: *Я рада, что ты придешь. – I'm delighted you are coming. / Мне очень понравился обед. – I thoroughly enjoy the meal. / Мы хорошо провели время. – We had a great time* [т.л.52]. Особенно часто такая гиперболизированная оценка встречается при выражении благодарности, извинения, в комплименте: *I'm sorry for being late / I'm so terribly sorry. / Your daughter is absolutely fantastic. She is a genius*.

Понять противоречия и особенности вербального и невербального проявления эмоций в разных культурах, можно при помощи таких понятий, как эмоциональность и эмотивность. В первом случае эмоции носят естественный, спонтанный характер, являются открытой демонстрацией чувств; во втором – проявление эмоций носит преднамеренный характер и представляет собой определенную стратегию коммуникативного поведения [2. С. 52].

Будучи используемыми в коммуникативных целях, эмоциональность и эмотивность имеют разную направленность и разное предназначение: эмоциональность сфокусирована в большей степени на субъекте (эмоции для себя), а эмотивность как сознательная, запланированная демонстрация эмоций направлена на объект (эмоции для других). Для русской коммуникации более характерна эмоциональность, а для английской и американской – эмотивность. Традиционная английская сдержанность касается эмоциональной коммуникации, но не эмотивной, которая является одной из характерных черт английского коммуникативного поведения и непосредственно связана с английской вежливостью, предписывающей преувеличивать интерес, симпатию к собеседнику, быть оптимистом.

Использование стратегии переоценки проявляется в частом использовании англичанами эмоционально нагруженных лексем (*great, excellent, perfect, wonderful, brilliant, fantastic, fabulous, marvelous, terrific, delighted, enjoyable* и др.) в отношении довольно прозаических вещей: *I'm happy with my cake / Your rice is terrific*. Лексическое значение таких слов далеко не всегда соответствует выражаемому смыслу, поскольку они имеют эмотивное значение и являются эмфатическими эквивалентами прилагательных *good, nice*. Это надо учитывать как в коммуникации, так и в переводе.

Во многих контекстах эквивалентом прилагательного *happy* является русское *доволен, delighted* соответствует русским *рад/счастлив*, а глаголы *enjoy, love* понимаются

и переводятся как *нравиться/очень нравится*. Словосочетание а *to feel happy* может выражать не эмоциональное состояние, а отношение, оценку. Такая гиперболизированность проявляется не только в разговорной речи, но и в официально-деловой, где она превратилась в своеобразные клише: *I am delighted to welcome you/ Dear Mr .../ Yours faithfully / Look forward to hearing from you*. Истинное значение подобных речевых формул, как и всей эмотивной коммуникации, заключается в том, что коммуниканты стремятся продемонстрировать свою симпатию, расположенность к собеседнику, сделать ему приятное.

Эту коммуникативную особенность необходимо учитывать при переводе: переводя текст на русский язык, следует понижать степень эмоциональной экспрессивности, поскольку русским читателем подобная завышенная эмоциональная оценочность будет восприниматься как неестественная, неискренняя, наигранная и может вызвать неверное толкование. При переводе русского текста на английский язык, напротив, целесообразно завышать степень эмоциональной экспрессивности, что позволит сохранить и адекватно передать эмоциональное звучание текста.

При устном общении, говоря на английском языке, следует не бояться преувеличивать, делать комплименты, давать завышенные оценки качествам, действиям собеседника и всему окружающему, широко употреблять для этого эмоционально-нагруженную лексику. Все это в большей степени будет способствовать взаимопониманию, преодолению стереотипов и межкультурных барьеров.

Литература

1. Виссон Линн. Русские проблемы в английской речи. – М.: Р.Валент, 2007.
2. Ларина Т.В.К вопросу о выражении эмоций в разных культурах // Мосты. – 2006. – № 4 (12). – С. 50-55.
3. Рябцева Н.К. Mental Vocabulary in a Cognitive Perspective // Вопросы филологии. – 2001. – № 2 (8). – С. 22.
4. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000.
5. Токарева М.Н. Концепт улыбки в русском, английском и американском языковых сознаниях // Языки в современном мире: материалы V Междунар. конф. – М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 2006. – С. 670-675.

© А.А. Петрова

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

СИМУЛЬТАННАЯ МОДЕЛЬ ДИАЛОГА В РАННЕМ ОНТОГЕНЕЗЕ

Современные технологии речевой коммуникации достаточно полно и детально привлекают все ракурсы речепорождения, без которых затруднительно объяснить сам процесс коммуникации, отношения партнеров в нем, когнитивные механизмы понимания, предметно-образное кодирование мысли, интерпретации мысли и т. д. Из этого многообразия составляющих феномена речевой коммуникации мы бы хотели прояснить вопросы соотношения вербального и невербального уровней инструментовки не только в плане речевого воздействия, но и с точки зрения речевого восприятия, отталкиваясь от постулата В.А. Богородицкого, что "речь – сложный ассоциативный агрегат".

Порождение и восприятие образуют парную способность человека. При всех, несомненно, существенных результатах, достигнутых при разработке данной проблемы отечественными и зарубежными лингвистами (В.И. Карасик, И.П. Сусов, О.Б. Сиротинина, Дж. Остин, Т. ван Дейк, L. Hoffmann, K. Ehlich, J. Rehbein и др.), и существующих подходах к изучению языкового общения (теории речевых актов, логико-прагматической теории коммуникации, лингвистики текста, социолингвистического анализа вариантности, грамматики дискурса, статусно и личностно ориентированного дискурса) открытыми остаются некоторые вопросы и, в частности, такой, который исследует соотношение различных уровней модальности в спонтанном дискурсе. К таким модальностям относятся вербальность, просодия (фонация), кинесика (мимика, жестика), проксемика (позы, положение коммуникантов относительно друг друга); при этом тело человека может быть и инструментом, и одновременно центральным ресурсом всех указанных уровней модальностей. Введение в научный обиход такой терминологии позволяет говорить о мультимодальной коммуникации.

Вообще же многообразие интерпретаций составляющих любой коммуникации дает возможность нам толковать природу, например, речевого воздействия в чисто коммуникативном / информативном и эмоционально-субъективном плане. Во всех этих случаях психолингвистическая маркированность присутствует; она действует, начиная со звукоощущений и кончая навыками просодической формализации (осложнение звучания акцентно-интонационными компонентами). Установки на понимание и верное отражение внеязыковой действительности между говорящим и слушающим оказываются асимметричными, но в целом говорящий пытается по ходу акта коммуникации спрогнозировать соответствующие реакции, стереотипы, коррекцию своих коммуникативных удач и неудач.

Принимая во внимание общетеоретические принципы и положения – о дискурсивном конструировании социального мира, об интеракциях как компонентах ситуационной модели, о коммуникативной инициативе и коммуникативной

адекватности, о невозможности подхода к анализу общения только лишь с позиции языка как системы знаков – мы предполагаем существование многочисленных «перекрытий – overlaps» или нарушений очередности в диалоге, выражающихся в том, что 1) одновременно могут говорить несколько коммуникантов, нарушая при этом минимальное диалогическое единство (МДЕ) «вопрос – ответ»; 2) одновременно может осуществляться вербальная и невербальная коммуникация, например, один участник интеракции говорит, другой в это же время кинестетически принимает участие в беседе, именно таким образом реагируя на реплики собеседника и совершая, таким образом, когнитивную обработку поступающей информации.

Обратим внимание также на то, что практически во всех исследованиях дискурса-диалога (В.Г. Гак, И.Р. Гальперин, О.Е. Иссерс, А.А. Кибрик, М.Л. Макаров, К. Ehlich, L. Hoffmann, W. Kallmeyer, R. Schmitt и др.) речь идет о том, что, во-первых, не вся информация может выражаться эксплицитно (например, содержательно-концептуальная (СКИ) и содержательно-подтекстовая (СПИ) по Гальперину; содержательно-фактуальная (СФИ) всегда выражена вербально, языковые единицы употреблены в прямых предметно-логических значениях; СКИ передает авторское понимание отношений между явлениями и их оценку; СПИ не выражается эксплицитно, она основана на способности адресата к восприятию действительности сразу в нескольких плоскостях или к восприятию двух различных связанных сообщений одновременно); во-вторых, имеется когнитивный образ предметно-референтной ситуации, который функционирует лишь в совместной интеракциональной деятельности; в-третьих, диалогическая речь характеризуется наличием диктумной и модусной части. Именно последний аспект подводит нас к мысли о некоей модальной составляющей коммуникации.

Принцип симультанности учитывается и в некоей «мультимодальной интеракции», новом направлении, которое разрабатывается в последние 5 лет в западной прагма- и психолингвистике, в частности в институте немецкого языка в Мангейме. Данный аспект предполагает учет в живом диалоге, записанном обязательно на видео с последующим оригинальным транскриптом, модальных уровней (но не традиционных модальностей), к коим относятся прежде всего невербальные компоненты коммуникации (НВК), которые в спонтанном общении не только сопровождают лингвистические средства, и это будет являться симультанной моделью, т.е. один говорит, другой тоже "говорит" в этот же момент, но не вербально, что также свидетельствует об его участии в диалоге, о когнитивной переработке информации.

Спонтанная устная интеракция представляет собой сложный процесс обмена информацией, который выражается в том, что отдельные ее кванты или пучки (в терминах А.А. Кибрика) способны передаваться разными средствами, – и лингвистическими, и нелингвистическими. Учитывая же тот факт, что во всех случаях транзакции речь идет о модальных оценках и отношениях партнеров по коммуникации ко всему событию в целом, вводится понятие модальных уровней коммуникации или модальностей, к которым относятся, помимо вербальности, и просодия, и кинесика, и проксемика; единицы данных уровней способны заменять вербальную коммуникацию в конкретном речевом событии без ущерба для последнего или выступать одновременно полноправным каналом связи в речевом воздействии.

Основная динамическая модель общения, которая составляет ядро диалога и обозначается традиционно как минимальное диалогическое единство (МДЕ), которое и предполагает схему поэтапной вербальной подачи и поэтапного восприятия информации, иначе стимул (S) → реакция (R), претерпевает некие видоизменения, выражающиеся в том, что: а) идея или тема способна передаваться сразу несколькими модальностями,

причем одновременно; б) речь может идти и об одновременном «говорении» нескольких коммуникантов.

Таким образом, принцип сукцессивности, лежащий в основе МДЕ, заменяется на принцип симультанности. Симультанная модель интеракции более устойчива к помехам, появляющимся в результате общения и ведущим часто к его прерыванию.

Симультанная модель интеракции характерна и для ранних этапов онтогенеза и, по-видимому, является первоначальной моделью общения взрослого и ребенка, поскольку взрослый партнер по коммуникации именно обучает ребенка по мере его взросления правилам очередности в диалоге.

Исследуя мультимодальные уровни и интерактивные структуры в «turn-taking» – интеракции, в качестве материала изучения был взят транскрипт аудиозаписи на немецком языке, включающий все виды реакций (как вербальных, так и невербальных).

В качестве объекта исследования выступали микродиалоги из коммуникации взрослого и ребенка в возрасте 2.1 (первая цифра обозначает год, а вторая – месяц дошкольника). Наглядно продемонстрируем лишь одну микроситуацию, которая в целом характеризует выбранный возрастной интервал. Ребенку предъявляются картинки из детской игры "Bilderlotto", которые одновременно и выступают стимулами в протокоммуникации. Термин «протокоммуникация» характеризует ранние этапы онтогенеза и отличается от традиционного понимания коммуникации несформированностью умений и навыков вести беседу со стороны ребенка, которая выражается в том числе и в неувоенности лексических и грамматических норм родного языка.

Транскрипт представляет собой полную расшифровку аудиозаписи, максимально приближенную к тому, что прослушивается на кассете: желательно посекундное отображение беседы, при этом фиксируются также все услышанные виды фонаций; реплики воспроизводятся в том порядке, в каком они реально звучат; если есть наложение реплик или фонаций разных партнеров по коммуникации, то они маркируют те места (начало, середина и конец), где отчетливо воспринимается данное перекрытие речевых реакций (Рис.1).

Нас интересует пункт 27 предложенного фрагмента транскрипта (Рис. 1), который номинирует микроситуацию, в которой ребенку предъявляется картинка с изображением петуха. Дошкольник очень эмоционально реагирует на данную экстралингвистическую опору. По аудиозаписи предполагается радостное восприятие увиденного; однако NVK (Anna will sich verstecken / Анна хочет спрятаться) может навести на ряд вопросов. Чаще всего, при такой интерпретации транскрипта, подобное поведение дошкольника либо опускается, либо неверно толкуется (испуг), – так ли это, рассмотрим ниже. Пока же констатируем тот факт, что в данном транскрипте доминирует именно сукцессивная модель диалога: один спрашивает, другой отвечает, хотя и здесь виден элемент наложения как раз с указанным NVK.

V VK Junge. AK		Aha, und wer ist das?	Kickericki.
	26] [27		
A VK NVK	Junge.		Kiki. Kik. (Anna will sich verstecken.)
<hr/>			
V VK Ein Hahn. AK		Ein Kickericki.	Bei dir hat heut alles Aua, ja?
			27] [28
A VK	Ein Aua, aua.	Aua.	

Рис.1 Фрагмент транскрипта аудиозаписи немецкоговорящей А.
(Сокращения в транскрипте: А – ребенок, V – взрослый, VK – вербальная коммуникация, NVK – невербальная коммуникация)

Ниже представлен тот же фрагмент транскрипта, но выполненный с привлечением видеосъемки, где каждая реплика участников диалога в реальном времени сопровождается большим количеством видеок кадров; мы же выбрали те, которые в принципе отражают суть произнесенных и взрослым и ребенком реплик и одновременно свидетельствуют о присутствии нескольких модальных уровней (мимических, жестовых и др.) в каждом конкретном моменте (фрагмент – Ф.1, Ф. 2 и т.д.) ситуации.

Если сравнивать жестикуляционное и вербальное поведение немецкоговорящей А., то можно сделать следующий вывод: А. больше влияет на V. посредством жестов, мимики и телодвижений, нежели за счет слов. Что касается последних, то совершенно ясно, что на ранних этапах онтогенеза ребенок именно с помощью невербальных модальностей способен принимать участие в интеракции. В его жестикуляционных попытках высказаться меньше предположений для говорящего, чем в вербальном поведении, поскольку то, что произносит дошкольник указанного возраста часто вызывает вопросы даже у его родителей. Проявляя вербальные попытки высказаться, А. остаётся активна и в вербально-фонационном аспекте. За период времени, в течение которого происходит данный микродиалог (10 – 12 секунд), А. неоднократно меняет положение тела, ее мимика постоянно в движении; фонационные реакции, окрашенные радостными восклицаниями от знакомого и узнаваемого изображения на предложенной картинке свидетельствуют о совместном общем положительном протекании диалога. Двояко истолкованный выше, NVK в условиях видеок кадра (Ф. 4, Ф. 5) наглядно демонстрирует вовсе не испуг А., а своего рода игру, вызывающую улыбку и у взрослого.

Попытка А. высказаться имеет четкую структуру и состоит в общей сложности из пяти прагматических сегментов:

- 1) заявить о своей готовности к коммуникации (Ф. 1),
- 2) среагировать на вопрос взрослого (Ф. 2, Ф. 4, Ф. 6, Ф. 7),
- 3) настоять на своем мнении (Ф. 4, Ф. 6),
- 4) заново и настойчиво напомнить о себе как о желающей высказаться (Ф. 6),
- 5) непременно показать свою готовность к продолжению общения (Ф. 7).

Поведение взрослого в коммуникации также прагматически обусловлено: его роль выражается в направлении беседы, стимулировании ребенка к общению, эмоциональном сопереживании и соучастии в игровых моментах, положительно окрашенных фонационных реакциях.

Ф. 1
V: Aha, und wer ist das?

Ф. 2
A: Kikiki.

Ф. 3
V: Kickericki.

Ф. 4
A: Kik
A NVK: Anna will sich verstecken.

Ф. 5
V: Ein Hahn.

Ф. 6
A: Ein Aua, aua

Ф. 7
V: Ein Kickericke.
A: Aua
V: Bei dir hat heut alles Aua, ja?

Итак, анализируя представленные фрагменты видеозаписи, можно констатировать существование симультанной модели интеракции уже на ранних ступенях онтогенеза, которая характеризуется участием в общении не только вербального уровня в передаче и обработке информации. Еще одна задача – суметь вычлнить единицы анализа: если на вербальном уровне это высказывание у взрослого партнера, то у ребенка это слога-слово. Разные уровни невербальных компонентов коммуникации (НВК), представленные в данной модели как модальные уровни, включая вербальный, также должны иметь свои единицы. Можно также предположить, что и НВК проходят путь становления и развития в онтогенезе применительно к каждой лингвокультуре, что, безусловно, требует отдельного изучения.

© О.С. Синепупова

Мичуринский государственный аграрный университет, Мичуринск, Россия

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Прагмемы, метафоры, окказионализмы, явления языковой игры выполняют аксиологическую функцию в газетно-публицистических текстах посредством вербальной репрезентации социальных, этических, политических ценностей, открыто или скрытно выражая одобрительные либо неодобрительные интенции авторов. Субъективность оценочной семантики в языковой «картине мира» публицистических текстов отличается корпоративным характером. Ее воздействующая сила тем выше, чем ближе друг к другу менталитет автора статьи и читателя. Многоаспектность средств выражения оценочного фрагмента языковой «картины мира» в публицистических текстах, их вариативный характер позволяют средствам массовой информации иметь собственное «речевое лицо», а следовательно, и своего читателя.

Политические и экономические преобразования, произошедшие в России, кардинально изменили языковую «картину мира» в произведениях газетного жанра. Мы можем говорить об определенной сформированности «нового русского» публицистического стиля. Для современной прессы характерны следующие аспекты:

1. Полемичность.
2. Доминирование субъективного фактора над объективным.
3. Высокая степень оценочности.
4. Нагнетение отрицательных эмоций.
5. Экспрессия, создаваемая метафорическими и окказиональными образованиями.
6. Появление социально значимых символов, на основе которых формируется особая мифология газетного жанра (прагмемы, «чужие» слова, приемы языковой игры).

Таким образом, процесс генезиса новой постсоветской цивилизации, на котором в настоящее время находится российское общество, сопровождается ломкой в сфере материального производства и в духовной сфере. Раскол затронул наши чувства, поведение, образ жизни. Он внес изменения во все стороны общественной жизни, в ментальность людей, что проявляется в их языке и речи. Все эти явления отражены в языке публицистики – «голосе» общества, особенно в оценочном фрагменте его существования.

Попытаемся воссоздать языковую «картину мира» публицистических текстов на материале дискурса популярного обозревателя в сфере культуры, корреспондента «Независимой газеты» Григория Заславского. Чтобы раскрыть реалии действительности, приблизить их к читателю, автор привлекает целый спектр источников, составляющих образный рад, – прецеденты истории и деяний исторических лиц, фрагменты художественных произведений и характеры их героев и т. д. Журналист ставит факты современности в контекст таких образов – и в тексте возникает слой оценочной информации, актуализируется оценочная «картина мира». Важно при этом, чтобы

журналист, формируя в статье образный ряд, заботился о контакте с аудиторией: с одной стороны, образы должны быть близки и понятны ей, а с другой – достаточно свежи, не «стерты» до банальности. Однако образ всегда оставляет возможность неоднозначной интерпретации, полиаспектной оценки. Чтобы авторская позиция могла быть воспринята возможно точнее, в журналистском тексте обязательно присутствуют суждения, в которых воплощены те или иные общественные нормы (культурные, этические, правовые и т. д.). Таким образом, целостный публицистический текст представляет собой готовый интеллектуально-эмоциональный блок, формирующий оценочную «картину мира» читателей. Все используемые образы, стереотипы ускоряют процесс переключения языковой личности из «фактологического» контекста мысли в ментальный и наоборот [2. С. 16]. Помимо обязательного эмоционально-оценочного контекста в публицистических текстах всегда присутствует показатель проявления творческого потенциала журналиста.

В качестве яркого подтверждения приведенных теоретических положений рассматривается публицистический диспут Григория Заславского. Заголовки его произведений всегда колоритны, настраивают читателя, как правило, всегда на ироническую оценку фактического материала. Для их создания автор зачастую использует прием интертекстуальности.

1) *Молюсь за тех и за других* (НГ, 2003, №31).

Мысль принадлежит М. Волошину, по словам самого автора, но вспоминаются и лермонтовские «Молитвы»:

*Не обвиняй меня, всесильный,
И не карай меня, молю, ... (1829)*

*Я, мать божья, ныне с молитвою
Пред твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием, ... (1837)*

*В минуты жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть (1839).*

2) *На все нужно время* (НГ, 2003, №31) (ср. поговорку: *делу – время, а потехе – час*).

3) *Самые американские русские* (НГ, 2003, №6) (троп в превосходной степени, оксюморон, языковая игра).

4) *Триумф без кавычек* (НГ, 2003, №15) (индивидуально-авторская оценка ежегодной церемонии вручения премии Благотворительного фонда «Триумф»).

5) *Лабораторная работа* (НГ, 2003, №39) (журналистская интерпретация названия пьесы «Копенгаген» о дискуссии Нильса Бора и Вернера Гейзенберга; ср.: *лабораторные работы* в рамках школьной программы).

Ироническая оценка действительности реализуется автором публицистических текстов посредством совмещения слов разных стилистических регистров, иногда даже в начале статьи:

1) *Какое-то благородство, особенно внешнее, украшает Белого главнокомандующего (Михаил Хомяков), но уже генерал Хлудов, тем более кавалерист Чарнота аристократизмом не избалованы* (НГ, 2003, №31) (ср.: аристократизм,

благородство, с одной стороны, и иронично-пренебрежительное оценочное (в данном контексте местоимение *какое-то*) – с другой).

2) *Актеры и играют почти без нажима, в сдержанной манере (хотя, может быть, как раз так должны говорить представители «строгой», точной науки, которым к тому же известно, что каждое их слово отслушивается и отслеживается?) <...> Среди несомненных свойств «Копенгагена» – благородная манера (самого замысла спектакля «для ума», равно как и его воплощения) (НГ, 2003, №39) (ср.: с одной стороны, строгость, точность, наука, «для ума», с другой – пейоративно-оценочное – «отслушивается, отслеживается»).*

3) *Сам Битов никогда не простит писательнице однажды написанных ею слов: «Вошел Битов, поблескивая своими вставными зубами». В общем, очень хорошо сказал. На общие мысли он вышел как раз в финале: «Что мешало до сих пор теткам писать? Неустрашимое желание нравиться. Как заниматься прозой с таким желанием? Нельзя» (НГ, 2003, №15).*

Общая ситуативная оценка передается посредством техники «цитатного письма». В контексте превалирует пренебрежительно-ироническая оценка (*поблескивая зубами* (ср.: *волк* в русском устном народном творчестве), *тетка* – насмешка, вероятно, связанная с возрастными особенностями: *тетка* – вообще женщина (чаще пожилая) [3. С. 798]).

Довольно часто в публицистическом дискурсе Григория Заславского оценочную «картину мира» формируют прагмемы:

1. *Говорил о «русской линии» в искусстве, отчего патриоты всех оттенков в последние десятилетия всенепременно призывали его под свои знамена. <...> И до последних дней мучился он вопросами актерского предназначения: «Актер – служитель чистому искусству, игрушка моды, временный кумир публики? Или – художник-гражданин, для которого его профессия неотделима от общественной деятельности?» (НГ, 2003, №34).*

Автор использует в контексте оценочные прагмемы:

1) политизированные (*патриоты всех оттенков, художник-гражданин*);
 2) эстетические (*служитель чистому искусству*);
 3) «богемные» (*игрушка моды*);
 4) харизматические (*временный кумир публики*). Подобные приемы формируют ментальный модус читателя, его систему ценностей.

2. *В России – «шансон» (иными словами, блатота) – песни о зэках. В Америке – кантри – музыка пионеров (тех, что первопроходцы) (НГ, 2003, №6).*

В данном примере прагмемы усиливают оценочную поляризацию.

Отдельно следует сказать о мастерстве журналиста создавать оценочную «картину мира» с помощью не только эмоционально окрашенных эпитетов и прагмем, но и «чужих слов»:

1) *Виолончелистку Наталию Гутман поздравлял Андрей Вознесенский. Он как-то очень хорошо сказал про «смычковый смысл» нашей культуры: смычок движется поперек струн, поперек общих мест, поперек всего. И одновременно извлекает потрясающую музыку... Наталья Гутман тихо бросает вызов орущему миру. Она – антипар». <...> Наталья Нестерова – из числа этих амазонок: «Я не заражена феминизмом, – сказала Антонова, – но явление это не имеет аналогов». <...> Но Букера Петрушевской не дали, и Битов «проклял» эту премию. С тех пор она охромела. Сегодня не охромел «Триумф». Дальше он сказал, что «Петрушевская, очень может быть, неприятная личность, но она такая» (НГ, 2003, №15).*

В данном публицистическом дискурсе журналист вербализует оценку личности и культуры на современном этапе, используя антонимические сочетания (*тихо бросает...*

оружью миру), экспрессивно окрашенные эпитеты (смычковый смысл, потрясающая музыка, такая неприятная личность), социальные прагмемы (антипар, амазонка), глагольные формы с семантикой резкого действия (движется, извлекает, бросает, проклял), физиологического состояния (охромела).

Активно автор применяет прием театрализации событий прошлого и фактов современности.

2) «Восемь снов» – значит в подзаголовке пьесы и спектакля. В спектакле Елены Невежиной сновиденческого ничего нет, разве что общая мрачность, затемненность происходящего, может быть, с известной долей лукавства отнесена к темной неявной природе сна. Судя по всему, постановщика волновали не наплывы или вспышки памяти того или иного героя, а самые что ни на есть реальные события – реальные в их сочиненной и выдуманной последовательности; реальные муки, настоящая, неприснившаяся тоска. Превращение взрослых, генералов и аристократов в босяков – беспризорников. Когда сном и дурацкой фантазией становится прошлая жизнь. <...> Историческая сумятица пореволюционных лет как-то странно, чудно (с ударением на второй слог) рифмуется с нашей нынешней, вернее, совсем недавней неразберихой (НГ, 2003, №31).

Ассоциативный ряд, выстраиваемый журналистом, предваряет перед читателем оценочную «картину мира», в сознании которого возникают лейтмотивы из:

1) «Малых произведений» Данте Алигьери:

Не откажи, премудрый, сделай милость.

На этот сон вниманье обрати;

2) «Толкования сновидений» Зигмунда Фрейда:

«Многое и в сновидении попросту мыслится или представляется совершенно так же, как в бодрственной жизни» [4. С. 59].

Театрализация событий позволяет журналисту полиаспектно реализовать замысел статьи.

Таким образом, относительно языковой «картины мира» идиостилия журналиста можно сделать следующие выводы: мастерское владение техникой «цитатного письма», прием «театрализации» реалий действительности, использование «чужой речи», «интерстилевое тонирование» (совмещение слов разных стилистических регистров), жанровое разнообразие (от очерка до интервью) – все это способствует формированию у читателей многоуровневой системы оценок.

Таким образом, человек XXI века должен найти свое место в «картине мира», раздвинув ее «слипшиеся глыбы» стереотипов, предрассудков [1. С. 84], создав свою собственную систему норм и оценок. В этом смысле личностное осмысление событий, фактов, реалий – необходимая составная часть языковой «картины мира».

Литература

1. Губин В.Д. Основы философии. – М., 2004.
2. Наумова Е.О. Особенности функционирования прецедентных текстов в современном публицистическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. фил. наук. – М., 2004.
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1999.
4. Фрейд З. Толкование сновидений. – Минск, 2000.

© **И.И. Хрулева**

*Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
Ярославль, Россия*

К ВОПРОСУ О РОЛИ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА КАК СРЕДСТВА ПРИОБЩЕНИЯ К ИНОЙ КУЛЬТУРЕ

В настоящее время в отечественном языкознании все больше внимания уделяется изучению проблемы взаимодействия языка и культуры в плане их национальной специфики. Сегодня уже общепризнано, что овладение иноязычной речью как средством международного общения невозможно без знания социокультурных особенностей страны изучаемого языка. Исследования И.И. Халеевой, С.Г. Тер-Минасовой, Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, В.П. Фурмановой, И.Л. Цатуровой, В.В. Сафоновой и других ученых посвящены проблеме включения культуры в процесс преподавания иностранного языка, которая (культура) вводится как объект обучения иностранному языку и рассматривается как основное содержание обучения наряду с языком. Таким образом, исследователи подчеркивают важность обучения иностранному языку как компоненту культуры и признают тот факт, что изучение иностранного языка должно базироваться не только на знаниях грамматических правил, но и на знаниях культуры страны изучаемого языка.

Бесспорно, в основе любой коммуникации лежит обоюдное знание реалий, знание предмета коммуникации между участниками общения. Поэтому изучение и преподавание языков должно вестись на широком фоне социальной, культурной, политической жизни народов, говорящих на этих языках, т. е. в тесной связи с миром изучаемого языка, в неразрывном единстве с культурами народов, использующих эти языки в качестве средства общения. Только таким образом можно обеспечить изучающим иностранные языки необходимые фоновые знания, без которых невозможно реальное общение.

Роль иностранного языка в познании культуры другого народа несомненна, так как непосредственный доступ к иной культуре невозможен без практического владения его языком. Посредством иностранного языка происходит поступление информации о стране, культуре изучаемого языка, а одним из основных источников познания иной культуры является чтение иноязычных текстов различной направленности. Нельзя не признать практическую значимость подобного типа текстов, которая заключается не только в их познавательности и актуальности в связи с расширением международных профессиональных контактов, но и в том, что эти тексты являются средством развития культурно-страноведческой компетенции студентов, обогащают их информацией о реалиях страны изучаемого языка, способствуют развитию умений аналитического подхода к изучению зарубежной культуры в сопоставлении с культурой своей страны. Таким образом, иностранный язык, являясь элементом культуры, служит одновременно средством непосредственного ознакомления с ней. Наряду с овладением иностранным языком происходит усвоение культурологических знаний и формирование способности понимать ментальность носителей другого языка.

© А.Н. Шовгенин

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЕ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

Важнейшей проблемой социолингвистики в настоящий момент является выработка четкого понятия о социолингвистическом пространстве. Находимые в литературе контекстные употребления данного термина указывают на то, что в настоящее время он понимается скорее формально в сочетании с явными оттенками политики. За основу принимается ареал проживания некоторого языкового сообщества, то есть организованной группы людей, объединенной общностью языка. Таким образом, их социолингвистическое пространство граничит с другими социолингвистическими пространствами, другими языковыми сообществами. В этом случае появляется привлекательная возможность определить социолингвистическое пространство через границы разноязычных социумов. Однако данный подход возможен только в идеальном случае – в случае четкого географического разделения ареалов употребления языков. Очевидно, что данная модель должным образом не описывает ситуации, например, в диаспоре, где практически все ее члены проживают вперемежку с представителями языкового большинства. В свою очередь, диаспора обладает приведенными выше признаками: она является общностью людей, которые объединены общим языком. При определении социолингвистического пространства также игнорируется его внутренняя структура, что, на наш взгляд, совершенно недопустимо.

Рассматривая физическое пространство, Н.Л. Шамне в своей статье «Реализация идеи перемещения в пространстве в русском и немецком языках» пишет: «Познавая мир, человек обращается к структурным особенностям его организации и обнаруживает, что части и элементы, из которых построены материальные объекты, определенным образом расположены друг относительно друга, образуют некоторые устойчивые конфигурации <...>. Кроме этого, каждый объект занимает какое-то место среди других объектов, граничит с ними» [4. С. 43]. То же, по нашему мнению, характерно и для социолингвистического пространства. Только индивид посредством языка фиксирует в своем сознании объекты окружающей его социальной действительности. Идентификация и распознавание индивидом принадлежности этих объектов к его социолингвистическому пространству происходит на основании закрепленных в языке названий и имен собственных, если в качестве объекта социолингвистического пространства в определенном случае выступает некоторая личность. Например, *Bundesregierung, Krankenkasse, Deutsche Telekom, Angela Merkel* и так далее указывают на немецкое социолингвистическое пространство, в то время как *Правительство Российской Федерации, Фонд обязательного медицинского страхования, Ростелеком, Дмитрий Медведев* и так далее – на русское социолингвистическое пространство. Исходя из этого, мы можем установить еще одно существенное отличие социолингвистического пространства от физического. Оно заключается в том, что социолингвистическое пространство формируется отраженными в языке социальными объектами и прекращает

свое существование, как только даже те же самые объекты начинают восприниматься и осмысливаться социумом на другом языке, например, в случае языкового сдвига. В этом случае они становятся частью другого социолингвистического пространства, если не исчезают. Объекты физического пространства, в свою очередь, остаются неизменными и не изменяют своих свойств в зависимости от языка, через который они осмысливаются.

Также важно учитывать тот факт, что индивидуумы активно воспринимают, осмысливают и перерабатывают свое социолингвистическое пространство. Так, Н.Л. Шамне отмечает: «Группы и индивидуумы членят и структурируют окружающее пространство, которое требует от них языковой и культурной интерпретации. В результате таких интерпретаций возникают пространственные образы, территориальные сети и оси, с помощью которых становится возможным достоверное ориентирование и перемещение членов языковых групп в пространстве» [4. С. 44]. В приведенной цитате речь идет об ориентировании в физическом пространстве, однако этот подход вполне применим и к описанию социолингвистического пространства с поправкой на то, что релевантными для социолингвистического пространства являются функциональные связи социальных объектов, реализуемые через языковое взаимодействие, а не место их физического размещения.

Обобщая результаты проведенного выше анализа и данные социолингвистических исследований, мы можем сделать вывод о том, что социолингвистическое пространство образуется социальными институтами как объединениями социальных объектов по функциональному признаку и характеру речевого поведения (см.: [1. С. 37-64]). Под социальным институтом мы понимаем в нашем исследовании организованную систему связей и социальных норм, которая объединяет значимые общественные ценности и процедуры, удовлетворяющие основным потребностям общества [3]. В целом данное определение является развитием понятия социального института, которое зафиксировано в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: «Совокупность норм права в какой-н. области общественных отношений, та или иная форма общественного устройства» [2. С. 243]. Каждый социальный институт несет на себе печать культуры социума, в котором он функционирует. Его реализация и актуализация происходят посредством языка.

Строго говоря, индивид всегда осуществляет коммуникацию в рамках определенного социального института, с которым у него, как правило, связан определенный язык или вариант языка. Такими институтами являются семья, рабочее место, обучение, средства массовой информации и тому подобное. При этом если в семье и общении с друзьями индивид имеет большую свободу в выборе языка коммуникации, то в случае с государственными институтами выбор языка детерминирован социумом, например, в России весь документооборот осуществляется на русском языке, в Германии – на немецком, на рабочем месте выбор языка является правом работодателя, например, сотрудники московского представительства компании «Shell» пользуются на рабочем месте английским языком, сотрудники немецкоязычных редакций «Deutsche Welle» при проведении совещаний и всей организационной работы – немецким языком, и так далее. В такой же языковой ситуации оказываются русскоязычные иммигранты, обращаясь в немецкие ведомства и устраиваясь на работу в Германии.

Эта ситуация является крайне благодатной для возникновения языкового контакта, местом которого, по определению У. Вайнрайха, является сам говорящий [5]. Обусловлено это тем, что индивиду часто требуется обсудить некоторую ситуацию, сложившуюся по поводу одного социального института в рамках другого. Например, ситуацию на работе – с семьей. При этом коммуникативные потребности в рамках каждого института обычно обслуживаются разными языками. В итоге говорящий начинает испытывать языковые трудности, обусловленные языковой некомпетентностью

в данной области на данном языке. Это ведет к интерференции.

Таким образом, социолингвистическое пространство контакта русского и немецкого языков является совокупностью социальных институтов, в рамках которых осуществляется жизнедеятельность индивида и по поводу которых он вступает в коммуникацию с другими индивидами. Исходя из этого, социолингвистическое пространство – это пространство социальных институтов, в рамках которых осуществляется коммуникация по поводу их самих или других социальных институтов. Сделанные выводы позволяют предположить, что зависимость выбора того или иного языка от социального института влияет на характер билингвизма, развивающегося в иммигрантской среде, а следовательно, воздействует и на лингвистические процессы, проходящие в диаспоре, в частности, на заимствование лексики. Результаты этих изменений находят свое отражение, в частности, в текстах, публикуемых на страницах русскоязычной прессы Германии.

Литература

1. Карасик В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности: Сб. обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – С. 37-64.
2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Российская АН.; Российский фонд культуры; – 2-е изд., испр. и доп. – М.: АЗЪ, 1995.
3. Тематический словарь основных понятий и терминов // Кафедра социологии и гуманитарной культуры. – www.sociology.mephi.ru/docs/sociologia/html/slovar_k_teme7.html.
4. Шамне Н.Л. Реализация идеи перемещения в пространстве в русском и немецком языках // Научные школы Волгоградского государственного университета. Русский глагол. История и современное состояние / Отв. ред. С.П. Лопушанская. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. – С. 43-50.
5. Weinreich U. (1953): Languages in Contact. New York: Publications of the Linguistic Circle of New York 1.

© С.А. Герасимова

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

РОЛЬ АДРЕСАТА В ПИСЬМЕННОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Сообщение посвящено роли адресата в письменной педагогической коммуникации. Проблема рассматривается в рамках исследований речевого воздействия на языковой социум посредством письменного текста, имеющего коммуникативно-прагматическое содержание. Материал исследования представлен жанром *методическая записка*, предваряющим все отечественные и зарубежные учебники и учебные пособия по обучению французскому языку как иностранному (FLE). Методическая записка рассматривается как компонент текстовой периферии учебного издания.

Исследования текстовой периферии как многогранного явления отличаются разноаспектностью подходов, о чем свидетельствует обилие терминов, называющих околотекстовое окружение: свертхтекст, гипертекст, вторичный текст, периферия текста, паратекст. В научной литературе наиболее устоялся термин «паратекст» (< греч. *para* – «возле, при» + текст), обозначающий совокупность дискурсивных образований, сопровождающих произведение (G. Genette, Ph. Lane, Л.Г. Викулова). Методическая записка как паратекстовое образование в структурном плане рассматривается как тот компонент, который придает учебнику / учебному пособию завершенность, способствует более глубокому пониманию учебного материала в соответствии с меняющейся коммуникативной ситуацией.

Текст методической записки представляет собой архитектурно-структурированное паратекстовое образование проспективного характера. Методическая записка характеризуется открытой обращенностью к читателю и содержит коммуникативно-прагматическую установку предварительного информирования читателя о предлагаемом учебном издании. Данный тип паратекста является специфическим видом письменной педагогической коммуникации и характеризуется такими параметрами, как адресованность, аргументативность, диалогичность, дидактичность. При этом данному типу текста свойственны некоторые характерные черты текстов научного дискурса.

Важными составляющими коммуникативного потенциала авторской методической записки являются:

- высокий уровень потребности адресанта (педагога / издателя) в установлении диалогических отношений с адресатом (педагогом / учеником),
- наличие установки на коммуникацию,
- учет особенностей позиции потенциального читателя,
- коммуникативная компетенция составителя методической записки,
- коммуникативные стратегии и тактики как способы реализации коммуникативно-прагматических интенций автора учебника.

Методологическим принципом исследования является антропоцентризм, когда научный объект изучается по его роли для человека, по его функции для развития

человеческой личности и ее усовершенствования. Ученые, изучающие проблемы текста, отмечают абсолютный антропоцентризм как принципиально важную содержательную особенность текста как по форме выражения, так и по содержанию.

Сущность *методической записки* как педагогического сообщения, организованного по законам речевой коммуникации, предполагает ее направленность адресату-читателю.

Выдвигая категорию адресованности в качестве значимой в педагогическом дискурсе, мы сталкиваемся с необходимостью исследовать фактор адресата. Термин «адресат» отражает сознательную направленность речевого акта [1]. Адресат может быть представлен одним лицом, группой лиц, обществом в целом. Когда в роли адресата выступает совокупность лиц, его называют аудиторией коммуникации. Важным условием результативности коммуникации является способность адресата воспринимать и декодировать (интерпретировать) посланное ему сообщение. Эта способность определяется компетентностью адресата, его опытом, групповой принадлежностью, ценностными ориентациями.

Адресат, активно участвующий в процессе восприятия текста, определяется понятием «реальный читатель/ читательская публика». Коммуникативно-прагматическое намерение отправителя информации всегда рассчитано на определенного адресата. Выделяют такие виды адресата, как единичный/коллективный, массовый, реальный, гипотетический а также личный/безличный [5].

В зависимости от типа партнера в общении различают:

- адресат реальный (подлинный) и гипотетический – иллюзорный партнер (одушевленная вещь или персонифицируемое животное);
- обобщенный прогнозируемый адресат (читатель-ребенок, специалист в определенной отрасли и т.д.);
- массовый, публичный адресат (студенческая аудитория, родительское собрание, жильцы дома и др.) [2. С.173].

Для педагогического дискурса важным представляется обобщенный прогнозируемый адресат – тот / те, кто изучает иностранный язык или его преподает.

В тексте методической записки, представленной в письменной форме, информация передается посредством произведения. Процесс общения носит дистантный характер и идет от автора/ов через текст. Обратная связь носит опосредованный характер. Автор/ы лишен/ы возможности напрямую общаться с читателем. Функцию общения (передачи смысла) берет на себя текст, который оказывается амбивалентным по своим функциям: он является не только информативным блоком, адресованным читателю, но и блоком средств, организующих общение. Полагаем, что авторы-педагоги решают при помощи текста задачу организации общения с имплицитным адресатом и задачу осуществления воздействия на него.

Читатель-адресат выступает не только как потребитель авторской продукции, но и как участник педагогического процесса. Функционирование данного жанра определяется как созданным автором текстом, так и в значительной степени способностью и подготовленностью адресата идти навстречу тексту, взаимодействуя тем самым с автором. Личный и коллективный опыт адресата вступает во взаимодействие с учебным текстом, при этом диалог текста и адресата представляет взаимонаправленное общение.

Думается, что *методическая записка* выполняет определенную задачу – социализацию обучаемого (приобщение к ценностям и видам поведения, ожидаемым от ученика, проверка понимания и усвоения информации, оценка результатов) [4. С. 304].

Обращая внимание на проблемы функционирования профессионально ориентированных жанров, исследователи не касались языковых аспектов механизма

выявления адресата жанров педагогического дискурса, зависимости их структуры как письменного текста от типа аудитории и условий ситуации общения.

Вместе с тем именно письменный текст является важной формой большинства коммуникативных социально-значимых сфер языкового общения в социуме. Уместным в этой связи представляется мнение Г.О. Винокура: «[...] самое универсальное, практически наиболее пригодное и жизненно наиболее ценное средство общения – это [...] человеческий язык, и, прежде всего – в его письменной форме [...]. Можно сказать, что письменный текст представляет собой идеальное сообщение» [3. С. 53]. Опосредованное общение с помощью книги приводит к косвенному общению автора и адресата с пространственной и временной дистанцией.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 356-367.
2. Викулова Л.Г. Основы теории коммуникации: практикум / Л.Г. Викулова, А.И. Шарунов. – М.: АСТ:АСТ МОСКВА: Восток-Запад, 2008.
3. Винокур Г.О. Собрание трудов: Введение в изучение филологических наук / Сост. и сопроводит. статьи С.И. Гиндина. – М.: Лабиринт, 2000.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002.
5. Педагогическое речеведение: Словарь-справочник / Под ред. Т.А. Ладыженской и А.К. Михальской; сост. А.А. Князьков. – 2-е изд., исп. и доп. – М.: Флинта: Наука, 1998.

© Т.И. Дик

Азовский технологический институт (филиал) Донского государственного технического университета, Азов, Россия

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ И РУССКО-АНГЛИЙСКОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Для формирования межкультурной коммуникации, вследствие чего формируется межкультурная компетенция личности, особое значение имеет понимание знаковой функции культуры.

Знаковая функция представляет собой действие определённой знаковой системы, единственной или господствующей в данной культуре. Без изучения и знания соответствующих знаковых систем овладеть достижениями культуры невозможно. Так, язык, понимаемый как средство мышления и общения людей, а также символ, являются важнейшим средством овладения, развития и хранения культуры. Естественный или этнический (народный, национальный) язык выступает средством бытия этнической культуры. Искусственный язык, создаваемый людьми на основе естественного языка, располагает своими знаками и знаковыми системами [2. С. 42-43].

Язык – это система знаков, служащая средством общения, мышления и управления поведением человека. Знак есть сущность социального бытия человеческого языка, способ бытия сознания, духа. Различия в условиях человеческой жизнедеятельности находят выражение в языке. Язык выступает связующим звеном между практикой и сознанием. Благодаря употреблению знаков, мир внешних предметов предстаёт новым измерением в знаковой реальности [2. С. 98].

Проблемам роли и места языковой личности в межкультурной коммуникации современного общества ученые (Ю.Н. Караулов, В.И. Карасик, Л.П. Крысин, О.Б. Сиротинина и др.) и практики англо- и русскоговорящих стран в последнее время стали уделять особое значение. В.И. Карасик определяет языковую личность как обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций [4. С. 46]. В структуре языковой личности Ю.Н. Караулов, выделяет три уровня: вербально-семантический (носитель нормально владеет естественным языком); когнитивный (его единицы – понятия, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в упорядоченную картину мира, отражающую иерархию ценностей); прагматический (включает цели, мотивы, интересы) [3. С. 86-90]. В этой структуре особое место принадлежит ценностям – наиболее фундаментальным характеристикам культуры, высшим ориентирам поведения. Однако со временем терминологическое словосочетание «языковая личность» стало более расплывчатым. В результате на правах синонимов появились сходные обозначения «речевая личность», «коммуникативная личность». К.Ф. Седов считает, что при обилии синонимических обозначений лучше будет пожертвовать терминами «языковая, речевая, коммуникативная личность» и отказаться от их использования. Гораздо больше соответствуют русскому языку, по его мнению, номинации «речевой портрет личности»,

«коммуникативная (жанровая, текстовая, статусно-ролевая и т. д.) компетенция личности», «коммуникативное поведение личности» и т. п. [5. С. 6-27]. Родовым понятием, определяющим уникальность человека в его способности к общению, К.Ф. Седов предлагает считать модель коммуникативной компетенции личности.

Таким образом, одни считают (Г.И. Богин), что под «языковой личностью» понимается человек как носитель языка, взятый со стороны его способности к речевой деятельности, т. е. комплекс психофизических свойств индивида, позволяющий ему производить и воспринимать речевые произведения, – по существу личность речевая. Другие (С.А. Сухих, В.В. Зеленская) – как совокупность особенностей вербального поведения человека, использующего язык как средство общения, – личность коммуникативная. Согласно мнению третьих (В.И. Карасик, С.Г. Воркачев), под «языковой личностью» может пониматься закрепленный преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, своего рода «семантический фоторобот», составляемый на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в словаре, – личность словарная, этносемантическая [1. С. 64-73].

На основании данных определений можно сделать вывод, что проблема места и роли языковой личности в межкультурной коммуникации англо- и русскоговорящих стран имеет немаловажное значение, потому что именно от общекультурной компетенции личности зависит качество перевода понятий, диалогов, текстов, литературных произведений с английского на русский язык и наоборот. А это существенно влияет и на восприятие целостного понимания культуры, искусства, традиций и обычаев разных стран мирового сообщества.

Например, «The American Heritage Dictionary» так трактует значение существительного «family» («семья») в английском языке:

- parents and their children (родители и их дети) (здесь и далее – пер. И.А. Боровицкой);
- a group of persons related by blood or marriage (группа лиц, связанных узами кровного родства или брака);
- the members of the household (родственники, живущие вместе);
- a group of things with common characteristics (группа вещей, связанных общими характеристиками);
- biol. A group of related plants or animals ranking between a genus and an order (биол. группа родственных растений или животных, занимающая место между родом и отрядом).

Другой пример: английская пословица «A tree is known by its fruit» («От яблони – яблоко, от ели – шишка» или «Дерево познается по плоду») может соответствовать русской пословице «Яблоко от яблони недалеко падает». Английскую пословицу «Better a glorious death than a shameful life» можно перевести как «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях» или «Лучше славная смерть, чем позорная жизнь»; пословицу «Curses like chickens come home to roost» – «Не рой яму другому, сам в нее попадешь» или «Как аукнется, так и откликнется».

Ярким примером значения языковой личности в межкультурной коммуникации могут служить переводы литературных произведений. Каждому человеку, владеющему английским языком, знакомы серия английских народных стишков, песенок и потешек под общим названием «Песенки Матушки Гусыни» («Mother Goose Rhymes») в переводе известных детских поэтов и писателей С. Михалкова и К. Чуковского. Ведь благодаря личностной культуре и образованности С.Я. Маршака многим из нас с детства знакомы строки:

Шалтай-Болтай сидел на стене. Humpty Dumpty sat on a wall,
Шалтай-Болтай свалился во сне. Humpty Dumpty had a great fall.

А на основе перевода известной потешки «Robin the Bobbin» можно убедиться в искусстве двух великих поэтов – С.Я. Маршака и К.И. Чуковского, которые по-своему видят перевод этой песенки на русский язык («Робин-Боббин» у С.Я. Маршака, «Барабек» у К.И. Чуковского).

Таким образом, анализируя роль и место понятия «языковая личность», можно прийти к выводу, что общекультурная компетенция личности, понимание культуры разных народов, а не «слепой» перевод или владение иноязычной речью, играют решающую роль в межкультурной коммуникации англо- и русскоговорящих стран. Именно поэтому так необходимо не только в совершенстве овладеть английским (иностранцам – русским) языком, но и хорошо знать культуру, традиции и обычаи разных народов. Ведь именно знание иностранного языка и культуры стран изучаемого языка ведёт к познанию мира, преобразует межкультурную коммуникацию современного мирового сообщества в толерантное планетарное межкультурное пространство.

Литература

1. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт // Филологические науки. – 2001. – №1.
2. Дик П.Ф., Дик Н.Ф. Культурология: Учебное пособие для вузов. – Ростов н/Д: Феникс, 2006.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.
4. Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: Наука, 1992.
5. Седов К.Ф. К основаниям лингвистики индивидуальных различий (о принципах речевого портретирования) // Проблемы речевой коммуникации. – Вып. 7. – Саратов, 2007.

© М.Ю. Корнилова

*Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
Ярославль, Россия*

ЭТИКЕТ И СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЧЕЛОВЕКА

Изучение особенностей взаимодействия этикета и социального статуса человека – один из актуальных вопросов современной науки. Как известно, этикет, регулирующий поведение человека в определенных жизненных ситуациях, является важной составной частью любой культуры. Проблемы, связанные с понятием этикета, активно разрабатываются в этнографии, семиотике, лингвистике, социолингвистике, лингвокультурологии и других областях знания.

В лингвистике под этикетом понимается «микросистема национально-специфических вербальных единиц, принятых и предписываемых обществом для установления контакта собеседников, поддержания общения в желательной тональности соответственно правилам речевого поведения» [4. С. 67]. Примером лингвистического изучения этикета является исследование, в котором рассматриваются следующие формулы речевого этикета: обращение, привлечение внимания, приветствие, прощание, знакомство, извинение, благодарность, поздравление и пожелание, утешение, сочувствие, просьба, приглашение, совет, комплимент, одобрение и т. д. В семиотическом плане существенным является выделение наблюдателя как реального или потенциального участника этикетного общения [1. С. 134]. Социолингвистическое изучение этикета включает освещение как языковых, так и неязыковых средств общения для выявления социально значимых различий в коммуникативных ситуациях, установление универсальных и национально-специфических характеристик этикетного поведения, определение параметров этикетной вариативности [3. С. 96]. Поведенческий аспект этикета предполагает рассмотрение отличий между этикетным и неэтикетным поведением, выявление обозначения этикетного поведения и определение типов этикетного поведения, в частности, соотношения между этикетом и ритуалом.

Как известно, этикет является динамической характеристикой человека. Поведение как таковое всегда связано с каким-либо действием или состоянием. Когда говорят, что кто-то не умеет себя вести, это значит, что он не умеет вести себя должным образом. Поведение соотносимо с понятием стиля в широком смысле слова, то есть с условиями целенаправленного выбора в определенных пределах отличительных качеств субъекта. Поведение выражается в манерах и поступках, социально значимых формах поведения. Но если поведение, манеры и поступки могут быть как индивидуальными, так и присущими определенной группе общества, то этикет индивидуальным быть не может. Так, поведение человека складывается из стандартных и нестандартных поведенческих актов. Под стандартным поведенческим актом понимается повторяющаяся реакция человека на какие-то внешние обстоятельства. Соответственно, нестандартное поведение представляет собой новую реакцию на эти внешние обстоятельства.

Как отмечают исследователи, назначение этикета не сводится к какой-то одной функции. Этикетное общение позволяет в силу стандартных, формульных средств переключить внимание коммуникантов на содержательную сторону межличностных отношений либо на информационный обмен. Этикетное общение позволяет установить

границы коммуникативной дистанции и тем самым дает возможность участникам общения сохранить лицо в условиях контакта представителей разных социальных групп, социального статуса или недостаточно знакомых людей [3. С. 258]. Этикет как поведение включает различные формы выражения типичных социальнозакрепленных реакций. К числу таких форм относится, в частности, молчание, воздержание от речи. Знаковая сущность молчания в этикете проявляется в том, что значение молчания зависит от обстоятельств общения. Так, например, молчание слушателей в лекционной аудитории, в зале заседания суда, в храме предписывается нормами поведения, а молчание за столом на званом вечере, наоборот, считается грубым нарушением приличий в англоязычном обществе. В то же время молчание как предоставление права партнеру начать общение является признаком уважения статуса партнера, но молчание в ответ на реплику партнера в диалоге часто оценивается как оскорбление.

Этикетная ситуация стремится канонизировать правила общения субъектов, отличающихся существенным образом и сохраняющих свои отличия. Цель этикетной ситуации сводится к тому, чтобы общение поддерживалось и неравенство сохранялось. Нарушение этикетного правила в случае снисходительного поведения может интерпретироваться следующим образом: кто-либо стремится якобы принизить свой статус, делает вид, что принижает свой статус, то есть фактически подчеркивает статусное превосходство [2. С. 112].

Важной характеристикой этикета является норма этикета. Норма этикета основывается на универсальных ценностях, которые являются общепринятыми для каждого общества. Так, во всех социумах осуждается трусость, неуважение к старшим, нескромность, но есть приоритетные добродетели и пороки и есть индивидуальные формы выражения этических норм, характерные для каждого социума в отдельности. В языке также разграничиваются запрещающие и предписывающие нормы, выделяется класс людей, которым адресована норма, и класс людей, которые следят за выполнением нормы. Например, в высказывании «Children should be seen and not heard» – «Детям следует быть на виду и вести себя тихо» определяются лица, которым адресована норма (дети и их родители), и лица, контролирующие выполнение нормы (люди, требующие строгости в отношении с детьми) [3. С. 100]. Существуют моральные и юридические нормы, нарушение моральных норм порицается и осуждается, нарушение юридических норм влечет за собой определенные действия общества в лице его полномочных представителей по отношению к нарушителю.

Этикет представляет собой систему формальных поведенческих актов, и поскольку форма, в известной мере, автономна по отношению к содержанию, правила этикета не эквивалентны нормам морали. Например, нормы морали требуют обмена приветствиями между знакомыми людьми при встрече. При этом существенно различие по статусу, возрасту, полу, важно место и время встречи. Но моральные нормы не регламентируют средств выражения приветствия – вербальных и невербальных. Иначе говоря, можно нарушить этикет, соблюдая моральные нормы (помахать рукой в ответ на воинское отдание чести, если оба участника общения – военнослужащие), можно нарушить нормы морали, соблюдая этикет (холодно кивнуть в ответ на радостное приветствие), можно нарушить нормы морали и правила этикета, намеренно не ответив на приветствие знакомого человека.

Основу этикета составляют правила хорошего тона, которые сводятся, по мнению Эмили Пост, автора одного из наиболее авторитетных в англоязычном мире руководств по этикету, к четырем качествам личности человека: инстинктивной порядочности, нравственной целостности, самоуважению и лояльности. Порядочность обозначает не только правильность речи и поведения, но честность и надежность в обязательствах. Нравственная целостность наряду с честностью включает утонченность мотивов и справедливость в оценке мотивов других людей. Самоуважение проявляется в отказе от обязательств, которые не будут выполнены. Лояльность выражается в верности не только друзьям, но и принципам [3. С. 93]. В книгах по этикету постоянно делаются ссылки на

понятия искренности, скромности, такта, аккуратности, пунктуальности, самообладания. Иначе говоря, авторы практических руководств по этикету акцентируют необходимость внутренней потребности человека вести себя уважительно по отношению к другим людям. Специфика этикетных приоритетов показывает определенную статусную иерархию людей в том или ином обществе.

Правила англоязычного этикета детально регламентируют порядок знакомства людей. Молодого человека представляют старшему, джентльмена представляют леди, даже если джентльмен значительно старше и является выдающимся человеком, а леди исполнилось только 18 лет. Женщину представляют мужчине только в трех случаях: если мужчина является монархом (членом королевской семьи), президентом страны или церковным иерархом. Если же леди не достигла 18 лет, ее представляют гостю. Носители титулов весьма чувствительны к использованию титулов. К доктору, судье и епископу предписывается обращаться, соответственно называя их звания. К протестантским священникам обращаются со словом *Mr.*, например, *Mr. Jones*. Если же священнослужители носят звания Доктора, Декана или Каноника, то этикет рекомендует обращаться к ним с указанием звания, например, *Dean Jones*. Католического священника следует называть *Father: Father Kelly*. Обратиться к нему *Mr. Kelly* значит проявить невежливость. [3. С. 90]. Особое внимание в США оказывается членам Сената. К сенатору США обращаются со словом *Senator* независимо от того, занимает ли он этот государственный пост или уже стал бывшим сенатором. Бывший президент США в обращении – это *Mister*, а не *Ex-President*. Приставка *Ex-* используется в качестве «префикса вежливости» применительно к ушедшим в отставку губернаторам штатов и послам (*Ex-Governor, Ex-Ambassador*). [3. С. 120].

В.И. Карасик выделяет следующие особенности этикета, характерные для англоязычного общества: 1) приоритетными позициями в англоязычном обществе являются позиции высшего государственного лица, старшего по возрасту (на поколение) и женщины; 2) существует порядок приоритетов: высшее государственное лицо, женщина, старший по возрасту; 3) к людям, занимающим престижные в обществе должности, следует обращаться с использованием титула; 4) титулование является идиоматичным и распространяется как на людей, занимающих престижные должности, так и на людей, которые занимали такие должности в прошлом; 5) приоритетной является позиция известного члена группы, а не новичка; 6) в развернутом имени, включающем имя и фамилию, содержится дополнительная информация социального характера; 7) существуют этикетные формы представления людей на персональной и социальной дистанции; 8) имя не употребляется на социальной дистанции, фамилия и титул – на персональной [3. С. 125].

Правила этикета обычно являются символическими обобщениями здравого смысла. Так, джентльмен обязан сойти первым и предложить даме руку, когда она выходит из автомобиля или из автобуса. Этот обычай восходит к тем временам, когда транспорт был конным, и лошади могли внезапно сдвинуться с места. Аналогичное правило здравого смысла рекомендует джентльмену не находиться между двумя дамами, с которыми он беседует: будучи посредине, он не сможет одновременно держать в поле зрения обеих своих собеседниц. Джентльмен всегда должен предоставить даме место справа: в свое время это диктовалось тем, что проезжая часть дороги оставалась слева, и поэтому джентльмен следил за тем, чтобы проезжающий экипаж не задел или не испачкал даму.

Известно, что этикет как норма представляет собой преломление культурных ценностей общества в правилах хорошего тона. Выделяются поведенческие приоритеты, свойственные различным речевым коллективам. Между правилами поведения и этикетом нет четко проведенной границы, и то, и другое основано на общих этических принципах. В частности, не рекомендуется привлекать к себе внимание кричащей одеждой, громким разговором, необычными манерами. Не рекомендуется привлекать к себе внимание неконтролируемыми эмоциями, громко смеяться, выставлять напоказ проявления чувств. Неброские одежды, спокойные цвета, отсутствующие запахи, тихие звуки и лишенная

аффекта речь – требования англоязычного этикета. Нежелательно в беседе затрагивать темы, которые могут вызвать эмоциональную реакцию участников общения; к числу таких тем относятся, прежде всего, политика, религия. Правило поведения, не рекомендуемое громко смеяться, отражает национально-специфическую особенность английского языка: в английском языке словари выделяют только два глагола со значением «громко смеяться» – *guffaw*, *goag*, в то время как в русском языке такое значение объединяет глаголы и глагольные выражения «хохотать, заливаться смехом, смеяться до упаду, грохотать, гоготать, реготать, ржать, умирать со смеху» и др. В то же время русскому глаголу «посмеиваться» соответствуют пять английских глаголов – *chuckle*, *chortle*, *snicker*, *snigger*, *titter*. Общее значение этих слов – «смеяться сдвленным смехом», т. е. смеяться тихо, стараясь не привлечь к себе внимания. Дифференциальные признаки этих слов – «с удовольствием» (*chortle*), «нервно» (*titter*), «неуважительно» (*snicker*, *snigger*).

Демонстрация неуважения по-английски часто выражается как высмеивание, презрительная усмешка. В словарях выделяется 12 глаголов с общим значением «показывать неуважение к кому/чему-либо, высмеивая, презрительно усмехаясь»: *sneer*, *scoff*, *jeer*, *gird*, *flout*, *gibe/jibe*, *fleer*, *taunt*, *twit*, *mock*, *ridicule*, *deride*. В русском языке идея высмеивания также выражается многими словами – «высмеивать, осмеивать, насмеяться, глумиться, издеваться, измываться, ехидничать, язвить, иронизировать, тешиться, подтрунивать, подшучивать, зубоскалить». В этом ряду несколько слов объединены признаком «беззлобно поддразнивая». Для англичан насмешка – это сильное и часто неодобряемое средство понижения статуса объекта насмешки, не случайно толкования значений многих слов включают признак отрицательной оценки этого действия («злбно, жестоко, передразнивая, громко и т. д. насмеяться – плохо»). В русском языке идея смеха как способа оскорбительного унижения не столь ярко выражена. Иначе говоря, в английском языке связь между понятиями «смех – насмешка», судя по данным словарей, выражена в большей мере, чем в русском языке. Это наблюдение, разумеется, нуждается в более основательном доказательстве. В социолингвистическом плане здесь важно подчеркнуть обусловленность норм характером народа. Обусловленность норм и характера, этики и этноса является взаимной, но данные словаря (а словарь / совокупность словарей представляет собой культурный тезаурус народа) свидетельствуют о приоритете этноса.

Таким образом, этикет как стандартное официальное поведение людей является специфическим способом выражения социального статуса человека. Разворачиваясь на социальной дистанции между участниками общения, этикет включает вербальные и невербальные средства выражения и проявляется в поведенческом и нормативном аспектах [3. С. 120]. Этикет как поведение представляет собой систему способов поддержания общения между людьми, относящимися к разным группам общества. Этикет национально специфичен. Способы этикетного общения обусловлены этикетной системой и этикетной ситуацией и вне контекста являются содержательно пустыми. Способы этикетного общения представляют собой модели поведения, интерпретируемые в рамках культуры, присущей речевому коллективу. Этикетное поведение соотносится с юридическим и ритуальным поведением. Нормативный аспект этикета отражается в поведенческих приоритетах речевого коллектива, степени самоконтроля, традиционализма и т. д. Поведенческие приоритеты обусловлены этносом, характером народа и отражены в традициях, культурных ценностях в словаре.

Литература

1. Вахтин Н.Б. Социолингвистика и социология языка. – СПб.: НЦ Гуманитарная академия, 2004.
2. Дешериев Ю.Д. Социолингвистика. К основам общей теории. – М.: Наука, 1977.
3. Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: Гнозис, 2002.
4. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методические аспекты. – М.: Рус. язык, 1982.

**ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА
В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ**

© Л.А. Моргунова

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

ГЕНДЕРНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В РЕКЛАМЕ

Реклама в настоящее время проникла во все сферы нашей жизни: мы встречаем ее на улице, дома, на работе. Принимая разнообразные формы, реклама привлекает внимание и воздействует на человека. При этом нередко для повышения эффективности воздействия рекламного сообщения оно адресуется определенному кругу потребителей, конкретной целевой аудитории. В связи с этим Р.И. Мокшанцев замечает, что продать можно всё, надо знать только – кому [2. С. 5]. Поэтому в современной рекламе можно выделить единую тенденцию – говорить с клиентами на их языке, учитывая их особенности и потребности. Общаясь с покупателями на одном языке, рекламисты становятся к ним ближе, внушая подспудную мысль: «Мы такие же, как вы, и хорошо вас понимаем». Психологи отмечают, что, принимая позицию собеседника, человек получает возможность быстрее убедить его и вызвать доверие.

В современной рекламе часто встречаются тексты, апеллирующие к целевой аудитории по гендерному признаку. Как известно, **гендерный** аспект в исследованиях рекламной манипуляции отражает особенности воздействия на людей в зависимости от их половой принадлежности. Так как различия между мужчинами и женщинами очевидны, начиная от строения головного мозга и заканчивая их разными потребностями и социальными ролями, то и обращение к представителям обоих полов будет разным. Итак, рассмотрим, каковы же эти отличия и как они используются рекламистами для манипуляции.

В первую очередь, в обществе существуют своеобразные стереотипы в отношении качеств и стремлений женщин и мужчин. Как известно, стереотипы – это определенные, сформированные в течение длительного времени и в связи с конкретными условиями жизни модели поведения, мышления и представления о мире [1]. Они во многом обусловлены природным предназначением и ролевыми функциями мужчин и женщин в социуме, а также их психофизиологическими различиями.

В связи с этим реклама для мужчин апеллирует к их желанию быть лидером, яркой индивидуальностью. Обещание первенства во всех сферах, успеха, доминирования над другими – вот основа манипуляции мужской половиной. Это обеспечивается с помощью использования в слоганах лексики, реализующей значения семантического поля «лидерство, первенство»: *победа, свысока, триумф* и т. д. Подобную тенденцию отражают следующие рекламы автомобилей:

- *Привыкай смотреть на мир свысока. Ford Fusion.*
- *«Каждый шаг – Победа» Лао Цзы. Часы «Zenith».*

Мужчины – по своей природе преобразователи, стремящиеся к прогрессу: они меняются сами и модернизируют мир. На наш взгляд, перечисленные особенности проявились в рекламе «Toyota Verso»:

- *Автомобиль, который меняется с тобой.*
- *Перейди на новый уровень.*

Сила, надёжность, стойкость с древности считаются чертами настоящего мужчины, поэтому копирайтеры нередко применяют их в манипулятивных целях:

- *Mersedes-Benz. Простор и мощь;*

- *Land Rover устоит против зубра, лося и осла... за рулём соседней машины.*

Не все мужчины в жизни обладают перечисленными качествами, но, покупая автомобиль с «обликом современного героя» (слоган марки «Mitsubishi Lancer»), они подсознательно стремятся приобрести черты, заявленные рекламой. Это способ самовыражения и самоутверждения. Итак, мужчина – лидер, завоеватель, чемпион, оттого ему предлагают не просто часы, а механизмы власти или философию времени. Причём «мужская» реклама нередко противопоставляет свой товар женскому началу:

- *Средство для бритья «Ультиматум». Не для нежной кожи. Только для мужчин правильной ориентации.*

Анализ рекламы, предназначенной для женщин, приводит к другим заключениям. Эмоциональность, непредсказуемость, загадочность, обольстительность – вот наиболее эксплуатируемые в ней женские качества. Устремления женской половины, судя по рекламе, нередко сводятся к предельной сосредоточенности на своей внешности, мужчине и желании ему нравиться, семье, ведении хозяйства и детях. Об этом свидетельствуют такие рекламные тексты:

- *Теперь он твой (сигареты «Kiss»).*

- *Духи «Dior». Дар обольщения.*

- *Вступи в клуб умных хозяек (техника «Tefale»).*

- *Я выбираю для семьи самое лучшее (средство для мытья посуды AOS).*

Но нельзя не заметить, что в обществе происходят некоторые изменения в статусно-ролевых отношениях и образ современной женщины меняется, а вместе с тем и реклама, ориентированная на неё:

- *Салон «Caterina Leman». Деловой стиль независимой женщины.*

- *«Mary Kay». Уверенность в себе. Уверенность в будущем.*

- *Все в твоей власти (духи «Hugo Boss»).*

Причём нередко сравнение с мужчиной заявлено как достижение, главный показатель успешности, самореализации в карьере:

- *Pantech D 600. Наравне с мужчинами.*

Как видим, женщины стали более уверенными в себе, независимыми, самодостаточными. Хотя им по-прежнему не хватает в жизни мужского благородства и любви, чем рекламисты часто пользуются в целях воздействия на них:

- *Сигареты «Русский стиль». Благородный спутник.*

- *Журнал «I love you» знает, как сделать так, чтобы прекрасная история любви случилась именно с тобой.*

Женщины приобретают не сигареты, а «благородного спутника», подсознательно надеясь, что очередной журнал действительно «знает», как найти любовь.

Многие гендерные различия обусловлены строением и особенностями функционирования мозга. Как известно, мозг состоит из двух полушарий (правого и левого). Правое отвечает за эмоции, левое – за логику, речь. Полушария могут взаимодействовать друг с другом с помощью нервных волокон, или так называемого мозолистого тела. У мужчин объём мозолистого тела меньше, чем у женщин. Поэтому у женщин полушария мозга при его функционировании в большей степени взаимодействуют друг с другом. Это приводит, с одной стороны, к чёткой специализации полушарий у мужчин (левое ответственно за вербально-логическое мышление, правое – за пространственно-образное) и, с другой стороны, к менее специализированному функционированию полушарий у женщин. Вследствие постоянных сообщений правого и левого полушарий у женщин отмечается в большей мере правополушарное мышление и,

как следствие этого, более эмоциональное речевое поведение. То есть общение для них – это прежде всего эмоциональный обмен, для мужчин, напротив – процесс передачи информации [1].

Данные психофизиологические особенности мужчин и женщин обычно учитываются при построении рекламных текстов для каждого из них. При этом, чтобы добиться эффективного воздействия на женскую и мужскую аудиторию, манипулирование осуществляется при помощи использования языковых единиц всех уровней.

Во-первых, интонация, с которой произносится реклама для мужчин и женщин, разная. Женщина способна уловить малейшие изменения тона, тончайшие его оттенки. Для неё значимо, чтобы тон передавал мягкость, нежность, искренность или радость, эмоциональный подъём. Для мужчины же это не важно: меньше эмоций – больше информации. Твёрдым, уравновешенным голосом сообщают им о появлении очередной марки машины или модели телефона. Вспомним рекламы автомобилей «Volvo», «Toyota» и др.

Во-вторых, при составлении рекламных текстов для женщин активно используются средства морфологического уровня, в частности, различные аффиксы. Так, в рекламных сообщениях довольно часто встречаются приставки степени, например, *экстра, супер: суперэстетика, супервозможности.*

- *Суперкачество по суперцене* (средство для мытья посуды «Sorty»).

Популярны и уменьшительно-ласкательные суффиксы *к, чк*: *восхитительные ножки, моя сумочка, модная одежда, ноутбучки.* Например: *Крем «Avon» для твоих любимых ножек.*

В рекламных текстах, ориентированных на женщин, относительные прилагательные нередко приобретают качественную оценку: *самые шелковые волосы.* Например: *Самый фруктовый сок* (сок «Фруктовый сад»)

Следует заметить, что при обращении к мужской аудитории копирайтер избегает указанных единиц языка.

В-третьих, при создании гендерно маркированных «женских» рекламных слоганов учитывается лексический уровень. Он отражается в том, что используется максимальное число эмоционально окрашенной лексики, обусловленной большей эмоциональностью женщин:

- *Нежность в природе вещей* (стиральная машина «Miele»).

- *Любовь. В основе жизни.* «Nikon» *в основе изображения.*

- *Фонтаны радости* (гель для душа «Senses»).

- *Мы любим ваши ножки* (крем от «Avon»).

Как видим, в данных слоганах представлены разнообразные лексические единицы, обозначающие эмоции: *нежность, любовь, радость, любим,* отчего создается атмосфера теплоты, душевного человеческого участия, заботы – того, в чем испытывают потребность представительницы женского пола. Одним словом, к ним обращаются как близкие подруги, любящие и понимающие, говорящие с ними на одном языке.

Заметим, что в общении женщин использование терминологии менее предпочтительно, поэтому рекламисты, ориентируясь на них, стараются избегать употребления слов-терминов. Мужчины же, напротив, наличие терминов считают признаком компетентности, следовательно, рекламные сообщения для них часто содержат терминологическую лексику. Полагаем, с учётом перечисленных особенностей построена реклама телефона Samsung:

- *Samsung D600. Превосходство в бизнесе. Представьте телефон с двухмегапиксельной камерой со вспышкой и цветным TFT-дисплеем. Samsung D600 позволяет просматривать любые документы, распечатывать их на принтере через*

Bluetooth и даже подключаться к телевизору или проектору для проведения презентаций. Для него, как и для вас, главное в бизнесе – это стремление к успеху. Samsung D600. Легко представить.

В этом тексте внимание сосредоточивается на многофункциональности телефона, необходимости его для успешного ведения дел. Применение терминов (*двухмегапиксельная камера, TFT-дисплей*) демонстрирует профессионализм его создателей, тем самым вызывая доверие мужской половины потребителей. Ясность, чёткость, прагматичность – вот качества текста, необходимые для привлечения внимания мужской аудитории.

В-четвёртых, структура речи мужчин и женщин также различна. Женщины оперируют сложными синтаксическими конструкциями и могут проводить несколько тем в одном высказывании. Они любят говорить намёками и применять эвфемизмы. Эту особенность женского пола отражает следующая реклама:

«Я позвоню тебе» для нас означает завтра, а не в этом столетии! «ВИРДЖИНИЯ СЛИМС». Это тонко...

Рекламные тексты для женщин нередко выстраиваются в форме длинных диалогов, в которых мужчина бы запутался. Например, рекламисты магазина «Mobile» создали текст исключительно для женщин:

- Привет! Чем занимаешься?

- Разрабатываю план, как изменить свою жизнь.

- Ух, ты! Хочешь новых ощущений и чего-то яркого?

- Да.

- И что собираешься делать?

- Пойду в салон «Мобайл», куплю телефон «LG», получу в подарок косметику и буду участвовать в розыгрыше суперприза – собственный «портфолио».

- Мне тоже хочется яркой весны! Я с тобой в «Мобайл»!

Мужская речь строится по другим законам, поэтому и рекламисты обращаются к ним иначе. Так, мужчины ценят в речи чёткость, логичность и теряют нить разговора при переключении с одной темы на другую. Их предложения короче женских. Главным в сообщении считают информативность. Эти же характеристики приобретают и рекламные тексты для мужчин: рациональность, содержательность, лапидарность. Чаше используются односоставные назывные предложения.

«САМСУНГ» Д 600. Превосходство в бизнесе.

ЛАДА. Следы качества.

Итак, психофизиологические особенности мужчин и женщин обуславливают закономерности построения рекламных текстов для них. Кроме того, строение мозга влияет и на специфику его работы. Это отражается на одном из важнейших этапов мышления – восприятии, особенно на зрительном восприятии.

Различие в восприятии у мужчин и женщин было подкреплено процессом эволюции и связано с их ролевыми функциями, выполняемыми в процессе становления социума. Так как женщины изначально являлись хранительницами очага, то в их обязанности входило воспитание детей, обустройство дома и ведение хозяйства. Вследствие этого у них развилась способность делать несколько дел одновременно и «периферийное» зрение, которое помогало контролировать ситуацию вокруг дома и в случае опасности успеть укрыться от врага. Таким образом, женское поле зрения значительно шире, по сравнению с мужским. Мужчинам, напротив, характерно «туннельное» видение охотника, вынужденного сосредоточиваться на одном объекте – добыче [1]. В итоге они могут делать что-то одно и, погружаясь в своё занятие, ничего другого не замечают. Поэтому в рекламе для мужчин не используется большое количество героев и предметов, так как они могут затруднить восприятие самого товара.

Женщина же быстрее увлечётся такой рекламой, потому что она легко оперирует многими объектами в своем восприятии.

При анализе гендерной специфики рекламного сообщения важна и его невербальная составляющая. Отметим, что восприятие цвета у женщин лучше развито, чем у мужчин, последние же различают лишь цвета основного спектра. По нашим наблюдениям, рекламисты, учитывая эти гендерные особенности, при ориентации на мужчин стремятся не использовать яркие краски, а иногда ограничиваются чёрно-белым изображением. Женщины же сочтут такую рекламу сухой и мрачной. Их привлекают картинки с насыщенными цветами разнообразных оттенков.

Таким образом, гендерные различия могут служить мощным средством управления потребностями, желаниями потребителей, так как они биологически и социально обусловлены и имеют глубинные корни, которые человеком уже не осознаются.

Литература

1. Дударева А. Рекламный образ. Мужчина и женщина. – М.: РИП-Холдинг, 2002.
2. Мокшанцев Р.И. Психология рекламы. – М.: Инфа-М, 2001.
3. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. – М.: Гнозис, 2001.
4. Сенсорные системы и асимметрия полушарий. – Л., 1985.

© И.М. Печенкина

МОУ средняя образовательная школа №52, Воронеж, Россия

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В СТРАТЕГИИ ФОРМИРОВАНИЯ «ВТОРИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ»

В контексте современного социокультурного пространства основной пафос образования должен быть направлен на формирование у учащихся адекватной современному уровню знаний и уровню образовательной программы картины мира и на обеспечение тем самым интеграции личности в системы мировой и национальной культур. Иными словами, одной из главных целей современного образования становится формирование базовой культуры личности – «необходимого минимума общих способностей человека, его ценностных представлений и качеств, без которых невозможна как социализация, так и оптимальное развитие генетически заданных дарований личности» (О.С. Газман). Исходя из того, что всё – творческое и личностное – родом из детства, необходимо содержание обучения сделать средством развития личности, ибо духовное богатство классического гения, биотоки всего мира, глубинные силы родной земли – это противоядие вульгарности масскультуры и мощное средство мотивации развития личности.

Безусловно, владение иностранным языком (языком «образования») повышает уровень гуманитарных знаний, способствует формированию культуры общения, ибо вторичную языковую личность как участника межкультурной коммуникации отличает рефлексия, эмпатия, толерантность. Личность формируется только в процессе творчества, поэтому наряду с такими формами воздействия на личность, как разумное убеждение, нравственное влияние, самым эффективным является «эстетическая гармонизация» [2]. Освоение иностранного языка на функциональном уровне невозможно без расширения информационного поля личности средствами мировой художественной культуры, так как формирование ключевых коммуникативных компетенций – средство развития духовно-нравственного и эстетического потенциала языковой личности в контексте «вечных ценностей» и взаимопроникновения культур. Межкультурная компетенция помогает создать разностороннюю мотивацию коммуникативной деятельности и социализировать ситуацию речевого общения [4].

В условиях педагогики сотрудничества художественный текст развивает у школьников потребность изучать иностранный язык. С точки зрения мотивационного и ценностно-ориентационного компонента содержания образования, постижение классики – это школа самосовершенствования, развитие базовой культуры личности. Так как личность характеризуется иерархией мотивов, то и социокультурное развитие осуществляется в процессе мотивированной коммуникативной деятельности [6]. Целью овладения иностранным языком становится нравственное и эмоциональное воспитание личности, в процессе которого происходит усвоение иноязычной культуры (цель – человек, содержание – культура), ибо «функция образования – «очеловечивание» (Е.И. Пассов).

Интерпретация художественного текста – стратегия изучения английского языка в рамках диалога культур, коммуникативная творческая площадка функционального освоения английского языка, «способ достижения дидактической цели через детальную разработку проблемы, которая должна завершиться реальным практическим результатом, оформленным тем или иным образом» [1]. Интерпретация текста всегда проблемно ориентирована, что стимулирует творческую активность учащихся и создает педагогизированное пространство, где «действие – коллективное, воздействие – индивидуальное». Важным является то, что, в реалиях интерактивной компетенции, речевое общение включается в интеллектуально-эмоциональный контекст другой деятельности (И.А. Зимняя). На наш взгляд, алгоритм изучения художественного текста – это интегративная динамическая система духовно-нравственных, эстетических, социальных, ролевых взаимоотношений субъектов коммуникации, для которых характерна интеллектуальная, эмоциональная, речевая активность. Как известно, художественный текст выполняет коммуникативную, прагматическую, когнитивную, эпистемическую функции, содержит социокультурный компонент и языковые знания. Интерпретация текста как форма творчества продуцирует письменную и устную речь. Интерпретация классических образцов английской культуры расширяет информационное поле и сферу аутентичного использования английского языка в образовательной области, позволяет приобщить к истории, культуре, традициям страны изучаемого языка и приобрести новые сведения о жизни англоязычных народов за рубежом.

Выбор аутентичного произведения для комплексного анализа в старших классах определяется уровневой организацией изучения художественных текстов: так, для 9-11 классов (поиск себя в ситуации жизненного выбора) характерна коммуникативно-деятельностная потребность в индивидуальном исследовании реальных проблем. К 9-му классу, как правило, сформирован базовый уровень владения иностранным языком. Учащиеся уже имеют представления о полисемии, объёме значения слов, семантическом поле, лексическом фоне, необходимости перевода с учетом контекста, умеют пользоваться справочниками, словарями. У старшеклассников есть определенный опыт анализа малых литературных форм, они знакомы с художественно-выразительными средствами (фонетическими, лексическими, синтаксическими) и литературными приемами в создании художественных образов. На наш взгляд, в этом возрасте целесообразно изучение шекспировского «Гамлета». На начальном этапе работы над произведением дети учатся выделять так называемые «смысловые вехи» – слова и группы слов, в которых заключено основное содержание, относить информацию к важной и второстепенной, понимать общий логический план изложения, работать с лексикой, идиомами, проследивать динамику развития характера героя. Анализируя периодизацию, шекспировское время, творческий метод драматурга, ученики в своих рефератах «Мой Гамлет» констатируют: “It’s a hymn to a human being, because it was written in 1601, the years of Renaissance. It’s the eternal human dream of the ideal moral society without vices, faults, sins. There is the eternal war between the good and the evil. The tragedy is in Hamlet’s loneliness and so called “madness”. Анализируя образ Гамлета, его трагический гуманизм, учащиеся приходят к выводу, что главная идея этой вершины реализма в мировой драме – идея обличения мира. «Мысль становится действием драмы, так как «вправить вывихнувшийся век – задача неосуществимая» [5]. Это справедливо и к идейному содержанию, и к поэтике. Гамлет – иносказательная мысль Шекспира о самой природе трагедии. Учащиеся исследуют точки зрения великих мастеров слова (Тургенева, Белинского, Элиота, Джонса, Бредли и др.), интерпретировавших гамлетовский образ, дают собственный анализ внутреннего и внешнего портрета героя. Интересными являются наблюдения над эволюцией образа героя «from a thinker to a man of action»: 1. “My Fate cries out, still I am called” (параллелизм). 2. “Something is rotten in

the state of Denmark” (метафора). 3. “The time is out of joint. O cursed spite that ever I was born to set it right” (риторическое обращение, эпитет, антитеза). 4. “Revenge his foul and most unnatural murder” (гипербола). 5. “Turbulent and dangerous lunacy” (эпитет). 6. “To be or not to be?” (антитеза). 7. “Mousetrap” (метафора, ирония). 8. “So do you think I’m easier to be played on than a pipe?” (сравнение, игра слов). 9. “I must be cruel only to be kind” (парадокс). 10. “I’m set naked on your kingdom” (метафора). 11. “The king’s to blame!” 12. “Hamlet is like a soldier” (сравнение).

Неоднозначной оказывается трактовка «медлительности» героя, которую учащиеся ассоциируют с высокой духовной позицией Шекспира – гражданина, гуманиста, мыслителя: «Гамлет медлит быть разрушителем». Прибегая к анализу изобразительно-выразительных средств, учащиеся говорят о раздвоенности, «безумии страстей», духовном кризисе героя: антитезы, гиперболы, парадоксы, каламбуры, оксюмороны, прием параллелизма, иронии, градации передают мятущуюся душу, контрасты «громады – любви, громады – ненависти». Отсюда и природа конфликтов: Hamlet vs cruel world. Hamlet vs victims of the world. Hamlet vs himself. Метафора театральности : «All world is a stage» – знаковый приём Шекспира ,так как спектакль – антитеза реального и кажущегося, воображаемого. Монолог «Быть или не быть?» – скепсис, как бы камертон трагедии. Исследуя поэтику «говорящих имён», учащиеся открывают, что Офелия – от греч. простушка (“I loved Ophelia – forty thousand brothers could not with all their quantity of love, make up my sum” (гипербола, сравнение). Горацио – от лат. «разум». Фортинбрас – от фр. «сильная рука». Розенкранц – от нем. “венчик из роз”. Образ абсолютного зла – Клавдия (прообраз римского императора) – описывается при помощи метафоры, градации, антитезы, парадокса: «May smile and be a villain». “A king’s clown, a thief of the empire”.

Итак, интерпретация художественного текста – это сложный вид интеллектуальной, познавательной деятельности, активизирующей умения анализа, синтеза, обобщения, прогнозирования. «Это уровень творческого овладения знанием» [3]. Интерпретация как речевое упражнение в форме комментирования, рассуждения, описания, повествования, сравнительно-сопоставительного анализа формирует уровень личностных смыслов, развивает речевые умения учащихся с точки зрения не только лингвистической, коммуникативной, креативной, но и социальной компетенции. Учащиеся приходят к выводу о вечности общечеловеческих ценностей и истин, ибо театр Шекспира ставит вопросы совести, нравственных мук, порочности и лжи, мести и ненависти, любви и нравственных болезней, духовных исканий, что актуально для всех времен и народов. Таким образом, интерпретация классических художественных текстов развивает духовно-нравственный и эстетический потенциал языковой личности в контексте «вечных ценностей» и взаимопроникновения культур.

Литература

1. Гальскова Н.Д. Языковой портфель как инструмент оценки и самооценки учащихся в области изучения иностранного языка // Иностранные языки в высшей школе. – 2004. – №5.
2. Педагогические чтения Первого сентября. – 2008. – №13-14.
3. Разумовский В.Г. Задачи диктует время // Советская педагогика. – 1987. – №9.
4. Рiske И.Э., Колкова М.К. Американская жизнь в поэзии. – СПб., 2004.
5. Смирнов А.А. Шекспир, ренессанс и барокко // Из истории западноевропейской литературы. – М.-Л., 1965.
6. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам. Базовый курс лекций Пособие для студентов пед.вузов и учителей. – М., 2002.

© С.В. Попова

Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия

**ПАСПОРТ ТИПАЖА «ШКОЛЬНАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА»
(ПО СОЧИНЕНИЯМ ИНФОРМАНТОВ)**

Исследования последних лет, направленные на изучение языковой личности, несущей стереотипы поведения своего социального класса и этноса и проявляющиеся в речевом поведении, позволяют выделить как разновидность среди концептов – лингвокультурный типаж, в котором акцентируется «внимание, во-первых, на культурно-диагностической значимости типизируемой личности для понимания соответствующей культуры и, во-вторых, на изучении этой личности с позиций лингвистики (с учетом обозначения, выражения и описания соответствующего концепта, воплощенного в языке)» [2. С. 22].

Среди типажей русской культуры выделяется «школьная учительница». Соглашаясь с гипотезой О.А. Дмитриевой, что лингвокультурный типаж представляет собой символ определенного человеческого качества, мы рассматриваем типаж через призму оценки в культурно-языковом сообществе [3. С. 223-234]. Существует достаточное количество типажей, сохранившихся в памяти социума, но ушедших с исторической арены современности. Типаж «школьная учительница» однажды возникнув, не сходит со сцены жизни, а претерпевает только присущие времени внешние изменения, к которым мы относим большую часть компонентов паспорта лингвокультурного типажа, не затрагивая сферы профессиональной деятельности.

Вслед за О.А. Дмитриевой в паспорте лингвокультурного типажа мы отмечаем внешний облик (одежда, возраст), гендерный признак, происхождение, место жительства и характер жилища, сфера деятельности, досуг, семейное положение, окружение, речевые особенности [1]. Паспорт типажа нами составлен на основе коротких сочинений, представленных респондентами (222 человека) разных возрастных категорий: от 10 лет и старше.

Внешний облик. В целом описание внешнего вида учительницы зафиксировано в 82,76% сочинений, что свидетельствует о высокой степени значимости этого признака для членов социума и как наиболее легко определяемом ввиду возрастных особенностей респондентов, активно фиксирующих внимание на зрелищных моментах. В обществе закреплено представление о профессиональной одежде, но не существует никаких строгих прескрипций относительно рабочей формы для учителей, если только этот момент отдельно не оговорен в уставе учебного заведения. Тем не менее, интуитивно мы предъявляем требования к облику учительницы. Традиционно все высокие должностные лица, сюда же мы относим и учителей, как исполнителей государственного заказа, придерживаются установленного для них обществом дресскода в форме строгого костюма классического стиля и сдержанной цветовой гаммы, что нашло отражение в сочинениях информантов.

«В школу всегда приходила в одежде строгих тонов и только на праздники одевалась ярко». (ж. 18л.)

Подавляющее большинство информантов (64,7%), отметивших манеру современной учительницы одеваться, оценивают этот признак позитивно. Небольшой процент (4,4%) респондентов высказывают негативное отношение.

Безоценочно констатируют обыденность и обыкновенность одежды учительницы почти в два раза меньшее число опрошенных (30,9%) по сравнению с позитивной оценкой.

«Внешне она не отличалась от других учителей». (м.18л.)

Акцент в восприятии субъекта смещен на функциональное предназначение учительницы и ее индивидуальные качественные характеристики как наиболее значимые.

«И дело не во внешнем виде, а в характере человека. Внешне была обычной, одевалась как все. Но внешний вид не всегда соответствует внутреннему содержанию». (м.17л.)

Возраст. Данная характеристика не имеет четких границ. Занимать эту должность могут представительницы как недавно достигшие совершеннолетия, так и давно пенсионного возраста, на этот счет нет специальных прескрипций. Респонденты младшей возрастной группы до 10 лет (28 человек), до 13 лет (20 человек), не упоминают возраста учительницы. Возможно предположить, что данная характеристика для них не значима. Из учеников средней школы в возрасте до 15 лет (19 человек) всего один (5,3%) коснулся этой характеристики, выразив общее отношение школьников к рассматриваемому признаку:

«Возраст значения не имеет, да и, впрочем, внешние данные тоже. Главное ведь отношение и любовь к детям». (м.15л.)

Похожее мнение высказали старшекласники. Из 20 информантов до 17 лет 2 человека (10 %) упомянули возраст учительницы. В одном случае оговариваются годы (25-27 лет (17лет, ж.)), во втором – респондент, подобно более юному информанту, постулирует незначимость возрастной характеристики:

«Передо мной возникает образ женщины лет 30-35, приятной внешности, и самое главное, чтобы она понимала учеников». (м.17л.)

45,7% респондентов от 17 до 23 лет (127 человек) отметили возрастные характеристики типажа. Информанты, вышедшие из стен школы, более внимательны к рассматриваемому признаку, так как описывают учительницу ретроспективно, а не имеют образ перед глазами, в отличие от школьников, которые сосредоточены на функциональных признаках и игнорируют возрастную. В соответствии с полученными данными мы разбили учительскую аудиторию на четыре группы: 1) до 35 лет; 2) до 45 лет; 3) до 55 лет; 4) старше 55; которые имеют следующее процентное соотношение: 1) 31%; 2) 24,2%; 3) 34,5%; 4) 10,3%. Эти результаты подтверждают, что возраст учительства не регламентирован; основную массу составляют представительницы зрелого возраста, но значительно число и молодых учителей. Подавляющее большинство упоминаний возраста учительницы является констатацией факта. Возрастная характеристика может быть обозначена цифрами, конкретное указание лет; либо вербально – через лексемы: «молодая», «возраст Христа», «пожилого возраста», «уже давно на пенсии», «старушка», «бабушка», «ходячая древность – живое доказательство того, что динозавры были». В отдельных примерах явно прослеживается оценка данной характеристики. Одна и та же возрастная категория опрашиваемых может нести биполярные оценочные характеристики, выражая разнообразную гамму чувств членов социума: опыт – неопытность, одобрение – осуждение, снисхождение – негодование; а также однополярные позитивные характеристики: восхищение, преклонение, сочувствие, теплота.

Возрастная категория респондентов от 30 лет и более определяет возраст учительницы через лексемы: «*молодая*», «*пожилая*», «*средних лет*», «*давно на пенсии*»; а также более конкретно с указанием примерных возрастных границ:

«Ей примерно от 30 до 75 лет». (ж. 36л.)

Данная профессия имеет лишь начальный предел ограничения по возрасту, где необходимо достижение совершеннолетия, с учетом особенности работы с детьми. Только полноправный гражданин общества может выполнять обязанности учителя, возлагая на себя ответственность за вверенных ему несовершеннолетних.

Гендерный признак. В нашем случае определяется сугубо женским полом.

Происхождение. Данная характеристика не отмечена ни одним информантом. В одном случае пожилая учительница сопоставляется с дворянкой, что не обязательно соответствует действительности. Учитывая историческое развитие России и нивелирование сословий, а также конституционное равноправие граждан, обеспечивающее свободу выбора, в том числе и профессии, учителем после получения соответствующего диплома может стать любой гражданин.

Место жительства и характер жилища. Специфика деятельности рассматриваемого типажа обязывает его проживать в местах, где находится место работы, – школа. Учитель может быть не привязан к школе, если только закончил учительствовать. Характер жилища не обозначен. Временное пространство и территория взаимодействия учителя и учеников определяется рамками школы. Редко ученики становятся свидетелями жилищных условий учителей, чтобы иметь реальную картину и возможность ее оценить. Эта характеристика не является релевантной для респондентов.

Сфера деятельности. В нашем случае деятельность рассматриваемого типажа регламентирована профессией и носит прескриптивный характер.

Досуг. Данная характеристика отмечена у 4,7% респондентов. Внимание опрошенных сосредоточено, в первую очередь, на внешних и функциональных признаках. Известна безграничная преданность учителей своей профессии. Несмотря на всю сложность педагогической деятельности и невысокий заработок, многие остаются на посту долгие годы и удостоиваются высоких государственных званий: «Заслуженный учитель РФ», «Отличник народного просвещения», «Учитель года». В представлении носителей языка достойным гордого звания «учитель» может стать лишь тот, кто полностью отдает себя служению детям. Такое служение не ограничивается рамками урока, основной целью которого остается обучение предметному материалу. Детям необходимо видеть в учителе товарища и/или друга, чтобы сократить статусно-неравный разрыв для создания комфортной обстановки и достижения более высоких результатов в обучении. Наивысших профессиональных результатов, таким образом, достигают педагоги, которые находятся со своими подопечными нерегламентированное время: урок, фиксированные школьным распорядком мероприятия. Учитывая эти факторы сближения ученика и учителя, преподаватели организуют свою личную жизнь так, что иногда она неотделима от школьной. Происходит слияние сферы деятельности и досуга.

Как видно из нижеследующего примера, досуг учительницы пересекается с интересами вверенных ей школьников и не отличается от занятий рядового обывателя. Непрескриптивная деятельность учителя не является для него обязательной, но желательной для учеников, и повышает авторитет наставника.

«Она всегда организовывала нам поездки за город. Школьники из параллельных классов нам завидовали». (ж. 17л.)

Как любой член социума, учитель волен организовывать свой досуг, руководствуясь интересами и предпочтениями; чем неординарнее увлечение, тем больше восхищения вызывает не связанное со школой занятие.

«Удивительно, но женщина в 50 лет еще успевает ходить на балльные танцы. Я бы сказала, что Лилия Гарифовна старается брать от жизни все». (ж. 17л.)

Семейное положение. Большинство информантов не отмечают эту паспортную характеристику. Обходят вниманием семейное положение учительницы школьники всех возрастных категорий. Это еще раз подтверждает, что все внимание учеников сосредоточено на статусно-неравном взаимодействии с учителем и подчинено функциональному назначению его деятельности. Респонденты старшей возрастной категории (от 17 до 23 лет), восстанавливая ретроспективно образ учительницы, имеют более многогранную завершенную картину типажа, в которой отражены и общечеловеческие стороны жизни учительницы, в частности и семейное положение. Данную характеристику отметили 12,21% бывших выпускников школ. Анализ сочинений информантов позволил дифференцировать семейное положение учительницы следующим образом:

1) одинокая (37,5%)

«Мужа и детей у нее нет, или же дети – оторви и выбрось». (ж. 36л.)

Данный пример являет собой не только констатацию матримониального положения учительницы, но и отражает оценку информанта качества ее семьи, а именно детей, через фразеологизм «оторви и выбрось». Коннотация фразеологизма, означающего нечто негодное, безнадежно плохое, явно отрицательная. Острота восприятия этого примера заключается в противоречии вербальной пары *учительница – дети*. По своему предназначению учительница призвана давать детям как своим, так и вверенным ей ученикам все самое хорошее, воспитывать будущих зрелых граждан общества. Результат ее деятельности, воспитание подрастающего поколения, прескриптивно должен быть всегда положительным, но пример свидетельствует, что основная деятельность субъекта терпит фиаско. Глубина конфликта в том, что это ее собственные дети, на которых не хватило времени, душевного тепла, либо было проявлено попустительство их неблагоприятному поведению, либо сама учительница допускает двойственность отношений к ученикам и собственным детям.

«Не имея своих детей, она дарит любовь и заботу школьникам». (ж. 19 л.)

Учительница компенсирует отсутствие семьи и собственных детей заботой об учениках. Искусственно создает свою семью из школьников, тем самым не ощущает своего одиночества до тех пор, пока может осуществлять учительскую деятельность в стенах школы.

Таким образом, одиночество субъекта констатируется безоценочно либо несет печать негативной оценки, навязанной общепринятым мнением. Информанты, имеющие цельный образ учительницы, пытаются защитить и оправдать сложившееся матримониальное положение педагога.

2) с детьми (31,25%)

«Она всегда говорила нам, что у нее 24 ребенка, один свой и 23 – это наш класс». (ж. 17л.)

3) замужем (18,75%)

«Молодая учительница химии замужем. Муж тоже учитель». (ж. 19л.)

4) с мужем и детьми (12,5%)

«У нее прекрасный муж и сын». (ж. 20л.)

Представленная дифференциация соответствует возможному общесоциальному положению женщины, независимо от ее социотипа, но процентное соотношение каждой из групп может быть другим.

Окружение. Специфика работы учителя предполагает и особенности окружения. В этот круг входят как коллеги, так и подопечные дети. Показательным являются словосочетания *«наша школьная семья»*, *«учительница в окружении детей»*. Отношения

выстраиваются не только с учетом социальных прескрипций, но и по семейному принципу: значительное совместное времяпрепровождение, соблюдение как возрастной, так и статусной иерархии, наличие отдельных и общих мероприятий для взрослых и детей.

Речевые особенности. Прескриптивно предполагается, что у учителя четкая грамотная речь, сопоставимая с речью диктора, допускающая интонационные модуляции голоса для изложения информации, привлечения внимания слушателей, выражения собственного мнения, которое не должно расходиться с идеологией государства, чьим наемным работником является педагог, чьи интересы он отстаивает и чей заказ исполняет. Эмоциональная речевая окраска не должна никоим образом проявляться в повышении тона и употреблении оскорбительных слов как при общении с коллегами, так и с учащимися. Данный постулат сухо зафиксирован в стандартном «Уставе Школы» в разделе *Педагогические работники Учреждения обязаны: поддерживать дисциплину в Учреждении на основе уважения человеческого достоинства обучающихся. Применение методов физического и психического насилия по отношению к обучающимся не допускается* [4]. Более точные разъяснения в уставе отсутствуют. Возможно предположить, что квалифицированный педагогический работник обучен в профессиональном заведении и строго соблюдает поведенческие нормы по защите прав человека.

Речевые особенности напрямую не зафиксированы в сочинениях информантов возрастной категории от 30 лет и старше, только опосредованны через лексемы, выражающие поведенческие реакции, которые могут проявляться через коммуникативное поведение: *терпимость, суровость, самообладание, строгость, сдержанность.*

Младшие школьники (28 человек) лишь дважды (7,1%) упоминают речевые особенности учительницы. В одном примере высказывается пожелание к речевому поведению педагога. Второй пример свидетельствует оприятии речевого поведения учительницы. Ученики средних и старших классов, находящиеся в прецедентной ситуации урока, оказались более внимательными к коммуникативному поведению учителя. Первые отмечают данную характеристику в 30,8% случаев, вторые – в 15%. Данные, полученные при анализе сочинений информантов первой группы, в 66,7% имеют оттенок предписанной функциональности: *«делает замечания», «ругает», «диктует», «объясняет»,* а остальные можно отнести к речевым манерам: *«диктует выразительно», «доходчиво объясняет», «сдержана».* Старшеклассники обозначили речевые особенности учительницы только через лексемы, имеющие негативные коннотации: *«тиран», «грубиян», «злые», «неуравновешенные психически», «перебранки», «споры».* Анализ сочинений респондентов от 17 до 23 лет подтверждает нормативное речевое поведение учителей в 75,5% примеров.

«Говорила медленно, чтобы мы все понимали и улавливали каждое ее слово». (ж. 17л.)

Эти же информанты относят к речевой норме учительницы возможность отчитывать учеников, репрезентируя ее в лексеме *«ругать»* (30%), главным условием такой допустимости является речевая манера *«не повышает голоса».* Отмечаются также *«умение шутить», «давать советы», «поставленная речь», «приятный, тихий, мягкий, завораживающий голос».*

Наряду с прескриптивными и общепринятыми нормами коммуникативного поведения учителей находим примеры обратного порядка. Являясь представителем и порождением социума, педагог зеркально отражает присущие этому социуму явления и речевые пороки.

«Она имела обыкновение кричать на нас, называя то «эфиопами», то «олухами», а то и «придурками». А еще она имела обыкновение говорить гадости медовым голосом и с ласковым выражением лица». (ж. 17л.)

Таким образом, на основании анализа сочинений респондентов паспорт лингвокультурного типажа «школьная учительница» представлен следующими пунктами: *внешний облик, гендерный признак, происхождение, место жительства и характер жилища, сфера деятельности, досуг, семейное положение, окружение, речевые особенности*. Наиболее информативными и релевантными являются пункты: *внешний облик*, как более яркий в первичном восприятии, и *речевые особенности*, отражающие прескриптивные, индивидуальные и ненормативные реакции учителей, проявляющиеся в коммуникативном поведении.

Литература

1. Дмитриева О.А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX в.: Монография. – Волгоград: Перемена, 2007.
2. Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи: Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 5-25.
3. Карасик В.И. Языковые ключи. – Волгоград: Парадигма, 2007. – С. 223-242.
4. Устав школы. – <http://edu1003.narod.ru/>

© Н.А. Спирина

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

ФАМИЛЬЯРНОЕ РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ

До настоящего времени исследованию фамилльярного поведения в отечественном языкознании уделялось недостаточное внимание. Проблема фамилльярного поведения связана с такими науками, как психология, социология, психоанализ и др. Обращение лингвистики к междисциплинарной парадигме обусловлено сменой приоритетов в языкознании второй половины XX века, когда структурная лингвистика уступает место функциональной и когнитивной лингвистике, в которых одним из господствующих принципов становится принцип антропоцентризма. В фокусе лингвистических исследований оказывается homo eloquens “человек говорящий” с его представлениями о коммуникативных действиях, намерениях, коммуникативной среде и принципах коммуникации. В связи с этим одной из центральных проблем становится проблема оптимизации речевого общения. Изучение данной проблемы подразумевает анализ не только позитивной коммуникации (стратегий вежливости, толерантности и т. п.), но и тех речевых явлений, которые не соответствуют представлениям о корректном общении (агрессия, фамилльярность).

Человек, будучи по своей природе существом социальным, не может жить вне связи с другими людьми: он должен советоваться, делиться мыслями, чувствами, сопереживать, искать понимания и т. д. Каналом связи с другими людьми является общение. Основной способ удовлетворения личных потребностей человека в общении – речь. Именно поэтому его называют речевым общением. Речевое общение – это мотивированный живой процесс взаимодействия между участниками коммуникации, который направлен на реализацию конкретной, жизненной целевой установки, протекает на основе обратной связи в конкретных видах речевой деятельности. Оно органически включается во все другие виды деятельности человека (трудовую, общественную, познавательную и т. п.).

Речевое общение осуществляется между многими, несколькими или двумя людьми, каждый из которых является носителем активности и предполагает ее в своих собеседниках. Речевое общение обоудно. Как и всякая социальная активность человека, речевое общение сознательно и целенаправленно. Формой проявления речевого общения является речевое поведение собеседников, а содержанием – их речевая деятельность.

Поведение есть превращение внутреннего состояния человека в его поступки по отношению к окружающему миру, людям и т. п. Выделяют два вида поведения: вербальное (словесное) и реальное. Вербальное поведение – это система высказываний, мнений, суждений, доказательств и др., которые могут быть зафиксированы как явные признаки психических состояний. Реальное поведение – это система взаимосвязанных поступков, осуществляемых человеком с целью адаптации к среде. Существенным различительным признаком речевого поведения и речевой деятельности представляется уровень мотивации и соответствующая ему мера осознанности мотивов акта поведения (в рамках поведения) и речевого действия (в рамках деятельности). Следовательно, если

речевая деятельность – осознанно мотивированная целенаправленная человеческая активность, то речевое поведение – это малоосознанная активность, проявляющаяся в образцах и стереотипах действий, усвоенных человеком либо на основе подражания чужим образцам и стереотипам, либо на основе собственного опыта. Как видим, в речевой деятельности “задействованы” глубинные структуры сознания, а в речевом поведении стремление (а порой и необходимость) к осознанию мотивов тех или иных поступков отсутствует.

Кроме того, речевая деятельность и речевое поведение отличаются друг от друга своими результатами. Результатом речевой деятельности являются мысль и текст, а результатом речевого поведения выступают отношения между людьми (доброжелательные, недоброжелательные и др.) и эмоции, вызываемые тем или иным речевым поведением собеседников. Речевое поведение – это обусловленные ситуацией общения эмоции, действия, поступки человека, выраженные с помощью языка и невербальных средств.

Речевое поведение – одно из фундаментальных психологических и лингвистических понятий. Еще Л.В. Щерба употреблял термин «речевое поведение», понимая под ним любые языковые грамматические операции [5]. Так как «речевое поведение» находится на границах психолингвистического и социологического изучения коммуникации, оно рассматривается как звено, соединяющее деятельность и коммуникативную стороны в целостной картине человеческого общения. Поэтому понятие «речевое поведение» есть производное от понятия «речевая деятельность». И.Н. Борисова рассматривает речевое поведение как коммуникативно значимую, психологически, социально и контекстуально мотивированную форму проявления речевой деятельности. Речевое поведение включает и эмоциональный компонент, и произвольные речевые проявления, не учитываемые в структуре деятельности [2].

Т.Г. Винокур обосновала статус речевого поведения как самостоятельного предмета внешней лингвистики. Она считает речевое поведение «совокупностью речевых поступков, с внутриязыковой стороны определяемую закономерностями употребления языка в речи, а с внеязыковой стороны – социально-психологическими условиями осуществления языковой деятельности». Экстралингвистическая детерминированность речевого поступка позволяет учесть влияние на речевое поведение объективно-экстралингвистических и субъективно-психологических факторов и тем самым конкретизировать картину речепорождения, выявленную в психологии и психолингвистике [3]. В понятии речевого поведения подчеркивается именно коммуникативный аспект, не отрицающий деятельностной природы человеческой речевой активности. И.Н. Борисова определила следующие характеристики речевого поведения, отличающие его от речевой деятельности: эмпирическая достоверность (наблюдаемость и фиксируемость); адресованность и интерпретируемость (предназначенность для восприятия партнера коммуникации); семиотичность (знаковая природа: означаемое – коммуникативный смысл речевого поступка, характер его воздействия на партнера, означающее – вербальное выражение речевого поступка в рамках реплики); интенциональность (целенаправленность, мотивированность, намеренность); преимущественная контролируемость (зависимость выбора варианта поведения от воли и намерения субъекта); линейность и динамичность; дискретность и синтагматичность (способность манифестироваться через последовательность отдельных речевых действий – поступков); структурируемость (возможность планирования и организации стратегий и тактик); контекстуальность (включенность в социальный, психологический и предметно-практический контекст коммуникативного события) [2]. Исходя из перечисленных выше характеристик речевого поведения, И.Н. Борисова предлагает его определение, которым будем пользоваться и мы. Речевое поведение – это

эмпирически наблюдаемая, мотивированная, намеренная, адресованная коммуникативная активность индивида в ситуации речевого взаимодействия, связанная с выбором и использованием речевых и языковых средств в соответствии с коммуникативной задачей [2]. Коммуникативное поведение – эмпирически наблюдаемое и воспринимаемое адресатом внешнее проявление коммуникативной деятельности. Коммуникативное поведение – более широкое понятие и включает в себя речевое поведение и неречевое поведение. Речевое поведение – это вербализованная, словесно выраженная часть коммуникативного поведения.

Важным является изучение речевого поведения современника, имеющее как теоретическое, так и практическое значение. Наше внимание привлекло фамильярное речевое поведение молодежи. В традиционном понимании фамильярность воспринимается отрицательно, невежливо, если коммуникация осуществляется между людьми, находящимися в несимметричных социальных отношениях. Фамильярности как термину в лингвистической литературе часто не приписывается негативный оттенок. Так, К. Шуберт под фамильярностью понимает определенный уровень отношений коммуникантов, характеризующий их близость [6]. Р.Бенаккью указывает на то, что при фамильярном общении устанавливаются тесные непосредственные контакты между коммуникантами, не характеризующиеся формальностью и корректностью [1].

Более того, в одних ситуациях фамильярность может характеризоваться подчеркнуто грубыми, а в других – чрезмерно вежливыми формами. Предпосылкой для фамильярного общения являются родственные отношения, близкое знакомство или частое общение коммуникантов. Кроме того, основанием для фамильярного речевого поведения может быть факт принадлежности коммуникантов к одной социальной группе, даже если они к моменту разговора недостаточно хорошо знают друг друга или ранее мало общались. Однако действие данного фактора ограничивается возрастными параметрами интерактов и распространяется в основном на детей, подростков и молодежь [4]. До сих пор речь молодежи в основном изучалась в плане особенностей молодежного жаргона. На наш взгляд, одним из наиболее подходящих материалов для изучения языковой личности и фамильярного речевого поведения являются записи устной спонтанной речи участников телевизионного проекта «Дом-2». Герои этого проекта – типичные представители молодого поколения (молодые люди от 18 до 30 лет со средним, высшим или незаконченным высшим образованием), представляющие собой открытую малую социальную группу. Общению на данном телепроекте свойственна «горизонтальная коммуникация», соблюдается принцип равноправия в общении: каждый участник зарабатывает авторитет своим поведением, в том числе речевым.

Наиболее ярко фамильярность проявляется, на наш взгляд, на уровне лексики и синтаксиса. Среди лексических особенностей следует отметить:

1. Употребление молодежного жаргона: *курить бамбук, тусить, прикалываться, греть уши.*
2. Использование сознательно и неосознанно сниженной (и даже ненормативной) лексики. Чаще всего грубая и табуированная лексика используется участниками в неофициальном общении, в дружеской компании, в курилке, на «тет-а-тете».
3. Склонность к штампам и употреблению иноязычных слов (не всегда точному):
Оля Бузова. *Ксюха/ это реальная проблема//*
Рома Третьяков. *Мы их типа догоняем и кидаем типа в снег//*
Антон Потапович. *Я хочу Герасиму ответить в ответ/ что я не претендую на большую амбициозность в наших отношениях//*
4. Распространение в среде участников шоу прозвищ, которые в непосредственном общении употребляются с уменьшительно-ласкательными суффиксами: Семик, Бородулька, Стасяныч .

Кроме того, неподготовленность речевого общения и различные экстралингвистические факторы приводят к многочисленным речевым и грамматическим ошибкам:

Алена. Ты не даешь мне свободы / ты меня душишь / ты доминируешь во всем // во всем // и мне это надоело // причем доминируешь какими-то капризами или идиотскими фразами//

Леля. Ну / Ксюша / я короче ему до этого звонила / ну говорила / ну давай / ложи телефон...

Вопросы, затронутые в данной статье, находятся на перекрестке антропологической лингвистики, психолингвистики, теории речевых жанров и других актуальных для современной лингвистики направлений, часть из которых имеет совсем небольшую историю изучения.

Литература

1. Бенакью Р. Выражение вежливости формами повелительного наклонения совершенного и несовершенного вида в русском языке // Труды аспектологического семинара Филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1997. – Т.3. – С.6-17.
2. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001.
3. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. – М.: КомКнига, 2005.
4. Глушак В.М. Дискурсивная парадигма речевого поведения. – Сургут: Изд-во Сургутского университета, 2006.
5. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974.
6. Schubert K. Respekt – Eine kritische Neubewertung von “power” und “solidarity”. – Kiel, 1985.

© А.А. Шмаков

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ АДРЕСАТА В СОВРЕМЕННОЙ ПЕЧАТНОЙ РЕКЛАМЕ (НА ПРИМЕРЕ ОБРАЩЕНИЙ)

В конце XX века с развитием общественных и рыночных отношений реклама – одна из форм массовой коммуникации – прочно вошла в российскую действительность. Современные россияне, как и жители любой развитой страны, окружены рекламным фоном, который с каждым годом становится все ярче и насыщеннее. Однако эффективность рекламы обратно пропорциональна росту количества рекламных сообщений, поскольку в этом случае резко возрастает вероятность того, что адресат не получит предназначавшегося ему рекламного сообщения, и оно просто растворится в «коммуникативном шуме» [6].

Мировая экономика заинтересована в том, чтобы рекламная коммуникация стала эффективнее, поэтому в настоящее время реклама как объект разноаспектного изучения пользуется огромной популярностью. Теория коммуникаций, включающая в себя целый комплекс субдисциплин, рассматривающих наиболее общие закономерности формирования и функционирования человеческой коммуникации, занимает важное место среди наук, изучающих рекламу.

Современная интерпретация понятия «реклама» предполагает совмещение различных подходов. Западные исследователи (П. Смит, К. Бери, А. Пулдорф) обычно рассматривают рекламу как часть широкого комплекса каналов и средств продвижения товара от производителя к потребителю – «комплекса интегрированных маркетинговых коммуникаций» [10. С. 11]. В узком смысле понятие *реклама* означает особую форму коммуникации между рекламодателем и потребителем, предполагающую распространение информации о товарах и услугах при помощи различных средств, включающих как традиционные СМИ, так и специализированные рекламные каналы [10. С. 28].

Рекламная коммуникация, безусловно, определена и как один из видов социальной коммуникации. Если говорить о схеме рекламной коммуникации, то необходимо отметить, что в общих чертах она повторяет известные социальные модели коммуникации (работы Г. Лассвела, К. Шеннона, У. Уиверса, Р. О. Якобсона), в качестве компонентов которых обычно выделяются: 1) коммуникатор, его статус и структура; 2) содержание коммуникации (материалы СМИ); 3) средства коммуникации, каналы распространения информации; 4) адресат (*целевая аудитория*) и ее основные характеристики; 5) эффекты коммуникации [9. С. 23].

В данной статье предметом изучения являются формы выражения адресата в рекламных текстах. Материалом для изучения послужили более 150 текстов печатной рекламы, размещенной в метрополитене г. Новосибирска, содержащих различные формы обращения к потребителю рекламируемых товаров или услуг.

Реклама в метро – это одна из инновационных сфер рекламного бизнеса, существующая только в крупнейших российских городах, в которой применяются

передовые рекламные технологии. Новосибирский метрополитен по пассажиропотоку прочно удерживает третье место в России, а по интенсивности внедрения технических новшеств в рекламе – первое [3]. Так, в Новосибирском метрополитене представлены следующие рекламные носители: 1) приложения на колоннах в кассовых залах; 2) стикеры на кабине машиниста; 3) стикеры на турникетах; 4) лайтбоксы в кассовых залах; 5) подступёнки лестниц посадочных платформ; 6) стикеры на подвесной панели; 7) напольная графика; 8) стикеры на дверном блоке станции; 9) внешняя поверхность метropоезда; 10) приложения на стенах переходов; 11) щиты в кассовых залах; 12) постеры на эскалаторных спусках; 14) приложение на путевых стенах [3].

Разнообразие форм и видов печатной рекламы, а также их сравнительно высокая стоимость является одним из условий обеспечения качества рекламных текстов с точки зрения используемых речевых средств, хотя и не единственным.

Метроаудитория представлена людьми самых разных профессий и интересов, социальных слоев и возрастных групп, что дает возможность размещения рекламы, ориентированной на различные целевые аудитории, почти не подверженные изменениям во времени. Кроме того, метро г. Новосибирска представляет собой некую ось, вокруг которой сосредоточены основные общественные, культурные и экономические учреждения г. Новосибирска, что обеспечивает чуть более высокий образовательный и имущественный уровень пассажиров, нежели в среднем по городу. Следовательно, выше и их потребительская культура, то есть четкое понимание своих потребностей и внимательность к информации. Находясь в вагоне метро, пассажиры испытывают «информационный голод» и поэтому в течение поездки вынуждены изучать окружающие их рекламные объявления [2]. В любом случае, попав в метро, невозможно избежать непрерывного контакта с рекламой. За время поездки в вагоне метро пассажир выучивает висящий перед ним стикер в буквальном смысле наизусть, и поэтому реклама в метрополитене является действенным средством воздействия на сознание потребителей, во многом требующим от рекламодателей высокого уровня социальной ответственности за качество размещаемой информации.

Широко известно, что для эффективной рекламной деятельности и успешного достижения поставленных маркетинговых целей разработчики рекламы в процессе создания рекламного продукта решают целый спектр различных задач, в число которых входят изучение целевой аудитории как потенциального потребителя того или иного товара или услуги и подготовка текста рекламы с учетом этих данных. Знание основных особенностей потенциальных потребителей основывается на изучении их социологических и психологических характеристик: возраста, пола, состава семьи, местожительства, сведений об отношении к рекламируемому товару и т. д. Реклама оказывается наиболее эффективной, «когда она переводит свои темы на язык, полный смысла для жизни тех, на кого стремится воздействовать» [5. С. 17]. Учет адресата рекламного текста связан с прагматической и стилистической сторонами языка.

В представлении товара потребителю одно из центральных мест занимает стиль изложения рекламной информации: официально-деловой, разговорный, поэтический и др. Основной критерий отбора языковых средств – *суггестивный*, определяющий их способность направлять желания потребителя в нужное для заказчика рекламы русло. Копирайтеры используют разнообразные языковые приемы, в основе которых лежат преимущественно психологические факторы восприятия информации (примеры приводятся из собранного нами материала): 1) формы обращения, ориентированные на целевую аудиторию: *Юноши и девушки! Развлекательный центр «8-групп» приглашает вас на обучение крупье*; 2) нейтральная по стилю, краткая, но исчерпывающая информация, рассчитанная на деловых людей, ценящих время: *Оттом женские сапоги*; 3) подчеркивание выгодных условий: *Пересядь на безлимит по разумной цене 25*

р./сутки; 4) апелляция к чувству самосохранения: *Все хорошо во время! РБК между вами и риском* (реклама страховых услуг); 5) апелляция к интуиции детей как критерию правильного выбора: *Дети выбрали ЭРЛАН!* (тип дивана); 6) использование ностальгических мотивов: *Вкус, знакомый с детства* (реклама конфет); 7) ассоциация с престижностью: *Так отдыхали боги!; Это шик!; Элитарная офисная мебель; Продукты для гурманов*; 8) апелляция к низменным качествам человека: *Когда соседи начинают завидовать* (рекламируются материалы для строительства и ремонта); 9) апелляция к чувству юмора потребителя: *Белый верх, черный низ ЕСТЬ? ЕСТЬ!* (товары для бизнеса).

Тем не менее, реклама, как и любой другой вид коммуникации, может потерпеть коммуникативную неудачу, которая может быть вызвана множеством различных факторов (от ошибки в определении потребностей целевой группы до некорректного выражения адресата в рекламном тексте) и чаще всего выражается в отсутствии роста потребительского спроса на товар.

При создании рекламного текста его авторы стремятся добиться максимального психологического воздействия на целевого адресата и, стремясь быть оригинальными, часто пренебрегают различными нормами социального поведения, в том числе и нормами речевого этикета, в котором обращение играет значительную роль.

Если адресат обозначен в рекламном тексте, то чаще всего он выражен различными формами местоимений второго лица (*ты* и *вы*), хотя иногда используется обращение-существительное.

Русский речевой этикет предполагает две тональности общения – менее вежливую и более вежливую, основанные на выборе глаголов 2 л. ед. или мн. числа и *ты*- или *Вы*-форм личных и притяжательных местоимений при обращении к одному человеку. Выбор той или иной формы зависит от определенных социокультурных условий.

С точки зрения норм русского речевого этикета, обращение к незнакомому собеседнику на *ты*, если он не является ребенком, недопустимо и является проявлением неуважения. Обращаться друг к другу на *ты* могут только носители просторечия, как правило, люди со средним образованием, для носителей литературного языка подобное обращение может вызвать негативную реакцию собеседника (*Что Вы мне «тыкаете»?*). Определяя критерии выбора *ты*- или *Вы*-форм обращения, мы придерживаемся концепции Н. И. Формановской [8. С. 39].

Вы	Ты
Общение на <i>Вы</i> свидетельствует о большей вежливости:	Общение на <i>ты</i> свидетельствует о меньшей вежливости:
1. К незнакомому, малознакомому адресату	К хорошо знакомому адресату
2. В официальной обстановке общения	В неофициальной обстановке общения
3. При вежливом, сдержанном отношении к адресату	При дружеском, фамильярном, интимном отношении к адресату
4. К равному и старшему (по возрасту, положению) адресату	К равному и младшему (по возрасту, положению) адресату

Проведенное нами исследование текстов печатной рекламы, размещенной в Новосибирском метрополитене, показало, что по параметру использования *ты*- и *Вы*-форм обращения к адресату реклама в большей мере тяготеет к просторечию, нежели к литературному языку. Только одна треть рекламных текстов содержат вежливую *Вы*-форму местоимения или форму 2 л. мн. ч. глагола при обращении к «единичному» покупателю. Более половины исследованных рекламных текстов используют *ты*-форму

обращения, остальные (около 20 %) – специализированные или неспециализированные обращения-существительные.

В целом, употребление *Вы* при вежливом или официальном обращении к одному лицу («форма вежливости») – самое характерное употребление этого слова в русском языке [4. С. 535]. Употребление *Вы* вместо *ты* при обращении к одному лицу само по себе уже представляет проявление уважительного отношения к этому лицу, однако, как показало наше исследование, в рекламных текстах встречается довольно редко. В основном это реклама банков, частных медицинских клиник, а также фирм, оказывающих услуги и продающих товары высшей ценовой категории («АК БАРС Банк», «Русьбанк», «Дюна», Apple), что вполне объяснимо, поскольку целевой аудиторией данной рекламы являются взрослые состоятельные люди.

В ходе исследования нами были выделены следующие языковые средства, при помощи которых *ты*- и *Вы*-формы обращения реализуются в рекламных текстах:

1. Употребление личных местоимений *ты* и *вы* (*Вы*): *Мягкое уже в городе! Бар везде, где ты!* (реклама пива); *Если товара нет в нашем салоне, мы с удовольствием доставим его Вам домой!* (реклама салона связи); *Ирод, который Вы так долго ждали, теперь ждет Вас.*

2. Использование формы повелительного наклонения 2-ого лица глаголов а) в ед. числе: *Летняя акция: вкладывай и выигрывай!*; *Привыкай к хорошему!*; *Акция от «Кириешек»: покупай и выигрывай!*; *Оставайся с «Билайн» и получай бонус до 10 % на счет каждый месяц*; б) во мн. числе: *Тариф Red New. Звоните 059074; Грузите GPRS-пакетами от 2,5 р. за Мб.*

Кроме того, мы выделили ряд языковых средств, в сочетании с которыми *ты*-форма обращения придает рекламному сообщению излишнюю агрессивность: 1) использование жаргонной и сленговой лексики в рекламном тексте: *Купи комп – фотик в подарок* (используется молодежный сленг); *Закажи фирму и выиграй ноутбук!* (*заказать* – ‘убить’, жаргонное; реклама агентства по ликвидации предприятий); 2) использование формы 2-го лица императива от глаголов совершенного вида придает тексту характер приказа: *Прочитай журнал, просчитай ремонт!*

3. Использование формы 2-го лица настоящего времени изъявительного наклонения глаголов а) в ед. числе: *Ты выбираешь! Reebok*; б) во мн. числе: *А вы давно навещали своих родителей?* (социальная реклама).

4. Использование притяжательных местоимений а) *твой, твоя, твое*: *Услуга «Легкий шаг» в Билайн. При смене сообщит друзьям твой новый номер*; б) *ваш, ваша, ваше*: *Чем обернется ваше открытие?* (реклама пива); в) *Ваш, Ваша, Ваше*: *Готовые подарки! Упакуем красиво, сэкономим Ваше время!*

5. Одновременное употребление *ты*- и *Вы*-форм в одном рекламном тексте: *Подключись по телефону. Интернет у вас дома. Быстро и удобно; Инвестируйте в свое образование! Получи грант на годовое обучение английскому языку в E[n]glish F[irst]!*

В ходе исследования мы выяснили, что одна из компаний, предоставляющих услуги сотовой связи, дифференцирует употребление *ты*- и *Вы*-форм обращения в зависимости от возраста и социального статуса целевой аудитории. Так, при рекламе молодежных тарифов сотовой связи используются такие рекламные тексты, как *Интернет там, где ты есть. Тариф «Онлайнер»*. Однако, когда целевую аудиторию услуги составляют люди среднего возраста, в рекламном тексте встречается форма *Вы*-обращения: *Вы всегда знаете, где Ваш ребенок.*

Другая компания, предоставляющая аналогичные услуги, в своих рекламных текстах постоянно «фамильярничает» со своими потенциальными клиентами, не дифференцируя использование *ты*- и *Вы*-форм при обращении к потребителям

различных возрастных категорий: *Жги SMS-ками с любым тарифом; Ночью звони и отправляй смс внутри сети бесплатно; Ищи инопланетян для вхождения в контакт; Стань особенным с Билайн. Живи на яркой стороне; Тариф «Удивительные вещи». Подключись сейчас и получай ежемесячно по 2009 секунд.*

Обнаруженные нами отступления от традиции, согласно которой местоимения *Вы* и *Ваш* пишутся с прописной буквы при обращении к одному лицу, а при обращении к нескольким лицам *вы* и *ваш* следует писать со строчной буквы, – тема для отдельного исследования. Отметим только, что здесь реализуется символический принцип русской орфографии, благодаря которому читающий различает лексемы *вы* и *Вы*. На наш взгляд, авторам рекламных следует противостоять соблазнительному действию принципа экономии речевых усилий, стирающему заглавную букву в *Вы*, чтобы облегчить потребителю восприятие рекламной информации.

6. Употребление специализированных обращений – устойчивых формул речевого этикета: *Уважаемые клиенты! ОАО АК БАРС Банк рад предложить Вам новый выгодный срочный банковский вклад «Юбилейный»* (пример избыточной вежливости, местоимение *Вам* следует писать со строчной буквы, поскольку здесь оно выражает мн. число); *Милые дамы! Только у нас: платья, костюмы, белье, колготки; Дорогие мужчины! Путь к сердцу лежит через магазин «Монарх»; Уважаемые новосибирцы и гости нашего города, давайте говорить по-русски правильно!*

7. Употребление неспециализированных обращений – ситуативных обращений: *Все для тебя, строитель!* (баннер с рекламой магазина стройматериалов, обращение использовано в сочетании с *ты*-формой, что придает тексту практически поэтический пафос); *Юноши и девушки! Развлекательный центр «8-групп» приглашает вас на обучение крупье* (обращение образовано окказионально по аналогии с этикетной формулой *Дамы и господа!*).

Для того чтобы избежать односторонности в интерпретации фактов, обозначим другие способы выражения адресата в рекламных текстах, не вошедшие в предмет описания статьи:

1. Адресат определяется назначением товара или услуги. Так, часто используется конструкция *для + дат. падеж*: *Скажи очкам нет. Спецтарифы для студентов. Лазерная коррекция зрения.*

2. Дифференциация адресатов происходит при помощи лексико-грамматических средств. *Начни карьеру в Adidas! Приглашаем молодых людей для работы в фирменных магазинах Adidas* (в данном случае актуализируется прагматическое значение выделенного словосочетания – ‘юноши и девушки’, поскольку на картинке рядом с текстом изображена девушка на фоне полок с одеждой). *Подарите своему ребенку радость – закажите письмо от Деда Мороза* (адресация к гражданам, имеющим детей, происходит через использование выделенного словосочетания).

3 Выражение адресата происходит при помощи использования тех или иных ассоциативных полей. В данном случае нам представляется адекватным разделение ассоциативных полей по гендерному критерию. Так, для «мужской» рекламы характерно использование таких ассоциативных полей, как «Спорт», «Карьера», «Автомобили» и т. д: *Будь сильным!* (реклама журнала по пауэрлифтингу). Для «женской» рекламы типично использование таких ассоциативных полей, как «Природа», «Мода», «Дети», «Животные»: *Скоро в школу! Соберись!* (реклама магазина канцтоваров).

Подводя итоги нашему исследованию, отметим, что реклама не только стимулирует потребительский спрос на товары и услуги, но и формирует систему ценностей современного человека, воздействуя на его разум и чувства. Продуманное использование средств адресации рекламного сообщения в печатной рекламе метрополитена в сочетании с другими языковыми средствами может, с одной стороны,

повысить аттрактивность рекламного текста и улучшить процесс коммуникации, а с другой – во многом способствовать формированию положительных морально-нравственных качеств людей и благоприятной атмосферы в обществе.

Литература

1. Колегаева А.В. Теория коммуникации: прагматический подход. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2006.
2. Реклама в метро. – <http://www.reclamam.ru>
3. Реклама в метро Новосибирска. – <http://www.metro-rus.ru>
4. Русская грамматика. – Т. 1. – М., 1982.
5. Сэндидж Ч., Фрайбургер В., Ротцолл К. Реклама. Теория и практика. – М., 1989.
6. Траут Дж., Райс Э. Позиционирование: битва за умы. – СПб.: Питер, 2006.
7. Треблер С.М. О гендерном представлении адресата в рекламном тексте // Язык. Культура. Коммуникация. Материалы Международной заочной научно-практической конференции. – Ульяновск, 2008. – С. 238-241.
8. Формановская Н.И. Вы сказали «Здравствуйте!». – М.: Знание, 1989.
9. Черногрудова Е.П. Основы речевой коммуникации. – М.: Экзамен, 2008.
10. Шарков Ф.И. Реклама в коммуникационном процессе. – М.: Дашков и К, 2008.

© Т.Г. Игнатьева

Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева, Красноярск, Россия

СЕМИОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Семиометрия предполагает установление смыслового содержания, которое даёт общество тому или иному слову в определённую историческую эпоху. Ещё в пятидесятых годах прошлого столетия К.Ж. Холлиман говорил о том, что необходимо искать ту социальную деятельность, по отношению к которой слово приобрело свой размах, свой взлёт или свой новый смысл [7. Р. 15]. Но только в настоящее время, в связи с развитием когнитологии и осознанием знания как познавательной ценности, находящей выражение в языке, лингвистика всё чаще обращается к категории социальных (социокультурных) смыслов, стараясь найти и объяснить «моменты истины» в эволюции, развитии того или иного понятия. Семиометрический анализ позволяет выделить вехи в понятийной истории слов, т. е. в эволюции понятий.

Работая с диахроническими текстами, историки языка как никто другой понимают, что нельзя воспринимать текст литературного памятника как объект, автономный от внешнего контекста, от всего того, что называют культурным кодом эпохи. Только учет внешней истории языка, истории развития общества, позволяет хотя бы частично «схватить» историчность каждого текста. То, что термин «семиометрия», созданный, вероятно, по аналогии с термином «социометрия», стал активно внедряться в современную лингвистику, нам представляется закономерным. Семиометрический анализ позволяет опираться на почву живой истории при лингвистических исследованиях.

Может возникнуть вопрос о том, зачем вводить семиометрический анализ, если есть этимологический. На наш взгляд, здесь есть существенная разница. Целью этимологического анализа слова является определение того, когда, в каком языке, по какой словообразовательной модели, на базе какого языкового материала, в какой форме и с каким значением возникло слово, а также какие исторические изменения его первичной формы и значения обусловили форму и значение, известные исследователю. Реконструкция первичной формы и значения – предмет этимологического анализа [ЛЭС: 596]. От себя добавим, что этимологический анализ относится к семантическому уровню языка, он денотативно ориентирован. Предметом изучения при этимологическом анализе является значение слова.

Семиометрический анализ имеет свой предмет изучения – это смысл, в других терминах – дессигнат, концепт, понятие. Данный анализ относится к концептуальному уровню языка, и сфера его обитания – индивидуальная концептуальная система человека [2]. В нашем понимании, это система личностных смыслов, имеющих социокультурную природу. Личностные смыслы формируются в сознании человека в процессе его роста, функционируют в течение всей жизни и представляют собой элементы культуры, входящие в систему его мировоззрения. Здесь необходимо различать процесс стихийного «насыщения» культурой и сознательный процесс отбора жизненно важных для себя

ориентиров, формирующих человека как личность. Концептуальный уровень – это самая высокая абстракция. В отличие от семантического уровня он не имеет ограничения в виде объективной реальности, можно образно сказать, что это космическое пространство мысли. При этимологическом анализе исследователь опирается на данные этимологических словарей. При семиотрическом анализе исследовательская база значительно расширяется. Кроме этимологических, используются толковые, энциклопедические, идеографические, философские, исторические и другие словари, авторские литературные тексты, исторические описания, результаты палеографических исследований и т. д. Другими словами, учитывается комплекс культурологических значений, выработанных разными науками и ведущих к образованию ценностного (социокультурного) смысла слова. При этом учитывается и социальная практика, обуславливающая смысловые значения слов.

Семиотрический анализ восполняет идеологические «лакуны» этимологического анализа и придает лингвистическим исследованиям интегративный характер. Это новый, более широкий уровень исследования, который раздвигает горизонты лингвистики посредством включения таких наук, как социология, психология, культурология, философия, литературоведение, этнография и др. В целом это ведёт к осознанию языковых компетенций не просто как средств коммуникации, но и как выразителей общечеловеческого знания, каковым является культура. Е.Ф. Серебренникова отмечает, что при семиотрии высказываниям, образующим дискурс, придаётся концептуальное оценочное обоснование [4. С. 57]. Это значит, что любой текст предлагается к чтению «в presupпозиции ценностной ориентации создавшего его автора» (там же).

Для диахронических исследований это положение очень важно, поскольку прошлое, особенно далёкое прошлое, мы можем изучить только через письменные авторские тексты. При этом автор может быть и анонимным, что в истории языка встречается достаточно часто. Семиотрический анализ субъектноориентирован, он включает ценностную составляющую, и, как таковая, она может существовать только в ситуации, где «человек есть мера всех вещей».

Предметом нашего интереса являются средние века. Значимость эпохи Средневековья состоит в том, что она является переходным периодом от человека античного к человеку Возрождения. Данный переход осуществляется на основе христианского учения. Средневековая личность представляет собой по сравнению с античностью новый социальный образ человека. Меняются базисные составляющие культуры: способы хозяйствования, социальные институты, власть, социальное устройство, и, конечно, меняется человек как личность. Средневековая культура характеризуется бинарностью, сопряжением мира небесного и мира земного. Люди живут в мире, где вмешательство сверхъестественных сил считается нормальным явлением. Человек есть цель космической борьбы между силами добра и зла, но человек не пассивен, у него есть право выбора. Говоря о формировании средневековой личности, мы опираемся на рассуждения В.М. Розина, который считает, что в основе формирования средневековой культуры и средневекового мышления лежит эзотерическое мироощущение. Эзотерик не только верит в подлинную реальность (например, мир идей или вечную жизнь в лоне Бога), но и активно познаёт её, не столько ждёт, когда он попадёт в подлинную реальность (вечную жизнь в раю), сколько всю свою жизнь направляет на обретение этой реальности. Один из важнейших эзотерических принципов – кардинальное изменение себя, без этого невозможно обретение подлинной реальности. Важный сюжет эзотерических учений – описание духовного переворота, происходящего с человеком, который, с одной стороны, осознаёт невозможность привычного существования в обычном мире, с другой – выходит на идею спасения, содержащую веру

в существование подлинной реальности и жизни. В форме эзотерических переживаний и познания средневековый человек рефлексировал свою личность. Но одновременно в форме рефлексии своей личности, эзотерик познаёт окружающий мир. Особенностью средневековой личности является конкретная диалектика свободы и необходимости, суть которой состояла в признании в рамках корпоративных отношений и веры в Бога, также и личной свободы человека [3. С. 74-85]. Для логики нашей работы данные рассуждения важны, поскольку они помогают понять и объяснить как литературоведческие, так и собственно лингвистические особенности диахронических текстов, в которых меморизованы социокультурные смыслы различных эпох.

Для социометрического анализа мы выбрали слово *chevalier* – рыцарь, которое относится к ядерной сфере феодальной лексики и представляет из себя «несущую конструкцию» в плане социокультурных смыслов эпохи. Данное слово отражает идеи иерархического вассалитета и рыцарского этикета, которые являются базовыми культурными ценностями при формировании феодальной культуры. В данном слове мы выделяем два социокультурных смысла: 1) воин-всадник, 2) куртуазный влюбленный. Оба смысла обусловлены социальной практикой эпохи.

Рассмотрим семиотику первого смысла «воин-всадник». Конная кавалерия является элитной частью любого войска. Так, в Большом универсальном словаре Larousse находим упоминание о том, что ещё в древней Спарте словом *chevalier* назывались конные всадники, формирующие элитные корпуса [GDU: 47]. В Римской Республике основатель Рима Ромул разделил народ на патрициев, всадников (*chevalier*) и плебеев [Littré: 894].

В латинском языке существовали слова *miles* – воин, *eques* – всадник. Последнее слово становится всё более редким, прилагается к верховым, которые не входят в состав тяжелой кавалерии: к конным лучникам, дозорным, вестовым и вообще к лицам, которые на лошади оказались случайно. Постепенно оно выходит из употребления.

По мнению Ж.Флори, слово *miles* означало солдата, безразлично, пешего или конного. Отметим, что в латинско-русском словаре О.Петрученко данное слово переводится как «рядовой». Естественно предположить, что речь идёт о пешем солдате, так как рядовой вряд ли мог иметь лошадь. Тем не менее, источники утверждают, что в течение 10-11 веков слово получает значение отборного воина всадника, тогда так стали именовать себя представители аристократии, поскольку к этому времени право осуществлять власть над людьми приобрела именно военная аристократия. То, что «*milites*» подменяют собой «*equites*», – эта лексическая «неточность» выражает собой, вне всякого сомнения, идеологическую мутацию: отныне воины, которые «идут в счёт», молва о деяниях которых передаётся из уст в уста и о подвигах которых слагают песни, – это только всадники («рыцари») [5. С. 106]. На романский язык слово переводится как «*chevalier*» и, согласно данным большинства словарей, этимологически восходит к галльскому «*caballus*» – лошадь, конь. Процесс начался на юге Франции, где слова вульгарной латыни легко проникали в язык сcribes. Первоначально «*miles*» и «*chevalier*» выступали синонимами, второй термин имел чисто профессиональное значение, указывая на воина, который способен сражаться на лошади, каким бы ни был его социальный ранг. Постепенно романское слово вытеснило латинское.

Массовое появление социальной группы людей, именуемых «*les chevaliers*», относят к концу тысячного года, эпохе строительства замков и образования вокруг них сеньорий в масштабах, не виданных ни ранее, ни позднее. Вначале слово не имело чёткого социального «прикрепления». Рыцарем мог стать как малоимущий и незнатный представитель воинского сословия, так и высший сеньор или принц. Главное, что отделяло рыцаря от простолюдина – посвящение в рыцарское достоинство. В 13 веке ситуация меняется. Дворянство и рыцарство сближаются и смешиваются.

Соответственно, и слово «chevalier» принимает значение почетной профессии воина и, значительно позднее, дополнительное значение дворянского титула. В 13-15 веках слово подразумевает воина-профессионала, но не всякого, а лишь такого, который выполняет свою воинскую функцию в составе элитарного корпуса, имеющего в высшей степени аристократический характер [5. С. 106].

С 13 века термин становится «словом цивилизации», оно делается общепринятым в остальных странах Европы и в таком статусе доживает до наших дней, о чём свидетельствуют беспереводные заимствования, в частности, в русском языке. Так, находим: *chevalier au lion* – рыцарь льва, *chevalier de la Triste Figure* – рыцарь печального образа, *chevalier d'industrie* – ловкий пройдоха, проходимец, *chevalier de lustre* – рыцарь люстры, ироническое название наемных хлопальщиков в театральных залах, клакер. *Chtvalier sans peur et sans reproche* – рыцарь без страха и упрёка, *chevalier servant* – услужливый кавалер, дамский угодник [СИБС: 253-254]. За каждым выражением стоит своя «социальная история». Например, последнее выражение *chevalier servant* имеет историческим эквивалентом выражение *chevalier d'honneur*. Так именовалось высшее должностное лицо при королеве или принцессе, в обязанности которого входило подавать ей руку, когда высокородная дама выходит. Попутно отметим, что под историческим эквивалентом слова или словосочетания мы понимаем слова, словосочетания, репрезентирующие реальную социальную практику той или иной исторической эпохи, послужившую семантической базой перифрастической номинации.

Диахроническая семиметрия слова *chevalier* может быть представлена формулой *eques – miles – chevalier*. Последнее слово заменило латинские в силу того, что в Средневековье значительно расширило свой понятийный потенциал, инкорпорируя такие значения как *nobilis*, *vassus*, *fidelis*. По словарю старофранцузского языка А.Ж. Греймаса, *nobilis* дало *noble*, *nobile* – высокородный, знатный. Это слово латинского происхождения. *Vassus* восходит к кельтскому субстрату и означает знатного человека, который сопровождает своего сеньора на войну и приходит ему на помощь, как это предписывается обычаем. *Fidelis* в латинском языке означает «верный, надёжный», в словаре Греймаса слово не представлено.

Говоря о семиметрическом поле термина *chevalier*, сошлёмся на данные семантических исследований З.Н. Волковой, которые учёный провела на материале «Песни о Роланде». Мы руководствуемся тем общепринятым фактом, что в данном шедевре героического эпоса представлен идеальный рыцарь. *Chevalier* характеризуется как обладающий качествами доблестного рыцаря; умеющий сломать копьё противника, разбить его щит, сразить, помочь и посоветовать доблестным рыцарям; а также тот, кто сидя на коне и будучи вооруженным, разит врага, обладая доблестью (*valor*), кто наносит удары копьём и мечом; кто устраивает трудные бои и побеждает в них; кто шпорит коня, чтобы разбить врага; кто оплакивает павших в бою товарищей; тот, за чью смерть мстят боевые друзья; рыцарь, воин [1]. Ядерным социометрическим смыслом термина является понятие «доблесть» – *valor*.

Семиметрическая эволюция слова *chevalier* длится на протяжении долгих веков, само слово неоднократно становилось предметом интереса учёных (К.-J. Holliman, 1957; G. Duby, 2004; З.Н. Волкова, 1983; М.И. Олевская, 2002 и др.), но полного семиметрического исследования ещё не сделано. Настоящая статья в этом плане носит фрагментарный характер и имеет целью поддержать интерес исследователей (особенно начинающих) к диахроническим изысканиям. Понятийная сфера термина *chevalier* достаточно широка для того, чтобы выразить значение личностных качеств человека, способного служить идеалом для целых исторических эпох и современная эпоха, при этом, не является исключением.

Литература

1. Волкова З.Н. Истоки французского литературного языка. – М.: Высшая школа, 1983.
2. Павленис Р.И. Проблемы смысла: Современный логико-философский анализ языка. – М.: Мысль, 1983.
3. Розин В.М. Личность как учредитель и менеджер «себя» и субъект культуры // Человек как субъект культуры. – М.: Наука, 2002.
4. Серебренникова Е.Ф. Семиметрия как способ аксиологического анализа // Этносемиметрия ценностных смыслов. – Иркутск: ИГЛУ, 2008.
5. Флори Ж. Повседневная жизнь рыцарей в средние века. – М.: Молодая гвардия, 2006.
6. Duby J. La société chevaleresque. – Paris: Flammarion, 1988.
7. Holliman K.-J. Le développement du vocabulaire féodal en France pendant le haut moyen âge (étude sémantique). – Genève: E. Droz. – Paris: Minard, 1957.

Справочно-библиографическая литература

- Бабкин А.М., Шендецов В.В. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода. – Санкт-Петербург: Квотам, 1994. (СИБС)
- Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. (ЛЭС)
- Петрученко О. Латинско-русский словарь. Репринт 9-го издания 1914 г. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Щичалина, 1994.
- Шишмарев В.Ф. Словарь старофранцузского языка к Книге для чтения по истории французского языка. – М., -Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1955.
- Grand Dictionnaire Universel . T. 4. – Paris: Larousse, 1865. (GDU)
- Greimas A.-J., Dictionnaire de l' ancien français. – Paris: Larousse, 2004.
- Dauzat A. Dictionnaire étymologique de la langue française. – Paris: Larousse, 1938.
- Littré P.-E. Dictionnaire de la langue française. T.1. – Monté-Carlo: Edition du Cap, 1956.
- Petit Robert / Rédaction J.Rey-Debove, H.Cottez, A.Rey. – Paris: Le Robert, 1972.
- Picoche J. Dictionnaire étymologique du français. – Paris: Le Robert, 1962.

© Е.Н. Михайлова

Белгородский государственный университет, Белгород, Россия

ПРОБЛЕМА НАРЕЧИЯ В РЕНЕССАНСНЫХ ОПИСАНИЯХ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Эпоху Возрождения по праву называют важнейшим поворотным моментом в истории языкознания, поскольку именно в это время закладывались и утверждались основы европейских национальных лингвистических традиций и зарождались новые подходы к осмыслению и описанию языков мира. Франция стала одной из первых европейских держав, включившихся в процесс массовой грамматизации в начале XVI в., и уже к концу столетия создала немало работ, отличавшихся оригинальным подходом к решению ключевых проблем знания о языке.

Основой феномена грамматизации для французского языка, как и для других языков в то время, стал латинский извод канонической модели, названный С. Ору «латинской грамматикой предельно широкого диапазона», или «Большой Латинской Грамматикой» (*Grammaire Latine Etendue*) [4. Р. 18-19]. При осмыслении строя родного языка французским гуманистам пришлось столкнуться с комплексом проблем, решение которых потребовало кардинального пересмотра традиционных принципов грамматического описания. С одной стороны, речь идет о невозможности механического переноса положений канона, сформулированных применительно к флективному языку, каким был латинский, на описание языка с аналитической системой, каким к тому времени стал французский. С другой стороны, постулаты канона и незыблемые доселе догмы античной и средневековой научной мысли уже не отвечали новым принципам поиска истины, которыми руководствовались гуманисты при создании грамматик живых языков.

Яркий пример того, как происходил пересмотр постулатов канона и насколько оригинальными были воззрения гуманистов на природу французского языка, дает наречный класс слов, трактовка которого во французских грамматиках XVI в. имеет намного больше разночтений, чем при описании других частей речи. Эти разночтения продиктованы, с одной стороны, стремлением гуманистов сохранить значимые применительно к «парадигме» традиционной грамматики единицы, с другой стороны – пониманием того, что во французском языке наречная парадигма представлена иначе, чем в латинском.

Рассмотрим, какой круг проблем решался авторами первых французских грамматик в связи с осмыслением феномена наречия, какова была степень воздействия канона на выработку принципов описания наречного класса слов, каким образом наречие как часть речи было представлено во французских грамматиках XVI в., в чем состояли разночтения в интерпретации вопросов, связанных с описанием наречной парадигмы, и чем они были обусловлены.

Как отмечают многие лингвисты, наречие является тем классом слов, при описании которого неизменно встречаются трудности, касающиеся выделения данной части речи и ее дефиниции [2; 6; 9]. В истории грамматики наречие изначально являлось

своего рода «свалочным местом» для всех неизменяемых слов [7. Р. 77; 2. С. 569]. Так, у Присциана мы находим сведения о том, насколько прозрачной была граница наречий у стоиков, которые причисляли их к именам или глаголам и «называли их как бы прилагательными глаголов» [9. Р. 16]. Не меньшей подвижностью отличалась парадигма наречия в трудах александрийцев и позднеантичных авторов, в том числе и у самого Присциана. Обусловлено это было прежде всего природой данной части речи, к отличительным признакам которой относятся исключительная пестрота строения, «мозаичность» значения, зыбкость и текучесть границ, связанная с постоянной адвербиализацией различных классов слов, широта синтаксических возможностей.

Сложная природа наречия, действительно, стала одной из причин неоднозначных подходов французских гуманистов к проблеме его описания. Помимо этого, применительно к ранненовофранцузскому периоду эта проблема осложнялась еще и тем, что парадигма наречия в то время продолжала эволюционировать, будучи частью общего для французского языка процесса становления аналитической системы в грамматике, а, как известно, эволюция языковых явлений неизбежно сопровождается высоким уровнем их вариативности.

Между тем природа языка-объекта грамматического описания не была единственной причиной, обусловившей трансформацию постулатов канона. В определенной мере многообразие подходов к описанию наречия в ренессансных грамматиках французского языка было связано с тем, что «Большая Латинская Грамматика», положенная в основу описания французского языка, в отношении наречного класса слов не отличалась однозначностью критериев его выделения и столь жесткой структурной организацией, как при описании таких частей речи, как имя или глагол.

В латинской грамматике Элия Доната, взятой за образец при создании многих описаний французского языка, класс наречий представлен достаточно расплывчато. Донат пишет о наречии как о части речи, присоединяемой к глаголу и дополняющей или уточняющей его значение [3. Р. 9]. В числе признаков (акциденций) наречия он выделяет *значение (significatio), сравнение (comparatio), фигуру (figura)*, описание которых ограничивается слишком краткими правилами и относительно небольшим перечнем примеров. В целом описание наречного класса слов исчерпывается у него вопросами морфологии, синтаксис же остается за рамками грамматического анализа.

Описание наречий во французских грамматиках начинается, как и у Доната, с определения данной части речи. Прослеживается зависимость его формулировки от типологии грамматик: в практических руководствах по языку, как правило, воссоздается каноническое определение Доната – либо дословное, либо с небольшими уточнениями (Ш.Этьен, Ж.Гарнье, Ф.Гарнье); в объяснительных грамматиках, как правило, авторы предпринимают попытку сформулировать собственное определение для данной части речи, включив в него как можно большее число дифференциальных признаков (Л.Мегре, Р.Этьен, П.де ла Раме, А.Коши, Ш.Моп). Примечательно, что в отдельных грамматиках, составляющих сокровищницу французской лингвистической мысли эпохи Возрождения, определение для наречия отсутствует. В частности, нет его в грамматиках Ж.Дюбуа (1531) и Ж.Массе (1606), в которых описание наречия начинается с презентации его признаков (акциденций) и ограничивается их классификацией по значению (*significatio*).

К числу наиболее интересных с точки зрения расширения традиционного подхода к решению проблемы наречия являются дефиниции Л.Мегре и П. де ла Раме. В трактате Л.Мегре (1550) наречия определяются как слова, осуществляющие любое управление глагола, на этом основании к данному классу слов грамматист относит как собственно наречия, так и причастия в связи с тем, что они имеют много общего в семантике: «*Tout gouvernement du verbe fut adverbe, parce que c'est une adjonction au verbe, sous lequel il faut*

aussi comprendre le participe : comme qui a la même signification» [8. P. 48]. Как видим, Мегре исходит из этимологии термина *adverbum*, уточняя его в деталях применительно к особенностям французского узуса.

Определение наречия, данное Рамусом (1572), принципиально отличается от определений, получивших отражение в других грамматиках XVI в., что обусловлено оригинальной концепцией частей речи, представленной им во всех написанных им грамматиках – латинского, французского и греческого языков. Оригинальность этой концепции обусловлена в немалой степени тем, что Рамус был главой философского скептицизма в эпоху великих перемен, происходивших в то время в сфере познания. В основе рамусовской теории частей речи лежит идея о том, что категория числа выступает в качестве ведущей единицы при категоризации мира языка. На основании того, обладает или нет тот или иной класс слов данной категорией, Рамус и проводит классификацию слов по частям речи. Так, имя для него – это «слово с числом и родом» [11. P. 67], глагол – «слово с числом и временем» [11. P. 87], а наречие – «слово без числа, которое кроме своего основного значения не обозначает никакого времени» [11. P. 116]. В результате такого подхода в класс наречий у Рамуса оказались включенными наряду с собственно наречиями также союзы и предлоги, т. е. все неизменяемые части речи.

Признавая безусловную оригинальность концепции Рамуса в отношении деления слов по частям речи, нельзя не заметить определенного сходства между ней и концепцией Варрона, предлагавшего рассматривать в качестве ведущих критериев при классификации слов по частям речи падеж и время. Как отмечает знаменитый античный мыслитель, в отличие от имени, глагола и причастия, которые этими признаками обладают частично (имя, глагол) или полностью (причастие), наречие их лишено [1. С. 105-106]. В концепции Рамуса сохраняется категория времени, а вместо категории падежа он предлагает использовать категорию числа. В известной мере такое решение объясняется философскими воззрениями ученого, пытавшегося найти универсальные признаки для систематизации явлений природы и языка, кроме того, Рамус был известен в Европе как блестящий математик, поэтому именно число, а не другие признаки стало для него своего рода мерой всех вещей.

Попытки осмысления феномена наречия привели гуманистов к необходимости решения вопроса о границах данной части речи. Анализ ренессансных грамматик французского языка показывает, что в них отсутствует единый репертуар классов слов, относимых к наречию. Обращает на себя внимание то, что несмотря на сохранение традиционной восьмичленной системы частей речи, авторы французских грамматик значительно расширили наречную парадигму за счет других классов слов, которые сохраняли свое место в ренессансных грамматиках и как самостоятельные части речи. К их числу относятся междометие (*hé, heu, jau, heus, hola, haula, etc.*), предлог (*a, par, en, de, avec, vers, etc.*), причастие (*ioignant, tenant*), артикль (*du, des, au, aux, aus*), существительное (*soer, matin*), местоимение (*avec moy, avec toy, avec luy, l'un d'avec l'autre*). Кроме того, в рамках наречной парадигмы в ряде работ широко были представлены сложные сочетания (*par ma foi, a l'ancienne mode, a la Françoëze, a plus de fois, vive le Roy*).

Это разнообразие форм, получивших отражение в ренессансных грамматиках в рамках наречной парадигмы, говорит о том, что проблема классификации слов по частям речи решалась гуманистами как часть глобальной проблемы слова: с одной стороны, слова, наделенного определенным репертуаром значений и признаков, с другой стороны, слова цельнооформленного или раздельнооформленного. Своеобразным подтверждением последнему положению служит вариативность орфографии сложных наречных форм, получивших свое отражение в текстах грамматик: *trespetit, tresbien, trepeu, tré-peu, tré-mal, de tous-iours, au point duiour*. Слитное, раздельное или дефисное написание

свидетельствуют о стремлении гуманистов сообразовать членение семантико-синтаксического целого с принципами описания классов слов, принятыми в «Большой Латинской Грамматике», ядром частеречного анализа которой было прежде всего цельнооформленное слово.

Наибольшее число разночтений в описании наречия обнаруживается при обращении к категориальному уровню анализа. Ренессансная традиция внесла существенные коррективы в канонический набор признаков для наречия, который был представлен акциденциями значения (*significatio*), сравнения (*comparatio*), фигуры (*figura*). К числу принципиальных изменений, внесенных в канон, стала, во-первых, девальвация статуса традиционных категориальных признаков наречия, во-вторых, расширение их репертуара, в-третьих, изменение соотношения между ними (часть вместо целого, горизонталь вместо вертикали). В итоге вместо трех акциденций наречная парадигма получила описание с помощью таких признаков, как вид (*espèce*), качество (*qualité*), фигура (*figure*), сравнение (*comparaison*), значение (*signification*), деривация (*dérivation*), употребление / присоединение (*emploi, adjonction*). Эти признаки позволяли авторам французских грамматик достаточно полно описывать характерные для класса наречия особенности семантики (значение, сравнение), формообразования (вид, качество, фигура, деривация) и функционирования (употребление / присоединение).

Достаточно подробное описание разнообразных значений наречия представлено в объяснительных грамматиках, авторы которых вслед за авторитетами античности выделяли от одного до трех десятков семантических типов или «разновидностей» наречий. Центром этой системы были *время, место, качество, количество*, периферия была представлена такими значениями, как *вопрос, ответ, утверждение, отрицание, запрещение, клятва, указание, противоречие, повтор, согласие, указание, сомнение, ликование* и др.

Особое место в репертуаре значений занимает *сравнение*, которое рассматривается применительно к наречиям либо как самостоятельный признак, либо как одно из значений (*significatio*) наречия. Первым французским автором, в работе которого мы находим нарушение категориальной иерархии наречных признаков, связанное с девальвацией статуса сравнения, является Ж. Пилло (1550), аналогичная структура наречной парадигмы представлена в самой авторитетной грамматике XVI в. – у Р. Этьена (1556) и в последней грамматике, отразившей дух ренессансной эпохи, – у Ш. Мона (1607).

Еще одним способом изменения постулатов канона в описании данного признака, является вынесение его за рамки наречной парадигмы. В результате этого сравнение наречий получило освещение либо вместе с категорией сравнения прилагательных в рамках имени как части речи (Ж. Пилло, Ф. Гарнье), либо было вынесено, как у Рамуса, в раздел синтаксиса, что было обусловлено спецификой формообразования степеней сравнения наречий, использовавших для этого преимущественно аналитическую модель (*plus volontiers, tresbien, tresmal, plus saignement, moyns discretement*, etc.). Как видим, природа языка-объекта грамматического описания вынуждала гуманистов обращаться при трактовке наречия наряду с понятием слова к понятию конструкции (*constructio*). В итоге проблема наречия в ренессансных грамматиках оказалась тесно связанной с пониманием аналитизма французского языка или того, что в современной лингвистике принято называть флективной и аналитической морфологией.

Не меньше разночтений в грамматиках XVI в. обнаруживается при обращении к трактовке гуманистами вопросов формообразования наречий, получивших освещение через такие признаки, как *вид, качество, фигура, деривация*. Как видим, вместо канонической категории *фигуры*, позволявшей выделять простые и составные наречия (*hier, devant hier*), гуманисты наполнили парадигму наречия новым признаком, каким

была *деривация*, и ввели *вид* и *качество*, традиционно использовавшиеся для описания таких знаменательных частей речи, как имя и глагол. Изначально за акциденцией *вида* стояло два типа значений: деление слов на *первичные* и *производные* (что в определенной мере сближало ее с традиционной акциденцией *фигуры* и давало возможность обратиться в вопросам деривации) и деление по *значению* (что сближало ее с традиционной категорией *качества*). Это многообразие решений проблемы образования наречных форм в рамках ренессансной традиции свидетельствует о поиске гуманистами адекватной схемы описания явлений языковой реальности, данных через непосредственное наблюдение над узусом.

Совершенно новым элементом для канонической схемы описания наречной парадигмы стало *употребление / присоединение* – признак, который был введен гуманистами для того, чтобы показать сочетательные возможности наречий с глаголами и другими частями речи: именем существительным, прилагательным, артиклем, предлогами и самими наречиями. В грамматиках XVI в. он представляет собой яркий пример лакуны в грамматической терминсистеме, поскольку не имеет терминологического статуса и у разных авторов вербализуется по-разному: *l'emploi, il est employé, il est adjoind, il se joint*, etc. В определенной мере за этим новым признаком стоит все та же акциденция *фигуры*, дающая возможность показать многообразие способов образования наречных форм. В то же время за этим нововведением отчетливо прослеживается стремление гуманистов вывести анализ частей речи за рамки понятий «слово» и «конструкция» и показать его возможности в рамках предложения.

Обращает на себя внимание то, что представлен данный признак был далеко не у всех авторов и не для всех типов наречий. В частности, в грамматиках Л.Мегре, Р.Этьена и Ш.Мопа об употреблении / присоединении речь идет при описании наречий со значением времени. Так, у Мегре отмечается, что такие наречия, как *hier, matin, soir* могут сочетаться лишь с теми глагольными формами, которые имеют то же время, как, например: *je boe maintenant, je bus hier, je burey demain* [8. P. 49]. У Р.Этьена представлен более развернутый перечень примеров, показывающих, каким образом значение времени реализуется в отдельных формах: «Present, comme Hores, Maintenant, Presentement. Temps passé, comme Jadis, Pieca, Hier, l'Autre hier, Aufoir, Ia, Nagueres, Auparauant. Temps futur, Demain, Apres demain» [5. P. 86]. Как видим, анализ наречного класса слов в ренессансных грамматиках выстраивается не столько вокруг понятия «слово», сколько вокруг понятия «конструкция», что свидетельствует о достаточно зрелом понимании гуманистами специфики родного языка.

Итак, анализ воззрений гуманистов на природу наречия позволяет заключить, что разночтения в интерпретации данного класса слов в период зарождения французской национальной грамматической традиции обусловлены совокупностью причин. Прежде всего это связано с тем, что каноническая модель в отношении парадигмы наречия не была столь жестко регламентирована, как в отношении таких частей речи, как имя и глагол. Кроме того, узус, данный гуманистам в непосредственном наблюдении, отличался в то время широкой вариативностью форм, что также затрудняло процесс классификации и категоризации наречий как части общей системы языка. Наконец, субъективное восприятие действительности, обусловленное философскими, прагматическими, эстетическими и другими факторами, определило специфику восприятия, осмысления и репрезентации явлений языковой реальности, что получило отражение в многочисленных для ренессансной традиции оригинальных авторских парадигмах.

В результате пересмотра положений канона гуманисты вынуждены были по-новому подойти к решению вопроса о сущности слова, обратить внимание на необходимость освещения вопросов синтаксиса, переосмыслить традиционные

постулаты теории частей речи, прежде всего того, что было связано с осознанием ими аналитической природы французского языка.

Литература

1. Варрон Марк Теренций. О латинском языке // Античные теории языка и стиля. – СПб.: Алетейя, 1996. – С. 104-110.
2. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Наука, 1972.
3. Ars Donati grammatici // Holtz L. Donat et la tradition de l'enseignement de la grammaire. – Paris : Ed. SNRS, 1981. – Pp. 585-650.
4. Auroux S. (dir.). Histoire des idées linguistiques : Le développement de la grammaire occidentale. – Liège : Mardaga, 1992.
5. Estienne Robert. Traicté de la Grâmaire francoise. – Paris : Chez R.Estienne, 1556.
6. Karcevskij S. Sur la nature de l'adverbe // Travaux du Cercle linguistique de Prague. – Prague, 1936. – Vol. XVIII. – Pp. 107-111.
7. Lafont P. La phrase occitane. – Paris : Flammarion, 1967.
8. Meigret Louis. Trètté de la gramère françoèze. – Paris : Chez Ch. Wechel, 1550.
9. Nølke H. Les adverbes français. Essais de description fonctionnelle. – Copenhague : Nordisk forl., 1993.
10. Priscianus. Institutionum Grammaticarum libri XVIII // Grammatici Latini, Vol. II. – Lipsiae : Teubner, 1857.
11. Ramée Pierre de la. Grammaire. – Paris : Chez D. Du Val, 1572.

© Е.И. Бейн

Таганрогский государственный педагогический институт, Таганрог, Россия

АСИММЕТРИЯ КАК ИСТОЧНИК ДВИЖЕНИЯ В ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ)

Симметрия есть то, что характеризует всякую систему как набор инвариантных единиц, связанных бинарными отношениями. Симметрия обеспечивает устойчивость и стремление системы к равновесию. Асимметрия, или «неустойчивое равновесие» (Карцевский), напротив, предполагает динамику, активность [1]. Языковая асимметрия как противоречие между формой и содержанием (означаемым и означающим) является не только движущей силой развития и функционирования языка, но и источником динамического развития всех подсистем, или уровней языка. Это тот краеугольный камень, благодаря которому язык живет и развивается. Отсутствие асимметрии положило бы конец движению. Цель статьи – изучить особенности соотношения форм и функций частей речи и причины, предопределяющие их симметричное или асимметричное функционирование. Движение в языке – это не сиюминутный процесс, а неотъемлемая и постоянная его характеристика, и только ретроспективный (исторический) подход дает представление о динамике языка, о причинно-следственных связях языковых элементов, принадлежащих к различным лингвистическим уровням, и позволяет увидеть перспективы его развития.

Явление асимметрии не может рассматриваться вне дихотомии язык/речь. Оно относится к речи как реализации системы языка. В речи и в языке одни и те же элементы предстают по-разному. Именно в речи создаются новые отношения, которые затем закрепляются в языке. «Неустойчивое равновесие» между означаемым и означающим, когда означающее выполняет в языке не только свою, но и другие функции, а означаемое стремится найти свое выражение самыми различными способами, подтверждается при ретроспективном взгляде на становление частей речи во французском языке, которое на самом раннем этапе французского языка шло по пути устранения противоречия между необходимостью выражения нового значения (содержания) и отсутствием специальной формы для его выражения. Существование функциональных эквивалентов частей речи – это один из случаев проявления асимметрии между языком и речью, и в этом потенциально содержится идея развития, поскольку функциональный эквивалент при наличии определенных условий может стать полноправным элементом языка, пройдя определенные промежуточные стадии развития. Более того, система приобретает стройность и равновесие благодаря тому, что использует свои собственные ресурсы, следуя одному из основных принципов существования языка – принципу экономии.

Формирование класса наречий связано с грамматизацией – превращением свободной синтаксической конструкции, функционального эквивалента наречия в аналитически связанную, и с последующей морфологизацией – включением аналитической конструкции в систему грамматических форм. Из дискурсивных образований функциональные эквиваленты наречия превращаются в окончательные

(термин Г. Гийома), или языковые единицы. Таким образом произошло пополнение класса наречий, потерявшего, вследствие исчезновения флексий, большое количество единиц. Одним из таких функциональных эквивалентов наречия в старофранцузском языке является и поныне существующая модель: предлог (чаще всего *a*) в сочетании с одной из частей речи. Например: *abandon* < *a bandon*; *acertes* < *a certes*; *adenz* < *ad dentes*; *amont* < *a mont*; *aval* < *a val*; *amolt* < *multum*. Предлог здесь выполняет структурную функцию, формируя грамматизованное (промежуточный этап), а затем и морфологизованное сочетание. Предлог не только функционально подобен морфеме, но как и морфема, обладает двойной силой (*double effet*) [1]: он выражает конкретное грамматическое значение конструкции и указывает на принадлежность сочетания к наречиям. Так же, как в свое время в связи с утратой падежной флексии появляется препозитивный показатель грамматического значения имени существительного – артикль, восходящий к латинскому указательному местоимению *ille*, так и в случае с наречием материалом для выражения нового содержания является элемент уже существующий в языке – предлог. Речь идет об изменении его статуса. Например, предлог в составе наречных словосочетаний можно назвать по-разному в зависимости от того, о каком промежуточном этапе идет речь. В одном случае предлог выступает как префикс по положению и по функции. Его присоединение ведет к изменению лексического значения наречий, грамматическое же значение в целом не меняется. Например: *paravant* < *par avant*; *aprof* < *ad prope*. В том случае, когда предлог является показателем нового грамматического значения у имени: *a laron*; *a val*; *a mouit*, он функционально равен суффиксу. Предлог является формальным показателем, который находится в препозиции и формирует грамматизованное сочетание, т. е. предлог – это нефлексивное средство передачи грамматического значения. Переосмысление того, что есть в языке, новый тип синтетического слова и есть ответ языковой системы на исчезновение флексий. И хотя некоторые наречия имеют размытую морфологическую форму, этимологически они восходят к именам существительным с детерминативом в препозиции: *oan* < *hoc anno*; *encore* < *hanc hora*; *ancui* < *hanc hodie*. В поздней латыни препозиция была показателем лексической ослабленности детерминатива, что, очевидно, способствовало стяжению синтаксической конструкции, «размыванию» морфологической структуры, а затем – ее морфологизации. Рассмотренная в плане психосистематики, это операция стяжения действительно выглядит морфологизацией, ибо препозитивный элемент включен в актуализацию существительного. Вообще вульгарная латынь широко использовала различные конструкции для образования наречий [2]. И большинство современных наречий – это «отстоявшиеся синтаксические формы». Можно предположить, что формирование слов по новой (аналитической) модели является одной из реакций на «давление системы» как внутреннюю системную необходимость. Процессуальность перехода функционального эквивалента в часть речи, наличие в этом процессе промежуточных этапов и есть движение языка, его динамика. Но, как справедливо отмечал С. Карцевский, «... невозможно представить себе живой язык, знаки которого оказались бы настолько подвижными, что их семантика определялась бы лишь одним контекстом» [1]. Морфологизация, или закреплённый механизм инцидентности [4], – это конечный результат формирования части речи, который отражает стремление системы языка к равновесию.

Движение в языке, связанное с асимметрией между формой и содержанием (значением), проявляется не только во взаимодействии (взаимообмене) между частями речи, но и в системе отдельного класса слов. И в данном случае наиболее иллюстративным является класс наречий. Разнородность слов, которые составляют класс наречий, поражает и вызывает противоречивые мнения лингвистов разных стран и разных школ, поскольку это явление типологическое. С одной стороны, класс наречий

включает модальные наречия, или модальные слова, которые не относятся к какому-либо члену предложения, не являются членом предложения. Они относятся к предложению в целом, присоединяясь к нему трансцендентно, автономно, или вообще являются предложениями [5]. Эти единицы не входят также в логическую классификацию (количество, качество, время, пространство), которая применима к наречиям. Они, скорее всего, входят в сферу эмоционального. В классе наречий есть также единицы, которые по своей природе не отличаются от имен существительных. Это такие семантически полные наречия, как *ancui* < *hanc hodie*; *antan* < *ante annum*; *anuit* < *hac nocte*; *ier* < *heri*; *main* < *mane*; *lors* < *illa hora*.

В поздней латыни и в старофранцузском языке много наречий, производных от существительных, застывших в одной из флективных (падежных) форм. Например, в форме аблатива: *ores* < *hora*; *tempres* < *tempori*; *merveilles* < *merveille*; в форме аккузатива: *longes* < *longas*; *primes* < *primas*. По полноте лексического значения эти наречия приравниваются к существительным или прилагательным, от которых они произошли. Ж. Муанье отмечает, что семантически насыщенные наречия несут в себе сведения об опоре, т. е. они, как и имена существительные, обладают ранней языковой инцидентностью [7]. Другие же наречия идут по пути понижения знаменательности, грамматическое значение в общем семантическом объеме начинает превалировать над лексическим, а иногда и вытесняет его. Например: *ailiors* < *aliore loco*; *ainz* < *antius*; *puis* < *post*, *si* < *sic*; *aincois* < *antius*; *desore* < *desuper*; *endreit* < *en dreit*.

Десемантизация наречия, или движение по пути понижения знаменательности, связана с эволюцией означаемого, его подвижностью. Эволюция лексико-семантической структуры слова (наречия) происходит поэтапно и включает промежуточные состояния, «колеблющиеся факты», которые и свидетельствуют об эволюции языка. Подвижность означаемого выражается в том, что некоторые наречия сочетают в своей семантике выражение нескольких признаков. Так, наречие *devant* может выражать как пространственные, так и временные признаки; *sitost*, *buer*, *mar* указывают на количественный и темпоральный признаки. Иногда одно или несколько значений утрачиваются в ходе эволюции, а оставшееся значение не всегда соответствует значению этимона. Наречие *freschement* выражает темпоральное отношение вне зависимости от идеи качества, заложенной в исходном прилагательном. Наречие *lues*, которое восходит к латинскому существительному *locus* в форме аблатива места (Ablativus loci), выражало пространственную характеристику признака, что соответствовало его этимологическому значению. Затем, вследствие семантического сдвига, в лексико-семантической структуре слова появилось значение темпорального отношения. Некоторое время наречие *lues* выражало как пространственную, так и временную характеристику признака. В XII-XIII вв. *lues* полностью утратило значение пространственного отношения и указывало только на временную (темпоральную) соотнесенность действия, выраженного глаголом-сказуемым. Случается и так, что вследствие частичной десемантизации, наречие переходит в другой лексико-семантический разряд. Наречия *durement*, *forment*, употребляясь с глаголом, указывали вначале на качественную характеристику действия, затем на интенсивность признака, выраженного глаголом. Впоследствии эти наречия стали указывать на степень интенсивности признака, выраженного прилагательным или наречием, что повлекло за собой сдвиг в семантической структуре их означаемого и переход в другой лексико-семантический разряд. Возможность количественных наречий сочетаться с прилагательным и наречием и указывать лишь на степень интенсивности признака говорит об ослаблении лексического значения в общем семантическом объеме, т. е. о частичной десемантизации.

Десемантизация может привести к полной грамматизации знаменательной части речи. Так, сдвиг в членении предложения в старофранцузском языке свидетельствует о

переходе самостоятельного слова (существительного с предлогом, наречия) в служебное (союз, предлог). Рассмотрим два предложения:

- *Plorent si oil, ne s'en pot astenir* (StA, 45).

- *Car mout volentiers le feisse/ Si que de rienz n'i mepreisse* (Rose, 10281 – 10282).

В первом предложении наречие *si* входит в состав предложения *plorent si oil*, являясь его членом, во втором случае *si* находится за пределами предложения *mout volentiers le feisse*, оно входит в состав предложения *que de rienz n'i mepreisse*, являясь частью союзного выражения *si que*. В случае, когда сдвига в членении предложения не происходит, *si* не теряет самостоятельности, несмотря на присутствие конкретизатора, вводимого союзом *com*: - *Si l'at destruite com s'hom l'oust predede* (StA, 29). Трансформация наречия в часть союзного выражения объясняется исторической необходимостью. Из латыни было унаследовано небольшое количество союзов. С помощью романских и французских новообразований (сложных союзов, частью которых является наречие) была заполнена эта языковая лакуна. В этом процессе также есть промежуточные стадии десемантизации: так, старофранцузские наречия *si, lor, puis, or* в XI-XIII веках выражают не только наиболее общие представления о характере или времени протекания действия, но и устанавливают логическую связь между высказываниями (*si*), отмечают новый этап повествования в тексте (*lor, puis*), указывают на отношения противопоставления (*ainz*). Эти наречия способны осуществлять связующую функцию вследствие совмещения означаемых. Кроме своего основного значения (указание на внешние обстоятельства протекания действия) означаемое этих наречий включает актуализирующую связь между актуальным глаголом и актуальным (индивидуализированным) понятием, возникающим из ситуации или контекста и имеющим точную временную соотнесенность, т. е. включает компонент дейксиса. Одним из подтверждений того, что наречие из самостоятельного слова превратилось в средство логической связи, является противоречие между семантикой наречия и его сочетаемостью. Например, наречие *or* – «теперь» употребляется с глаголом не только в настоящем, но в будущем и прошедшем временах. Когда же грамматическое значение вытесняет лексическое, и для его восполнения нужен конкретизатор в виде придаточного предложения, вводимого союзом *que*, тогда и происходит сдвиг в членении предложения, о котором мы говорили выше, и наречие из самостоятельного слова превращается в часть союзного выражения (служебное слово). Так, современному французскому языку известны такие союзы и союзные выражения, восходящие к знаменательным словам, как *lorsque, puisque, si que, attendu que, alors que* и другие, а также грамматические частицы, усиливающие отрицание и бывшие когда-то существительными или наречиями: *pas, guere, point, mie*. Подобная перестройка объясняется не только внешними факторами, но и теми глубинными процессами, которые происходят в самом слове и определяют его принадлежность к предикативным (знаменательным) и апредикативным (служебным) частям речи. Глубинные процессы связаны с подвижностью грани между лексическим и грамматическим значениями в общем семантическом объеме слова. Если существует симметрия между лексическим и грамматическим значением, речь идет о знаменательной, предикативной части речи. Это существительное, прилагательное, глагол. Если же равновесие нарушается (а это и есть проявление асимметрии между лексическим и грамматическим значением), мы получаем совершенно неравнозначные единицы, которые и составляют класс наречий.

Таким образом, система языка – это не только квинтэссенция того, что происходит в речи, она не только регистрирует то, что происходит в речи, но и стимулирует, вследствие необходимости равновесия (симметрии), дальнейшие изменения. Асимметрия – это неустойчивое состояние, промежуточный этап в общем стремлении к равновесию как системы в целом, так и отдельных ее элементов.

Конкуренция различных употреблений в историческом плане заканчивается победой того варианта, который в наибольшей мере отвечает направлению развития системы. Взаимосвязь между формой слова и его содержанием, а также и формой слова и его употреблением является частным проявлением общего принципа динамической солидарности.

Литература

1. Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // В кн.: Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. – М., 1965. – С. 85-90.
2. Сергиевский М.В. Введение в романское языкознание. – М.: Изд-во лит.на иностр.яз., 1952 .
3. Скредина Л.М. Некоторые вопросы развития языка (Проблемы и методы диахронического исследования). – Минск: Изд-во БГУ, 1973.
4. Скредина Л.М. Теория частей речи и понятие инцидентности // Иностранные языки в школе. – 1977. – № 6. – С. 29-38.
5. Grelsson S. Les adverbes en –ment. Etude psycho-mécanique et psycho-systématique. – Jund, C.W.K., Gleerup, 1981.
6. Guillaume G. Leçons de linguistique, 1948-1949, série B. publ. par R.Valin. – Québec: Presses de l'Univ. Laval, 1971.
7. Moignet G. Etudes de psychosystématique française. – P.: Klincksieck, 1974.

Список источников и сокращений

StA – La vie de Saint Alexis. – P.: A.Franck, 1872.

Rose – Le Roman de la Rose. – P.: Garnier – Flammarion, 1974.

© Е.Г. Васильева

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ УНИПОСЕССИВОВ В АНГЛО-НОРМАНДСКОЙ И НОРМАНДСКОЙ СКРИПТАХ

Проведенное исследование показало (всего изучено 10 англо-нормандских рукописей), что англо-нормандскую письменную традицию отличает широкое употребление форм *mis*, *tis*, *sis* (III м.р. ед.ч.) и *mun*, *tun*, *sun* (КП м.р. ед.ч.), например: *Si jo m'en vois ensemble od vus./ Mis pere avreit e doel e ire [Marie, Deus Amans 89]; - E tis pères pur tei s'en plaint...[Quatre 32]; - Oëz cum Deu l'ama e quel fu sis martire [SCatherine 131]; - Jo ai guerpi mun criator...[Adam 29]; - ...L'endemain sun congié prist [A-Normand 519]; etc.*

Ж. Аздор, М.-К. Поуп определяют формы *mis*, *tis*, *sis* как англо-нормандские [15. С. 45; 18. С. 466]. Как считает Э. Этьен, *mis*, *tis*, *sis* образованы по аналогии с формами III м.р. мн.ч. *mi*, *ti*, *si* [12. С. 82].

Н.А. Катагощина пишет о том, что формы *mis*, *tis*, *sis* принадлежат к нормандскому, северо-западному, юго-западному, а также к бургундскому диалектам [4. С. 82].

Ряд исследователей, в частности, Л.А. Становая, отмечает, что для англо-нормандских рукописей характерно чередование форм III м.р. ед.ч. *mes-mis-mi*, *tes-tis-ti*, *ses-sis-si* [7. С. 225]. Однако, по нашему материалу, альтернатива этих форм наблюдается не во всех англо-нормандских рукописях. При этом, например, в рукописи «Мистерия об Адаме» (Tours 927) мы отмечаем только чередование форм 1-го л. *mis-mi* при преимущественном употреблении вторых, например: *Tu es mi sire...[Adam 7]; - Qui i maindra serra mis ami [Ibid 8]; - Tu es mi freres li ainez [Ibid 50]; etc.*

В англо-нормандской рукописи XIII в. «Роман о Бруте» (Bibl. de M. Boies Penrose), представляющей вариант произведения XII в. Уаса, напротив, преобладают формы с конечным *-s*, например: *Cil Turnurs, ki ert sis veisins [Brut 53]; - Silvius fu si propre nuns/ E Postumus fu sis surnuns [Ibid 79, 80]; etc.*

Чередование форм *mes-mis-mi*, *ses-sis-si*, отмеченное Л.А. Становой, мы наблюдаем в англо-нормандской рукописи сер. XIII в. (L. Br. M., Harley 978), которая воспроизводит песни (лэ), созданные Марией Французской в XII в., например: *Mes sire est al bois alez [Marie, Yonec 178]; - Voil que mis doels seit remembrez [Ibid, Chaitivel 202]; - ...Pur ki mi quors suspire e tremble [Ibid, Guigemar 782]; - ...Que ses sires s'en curuça [Ibid, Laüstic 80]; - Ja ert sis quors en grant estrif [Ibid, Guigemar 380]; - Cel jur furent aparceü.../D'un chamberlenc mal veisié/ Que si sires l'ot enveié [Ibid, Guigemar 580]; etc.*

Тем не менее, наиболее употребительными в рукописи L. Br. M., Harley 978 являются формы *mis*, *sis*.

В рукописях «Четырехкнижие королей» (Р., Bibl. Mazarine 54) и «Жития Святого Григория Великого» (Р., В.Н., f.fr. 24766) исключительное употребление имеют формы *mis*, *tis*, *sis*: *Mis quers est eslézciez e mis fiz en Deu eshalciez [Quatre 6]; - ...Dom mis doels*

seit asouagiez [SGrégoire 417]; - ...Kar tis serfs esculte [Quatre 12]; - Sis mariz Helcana le areisuna... [Quatre 3]; - Ne pot sis per estre trové [SGrégoire 136]; etc.

Формы *mis, tis, sis*, чередующиеся с *mi, ti, si*, мы встретили только в англо-нормандских рукописях. В рукописях других районов эти формы практически полностью отсутствуют. Таким образом, мы можем заключить, что рассматриваемые формы характерны именно для англо-нормандской письменной традиции.

На основе проведенного анализа мы определяем формы III м.р. ед.ч. *mis, tis, sis* и *mi, ti, si* как морфологические варианты к французским формам *mes, tes, ses*. При установлении грамматических вариантов мы опираемся на определение морфологической вариантности, сформулированное Л.М. Скрединой, согласно которому морфологические варианты представляют собой случаи абсолютной синонимии морфем при одной и той же лексеме [6. С. 62]. При этом следует подчеркнуть, что для констатации морфологической вариантности необходимым и принимаемым всеми исследователями условием признается функциональная тождественность грамматического значения двух и более форм [1. С. 17; 5. С. 49; 9. С. 10 и др.]. В рассматриваемых формах унисессивов 1-го, 2-го и 3-го л. *mis, tis, sis* и *mi, ti, si* корневые морфемы всегда остаются неизменными; варьируют только граммы (флексии) *-is/ -i*, выражающие одно грамматическое значение – III м.р. ед.ч. Выделенные морфологические варианты точнее следует описывать как графо-морфологические, поскольку о морфологической вариативности свидетельствует только графический образ слов.

Большинство лингвистов рассматривает формы *mun, tun, sun* (КП м.р. ед.ч.) как собственно англо-нормандские [7. С. 225; 11. С. 151; 15. С. 45 и др.].

Наш материал показывает, что в англо-нормандских рукописных текстах формы *mun, tun, sun* чередуются с формами *mon, ton, son*, с небольшим преимуществом первых. Статистический анализ показывает, что формы *mun, tun, sun* зафиксированы в 57% (150 форм), а *mon, ton, son* в 43% (114 форм), например: *Unc mès en trestut mon age/ Ne mespris tant vers mon seigneur [Anglo-Normand 256, 257]; - De sun revenir nient ne saveit [Ibid 454]; - Fille ven a tun pere [SCatherine 156]; - La dame en son pais est retorné [Arbre 403]; - E sun pere une fiez ria [Ibid 152]; etc.*

На основании того, что формы *mun, tun, sun* являются самыми частотными именно в англо-нормандских рукописях, мы делаем вывод о том, что эти формы составляют отличительную черту англо-нормандской скрипты и являются скриптуральными вариантами к французским формам *mon, ton, son*.

Интерференцией старофранцузских скрипт, о которой пишут многие скриптологи [2; 8; 13; 14 и др.], мы объясняем употребление англо-нормандских форм в некоторых лотарингских рукописях, например: *...et les très troubles tempestez unt toné sor tun chief [Dialogus XXVII: 52]; - ...Qui li troinche ...sun ermine blanc [Floovant 14]; - Si feri Floovant sor sun elme lusant [Ibid 13]; etc.*

М.-К. Поуп отмечает в качестве специфики англо-нормандских скрипт чередование форм *mi-me, ti-te, si-se* в III м.р. мн.ч. Однако в наших рукописях формы *me, te, se* полностью отсутствуют.

Согласно нашему исследованию, в III м.р. мн.ч. в англо-нормандских рукописных текстах употребляются французские формы *mi, ti, si*, которые чередуются с формами *mes, tes, ses*, без явного перевеса в ту или другую сторону. Например: *Seient cunfundu e seient conturbé forment tuit mi enemí [Ps VI, 10]; - joius en sunt/ Tut si ami ki trové l'unt [Marie, Guigemar 642]; - Ses dras comencerent a arder... [Arbre 338]; - Hély esteit lores de grant eded, e oï asez cume ses fiz se cunteneient [Quatre 8]; etc.*

Шотландская исследовательница М.-Д. Лерге отмечает присутствие пикардского элемента в англо-нормандской скрипте, вызванного активной торговлей шерстью,

которая велась с северо-западной частью Франции. Это пикардское влияние еще более возросло в течение XIII – XIV вв. [16. С. 85-91].

Анализ англо-нормандских рукописей показал, что влияние пикардской скрипты, о котором пишет исследовательница, практически никак не затронуло сферу притяжательных местоимений и прилагательных. Лишь однократно пикардская форма *men* (КП м.р. ед.ч.) употребляется в англо-нормандской рукописи XII в. «Псалтырь» (Cambridge, Trinity College 987). Мы также отмечаем спорадическое употребление форм *men, ten, sen* в рукописи нач. XIV в. Р., В.Н., f.fr. 24766, представляющей текст «Жития Святого Григория Великого». В остальных проанализированных нами англо-нормандских рукописях формы унипосессивов, характеризующие пикардскую скрипту, не встречаются вовсе.

Нормандские рукописи (всего изучено 4 нормандских рукописных текста) характеризуются преобладанием в них французских форм унипосессивов: *Dame, veïs puis mon nevo?* [Tristan 399]; - *Tes niés s'entraiment y Yseut* [Ibid 607]; - *Et wendras el lieu delittable/ Ke a tes .II. euz as weü* [Fecamp 489]; - *Li prestres o tote sa honte/ S'en vet fuiant à son ostel* [Recueil 10, prestre]; - *Si que nul n'en puist retraire/ De son pooir, de ses liens* [Geoffroy 527]; etc.

По мнению диалектологов, нормандскими формами притяжательных прилагательных являются формы *men, ten, sen* (м.р. ед.ч.) и форма *me* (ж.р. ед.ч.) [10. С. 134-140].

К этим формам Б. Эггерт добавляет формы *man, tan, san*.

В проанализированных нами рукописях формы, отмечаемые исследователями как нормандские, практически полностью отсутствуют.

Сравнение форм притяжательных прилагательных, употребленных в нормандских рукописях, с формами, которые распространены в рукописях других районов, позволяет нам сделать такие замечания:

1. Полное отсутствие в нормандских рукописных текстах форм *mis, tis, sis; mun, tun, sun*, регулярно употребляющихся в англо-нормандских скриптах. В атласах А. Дееса данные формы также не зафиксированы (0%).

2. Характерные для пикардских и валлонских скрипт формы *men, ten, sen* и *me, te, se* также практически не встречаются в нормандских рукописях. Согласно данным атласов А. Дееса, данные формы имеют низкую частотность в литературных текстах: *men, me* – 3%; *me, te* – 0%.

Таким образом, в нормандских рукописях региональные формы практически не встречаются. Здесь регулярно употребляются французские формы.

Отдельно отметим часто встречающееся употребление формы *som* (КП м.р. ед.ч.) в рукописи «История аббатства Фекамп» [Madrid, В.Н. 9446]. Дистрибутивный анализ показывает, что данная форма преимущественно находится в препозиции к существительным, начинающимся с согласных смычных шумных *p, b*. В результате – образуется встреча двух губно-губных согласных: *m-p, m-b*: *Ou por castier viele pechiez/ Dont som pueple estoit entechiez* [Fecamp 638]; - *A som brael orent trouvee/ Une clef d'argent bien ouvree* [Ibid 1007]; etc. Однако в этой же рукописи мы встречаем примеры, в которых в препозиции к именам, начинающимся с *b* или *p* предшествует форма *son*: *Woult Dex en terre avoir maison/ Ou son pueple sil le servist/ Ke il sa grace deservist* [Fecamp 199]; - *Flandrez en son poeir avoit* [Ibid 975]; etc.

Форма *som* встретила нам также в рукописях других районов, где она имеет аналогичную дистрибуцию: *Tot som pensé e som plaisir/ Lor commença a découvrir* [Benoît 1929]; - *Car male deserte a rendue/ A saint evesque, som parrein!* [Ibid 1715]; - *gurpisse mund & fom peccad* [Passion 508]; etc.

Издатели старофранцузских рукописей также пишут о том, что графеме *n* сcribes нередко предпочитают графему *m* именно перед лабиальным согласным. При этом, назальность гласной закрывается с помощью *m* в условиях перед согласными *m*, *p*, *b* и в абсолютном исходе, а *n* – в остальных случаях [Moines 1993: 34].

Таким образом, наличие конечной *m* в форме *son* вместо *n* обусловлено дистрибутивными характеристиками и характерно не только для форм притяжательных прилагательных. На основании этого, мы рассматриваем форму *son* как позиционно связанный графический вариант к форме *son*.

В проанализированных нами нормандских рукописях регулярно противопоставляются по падежу формы м.р. в ед. и мн.ч.: *mes, ses* : *mon, son*; *mi, ti* : *mes, tes, ses*. При этом отметим многочисленные случаи так называемых «неправильных» употреблений форм притяжательных прилагательных в нормандских рукописях: ...*De par celui qui est mon sire* [Geoffroy 283]; - *Son cuer estoit si atachiez/ Vers Dieu qu'il n'em pooit partir...* [Fecamp 1026]; - ...*a chascun oisiau/ Est toujours son ni li plus biau* [Geoffroy 642]; - *Or escoutez, toz mes amis ...* [Recueil 36]; - *Atant Picon s'est esmeü,/ Vers sa cuve s'en est alez,/ Sa fame et ses serjans delez* [Ibid 21]; - *Ses ouvriers tres bien le faisoient* [Fecamp 531]; etc.

В атласах А. Дееса употребление форм КП вместо форм ПП зафиксировано в 72% для ед.ч. и в 42% для мн.ч. Как отмечает Л.А. Становая, это самые высокие показатели «ошибок» в употреблении форм притяжательных прилагательных среди старофранцузских скрипт [7. С. 275].

Анализ форм унипосессивов, проведенный на материале нормандских и англо-нормандских рукописей, подвел нас к вопросу о правомерности выделения и отдельного рассмотрения нормандской и англо-нормандской письменных традиций. Ряд исследователей отказывают англо-нормандскому в самостоятельности. В частности, Н.А. Катагощина настаивает на рассмотрении не англо-нормандского, а «англо-французского», который представлял собой, по мнению исследовательницы, французский письменно-литературный язык части Англии, входящей в состав Нормандского герцогства [3. С. 120-128]. Неразличение рядом ученых отдельно нормандского и англо-нормандского объясняется тем, что французский язык был перенесен в Англию, главным образом, выходцами из Нормандии, и первоначально французский в этой стране нес на себе черты нормандского в той форме, которая соответствовала периоду его «переселения» из одной страны в другую. Однако, как указывает Ж. Визинг, примерно через 100 лет после Нормандского Завоевания установилось четкое различие англо-нормандского от «языка-оригинала» [19. С. 27-28].

Такие ученые, как Ж. Визинг, Р. Лепелли, М.-К. Поуп и др., непосредственно изучавшие англо-нормандские и нормандские рукописи, убедительно доказывают невозможность объединения англо-нормандских и нормандских рукописей.

Так, Р. Лепелли приводит две основных причины, по которым следует отделить рассмотрение англо-нормандского от нормандского.

Во-первых, если Вильгельм Завоеватель и его окружение были нормандцами, то своих солдат они набирали не только с большей части западного побережья, но и из других районов. Таким образом, «импортированный» язык не мог быть чисто нормандским; в нем присутствовали черты, характерные для разных западных говоров.

Во-вторых, нормандская династия правила в Англии только на протяжении 69 лет. Затем ее сменила Анжуйская династия.

Кроме того, Р. Лепелли утверждает, что до XVII в. литературы на нормандском диалекте вообще не существовало. Ученый объясняет это тем, что в Нормандии не было своего правителя, и, следовательно, двора, как литературного и культурного центра.

Именно поэтому нормандский диалект, по мнению Р. Лепелли, долгое время оставался лишь чисто разговорной, «вульгарной», языковой формой [17. С. 429-438].

Как показало наше исследование, и англо-нормандская, и нормандская письменная традиции наделены каждая собственными характеристиками, в том числе в сфере употребления форм притяжательных местоимений и прилагательных. Так, англо-нормандскую скрипту отличает широкое употребление форм ПП м.р. ед.ч. *mis, tis, sis* и *mī, tī, sī*, которые выступают как скриптуральные варианты к французским формам *mes, tes, ses*. Своеобразие англо-нормандской скрипты составляют также формы КП м.р. ед.ч. с вокализмом на *-u*: *mun, tun, sun*, которые варьируют с французскими формами *mon, ton son*.

Напротив, проанализированные нами нормандские рукописи характеризуются практически полным отсутствием региональных форм.

Яркой особенностью нормандских рукописей также является широкое распространение форм КП, употребленных вместо форм ПП.

Литература

1. Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. На материале современного русского языка. – Л.: Наука, 1978.
2. Катагощина Н.А. О соотношении литературного языка и диалектов в старофранцузский период (до XIII в.) (К изучению проблемы формирования общезападного письменного литературного языка): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1955.
3. Катагощина Н.А. К вопросу о так называемом «англо-нормандском диалекте» // Сб. статей по языкознанию: Памяти заслуж. деятеля науки проф. М.В. Сергиевского. – М.: Изд-во МГУ, 1961. – С. 120-128.
4. Катагощина Н.А., Гурычева М.С., Аллендорф К.А. История французского языка. – 2-е изд., испр. – М.: Высш. школа, 1976.
5. Семенюк Н.Н. Некоторые вопросы изучения вариантности // Вопросы языкознания. – 1965. – №1. – С. 48-55.
6. Скрелина Л.М. Грамматическая синонимия: Учеб. пособие к спецкурсу. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1987.
7. Становая Л.А. Старофранцузская морфология и теория скрипты: Дис. ... д-ра филол. наук. – Т. 1-2. – СПб., 1994.
8. Становая Л.А. Введение в скриптологию: Учеб. пособие к спецкурсу по истории французского языка. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1996.
9. Ярцева В.Н. Проблема вариативности на морфологическом уровне // Семантическое и формальное варьирование. – М.: Наука, 1979.
10. Burguy G. Grammaire de la langue d'oïl ou grammaire des dialectes français aux XIIe et XIIIe siècles. – Т. 1. – Berlin: Schneider et comp., 1853.
11. Buridant C. Grammaire nouvelle de l'ancien français. – P.: SEDES, 2001.
12. Etienne E. Essai de grammaire de l'ancien français (IXe-XIVe siècles). – P.- Nancy: Berger-Levrault et Cie, 1895.
13. Goebel H. Qu'est-ce que la scriptologie? // *Mediævo Romanzo*. – 1975. – Vol. II. – №1. – P. 3-43.
14. Gossen Ch.-T. Méditations scriptologiques // *Cahiers de Civilisation Médiévale* X^e-XIIe siècles. – 1979. – XXIIe Année. - № 3. – P. 263-283.
15. Hasenohr G. Introduction à l'ancien français de Guy Raynaud de Lage. – 2e éd., rev. et corr. – P.: SEDES, 1993.
16. Legge M.-D. L'Anglo-Normand: Langue Coloniale? // *Actes du XIIIe Congrès Intern. de Ling. et de Phil. Romanes.* – Т. 2. – Québec: Presses de l'Univ. Laval, 1976. – P. 85-91.
17. Lepelley R. Langue vulgaire et langue littéraire en Normandie du XIIe au XVIIIe s. // *Les dialectes de France au Moyen Age et aujourd'hui. Domaine d'oïl et domaine franco-provençal. Colloque Intern. ... Actes publ. par G. Straca.* – P.: Klincksieck, 1972. – P. 429-238.
18. Pope M.-K. From Latin to Modern French with Especial Consideration of Anglo-Norman. Phonology and Morphology. – Manchester: Univ. Press, 1934.
19. Vising J. Anglo-Norman Language & Literature. – London: Oxford Univ. Press, 1923.

Список использованных текстов и сокращений

1. Adam. – Drame anglo-normand du XIIe siècle publ. pour la première fois d'après un manuscrit de la Bibliothèque de Tours par V. Luzarche. – Tours: J. Bouserez, 1854.
2. Anglo-Normand. – Le Chevalier, la Dame et le Clerc, fabliau anglo-normand publ. pour la première fois d'après un manuscrit de C.C.C. par P. Meyer // Romania. 1872. T. I. – P. 69-87.
3. Arbre. – La légende de l'«Arbre de Paradis» ou «Bois de la Croix» publ. par M. Lazar // Zeitschrift für Romanische Philologie. 1960. Bd. 76. Hf. 1-2. – S. 34-63.
4. Benoît. – Benoît. Chronique des Ducs de Normandie. Etude sur le ms de Tours ... Thèse pour doctorat ... C. Falin. – Uppsala: Wiksells, 1937.
5. Brut. – Le Roman de Brut de Wace par J. Arnold. T. 1-2. – P.: SATF, 1938-1940.
6. Dialogus. – Dialogus anime conquerentis et rationis consolantis. Traduction en dialecte lorrain du XIIe s. par F. Bonnardot// Romania. 1876. T. 5. P. 269-323.
7. Fecamp. – Histoire de l'abbaye de Fecamp, en vers français du XIIe s. publ. avec une introduction et un glossaire par A. Långfors// Annales Academiae Scientiarum Fennicae. 1928. T. 22.
8. Floovant. – Floovant. Chanson de geste publ. pour la première fois d'après le ms unique de Montpellier par H. Michelant et F. Guessard. – P.: Jannet, 1857.
9. Geoffroy. – Diverrès A. La chronique métrique attribuée à Geoffroy de Paris. Texte publ. avec introduction et glossaire// Publications de la faculté des lettres de l'Université de Strasbourg. 1956. Fasc. 129.
10. Marie. – Marie de France. Lais. Ed. by A. Ewert. – Oxford: Blackwell, 1944.
11. Moines. – L'Histoire des Moines d'Egypte suivie de la Vie de Saint Paul le Simple. Edition critique par M. Szkilnik. – Genève: Droz S.A., 1993.
12. Ps. – Le livre des psaumes. Ancienne traduction française publ. pour la première fois d'après le ms de Cambridge et de Paris par Fr. Michel. – P.: Imprimerie Nationale, 1876.
13. Quatre. – Les Quatre livres des rois traduits en français du XIIe s. suivis d'un fragment de moralité sur Job et d'un choix de Sermons de Saint Bernard publ. par M. Le Roux de Lincy. – P.: Imprimerie Royale, 1841.
14. Recueil. – Recueil général et complet des fabliaux des XIIe et XIVe s. imprimés ou inédits. Publ. d'après tous les ms par A. de Montaiglon et G. Raynaud. T. 5, 6. – P.: Librairie des bibliophiles, 1878-1883.
15. SCatherine. – Vie de Sainte Catherine d'Alexandrie d'après le ms French 6 de la John Rylands Library à Manchester par E.C. Fawtier-Jones// Romania. 1930. T. 56. – P. 88-94.
16. SGrégoire. – La vie de Saint Grégoire le Grant traduite du latin par frère Angier, religieux de Sainte-Frideswide// Romania. 1883. T. 12. – P. 145-208.
17. Tristan. – Beroul. Le roman de Tristan. Poème du XIIe s. éd. par E. Muret. 4e éd. revue par L.M. Defourques. – P.: Champion, 1947.

© С.А. Кузичев

Вологодский государственный педагогический университет, Вологда, Россия

СЛОЖНОЕ ДОПОЛНЕНИЕ В СТАРОФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В старофранцузских текстах встречаются различные синтаксические конструкции, которые распространяют грамматическую основу предложения, содержащую глагол восприятия, напр.:

(1) *Une herbe voit an une haie, Mout bone por dolor tolir De de plaie* (Graal, 6668-6670);

(2) *mes sire Gauvains Voit la reine qui venoit* (Graal, 7848-49);

(3) *mes sire Gauvains ... voit venant Un escuier desavenant* (Graal, 6740-42);

(4) *(Mes sire Gauvains se mervoille Des puceles) qu'il vit venire* (Graal, 7664-65).

Такие синтаксические построения имеют различный синтаксический статус. Высказывания типа (1), имеющие одну грамматическую основу, квалифицируются как варианты простых распространенных предложений, построенных по модели S – V – C. Высказывания типа (2), имеющие две грамматических основы, являются сложноподчиненными предложениями с придаточным относительным. Дискуссионным является вопрос об определении синтаксической природы высказываний типов (3) и (4), так как благодаря употреблению неличных глагольных форм – причастия (3) и инфинитива (4) - в предложениях может возникнуть эффект дополнительной предикации.

Наличие бифункциональной формы на –ant в высказываниях формального типа (3) позволяет двойное толкование их синтаксической структуры; распространяющий член предложения может выражать или обстоятельственные отношения, или отношения характеристики. Во втором случае с формально-синтаксической точки зрения высказывание (3) следует признать осложненным предложением, содержащим объектно-предикативную конструкцию, в составе которой выделяются прямое дополнение и предикатив к нему (*attribut du complement d'objet direct* – в терминах французской грамматики). В цитируемом примере (3) в объектно-предикативной конструкции *venant Un escuier desavenant* прямое дополнение, обозначающее объект, выражено существительным *Un escuier*, предикатив к объекту – причастием *venant*.

Что касается высказывания (4), то его синтаксическое членение вызывает споры, и проблема идентификации структурно-функциональных компонентов предложения не получила однозначного решения. Причиной различной синтаксической интерпретации компонентов, относящихся к сказуемому, является полифункциональность инфинитива. Инфинитив может оформлять члены предложения, первичной формой которых являются части речи, входящие как в класс имени, так и в класс глагола. В старофранцузский период инфинитив используется для выражения предикативных отношений и для оформления второстепенных членов предложения. В составе грамматической основы предложения инфинитив употребляется: а) самостоятельно образуя предложение; б) в качестве компонента составного глагольного или именного сказуемого; в) как подлежащее. В составе второстепенных членов предложения инфинитив служит для оформления прямого/косвенного дополнения, дополнения к безличному обороту, определения (дополнения к существительному, дополнения к прилагательному), обстоятельства (причины, цели, времени). Во многообразии речевых употреблений

инфинитив меняет характер своих ассоциативных связей в предложении, употребляясь а) как слово с внутренней инцидентией и б) как слово, обладающее внешней инцидентией [2].

Возможность выполнения инфинитивом широкого спектра синтаксических функций обусловлена его системной (языковой) характеристикой, т.е. позицией в системе частей речи [1].

Категории имени и глагола противопоставляются в теории психосистематики. Г. Гийом [5] делит ментальное пространство языка на две части: имени и глагола. Область имени составляет Универсум-Пространство, а область глагола – Универсум-Время. Представление времени в языке приобретает характеристики пространства. Специализация времени позволяет дальнейшее членение области глагола, при котором выделяются зоны субстантивации, адъективации и адвербиализации.

Языковой характеристикой инфинитива является его позиция в системе частей речи: он находится на границе глагола и имени, оставаясь все же в плане глагола, в зоне субстантивации. Такая позиция и обуславливает двойственную характеристику инфинитива. Инфинитив выражает концепт, понятие о действии, подчеркивает его виртуальный характер, не соотнося данное действие с его субъектом и моментом речи, обозначает только возможность свершения действия. В глагольной парадигме инфинитив относится к неличным формам глагола, которые не имеют показателей лица и времени.

В теории психосистематики инфинитив (совместно с действительным и страдательным причастиями) размещается на хронотезе квазиноминального наклонения, которая является начальным этапом актуализации глагола как части речи – *in posse* (в потенции). Формирование инфинитива открывает процесс рождения образа времени, находящий свое завершение на хронотезе *in esse* (в бытии), на которой размещаются временные формы изъявительного наклонения.

Глагол в форме инфинитива характеризуется внутренней инцидентией: как и имя существительное, в своей ментальной структуре он содержит понятие логического лица, выражая представление о событии. Инфинитив не имеет порядкового лица. Обозначая действие или состояние как процесс, инфинитив не соотносит этот процесс с субъектом, а также не выражает таких необходимых для предикативного признака свойств, как время и модальность. В языковом плане инфинитив является именной формой глагола. С другой стороны, обозначая виртуальность действия, выражая потенциальность действия, инфинитив является формой пермиссивной, начальным этапом актуализации глагола. Глагольные признаки инфинитива определяют его соотношение с субъектом действия, следовательно, глагол в инфинитиве может обладать и внешней инцидентией, т.е. являться вкладом.

Традиционная французская грамматика, базирующаяся на логическом подходе к толкованию синтаксических явлений, при интерпретации высказываний (4) (*Mes sire Gauvains se mervaille Des puceles qu'il vit venire* (Graal, 7664-65) подчеркивает глагольный характер инфинитива. Глагольно-именная/прономинальная конструкция *qu(e) venire* рассматривается как инфинитивное предложение, в составе которого выделяется «логическое подлежащее» *qu(e)* и «логическое сказуемое» *venire*. Последователи логической точки зрения считают, что в основе высказывания (4) лежат две пропозиции, по-разному оформленные в составе высказывания. Инфинитивное предложение признается предложением, зависимым от грамматической основы с глаголом восприятия, однако, как правило, оно не включается в перечень придаточных предложений. (Попытку включить в практику преподавания термин «*subordonnée infinitive* – инфинитивное придаточное» отмечает в своем труде F. Marsac [3]).

Рассмотрение данной конструкции как предложения вызвало критику со стороны Ж. Муанье [4], который, по-сути, подчеркивает именной характер инфинитива, определяя его как слово с внутренней инцидентией, т.е. языковой характеристикой, свойственной имени существительному. В интерпретации подобных высказываний он отталкивается от грамматических форм, настаивая на том факте, что функцию (грамматического) подлежащего не может выполнять слово, имеющее в предложении форму дополнения.

Подчеркивая именную характер инфинитива, ученый признает его дополнением к глаголу восприятия. При такой интерпретации трудно объяснить смысловые отношения, воспринимаемые собеседником при интуитивном «прочтении» синтаксической структуры высказывания.

Представляется, что специфика синтаксической структуры рассматриваемых высказываний определяется

- лексико-семантическим значением глаголов, входящих в грамматическую основу предложения. Это глаголы восприятия, в старофранцузском языке, в основном, *veïr > voïr – видеть* и *oïr > ouïr – слышать*;
- грамматическим значением глагола, обозначающим воспринимаемый процесс. Глагол употребляется в форме инфинитива настоящего времени, подчеркивающей процессуальный характер действия, его незавершенность.

В номинативном аспекте предложения синтаксическая конструкция, распространяющая грамматическую основу, представляет собой объект восприятия. Данный объект является целостным, но он воспринимается расчлененно, так как представляет собой ситуацию. При осмыслении данной ситуации устанавливаются предикативные отношения, процессуальность воспринимаемого объекта выражается формой инфинитива. На формально-синтаксическом уровне объект восприятия оформляется как единая конструкция, компоненты которой объединены предикативными отношениями, потенциальность которых реализуется путем соотношения с глаголом-сказуемым грамматической основы. Данная синтаксическая конструкция является одним членом предложения и имеет статус сложного дополнения (COC).

Инвариантной структурой сложного дополнения является конструкция N/Pr – Vinf. Данная структура всегда имеет прерывистую форму, если агенс воспринимаемого процесса выражен местоимением (Pr), напр.: *Ja androit grant joie feront Quant el vos verront **trebuchier!*** (Grael, 7072-73); *Ensi lor duel celes feisoient Por lor seignor **qu'**elle veoient **Sivre** la male dameisele.* (Grael, 8213-15).

Предложение со сложным дополнением строится по модели S – V – COC (N/Pr – Vinf). В конкретных высказываниях данная модель реализуется в виде вариантов, различающихся порядком слов и заполнением/незаполнением позиций S; N/Pr., напр.: *Nains, fet il, por **Deu**, car me di **Se tu as veü par ici **Passer ma dame la reine***** (Lancelot, 353-56). *XV. anz a ja este ensi Que hors de la chanbre n'issi Ou **le graal** veis **antrer.*** (Grael, 6213-15); *Si vit **venor une nacelle** Que uns notoniers amenoit* (Grael, 7122-23); *Et pense qu'il avoit oï **Dire et conter** an plusors leus Que cil qui del Gue Perilleus Porroit passer l'eve parfonde, Qu'il avroit tot le pris del monde* (Grael, 8248-52).

Литература

1. Скрелина Л.М. Лекции по теоретической грамматике французского языка. Часть II. – СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 1999.
2. Buridant C. La substantivation de l'infinitif en ancien français: aperçu et perspectives // *Langue française*. – 2005. – № 147. – С. 98-120.
3. Marsac F. Les constructions infinitives régies par un verbe de perception : Thèse pour le doctorat en sciences du langage. – Strasbourg : Université Marc Bloch, 2006.
4. Moignet G. Existe-t-il en français une proposition infinitive ? // *Grammaire générative transformationnelle et psychomécanique du langage*. – Lille : Editions Universitaires, 1973. – P. 112-133
5. *Prolégomènes à la linguistique structurale: texte établi par Roch Valin // Essais et mémoires de Gustave Guillaume / publiées sous la direction de Ronald Lowe*. – Vol. I. – Québec: Les Presses de l'université Laval, 2003.

Список источников и сокращений

Grael – Le Conte du Graal (Perseval) / Publié par F. Lecoy. – Tome II // Les Romans de Chrétien de Troyes/ Edités d'après la copie de Guiot (Bibl.nat.fr. 794). – P.: Honoré Champion Editeur, 1975.
Lancelot – Le Chevalier de la charrette ou Le Roman de Lancelot / Edition et traduction de Charles Méla, d'après le manuscrit BN fr 794 // Chrétien de Troyes. Romans. – P. : Librairie Générale Française, 1994. – P. 495-704.

© С.А. Мачульская

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия

ОТРИЦАТЕЛЬНО-БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ИХ КОРРЕЛЯЦИЯ С ЛИЧНЫМИ НЕГАТИВНЫМИ СТРУКТУРАМИ В КОММУНИКАТИВНОМ АСПЕКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СТАРОРУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ)

Одним из способов выражения негации в старорусском языке являются отрицательные конструкции со значением существования (или, как их еще называют, экзистенциональные, или бытийные⁰), которые строятся либо по модели личного двусоставного предложения с факультативным отрицанием (ср. *Путешественники не были – Путешественники были*), либо по модели безличного односоставного предложения с облигаторным отрицанием (напр.: *Путешественников не было*). Эти синтаксические синонимы существуют в русском языке, по данным исследователей, с самых ранних памятников письменности до настоящего времени.

Впервые отрицательно-безличные (бессубъектные, генитивные) структуры были описаны в работах Ф. Миклошича и Ф.И. Буслаева. Известнейший исследователь славянского синтаксиса А.А. Потехин не только ввел в научный обиход богатый материал по безличным предложениям (особенно из деловой письменности и летописей), но и рассмотрел проблемы происхождения бессубъектных построений и их синтаксической синонимии с личными (субъектными, номинативными) высказываниями, тем самым обозначив основные направления изучения этих структур [6. С. 376-380].

В дальнейшем вопросом синтаксической синонимии отрицательно-безличных и отрицательно-личных конструкций занимались Р. Вечерка (на материале старославянского языка) [4. С. 201-203], В.И. Собинникова (на материале восточнославянских языков) [9. С. 128-133], Л. В. Савельева (на материале древнерусского языка) [8].

Собранный материал свидетельствует о достаточно большой активности безличных построений с отрицанием, по отношению к которым личные конструкции негативной модальности составляют чуть менее 40%.

Всестороннее изучение структурных типов негативных бытийных высказываний невозможно без учета их коммуникативного аспекта. Исследование соотношения актуального и синтаксического членения экзистенциональных предложений производилось на материале современного русского языка Н.Д. Арутюновой [1. С. 229-238; 2. С. 210-283; 3. С. 78-89] и И.И. Ковтуновой [5; 7. С. 190-214], а на материале древнерусского языка – Л.В. Савельевой [8. С. 15-20, 29-31]. Проанализировав письменные памятники XI – нач. XVI в., Л.В. Савельева установила несколько актуально-синтаксических типов отрицательных конструкций со значением существования. Нас интересует функционирование нейтральных и экспрессивных вариантов этих типов в старорусских полемических сочинениях. Для удобства описания обозначим компоненты линейно-динамических структур сокращенно: V – негируемый глагол; Gen. – родительный падеж объекта; D – детерминант (объектный, обстоятельный, обстоя-

субъектный); Т – индекс темы; R – индекс ремы; горизонтальная черта – связь компонентов актуального членения.

1. Актуально нечленимые безличные негативные высказывания, в которых предикативное ядро составляет рему, строятся по двум схемам: а) (V+Gen.)R – стилистически нейтральный вариант; б) (Gen.+V)R – экспрессивный вариант.

А. В наших материалах прямой порядок компонентов, т. е. с препозитивным негируемым глаголом, характерен для большей части нечленимых бессубъектных экзистенциональных предложений: *не бѢ страха* (8:392); *нѢсть потреби* (13:314); *не будет избавляющаго* (12:169); *нѢсть насъ* (8:52); *Нестъ бо сего* (4:332); *нѢсть Бога* (11:47); *не будет хмелю* (9:660); *нестъ бо милостыни* (12:169). Рема высказывания в таких структурах иногда расширяется за счет употребления в них однородных падежей объекта: *нестъ бо ту страха Божия, ни трезвения, ни разсужения, ни умилена, ни труда, ни стыдениа, ни поста, ни бдениа, ни сокрушения сердцу, ни стязаниа помыслом, ни чистоты, ни безгневиа* (4:334); *Нет таковы веры великия и бога* (12:160); *нѢсть потреби прочее ни притчеи, ни премудрыхъ рѢчи* (11:753). Особая экспрессия этих высказываний создается не только наличием однородных членов, но и присутствием при некоторых генитивах постпозитивных атрибутов. В целом же в нечленимых безличных отрицательных предложениях с прямым порядком компонентов преобладают присловные атрибуты, стоящие в препозиции (нейтральный вариант): *нѢсть убо ни втораго сна ни втораго стго дха* (6: л.151об.); *не будет божия помощи* (12:135); *И несть тоя радости* (3:68); *нѢсть равна честию ниединого сана* (11:284); *нѢсть руских людей* (3:98).

Б. Экспрессивный вариант, в котором наблюдается инверсированный порядок членов предикативной группы внутри ремы, по нашим данным, в публицистике используется реже: *а вторааго пришествия несть* (2:470); *людцаго собрания не бе* (12:127); *сея побѣды нѢсть* (1:55); *а правды нѢту* (12:181). При этом он зачастую маркируется либо усилительной частицей: *в час прогнѣвания его и времени не будетъ когда умолити* (6: л.162); *Ибо и солнца славы нѢсть* (11:761); *ино то и всего нѢту* (12:181); *Аще ли и сего не будет* (8:312); либо постпозитивными присловными атрибутами: *Сего дѣланиа лучша и беспечалнѣшиа нѢсть* (7:79-80); *инои твари ниединои не бысть* (11:269); *А инога царства волнаго и закона християнскаго греческаго нету* (12:161).

Коррелирующие актуально нечленимые номинативные отрицательные высказывания являются стилистически нейтральными. Они представляют собой регулярные реализации двух схем: (V+Nom.)R – *нѢсть ничтоже нечисто, ниже кално, ни худо* (11:288); *нѢсть надежда ни едина* (13:12); *нѢсть царь* (8:34); *не бе же воля божия* (2:488); и (D+V+Nom.)R – *по обладании же мужеском не бывает вопиение* (6:л.155об.); *имъже нѢсть разумъ* (13:209); *Богу же нѢсть ничтоже нечисто* (11:292); *егоже нѢсть ничтоже ино вышше* (13:51). Такие личные построения функционируют только в сочинениях авторов, язык которых может быть охарактеризован в основе своей как книжно-славянский.

2.1. Актуально членимые безличные отрицательные высказывания с прямым порядком компонентов представлены двумя стилистически экспрессивными вариантами, которые наиболее распространены в исследуемых материалах: а) (V+DT+Gen.)R ; б) (V+Gen.)R – DT.

А. Детерминант, находящийся внутри предикативной группы, выполняющей функции ремы, может быть как субъектным: *не бе от них гласа, ни послушания* (12:128); *не будет ти соблазна* (4:324); *нѢтъ у них волнаго царя и царства волнаго* (12:175), так и

обстоятельственным: *нѢсть въ писании... явленныхъ дѢль Господнихъ* (11:324-325); *нѣсть в наших землях... узорочия такова* (3:64); *нѢсть негдѢже заповѢди* (11:402).

Б. Данная экспрессивная конструкция является самой продуктивной среди всех вариантов актуально-синтаксических типов отрицательно-безличных предложений: «нет, деи, царства небеснаго // святым!» (2:428); *И нѢсть ниединаго сопротивления // слову сему съ правилы* (11:656); *да не будет нужды // от пици в воехъ на долго время* (3:102); «*нѢсть истинны в немъ*» (8:38); *не будет собраннаго // ему от туждих трудов* (4:320).

Рема высказывания в обеих схемах еще более акцентируется, если в них используются однородные генитивы: *чтобы не было в полках его татбы, и разбою, и игры, костарства, и пиянства* (12:159); *и не бе от них гласа, ни послушания* (12:128); *нѢсть сотворения ни помысла, ни разума, ни мудрости // во аде* (1:47).

В стилистически нейтральном варианте детерминант, выполняющий функцию темы, стоит в начале предложения: DT – (V+Gen.)R. Такие высказывания придают изложению размеренность, поэтому они функционируют, как правило, в повествовательных фрагментах публицистических произведений: *в будущемъ // нѢсть раба, ни свободна* (1:30); *в тѢхъ странахъ // нѢсть християнъ* (8:26); *тамо бо // нѢсть хмелю* (9:660); *а казне его // нѣсть конца* (3:78); *У нас же на царствѢ // нѢсть царя* (3:75). Как видно из примеров, возможен вариант двухкомпонентной темы при контактном положении детерминантов. В наших материалах встречаются и другие разновидности этой коммуникативной модели: *от великого собрания силы не бѢ во градѢ мѢста* (3:58); *И тако не бысть ниоткуды помощи* (12:129); *уже бо отнынѢ нѢсть вам надежды на мя, ни помощи малы от мене* (3:58).

У субъектных актуально членимых высказываний той же линейной структуры не существует нейтрального варианта. Две экспрессивные схемы, как и в безличных отрицательных конструкциях, отличаются положением детерминанта: а) включенного в ремю – (V+DT+Nom.)R: *да не будетъ въ насъ таковая диаволя злая прелестъ* (13:317); *нѢсть у нихъ ничтоже свое* (14:186); *и нѢсть имъ соблазнъ* (13:283); *нѢсть ми польза ни едина* (14:204); *не буди ми таково неистовство* (14:157); б) стоящего после коммуникативного ядра – (V+Nom.)R – DT: *нѣсть бо сице кое другое утешение // в время смерти* (10:310); *нѢсть истина и милости, ни познание Божию // на земли* (13:190-191); *не бѢяше Богъ // никогдаже* (11:105); *нѢсть было таково // ни во всѢхъ землях* (3:114); *нѢсть потреба // от насъ* (8:50).

2.2. Актуально членимые негативные бессубъектные высказывания с инверсированным порядком компонентов также имеют два экспрессивных варианта: а) (Gen.+V)R – DT ; б) DT – (Gen.+V)R. Обе коммуникативные модели активно используются публицистами: *сихъ бо чудесь нѢсть было // по всеи земли, ни во всѢхъ странахъ* (11:318); *страха нѣсть // в любви* (4:322); *никакогоже согрѣшения нѢсть // православнымъ* (11:448); *царства волнаго нѢсть // им* (12:179); *обличения нѢсть // им* (8:40); *любве Божия нѣсть // в нем* (4:321) – примеры препозитивной ремы, выраженной инверсированной предикативной группой Gen.+V; *ту // милости божия нѣсть* (5:173); *ино ныне // вась нет* (8:82); *ино казнѢ его // конца не будет* (12:82); *Во всемъ бо семъ // воли нѢсть* (8:42); *у нихъ // сердца доброго нѢту* (12:180); *ни бо одномъ переводе их с небеси // свидетельства не было* (5:176) – случаи ее постпозиции.

Нейтральный вариант, в котором на первое место выдвигается зависимый родительный падеж с тематической функцией (схема (Gen.+DT) – VR), представлен в анализируемом материале достаточно скупом: *никакого от державы моя // нѢсть* (8:38); *а царьския грозы к ним // не было* (12:177); *Ничего того // нѣсть* (2:473); *и царя во граде // не бе* (3:84); *а твоего поучения святителскаго к ним // не было* (12:150).

Сопоставим коммуникативную парадигму безличных негативных высказываний в древнерусском языке, публицистике и других жанрово-стилистических разновидностях старорусского языка. Так, по данным Л.В. Савельевой, для киевского периода характерно преобладание (77%) линейно-динамических структур с препозицией негируемого глагола, то есть прямой порядок компонентов; в старорусский период удельный вес построенных со вторичным, инверсированным словопорядком возрастает в 3 раза, а количество конструкций с постпозитивным генитивом сокращается до 36% [8]. Наши материалы демонстрируют отклонения в сторону языка Древней Руси, так как в них случаи препозиции глагольной формы в безличном предложении составляют 70%.

Актуально членимые номинативные негативные высказывания со сказуемым, стоящим в постпозиции, строятся по двум схемам: а) с параллелизмом актуального и синтаксического членения – (Nom.)Г – (V)R: *Богъ живыи // не бысть безъ Слова своего никогдаже* (11:106); *а царство // без царя не будет* (12:156); *и сам // не бысть на третьем соборе* (2:497); *и сие // тако не будет* (б.лл.159 об.-160); *человѣкъ // не пребысть во враждѣ* (13:309); *и веселие // нѣсть на долго время нам будет* (3:50); б) с тематической функцией экзистенционального глагола – (Nom.)R – (V)Г: *ничтоже // быша* (7:52); *и ни едино тебѣ попечение // есть* (13:328); *ничто же // есть* (4:333); *И гонение воистину таковое неслыханное в русской землѣ никогдаже // бывало* (8:326); *ни кая полза ми // есть* (1:14-15); *ниже сила // есть* (11:779). Первая из этих актуально-синтаксических разновидностей стилистически нейтральна, а вторая экспрессивна. Причем количество случаев употребления последней в памятниках публицистики в два раза больше числа нейтральных вариантов. Высказывания, построенные по схеме (Nom.)R – (V)Г, используются также чаще других отрицательно-субъектных бытийных конструкций.

Таким образом, при сопоставлении коммуникативных парадигм соотносительных бессубъектных и субъектных отрицательных предложений в наших материалах обращают на себя внимание следующие особенности:

- 1) экспрессивные варианты в целом преобладают над нейтральными; единственный случай нарушения этой закономерности наблюдается при функционировании актуально нечленимых бытийных конструкций;
- 2) безличные экзистенциональные высказывания с негативной модальностью чаще строятся по схемам, в которых сохраняется словопорядок глагольного словосочетания; при этом наиболее продуктивным является экспрессивный вариант (V+Gen.)R–DT – в нем актуальная информация передается с определенной экспрессией за счет того, что предикативная группа, вынесенная в коммуникативный фокус, находится перед детерминантом, выполняющим функцию темы;
- 3) среди номинативных отрицательных предложений со значением существования более других распространены экспрессивные высказывания, в которых личный глагол приобретает тематическую функцию и, таким образом, нарушается симметрия актуального и синтаксического членения – схема (Nom.)R – (V)Г.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Бытийные предложения в русском языке // Изв. АН СССР. ОЛЯ. – 1976. – №3. – С.229-238.
2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976.
3. Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип. – М.: Русский язык, 1983.
4. Вечерка Р. Синтаксис беспредложного родительного падежа // Исследования по синтаксису старославянского языка. – Прага, 1963.

5. Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения: учебное пособие. – М.: Просвещение, 1976.
6. Потехина А.А. Из записок по русской грамматике. – Т. III. – М.: Просвещение, 1968.
7. Русская грамматика. – Т. II. Синтаксис. – М.: Наука, 1980.
8. Савельева Л.В. Отрицательно-безличные предложения в истории русского языка. – Л.: Изд-во ЛГПИ, 1988.
9. Собинникова В.И. Безличные отрицательные предложения с глаголом быть, словом нет и их эквивалентами в восточно-славянских языках // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1979.

Источники

1. Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения. – М., 1881.
2. Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV–нач. XVI в. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955.
3. Казанская история / Подгот. текста Г.Н. Моисеевой. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954.
4. Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. – М.: Аспект-пресс, 1994.
5. Моисеева Г.Н. Валаамская беседа – памятник русской публицистики середины XVI в. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958.
6. Новгородско-Софийская рукопись №1296 (из собр. РНБ в СПб.).
7. Памятники древней письменности и искусства. – Т.179. – СПб., 1912.
8. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. – М.: Худож. лит., 1986.
9. Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. – М.: Худож. лит., 1984.
10. Послания Иосифа Волоцкого / Подгот. текста А.А. Зимина и Я.С. Лурье. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959.
11. Православный собеседник. – 1863; 1864.
12. Сочинения И.С. Пересветова / Подготовил тексты А.А. Зимин. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956.
13. Сочинения преподобного Максима Грека / Под ред. И.Я. Порфирьева. – Ч.II. – Казань, 1860.
14. Сочинения преподобного Максима Грека / Под ред. И.Я. Порфирьева. – Ч.III. – Казань, 1860.

© А.Г. Москалева, © Е.А. Воробьева

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
Ярославль, Россия

ПРОБЛЕМА НЕОЛОГИЗМА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII-XIX ВВ.

Центральной проблемой неологии является постоянно меняющееся представление о том, что же такое «неологизм». В том или ином аспекте, главным образом в связи с понятием лексической нормы языка, она постоянно привлекает лингвистов. Тем не менее многие вопросы, связанные с изучением новых слов, продолжают оставаться спорными. Несомненный интерес представляет и история проблемы. Рассматривая отдельные моменты в эволюции взглядов на новые слова в русском языке, можно увидеть меняющееся представление о неологизме как сложном, многозначном языковом и культурном явлении.

Семантика греческого по происхождению слова *неологизм* претерпела в русском языке ряд изменений, прежде чем термин получил свое современное значение. В разные исторические периоды под это понятие подводились особые языковые явления. Формализовать их позволяют словари XVIII-XIX вв.

Так, в «Лексиконе вокабулам новым по алфавиту», первом русском словаре новых слов, восходящем к началу XVIII столетия, новые слова практически отождествляются с неизвестными прежде иностранными словами, обозначающими новые реалии и понятия в русском государственном, административном, военном устройстве Петровской эпохи: *канал, капитан, карта, оптика, декрет, амнистия, инструмент, фейерверк* и мн.др. (орфография здесь и ниже современная – А.М.).

Таким образом, новые слова вначале понимались лишь как заимствованные слова в русском языке. Однако с течением времени представление о «новом слове» подверглось трансформации. В «Словаре Академии Российской» (1789 – 1794 гг.) и «Полном французско-русском лексиконе» И.Татищева оно несколько расширено. Это «новословство» и «привычка употреблять новые слова» [3]. Известно было и слово *неология*, трактовавшееся в словарях XVIII в., – «новословие, изобретение, употребление новых слов» [там же]. В «Лексиконе» Татищева уточняется: «... новословие есть искусство, новословство – злоупотребление», т. е. не только новые слова, но и привычка употреблять их. Это значение подтверждается и словарем Михельсона [2], изданным более чем на 50 лет позже.

Основные термины науки о лексико-фразеологических новациях вошли в русский язык и получили широкое осмысление в общественных кругах XIX столетия. Уже в 1804 г. в «Новом словотолкователе» Н.М. Яновского зарегистрированы слова *неограф, неолог, неологический, неология*. Правда, первые их значения лишь частично совпадают с актуальными: «*Неограф*, гр. Тот, кто пишет новым образом, противным правописанию, употребляемому обыкновенно»; *Неолог*, гр. Новослов. Сие слово означает того, кто употребляет часто в разговоре или в написании новые слова»; «*Неологический*. Новословный, нововымышленный; принадлежащий, относящийся к неологии»; «*Неология*, гр. Наука составлять новые слова; новословие; изобретение, употребление

новых слов». И далее: «Вводить новые в язык слова должно не иначе, как с великою умеренностью и осторожностью... и не частному человеку, но обществу ученых» [ч. II, ст. 939-940]. А в «Карманном словаре иностранных слов», издаваемом Н.С. Кириловым в середине XIX в., читаем: «*Неология*. Это слово употребляется иногда для значения слова или речения вновь введенного в какой-нибудь язык и не имеющего в нем гражданства, но вообще оно обозначает нововведение и также самый акт нововведения, или нововводительства» [4. С. 442]. В таком же широком диапазоне значений в Словаре Н.С. Кирилова приведено слово *неологист*, под которым понимается человек передовых взглядов, борющийся за введение прогрессивных форм жизни общества, в том числе за развитие словарного состава языка.

Приведенные статьи не раскрывают лингвистической сущности проблемы. Однако следует отметить в них попытку дифференцировать и противопоставить друг другу два момента в процессе употребления новых слов: 1) новословие как искусство изобретения и употребления новых слов; 2) новословство – злоупотребления новыми словами, «привычка употреблять новые слова».

Постановка самой проблемы говорит об отчетливом понимании того, что в условиях, когда, по словам В.Г. Белинского, «в обществе бродили уже новые идеи, для выражения которых недоставало в русском языке ни слов, ни оборотов» [5. С. 148], пополнение русского языка новыми словами – явление неизбежное, но что в широком потоке лексических новообразований не все может быть приемлемо для языка.

Термин *неологизм* отмечен в «Настольном словаре для справок по всем отраслям знания» под ред. Ф.Толля (1864). Автор сближает термины *неологизм* и *неология*.

«*Неологизм* (греч.), страсть вводить в язык слова бесполезные, т.е. назначенные для выражения идей, ясно передаваемых другими словами, уже вошедшими в употребление. *Неология* (греч.), изобретение и введение в язык новых терминов или употребление старых, но в другом смысле; также употребляется в смысле бесполезного введения слов» [С.991].

Ф. Толль выделяет уже два вида языковых новаций: новые слова и употребление старых, но в новом смысле.

Как известно, формирование лексических норм русского литературного языка происходило в сложном переплетении элементов различного качества. Разноплеменные слова отличают литературно-книжное словоупотребление на всем протяжении XVIII – первых десятилетий XIX в.: «низкие» русизмы, предъявляющие свои гражданские права; старославянизмы, проверенные и близкие языку по книжной традиции; иноязычные заимствования, способные занять лексические вакансии в чужом языке.

Стечение лексики разного рода естественно породило дублетность и многословную вариантность в выражении одного и того же понятия. В литературе этого времени и даже в произведениях одного писателя на равных правах употребляются слова *прилежание* – *люботрудие*, *натура* – *природа* – *естество*, *патриотство* – *патриотизм*, *цифрная мудрость* – *арифмословие* – *арифметика* – *счисление* – *числословие* и многие др. Напряженная ситуация номинативного голода и сопровождающая ее лексическая избыточность разряжалась мучительно и долго. Прошло более столетия, прежде чем язык, пройдя богатую литературную практику, под пером Пушкина, Лермонтова, Гоголя приобрел устойчивую норму и национальное признание как единый русский литературный язык.

В рассматриваемый период ломки языковых традиций проблема нового слова решалась главным образом в практическом плане: какие слова признать за норму и какие отвергнуть. При том уровне научной базы, лишь в основе своей заложенной трудами М.В. Ломоносова, задача была более чем непростая. Решение ее осложнялось другим не менее важным обстоятельством. В результате лихорадочного подражания Западу со стороны

русского дворянства в языке оказалась масса иноязычных слов и выражений, которые вызвали в русском обществе обратную реакцию: любыми средствами приостановить поток «варваризмов» и противопоставить им слова из традиционных источников.

Академическое собрание, мнение которого можно рассматривать в качестве официальной языковой политики, обсуждая принципы отбора лексики для Словаря, постановило «избегать иностранных слов и стараться заменить их». Стремление очистить русский язык от иноязычных элементов было столь значительным, что оттеснило на задний план многие другие задачи нормализаций лексики, в том числе вопрос о неологизмах и лексических нормах языка. Наблюдения над «Словарем Академии Российской» показывают, что требование академического собрания было выполнено до конца. В Словаре отсутствуют не только новые иноязычные заимствования, но и те, которые уже были усвоены русским языком и нашли свое отражение в художественной и специальной литературе, такие как *батарея, билет, сцена, фамилия, характер, юрист* и др. В некоторых случаях создается впечатление, что иностранные слова даются только для того, чтобы показать, что можно заменить их русскими эквивалентами. Так, при слове «*антипатия*» указано «зри противуядие», при «*меланхолия*» – «см. задумчивость» и под.

Ориентация русских слов на защиту традиционных лексических норм языка привела к отрицанию неологизмов не только иноязычного происхождения, но и образованных средствами живого русского языка. Что и зафиксировано в Словаре Ф. Толля при словах *неологизм* и *неология*: «слова бесполезные» и «бесполезное введение в язык новых слов».

Писателям, осознававшим необходимость «составлять или выдумывать новые слова» [5. С. 78] и не лишенным при этом чувства меры и вкуса, пуристы противопоставляли принцип абсолютной чистоты и незыблемости традиционных норм. «Довольно наш язык в себе имеет слов, – заявлял неоднократно А.П. Сумароков. – ... Чужие слова всегда странны будут... Еще страннее производить из русского языка новья слова...» [5. С. 51].

Этот пуризм, доведенный до крайности, нашел свое одностороннее развитие в «Рассуждении о старом и новом слоге» А.С. Шишкова. Шишков с гневом обрушивается на современных ему писателей, которые пренебрегают правилами о трех штилях. «Одни из них, – казалось ему, – безобразят язык свой введением в него иностранных слов, таких, например, как «энтузиазм», «катастрофа», «акция» ... Другие из русских слов стараются делать нерусские, как например: вместо «будущее время» говорят «будущность»... Третьи французские имена, глаголы и целые наречия переводят из слова в слово на русский язык ...» [4. С. 30].

Спор о старом и новом слоге велся вплоть до середины XIX века. Многолетним оппонентом А.С. Шишкова был Н.М. Карамзин, с деятельностью которого связано появление и распространение ряда новых слов и старых слов в новых значениях: *влюбленность, рассудительность, достопримечательность, ответственность, промышленность, личность, нечистоплотность, вольнодумство, полуголодный, всеобъемлющий, первоклассный, сосредоточить, усовершенствовать* и др.; благодаря карамзинистам в русский язык вошли такие заимствования, как *авансцена, водевиль, карикатура, контролер, кризис, милиция, полиглот, тост, тротуар, эгоист* и др.

Помимо прямых заимствований, еще одним способом индивидуального языкового творчества было семантическое калькирование, примером которого могут служить такие обороты, как *вести рассеянную жизнь* (ср. франц. mener une vie dissipée), *бросить тень на что-л.* (jeter l'ombre), *буря страсти* (l'orage de la passion), *бумага все терпит* (le papier souffre tout) и др.

Примечательно употребление новых слов крупнейшими представителями русской литературы первой половины XIX века, среди которых блистает Пушкин. Он довольно часто употребляет словообразовательные кальки, созданные в предшествующую эпоху: *влияние* (influence), *расположение* (disposition), *развлечение* (distractio), *впечатление* (impression), *обстоятельство* (circonstance), *трогательный* (touchant) и др. [1. С. 567-568]; признает законным употребление «иноплеменных слов», если они обозначают понятия, для которых нет подходящего русского наименования:

Никто б не мог ее прекрасной
 Назвать, но с головы до ног
 Никто бы в ней найти не мог
 Того, что модой самовластной
 В высоком лондонском кругу
 Зовется *vulgar*. (Не могу

Люблю я очень это слово,
 Но не могу перевести;
 Оно у нас покамест ново...)

(Евгений Онегин, гл.8, XV-XVI);

Пушкин сам создает авторские неологизмы: *кюхельбекерно* 'плохо, тяжко' (как бывает при чтении стихов В.К. Кюхельбекера), *тяжело-звонкий*, *тяжело-мерный*, *оганчарован* и др.:

За ужином объелся я
 А Яков запер дверь оплошно –
 Так было мне, мои друзья,
 И *кюхельбекерно*, и тошно.
 («За ужином объелся я»);

И он по площади пустой
 Бежит и слышит за собой –
 Как будто грома грохотанье –
Тяжело-звонкое скаканье
 По потрясенной мостовой.
 (Медный всадник, ч.2);

Литературно-общественный спор о старом и новом в языке был разрешен самой практикой языка. При этом логика нормализации лексики во многом не совпадала с логикой проектов его законодателей. В.Г. Белинский по этому поводу писал: «Люди без разбора вводили новые слова, а время решило – которым словам остаться в употреблении и укорениться в языке, и которым исчезнуть» [4. С. 22].

Таким образом, в разные исторические периоды представление о «новом» слове менялось. Показательно употребление слова «неологизм» крупнейшими деятелями русской литературы XIX в. – А.С. Пушкиным, П.А. Вяземским, И.А. Гончаровым. Оно демонстрирует развитие значений у термина – от первоначального к современному. А.С. Пушкин в критической заметке пишет: «Иные даже называют романтизмом *неологизм* и ошибки грамматические» [6. Т.II. С. 856]. П.А. Вяземский уже конкретизирует значение слова: «Позволю себе *неологизмы*, т. е. прибавления к Словарю Российской Академии; но, по крайней мере, как мне кажется, вольности мои не произвольны, а вытекают обыкновенно из самого состава и наказа языка» [Полн.собр.соч. Т.I. С. 7]. А по мнению И.А. Гончарова, «*неологизмы*, чуждые духу языка, никогда не войдут в плоть и кровь его» (Литературный вечер).

Проблема нового слова продолжала оставаться актуальной. Бурное развитие науки и техники, а также нарастающий процесс народно-освободительного движения

вносили в язык множество новых профессиональных слов. Зачастую новая терминология наталкивалась на цензурные препятствия. В этих случаях борьба за новое слово выходила за рамки интересов словесников и приобретала смысл политической и идеологической борьбы.

Примером, демонстрирующим важность и остроту проблемы неологизмов этого времени, может служить один лексикографический труд, запрещенный вскоре после его издания. Члены кружка, руководимого известным деятелем освободительного движения М.В. Петрашевским, составили «Словарь иностранных слов», охотно изданный штабс-капитаном Павловского кадетского корпуса Н.С. Кириловым. Составители включили в Словарь не все известные к тому времени иноязычные слова, а только те из них, которые соответствовали целям политической агитации. Идейная насыщенность придала лексикографическому труду петрашевцев значение энциклопедии социальных знаний.

Значительный интерес представляет помещенная в Словаре статья о неологизмах, написанная самим Петрашевским. В ней автор дает оценку истории изучения неологизмов и излагает собственную точку зрения по данному вопросу, аргументируя свои положения общей тенденцией развития языка «соответственно развитию человечества». Петрашевский раскрывает тесную взаимосвязь языка с общественным сознанием и доказывает неизбежность пополнения языка новыми словами как следствие этой взаимосвязи.

Осознанное расширение представлений о новых словах в русском языке и включение в эту категорию новообразований произошли позже, лишь в конце XIX века.

Так, в Предисловии к «Словарю русского языка» под ред. Я.К. Грота (1891 г.) обозначены основные разряды неологизмов в связи со стимулами их появления в языке, причем новообразования, обусловленные процессами внутриязыкового характера, поставлены на первое место по сравнению с внешними заимствованиями и другими социально-обусловленными новшествами.

Таким образом, семантика слова *неологизм* претерпела значительные изменения, прежде чем термин получил свое современное значение. Понимание неологизмов как новообразований и заимствований извне сохраняется до последнего времени. Однако концепция нового слова находится в состоянии развития. Современная лексикографическая практика позволила значительно расширить представление о новых словах в составе словаря литературного языка, классифицировать их с разных позиций.

Особенно большой вклад в теорию неологии внесли отечественные языковеды XX – начала XXI столетия, но в разных работах до сих пор мы сталкиваемся с терминологической неупорядоченностью и пестротой в обозначении как основных категорий неологии, так и смежных понятий.

Литература

1. Камчатнов А.М. История русского литературного языка: XI – первая половина XIX века. – М., 2005.
2. Объяснение 7000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык. – 2-е изд. исправл. и доп. / Сост. Михельсон. – М., 1863.
3. Полный французско-русский лексикон, с последнего издания Лексикона французской Академии на Российский язык переведенный. – 2-е изд. / И.Татищев. Т.2. – 1798.
4. Русская литература 19 века: хрестоматия критических материалов. – М., 1967.
5. Русские писатели о языке: хрестоматия. – Л., 1954.
6. Словарь языка Пушкина: в 4 т. – 2-е изд. доп. – М., 2000.

© И.Н. Нечитайло

*Киевский национальный лингвистический университет, Киев, Украина***ФОРМИРОВАНИЕ ЗНАЧЕНИЙ ПРАСЛАВЯНСКИХ ДИАЛЕКТИЗМОВ
(ТЕМПОРАЛЬНЫЙ БЛОК)**

Принципиально важным для определения генезиса и диалектной структуры праславянского языка является изучение рефлексов эпохи славянской языковой общности в современных языках – праславянских диалектизмах. Опыт работы с архаичной лексикой славянских языков позволяет определить праславянские диалектизмы как присутствующие в периферийных диалектных зонах славянских языков элементы праязыка, сохранившие неизменными свои фонетические, морфологические и семантические характеристики. По мнению О.Н. Трубачева, «триумфом исследования состава праславянского словаря следует считать выявление в словаре следов группировок и связей, предшествующих последующей конвергенции и консолидации в существующие славянские языки»; при этом главной практической задачей в этом направлении он считает всестороннюю разработку изолексов, охватывающих часть славянских языков или один славянский язык и другие индоевропейские языки [14. С. 168–169].

Теоретическая разработка и выявление состава праславянских диалектизмов были начаты О. Н. Трубачевым при работе над Этимологическим словарем славянских языков. Исследователю удалось проанализировать следующие фрагменты праславянских лексических отношений: 1) праславянские диалектизмы русского, украинского и белорусского языков; 2) праславянские диалектизмы нижнелужицкого языка; 3) изолексы словенско-сербско-хорватско-украинско-белорусские; нижнелужицко-украинские (белорусские), лужицко-сербско-хорватские; 4) балто-славянские изолексы праславянских диалектизмов [14; 15; 16]. Лексико-словообразовательные и фонетико-грамматические аспекты этой проблемы рассматривались Т.В. Вендиной [3; 4] при создании Общеславянского лингвистического атласа, а также Л.В. Куркиной [9] в процессе исследования южно- и западнославянских изолексов. Список праславянских диалектизмов пополнялся В.В. Мартыновым [10] в контексте определения архаичной периферии славянского мира и Ю.С. Азархом [1] при описании территориального распределения русской апеллятивной и топонимической лексики.

Таким образом, в настоящее время фрагментарно изучены праславянские диалектизмы восточнославянских и части южнославянских языков, причем внимание обращалось на имена существительные, преимущественно сформировавшиеся в праиндоевропейскую или раннюю праславянскую эпоху по праиндоевропейским моделям. Объектом нашего исследования выбрана праславянская лексика ограниченного распространения, производная от праславянских глаголов периода общеславянского языкового единства в соответствии с его законами словообразования.

В отглагольном словообразовании концепты источника действия, операции; того, на что направлено действие; посредника в осуществлении действия; цели; результата; времени; места; способа выполнения действия; качественной характеристики реализуются в категории субъекта, объекта действия, орудия, места, признака по действию и имени действия – именно эти параметры приобретают типологическое значение при исследовании отличительных особенностей семантики праславянских

диалектизмов в каждом языке. Имея в виду праславянскую диалектную девербативную лексику как систему, мы устанавливаем в диалектизмах аспекты семантики, связывающие их с мотивирующими основами глаголов. Принципиальным моментом анализа глагольной семантики является последовательность составляющих ее компонентов. Учитывая, что когнитивная модель, поясняющая семантику глагола, строится как аналог определенного вида деятельности – биологического, физиологического, физического или иного порядка – с полной реконструкцией основных компонентов этой деятельности, этими компонентами его структуры являются: 1) ядерный элемент – сама деятельность (вид действия); 2) тот, кто осуществляет действие или является источником этого действия (субъект); 3) инструмент (средство действия); 4) предмет, на который оно направлено (объект); 5) цель действия. Темпоральная локализация (время действия) и пространственные параметры (место действия) являются, по Е. С. Кубряковой, более отдаленными от семантического ядра глагола элементами [8. С. 87–88]. Ядерный компонент жестко закреплен в структуре глагольной основы, а все последующие, подвергаясь метонимической трансформации, способны активизироваться и изменять свой статус среди других элементов. Основной механизм семантико-словообразовательной деривации девербативных имен темпорального блока – мена актуализации, т.е. веса компонента «время действия».

Выстраивая схемы семантической деривации отглагольных имен со значением времени, мы выявляем закономерности семантических сдвигов, перестройки структуры праславянских основ, которые обусловили развитие этих основ в направлении формирования лексико-семантической микросистемы «время». Например, известно, что основа глагола праслав. *lęgti стала базой для образования праслав. *lęgovo / *lęgova. Его рефлексы отмечены в русск. диал. *лѣгово* ср. р. "время, когда ложатся спать" (костр., владим.), укр. *лѣгови* жен. р. множ. "тж." [13 (17). С. 255; 5 (II). С. 390; 19 (IV). С. 56]. Семантическая структура глагола праслав. *lęgti содержит семы: интегральная "действие", дифференциальные "движение", "расположение", которые подчиняют себе набор уточняющих сем "характер действия", "субъект", "место", "время" и др. Предполагается, что при формировании названия времени под воздействием суффикса -овъ в семантической структуре глагольной основы актуализировалась сема темпоральности, а интегральные и дифференциальные элементы семантики утратили свои доминирующие качества. Характер перемещения компонентов значения в глагольной структуре можно отразить в форме модели «действие → время действия». Возникновение отглагольных названий времени действия сопровождалось актуализацией соответствующих элементов значения, связанных с темпоральностью.

Для праславянской узколокальной лексики отглагольного происхождения значение времени является достаточно редким, что позволяет отнести ее к периферии данной микросистемы. Тем не менее, в разных регионах славянских языков представляется возможным установить ряд семантико-словообразовательных соответствий.

Среди образований второго типа – прилагательное с суффиксом -ьль праслав. *gъjьль, мотивированное звукоподражательным глаголом праслав. *gъjuti, *revъ "реветь". Его субстантивированный вариант отразился в разных славянских областях как название осеннего месяца – времени спаривания зверей: старослав. *рюнѣ*, болг. диал. *руѣн*, *руѣн*, макед. диал. *руен*, *руѣн*, серб. *руѣн*, хорв. арх. *гъjan* муж. р., род. п. *гъjna* "сентябрь" (дубровн.), старочешск. *гъjѣн*, чешск. *гъjѣн*, словацк. *гъjѣн*, кашубск. *гъjan* "гон; рев оленей; октябрь", древнерусск. *рю-нь* "сентябрь", рос. *рюень*, *рувень* "тж." [21 (III). С. 133; 17 (III). С. 530]. Судя по нескольким производным от данного девербатива, он был распространен на большей территории, чем отдельные южные и западные области славянских языков. Это прилагательные хорв. *гъjini*, *гъjanski* "относящийся к месяцу сентябрю", а также польск. *гъja*, укр. диал. *руя* [21 (III). С. 133; 20 (XIII). С. 782].

В тексте картотеки Брянского областного словаря *С'ичас вам сáмѣя у крѡсу у пал'т'ѣ, зáўтра мѡжа и жáрка* выражение *сáмѣя у крѡсу* значит "в самый раз", где имя *кроса* рассматривается как "раз". Подобно словам со значением „раз, мгновение, отрезок времени”, происходящим от слов со значением "удар" (ср. *raziti → *razь, *(s)ker- "резать" → *kортъ "удар, раз" и др.), производящей для имени праслав. *krosa может быть основа глагола *kresati "высекать огонь, ударяя камнем о камень", "резать", "ломать, бить, стучать", "тесать", "выдирать", "полотъ". Для этого архаизма исследователи допускают способ образования *kresati "ударять огнивом о кремень" → *krosa "удар огнива по кремню" → перен. "раз" [11. С. 8].

В русских диалектах праслав. *mokredь реализовался как *мо́кредь* "мокрый снег" (иркут., перм.), "болотистое, сырое место" (каз., перм., тверск.), "экзема, лишай на копытах животных" (южноурал., перм.) [18 (18). С. 208], *мо́кредь* "все, что мокрое, сама влага, сырость, грязь и ненастье, мокрое место и время" [6 (II). С. 880], *мо́кредь* "большое количество, излишек влаги, сырость; экзема" (перм.), *мо́кредь* "сырость, грязь" (яросл.), *мо́крет* "сырая погода" (тобол.) [13 (18). С. 208], *мо́креть* "грязь, слякотная погода" (красноярск.) Аналогичное значение сохранилось и в варианте *мокреда́* "сырость, грязь" (тул., моск.), "сырая погода" (ряз.), *мокреда́* "сырость, грязь, дождевая погода" (ряз.), *мокрида* "сырость, ненастье" (томск.) [13 (18). С. 127, 213]. Общей чертой указанных диалектизмов является обозначение места или явления с повышенным содержанием влаги, воды. Это значит, что в динамике значения основы глагола праслав. *mokrōti к прилагательному *mokгъ и, далее, к существительному *mokrědь / *mokrěda имела место трансформация типа "действие" → "признак по действию" → "название действия → время действия".

Родственные глаголы праслав. *liniti, *lin'ati, *linati, *liněti "тратить силы, слабеть; терять шерсть", *lěniti (каузатив) "удалять шерсть, шкуру, кору; вызывать выпадение волос", вероятно, связаны с праиндоевроп. *lei-по- от *lei- "приходить в упадок, вянуть" [7 (III). С. 236–237]. Суффиксальный дериват словообразовательного гнезда *lin'ati праслав. *linьba (название действия) стал узколокальным архаизмом для украинского языка, воплотившись в укр. *линьба́* "время линьки" [5 (II). С. 360].

Наблюдение за праславянской лексикой ограниченного распространения позволяет считать, что в праславянскую эпоху в результате культурно-исторических контактов разных периодов могла сложиться терминологическая общность диалектизмов, связанная с обозначением объектов материальной культуры славянских племен, их сближением и перераспределением в эпоху освоения новой территории, конвергенцией и вторичными контактами. Диалектные архаизмы в славянских языках включают в свой состав названия временных отрезков – имена определенного семантического спектра, обладающие специфическими словообразовательными параметрами.

Значительную часть праславянских диалектизмов темпоральной подгруппы, отмеченных на территории Славии, составляют слова отглагольного происхождения. Знакомство с этой группой лексики дает возможность установить наиболее характерные черты праславянского диалектизма, свойственные каждому языку. Праславянские глаголы, мотивировавшие эти существительные и прилагательные, континуанты которых стали принадлежностью архаичных зон славянского мира, условно можно отнести к семантическим группам воздействия, перемещения, состояния и звучания. Формирование темпоральных терминов осуществлялось через стадию процессуальных, локальных или атрибутивных имен. Местами их распространения стали северные и северо-восточные диалекты русского языка, северо-западные украинские диалекты, а также точечные зоны южнославянского и западнославянского ареалов.

Перспектива изучения праславянских диалектизмов в славянских языках предусматривает свое развитие в установлении и систематизации их состава в соответствии с семантическими и словообразовательными особенностями, территориальной дистрибуцией в масштабах общеславянской диалектной системы с последующей диахронической интерпретацией диалектного членения праславянского языка.

Литература

1. Азарх Ю.С. Ареальная норма в апеллятивной и топонимической лексике (на материале русских говоров) // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. – Л.: Наука, 1977. – С. 168-176.
2. Варбот Ж. Ж. Славянская суффиксальная вариантность и реконструкция праславянской лексики // Вопросы языкознания, 1976. – № 6. – С. 32-49.
3. Вендина Т.И. К проблеме центрального и маргинального ареалов Славии // Вопросы языкознания. – 1997. – №2. – С. 71-76.
4. Вендина Т.И. Общеславянский лингвистический атлас и лингвистическая география // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Краков / Отв. ред. академик О.Н. Трубачев. – М.: Наука, 1998. – С. 130-147.
5. Гринченко Б.Д. Словарь української мови: У 4 т. – К., 1907-1909 (перевид. фотоспособом. – К., 1958).
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. – М.: Русский язык, 1981.
7. Етимологічний словник української мови: В 7-ми т. / За ред. О.С. Мельничука. – К., 1982–2007. – Т. 1-5.
8. Кубрякова Е.С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка. Модели действия / Ин-т языкознания РАН / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева. – М.: Наука, 1992. – С. 84-90.
9. Куркина Л.В. Паннонославянская языковая общность в системе диалектных отношений праславянского языка // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993 г. Доклады российской делегации / Отв. ред. академик Н.И. Толстой. – М.: Наука, 1993. – С. 36-46.
10. Мартынов В.В. Семантические архаизмы на южнославянской языковой периферии // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. – Л.: Наука, 1977. – С. 180-185.
11. Меркулова В.А. Восточнославянские этимологии. I // Этимология 1979. – М.: Наука, 1981. – С. 14-28.
12. Позднякова Е.М. Концептуальная организация производного слова // Когнитивная семантика: Материалы II Международной школы-семинара по когнитивной лингвистике. 11–14 сентября 2000 / Отв. ред. Н.Н. Болдырев: В 2-х ч. – Ч. 2. – Тамбов: Изд-во Тамбовского университета, 2000. – С. 23-27.
13. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина и Ф.П. Сороколетова. – Л.: Наука, 1961–1999. – Вып. 1-33.
14. Трубачев О.Н. О праславянских лексических диалектизмах сербо-лужицких языков // Сербо-лужицкий лингвистический сборник. – М.: АН СССР, 1963. – С. 154-172.
15. Трубачев О.Н. Праславянское лексическое наследие и древнерусская лексика дописьменного периода // Этимология. 1991–1993. – М.: Наука, 1994. – С. 3-27.
16. Трубачев О.Н. Регионализмы русской лексики на фоне учения о праславянском лексическом диалектизме // Русская региональная лексика XI–XVII вв. – М.: Наука, 1987. – С. 17-28.
17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М.: Прогресс, 1987.
18. Филин Ф.П. О составлении диалектологических словарей славянских языков // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. София, сентябрь 1963 г. / Гл. ред. академик В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1963. – С. 318-348.
19. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. – Вып. I–XXXIII. – М.: Наука, 1974–2008.
20. Etymologický slovník jazyka staroslovénského. – N. I–XIII. – Praha: Akad. Ved., 1989–2006.
21. Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. – Zagreb: JAZU, 1971-1973. – Knj. 1–3.

© Е.В. Опахина

Вологодский государственный педагогический университет, Вологда, Россия

ГЛАГОЛЬНЫЕ ПЕРИФРАЗЫ В СТАРОФРАНЦУЗСКИХ ТЕКСТАХ: СКРИПТУРАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ

Типы глагольных конструкций и глагольных перифраз старофранцузского языка устанавливаются либо по грамматическому значению, т. е. характеристике передаваемого той или иной конструкцией действия [10], либо по составляющим конструкцию элементам, так, классификация глагольных конструкций старофранцузского языка по второму элементу конструкции рассматривается в работах Л.М. Скрединой и Л.А. Становой [1; 2; 3].

Глагольные перифразы являются особым аналитическим средством выражения дополнительных оттенков действия. К глагольным перифразам относятся конструкции со значением «длительность действия»: дуративные (перифразы с глаголом *estre* и причастием настоящим) и процессуальные (перифразы с глаголом *aller* и герундием). Конструкции передают идею продолжительности и подчеркивают процесс протекания действия.

Достоверность исследования обеспечивается подходом к изучению материала с позиций скриптологии. Основываясь на постулатах скриптологии, старофранцузский рукописный текст не может рассматриваться как образец того или иного состояния языка в целом. Рукопись отражает не язык, а скрипту [5].

Старофранцузский рукописный текст не отражает непосредственно тот или иной диалект. Текст содержит черты того или иного диалекта, и вместе с тем он отражает наддиалектные черты [6. С. 5].

Изучение особенностей глагольных перифраз по рукописям осложняется в связи с проблемой малочисленности имеющегося в нашем распоряжении инвентаря ранних рукописей. Как отмечает Л.А. Становая, французский язык IX–XIII вв. неравномерно представлен в рукописях. Малочисленность ранних рукописей делает практически недоступным для серьёзного и глубокого исследования письменный французский язык IX–XI вв., тогда как письменный французский язык XII–XIII вв. представлен внушительным количеством памятников [5. С. 10].

Для представления состояния языка IX–XI вв., по мнению Л. А. Становой, анализу могут быть подвергнуты только 29 строк «Кантилены о Св. Евлалии», 129 четырёхстрочных строф (около 500 строк) «Страстей Христовых» и 40 шестистрочных строф (около 250 строк) Жития Св. Леодегария», остальные отрывки, в силу плохой сохранности или неполноты текста, могут служить только вспомогательным материалом [5. С. 7]. Время и место создания текста не совпадают с датой и местом создания рукописи, которую мы исследуем. Изучаются особенности каждого конкретного рукописного текста.

Исследование первых доступных нам памятников старофранцузского языка («Страсбургские присяги», «Секвенция о Святой Евлалии», «Страсти Христовы», «Житие Святого Леодегария») обнаружило отсутствие в них дуративных перифраз.

Первые примеры, в которых встречаются конструкции с причастием настоящим, находятся в «Песни о Роланде», этот факт отмечают и другие исследователи истории французского языка [8. С. 3].

В «Песни о Роланде» находим 17 случаев употребления подобных перифраз (на ≈28014 проанализированных словоформ):

Si l'orrat Carles, ki est as porz passant (Roland, 1703).

«И услышим его Карл, который проходит через ущелье».

Эта же дуративная перифраза встречается в тексте ещё дважды:

«*Cumpainz Rollant, sunez vostre olifan: Si l'orrat Carles, ki est as porz passant (Roland, 1071).*

Karles l'entent, ki est as porz passant (Roland, 1766).

Обнаружен пример употребления дуративной перифразы в «Житии Святого Алексея» (в англо-нормандской рукописи XII века):

Ne pot muder ne seit aparissant (Alexis, 5).

Глагольные перифразы присутствуют в текстах рукописей произведений Марии Французской, в «Романе о Ру» и «Житии Святого Алексея», также относящихся к англо-нормандской письменной традиции.

Дуративные перифразы употребляются также в рукописях «Роман о Тристане» (нормандская скрипта), в рукописях «Флуар и Бланшефлор» (франсийская скрипта), «Роман о Розе» (франсийская рукопись, в которой присутствуют пикардские черты), в хартиях, относящихся к франсийской и валлонской скрипте, в шампанской рукописи «Рыцарь Тележки, или Ланселот».

Процессуальные перифразы встречаются, начиная с имеющихся в нашем распоряжении древнейших памятников:

«Житие Св. Леодегария» (в рукописи X в.):

A foc a flamma vai ardant

Et a gladies persecutant (Saint-Léger, 133–134).

Исследование показало преобладание процессуальных перифраз в англо-нормандских и нормандских рукописях.

Глагольные перифразы со значением «длительность действия» (дуративные и процессуальные), распространены преимущественно в рукописях, представляющих англо-нормандскую письменную традицию. Относительно большое количество случаев употребления дуративной перифразы находится в рукописи «Песни о Роланде», представляющей англо – нормандскую письменную традицию.

Наиболее существенные характеристики англо-нормандских скрипт, которые могут объяснить подобное преобладание перифраз, – «архаичность узуса и его бездиалектный характер» [4. С. 59]. Об этом же пишут и другие лингвисты. Ж. Бедье в своём исследовании «Песни о Роланде» отметил, что ранняя рукопись (Oxford, Bodleian Lib., Dugby 23) представляет наглядно французский язык в Англии, главной характеристикой которого является, по-видимому, архаизация [9. С. 241-245]. Стремление сcribe к «старению» текста проявилось в таких архаичных формах, которые, возможно, были свойственны французскому языку до X в. Так, англо-нормандские сcribes XII в. восстанавливали непроизносимые уже в X в. -t-, -d-: vithe, aiudhe, adunet; в «Песне о Роланде»: fedeilz, vedeir, cadables, sedeir, aiude, edet, poedent, при этом в рукописи «Жития Св. Леодегария» употреблена форма *cuels*, а не *crudels*.

Л.А. Становая отмечает такие характеристики англо-нормандских рукописей, как аккуратность и тщательность выполнения, упорядоченность и простоту графики. Очевидно, что ни об «ошибочности», ни о «беспорядочности» версификации, связанной с «невнимательностью» или «небрежностью» англо-нормандских сcribes, говорить нельзя [4. С. 62].

Англо-нормандские сcribes сознательно восстанавливали архаичные формы, ориентируясь при этом на латинский и архаичный французский узус, а также на свои представления о латинских и архаичных французских формах, что часто вызывало

гиперкорректные и просто ошибочные написания, такие, например, как *conpta* (вместо *cunte* < *comitem*); *cited* (вместо *citet* < *civitem*); *nevould* (вместо *nevout* < *nepotem*) и др. [4. С. 60].

Объяснением распространения глагольных перифраз в рукописях, относящихся к англо-нормандской письменной традиции, может служить влияние английского языка. В древнеанглийском языке довольно часто употреблялись словосочетания, состоящие из глагола-связки и причастия I [7. С. 133]. Возможно, английский язык, в котором в настоящее время широко распространены конструкции типа «I am (was / will be) doing», подчёркивающие длительность действия в момент, актуальный для говорящего, оказывал определённое влияние на язык, находящегося в непосредственной близости ареала.

Бездиалектный характер англо-нормандских рукописей обусловлен преимущественным употреблением французских, или франсийских, форм имени, местоимений, артикля и др. [4. С. 60–61].

Архаичность и архаизация языковых форм являются важной характеристикой англо-нормандских скрипт, вызванной традиционной ориентацией английских сcribes на франсийский языковой узус, который лежал в основе формирования французских письменных традиций уже в X в. Эта ориентация объясняет и бездиалектный характер англо-нормандских рукописей: в них практически нет форм, традиционно называемых региональными или диалектными.

Литература

1. Скрелина Л.М. Глагольные перифразы и глагольные формы в истории французского языка // Вопросы филологии (романо-германская филология). Вып. 2. – Минск: Минский гос. пед. ин-т иностр. языков, 1972. – С. 162-170.
2. Скрелина Л.М. История французского языка: Учеб. пособие (на франц. яз.). – М.: Высш. школа, 1972.
3. Скрелина Л.М., Становая Л.А. История французского языка: Учебник. – М.: Высш. шк., 2001.
4. Становая Л.А. Англо-нормандский диалект и англо-нормандские скрипты // Романское языкознание и национальные филологии. Древняя и Новая Романия. Вып. 6 / Отв. ред. Е. М. Чекалина. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. – С. 51-68.
5. Становая Л.А. Введение в скриптологию. Учебное пособие к спецкурсу по истории французского языка. – СПб.: Злагоуст, 1996.
6. Становая Л.А., Кузнецова Т.Я. Соотношение устной и письменной речи в разные эпохи языкового развития: Учеб. пособие к спецкурсу. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена, 1990.
7. Ярцева В.Н. Составное сказуемое и генезис связочных глаголов в английском языке // Труды военного института иностранных языков, 1947. – №3. – С. 29-47.
8. Aspland C. La périphrase verbale *estre* + le participe présent dans la poésie française du XII siècle: étude grammaticale et stylistique // *Studia neophilologica*. Vol. XLIV. №1. – Stockholm: Almqvist & Wiksells, 1972. – P. 3-26.
9. Bédier J. La Chanson de Roland commentée. – Paris: Piazza, 1927.
10. Gougenheim G. Etude sur les périphrases verbales de la langue française. – P.: Les belles lettres, 1929.

Источники

- La Chanson de Roland / publ. d'après le manuscrit d'Oxford et traduite par J. Bédier. – Paris: Piazza, 1960.
- La Passion de Christ // Koschwitz E. Les plus anciens monuments de la langue française. T.1. – Leipzig: Reisland, 1920. – P. 15–34; T.2. – P. 10-37.
- La vie de Saint Alexis. Poème du XI siècle et renouvellement des XII, XIII, XIV s. / Publ. avec préface, variantes, notes et glossaire par G. Paris et L. Pannier. – Paris: Franck, 1872.
- La Vie de Saint-Léger // Koschwitz E. Les plus anciens monuments de la langue française. T.1. – Leipzig: Reisland, 1920. – P. 35–47; T.2. – P. 38-51.
- Les Serments de Strasbourg // Koschwitz E. Les plus anciens monuments de la langue française. T.1. – P. 1–3. – Leipzig: Reisland, 1920. – P. 2-3.
- Prose de Sainte Eulalie // Koschwitz E. Les plus anciens monuments de la langue française. T.1. – Leipzig: Reisland, 1920. – P. 4–7; T.2. – P. 4-5.

© Т.В. Слива

Национальный педагогический университет имени М.П. Драгоманова, Киев, Украина

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СВЯЗИ ЛЕКСЕМ-ЧЛЕНОВ АССОЦИАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ

В языкознании долгое время оставался спорным вопрос о возможности систематизации лексики на основе каких-либо лингвистических принципов. Особенности данного уровня языка (количественный состав, открытый характер, обусловленность экстралингвистическими факторами и др.) ставили под сомнение возможность такой систематизации.

Однако анализ конкретного языкового материала свидетельствовал о том, что «лексический состав – это также определенная система, правда, в отличие от других языковых систем, мало проницаемых и более замкнутых (например, системы фонематической или грамматической), несравненно более обширная, сложная, гибкая и подвижная» [7. С. 13]. И несмотря на то, что «организация лексики обусловлена связями, существующими между предметами и явлениями действительности», все же «отражение этих связей в лексике регулируется собственно языковыми факторами» [8. С. 184].

Одним из первых на необходимости изучения законов и правил объединений значений у целых групп слов настаивал А.А. Потеня [6]. Значимость для лингвистики такого подхода высоко оценил В.В. Виноградов: «...мысль о глубокой внутренней связи между разными семантическими рядами слов в языке, о необходимости изучать системы или цепи значений слов, относящихся к одной или нескольким смежным лексико-семантическим сферам или группирующихся вокруг одной семантической категории, одного семантического ядра... имела для той эпохи прогрессивный характер» [2. С. 182].

Идею системности лексики развивал М.М. Покровский, который отмечал, что «...история значений известного слова будет для нас только тогда понятной, когда мы будем изучать это слово с другими словами, синонимическими с ним, и главное, принадлежащими к одному и тому же кругу представлений» [5. С. 95].

В дальнейшем теория системности лексики нашла отражение в трудах Л.В. Щербы, А.И. Смирницкого, В.В. Виноградова, который, в частности, отметил, что «русскому (как и другому) национальному языку свойственна своеобразная система образования и связи понятий, их группировки, их расслоения и их объединения в “пучки”, в комплексное единство» [2. С. 17].

Представление о лексике как о системе окончательно формируется к середине XX столетия. К этому времени создается общая теория лексико-семантической системы, что потребовало атомарных исследований отдельных групп лексем (лексико-семантических парадигм) с проекцией в дальнейшем отношений внутри таких групп на лексико-семантическую систему в целом.

К настоящему времени различные типы семантических группировок слов, в той или иной степени близких в смысловом отношении, описаны как в теоретических работах русистов (З.Е. Александрова, Ю.Д. Апресян, А.А. Брагина, Ю.Н. Караулов,

В.И. Кодухов, А.М. Кузнецов, Л.В. Малаховский, Е.Н. Миллер, Л.А. Новиков, Ж.П. Соколовская, А.Н. Тихонов, А.А. Уфимцева, Ф.П. Филин, Д.Н. Шмелев и другие) и украинистов (Л.В. Бублейник, В.С. Ващенко, Д.Т. Гринчишин, Ф.М. Деркач, Н.Ф. Коломиец, М.П. Кочерган, А.П. Критенко, И.М. Кульчицкий, Л.А. Лисиченко, Л.М. Полюга и др.), так и в лексикографических изданиях (тезаурусы, идеографические словари, словари синонимов, антонимов, омонимов и др.).

Признание возможности исследования лексики как системы предполагает некую методологию, в соответствии с которой таковое исследование будет осуществляться. Любой носитель языка, даже не имеющий специального филологического образования, легко систематизирует предложенный ему набор слов, если среди них есть те, которые специалистами квалифицируются как синонимы, антонимы, омонимы и т.д. Тем самым он (носитель языка) вычленит отдельные элементы, в своей совокупности и изоморфности составляющие некую структуру, и эту структуру можно рассматривать как систему при условии наличия определенных закономерностей ее строения. Такой закономерностью является связь между словами на семном уровне.

В любую парадигму лексемы входят на основе общих семантических признаков, противопоставляясь при этом друг другу с помощью дифференциальных элементов значения, то есть распределение слов по лексико-семантическим парадигмам базируется на интегрально-дифференциальных отношениях.

Особенностью исследования лексических парадигм является неоднозначность толкования выделяемых группировок, смешение понятий “семантическое поле”, “лексико-семантическая группа”, “тематическая группа” и др. К концу XX века в восточнославянском языкознании было принято выделять следующие виды лексических парадигм: омонимическая, синонимическая, антонимическая, тематическая, гиперо-гипонимическая парадигмы, лексико-семантическая группа слов (ЛСГ). Мы считаем целесообразным дополнить данный перечень еще и паронимической парадигмой.

Паронимы как феномен лексической системы русского языка привлекли внимание лингвистов (Ю.А. Бельчиков, О.В. Вишнякова, В.П. Григорьев, Л.А. Киселева, М.С. Панюшева и др.) значительно позже, чем названные выше парадигмы. Традиционно под паронимами понимают лексемы, имеющие звуковое сходство [9], как однокоренные, так и слова со случайным фонетическим подобием [3]. Во втором случае паронимы следует рассматривать, скорее, в контексте учения о звуковых повторах, созвучиях речи. Объектом изучения лексикологии (семантики) являются однокоренные слова, то есть имеющие не просто звуковое, а и словообразовательное сходство. И поскольку «структурное сходство паронимов обуславливает их известную смысловую соотносительность» [9. С. 368], можно утверждать, что объединения слов типа *гористый, горный, горский; драматический, драматичный, драматургический; двойственность, раздвоение, раздвоенность и т.п.* образуют паронимические парадигмы.

Однако в последнее время в лингвистике изучение лексико-семантических парадигм все чаще производят не на основе семантических корреляций, а с ситуативно-тематических позиций (Л.М. Васильев, В.В. Морковкин, И.В. Шадурский и др.).

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров отмечают, что семантика слова не исчерпывается только лексическим понятием. Лексическое понятие реализует классифицирующую и номинативную функцию языка, однако в значении слова присутствует компонент, соответствующий кумулятивной функции. Каждое слово вызывает у человека цепь ассоциаций – сведений о слове, которые образуют его *лексический фон* [1. С. 57]. Актуализация “фонových знаний” зависит от потребности, от речевой ситуации. Именно лексический фон слова определяет его тематические (идеографические) связи, сочетаемость с другими лексемами.

Для обозначения лексических объединений, образованных на основе общности сферы функционирования и использования их компонентов, предлагаются различные названия: тематические, или предметно-отраслевые группы (И.П. Слесарева, И.В. Шадурский), тематико-понятийные классы (В.И. Половникова), тематические поля (М.И. Горелова, Д.М. Магомедова), ситуативно-тематические поля (Г.А. Мартинович).

Мы же объединили оба вышеупомянутых подхода, что привело к выделению особой парадигмы, образованной не только с учетом интегрально-дифференциальных семантических отношений между ее членами, но и на основе ситуативно-тематической общности, – *ассоциативно-семантической группы (АСГ)*. Данная парадигма представляет собой совокупность лексем, обозначающих понятия, объединенные причинно-следственными связями и наряду с этим имеющие в семантической структуре одинаковые семы, которые находятся в особого рода отношениях.

С целью подчеркнуть собственно лингвистический (а не психолингвистический) подход к анализу данной группы слов, считаем целесообразным отказаться от терминологии, принятой в психологии и психолингвистике при изучении ассоциаций. Для обозначения слова, выполняющего роль стимула в ассоциативном эксперименте, в нашей работе используется термин *каузема* (от лат. *causa* – причина). Слова-реакции (в терминологии психолингвистов), семантически связанные с кауземой, обозначаются словом *рефлексема* (от лат. *reflexus* – “отражение, следствие чего-н”). Так, слово *лето* является кауземой слов *жара*, *зной*, *страда* и т.д., которые выступают рефлексемами по отношению к нему. В свою очередь, слово *зной* может рассматриваться как каузема по отношению к слову *лето*, а оно будет его рефлексемой, то есть термины *каузема* и *рефлексема* могут быть применены к одному и тому же слову, в зависимости от того, какая часть его семантики – ядерная или периферийная – исследуется.

Поскольку не всякое понятие можно обозначить одним словом, в состав АСГ включены *раздельнооформленные рефлексемы* (название образовано по аналогии с предложенным В. М. Никитевичем термином “раздельнооформленная номема” [4]), представляющие собой словосочетания, в которых эксплицируется тот или иной семантический признак в случае, если он не может быть выражен однословно: *Ивана Купала*, *Петров день*, *летнее солнцестояние* и др.

Принципиальное отличие АСГ от традиционно выделяемых лексических парадигм состоит в том, что в последние слова входят на основе общих семантических признаков, занимающих либо ядерное, либо приближенное к ядерному положение. Синонимичные слова, например, обязательно обладают общим семантическим признаком, который у них является ядерным, а периферия имеет разный объем: *идти* (‘двигаться’) – *бежать* (‘двигаться быстро’) – *мчаться* (‘двигаться очень быстро’); *любить* (‘чувствовать глубокую привязанность’) – *симпатизировать* (‘испытывать привязанность, теплые чувства’) – *обожать* (‘сильно любить’) – *боготворить* (‘беззаветно любить’). При антонимии у двух слов есть общий семантический признак, ядерный в семантических структурах обоих слов, например, ‘движение’ (*идти* – *стоять*), ‘изменение температуры’ (*нагреваться* – *охлаждаться*), ‘способность испытывать чувство’ (*любить* – *ненавидеть*). Члены тематической и гиперо-гипонимической парадигм содержат в своей структуре интегральную гиперсему и дифференциальные гипосемы: интегральная гиперсема ‘мебель’ для ТГ названий мебели *шкаф*, *диван*, *стул*, *стол*, дифференциальные гипосемы ‘для хранения одежды’, ‘для сидения’, ‘для приема пищи’ и др. Паронимы семантически соотнесены друг с другом через ядерную сему, эксплицированную в корневых морфемах (‘лед’ в словах *ледяной* и *ледовый*, ‘жить’ – *жилец*, *житель*). Наконец, члены ЛСГ связаны общей гиперсемой: например, сема ‘сезон’ является интегральной для членов ЛСГ ‘времени года’ – *зима*, *весна*, *лето*, *осень*.

Отношения между членами АСГ также определяются наличием общих сем, однако те семы, которые в семантической структуре кауземы являются периферийными, на лексическом уровне эксплицируются в слова, для которых данное значение становится ядерным, а на периферии их семантической структуры представлена та сема, которая выступает ядерной в семантической структуре кауземы. Например, в семантической структуре слова *лето* в пределах семантического признака 'вид осадков' выделяется сема 'дождь', которая квалифицируется как периферийная. Это значение на лексическом уровне репрезентировано словом *дождь*, в семантической структуре которого в пределах семантического признака 'период выпадения' выделяется периферийная сема 'лето'.

Все рефлексемы группируются с учетом того, с каким семантическим признаком в структуре кауземы они соотносятся. Так, например, в семантической структуре кауземы *лето* выделяются темпоральные ('отрезок времени', 'следование во времени', 'условная закрепленность на временной оси', 'относительность временных границ'), квалитативно-темпоральные ('температурный режим', 'вид осадков', 'долгота светового дня'), квалитативно-предметные ('человек', 'живые существа (не люди)', 'растения', 'другие реалии' и т.д.) признаки, что дает возможность распределить рефлексемы, их реализующие, по соответствующим денотативным зонам.

Семантический признак 'часть года' реализуется в темпоральных рефлексемах *зима* (интегральная сема 'основной сезон'), *весна* и *осень* ('следование во времени'), поскольку в структуре слова *лето* можно выделить периферийные семы 'зима' (лето – основной сезон наряду с зимой), 'весна' и 'осень' (лето следует за весной и предшествует осени), которые становятся релевантными в контексте: "*Мы не грустим, пугаясь снова Дыханья близкого зимы, А голос лета прожитого Яснее понимаем мы*" /А. Фет/, "*Его на грани лета и весны Гроза не раз крылом своим зацепит*" /Н. Рыленков/, "*Но лето быстрое летит. Настала осень золотая*" /А. Пушкин/.

Другой темпоральный признак – 'единица измерения времени' – реализуется в названиях летних месяцев – *июнь*, *июль*, *август*: "*В сто сорок солнц закат пылал, в июль катилось лето...*" /В. Маяковский/.

Квалитативно-темпоральный семантический признак 'долгота светового дня' в структуре лексемы репрезентирован семой 'долгий световой день', которая эксплицируется в раздельнооформленной рефлексеме *долгий день*: "*Ни разу не присел он За долгий летний день*" /Н. Рыленков/.

Денотативную зону 'температура воздуха' образуют существительные *тепло*, *жара*, *жар*, *зной*, *духота*, *солнце* (в значении 'свет, тепло'). Лето воспринимается как самое теплое время года, что отражено и в художественных текстах, где со словом *лето* обычно употребляются рефлексемы, содержащие семы интенсивности: "*Близкое лето грозило жарой...*" /И. Ефремов/, "*Здесь в летний зной, в полдневный жар... толпа детей в траве играет...*" /М. Лермонтов/, "*Худое лето, коли солнца нету*" /Нар. тв./ и др.

Значимым квалитативно-темпоральным признаком наряду с 'температурным' является периферийный признак 'вид осадков', который представлен как ядерный в структуре рефлексем, покрывающих две денотативные зоны. Первую образуют названия осадков *дождь*, *ливень*, *град* ("*А лето 1904 года выдалось знойное, с частыми грозами. Короткие бурные ливни не освежали земли*" /В. Пикуль/, "*Разметалось, дышит лето Земляничкой и росой*" /Н. Рыленков/), вторую – имена существительные, обозначающие отсутствие осадков – *бездожде*, *засуха*, *сушь* ("*Ох, лето красное!.. Ты все способности душевные губя, Нас мучишь; как поля, мы страждем от засухи*" /А. Пушкин/).

Квалитативно-предметный признак 'живые существа (не человек)' в лексеме *лето* представлен семой 'активизация жизнедеятельности'. Существует достаточно многочисленная группа названий живых существ, ассоциирующихся с летом (об этом свидетельствуют данные ассоциативного эксперимента): *лягушки*, *комары*, *мухи*, *сверчки*,

кузнечики, цикады, бабочки, стрекозы и др. Значение 'активизация жизнедеятельности летом' не отражено в словарных дефинициях соответствующих лексем, хотя может и, вероятно, должно быть представлено в качестве информативно-детализирующего. Мы считаем возможным включить их в состав АСГ, поскольку названное имплицированное значение может актуализироваться в художественных текстах: *"Ох, лето красное! Любил бы я тебя, Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи"* /А. Пушкин/, *"И гитары говорят В такт трескучим кастаньетам, Словно, щелканье цикад В жгучий полдень жарким летом"* /М. Волошин/, *"Я хотел, чтоб сердце глуше Вспоминало сад и лето, Где под музыку лягушек Я растил себя поэтом"* /С. Есенин/. Характер лексем, образующих данную денотативную зону, определяет ее открытый характер: в нее могут быть включены все названия насекомых, земноводных, пресмыкающихся и других представителей животного мира, активная жизнедеятельность которых приходится на летний период.

Лето является периодом активизации жизнедеятельности и для представителей флоры. На семантическом уровне в пределах лексемы *лето* эта особенность отражена в семе 'период роста и цветения': *"Что лето шелестят во мраке, то выпрямляясь, то клонясь, Всю ночь под тайным ветром злаки: пора цветенья началась"* /А. Блок/. Поэтому в состав АСГ должны быть включены названия тех растений, активный рост и цветение которых происходит в летний период. Доминантой денотативной зоны с общим значением 'растения' являются лексемы *цветы* и *травы*: *"Однажды почти все лето я занимался сбором трав и цветов"* /К. Паустовский/. Околоядерное пространство в данной зоне занимают гипонимы – конкретные названия трав и цветов: *"Да, летом, в сильный зной, Мы рвали васильки..."* /А. Апухтин/, *"В начале лета... на березовых опушках зацвела иван-да-марья, показались лиловые колокольчики, высоко поднялся иван-чай"* /И. Соколов-Микитов/, *"Кончалось лето. Астры отцветали..."* /А. Апухтин/.

В рамках признака 'растения' также выделяется сема 'плодоношение', представлена она в структуре слова *осень* ("осень – пора плодоношения"). Однако для многих растений (ягоды, некоторые грибы, овощи и фрукты) именно лето является периодом созревания плодов, что не находит отражения в словарных дефинициях обозначающих их слов в силу интегральности данного признака, который имплицирован и является периферийным. Исходя из этого, а также учитывая результаты дистрибутивного анализа, мы включаем в состав АСГ гиперонимы *ягоды, грибы, фрукты, овощи, злаки*, которые вместе со своими гипонимами образуют денотативную зону, объединяющую названия плодов: *"Я ходил по парку, держась подальше от дома, и отыскивал белые грибы, которых в то лето было много"* /А. Чехов/, *"Вот и лето на две половины Расколосось яблоком, и вновь Липкий запах меда и малины Растворится в запахе хлебов"* /Н. Рыленков/, *"Разметалось, дышит лето Земляничкой и росой"* /Н. Рыленков/, *"Ну, а если лето – Песня плохо спета. Слишком много дела – В поле рожь поспела"* /С. Есенин/.

Квалитативно-предметный семантический признак 'состояние человека' в лексеме *лето* реализуется прежде всего в значениях 'период отдыха' и 'сезонные работы'.

Все сезоны связаны с проведением тех или иных сельскохозяйственных работ. Самым напряженным временем является конец лета и начало осени – период сбора урожая. Поэтому рефлексемы, имеющие в своем составе сему 'сбор урожая', оказываются семантически связанными с кауземами *лето* и *осень*, то есть занимают аппликативную зону. Непосредственно с лексемой *лето* связано слово *страда*: *"...только лето Может сделать праздником страду"* /Н. Рыленков/.

Таким образом, АСГ – это совокупность лексем (рефлексем), содержащих в качестве ядерных семы, представленные на периферии семантической структуры

исходного слова (кауземы). При этом каузема и ее рефлексемы обозначают понятия, объединенные причинно-следственными связями. В пределах парадигмы рефлексемы образуют денотативные зоны, объединяясь на основании интегральных семантических признаков, посредством которых они соотносятся с кауземой. Перспективу исследования составляет изучение АСГ с кауземами, относящимися к различным частям речи, а также определение роли членов АСГ в организации художественного текста.

Литература

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: “Русский язык”, 1983.
2. Виноградов В.В. Лексикология и лексикография. – М., 1977.
3. Критенко А.П. Паронімія та її роль у мові // Мовознавство. – 1969. – №1. – С.50-63.
4. Никитевич В.М. Основы номинативной деривации. – Минск: Вышэйшая школа. – 1985.
5. Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. – М., 1966.
6. Потеня А.А. Мысль и язык. – М.: Лабиринт. – 1999.
7. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-90-е годы XIX века. – М. – Л.: Наука, 1965.
8. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М.: Наука, 1973.
9. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000.

© Р.Ф. Смирнова

Таганрогский государственный педагогический институт, Таганрог, Россия

О РОЛИ КОГЕРЕНТНОСТИ В СТАНОВЛЕНИИ И «ДОСТАТОЧНОСТИ» КОММУНИКАТИВНЫХ СРЕДСТВ ЯЗЫКА

Понятие асимметрии, выдвинутое представителями Пражской лингвистической школы (С. Карцевский, Е. Курилович), активно разрабатывалось отечественными языковедами (В.Г. Гак, А.В. Бондарко и др.), представителями французской школы психосистематики (Г. Гийом, Р. Вален, Ж. Муанье и др.), а также в нашей стране профессором Л.М.Скрелиной и ее учениками.

В теории психосистематики Г. Гийома идея асимметрии формы и содержания языковых единиц обозначена термином «когерентность». В задачу статьи входит уточнение ряда терминов, таких как «логика», «когерентность», «максимальная когерентность», закон «достаточности» выражения, и общее определение роли когерентности в становлении симметрии и порядка в языке и речи для создания благоприятных условий коммуникации.

Полагаем, что термином «когерентность» в психосистематике обозначена идея симметрии и порядка в языке как динамической системе. Когерентность от латинского *cohaerentia* означает «внутренняя связь» [2. С. 179], устанавливающая соответствие языковых элементов как внутри языковых подсистем, так и между подсистемами, и системой систем как абстрактной сущностью [6]. Уточняя значение термина, Г. Гийом писал, что «речь идет не об истории связанных между собой вещей, а об истории их связи, их когерентности» [1. С. 64].

В комментариях к изданию на русском языке труда Г. Гийома «Принципы теоретической лингвистики» Л.М. Скрелина определяет когерентность как «неосознанную интуитивную логику» говорящего. Разъясняя понятие «обыкновенное», обычное, обыденное мышление (с ударением на первый слог, от глагола «мыслить»), она характеризует его как бессознательное обычное мышление, как строитель языка и как пользователь языка. В отличие от научного мышления оно не логично, а когерентно [5. С. 210].

Различие между логикой и когерентностью выражено Гийомом довольно образно. Логика определяется как идеально прямая линия, где нет препятствий. Когерентность же предписывает у п о р я д о ч е н н о е (разрядка наша – С.Р.) движение вперед: «Дорога, по которой следует язык – это путь когерентности, где случаются дорожные происшествия, ошибки на уровне мыслей, речи и письма. Извилистый путь, который ведет на вершину горы, обладает когерентностью, он не логичен, хотя имеет свою логику» [1. С. 19].

Итак, говорящий или «мыслящий субъект» (*Le Moi pensant*) как строитель и как пользователь языка действует по неосознанной интуитивной логике, которая и есть когерентность.

Положение о кинетизме системы, о подвижности означаемого и означающего, т.е. о языке как динамическом образовании, дает возможность говорящему управлять его движением, его изменениями и, таким образом, наводить порядок в языке и речи.

Известно, что язык и речь противостоят прежде всего как система и ее реализация. В теории психосистематики динамический аспект выступает не только как характеристика речи, но и как свойство языковой системы. В этом случае речь рассматривается как означающее языковой системы, а когерентность будет являться той движущей силой, которая обеспечивает взаимное приспособление (*accomodation réciproque*) означаемого и означающего или языка и речи. Оно нужно говорящему, для того чтобы были благоприятные условия для общения и хранения информации. Для того чтобы достичь этой цели, придется наблюдать, изучать и учитывать взаимодействие языковых элементов внутри подсистем, между ними, а также догадываться, какими путями речевые факты как языковые элементы этих подсистем приспособляются к общей системе языка как сущности (*un être de langue*) и куда ведут системные изменения. Трудность состоит в том, что эта система скрыта за внешними фактами речи, ее нельзя непосредственно наблюдать, она невидима. Речь никогда не может воспроизвести систему в целом, наблюдение за речью требует еще осмысления (*un travail intellectif très spécial de reconstitution*) [7. С. 41]. На самом деле, если ограничиться только наблюдением за речевыми фактами и их констатацией (пройденный этап лингвистической науки – XIX в. – начало XX в.), то может показаться, что «язык – это огромный беспорядок, огромная бессистемность, где мысль теряется безвозвратно, потому что она скрыта за внешней видимостью речевых фактов» [1. С. 44]. Лишь одна констатация фактов мешает видеть те системные изменения, которые могли раскрыть «предпосылки» системы, например, начавшиеся глубокие изменения в системе, то или иное направление развития в ее подсистемах. Но сделать это есть возможность. Потому как истина, скрытая за видимостью языковых фактов, состоит в том, пишет Г. Гийом, что в языке царит порядок (*ordre*), охватывающий беспорядок (*désordre*): «... *la matière, pourrait-on dire, est désordre, la forme est l'ordre saisissant le désordre*» [7. Р. 39]. Ученый видит в языке теорию, утверждая, что язык сам по себе является теорией, чем-то таким, что поддается теоретизации. И как всякая теория, он знает отношение подчинения, существующего между большим количеством конкретных фактов и малым числом (бывает даже один) господствующих общих фактов, извлекать которые должен ученый [1. С. 46]. Анализ фактов речи и последующее понимание (осмысление) приводит к выводу, что эти факты изменяются. Они могут изменяться, без того чтобы изменялась система. Есть изменения, оказывающие влияние на систему, но безразличные для нее, и напротив, изменения, связанные с перестройкой этой системы.

Поскольку речь идет о проявлении когерентности в языке и речи, т.е. о поисках соответствия означаемого и означающих, то Гийом увязывает становление отношений когерентности с подчинением его двойному закону: когерентности и взаимоотноительности. Этого закона, как утверждает Г. Гийом, всегда придерживаются языковые системы в процессе своего построения. Очевидно, речь идет о двух типах соответствий: более глубоком и точном и относительно близким, приблизительным. Так, осмысление поверхностных речевых фактов позволило ученому с помощью той неосознанной интуитивной логики (т.е. когерентности) увидеть те немногочисленные общие факты языковых систем индоевропейских языков. Среди них: законченное оформление слова, когда морфология, прибавленная к корню, в силу своей обобщающей природы относит слово к конкретной части речи, к конечной универсализации, определяющей ее общее содержание [1. С. 40]. Или, например, сопоставительный анализ глагольных форм в 11 индоевропейских языках позволило обнаружить сохранение осевой согласной *r* как свидетельство разделителя корня (в глаголе «нести») и

следующей за ним морфемы. Это разделение оказалось значащим: осевая согласная отделяет понятийное поле, связанное с базовой группой фонем *bher* от транспонятийного поля, т. е. лексического и грамматического элементов [1. С. 40-41]. Это касается не только семиологии (плана выражения), но и систематики (плана содержания). Данное замечание ведет к специальному изучению того, что в транспонятийном поле представляет собой ментальная психосистематическая конструкция и реконструкция. Осевая согласная *n* тоже дала ряд открытий. Ученый доказал, что с семиологической точки зрения все спряжение французского глагола основано на консервативном принципе изменения *o* с *e* в *o* й согласной, которое происходит между корневой основой глагола и слышимой флексией. Перед слышимой флексией не происходит выпадения осевой согласной. Осевая согласная, в которой систематически появляется необходимость, везде восстанавливается, если произошло ее выпадение. Присутствуя в инфинитиве глагола *lire*, где она представлена фонемой *r*, она отсутствует во всех формах, не относящихся к будущему времени. Перед слышимыми окончаниями осевая согласная в соответствии с фонологической системой, восстанавливается в виде *s*: *nous lisons, ils lisent, ils lisaient*. В *rendre* согласная *d* сохраняется во всем спряжении. Регулярность здесь исключительна. Примеры показывают, что психосемиология стремится стать удачной калькой психосистематики. В наиболее развитых языках результат замечателен: достаточно внимательно изучить психосемиологию, чтобы заметить скрытую в ней психосистематику [1. С. 42].

Типичным случаем несоответствия является ограниченное количество позиций (означаемых) в системе языка и потенциально безграничное число употреблений в речи. В основе такого соотношения между языковыми инвариантами и речевыми вариантами лежит высший принцип экономии, который заключается в поиске минимального в плане языка и максимального в плане речи [4. С. 28-29]. Примером может послужить глагольная форма имперфекта.

На примере глагола *aller* показана система глагольных времен французского языка. В распределении корней (корень *all-*, корень *v-* и корень *i-*) между формами спряжения нет случайностей. Напротив, этот случай рассматривается как пример когерентности глубинных и поверхностных структур, хотя психические (глубинные) и семиологические (поверхностные) существуют согласно своим закономерностям [4. С. 2]. Для психических структур это закон наибольшей конструктивной когерентности, а для семиологических – это закон наибольшего соответствия способов выражения выражаемым значениям. Так, например, признаки, лежащие в основе лексико-фонетической системы, тесно связаны с признаками, образующими лексические оппозиции на других уровнях: лексико-семантическом, лексико-грамматическом. Наиболее краткие лексические единицы относятся к наиболее частотным словам, бедным по количеству содержащейся в них информации. Многосложные же слова относятся к менее частотной части словарного состава, более богатой по своей информативности. В то же время краткие слова являются, как правило, немотивированными и многозначными, нейтральными стилистически. Показывая, что основным в лексико-семантической системе французской лексики является противопоставление мотивированных и немотивированных, однозначных и многозначных лексических единиц, З.Н. Левит приходит к выводу, что оба эти типа лексических оппозиций тесным образом связаны с соответствующими фонетическими типами слов, при этом объем значений как бы обратно пропорционален (разрядка наша – Р.С.) фонетическому объему [3. С. 72]. Краткие лексические единицы, как правило, не мотивированы, зависят от контекста. Это осложняет речь говорящего. Облегчить общение помогают аналитические лексические единицы, число которых растет во всех частях речи. В результате они оказываются одним из способов поддержания в языке

когерентности, порядка. Форма и значение слова призваны обеспечить их функционирование: создаются глагольно-именные конструкции, где глагольная сема повторяется в именном компоненте (*parler d'une voix basse*).

Примеры некогерентных глубинных и поверхностных структур известны разным языкам. Так, во французском языке семиология не различает лица глагола в единственном числе, однако смешение знаков на поверхностном формальном уровне не означает смешения знаков на глубинном психическом, где три лица четко противопоставляются. Действует закон подчинения речевой многозначности языковой однозначности или подчинения вариантов инварианту.

Ряд языков не различает на поверхностном уровне средний род, существующий на глубинном. Во французском языке есть понятия мотивированного и немотивированного рода (истинного и фиктивного). Первому семиология дает мужской/женский род; например: *le roi – la reine; le coq – la poule; le chat – la chatte*; второму понятию семиология не дает маркеров различия и в случаях типа: *la table – le fauteuil* мы имеем дело с отсутствием рода, т. е. со средним родом. Это означает, что во французском языке, как и в английском, существуют, три рода (два для имен одушевленных, один – для неодушевленных), но эти три рода устанавливаются в плане психических (языковых) структур, тогда как в плане семиологических (речевых) структур выявляются только два рода. «Однако, какими бы ни были связи между означаемым и означающими (когерентные или некогерентные), справедливо замечает Л.М. Скредина, в акте речевой деятельности достигается актуализация слов по сложившимся системам соответствий» [4. С. 24]. Их сущность состоит в том, что в отличие от языка в речи, как означающем, хотя и не действует закон максимальной когерентности, произвола нет. «В ней самой формируется когерентность: семиология, чтобы быть действенной (*opérante*) вынуждена «прилаживаться» в той или иной степени к систематике (*reproduire suffisamment le psychisme*)» [1. С. 71]. Она стремится повторить в себе когерентность психосистематики и подчиниться закону достаточности, закону наилучшей экспрессивной достаточности (*la meilleure suffisance expressive*), и в речи, таким образом, обеспечивается обоюдная аккомодация. Говорящий получает право на свободу выбора речевого варианта, благоприятного для общения.

Нельзя, разумеется, думать, что формирование когерентности в семиологии – случайное явление. Мыслящий субъект (*Le Moi pensant*), строитель и пользователь языка благодаря свойству своего «обычного» (обыденного) мышления, или той неосознанной интуитивной логике (*pensée commune*), ищет удобные средства обозначения как внутри языковых подсистем, так и между подсистемами. Вот почему в семиологии (плане выражения) можно ожидать неожиданных комбинаций, богатства комбинаторики, и даже языковых аномалий. Авторы «*Grammaire du français classique et moderne*» [8] приводят интересные примеры исторических традиций в развитии языковых средств обозначения категории рода, числа в системе имени существительного, свидетельствующих о их целенаправленном, а не случайном выборе. Например:

- Несмотря на разнообразие, существительные наследуют маркеры рода своих прежних форм: *arbre, banc* – мужской род, *anse, table* – женский род.

- Имена существительные (*pluralia tantum*) в большинстве своем женского рода: *fiançailles*.

- Изменение рода связано либо с фонетическими причинами: слова с гласной (начальной или конечной) принимали женский род (*un affaire* – старофранц.; *une affaire* – современный), либо с изменением смысла: слово *amour* в романскую эпоху имело женский род, единственное число, сегодня оно мужского рода под влиянием имени собственного *l'Amour* (бог).

- Значение рода немотивировано. Оно безразлично к выражаемому понятию (*un rat, une souris, un fauteuil, une table*) или к форме (*un comité*, но *la bonté*). Однако говорящие не могут оставаться безразличными к разграничению смысла исконных, одинаковых по форме, но разного происхождения слов, т. е. омонимов. В таком случае используются маркеры рода для разграничения живого/неживого: *un tambour* – барабанщик, *une tambour* – барабан (оппозиция: деятель/инструмент); или омонимы, одинаковые по форме, но разного происхождения: *un poêle* – печка < (лат. *pallum*), *une poêle* – сковородка < (лат. *patellam*).

- Имена, обозначающие парные предметы, не могут иметь единственного числа из-за противодействия лексики. Но если они принимают форму единственного числа, они получают другое значение, образуя омонимы: *les lunettes* – очки/ *la lunette* – подзорная труба; *les menottes* – наручники/ *la menotte* – ручонка, либо обозначают «единичку» (плоды, ягоды, растения): *des fraises* – клубника/ *une fraise* – одна клубничка.

- Категория рода, в свою очередь, не безразлична к лексике. Оппозиция рода проявляется в парах слов со значением «живое/неживое»: *un guide* – проводник/ *une guide* – уздечка; *un critique* – критик/ *une critique* – критика.

- Противопоставление мужской/женский род может рассматриваться как значимое, как один из скрытых способов выражения категории одушевленности/неодушевленности. Противопоставление рода служит также для разграничения семантических омонимов: *le tour* – оборот, очередь/ *la tour* – башня; *le mode* – способ/ *la mode* – мода; *le manche* – рукоятка/ *la manche* – рукав; *le vase* – ваза/ *la vase* – тина. Противопоставление среди неодушевленных пар обогащает лексику новыми значениями, не создавая новых форм. Налицо проявление экономии в системе языка.

Появление нового элемента в языке связано с нуждами коммуникации, с необходимостью передачи нового содержания или более экспрессивного выражения, либо дифференциации значений. Продолжение исследований в этом направлении будет перспективным. Поиски в речевой деятельности новых способов создания когерентных отношений между означаемым и означающими подчиняются закону достаточности выражения и отражают действия неосознанной интуитивной логики строителя и пользователя языка. Лексика и грамматика благодаря мыслительной деятельности говорящего находят точки соприкосновения, благоприятные для коммуникации.

Будет понятно то, что разделяет семиологическую и психическую систематизацию, если представить, что закон, царящий в систематизации на психическом уровне, заключается в достижении максимальной когерентности, тогда как закон, царящий в систематизации на семиологическом уровне, заключается в достижении наилучшего выражения, причем необходимость когерентности без ущерба может отойти на второй план, и когерентность может быть принесена в жертву, если это будет полезно для достаточности выражения. Так Г. Гийом представляет механизм действия когерентности в языке и речи [1. С. 76].

Из всего изложенного выше можно сделать вывод о роли когерентности в языке. Она выступает как механизм установления взаимодействия между формой и содержанием в речи, а в конечном итоге – и в языке. Руководит этой работой говорящий («целевое устремление») мыслящее существо. Не случайно Ю.С. Степанов охарактеризовал теорию Гийома как «антропоцентрическую».

Анализ когерентных взаимоотношений в языке и речи раскрывает возникновение и причины асимметричных отношений, языковых «конфликтов» между единицами языка, их благоприятность или неблагоприятность для говорящего, помогает выявлять «естественные» языковые закономерности и находить способы для преодоления языковых «трудностей», тех, которые не устраивают мыслящего субъекта как строителя и пользователя языка.

При анализе конкретного языкового материала на разных уровнях языковой системы будет возможность глубже рассмотреть разнообразные «сдвиги» в значениях лексических единиц, в возникновении вторичных функций, в поиске скрытых грамматических категорий и подтвердить научное положение теории психосистематики о человеческом языке как теории.

Литература

1. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. Сборник неизданных текстов, подготовленных под руководством Рока Валена / Пер. с фр. канд. филол. наук П.А. Скрелина. Общая редакция, послесловие и комментарии доктора филол. наук Л.М. Скрелиной. – М.: Прогресс, 1992.
2. Латинско-русский словарь / Составители И.Х. Дворецкий и проф. Д.Н. Корольков под общей редакцией члена-корреспондента академии наук СССР проф. С.И. Соболевского. – М.: Госуд. изд. иностранных и национальных словарей, 1949.
3. Левит З.Н. Очерки по лексикологии современного французского языка. – М.: Высшая школа, 1969.
4. Скрелина Л.М. Грамматическая синонимия. – Л., 1987.
5. Скрелина Л.М. Послесловие и комментарии // Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. – М., 1992.
6. Guillaume G. Langage et science du langage. – Paris – Québec, 1964.
7. Leçons de linguistique de Gustave Guillaume, 1948-1949 / Publ. par R. Valin. Série C. – Québec: Presses de l'Univ. Laval; Paris, 1973.
8. Wagner R.L. et Pinchon J. Grammaire du français classique et moderne. – Paris, 1962.

© Е.О. Заляева

Казанский государственный финансово-экономический институт, Казань, Россия

СТРУКТУРНО-ЯЗЫКОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НОМИНАЦИЙ ОДИНА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ СТАРШЕЙ И МЛАДШЕЙ ЭДДЫ)

Истоки многих современных имен скандинавов восходят к скандинавской мифологии. Когда возникла эта мифология и сколько тысячелетий формировалась – мы не знаем, как и не знаем, на каком языке впервые были произнесены имена *Фрейя*, *Сигурд*, *Локки*, *Фригг* и другие. Нужно отметить, что имена ряда скандинавских и древнеисландских богов существуют в нескольких вариантах, например, *Один* или *Водан*, *Тор* или *Трор*, *Фригг* или *Фригида*, *Херран* или *Херьян*, *Никуц* или *Хникуд*, что отражает либо особенности отдельных языков и диалектов, либо стремление древних народов понять эти имена из слов своего языка, немного видоизменив его звучание [4. С. 24].

По мнению Т.В. Топоровой, плюрализм имен в мифопоэтической модели мира был вызван, с одной стороны, необходимостью закодировать подлинное имя и, с другой, стремлением отразить различные аспекты субъекта. Семантически мотивированное и фонетически и морфологически прозрачное имя выполняло определенную коммуникативную задачу, передавало информацию о денотате. Например, *Одина* называют *Всеотец*, ибо он отец всем богам. И еще зовут его *Отцом павших*, ибо все, кто пал в бою, – его приемные сыновья [6. С. 75].

В мифопоэтической модели мира проблема номинации занимает центральное положение. По мнению В.Н. Топорова, роль имени можно охарактеризовать следующим образом: «Творение было завершено, когда все, что было сотворено, получило свое имя-слово, и именно этот ономастический акт стал первым шагом в становлении культуры. Каждое слово первоначально было именем, оно было сакрально» [5. С. 35]. Иначе говоря, сущность мифопоэтического номинализма заключается в утверждении бытия только названных объектов и недопустимости существования предметов, не имеющих наименования. Именно этим обстоятельством объясняется операционность мифопоэтического мышления, когда ответом на вопрос о происхождении того или иного объекта служит указание его имени, обладающего ясной мотивировкой.

Представленная статья написана с целью определения структурно-языковых характеристик номинаций верховного бога древних скандинавов, *Одина*, на материале переводов древнеисландских саг о богах и героях, Старшей и Младшей Эдды, средствами русского языка.

Номинации *Одина* и его характеристика в «Эдде» включают различные в структурно-языковом отношении единицы: однословные единицы (*Вещий*, *тул*, *воин*, *гость*, *Игг*, *Бельверк*), словосочетания (*Отец павших*, *Герои Отца дружин*, *Руны древние Великого Бога*), предложения (...там золотом пышным *Вальхалла* блестит; там *Хрофт* собирает воинов храбрых, убитых в бою), сверхфразовые единства (*Руны найдешь и*

постигнешь знаки, сильнейшие знаки, крепчайшие знаки, Хрофт их окрасил, а создали боги, и Один их вырезал).

Особый пласт среди номинаций Одина представляют однословные имена собственные. Так, например, в «Речах Гримнира» «Старшей Эдды» представлен перечень из 52 имен Одина: *Грим, Ганглери, Херьян, Хьяльмбери, Текк, Триди, Туд, Уд, Хар, Хельбдинди, Санн, Свипуль, Саннгеталь, Бильейг, Бальейг, Бельверк, Фьельнир, Хертейт, Хникар, Гримнир, Глапсвинн, Фьельсвинн, Сидхетт, Сидскегг, Сигфедр, Хникуд, Альфедр, Вальфедр, Атрид, Фарматюр, Яльк, Кьяляр, Трор, Видур, Оски, Оми, Явнхар, Бивлинди, Гендлир, Харбард, Свидур, Свидрир, Один, Игг, Тунд, Вак, Скильвинг, Вавуд, Хрофатюр, Гаут, Офнир, Свафнир*. Имена эти отражают различные атрибуты и свойства верховного бога: его одноглазость, длинную седую бороду, низко надвинутую шляпу, его воинственность, мудрость, коварство, его изменчивость и многоликость, его искусство в колдовстве. Но значение некоторых из этих имен неясно или спорно. Неясно, на какие случаи из своей жизни намекает Один в строфах 49 и 50, упоминая Асмунда, таскание саней, Секкмимира и Мидвитнира: 49. «*Гримнир мне имя/ у Гейрреда было/ и Яльк у Асмунда,/ Кьяляр, когда/ сани таскал;/ Трор на тингах,/ Видур в боях,/ Оски и Оми,/ Явнхар и Бивлинди,/ Гендлир и Харбард*». 50. «*У Секкмимира я/ был Свидур и Свидрир,/ старого турса/ перехитрил я,/ Мидвитнира сына/ в схватке сразив*» [1. С. 40].

В «Младшей Эдде» перечень однословных собственных имен Одина значительно короче. Так, в третьей главе «О Всеотце, высочайшем из богов» Высокий перечисляет 12 имен верховного бога: «Его называют *Всеотец*, но в древнем Асгарде было у него двенадцать имен: первое имя *Всеотец*, второе – *Херран*, или *Херьян*, третье – *Никар*, или *Хникар*, четвертое – *Никуц*, или *Хникуд*, пятое – *Фьельнир*, шестое – *Секи*, седьмое – *Оми*, восьмое – *Бивлиди*, или *Бивлинди*, девятое – *Свидар*, десятое – *Свидрир*, одиннадцатое – *Видрир*, двенадцатое – *Яльг*, или *Яльк*» [3. С. 6].

Нужно отметить, что при переводе имена собственные, как правило, транслитерируются, вызывая «затемнение» внутренней формы имени. Например, **Alföðr** (*Альфёдр всеотец*), **Ygg** (*Игг страшный*), **Hár** (*Хар высокий*), **Veratýr** (*Вератюр повелитель людей*), **Bölverkr** (*Бёльверк злодей*).

Помимо однословных имен собственных Одина в «Эддах» содержатся и однословные имена нарицательные такие как, *ас, Высокий, Владыка, Вещий, тул, гость, пришелец, воин, муж*.

Второй, не менее важной структурно-языковой характеристикой верховного бога является множество более сложных в структурном отношении имен и прозвищ Одина, появление которых в тексте сказаний «Эдды» связано с традициями скальдической поэзии где приняты поэтические синонимы – *хейти* и непрямые упоминания о предмете – *кеннинги*, дву- или многочленные заменители существительного в обычной речи[4]: *князь асов, лучший ас, асов глава, Бог воинов, Великий Бог, Бог Повешенных, Бог Богов, Бог ноши, Бог Воронов, Отец всех людей, Ратей отец, Отец дружин, человек на утесе, Отец колдовства, величайший и славнейший из всех мужей, большой владыка, великий муж, муж женовидный, древний Гаут, супруг Фригг, владыка Хлидскьяльва, быстрый в полете, отец человечества, сын Бестлы, сын Бора, потомок Бури*.

Номинации предложением и, сверхфразовым единством выполняют особую роль для составления семантического портрета Одина. Номилируя ситуацию, они выступают в качестве неких опознавательных сигналов, важных для идентификации скандинавского бога в последующих контекстах. Например, «*Живет он (Один), от века, и правит в своих владениях, а властвует надо всем на свете, большим и малым*»; «*Он создал небо, и землю, и воздух, и все, что к ним принадлежит*»; «*Всего же важнее то, что он создал человека и дал ему душу, которая будет жить вечно и никогда не умрет, хоть тело и станет прахом иль пеплом. И все люди, достойные и праведные, будут жить с ним*

вместе ...»; «Один и его братья – правители на небе и на земле ... Это имя величайшего и славнейшего из всех ведомых нам мужей...»; «Когда Один восседал там (в Хлидскьяльве) на престоле, видел он все миры и все дела людские, и была ему ведома суть всего видимого. Имя жены его – Фригг, дочь Фьёрговина, и от них родились все те, кого мы зовем родом асов и кто населяет древний Асгард и соседние страны. Все они божественного происхождения. И должно величать Одина Всеотцом, ибо он – отец всем богам и людям, всему, что мощью его было создано. И Земля была ему дочерью и женою. От нее родился его старший сын, это Аса-Тор»; «Сначала он (Один) собрал правителей мира, чтобы решить с ними судьбу людей и рассудить, как построить город (Асгард)... Первым их делом было воздвигнуть святилище с двенадцатью тронами и престолом для Всеотца. Нет на земле дома больше и лучше построенного ... Люди называют тот дом Чертогом Радости».

Показательно, что «Младшая Эдда» изобилует более сложными в структурном отношении характеристиками Одина, предложениями и сверхфразовыми единствами, в то время как в «Старшей Эдде» преобладают однословные имена скандинавского бога и номинации его словосочетанием.

На основании изученного материала можно утверждать, что при анализе номинаций такого сложного референта, каким является Один, особую значимость приобретают их структурно-языковые характеристики, отражающие его природу, потенции, мифологию (тяготение к тому или иному мифу, сюжету или мотиву), а также функциональные параметры номинаций верховного бога древних скандинавов в «Эдде».

Литература

1. Корсун А.И. Старшая Эдда: древнеисландские саги о богах и героях / Редакция, вступительная статья и комментарии М.И. Стеблин-Каменского. – СПб.: Наука, 2006.
2. Мелетинский Е.М. «Эдда» и ранние формы эпоса. – М.: Наука, 1988.
3. Младшая Эдда. – Л.: Наука, 1970.
4. Скальдическая поэзия. – [http:// ru.wikipedia.org/wiki/htm](http://ru.wikipedia.org/wiki/htm)
5. Суперанская А.В. Имя – через века и страны. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
6. Топоров В.Н. Предыстория литературы у славян. Опыт реконструкции: Введение к курсу истории славянских литератур. – М.: Наука, 1998.
7. Топорова Т.В. Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. – М.: Наука, 1996.
8. Bellows H.A. The Poetic Eddas: The Mythological Poems / Translated From The Icelandic With An Introduction And Notes By Henry Adams Bellows, "Dover Publications, Inc.", Mineola, New York, 2004.

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И
СТИЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА**

© Г.Д. Ахметова

*Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет
им. Н.Г. Чернышевского, Чита, Россия*

МОДИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ КОМПОЗИЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА В. МАКАНИНА «ИСПУГ»)

Изменения в составе языковой композиции отражают движение словесных рядов в связи с изменением точки зрения или того или иного словесного образа.

Композиционно-архитектонические изменения – это «внешнее» строение текста, которое, конечно, тесно связано с развертыванием повествования. Например, отмечается композиционный обрыв, с которого начинается текст: «...я попытался вызвать о заключении Башалаева у старшей медсестры» [2].

Модификация языковой композиции связана прежде всего с изменениями структуры субъективированного повествования, в частности, происходит контаминация приемов субъективации.

В романе В. Маканина раскрывается внутренний мир стареющего мужчины, показываются взаимоотношения между пожилым мужчиной и молодой девушкой. Основное чувство, возникающее между ними, – это испуг, по мысли автора.

Внутренние переживания, мысли, диалог с самим собой, конечно, тонально различаются – это и ирония, и лиризм. Внутренний диалог – естественное, необходимое для любого человека состояние, особенно в состоянии фрустрации. Часто появляется самоирония, передаваемая, например, с помощью **ремарок**. Ремарки – наиболее характерный признак языковой композиции повествования В. Маканина. В некоторых случаях они буквально заменяют собой авторские слова:

«Он позевывал: – Это вы, – (зевок), – про себя, дядя?»

Ремарки, оставаясь авторскими в плане грамматики текста, семантически и в языковом плане сближаются с диалогическими репликами. Драматизация повествования усложняется двойной контаминацией: контаминация прозаического и драматического текстов; контаминация авторского повествования и точки зрения главного героя-рассказчика. Приведем пример: *«Туфли как туфли, неприметные. В целом же – все для ночи, невидный, неброский. (Но в этом нет умысла. Так получилось. Другой одежки просто нет). В лунную ночь старикан Алабин, как правило, бродит по дачному поселку. (А лучше б спал!) На ночной дороге он в профиль покажется вырезанным из черной бумаги»*. Ремарка в языковом отношении приближается к прямой речи, т. е. можно говорить о таком феномене, как **реплика-ремарка**: *«Натягивая еще раз, поудачнее (да, да, покрасивше!) беретку на лоб, старикан вышел на дорогу и поторавливается»*.

В то же время некоторые современные пьесы «избавляются» от реплик, так что речевая характеристика персонажей становится неявной, скрытой, она проявляется как субъективация авторского повествования, роль которого выполняют ремарки. Приведем пример пьесы без слов Сергея Бирюкова [1]:

Она (понимает и молчит)

Он (понимает и молчит)

Она (говорит о другом, о другом)

Он (слушает и не говорит)

Она (реплика)

Он (реплика)

Она (говорит почти о том, о чем надо бы говорить)

Он (говорит почти об этом же, но другими словами и не о том)

Она (смущена и уходит, запутывая следы)

Он (остается, но его нет)

Модификация прямой речи в языковом пространстве художественного текста приобретает собственные традиции. Феномен *невыведенной прямой речи* можно также считать следствием модификации структуры субъективации. Прямая речь как речевой прием органично сливается с авторским повествованием. Очевидно, такое сближение можно назвать закономерным, поскольку авторское повествование можно считать лишь условно объективированным. Невыведенная прямая речь в некоторых случаях объясняется читателю, определяется ее композиционная функция в тексте: «Он днем тихий. Зато всю ночь бывший солдатик мотает башкой, ночь напролет!.. Это я рассказываю Лидусе про своего Олежку. Одеваюсь, ну и заодно рассказываю».

Синтаксически невыведенная прямая речь организована по-разному. В некоторых случаях это самостоятельные предложения: «Крутов – хозяин, любит поутру, щуря глазки, меня расспрашивать, откуда такой шум и откуда бульжники... Нет? Не бульжники?.. Неужели?.. – так с утраца он шутит». Иногда невыведенная прямая речь является частью сложного предложения: «Олежка, племян, мне так и сказал – соглашайтесь, дядя, пока просят. Пока без ментов. Пока без криков. Пока и больничку они вам обещают ласково и хорошую. Знаете ли, дядя, какая дорогущая больничка, ого-го!..» Невыведенная прямая речь может быть довольно пространной: «Все, что говорили дочери Марина и Лена своему отцу, было в общем справедливо. И убедительно... Папа, ты ни фига не делаешь! Дачу скоро вообще перестанут снимать – такой у нас ужасный вид... Все запущено! Посмотри на эти тропинки! К колодезю не пройди!.. Нужно не авралом, не наскоком... Нужны, папа, постоянные усилия... Каждый день...

С упреками они прежде всего наседали на мать».

Невыведенная прямая речь органично включается в авторское повествование: «И все трое, смекалистые, согласно закивали головами – поняли, теперь поняли! Мы поняли. Мы уходим... Ушли и, конечно, вернулись с четвертым». Данную конструкцию можно определить как «сокращенную» косвенную речь. Например: *Закивали головами, что, мол, поняли, мы поняли, мы уходим...* Такая контаминация прямой и косвенной речи приводит к явной условности грамматического лица: «Жгучий Жгутов пригласил ее назавтра в дорогой ресторан. (Субботний вечер. Оба не работают). Вечером в ресторан – а потом, сказал, выпьем у меня (у него) дома кофе». Контаминация прямой и косвенной речи может быть и более явной, графически выраженной: «И тотчас оттуда басовитый мужской голос ворчливо посоветовал, что «сам уехал в город, а нас обоих здесь оставил». Графической выраженности может и не быть: «И, недослушав, чего это я еду в Москву, он стал звать к себе, он, мол, в Москве живет совсем рядом с вокзалом – сейчас же и зайдем, посидим- поболтаем, столько лет не виделись!»

Невыведенная прямая речь может переходить в обычный диалог: «В шаге от меня сидел Петр Иванович и уговаривал съесть каши, пока горячая. Ну, не горячая, но хоть теплая... Пропадет же каша, Петрович. Холодную есть не станешь.

- Завтра съем.

- Завтра я тебе свежую сварганю.

- Завтра я и сам встану».

Невыделенная прямая речь может вводиться с помощью лишь одного компонента – двоеточия: «Сказав мне кратко и приказным тоном (велев мне сменить его): *Присмотри, отец! На пару минут!*» В таком случае можно говорить о выделении прямой речи (двоеточие, курсив), но выделение это, конечно, ненормированное.

В другом случае невыделенная прямая речь вводится с помощью только тире: «*Пришла с кухни его тихоня жена, ласково спросила – чего, Петя?*»

Факт невыделенной прямой речи, конечно же, налицо, но способы ввода ее в повествование очень разнообразны.

Модификация языковой композиции связана и с явной условностью грамматического лица. Очевидно, условность грамматического лица может быть явной (явно выраженной) и неявной (проявляющейся слабо). В то же время условность грамматического лица – это, скорее всего, неременная принадлежность любого художественного текста. Но поскольку она является нормой, то, как всякая норма, как всякое правильное повествование, – просто не замечается читателем или слушателем. Лицо настолько легко и естественно меняется в речи, что даже маленький ребенок такую замену воспринимает. «Иди ко мне!» – говорим мы ребенку. «Иди к маме!» – говорим мы через минуту. Первое лицо органично меняется на третье, но это не влияет на ситуацию общения. Общение не разрушается.

В то же время явно выраженная условность грамматического лица сразу же становится заметной, воспринимается как нарушение нормы, как ошибка, некоторый сбой в повествовании. Вот именно явную условность грамматического лица и надо считать явлением модификации языковой композиции: «*Но заодно лунный свет дал увидеть себя со стороны: ночь... чужая темная спальня (чужая к тому же дача!)... Пробравшийся сюда старик, сидит рядом со спящей молодой женщиной... правда, на краешке постели... Этот старик – я.*

Нет, нет, ничуть не бывало. Я не напрягся, когда луна засияла и меня в чужой спальне залило бледным светом, – я лишь на миг задержал дыхание. Я крепкий старик»; «Впрочем, я контролировал себя...

Именно, именно так, как понаписали ему врачи! Старикан Алабин себя контролировал (он успел увидеть себя со стороны)»; «*Лидуся своему дачнику втолковывает, что у старика (у меня) беда»; «Я вовсе не был расстроен или там неудовлетворен. Старик легко переносит отказ. Старки смиряется»; «Старикашка (я) со злости на себя (на свою старость) точно бы уехал в ту собачью минуту»; «Контуженый старик улыбался. Это я сам себе улыбался и даже хмыкал в усы, ловя кайф».*

Подобные грамматические переходы от одного лица к другому становятся важным композиционным приемом: «*Старикашка счастлив. Старикашка млеет. И шмыгает носом. (Я вижу себя со стороны – смешным млеющим старикашкой, забравшимся наконец в знакомое тепло знакомой постели)».*

На условности грамматического лица построено всё повествование. Возможно, таким образом усиливается обобщенность образа главного героя-рассказчика: «*В палате шикарно. Телевизора, правда, нет (он в коридоре), но всё остальное чудо – палата ровно на двоих (Петр Петрович Алабин ликовал). И чисто! И старательно прибрано! Больничка из кино!.. Я ликовал. Люблю, когда вокруг хорошо»; «И Петр Петрович (я...) соображает и не мешает».*

С условностью грамматического лица связано и употребление так называемого обобщающего, духовного «мы». В романе оно не встречается в авторском повествовании, но это местоимение использует один из героев. И показателен в данном случае авторский комментарий: «Он повторял это собирательное нам как бы беря груз нации на свои старые-старые плечи. Голос его густел. Лицо бронзовело».

Композиционно-графическая маркировка текста

Креолизация текста, его графическая изобразительность тоже, конечно, явления известные. Важнее, однако, говорить не просто о графической изобразительности, к которой относится множество внешних эффектов, в том числе и пунктуация. Важнее отметить композиционную значимость графической маркировки текста. Именно это явление, характерное для языкового пространства современного художественного текста, и становится новым, отражает тенденции развития языковой структуры произведения.

Композиционно-графическая маркировка текста свойственна не только прозе, но и поэзии тоже:

Аденоидный запах мороза.
Кристаллический голос воды.
Алю-мини-евые полозья
Извлекают из снега следы.

Мама тащит меня на веревке.
Я спиной – и не видно, куда.
Люди топчутся у остановки,
А по небу плывут провода.

Жарко, потно в натопленной шубе,
Давит горло задушный крючок.
И у варежки в вязком раструбе
Возникает ручной родничок,

Снег течет, разъедая запястье.
Снять-нельзя-абсолютный-запрет –
И терпи!
И нищастья нищастья
В этой жизни пока еще нет [3].

В стихотворении Ольги Сульчинской графическими композиционными средствами является, во-первых, разбивка слова на фонетические компоненты (*Алю-мини-евые*), отражающие и факт движения санок по снегу, долгого и скрипучего, и трудность произношения длинного слова ребенком, т. е. происходит совмещение композиционного приема субъективации (монтаж) с речевым (невыведенная прямая речь). Во-вторых, в стихотворении используется дефисное окказиональное написание (*Снять-нельзя-абсолютный-запрет*), отражающее уже точку зрения матери, но в передаче ребенка. Перечисление основных концептов запрета создают окказионализм. И, наконец, в-третьих, курсивное написание, отражающее разговорное произношение (*нищастья нищастья*).

Хотя значимо и то, что развитие так называемого виртуального произношения, связанного во многом с внешними эффектами и намеренным искажением русского языка, влияет на развитие литературного языка русской прозы. В одной из рассылок М. Эпштейна говорится о Неографамах, т. е. значках-междометиях, относящихся к экспрессивной графике. М. Эпштейн пишет: «НеографЕма (от греческих корней нео, новый + графо, пишу + суффикс -ем-, ср. фонема, морфема, лексема) – новый элемент письма, новый графический знак. К числу неографем относятся смайлики, которые за последнее десятилетие значительно расширили выразительный арсенал сетевой письменности. Раньше в «Даре-161» уже обсуждалась неографема „„ – знак препинания,

состоящий из трех запятых, параллельный многоточию и именуемый «многотынем» (Дар слова 197 (265), 13 января 2008 г.).

Композиционно-графическая маркировка текста не является в прозе В. Маканина бессистемной. Можно выявить закономерности употребления курсива: 1) **обозначение прямой речи**. Например, феномен невыделенной прямой речи, когда отсутствуют традиционные знаки препинания, и чужая речь выделена другими графическими средствами – курсивом и т.д. В. Маканин пишет: «Ее звали Анна. Какое имя! Мог бы звать ее *Аня. Аня. Аня.* (Я уже выбрался через калитку на улицу. Тихо)»; «за уши мне (к вискам) Жгутов прицепил лейкопластырем датчики, меня посадили на стул в темной комнате, пустили микротоки, и – заново вопросы *про жен, только вы уж, пожалуйста, их сегодня не путайте*»; «Однако и за водку ничуть меня не бранила. Только подсмеивалась. *Не упал? Неужели ни разу?..*»; «Чуть что бросал работу. Скучно ему. Отвратно ему. *Меня, дед, от них ломает!* – так он объясняет свое тотальное безделье»; «*Полный ноль*, сказала эта Лариска, куря сигарету и смахивая вдруг набежавшие слезы»; «Беседует ли он с ней? Говорит ли чего умершей? *Привет, дорогая. А вот, мол, и я со своим стаканом!..*»; «Я тотчас и довольно быстро отвечаю на ее голос – я ошибся во тьме... Ошибся! *Извините. Конечно, уйду*»; 2) **скрытое цитирование, подчеркивающее иронию**: «Вернулся в мой Осьмушник – таково прозвище этой пристройки дачного дома. <...> Так что у меня отдельный клочок земли, отдельный вход сбоку: *осьмушник*, хотя, я думаю, здесь меньше одной восьмой доли всего строения, если в дробях»; «Как раз гостит мой внучатый племянник Олечка. Приехал дня на три. Он меня любит. Самый теперь близкий мне родич. Так получилось *по жизни*»; «Но при всем при том каков голосище... Валерьянку ей и *пару сотен рублей!* Батон хлеба *срочно!* Насос для колодца *до вечера!*.. Что-нибудь да выпросит»; 3) **к скрытому цитированию примыкает внутренняя речь главного героя-рассказчика**: «*Пациент должен говорить правду, и исключительно правду.* Подумав, я так и сказал»; 4) **высокий стиль** появляется наряду с ироническим повествованием и также выделяется графически: «Но какой же у нее радующийся голос. Даже среди ночи радующийся. Даже со сна. *Дрожащий в воздухе голос.* Легко такую любить»; 5) **логическое выделение значимых компонентов**: «Устроил. Добыл. Организовал. Нашел ход. И ни разу – *кутил*»; «Твой дед, дядя, а мой, *между прочим, прадед жил в прошлом... нет, уже в позапрошлом веке!*»; 6) **ссылка на чужую точку зрения**: «*Это у них называлось поужинать с дороги*»; «Я тогда подумал, что меня, старика, неслучайно притягивают к себе эти их *тацусь... наезжает... не светись... не грузи... дурацкое клёво... меня ломает...* Молодежный сленг»; 7) **указание на произношение**: «Толя несколько раз затевал сказать «до конца», но мы с Иванычем так и не узнали уж-жасной сей реплики»; «А ночью дождь и – получи, *дарагой, – пол-окопа воды*».

Крупный шрифт используется значительно реже, и функции его ограничены. Главным образом, крупный шрифт используется для выделения отдельных значимых слов или сочетаний слов: «Она не может отсюда выбраться, не может даже сбежать, ОНА В ТЮРЬМЕ, ты понимаешь, старый идол, В ТЮРЬМЕ-ЕЕ-Е...» В то же время функции крупного шрифта могут расширяться. Например, он используется для передачи прямой речи (причем она выделяется именно с помощью этого приема). Кроме того, в данном случае крупным шрифтом передается именно громкая речь (крик): «*Я уже винился, но она уже орала СУДИТЬ БУДУТ... ЗАВТРА ЖЕ МЕНТАМ ЗАЯВЛЕНИЕ... ТРИ ГОДА ТЮРЬМЫ... МОЙ МУЖИК ТЕБЯ ОБЛОМАЕТ, КАК СУХУЮ ЕЛКУ... Ну, и прочее*».

Используется и графическая изобразительность знаков препинания, например, множество точек: «*Воин – это прекрасно! Не жаль людей было ничуть... Себя тоже . . .*

.....*Галлюцинация сменилась. Галлюцинация стала удивительной!*»

Кроме названных явлений модификации языковой композиции можно назвать также: грамматико-семантические «сдвиги», словообразовательный «взрыв», ритм художественного пространства и др.

Модификация языковой композиции свидетельствует о динамических процессах в составе текста, о качественных изменениях некоторых известных языковых процессов (интертекстуальность, метафоризация и др.).

Литература

1. Бирюков С. Разговор (пьеса без слов) // Футурум АРТ. – 2001. – № 1.
2. Маканин В. Испуг. – М.: Гелеос, 2006.
3. Сულчинская О. Стихи // Октябрь. – 2008. – № 3.

© Е.М. Болдырева

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
Ярославль, Россия

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ОРНАМЕНТАЛЬНОСТЬ И СПОСОБЫ МАНИФЕСТАЦИИ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ДИСКУРСИВНОЙ СТРАТЕГИИ В РОМАНЕ И.А. БУНИНА «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА» И В МОДЕРНИСТСКИХ АВТОБИОГРАФИЯХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Одна из центральных проблем модернистской автобиографической поэтики – невозможность воспроизведения реальности своего прошлого в виде связного автобиографического нарратива, который неспособен передать ни прихотливую логику воспоминаний, ни сложные душевные переживания субъекта. Автобиографическая самоидентификация находит воплощение в автобиографическом дискурсе, который становится текстовым аналогом памяти и структуры личности Homo memot. Модернистское автобиографическое письмо схоже с разными типами многолинейных и многоуровневых структур, когда автобиографическое повествование при отсутствии абсолютного разрушения диегесиса о собственной жизни представляет собой не развитие магистральной линии, не приоритет синтагматического развертывания текста, а явную парадигматизацию, доминирование вневременных и внепричинных связей, образующих «автобиографический орнамент» или «узоры судьбы», «мемориальную симфонию», построенную на развитии и сплетении множества музыкальных тем, лейтмотивов и эквивалентностей в цельной симфонии памяти.

Именно *память* становится интегральным, скрепляющим все воедино, *смысло- и структуропорождающим мотивом* в романе И.Бунина «Жизнь Арсеньева», интенсивно орнаментированным повторами словесных формул «помню», «а еще помню я», «вспоминается мне», «разве могу я забыть» и т. п. Память как сложная и семантически поливалентная категория порождает другие концепты, актуализирующие ее важные составляющие, каждый из которых, в свою очередь, становится источником других лейтмотивных линий, семантика которых формируется за счет тесного переплетения. В первой же части, как своего рода увертюре», намечаются практически все основные темативы, которые выстраивают разнообразные автобиографические парадигмы романа, его «мемориальные узоры», как магистральные, так и более локальные. В дальнейшем каждый из концептов развивается в самостоятельную мотивную линию, выполняя функции концептуализирующих автобиографем, взаимодействующих с событийными, эмоциональными, сенсорными автобиографемами, а также топосами и деталями по двум разнонаправленным каналам: материализация в конкретных ситуациях и одновременное «вытягивание» из них той смысловой «эссенции», которая делает концепт многомерным. Автобиографема-концепт «древность/вечность» закрепляет вневеличную, трансперсональную составляющую памяти – прапамять как чувство нерывной связи с общим бытием мира и острое ощущение рода, породы, генетической связи с «прадедами и пращурами» и задается в увертюре форсированным повтором лексических комплексов с элементами «род», «происхождение», «сродники», «пращуры», а также описанием

материального эквивалента «прапамяти» («перстень, эмблема верности и вечности») и образует ситуативную автобиографему «церковное служение», выстраивающую серию эквивалентностей в дальнейшем тексте романа. Лейтмотив древности на протяжении всего текста будет орнаментирован словами «древний», «первобытный», «первозданный», «древнейшие», «предки», «древнерусский», «непрерывный», «всегда» и сцеплен с событийными автобиографемами «церковная служба», «смерть», «путешествие» – теми, где автобиографический герой особенно остро ощущает свою связь с прабытием. Кроме того, лейтмотив древности неизменно возникает в связи с автобиографемами-топосами церкви, дороги и сада. Предметным коррелятом древности часто выступает автобиографема кургана как символа вечности, незыблемости бытия и прапамяти. Автобиографема-концепт «*одиночество*» определяет соотношение *Ното тетог* с миром и оптимальную ситуацию воспоминания и орнаментирован повторами слов с семантикой пустоты, отсутствия, отчужденности, заброшенности, бесстрастности, запустения, замкнутости, отрешенности, реализуясь в тех ситуациях, которые демонстрируют выделенность Я героя из окружающего мира и его чуждость многим сферам жизни (Я – Другой, Я – другие, Я – мир). Символически концепт одиночества закреплён в автобиографеме одинокой звезды и тишины. Автобиографема-концепт «*живая жизнь*» обнажает чувственную интенсивность «божественную бесцельность» («материи памяти») и принцип «удовольствия от воспоминаний», подлинного наслаждения от чистого процесса воспоминания и манифестирована в лексикодах «упоение», «сладострастие» «опьянение», «полнота», «вещественность», «жадность», обнаруживая себя практически в каждом лейтмотиве и образе, реализуясь в ситуациях, когда герой испытывает сильное наслаждение, граничащее с бешеным восторгом, от ярких, интенсивных впечатлений и ощущений: охота, скачки на лошади, любовь. Автобиографема-концепт «*тайна*» манифестирует иррациональный характер памяти и выносит к порогу восприятия ощущение зачарованности тайной бытия и ее невыразимости и невозможности постижения, она орнаментирована лексикодами «смутный», «непонятный», «загадочный», «неясный», «колдовской», «странный», «непостижимый» «необыкновенный», «бессмысленный», «таинственный», «недоумение», «непонимание» и материализуется в автобиографемах дыма, тумана, возникающих в связи с топосами сада, церкви и охоты как «завесы тайны», и распахивания окон (и аналогичных жестов-автобиографем, например, пристальное всматривание героя в затянутое облаками небо) как попытки различить смутные очертания иной реальности, не переходя при этом границы. Самыми частыми эмоциональными коррелятами лейтмотива тайны становятся чувства непонятности и невыразимости, а также оксюморонные ощущения, странно совмещающие противоположные эмоции. Мотив тайны – загадки закрепляется в предметных автобиографемах с символическим потенциалом: звезда, ночь и луна. Автобиографема-концепт «*творчество*» акцентирует два важнейших аспекта: закреплённое и преображенное памятью прошлое как единственный предмет творчества и творчески преобразующий характер самой памяти, изоморфность творчества и памяти как художественной трансформации мира. Автобиографема-концепт «*музыка*» подчеркивает ритмическую основу памяти, замороженность субъекта бессознательной мелодией прошлого и его растворение в «дивной музыке» памяти, воплощается в многочисленных конкретных звукообразах (жужжание шмелей, шум прибоя, стук вагонных колес, шум ливня) и разрабатывается в тех ситуациях, когда герой заморожен ритмом и ритмически растворяется в мире: ситуативные автобиографемы скачек, путешествия в поезде, церковной службы, охоты и чтения, порождая и специфический для романа синтаксический рисунок, ритмически имитирующий возникновение дискретного потока воспоминаний («А вот... А вот...», «Помню... Помню...») и парадигмы фонетических

эквивалентностей. Важной линией разработки концепта «музыки» становится страдание героя от фальшивого звука.

Таким образом, в художественную ткань бунинского романа оказываются вплетенными практически все лейтмотивы прошлого творчества Бунина – здесь они синтезированы, слиты в едином организме; «Жизнь Арсеньева» – это не только память о жизни, но и память о творчестве. «Плетение» текста памяти не подвержено «орнаментам забвения»: при всех отступлениях, фрагментации, текст удерживает от распада цельность Ното тетог и единая философская концепция вечной живой памяти, образующая единый надтекстовый рисунок «мемориальной симфонии» Бунина.

Различные модификации автобиографической орнаментальности представлены и в других модернистских автобиографических текстах: «Берлинской хронике» В. Беньямина («*чертеж моей жизни*»), «Других берегах» В. Набокова («*тайные узоры судьбы*»), прослеживание «прорастания» сквозь время жизненных эпизодов, представление автобиографического развития как непрерывного процесса перестраивания оптики и перекодировки), «Подстриженными глазами» А. Ремизова (принцип «*узлов и закрут памяти*», маркерами которых являются визуальный шок и болевой синдром), «Котике Летаеве» А. Белого (контрапункты роя – строя, прабытия прошлого – бытия настоящего, неосознанных – осознанных воспоминаний), «Временах» М. Осоргина (модель *ризомы*, манифестированная «корневыми метафорами», динамичная автобиографическая модель, задающая и сразу же дискредитирующая разные векторы). Заметим, что орнаментальная природа автобиографического текста «Жизни Арсеньева» и модернистских автобиографий требует соответствующей стратегии чтения: читать автобиографический роман необходимо так же, как автобиографический повествователь «читает» свою прошлую жизнь: не пытаться найти связную последовательность, уловить жесткую логику, а, подчиняясь причудливой логике мемориального орнамента, уноситься вместе с повествователем по «темным аллеям» памяти, признавать важность формальной фактуры текста как генератора многообразных смысловых сцеплений.

Важнейшим параметром стратегии дискретного воспоминания и структурным элементом автобиографического орнамента становится мемориальная монада, представляющая собой яркий чувственный образ, закрепляющий в памяти автобиографического субъекта определенный фрагмент его жизни или духовное переживание и являющийся уникальным единичным знаком мира, концентрирующим в себе и сущность универсума, и экзистенцию Ното тетог. Мемориальная монада задает особое соотношение «мир – память – автобиографический субъект», при котором субъект и воспринимаемые им микросубстанции являются выражением одной и той же сущности мира, и в процессе мемориальной деятельности (запоминания / воспоминания) происходит совпадение интенций субъекта, стремящегося зафиксировать, удержать в памяти, а впоследствии воскресить миг собственного бытия, и монады, раскрытой навстречу субъекту. Данное понятие оказывается достаточно релевантным для описания специфики бунинского автобиографического дискурса, включающего в себя многообразные сенсительные репрезентанты автобиографического универсума. Бунинские мемориальные монады представляют собой *дифференциал автобиографического сюжета*: чтобы выявить «тайные узоры судьбы», нужно исследовать ее на микроскопически малых участках, искать не явные изменения, а тонкие сдвиги и смещения, определять не среднюю скорость движения субъекта в пространстве памяти (автобиографический инвариант), а мгновенную скорость в каждый из моментов бытия. Важнейшие свойства мемориальных монад – сохранение в себе материи мира, единичность и уникальность, отсутствие иерархии главного и второстепенного, центра и периферии, сцепление разновременных пластов, мира фактического и фиктивного (что особенно очевидно в произведениях В. Набокова и А. Ремизова с их «блужданиями»

монад в интертекстуальном пространстве), демонстрация бесконечного разнообразия мира и одновременно обеспечение его цельности в соответствии с верностью универсальному космическому единству. Мемориальные монады становятся у модернистских авторов первоэлементами «элизия памяти», неделимыми атомами мемориальной материи, они начинают образовывать совершенно другие конфигурации, вступать в иные связи, встраиваться в другие системы и в конечном итоге даже продуцировать, порождать разнообразные творческие эманации автобиографического субъекта. У Бунина же мир не разлагается на монады-атомы, а изначально воспринимается в своей дискретной целостности. Бунинские чувственные образы принципиально неинтерпретируемы, они сосредотачивают в себе сущность мира, они неделимы, обладают абсолютной плотностью и не отсылают ни к каким иным смыслам. Именно поэтому их онтологическое свойство – бесцельность и бесполезность как единственные гаранты возникновения *le plaisir de souvenir*, удовольствия от памяти, достигающей «в форме чистой материальности». Особое значение здесь имеет вопрос о соотношении *единичного – всеобщего в рамках дискретного автобиографического пространства*, а также антиномии дискретность / связность в бунинском тексте, представляющем собой непрерывное разрастание мира мемориальных монад, когда коробочка с ваксой как материализация первого яркого воспоминания о событии начинает мультиплицироваться по ходу дальнейшего развертывания текста: с каждым «шагом» количество «мелочей» растет, каждый новый духовный опыт, связанный с тем или иным топосом, персонажем или событием, порождает все новые и новые чувственные подробности, обуславливая в конечном итоге отказ автора от последовательного и связного письма, фрагментарность и дискретность («Алексей Арсеньев. Записи»), но одновременно органическая цельность и интегральность (в отличие от прустовского рационализма и даже «химизма»). Анализируя специфику мемориальных монад в аспекте бергсоновской концепции *непроизвольной памяти*, мы приходим к выводу, что если для повествователя «В поисках утраченного времени» важно воскрешение и сохранение именно бытия-в-себе-прошедшего, не столько того же Комбре в прошлом или Комбре-прошлого в настоящем, Комбре-непроизвольной памяти, а Комбре в «чистом виде», в статусе абсолютного вневременного прошлого, то «Жизни Арсеньева» «бергсоновский сценарий» работы непроизвольной памяти не воспроизводится ни разу, даже напротив, бунинский повествователь отдает явное предпочтение не ретроспективным ассоциациям, а проспективным антиципациям. Цель Бунина – не воскресить бытие-в-себе-прошедшее в том виде, в каком оно было, а воссоздать прошлое как вечное настоящее, как актуальную реальность. Если для Пруста важным становится сложная работа сознания автобиографического субъекта и все его извилистые пути, все переходы, перетекания из прошлого в настоящее и обратно, то для Бунина первостепенным становится онтологическая незыблемость мира «элизия памяти».

Наконец, автобиографическая орнаментальность рассматривается нами как снятие оппозиции между выражением и содержанием, превращение семантических категорий в дискурсивные и семантизацию, иконичность основных формальных элементов. Предметные описания в автобиографическом орнаментальном тексте (природных объектов, предметов камерного быта, действий автобиографического героя-повествователя, акустических картин и т. д.) начинают соотноситься с «порядком повествуемой истории»: повторяясь, они аккумулируют в себе авторскую концепцию памяти, соотношения памяти и реальности, памяти и искусства и в конечном итоге метафорически эксплицируют принципы построения собственного автобиографического дискурса, являются *манифестацией автобиографической дискурсивной стратегии* автора. «Signes de la mémoire» становятся конкретно-образными эквивалентами архитектоники автобиографического дискурса И. Бунина, В. Набокова, М. Осоргина, А. Ремизова и

М. Пруста. Механизм работы памяти оказывается своего рода порождающей моделью, по аналогии с которой выстраиваются многие описания, становится метаконструкцией, лежащей в основе многих автобиографических событий: авторские стратегии и концепции запоминания / воспоминания выражаются языком художественных образов, объективируя многомерную картину мемориального мира. Прежде всего значимым оказывается понятие *мемориального топоса*, представляющего собой пространственные модели памяти: в «Жизни Арсеньева» это *дорога* как пространственный аккумулятор разновременных воспоминаний, *вокзал/поезд*, материализующий «силовые линии» памяти, *сад/усадьба* как самый сильный мемориальный генератор, концентрат внутренней памяти героя, *церковь*, актуализирующая мотив прапамяти, и др. Система же *signes de la mémoire, знаков памяти* в «Жизни Арсеньева» представляет собой объективированные меморативные механизмы, «растворенные» в самой «плоти» текста и образующие в мемориальном орнаменте множество *мнемонических микросюжетов* – «двойников» *макросюжета воспоминания*. Прежде всего, это изменение мемориальной дистанции между субъектом и воспоминанием, «челночный бег» времени, «приближение – отдаление», «приливы» и «отливы» памяти, которые получают конкретно-образные эквиваленты в виде преимущественно акустических (реже визуальных) микросюжетов приближения – удаления (стука колес, шума моря, голосов птиц, шума ветра в саду или трепета деревьев). Встречается у Бунина и взаимоналожение и взаимоотражение разновременных воспоминаний, реализованное в некоторых оптических эффектах (отражении бликов солнца в распахнутых окнах, неба и облаков в воде), «распахивание окон памяти», порождающее целую серию лирических событий романа (герой неоднократно распахивает окна, всматривается в даль неба, в прозрачную воду пруда, объективируя проницаемость памятью времени и пространства, когда он стремится в разных ситуациях различить что-то за некоей границей и ощущает пространство за этой границей как «дивное», наполненное «истинно-божественным смыслом»). Постепенное «проступания» воспоминаний в сознании героя («закрепляется») в часто повторяемом глаголе «сквозить». Конкретно-образные эквиваленты получают не только законы воспоминания, но и законы забвения, не случайно многократное упоминание заросших травой и бурьяном садов и дорог. Развивающийся мотив памяти «окрашивает» весь фон, сам «воздух» рассказа: все образы, воскрешаемые памятью, предстают не в своем первоизданном, «оголенном» виде, а поданы сквозь туманную призму времени, напоминая плохо сфокусированную фотографию. Поэтому в романе так часто возникает мотив дыма и тумана, символизирующих ту преломляющую реальность призму памяти, которая окрашивает весь мир в особые тона. Подобный перевод реальных мнемонических законов в текстовые фигуры наблюдается и в других модернистских автобиографиях. Каждый автор, текстуализируя свою автобиографическую интенцию, выстраивает свою систему интеллигибельных или сенсигельных *signes de la mémoire*. Для М. Пруста и В. Набокова большое значение имеют *оптические аналогии памяти*: в отличие от акустических и обонятельных бунинских приоритетов, для этих писателей значимы именно оптико-визуальные мемориальные проекции: волшебный фонарь как генератор оптических событий и эквивалент памяти, луч, направленный поток света, игра света и тени, постепенное проступание (узора, рисунка, водяного знака, картины – воспоминания), модель проявляющейся фотографии, уподобление проступания воспоминаний настройке объектива, разнообразные моменты перехода, слома, пересечения границы и преломляющие призмы (рубиновые оптические стигматы, алмазы, перстень, цветные стекла в ванной комнате, ручка с хрусталиком). Для автобиографического повествования М. Осоргина «Времена» значима *живописная палитра* («альбом памяти»), а для повести А. Ремизова «Подстриженными глазами» крайне важна *графическая материализация памяти*, когда важнейшим конкретно-образным эквивалентом памяти для героя Ремизова становится *каллиграфия*, а стратегии

чистописания оказываются аналогом стратегий воспоминания и принципов автобиографической оптики. Отметим также, что, помимо общемодернистских визуально-оптических знаков памяти, в тексте Набокова встречаются не менее значимые для него *логические эквиваленты памяти* (головоломки и решение шахматных задач как нефункциональная деятельность «изошренного мудреца»), *физические идентификации* (параллель работы памяти с генератором переменного тока, а порождения воспоминаний – с эффектом короткого замыкания, когда напряжение – линейная жизнь резко падает, а сила тока – памяти – резко возрастает) и *энтимологические мемориальные проекции* (бабочка *Parnassius mnemosyne* как метафора памяти, описание повествователем различных принципов классификации бабочек как метанарративное отступление, эксплицирующее различные типы автобиографического дискурса, мимикрия как высшее свойство искусства).

Таким образом, рассмотрение орнаментальной природы автобиографического романа И. Бунина позволяет сделать вывод о его типологическом сходстве с основными принципами модернистского автобиографического письма: «симфоническое» выстраивание текста как развития и переплетения лейтмотивов, образующих мемориальный орнамент, дискретность и фрагментарность воспоминания, децентрация и ноньерархичность, «фетишизм мелочей», трансформация «фигур памяти» в «фигуры речи». Однако именно соотнесение бунинской «Жизни Арсеньева» с общемодернистским автобиографическим контекстом дает возможность осмыслить абсолютную уникальность его автобиографического письма. В отличие от эксплицированности принципов построения текста и навязывания их читателю как стратегии чтения (что очевидно у Набокова и Осоргина), Бунину свойственна *имплицитность*: он не обнажает прием, не демонстрирует «узлы и закруты», «карты памяти», «узоры судьбы», «направления к...», но эти карты, узоры и узлы представлены у него не как словесные формулы, а как «органическая плоть» текста. В отличие от набоковской изошренности и виртуозной игры многообразными «оптическими эффектами памяти», Бунину присущи *естественность и серьезность*, «поле письма» для него не «черновая партитура былого», а пространство вечного настоящего собственного бытия. На фоне модернистского «Котика Летаева» А. Белого и мифоромана «Подстриженными глазами» неореалиста Ремизова очевидным становится *ясность и «посюсторонность»* Бунина, который ни разу не нарушает «канал коммуникации», говорит о «невнятном» и «непознаваемом» на языке классической ясности и гармонии, «вовремя останавливается» в благоговейном восторге перед тайной и сложной непостижимостью мира. В противовес Прусту, который преимущественно работает в деструктивно-аналитическом режиме, разлагая действительность и сознание на первоэлементы, пытаясь вернуть утраченное время путем сложной ментальной работы сознания, Бунин обнаруживает *цельность и «чувство меры»*, его стратегия – *креационная*, он создает принципиально новое органическое единство, синтезируя мемориальные монады в цельную, чувственно осязаемую материю. При всех близости бунинской автобиографической орнаментальности нелинейной модернистской автобиографии, «Жизнь Арсеньева» лишена модернистских «разрывов» и «зияний», «шоков памяти», Бунин воссоздает бесконечно многообразную «материю мира» в ее *органической цельности*, претворяя в единый универсум «элизия памяти».

© Л.Г. Викулова

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

К ПРОБЛЕМЕ СИНТЕЗА СЛОВА И ИЗОБРАЖЕНИЯ: ПОЛИКОДОВЫЙ ТЕКСТ

Разработку проблемы взаимодействия вербальных и невербальных компонентов в процессе речевой деятельности (письменное общение) находим в работах как отечественных ученых [1], так и зарубежных исследователей [6]. Расширение исследовательской базы функционально-коммуникативных текстов привело к слиянию методов теории текста и семиотики, обогатив теорию коммуникативной лингвистики. Методологический подход определяет, что иконический знак (рисунок, иллюстрация), как и вербальный знак (текст), являясь носителями информации, пересекаются в тексте произведения.

В динамике развития литературной сказки как единицы письменной литературной коммуникации происходит оформление художественного текста на основе взаимодействия по-разному устроенных семиотических систем. Существенной трансформации подвергается организация этого жанра как письменного текста.

Семиотическое пространство текста формируется знаками разной природы – вербальными, невербальными, смешанными. К вербальным знакам относим тексты сказок, к невербальным, соответственно, – иллюстрации к текстам. К смешанным знакам принадлежит фронтиспис, сочетающий изображение события и вербальные компоненты. Так, сборник текстов *Histoires ou Contes du temps passé*, созданный Шарлем Перро [9], авторитетным человеком своего времени, членом Французской Академии, представляет собой целостный комплекс с характерными, взаимообусловленными содержательными и формальными элементами – текст, иллюстрация, фронтиспис.

Литературная сказка предстает как поликодовый текст, в котором сообщение о чудесных событиях закодировано семиотически разнородными средствами – вербальным текстом и невербальным знаком – иллюстрацией. Поликодовый текст являет собой единство вербального и изобразительного компонентов, которые образуют художественное произведение как одно визуальное, смысловое и функциональное целое, обеспечивающее комплексное прагматическое воздействие на адресата [2]. Иллюстрация как паратекстовое средство, создающее *оптический образ произведения*, характеризуется различной степенью привязанности к тексту, своей ролью в раскрытии его содержания, своими функциями. Выступая в качестве дополнительного носителя информации, иллюстрация имеет прямое отношение к содержанию текста, создает оптимальные условия для его восприятия и понимания.

Литературная сказка как поликодовый текст основана на семиотическом единстве. Проблему организации текста сказки как произведения коммуникативного плана и ее типобразования можно рассматривать следующим образом. Мы считаем, что первоэлементом литературной коммуникации является целое – произведение (в нашем случае – это сборник сказок Ш. Перро как ансамблевое образование), которое в своем становлении и развитии определяет характер и целесообразность своих частей. Внешнее

оформление текста осуществляется не только вербальными средствами, но и визуальными, в первую очередь, иллюстрацией.

Текст волшебной литературной сказки выступает как знак, где означаемым является отражение опыта писателя, фактов и явлений окружающего мира. Особое внутрискруктурное назначение и специфическое означаемое получает в сказке иллюстрация, реализующая свое назначение в сочетании и соположении с другим знаком – текстом. Именно в XVII веке, при переходе сказки в письменный регистр, наблюдается многоступенчатый принцип построения означаемого. Волшебная литературная сказка как сложный знак характеризуется в печатном варианте многоступенчатым означиванием чудесного события (заглавие → иллюстрация → текст), которое формируется первично в отборе языковых средств и вторично в речи с целью прагматического воздействия на адресата, в том числе через зрительное восприятие. Материал показывает, что для сказки как типа текста иллюстрация станет релевантным компонентом, принимающим участие в организации как плана выражения, так и плана содержания.

Механизм образования поликодового текста предполагает следование правилам литературной коммуникации, учет прагматических требований к художественному тексту и процессу восприятия текстовой информации.

Текст, представленный в печатном, а не рукописном, варианте правомерно рассматривать как результат сложного и длительного процесса, отмеченного не только определенным эволюционированием, но и качественными изменениями. Книга, в которой представлено ряд текстов, являет собой печатное издание, соответствующее определенной культурно-исторической ситуации. Как специфический артефакт, книга, прежде всего, выполняет коммуникативную функцию, выступая вместилищем «мысли и слова человека, взятых в их единстве и выраженных видимыми знаками» [3. С. 447].

Расширение горизонта текстовости в период издания упомянутого сборника связано с тем, что в предпросветительской текстовой культуре наблюдается стремление значительно повысить коммуникативный потенциал литературной сказки как инновационного жанра: за счет контаминации вербальных и невербальных средств – иллюстрации и фронтисписа, создается семиотическое пространство печатного текста, которое ориентировано на обслуживание литературной коммуникации. Отметим, что в результате такой контаминации в литературной сказке нормативный характер принимает практика зрительного воплощения сказочного текста. Иллюстрация как паратекстовое средство характеризуется различной степенью привязанности к тексту, своей ролью в раскрытии его содержания. Выступая в качестве дополнительного носителя информации для адресата, в первую очередь, не умеющего читать, иллюстрация является воздействующим иконическим текстом, в основе которого лежит аналитико-синтетическая переработка информации исходного текста сказки художником. Наблюдается тематическое, смысловое и структурное единство иллюстрации и текста.

В действие вступают определенные законы текстообразования, когда глубинный уровень текста представлен на поверхностном уровне паралингвистическим средством – иллюстрацией, которая вносит дополнительные семантические и экспрессивные оттенки в содержание произведения. Единое композиционно-смысловое целое литературной сказки XVII в. дополняется фронтисписом, который выступает своего рода иллюстративным предисловием сборника. Подобно другим составляющим периферии художественного текста (имя автора, заглавие, предисловие), он вписывается в предтекстовое пространство, неся в себе значительную прескриптивную силу. Фронтиспис выполняет функцию ориентации в текстовом пространстве, отсылая адресат к субъектам литературной коммуникации и обозначая коммуникативное пространство.

Опираясь на риторiku уходящего барокко, авторы сказок конца XVII – начала XVIII вв. осваивают эмблематику как способ организации содержания текста и

прагматического воздействия на адресата. Новая текстовая культура ставит коммуникативную задачу на уменьшение дистанции между адресантом и адресатом. Синтез слова и изображения приводит к совмещению принципиально различных типов семиозиса, что делает текст изображением, функционально приближая произведение к эмблеме. Динамика текстов литературных сказок направлена, с одной стороны, «на повышение их целостности и имманентной замкнутости, подчеркивание значимости границ текста, а, с другой стороны, на увеличение внутренней семиотической неоднородности, противоречивости произведения, развития в нем структурно-контрастных подтекстов, имеющих тенденцию к все большей автономии. Колебание в поле «семиотическая однородность ↔ семиотическая неоднородность составляет одну из образующих историко-литературной эволюции» [4. С. 5].

Важным моментом в этой эволюции является напряжение между интеграцией – превращением текста в произведение и дезинтеграцией – превращением текста в контекст: сборники сказок распадаются на отдельные сказки, которые становятся самостоятельными единицами. Значимую роль в этом процессе играет фронтиспис, иконическое предисловие к сказке, когда изображенное служит своеобразным фасадом произведения, зрительно возвещая о содержании и адресате (категория проспекции, по И.Р. Гальперину). На стыке визуального искусства и текстовых традиций барокко открывается путь к эмблематичности волшебной французской литературной сказки.

Эмблема была одним из важнейших жанров XV-XVII вв., который предельно выражал основные особенности барокко, его стремление к синтезу слова и изображения. Термин *emblème* восходит к греч. *emblema*, означавшему *illustration*. Структуру эмблемы составляла триада: надпись, или девиз (*inscriptio*) преимущественно пословичного типа, изображение (*pictura, imago, icon*) и текст комментария (*subscriptio*) [10. С.1140].

В данный период преобладало мнение, что изобразительные средства превышают по своей силе словесные. Это вызвало обращение к эмблеме и жанрам с ней связанным, в первую очередь, дидактическим, а также послужило толчком к созданию «гибридных» жанров, когда морализаторская литература малой формы (басня, сказка) активно обращалась к эмблематике, что способствовало распространению этих жанров в обществе [8].

Источником эмблематических символов служила античная мифология, нашедшая свое отражение в изданиях «Метаморфоз» Овидия уже в XV в. Именно оттуда заимствовались мифологические образы, стихотворные цитаты для девизов [7]. В XVII в. произошла христианизация античного наследия, что сопровождалось его аллегорико-символическим толкованием. Мифы стали рассматриваться как аллегорические действия, имеющие скрытый смысл. Это было, по мнению исследователей проблемы эмблематики, обращением к новым формам эстетического воздействия, барочному метафорическому полисемантизму [5. С. 21]. Метафорические осмысления составляли сложную систему символов и аллегорий, что привело к изменениям в структуре эмблемы.

В XVII в. волшебная литературная сказка входила в новую текстовую эпоху как динамично развивавшееся явление, направленное на уменьшение дистанции между читателем и писателем. Текстовая культура (И.Т. Касавин) ставила задачу удовольствия от чтения, самовыражения и создания нового содержания. На материале сказки начинает активно осваиваться эмблема как новый способ общения с читателем. Эмблема оказывалась в новом контексте и вживалась в несвойственную ей доселе роль – «изобразительного комментария».

Барочная эмблематика ввела прозаичный учено-литературный комментарий, содержащий пространное толкование проблемы, исторические примеры, что соответствовало пристрастию барокко к эрудиции. Стремясь дать ответы на вопросы, задаваемые новой реальностью, новым образом мира, барокко нацелено на то, чтобы

прорваться за рамки эмпирического познания к глубокому символическому постижению мира. Поиск инструментов адаптации к новой ситуации привел к переоценке социокультурной ценности эмблемы.

Динамика развития литературной сказки показывает, что этот жанр подвергается существенной трансформации. В частности, коммуникативная интенция писателя Ш. Перро (XVII век) и знаменитого художника Г. Доре (XIX век), иллюстрировавшего сказки, не совпадает. Будучи внеположены во времени, они ориентируются на разный интеллектуальный уровень адресата (соответственно – взрослый и ребенок). По заказу известного детского издателя Ж. Гетцеля, известного под псевдонимом P.-J. Stahl, гравер выполнил сорок иллюстраций для сборника, предназначенного именно для детского чтения. При этом художник учитывал современный ему читательский опыт и характер читательского восприятия. Таким образом, информация, представленная автором-сказочником в вербальном тексте, подвергается художником-читателем вторичному отбору для иконического текста по признаку новизны для сменившегося в силу разных причин адресата.

Сказка предстает как поликодовый текст, в котором сообщение о чудесных событиях кодируется разнокодовыми средствами: вербальным и иконическим текстом – иллюстрацией. Вербальный и изобразительный компоненты образуют тематическое, смысловое и структурное единство в рамках художественного произведения, обеспечивая комплексное прагматическое воздействие на адресата. Процесс контаминации отражает взаимное приспособление вербального и иконического текстов для передачи темы, положенной в основу сказки как художественного произведения. Такая контаминация приобретает нормативный характер. Исторически сложилась практика зрительного воплощения сказочного текста.

Синтез слова и изображения приводит к совмещению принципиально различных типов семиозиса, что делает текст изображением, функционально приближая произведение к эмблеме. В издательской практике закрепляется многоступенчатый принцип означивания чудесного события: *заглавие* → *иллюстрация* → *текст*. Композиционная форма, приближающаяся к эмблеме, является свидетельством новой поэтики *conte savant* (ученой сказки), что ее отличает от традиционной, фольклорной.

Литература

1. Анисимова Е.Е. Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания. – 1992. – № 1. – С. 71-78.
2. Викулова Л.Г. Волшебная французская литературная сказка конца XVII – начала XVIII века: Прагмалингвистический аспект: Монография. – Иркутск: ИГЛУ, 2001.
3. Книга в системе общения: вокруг «Заметок библиофила»: Сборник / Сост. М.В. Рац. – СПб.: ИД «Ретро», 2005.
4. Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Труды по знаковым системам. – Вып. 12. – Тарту, 1981б. – С. 3-7.
5. Морозов А.А., Софронова Л.А. Эмблематика и ее место в искусстве барокко // Славянское барокко. Историко-культурные проблемы эпохи. – М., 1979. – С. 13-38.
6. Cabezas M.I. Le rôle du paratexte dans la première approche d'un texte/ M.I. Cabezas, J.C. Herreras // Repères et applications: Recueil d'interventions aux XVIes, XVIIes et XVIIIes journées pédagogiques sur l'enseignement du français en Espagne. – Barcelona, 1995. – P. 115-123.
7. Denkel M.D. Illustrierte Ausgaben von ovids «Metamorphosen» in XV. XVI. und XVII Jahrhundert // Vortrage des Bibliothek Warburg. – Leipzig, 1931. – S. 58-144.
8. Gaillard A. Fables, mythes, contes. L'esthétique de la fable et du fabuleux (1660 – 1724). – Paris: Champion, 1996.
9. Histoires ou Contes du temps passé, avec des moralités / par le fils de Monsieur Perrault, de l'Académie française, suivant la copie à Paris / Ch.Perrault. – Paris: Cl.Barbin, 1697.
10. Encyclopædia Universalis. Thesaurus-Index. – Paris: Encyclopædia Universalis France, 1993.

© В.П. Григорьев

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия*

ОТРАЖЕНИЕ РЕЧЕВОЙ СИТУАЦИИ В РАННИХ ИСПАНСКИХ ДРАМАТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Вероятно, ни один из родов литературы не представляет столь широкого поля для специальных исследований и теоретических построений, как драма, а также не является столь уникальным по сохранности своего первоначального облика. Вместе с тем ни в одном роде литературы нет, вероятно, такого различия между синхронным и диахроническим аспектом изучения этого явления.

В отношении языка первоначальной испанской драмы таких исследований, можно сказать, не проводилось, и спорно само время установления начала их изучения. В лучшем случае можно констатировать особый характер формы драматургической речи, своеобразие ее звуковой реализации.

На уровне отличия стиля языка художественной литературы от других функциональных стилей отмечается, что степень деавтоматизации (как основного отличительного признака стиля языка художественной литературы) языка драмы почти равна нулю, т. е. функционально язык драмы практически приравнивается к живой звучащей речи, а не к речи, художественно организованной. Признание, что в драме они переплетены с обычными, автоматически декодируемыми средствами, подчеркивает тот же разговорный характер языка драмы.

Но театр – это не только звучащая речь. Теоретики и практики театра единодушны в признании, что «живая душа» этого рода литературы образуется, по меньшей мере, смешением двух стихий: искусства игры и искусства слова, что, в принципе, может быть рассмотрено в диахронии как показатель развития рода: мы имеем в виду различие в пропорциях игрового и словесного моментов.

Само по себе наличие игрового момента не может рассматриваться как показатель принадлежности произведения к драматическому роду, равно как и наличие диалогов или монологов персонажей. Однако в диахронии мы имеем полное право выделять и исследовать как игровой момент, так и специфические формы передачи речи персонажей в качестве ведущих характеристик эволюции языка драмы, и в этом состоит одна из особенностей и привилегий исторического подхода к материалу. Другие же характеристики могут быть рассмотрены как факторы, помогающие или мешающие проявлению главных. Выделение ведущих характеристик языка драмы, в свою очередь, позволяет оценить и разработанность их в специальной литературе, актуальность нашего исследования. И здесь мы должны признать, что вопрос о соотношении элементов игры, зрелища и слова в истории испанской драмы весьма далек от разрешения, и, следовательно, выводы только по одному аспекту – языковому – вряд ли способны раскрыть специфику жанра драмы. Это заставляет нас в данной статье уделить большее внимание вопросам, прямо не связанным с темой работы, но, без решения которых проблема стилистики драматического жанра повисает в воздухе.

Мы надеемся, что решение проблем экстралингвистического порядка в рамках этой статьи несколько лучше поможет понять специфику исторического развития испанской драмы.

Если, как известно, в поэзии (песне) словесный элемент объединялся с музыкальным, и поэзия без музыки литературному периоду вообще не известна (как писали многие и очень многие исследователи), то драма родилась из танца и пантомимы, а потом уже закрепляется в слове. Возрастающую роль слова можно проследить здесь по сохранившимся памятникам, описывающим народные обряды, где словесный элемент отчетливо выделяется из игрового (характерные возгласы, выкрики, припевы и пр.). Возрастающую роль слова можно вывести и гипотетически, по аналогии с развитием припева. Традиция же прозаического повествования, реализующая чисто коммуникативную функцию речи, согласно общему мнению исследователей, никогда в долитературный период не взаимодействовала с первобытным обрядом.

Конечно, прежде чем перейти к анализу развития стилистических особенностей драматических жанров (диалогичности, ситуативности и эмоциональности), мы попытаемся осветить проблему общего состояния испанского театрального искусства в V-VII вв.

Латинский язык, как язык богослужения и церковных представлений, был противопоставлен, как известно, языку народных, светских представлений. Следовательно, нам нужно попытаться вновь прочитать уже известную историю церковной латинской драмы (литургии) с целью увидеть в ней указанное противопоставление, т. е. по-новому оценить известные уже факты истории драмы на латинском языке.

Первыми сведениями, которыми мы располагаем об испанском театре, могут считаться протоколы Илибеританского собора (304 – 305 гг.), допускающие в церковь авгугов и пантомимов (мимов), если они отреклись от язычества и оставили свое ремесло. Это постановление вводит нас в атмосферу угасающих традиций греческого и римского театра, когда на смену классическим авторам пришло отрицавшее их народное искусство – искусство гистрионов, мимов, площадных и религиозных зрелищ различных культов.

Политехнические традиции народного театра, как полагают большинство исследователей, дожили по меньшей мере до арабского нашествия. Так, например, известно, что уже в конце VI в. (589 г.) постановлением церковного совета в Нарбонне было запрещено чтить четверг, день, по древней языческой традиции посвященный Юпитеру; любопытно, что еще в начале нашего века в Испании именно по четвергам устраивались ярмарки, четверг считался как бы свободным днем.

Готы, вторгшиеся в обычаи и традиции народных представлений и зрелищ, считали, наоборот, цирк и театр своим любимым развлечением. Упадок театра в III–V вв. в специальной литературе связывается именно с его языческим характером, зрелище в нем явно преобладает над словом. Как пишут церковные писатели (Тертуллиан, Киприан, Эпифаний, Кирилл и др.), на сцене царит разврат, показывают только сцены любви и убийства.

Удивительно, однако, что ни один из авторов, как в средние века, так и в последующие столетия, не указал на один из важных аспектов, обусловивших эту языковую «порчу».

В многоязычной Испании, где местные языки, наряду с латинским, могли дожить до IV–V вв., появились новые хозяева – германцы. Относительная безболезненность их ассимиляции говорит об ослабленном чувстве языка, своего рода языковом брожении, характеризующем Пиренейский полуостров. Для такого общества игровой момент в представлении, конечно, должен был быть определяющим.

Этот преобладающий игровой момент и слабо выраженный словесный стали предпосылками возникновения нового искусства театра, которое на первых порах с трудом может быть названо театром. Его формы, смешанные с ритуальными, карнавальными и другими, а иногда и замененные ими, совершенно не походили на формы классического римского театра, и все же это был театр, народный театр.

Новый народный театр является поставщиком именно таких форм, где слово играло подсобную, вспомогательную, но не малосущественную роль. В специальной литературе хорошо показано на примере народных форм различных театрализованных представлений почти всех племен и народов, как выделяются, становятся «маркированными» слова при произнесении заговоров, заклятий, в гаданиях, прорицаниях и т. п.

Таким мы можем представить себе и испанский театр, связанный с различного рода общественными суевериями, и его служителей, доносящих до слушателей не только игровую часть представления, но и сопутствующий ему текст. Расширительно мы можем рассматривать магов, прорицателей, гадателей по пульсу тоже как «деятелей театра», наряду с гистрионами и мимами.

Мы полагаем, что они облегчили для готов (не только простых воинов, но и представителей высшей знати) знакомство с тогдашним театром. Живучесть же суеверий ясна без доказательства даже для современного человека. В испанском театре об этом свидетельствует третий акт «Селестины», где для того, чтобы привлечь любовь Мелибеи к Калисто, сводня воспроизводит (в прозе) целую серию языческих заклинаний. В «Армелине» Лопе де Руэды (акт V) мы встречаем заговор от головной боли, произносимый в стихотворной форме. Примеров такого рода литература испанского Возрождения знает много. В более же ранний период ни запреты «святых» отцов, ни авторитет Исидора Севильского, ни строгости Рецесвинта и других королей Испании не могли ничего поделать с этими формами народного искусства, где вырабатывалась не только стилистика будущего театра, но и та песенно-праздничная основа, которая в будущем и позволила безболезненно перейти от латинского театра к романскому.

Церковь, естественно, не могла оставаться равнодушной к этим проявлениям язычества, тем более, что, как отмечалось в ряде постановлений Толедского собора, язычники часто прерывали церковные службы «неподобающими плясками и развратными песнями», а служители церкви, в особенности низшие, не только не протестовали, но и принимали участие в «бесовских игрищах».

Спектакль, представление как таковое, изгоняется церковью из своего ритуала. Вместе с тем большинство авторов, как светских, так и духовных, отмечают падение былого латинского красноречия, застой в литературе, полный упадок театрального искусства. В этих условиях церковь, а не народ, должна была идти на уступки. И действительно, на IV Толедском соборе, проходившем под представительством Исидора, было решено, что поскольку народ все равно, несмотря на запреты, поет, то пусть уж лучше поет в церкви, во время службы. И в церквях запели гимны во славу святых и мучеников, что принесло вскоре свои плоды среди полуязыческой паствы. Решения VIII Толедского собора не только закрепили эту практику, но и продолжили начатый опыт: теперь к службе в церкви для священников прибавились новые требования – необходимость знать наиболее употребительные гимны на все случаи жизни.

Затем церковь протянула свою руку к народным праздникам (практику такого обращения с «противником» церковь копила уже давно). Праздник Гименея был «освящен» и превращен в церковный. Принял новое обличье и праздник Нептуна: по полям проходили процессии с молитвами о ниспослании влаги выгорающим от засухи полям. Количество приводимых примеров можно легко умножить, но результат будет везде один. До арабского нашествия никто и нигде не зарегистрировал ни одного случая использования народом форм церковной службы (факт довольно частый после XII века);

наоборот, вся практика церкви, как в драматургии, так и в других вопросах, свидетельствует о том, что она использовала в своих целях самые различные формы народного суеверия, обычаи и праздники. Как видим, тяга отцов церкви к завоеванию умов своей паствы не ограничилась только «порчей» языка, церковь присваивает и жанры устной народной поэзии, культуры вообще для пропаганды своих идей, сужая синкретизм их функций и одновременно вырабатывая свои собственные жанры, наиболее характерной чертой которых была аморфность языковых средств и превалирующая роль сюжета, что роднит их с ранними образцами литературы.

Первым относительно самостоятельным образцом церковной литургии такого рода могут служить празднества, описанные в знаменитом Путешествии Этерии» (V в.), где и народ, и служители культа пытались достаточно «реалистическим» образом, т.е. детально, воспроизводить все подробности «страстей христовых» – так же, как это делали язычники с культами своих богов.

Подобное же положение продолжалось, вероятно, и в первые годы арабского нашествия, довольно отчетливо разделившего полуостров на две части, две культуры, два языка.

Юг полуострова, естественно, не мог создать новой драматургии, так как смешение двух культур здесь в наименьшей степени способствовало созданию театра. Известно, что арабы не имели собственного театра и никаких традиций в этом деле; поэтому культура народного празднества как зрелища, массовая, близкая по своей общей стилистике к будущему испанскому театру, была развита только у побежденных.

Несколько иное положение мы застаем на севере страны. Едва оправившись от первых ужасов нашествия, общественная жизнь, а с нею и все ее атрибуты начинают возрождаться. В так называемой «Хронике Альбельденсе» уже упоминаются указы Рамиро I против магов, заполонивших страну, о их преследовании и высылке за пределы королевства.

Годы, последовавшие за упомянутой хроникой, уже изобилуют ссылками на народное искусство, которое теперь тщательно и последовательно изгонялось как пережитки суеверий, нарушения нравственности и т.п. Леонский синод 1012 г., синоды Сантьяго в 1031 и 1056 гг., в Овьедо а 1050 г. запрещали христианам гадать на празднествах и в будние дни, заниматься колдовством, требовали не слушать прорицателей, которые изъяснялись «таинственными» песнями, не принимать участия в бесовских игрищах и танцах.

И намного позднее, уже в XIV в., церковь продолжала бороться (постановление Толедского собора 1323 г. и др.) против живых еще ритуалов народных верований и праздников.

Таким образом, утверждения, что «человек средневековья не знал иных спектаклей, кроме религиозного празднества», ведущие на деле к признанию приоритета церкви в возникновении драмы, по меньшей мере страдают односторонностью. Народные представления, так хорошо описанные М.Бахтиным, были и в Испании и не только в эпоху Возрождения, но и задолго до нее. Так же мало убедительно звучит утверждение ряда исследователей, что религиозный театр и – шире – религиозные праздники являются лишь своего рода амплификацией, развитием драматического инстинкта народа, который в новых исторических условиях (смена латинского романскими языками в период раннего средневековья) искал новые формы, чтобы проявиться с наибольшей силой.

Действительно, какой логикой, кроме формально-механической, можно доказать, что литургическая драма, обязанная лишь практике «живых иллюстраций» к каким-то церковным текстам, была определяющей для проявления драматического инстинкта народа. С другой стороны, исследования литературы по иным основаниям, но уже давно отвергают за жанрами «народного» театра право быть рассмотренными в одном русле с

церковной или школьной драматургией. Они выделяют в народных представлениях лишь «элементы» драматизма, театрализованности.

Приводимые свыше свидетельства о существовании театрально-зрелищных форм культового, карнавального или иного плана позволяют утверждать, что общественные функции выполнялись не только религиозными, но и другими видами организации словесно-пластического искусства.

Имеются и исторические документы, говорящие о связи народной и религиозной драмы, однако, многое зависит от их толкования. Попробуем, в свою очередь, увидеть в этих документах необходимые для нас сведения и отобрать только фактический, не зависящий от интерпретации исследователя материал. Так, из одного учебника испанской литературы в другой кочует декрет Альфонса Мудрого (закон 34, часть 1-а), противопоставляющий театральные представления, которые можно ставить в церкви, в церкви не допускаемым. Следовательно, согласно прямому смыслу декрета, были в употреблении «приличествующие» культу и несовместные с ним спектакли. Из этого можно заключить, что существовала практика постановки «приличных» и «неприличных» спектаклей уже в самом помещении храма, о чем говорит и более поздний канон собора в Аранде 1473 года.

Этот канон, ставший также одним из пунктов спора между исследователями первоначального испанского театра, интересует нас лишь постольку, поскольку он констатирует возможность соприкосновения народной и религиозной драматургии. И эту возможность не отрицает ни один из исследователей. Здесь можно было бы упомянуть многие постановления церковных соборов по всей Европе, которые запрещали священникам «путать» мирские и духовные развлечения. Сам факт такой «путаницы» уже обладает доказательной силой, если взглянуть на него с точки зрения стилистики жанра, одно из требований которой – рассматривать отдельный жанр как относительно автономную систему, но связанную со всей системой жанров национальной литературы. Исключение из истории литературы более широкого круга явлений, сопутствующих ей (ритуальных, карнавальных и др.), затрудняет не только правильное историческое понимание развитие стилистики литературы вообще, но и искусственно сводит вопрос к антиисторической проблеме чередования жанров или преобладания в литературе того или иного «склада».

Театр существовал, ибо ни один жанр поэзии или, тем более, прозы не мог заменить театр в его главной общественной функции, где (это мы постарались показать выше) языковой момент не играет ведущей роли. Развитие стилистики театрального жанра можно и нужно искать не в замене одного языка другим (этот феномен скорее относится к социолингвистике), а в становлении особенностей языка испанской национальной драмы в театральных и квазитеатральных произведениях с учетом уже развитой стилистики поэтических и становящихся прозаических форм, равно как и всей латинской культуры. Так, например, известно, что отдельные сцены церковной литургии почти во всех странах Европы исполнялись на местных языках. Анализ «картин», исполнявшихся на местных языках, говорит нам, что выбор местного языка был вызван отнюдь не потребностью именно в художественной коммуникации, но в коммуникации вообще, их важностью в произведении в целом. Отсюда вытекает задача – проследить последовательность использования в определенных, латинских по языку, жанрах становящейся стилистики местного языка. Здесь широкое поле для исследований как для лингвиста, так и для специалиста по стилистике литературного текста.

В русских и советских работах по истории литературы отмечается, что надо различать два этапа развития драмы как произведения словесного искусства: долитературный и литературный. В интерпретации последнего нас интересует мысль о связи и второго этапа с фольклором. Е.И. Мелетинский, развивая и уточняя мысли А.С. Веселовского, полагает, что в драме «... для окончательного оформления, кроме

отрыва от культа был необходим значительный уровень развития повествовательного фольклора как источника сюжетов», что даже у наиболее «первобытных племен», рядом с обрядом существует развитая традиция прозаического повествования, восходящего в конечном счете не к экспрессивной, а к чисто коммуникативной функции речи. Важно также замечание Е.И. Мелетинского, что повествовательный фольклор с древнейших времен передается и в форме устной прозаической традиции, и в смешанной, песенной или стихотворно-прозаической форме.

Отличие театра на латинском языке от драматизированных представлений на базе местной фольклорной литературы выявилось прежде всего в выборе для театральных произведений поэтического языка, так как местная проза еще не была создана (повествовательная литература вынуждена была еще долгое время обходиться чужим для большинства населения латинским языком церкви). Поэтому на начальном этапе официальный театр не мог не быть по языку поэтическим, а по тематике преимущественно религиозным. Влияние римского и греческого театра как «авторитетного» сказалось преимущественно на сюжетах испанского; стилистика же нового театра, переданная стихотворной, а затем и повествовательной традицией на родном языке, была полностью испанской, независимо от такого влияния.

Хотя первые зафиксированные на испанском языке драматические формы и были религиозно-культурного происхождения, это чисто внешняя их характеристика, обязанная своим появлением истории становления театральной формы в Испании. Быстрый расцвет театральных и поэтических жанров объясняется не скачком в творческом сознании народа, но особыми социально-языковыми условиями, выдвигавшими на первое место именно письменную религиозную драму при том неперменном условии, что другие формы местного драматургического искусства были просто запрещены.

Здесь речь может идти о своеобразном социальном табу на некоторые жанры, близкие к церковным по своему сюжету, но далекие по традиции исполнения или не отвечавшие политике святых отцов (например, табу на представления мимов).

В истории романских литератур положение о различного рода параллелизмах жанровых форм выдвигалось и ранее, но в несколько иной интерпретации. Мы имеем в виду гипотезу о возможных элементах, близких к драматическим, в частности, о «диалогической лирике». Так, авторы антологий по истории испанской литературы обычно включают в собрания текстов начального испанского театра такие произведения, как анонимные «Диспут Елены и Марии», «Спор Души и Тела», «Всеобщую пляску смерти», а также «Диалог Любви со Старцем» Родриго де Коты, «Эглогу» Франсиско де Мадрид и им подобные.

В конкретном разборе, действительно, трудно выделить как нетеатральные некоторые из этих произведений, настолько они похожи на бесспорно театральные произведения Лопе де Руэды, Хуана де Энсины и других авторов. Тем не менее, вряд ли можно считать, что испанский (шире – романский) театр, подобно греческому, также создавался из различных и самых разнородных элементов – «дебатов», «рекуэстас», «севентесьос», «пасторелас» и других столь же характерных для любой романской поэзии диалогического типа форм. Нам кажется, что такие формы, наряду с другими поэтическими, – всего лишь потенциальные источники театрального диалога, своего рода испытательный полигон, где испытывался и отбирался лучший строительный материал для будущего здания испанской драмы.

Более того, можно с большой вероятностью предположить, что, хотя зачатки действия в смысле его театрализованности достаточно ярко могут быть реализованы и в «диалогизированной лирике», вклад этих форм в эволюцию драматического жанра весьма сомнителен, так как они могли существовать параллельно с подлинными

театрализованными формами, и их взаимное влияние было очень незначительным, если и было вообще.

Попробуем разобрать это положение. Тот факт, что слово имеет связь с жестом и, более широко, с действием, вряд ли вызывает сомнение. Широко известно также положение Шарля Балли о той особой роли, которую играет интонация в аффективной речи: чем речь аффективнее, тем она богаче интонационно. Это прямо относится и к поэзии. Но аффективная интонация, как об этом писал тот же Балли и другие авторы, естественно, «требует» жеста, сопровождается усиленной жестикуляцией («Русская разговорная речь», 1973, с. 324). Все это в полной мере приложимо к испанской поэзии того времени, где доля эмоционального компонента, выражавшегося интонационно, весьма велика. Именно в аффективной интонации и сопровождавшем и поддерживавшем ее жесте исполнителя (как и в ответном жесте партнера) мы можем, таким образом, усмотреть зачаток «драматизма» на уровне языковой коммуникации.

Синкретизм древнейшей испанской поэзии позволял развивать драматизм в нескольких направлениях, в частности, усиливая диалогическую характеристику поэтического произведения. Но стилистике поэтического жанра, как показывает история, не противоречат музыкальное сопровождение и танец. В представлении же, в особенности в «живых иллюстрациях» литургии и тропаря, музыка и танец могут быть неуместны. «От музыки и танца терпит ущерб речь», – справедливо замечает, говоря о драме, Гегель. Универсальное требование отчетливости словесной характеристики могло возникнуть только как специфика театрального жанра, и уже в народной драматургии оно должно было привести к созданию собственного театрально-условного языка, отличного хотя бы по форме от языка поэзии. Такой язык создавался на многих уровнях. Здесь уместно вспомнить, что почти до XVI в. и даже несколько позже испанский театр пользовался своим собственным языком – сайягес, так же как некогда Альфонс Мудрый галисийско-португальским языком – в поэзии.

Сайягес (от Сайяго, местечко недалеко от Саморы) долго рассматривали как некий деревенский диалект (характерно, что главные действующие лица «эглос» у Энсины – пастухи), но теперь большинство исследователей склоняются к мысли, что сайягес – это особый условный язык и создан он специально для театра на базе, вероятно, леонского диалекта. В него широко входят архаизмы, элементы кастильского просторечья, португализмы и другие элементы.

«С помощью этого языка, как пишет Ф. Руис Рамон, пастух драматического произведения отличается от пастуха лирического, как и от всего поэтического языка придворных «Песенников». Благодаря этому же языку драматическая ситуация и персонажи, воплощающие ее, обретают сразу же независимость в самовыражении. Их голос уже ни с чем не спутаешь. Таким образом, этот язык, каким бы он ни казался и что бы о нем ни говорили, не может считаться языком примитивным. Нет, он подлинная находка драматурга, осознающего природу искусства. Он создан намеренно и поэтому намеренно же выделен и как «стилистическое образование». Таким образом, уже довольно рано, при внешней похожести на поэтические произведения, испанские театральные тексты тотчас же узнавались слушателем по особому языку. Это продолжение уже знакомой нам линии: каждый жанр должен иметь и свой собственный набор воплощающих его средств.

Иной уровень реализации особого театрального языка дает нам итальянская комедия дель арте (аналогию которой мы находим и в Испании), дифференцирующая своих персонажей по языку, хотя первоначально это, вероятно, были просто различные маски. Иначе не могло быть, ибо, – говорил Гегель, – речь требует в драме различных действующих лиц и не допускает единого тона. Природа драмы в языковом отношении не только отлична от поэтического и прозаического языка, выявленного в системе каких-то жанров, но и более глубоко индивидуализирована различиями в языке персонажей.

Музыкальная и драматизированная поэзия позволяла совершенствоваться артисту и певцу, но ставила преграду индивидуальной речевой характеристике, без которой развитие театра останавливается, о чем свидетельствует, например, история национального японского театра.

Комедия дель арте, напротив, давала полную возможность развития речевой характеристики, но лишь на уровне бытового языка, вне его эстетической обработки.

Действительно, если с точки зрения искусства основной закон драматического жанра – это наглядность, а затем уже полнота, глубина, характерность изображаемого, то выработка форм языка, наиболее адекватной указанной наглядности (естественно, в соответствии с принятой мерой условности, зависящей от эпохи), – главная отличительная особенность истории драматического искусства, с точки зрения лингвиста.

Языковых приспособлений, которые давала бы возможность этому искусству выработать свою собственную языковую условность, родовую или жанровую специфику, вероятно, очень немного, и они стали предметом изучения совсем недавно. В основном исследования касаются особенностей диалогической формы высказывания в театральном произведении по сравнению с диалогом в других родах литературы.

Выбор диалога как объекта исследования вполне естественен, так как чисто внешне само понятие «театральность» воспринимается как нечто производное от диалога, хотя исторически это совершенно необоснованно. Диалог, по крайней мере во внешнем его проявлении, выступает в истории испанского театра как форма, способная выбирать для своей реализации свой особый язык, свои метрические формы. Основанием для выбора могло служить, в частности, и соответствие между содержательными моментами диалога и метрическими формами, используемыми для их воплощения. Это соответствие хорошо понимал уже Хуан Руис (ср., например, метрику песен слепцов и песни охотников). Поэтому, вероятно, если в начальном периоде истории испанского театра практически не использовалась поэтическая форма так называемой «местер де хуглария», то в конце периода становления, наоборот, были обречены на забвение все формы, выдвинутые как ведущие в «местер де клересия». Вопрос здесь, конечно, сложнее, чем просто смена форм, но все же налицо смена, эволюция, поиски каких-то своих способов организации произведения, отличных от первоначальных, стилистика которых связана с формами церковной драмы. Метрикой всей рождающейся новой драмы стала метрика испанского романа, совпадающая с наиболее частотной метрической характеристикой устного высказывания в испанском языке.

Нечто похожее происходит и со строфой драматического произведения. Если астрофическая поэзия наиболее удобна для передачи диалога, и ее можно рассматривать как некий идеал, к которому будет стремиться поэтический театр, то следующими за ней формами можно было бы назвать паредос и кватрены. Остальные виды строф более редки на страницах пьес Г. Манрике, Х. Энсины, Л. Руэды и других. Причина подобной избирательности до конца не ясна, но общий механизм ее зависит, вероятно, от возможностей перестановки певцом или актером элементов бытовой лексики, фразеологизмов, речевых формул и клише в пределах поэтической строки.

Таким образом, первоначально стилистика театрального жанра развивалась в том же русле, что и поэтического. Стилистически релевантной та или иная поэтическая форма или размер становились не потому, что она использовалась отдельными авторами для выражения какой-то художественной сущности, но в связи с использованием в определенном жанре. Вне рамок определенного жанра форма была стилистически нейтральной и не играла сколько-нибудь заметной роли в становлении языка национальной литературы.

В испанской драматургии это положение хорошо иллюстрируется творчеством Хуана де Энсины, который, как известно, был не только драматургом и поэтом, но и одаренным музыкантом. Современники отмечали музыкальность его лирики, которая

легко могла быть переложена на ноты, но Энсина никогда не смешивал поэтические размеры, используемые им в театральном диалоге и в лирике. Форма же лирического вильянского, введенная в театр Энсиной, как инородная, чуждая настоящему театральному диалогу, использовалась автором в начале или в конце театральной картины, что было не только новаторством, но и началом нового, уже авторского понимания особенностей театрального языка, по сравнению с поэтическим. Если раньше поэтические формы в театре противопоставлялись поэтическим формам вне театра, то теперь театральный вильянско вел карнавальное, музыкальное действие и именно по этой линии противостоял остальным театральным поэтическим формам, как языковое – зрелищному. Более того, структурно, с точки зрения стилистики новой рождающейся театральной формы, вильянско, отмечающий начало и конец какого-то действия, картины, стал дополнительным средством организации текста, подсказав Б. Наарро возможность и необходимость маркировать перерывом законченные в композиционном отношении картины-акты.

В исследовании театрального диалога есть еще сторона, мало затронутая исследователями: индивидуализация диалогической речи, выявление в речи каждого отдельного персонажа каких-то своих, особых речевых характеристик внутри поэтической сферы или строки. Существование особого театрального языка, конечно, на довольно долгое время задержало этот общий процесс. Почти до XVI в. мы практически не сталкиваемся с попытками индивидуальной (или даже групповой, социальной) характеристики речи персонажей. Вместе с тем и здесь можно увидеть какую-то эволюцию. Один из аспектов ее – стиль произношения, – вероятно, уже не удастся полностью восстановить, хотя какие-то остатки фонетической редукции при произношении можно увидеть в системе рифмовки, графической интерпретации лексики и т. п.

Ряд исследователей отмечает (Якубинский и другие) воздействие некоторых особенностей театрального контекста – содержания, мимики и др. – на использование языковых средств, на специфику театральной диалогической речи в отборе слов и построении фраз. Но и это, вероятно, при скудости наших знаний о театральной ремарке и плохой разработанности специальной методики исследования, скорее всего, дело будущего.

Более перспективно исследование диалогического высказывания с точки зрения лексической и синтаксической взаимосвязанности и взаимообусловленности реплик. У Хуана дель Энсины (конец XV – начало XVI в.) диалог выступает еще как сочетание двух поэтических высказываний, в которых последующее в большой мере зависит и даже определяется рядом лексико-грамматических элементов предыдущего. Это усматривается при анализе таких частных форм диалога, как «ответ на вопрос», «контрвопрос», «переспрос», «подтверждение» и т. п., где непосредственность перехода конца одной реплики в начало другой прослеживается особенно хорошо.

Развитие театрального диалога никак не может быть понято как саморазвитие. Напротив, диалектика его в том, что диалог совершенствуется еще в «диалогической лирике», где элемент «соревнования» побуждает к выработке новых, еще неиспробованных или более совершенных форм. Начальный этап в его истории как самостоятельный, относительно автономной формы можно видеть лишь в предпочтении тех или иных поэтических средств.

Дальнейшее развитие стилистики театральных жанров исходит уже из ставшей театральной поэтической формы. Теоретически это сводится к вопросам композиции. Ситуация, содержание которой передает поэтическое или прозаическое сообщение, может быть воспринята двояко, в зависимости от того, как организованы ее элементы в линейном плане. Если отдельные части ситуации при изложении составляют всякий раз законченное целое, то понимание ситуации происходит по мере того, как о ней

рассказывается. К концу повествования читатель или слушатель, более или менее точно, может «достроить» ситуацию сам. Однако не менее часты случаи, когда общую ситуацию можно выяснить, только прослушав все сообщение и мысленно возвратившись к его началу (классический случай – анекдот).

Как видим, налицо все те же два основных композиционных принципа, которые определяют развитие прозы вообще (как, впрочем, и синтаксиса сложной фразы). Но в современном театре указанное положение применимо только на уровне сюжета всей пьесы: несколько узлов действия или единый узел. В старом испанском театре следует, вероятно, говорить о структуре сюжета каждой отдельной ее части – начального или конечного вильянсико, акта или картины пьесы. Предыдущие формы диалогизированной лирики использовали технику «достраивания» ситуации. Новый рождающийся театральный акт требовал другого принципа организации сообщения – «возврата» (мы имеем в виду только общую тенденцию). Поэтому деление на акты возникает только тогда, когда преодолена первая тенденция и, вероятно, на начальном этапе и только в голове творца, но еще не в тексте. Поэтому, если в современном театре акт является во многих отношениях чисто формальным признаком (мы привыкли уже мыслить «актами», и антракт не является сейчас сигналом акта), в начальный период формирования театра его стилистика по сравнению с другими жанрами была иной. И структурно акт был весьма действенным способом объединения материала, равно как и антракт – сигналом к смене формы произведения. С подобным же явлением мы сталкивались в лирике, где появление строфы в стихе возникает принципиально как фактор более поздней поэзии. Кроме того, оформление акта обязано скорее уже письменной природе новой драмы.

Добавим, что даже реформатор испанского театра и первый театральный критик Б. Наарро не совсем отдавал себе отчет в необходимости деления на акты. Следуя в теории театра за Горацием и используя терминологию нового итальянского театра, он настаивал только на полезности нововведения, потому что он мог с его помощью отделить театральное зрелище от нетеатральных (для него «серьезных») жанров типа рикуюэстас, диспутас и им подобных. Назвав новую единицу «хорнада» (дословно «однодневный переход», «день»), Наарро смог начать опыты по композиционному членению пьесы как театрального зрелища, в отличие от поэтического диалога.

Анализ построения отдельного акта у Наарро, однако, показывает, что, следуя буквально за античным театром, он копирует только его внешние особенности, но сам акт еще не стал основой композиции пьесы, как и не приобрел собственной внутренней организации. Театральные произведения Наарро – это только серия картин, продолжающих во многом традицию «живых иллюстраций», хотя для него сущность, «душа» нового театрального зрелища уже определилась довольно четко как диалог. Пожалуй, Б. Наарро дал единственное по сути языковое определение комедии (театрального представления вообще) как диалога, в его терминах – «диспута». Можно предположить, что без «акта» развитие драмы и театрального диалога, как особым образом организованной речи, по-видимому, не представляется возможным. Конечно, диалог, собственно театральный диалог, появится не скоро. Даже у наиболее талантливых драматургов испанского Возрождения диалога еще не было, так как поэтическая традиция препятствовала его становлению. Здесь можно напомнить о той естественности и органичности поэтической формы в театральных диалогах Лопе де Вега, которая позволяла и позволяет как составителям антологий, так и исследователям, выделить в них жанры песен, романсов, редондилли, вильянсико и т. д. для иллюстрации именно поэтического искусства, как бы «забывая» об их «диалогической» и драматургической ценности. Это еще раз напоминает об относительной ценности для жанра любого из составляющих его элементов, с одной стороны, и о сложности эволюции театральных форм – с другой.

© Е.А. Ермолин

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
Ярославль, Россия

СТИЛИСТИКА СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЫ

Пересадка терминов и понятий далеко не всегда проходит успешно, и все-таки я бы рискнул применить введенное почти 30 лет назад теоретиком современного искусства Акилле Бонито Оливой¹ определение вектора тогдашней западной живописи к явлению стиля, едва ли не доминирующему в начале нового века в русской словесности.

По сведениям знатока предмета Н.Б. Маньковской, термин был введен в 1979 году в статье, посвященной творчеству пяти итальянских художников – С. Чиа, Ф. Клементе, У. Куччи, Н. де Мариа, М. Паладино. Три года спустя в работе “Интернациональный трансавангард”, написанной в соавторстве с европейскими и американскими художественными критиками, А. Бонито Олива объединил под этим названием немецкий неоекспрессионизм, аргентинскую новую образность, французскую свободную фигуративность. В том же году в Берлине прошла выставка, представляющая в качестве трансавангардистов ряд художников, объединенных стремлением к “реактивации” художественных стилей прошлого и, в частности, региональных традиций, включая первобытные.

Эстетическое кредо трансавангарда состоит в противопоставлении неоавангарду, в частности, концептуализму, – новой живописности, фигуративности, экспрессивности, ярко выраженного личностного начала; установке на эстетическое переживание, на свободное сочетание стилей прошлого.

Эту характеристику легко наложить на явления современной русской прозы. Думается, здесь проявляются общие закономерности литературной и общехудожественной эволюции. Они проявлялись на рубеже 70-х – 80-х гг. в Европе, они оказались значимы сегодня в русской литературе.

Трансавангард – это хронологически поставангард, но это такой «пост», который в принципе не отказывается ни от каких средств традиционного авангарда (включая, например, футуризм, сюрреализм и пр.), который существует в ситуации неистребимого художественного плюрализма (и плюрализма средств выражения, средств существования), который поэтому вполне органично апеллирует к самым разным традициям и вдохновляется разными проектами, включая отнюдь не авангардистского характера традиции большого размера (реализм, романтизм и др.), который, наконец, отталкивается прежде всего от непосредственно предшествующей ему школы концептуализма, в рамках которой искусство было приведено к предельной условности, сведено подчас к игре мыслительными мнимостями. Это преодоление популярного в 90-е гг. *игрового концепта*, исходящего из представления о самодостаточности метода

¹ См.: Bonito Oliva A. Trans-avant-garde international. Mil., 1982; Zeitgeist. B., 1982 (cat. d'expo.); Mimmo Paladino. Lyon, 1984 (cat. d'expo.); Chia S. Peintures 1976-1983. P., 1984; (cat. d'expo.); Groupes, mouvements, tendances de l'art contemporain depuis 1945. P., 1989.

игровых манипуляций, рассудочного конструирования. Отвергая фантомно-игровой характер художественной рефлексии как аксиому, как доминанту, трансавангард начала нового века в России вдохновляется идеалами «новой серьезности», «нового реализма», пафосом ответственности и ангажмента, долга и миссии.

Как это прежде всего проявляется в стилистике современной русской литературы? Определим ряд векторов.

Разнообразие средств и возможностей письма. Свобода выбора писателем ресурсов и средств повествования во всем диапазоне сложившихся, исторически определенных стилей и манер. Современная словесность в самых ярких выражениях замкнула на себя предшествующую русскую и мировую литературную традицию в очень широком диапазоне, вступила в творческий, проблемный диалог с главными вершинами этой глобальной традиции, соотнеся ее также с современностью и заново скрепив с основным актуальным литературным опытом Запада.

Значительность таких прозаиков нового века, как Юрий Малецкий, Виктор Пелевин, Сергей Бабаян, Андрей Волос, Александр Кузнецов-Тулянин, Нина Горланова, Денис Гуцко, Дмитрий Новиков, Александр Вяльцев, связана именно с резонансом на эти новые возможности. У каждого из них по-своему происходит мобилизация традиции в оригинальном ключе.

Акцент на экспрессивное начало творчества, неоэкспрессионизм. Несколько лет назад я уже пытался определить неоэкспрессионизм как ведущий вектор литературного творчества наших дней². Резонанса эта попытка не вызвала; но и я остаюсь с прежним своим убеждением. Неоэкспрессионизм – это явление, которое также заявило о себе в искусстве Запада в 80-х годах, и по сути очень близкое к исходным характеристикам трансавангарда (даже часто совпадавшее по перечням имен). Неоэкспрессионисты, как писалось, вернулись к образности, фигуративности, живой и эмоциональной манере, ярким насыщенным цветам. На этапе исчерпания игрового концептуалистского стиля 90-х гг. XX века в России он развернулся и у нас.

Неоэкспрессионизм в той или иной степени наследует традициям лирической, исповедальной прозы. Это отчасти свидетельство о душе автора. Аккумуляция и максимализация внутреннего опыта, фиксация его, непосредственно или опосредованно, вещами и явлениями внешнего мира, которые не просто подвергаются субъективистской переработке, но изначально служат лишь средствами проецирования душевной жизни. Однако грань личного и иного, чужого сегодня неуловима, и современный писатель являет нам сложность, осколочность, раздерганность души современного человека вообще.

Главная творческая проблема здесь – это качество опыта. Он крайне пестр, неоднороден, противоречив. То банален – то глубок, то наивен – то мудр... Особенно характерный аспект – передача травматического опыта. Это встреча с болью и это уроки потерь. Это попытка концептуализации жизни как перманентной утраты, как тотального несчастья, неудачи. Сегодня немало писателей пребывают в переживании и обживании именно такого рода травматизма, передаваемого средствами иррационального бормотанья, абсурдного гротеска, гиперболизации ужасов, страхов, уродств. С той или иной степенью рефлексивно-интеллектуальной переработки, иногда умело отделяя героя от автора, иногда критически сближая их, дают острые свидетельства о пережитом травматическом опыте прозаики разных поколений: Леонид Зорин, Владимир Маканин, Валерий Попов, Евгений Федоров, Евгений Кузнецов (в романе “Быт Бога”), Роман Сенчин, Сергей Шаргунов, Сергей Чередниченко, Марина Кошкина, Наталья Ключарева,

² См. подробнее: Ермолин Е. Ключи Набокова. Пути новой прозы и проза новых путей // Континент, 2006, №127.

Сергей Павловский. В декорациях Чеченской войны его предьявляют Герман Садулаев, Захар Прилепин, Аркадий Бабченко.

Характерен как опыт травматически мотивированного творчества случай проживающего в Швейцарии прозаика Михаила Шишкина. Его роман “Венерин волос” – экспозиция комплексов на русскую тему, попытка легитимации разрыва с русской почвой. Писатель ведет дело к тому, чтобы доказать как аксиому: Россия – унылая и холодная страна насилия, жестокости, страданий – не может быть местом для жизни, ее ресурс в этом качестве исчерпан. Собственно, именно это глубокое и острое переживание формирует мир романа, определяет средства повествования. Роман построен как коллекция травматических эпизодов и воспоминаний. Другое заложенное в основу повествования иррациональное переживание – любовное влечение: так растет трава, тот самый заголовочный *венерин волос*. У писателя ужасы и страдания одних – вовсе не помеха тому, чтобы другие любили, радовались и наслаждались жизнью. Не нужно грустить, нужно радоваться, нужно хватко и хищно брать от жизни всё. Так уж устроен наш несовершенный мир: одни страдают, зато другие веселятся.

Есть явная близость к травматическим интенциям прозы Шишкина у писательницы из Голландии Марины Палей. Герой романа Палей “Клеменс” из Петербурга 1990-х годов отправляется воображением в заветный мир дворянской усадебной гармонии. Однако этот фантазм уже никак не связан с личной биографией или с происхождением персонажа. Он вычитан им в книгах, у Тургенева, Бунина, Набокова, он литературно опосредован и явно несбыточен ни в каком регистре бытия. Реальность выглядит иначе. Детский русский рай у Палей заменен детским адом. Родители главных героев в “Клеменсе” – уроды и мерзавцы, вырожденцы, люмпенизированное простонародье; а все дети (к числу коих принадлежат любимые персонажи автора) – страдалцы. С другой стороны, и опыт заграничной жизни представляет огромное множество рефлексов катастрофы, отчаяния, боли (повесть «Рая и Аад»). Манера Палей – это аккумуляция средств фиксации актуально переживаемого несчастья, регулярно опознаваемого тупика.

Символизм. В прозе нового века немало откровенных контактов с иными мирами, потусторонних путешествий. В этом отношении современные опыты такого рода, эксперименты со смертью и посмертьем (скажем, у Людмилы Улицкой, Марии Галиной или Юлии Вознесенской) наследуют традиции романтико-символической литературы давнего прошлого, полной безумных откровений. К примеру, в мистический план переводит тематику творчества и Мария Рыбакова. Ее роман “Анна Гром и ее призрак” по форме – письма от покончившей с собой девушки Анны, которая существует в качестве призрака, способного вспоминать свое прошлое. Письма героиня пишет до той поры, пока некий корабль не доставляет ее к реке забвения.

Но такие мистические путешествия в современной прозе отдают, увы, картоном и клеем. В то же время важнейшее направление поиска современных литераторов определено новым (по отношению к прозе начала XX века) качеством символизма: *сюрреалистическим письмом*. У неосимволиста есть постоянное присутствие реальной тайны, он знает, что в этом мире мерцательно отражается не условно-примышленное, а вполне реальное, онтологически конкретное инобытие. Но неосимволизм трезв и осторожен. Писатель скептически отрубает слишком прямые пути к Абсолюту, отбрасывает старые оболочки (может быть, слишком даже решительно). Именно за счет этого он достигает новой ясности и новой простоты в отношениях с потусторонним.

Таков опыт поздней прозы Генриха Сапгира. Его предсмертный “роман-версия” “Сингапур” строится на фантастическом допущении о возможности реального перемещения в пространстве силой любви и воображения. Возникает в романе мотив многовариантности человеческой жизни – и возможности странствия из варианта в

вариант. Противоречив и конфликтен опыт прозаика-символиста Олега Павлова. Его взгляд на мир исходит из констатации наступления последних времен, конца света и Страшного суда. Павлов наделяет свой взгляд свойствами божественного всеведения и дает ему право на суд над человеком. В его прозе есть эпизоды и отдельные образы, передающие, как правило, иррациональный ужас перед неизъяснимой злой силой в мире или отвращение, омерзение от жизни.

Еще один стилистический вектор актуальной прозы – *эссеизм (металитературность)*: тексты о текстах, полудневниковые заметы, где автор объясняется сам с собой, вовлекая читателя в разбирательства. Рассказывая свою историю, он поминутно обнажает и обсуждает собственные приемы, примеривает на себя чужих персонажей, сомневается в необходимости писать вообще... Эта стернианская и розановская интимизация прозы, технизированная ранним Виктором Шкловским, была заново открыта и некоторое время декларировалась как новое слово. Законченное выражение новая-старая практика получила в позднем творчестве Андрея Битова и Вячеслава Пьецуха, она же проявилась у Евгения Попова и в книгах прозаиков-маргиналов, тесно связанных с критикой и литературоведением (Михаил Безродный, Сергей Боровиков, Михаил Гаспаров). Чаще всего попутно сокращался сравнительно с В. Розановым круг тем для такой профессиональной рефлексии. Писатель отказывался дерзать и говорил не о Боге и мире, а скорей об уместности того или иного приема или правдоподобии той или иной истории, разбавляя уроки анекдотами или очерковыми зарисовками.

По хлесткому замечанию сетевого рецензента, «рецепт трансавангарда <...> таков: взять все авангардистские техники, добавить по вкусу примитивизма, традиции и тщательно перемешать»³. Однако реально трансавангард рождается не в результате механических процедур и не представляет собой мешанины форм и стилей. Он появляется в ситуации острого кризиса литературной традиции и духовной жизни вообще. По мысли А. Бонито Оливы, в нем заключено противостояние кризису «переходного общества». Трансавангард – это полноценный художественный транзит, это универсальный вектор, это явление непреходящей актуальности в том художественном контексте, который стал и литературной константой.

³ Сокол Х. Дикая немец // http://www.gazeta.ru/culture/2007/06/25/a_1845511.shtml?print

© Н.Н. Иванов, Э.С. Балан

*Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
Ярославль, Россия*

ОБРАЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ ВОСПРИЯТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Роль образных представлений в восприятии художественного текста мы рассматриваем в контексте идей А.А. Потебни о внутренней форме слова. Внутренняя форма слова (в отличие от внешней – графической и звуковой) актуализирует личностный опыт читателя, приближает его к авторскому «плану», способствует адекватности восприятия и осмысления художественного текста. Полагаем, что образные представления детерминированы личностным опытом читателя, а взаимодействие психологических и художественных характеристик процесса восприятия текста зависит от психологических проекций автора, персонажей, читателей. Сложный психический процесс – восприятие – охватывает мыслительные и творческие способности реципиента. Понимание – результат восприятия. Благодаря механизму обратной связи восприятие подчиняется особенностям созданной словом художественной реальности. Процесс восприятия правильнее обозначать как воспринимающую (перцептивную) деятельность субъекта (А.Р. Лурия). Восприятие художественного текста предполагает способность узнать, понять изображенное, но это не только познавательный акт; как процесс построения образа, оно оживляет через слово прошлый опыт, память, мышление. Образные представления обеспечивают эмоциональную окрашенность воспринятого в художественном восприятии. Благодаря образным представлениям читатель открывает в художественном произведении не только внешний, но и внутренний смысл: прослеживает систему мотивов, понимает роль средств выразительности, чувствует художественную условность. Образные представления углубляют осмысление художественного текста. Психологи Л.Г. Жабицкая, О.И. Никифорова, Г.Н. Кудина, Л.Н. Рожина, методисты-словесники Н.Д. Молдавская, В.П. Ягункова, З.И. Романовская солидарны в том, что навыки работы с текстом предшествуют развитию читательского восприятия.

Субъективные образные представления, как ни странно, способствуют тому, что художественный образ становится специфической структурой эмоционально-интеллектуального, познавательно-оценочного преобразования действительности. Само по себе художественное восприятие шире, его функции сближаются с функциями искусства, словотворчества, где уровнями восприятия текста являются глубина, полнота, отчетливость, обоснованность. Поэтому в данной статье как части более крупной работы попытаемся обозначить аспекты установления взаимосвязи образных представлений читателя и основных концептов художественного текста. Добавим в означенную область ценный для нас новый понятийный план. Сущность художественного произведения определяется вовсе не информативной стороной, не количественными характеристиками. Более того, попытки смотреть на художественный текст с позиций информации вульгаризует его. Информативно-понятийный уровень в работе с художественным текстом важен, но важнее для читателя другая сторона – художественная, эмоциональная,

конкретно-чувственная. В них залог глубины сопереживания, сотворчества. Ошибочно сводить осмысление произведений литературы к восприятию ее информационной или коммуникативной стороны. Образные представления, внутренняя форма слова связывают мироощущение читателя и художественные типы, даже мифологические архетипы, что расцениваем как условие успешного анализа и восприятия художественных ценностей. Слово, образ, символ, архетип, проецируясь на внутреннюю (душевную) реальность, форсируют многогранное накопление нового аксиологического и эстетического опыта.

Проведенное нами исследование (установление читательских реакций на художественный текст) показало, что развитие образных представлений в системе с восприятием, памятью, мышлением позволяет овладевать глубинами художественного произведения. Чем текст образнее и созвучнее личностному опыту читателя, тем полнее он воспринимается. С другой стороны, в процесс восприятия включаются и знания об объекте, полученные из прошлого опыта. Особенности личности воспринимающего обязательно сказываются в силу закона апперцепции – восприятия на основании прошлого опыта, в зависимости от состояния, склада личности. Сама трактовка образных представлений видится именно в связях с последующим синтезированием, пониманием, осмыслением текста, апелляцией к личностным ресурсам, что, в свою очередь, предполагает проникновение в сокровенные, отчасти, мифологические архетипы, мироощущения, активизацию творческого потенциала личности читателя.

Теперь раскроем означенные позиции, интерпретируя художественный текст. Сопереживание, восприятие образности, понимание текста обусловлены и обеспечиваются внутренними запросами, ресурсами личностного опыта читателя-реципиента; с другой стороны, опыт читателя обогащается в процессе его условного духовного диалога с персонажами, автором. Под воздействием художественной реальности субъект-читатель может перестроить чувства и даже открыть новые, которые в жизни он и не познал. Рассмотрим возможные проекции этих начал как повествовательных инстанций на конкретном материале, проанализируем читательские реакции на художественно выраженную позицию писателя.

Духовное преображение растущего человека – тема внешне простой, но емкой, благодаря архетипам, прозаической литературной сказки И.С. Тургенева «Капля жизни», современному читателю мало знакомой. Благодаря авторскому лирическому началу «Каплю жизни» считают стихотворением в прозе [2], но сам Тургенев называл ее сказкой, ссылаясь на запись ее русским поэтом Я.П. Полонским [1.С.263]. Лирическое начало обостряет симпатии читателя к герою и обнажает позицию автора (он на стороне героя), а читатель «вживается» в текст и эмоциональный подтекст на первоначальном уровне восприятия.

Начало «глубинного» вхождения в текст – выделение ключевых слов-мифологем – капля и пещера. Капля воды, названная каплей жизни, – символ чуда, целительных сил в душе, эквивалент эликсира жизни, мудрости, ключа к духовному познанию. Проанализируем аллюзивные смыслы, ассоциации, семантику воды в контексте примеров из мифов, сказок, фольклора. Иордан, живая и мертвая вода, ковш браги, океан, движение по воде и погружение в глубины – везде вода означает затаенные силы и преображение человека.

Почему Тургенев так построил повествование? В аллегорическом сюжете выделим смысловые части, эпизоды. 1. Развитие действия, собственно сюжет, помогает осмыслить обретение капли жизни как открытие духовных сил в испытаниях. 2. История мальчика убеждает в наличии у каждого человека внутренних ресурсов, судьба определяется умением разумно, справедливо относиться ко всему в окружающем мире.

Роль экспозиции или пролога – поведать о недуге родителей и горе мальчика от собственного бессилия. «У одного бедного мальчика заболели отец и мать; мальчик не знал, чем им помочь, и сокрушался» [1. С. 262]. Заболели родители, и надо что-то делать. Но что? Читатель ставит себя на место персонажа, сочувствует ему, и уже включена

психологическая интерпретация, обострена «внутренняя наглядность», мобилизованы его интеллектуальные, эмоциональные силы, способности посмотреть на себя глазами другого человека, понять себя через него, особенно в страдании.

В завязке волшебных сказок первоначальная беда, несчастье, вытalkingивали героя в мир внешний. Выделим здесь завязку действия: подобно Гласу Божьему, пришло известие о пещере, о капле «чудодейственной живой воды», «кто эту каплю проглотит – тот может исцелять не только недуги телесные, но и душевные немощи». В антропософии и психоаналитике пещера символизирует внутреннее пространство человека – мрак, темные стихии внутренней жизни, страшной, непознанной. Человек боится себя, не зная своих возможностей, пока не откроет в пещере души каплю жизни. Мальчик отыскал пещеру и «проник в нее». Иначе – заглянул в себя. На пути самопознания настало, как в сказках, время первоначального испытания в преддверии основного. Капля появилась первый раз и ушла. Что и как испытывается? Каким мальчик вошел в это испытание и что приобрел, выйдя? «Но едва только появилась капля, как уже все гады потянулись к ней и раскрыли свои пасти. Но капля <...> ушла» [1. С. 263]. Нужно пересилить страх, отвращение от созерцания гадов, заставить себя ждать. Аналогичные сюжетные эпизоды из других сказок позволяют сделать промежуточный вывод. В первоначальном испытании проверены характер, смелость, терпение. Результат – малый росток в душе, возможность грядущего обретения капли.

Выделенное в сюжете основное испытание, озаглавленное, допустим, «Испытание в смирении, терпении», отсылает читателя к христианским ценностям. «Надо было опять ждать, ждать и ждать», терпя гадов «самого разнообразного вида» – таковы аллегории подсознания. К мальчику пришло нравственное мужество, и он победил свои страхи. Победа над собой – кульминация сюжета. Он «справился с ужасом», и «капля живой воды капнула ему прямо в раскрытый рот. Гады <...> посторонились от него <...> злые глаза их поглядели на него с завистью» [1. С. 263]. Мотив чудесного преображения звучит в развязке, синтаксически совпадающей с эпилогом. Мальчик обрел внутреннее зрение; проглотив каплю, «стал знать все, что только доступно человеческому пониманию, он проник в тайны человеческого организма и не только излечил своих родителей, – стал могуществен, богат, и слава о нем далеко прошла по свету» [1. С. 263]. Чудо изменения в душе (обретение капли) преобразило внешний мир.

Обыграв мифологический архетип «чудесного отрока» и семантику мифологем воды, пещеры, Тургенев символизировал историю духовного роста, обретения внутренних сил и преображения, победы над собой; сказал о детстве – времени собирания материала, основе будущей личности. «Чудесный отрок» – это наделенный некими дарами персонаж-ребенок в мифе. Архетип немало раздвигает душевный мир читателя, заставляет востребовать аксиологическую функцию мифа. По законам восприятия художественного произведения, симпатии читателя всегда на стороне главного героя – образца для поведения, и опыт персонажей сказок незримо переходит на читателя, чье сознание ориентировано на освоение жизни, духовного мира, но отношение к персонажам, оценки – еще эмоциональны. В роли мальчика из сказки Тургенева, чье имя не названо, мыслится каждый, кто обладает интуицией, творчеством, спонтанными побуждениями и может поставить себя на его место. Подтвердился авторитет мифов, сказок. Образ содержания сформировался именно как психологический эквивалент смысла. Растворенные в художественном тексте архетипы соединили понятное и непонятное, читателя с автором и персонажами.

Литература

1. Богатыри Русской земли. Образцовые сказки русских писателей / Сост., обработка В.П. Авенариуса. (Книги нашего детства). – М.: Моск. рабочий, 1990.
2. Минералова И.Г. Детская литература: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: ВЛАДОС, 2002.

© И.Ю. Лученецкая-Бурдина

*Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
Ярославль, Россия*

СОТНОШЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО И НАУЧНОГО ДИСКУРСОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЦИСТИКИ Л.Н. ТОЛСТОГО)

Современники Толстого уловили «особенный характер» русской литературы последней трети XIX века. Он состоял в «ясно и резко выраженном» требовании «общественного служения» и «проповеди» [8]. Задачам «исповедания веры» отвечали жанры социально-политической аллегии, сказки, легенды, притчи. Жанры очерковой публицистики были призваны исследовать действительность во всеоружии факта и документа. Необходимость осмысления современной жизни ориентировала писателей на форму прямого общения с читателями как более действенную и отвечающую духу времени. Сила факта, документа соперничала с вымыслом. В публицистических жанрах использовались художественные элементы и образы, что создавало своеобразный сплав очеркового документализма с поэтическими картинками, соединяя в единое целое художественный и научный дискурсы.

Практически все русские писатели в 1870 – 1880-х годах создают наряду с художественными публицистические произведения, в которых значимы компоненты научного осмысления действительности. Публицистическая проза этих десятилетий многолика и разнообразна как по жанровым координатам, так и по индивидуально-стилевому воплощению материала. Лирическая публицистика Г.И. Успенского сосуществовала с тенденциозно-политическими сатирическими хрониками Салтыкова-Щедрина. В «Дневнике писателя» Достоевский-публицист размышлял о вечных и о злободневных вопросах времени, представляя «отчёт о виденном, слышанном и прочитанном». Poleмический стиль статей и выступлений Лескова представлял читающей публике не только самобытного художника, но и проницательного публициста.

На этом историко-литературном фоне обращение Толстого к публицистическим сочинениям представляется оправданным и закономерным. Именно в этом жанре с наибольшей очевидностью проявилась авторская индивидуальность писателя, состоявшая в повышенном аналитизме его произведений. Публицистическое наследие Толстого изучено в отечественном литературоведении недостаточно полно. Преимущественное внимание филологов было сосредоточено на проблемно-тематическом анализе этих произведений, и лишь немногие из них изучали толстовскую публицистику с художественной стороны [1; 2; 3; 4; 5; 6]. В то же время исследование стиливых особенностей публицистической прозы Толстого позволяет обнаружить её специфику и рассмотреть как часть творческого наследия писателя. Эта задача разрешается на основе анализа автобиографического трактата «Исповедь» (1879 – 1880, 1882), социологического трактата «Так что же нам делать?» (1882 – 1886), философского трактата «О жизни» (1886 – 1887).

Толстой неоднократно указывал на системный характер отношений между своими произведениями: «Во всём, почти во всём, что я писал, мною руководила потребность собрания мыслей, сцепленных между собою, для выражения себя, но каждая

мысль, выраженная словами особо, теряет свой смысл, страшно понижается, когда берётся одна из того сцепления в котором она находится. Само же сцепление составлено не мыслью (я думаю), а чем-то другим, и выразить основу этого сцепления непосредственно словами никак нельзя ... » [14]. В основании «лабиринта сцеплений» 1880-х годов лежат две неразрывно связанные между собой задачи. С одной стороны, Толстому необходимо было уяснить современную жизнь, подвести определённый итог; с другой – представить позитивную программу будущего. Динамика этого процесса может быть выявлена при исследовании взаимодействия в творческом мышлении писателя художественного и научного дискурсов и установлении внутренних связей между ними.

Толстой «на перепутье» 1880-х годов ощутил в себе дар Пророка и Учителя. Это право дало ему сознание того, что он понял, принял и выражает дух народа, его веру и смысл жизни. Аллегорический сон-эпилог «Исповеди» заканчивается словами: «И я проснулся» [9. С. 29]. За их реальным планом скрыт план символический пробуждения к «новой, высшей духовной жизни» [11]. Этим чувством будут отмечены социологический трактат «Так что же нам делать?», философская книга «О жизни» и цикл народных рассказов, работу над которыми Толстой начал сразу после окончания «Исповеди».

Трагедия личности была исследована в автобиографическом повествовании – «Исповеди» – документе эпохи 1880-х годов. Автор, сам Толстой, его искания, его спор с собой и миром представлены в книге крупным планом. Остальные образы абстрактны: круг «паразитов жизни» противостоит миллиардам простых людей. В «Исповеди» был провозглашен идеал, который впоследствии конкретизировался в трактате «Так что же нам делать?». С его позиций подходит Толстой к изображению мира существующего. Если «Исповедь» посвящена исследованию себя, то уже в заглавии трактата вопрос-размышление всем – «нам», свидетельствующий о публицистической направленности произведения. Автобиографическая документальность «Исповеди» и объективная документальность трактата «Так что же нам делать?» дополняли друг друга. Художнику необходимо было познать реальную действительность, а уже потом воспроизводить её в художественных произведениях. Это во многом определило обращение Толстого к публицистическим жанрам. Его поиски в области форм выражают стремление создать художественный жанр, который бы дал возможность высказать правду о реальном мире. В пору этих размышлений он пишет: «Думал о том, что для выражения всего моего отношения к власти недостаточны ни формы рассуждения, ни обращения, ни художественного произведения, а нужна новая форма» [13. С. 187], которая позволила бы «писать только то, что было, ничего не прибавляя и не придумывая», чтобы «время, место, имена, лица» [12. С. 9-10] – всё было настоящее.

Трактат «Так что же нам делать?» рождался по впечатлениям от городской (московской) жизни. Первоначально он задуман как очерк сравнительно небольшого объёма. По мере работы очерк перерос в книгу. В её основание положены впечатления и наблюдения, полученные Толстым в начале 1882 года во время переписи населения в Москве. Современный трагический мир был так далек от человеческой – в истинном смысле этого слова – жизни, что не вымысел, а документ, факт стали в 1880-х годах предметом изображения Толстого-художника. Ссылаясь в трактате на статью профессора Янжула об истории острова Фиджи, писатель признавался, что «не мог бы выдумать ничего более яркого и убедительного, чем эта правдивая история, основанная на документах и проходившая на днях» [10. С. 256]. Это признание, относящееся, казалось бы, к частному факту, может предварять публицистические произведения Толстого, во многом объясняя их. Писатель сознательно ориентируется на научно-обоснованное исследование, противопоставляя его художественному вымыслу.

Трактат «Так что же нам делать?», как и «Исповедь», организует тема двух миров. Но если в «Исповеди» намечена программа, изложено направление пути от мира существующего к миру должному, то в трактате внимание сосредоточено преимущественно на исследовании современной жизни. Автор исследует мир буржуазного города. Всё, о чём он пишет, – «совершенная правда». Сила факта,

документа, свидетельство очевидца – самого Толстого – убеждают более любого вымысла. Афанасьев переулочек, Мясницкая улица, «центр городской нищеты» – Хитров рынок, Ляпинский и Ржанов ночлежные дома – «притон самой страшной нищеты и разврата» [10. С. 196] становятся объектами его внимания.

Трактат условно можно разделить на две части. В первой части усилен описательный элемент, в основе художественной организации которого лежит толстовский приём остранения-узнавания. Это зарисовки, сцены, картины жизни, написанные художником. По композиции данная часть трактата приближается к древнему жанру хождений героя по неизведанным землям. Московские улицы, переулочки, ночлежные дома открывают автору город с его противоречиями. Живое чувство человека, постигающего этот «ужас», придаёт повествованию лирически-исповедальный тон, который усиливает диалогизированный внутренний монолог: «Несколько раз я направлялся в сторону Хитрова рынка, но всякий раз мне становилось жутко и совестно. “Зачем я пойду смотреть на страдания людей, которым я не могу помочь?” – говорил один голос. “Нет, если ты живешь здесь и видишь все прелести городской жизни, поди, посмотри и на это”, – говорил другой голос» [10. С. 186].

При описании городской жизни в этой части трактата автор использовал приём остранения привычных представлений и добивался художественного эффекта разложения, укрупнения или упрощения вещи (явления). Толстой одним-двумя штрихами создаёт художественно ёмкий образ. Так, на мгновение высвечивается фигура московского ученого нищего, который, когда встречается, наклоняется на одну ногу и «делает... как будто поклон». Если человек останавливается, то он просит милостыню, если проходит, то нищий «делает вид, что это у него такая походка» [10. С. 83].

Первая часть трактата, как уже отмечалось выше, в большей степени приближается к художественной прозе. Незнакомая для Толстого жизнь города представлена в сценах, картинах, зарисовках, организованных между собой по принципу кинематографического монтажа. Во второй части преобладает тон объективного исследования, публицистического осмысления изображённого. Авторская позиция определённа: это уже не изучение состояний собственной души, а ход мыслительной работы, логическое доказательство открывшейся истины, когда Толстой выступает как судья и учитель. Подобные коммуникативные установки обуславливают то, что значительные фрагменты трактата выстраиваются как выступления, обращённые к слушателям. Толстой активно использует в них риторические вопросы и восклицания [10. С. 282-283].

Трактат «Так что же нам делать?» – это, несомненно, публицистика, но публицистика лирическая – художественная. Сюжет распадается на ряд фрагментов, каждый из которых имеет внутреннюю законченность. Однако это не нарушает единство тона повествования, возникающего из взаимодействия двух начал – социального исследования и научного обобщения и художественного изображения. Представления о *должном* обуславливали проповеднические тенденции, состояние настоящего мира – исповедальные и обличительные: «**Я вижу, что** жизнь девяти десятых рабочего народа по своему существу требует напряжения и труда <...>. **Я вижу, что** в наше время жизнь рабочего человека, и в особенности жизнь стариков, женщин и детей рабочего населения, прямо гибнет от усиленной, несоответственной питанию работы <...>. **Я вижу, что** произведения труда людей все более и более переходят от массы трудового народа к нетрудовому <...>. **Я вижу, что** происходит подобное тому, что произошло бы в муравьиной куче, если бы общество муравьёв потеряло чувство общего закона <...>. **Я вижу, что** перед людьми вместо идеала трудовой жизни возник идеал кошелька с неразменным рублем» [10. С. 243-244]. Лексический повтор «я вижу, что» риторически организует текст, передаёт эмоциональное напряжение автора и звучит как обвинительный приговор.

Наряду с художественной образностью в этом произведении значимое место занимают обобщения, толстовские «генерализации». В трактате присутствует сложный

сплав художественного материала и теоретического познания. Это научный социологический трактат, построенный как развёрнутая система доказательств. Толстой демонстрирует склонность к анализу, к исследованию через цепь логических доказательств. Он стремится классифицировать описываемые явления. Главным для него становится достижение ясности, определённости, точности выражения мысли.

Вторая часть трактата приближается к «чистой» публицистике. Она строится по законам научного дискурса. Это рационалистическое осмысление увиденного, исследование причин подобного состояния, изложение программы Толстым-мыслителем. В ней преобладает логический характер мышления над образным воспроизведением действительности. Лирическую страстность героя сменяет объективный тон судьи-повествователя, знающего истину и потому имеющего право обличать. Принцип контраста организует внутреннее единство трактата, сопрягая в художественный образ «неправильного» мира различные фрагменты текста.

Трагедия современного мира, убеждён писатель, – в движении по ложной дороге, в его безумии, оправдывающем такое положение, когда одни работают, а другие – живут за их счет. Тема сумасшествия современного мира, заявленная в «Исповеди», разрабатывается и последовательно аргументируется в трактате, главный герой которого – автор, Толстой. Он высказывает своё отношение к происходящему – кается, утверждает, отрицает, обличает. Его позиция, его видение мира, его отношение положено в основание художественных картин, которые одновременно требуют и идеологического осмысления, и научной аргументации.

Во второй части трактата художественная публицистика Толстого имеет по преимуществу исследовательский характер. Увиденное излагается и оценивается с точки зрения автора. Б.М. Эйхенбаум, рассматривая произведения молодого Толстого, определял «дерзкую парадоксальность» как новое качество его прозы. Размышляя о творческом методе Толстого, учёный писал: «Он хочет найти середину между “генерализацией” и “мелочностью” – скрыть их противоречие. Потом эта робость пропадает – “Война и мир” откровенна и с дерзкой парадоксальностью выставляет на свет эти два приёма без всякой заботы о “середине”, с полным презрением к стройной архитектонике» [15. С. 56]. Художественная «оптика» Толстого такова, что постоянно происходит совмещение различных масштабов. Авторский повествовательный тон, имеющий характер обобщения («генерализация»), звучит как поучение, как проповедь с риторическими приёмами организации текста. «Генерализация» предполагала обобщение понятий, их классификацию и рубрикацию текста. При этом писатель обращался к простым и точным определениям, систематизирующим и в некоторой степени упрощающим явления. Другому масштабу соответствовал микроскопический анализ, пристальное вглядывание писателя в предметы окружающего мира и душевную жизнь персонажа, разложение их на составляющие компоненты. Толстой стремился дать ощущение вещи: он словно бы рассматривает её в микроскоп, постоянно изменяя ракурс. Эти разнонаправленные тенденции организуют пространство индивидуального стиля Толстого, демонстрируя его «дерзкую парадоксальность», которая в творческой практике писателя заключалась в сочетании научного и художественного дискурсов. При такой технике письма Толстой достигал резкости и ясности изложения и определённости оценок. Анализ публицистических произведений позволяет заключить, что принцип контрастного сопряжения обозначенных повествовательных ракурсов («мелочность» и «генерализация») организует композиционную структуру трактатов и является постоянным стилевым элементом прозы писателя.

В трактате присутствует органический синтез публицистики и пластики, силлогизмов и художественных образов, проникновенной исповеди и моралистической проповеди и обличения. Подобное сопряжение во многом объясняется ориентацией писателя на традиции древнерусской литературы. Теория и практика древнерусской литературы, считает Н.И. Прокофьев, позволяла совмещать в одном произведении различные стилевые системы: «Метко и правдиво зарисованный эпизод и символическая

картина, трезвый взгляд и безудержная легенда, личный и даже общественный опыт и безотчетная вера, упование на провидение и трезвый практицизм, экзальтация и расчет, возвышенная риторика и ясная простота в языке – все это можно видеть в одном и том же произведении» [7. С. 13-14]. В рассматриваемом трактате мы обнаруживаем подобное совмещение и объединение разнополюсных тенденций, уравнивающих авторской позицией.

Трактат развивается как система художественно организованных доказательств. На этом совмещении художественного и логического, эмоционального и рационального выстраивается публицистический текст. Толстой исследует экономические условия жизни городской бедноты, значение денег, роль науки и искусства. Эти построения мыслителя полемичны и подчас откровенно тенденциозны. Но в системе доказательств трактата важное место принадлежит художественным картинам – поэтическим образам и сценам. Они усиливают эмоциональное воздействие на читателей, поскольку являются непосредственным откликом, свидетельством очевидца – гениального художника. Трактат соединяет очерковый документализм с лирической тональностью и поэтической символикой. Он одновременно и научное исследование, и исповедальная публицистика, автор которой не бесстрастный повествователь, но заинтересованный исследователь жизни, её судья и лирический субъект повествования, главное действующее лицо произведения.

Анализ публицистики Толстого позволяет говорить о создании им особой формы художественно-философского повествования, объединяющего художественный и научный дискурсы, нравственно-философские рассуждения с элементами художественной прозы. В публицистических произведениях, как и в романе «Анна Каренина», действует закон «сцепления противоречий». В них Толстой совмещает в пределах художественного целого различные, антитетичные по сути, образы, явления, понятия: логическое сопрягается с художественным, публицистическое – с поэтическим, логика причинно-следственных отношений дополняется ассоциативностью образного мышления, а художественный и научный дискурсы органично дополняют друг друга, создавая толстовскую картину мира.

Литература

1. Асмус В.Ф. Религиозно-философские трактаты Л.Н. Толстого // Толстой Л.Н. Пол. собр. соч.: В 90 т. – М., 1928-1958. – Т. 23. 1957. – С. XX-XXXIV.
2. Вакуров В.Н. Образность в публицистике. (К постановке проблемы) // Вестник МГУ. Серия Х. Журналистика. – 1982. – № 4. – С. 19-29.
3. Галаган Г.Я. Л.Н. Толстой: Художественно-этические искания. – Л., 1981.
4. Нагина Н.А. Логическое и образное в религиозно-философских произведениях Л. Толстого 80-х годов // Филол. зап.: Вестник литературовед. и языкозн. – 1998. – Вып. 10. – С. 52-58.
5. Николаева Е.В. О некоторых источниках «Исповеди» Льва Толстого: К вопросу об использовании в произведении традиций древнерусской литературы // Литература Древней Руси. Вып. 4. – М., 1983. – С. 118-133.
6. Николаева Е.В. Художественный мир Льва Толстого: 1880–1900-е годы. – М., 2000.
7. Прокофьев Н.И. О мировоззрении русского средневековья и системе жанров в русской литературе XI- XVI вв. // Литература древней Руси. Выпуск I. Сборник трудов МГПИ. – М., 1975.
8. Соловьёв Е.А. (Андреевич). Опыт философии русской литературы. – СПб., 1905.
9. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. (Юб.): В 90 т. – М., 1928–1958. Т. 23.
10. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. (Юб.): В 90 т. – М., 1928–1958. Т. 25.
11. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. (Юб.): В 90 т. – М., 1928–1958. Т. 45.
12. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. (Юб.): В 90 т. – М., 1928–1958. Т. 49.
13. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. (Юб.): В 90 т. – М., 1928–1958. Т. 54.
14. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. (Юб.): В 90 т. – М., 1928–1958. Т. 62.
15. Эйхенбаум Б.М. О литературе. – М., 1987.

© Ю.А. Рылов

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

АНТРОПОНИМЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Известно, что антропонимические обозначения одного и того человека составляют своеобразный синонимический ряд, в который входят не только полные (официальные) модели именования, но и гипокористические формы имени и диминутивы (у русского имени Александр 126 дериватов [Тихонов, Бояринов, Рыжкова: 30]), возможные прозвища и клички, а также сочетания антропонимов с этикетными и титульными словами. Таким образом, каждый индивид в разных социальных ситуациях, в разные периоды своей жизни может быть назван с использованием одной из многих форм, каждая из которых является носителем особой идеосемантики, то есть познавательных и эмоциональных коннотаций. Например, испанца с полным антропонимом (то есть официальным именовани^{ем}, зафиксированным в органах регистрации) Juan Carlos García Soto могут называть Juan, Juanito, Juan Carlos, Juanco, Juan Carlos García, García, Soto, don Juan Carlos, el señor García и т.д. Имя Juan, Juanito маркирует неофициальную обстановку общения; Juanito, Juanco – это ребенок или взрослый человек маленького роста или с низким социальным статусом; первая фамилия García (одна из самых распространенных) – уместна в школе, трудовом коллективе, армии; Soto появляется в тех же ситуациях, обычно при условии наличия в коллективе другого человека с фамилией García. Don Juan Carlos – человек с высоким социальным статусом (чаще всего пожилой) или священник; el señor Juan Carlos, напротив, – уважительная формула в невысокой социальной среде. Более того, при общении в Интернете человек может использовать ник, не совпадающий ни с одной из указанных форм.

В художественном дискурсе антропонимы выполняют функции именования персонажей, и правила их использования в различных контекстах, как правило, совпадают с функционированием в реальных жизненных ситуациях; кроме того, в художественном дискурсе антропонимы служат также для создания художественных образов, воплощения авторских замыслов, то есть приобретают свойства, которыми не обладают в разговорной речи. Например, испанские имена Rosa, Azucena имеют прозрачную этимологию. Наричательные существительные rosa «роза», azucena «лилия» являются в испанском языковом сознании символами, соответственно, любви и смерти, в то время как имена собственные Rosa, Azucena при обычном общении лишены какой-либо символики, но в художественном тексте их внутренняя форма может быть обыграна, в том числе по контрасту с ожидаемыми ассоциациями.

Например, одна из центральных фигур романа К.Х. Селы «Улей» – doña Rosa «донья Роса», владелица кафе, женщина с неприятной внешностью, которая держит в кулаке весь квартал; ее образ построен на противопоставлении ассоциаций с нежным, прекрасным, благоухающим символом любви. Кстати, в русской транслитерации этого имени утрачивается связь с цветком, в результате перевод теряет и образный потенциал имени.

Главный персонаж этого романа – Martín Marco. Его имя и фамилия – единицы реального антропонимикона. Оба компонента способствуют формированию образа героя. Во-первых, имя Martín активно задействовано в испанскую фразеологию: como San Martín (щедрый, готовый снять с себя последнюю рубашку – в основе лежит легенда об этом святом, разрезавшим свой плащ, чтобы поделиться с нуждающимся); a cada cerdo le viene su San Martín (сколько веревочке не виться). Оба выражения реализованы в сюжете романа. В частности, в конце романа герой узнает о том, что принято решение об его аресте. Что касается фамилии, то в романе она выполняет структурнообразующую функцию: нарицательное существительное marco среди прочих значений обозначает «рамка, используемая в улье»; таким образом фамилия связывается с названием романа и определяет роль Мартина Марко как связующего звена между многочисленными персонажами романа [2]. Отмеченная образная составляющая имени и фамилии в переводе на русский язык не сохраняется.

В дальнейшем изложении речь пойдет об одном из антропонимических парадоксов, который состоит в том, что литературный антропоним, переходя - благодаря переводу - из одной культуры в другую, обретает новую жизнь, становится фактом иной культуры и в результате может стать именем нарицательным совсем не в том значении, что в языке оригинала. Данный тезис мы проиллюстрируем примерами из истории перевода бессмертного творения М.Сервантеса «Дон Кихот».

Впервые на русском языке роман вышел в 1769 году; перевод был сделан с одной из французских версий. В последующие годы роман Сервантеса становится в России одним из самых востребованных литературных произведений: достаточно сказать, что с момента первого появления на свет в русском переводе роман переиздается в течение 100 лет около 50 раз; публикуются новые переводы (с французского), в том числе выполненные такими признанными литераторами и филологами, как В. Жуковский (1804-1806) и Н. Греч (1846). Первым прямым переводом с испанского языка был перевод К. Мосальского (1938), вторым – перевод В. Карелина (1866) (подробнее о переводах романа на русский язык см.: Багно 1988).

Образ дона Кихота становится одним из ярких концептов русской культуры, а его имя – нарицательным. Уже в XVIII появляется глагол донкишотствовать (сражаться с ветряными мельницами, делать что-то смешное с точки зрения окружающих): «Державин, выражаясь его же слогом, «донкишотствовал собой» десять месяцев и оказался не только побежден, но и смешон, потому что его волшебный отлет из Петрозаводска при переводе на язык прозаический был не что иное, как бегство» (Ходасевич В. Державин. М., 1988).

Кроме того, в России образ дон Кихота – благодаря переводам – имел значительный общественный резонанс и широко обсуждался в литературной критике. В.Белинский назвал роман вершиной реалистического искусства, а его героя – образцом человека с любящей душой, благородным сердцем, сильной волей, но лишённого здравого смысла. Огромную роль в формировании концепта «дон Кихот» сыграла речь И. Тургенева «Гамлет и Дон Кихот», произнесенная писателем в 1860. Тургенев отрицает идею дон Кихота-борца с ветряными мельницами, подчеркивает его стремление бескорыстно и самоотверженно служить справедливости, правде и всеобщему благу. В указанной речи Тургенев говорит и о значении слова «Дон Кихот», которое было актуальным в то время: «человек нелепого поведения, шут». Приведем слова Тургенева: «Под словом «Дон Кихот» мы часто подразумеваем просто шута, слово «донкишотство» у нас равносильно со словом: нелепость, – между тем как в донкишотстве нам следовало бы признать высокое начало самопожертвования, только схваченное с комической стороны» (Тургенев И.С. Гамлет и Дон Кихот).

Именно тургеневская трактовка дон Кихота как «бескорыстного, благородного человека» закрепились в русском языке за этим онимом в качестве имени нарицательного. Фраза «Ведет себя как дон Кихот» означает «ведет себя бескорыстно, благородно». Ср. также: «Среди самых именитых музыкантов мира можно на пальцах одной руки перечислить тех, кто, как Дон Кихот, остался глух к посулам массмедиа, продолжая быть истинным жрецом «искусства дивного» (Завтра, № 1(685), 2007).

В испанском языке апеллатив Quijote, в отличие от русского языка, имеет скорее деспективное значение. Так, испанская фраза «Se porta como un Quijote» (Ведет себя как дон Кихот) означает «ведет себя как дурак, вмешивается в чужие дела». Заголовок в испанской газете ABC (1995) “A Quijotes no nos gana nadie” надо понимать: «Таких дураков как мы, надо поискать» (в статье речь идет о расходовании государственных средств на сомнительную благотворительность).

Выше мы уже говорили, что в литературном произведении оним выполняет задачи создания художественного образа и воплощения авторских задач. В основу именованья главных героев сервантовского романа заложен дихотомический код, в основе которого противопоставление идеального и материального, высокого и низкого, великого и смешного. Возвышенная, идеальная часть представлена онимом don Quijote de la Mancha, а преземленная – Sancho Panza. Более того, противопоставление низкого / высокого наблюдается и внутри имен героев. Имя Кихот, не существующее в святцах, сопровождается титульным словом don (возвышенный компонент), которое сочетается только с личными именами (кстати, сам Сервантес не имел права называться don Miguel), но образовано от заурядной фамилии Quijano. Заурядность фамилии обыгрывается в первой главе, когда Сервантес перечисляет фамилии Quijada, Quesada, Quejana, чтобы показать ассоциативный ряд (челюсть, сыр, жалоба). Настоящую же фамилию Quijano узнаем лишь в самом конце романа. От указанной фамилии герой при помощи суффикса –ote изобретает себе имя. Этот суффикс можно трактовать двояко: как «рыцарский» суффикс –ote (ср.: Lancerote, Camelote) и как суффикс с диминутивным значением (islote, samagote), который имеет «некоторый юмористический оттенок» [5. P. 622], то есть противопоставление высокого и заниженного наблюдается в пределах одного словообразовательного элемента. Имя сопровождается в качестве дополнительного идентификатора (тоже по образцу рыцарских именованья) указанием на место происхождения рыцаря: don Quijote de la Mancha. Ср.: Lancerote del Lago, Amadis de Gaula. При этом слово топоним la Mancha восходит к апеллативу mancha «пятно», что в известном смысле «принижает» название места. В свете сказанного распространенная в испанистике точка зрения о том, что в качестве именованья своего героя Сервантес выбрал каталанское слово quijote, обозначающее часть рыцарской амуниции, представляется абсурдной, не выдерживает никакой критики, поскольку каждый компонент именованья героя несет в себе определенную смысловую нагрузку.

Образ дон Кихота противопоставлен образу Санчо Пансы, как его противоположной стороне. Это отражено на уровне ономастики: фамилия героя – Panza «брюхо». Фамилия, в свою очередь, противопоставлена имени Sancho (от лат. sanctus «святой»), полный антропоним, таким образом, представляет собой оксюморон. Но этот оксюморон «сглаживается» тем обстоятельством, что уже в эпоху Сервантеса некогда одно из самых распространенных имен (фамилия Sánchez, образованная от этого имени, седьмая по частотности в Испании), становится «деревенским» [5. P. 661-662].

В испанском языке Sancho Panza – обозначение практичного человека без идеалов или толстяка; в русском – верного друга или слуги, а также постоянного спутника. Ср.: «Начал его (роман – Е.О.) через несколько дней после высылки, в ноябре 1980-го, то есть именно в тот момент, а может быть, и в тот день и час, когда Брежнев со своим верным

санчо пансой Георгадзе, кряхтя, покарала меня лишением гражданства, и окончил в декабре 1983-го» [3. С. 305].

Обозначением же “неразлучного друга” стал в испанском языке другой “персонаж” романа – ослик Санчо Пансы: *Allá va Sancho con su rocín* – говорится о неразлучных друзьях.

Дихотомический код характеризует именование и Прекрасной Дамы. Сервантес «сталкивает» два онима: «ужасное деревенское имя Алдонса (*Aldonza*) и гармоничное, духовное Дульсинея (*Dulcinea*)». Имя Алдонса во времена Сервантеса имело дурную славу, о чем свидетельствует пословица *A falta de moza, buena es Aldonza* «Если нет девушки, сойдет и Алдонса», то есть девка. В свою очередь, имя *Aldonza* в народном сознании ассоциировалось с прилагательным *dulce*, «приятный, мягкий», то есть по народной этимологии сближалось с именем *Dulcinea* [5. P. 42].

Итак, двойной код, заложенный Сервантесом в принцип именованя героев, имеет сложную конфигурацию и реализуется как на уровне двух или нескольких компонентов, так и внутри одного и того же компонента, который одновременно может репрезентировать как возвышенную, так и низкую сторону онима (-ote, de la Mancha, Sancho, Aldonza). Отмечаемое нами переплетение высокого и низкого, содержащееся в именовании героев, отражает еще одну идею, заложенную автором в повествование. Эта идея формулируется современными авторами как кихотизация (*quijotización*) Санчо Пансы и санчификация (*sanchificación*) Дон Кихота, то есть взаимное влияние, возникающее в результате длительного общения, которое представляет собой «не столько обмен смыслами, сколько установление общего смыслового поля, важнейшими компонентами которого являются относительно устойчивые ментальные образования» [1. С. 14].

Как видим, противопоставление идеального и материального, низкого и высокого, великого и смешного, заложенное Сервантесом в основу антропонимикона романа, на языковом уровне в переводе утрачено. Кроме того, с течением времени коннотации, заложенные автором в имена своих героев, могут утрачиваться в языковом сознании этноса.

Это лишь отчасти объясняет парадокс, заключающийся в различии трактовок соответствующих образов в испанской и русской культурах. Расхождения в семантике указанных деантропонимов – скорее результат национального прочтения романа, поскольку образы романа настолько универсальны и многогранны, что позволяют актуализировать – в соответствии с традицией или общественной потребностью – различные их черты.

Литература

1. Карасик В.И. Языковые ключи. – Волгоград: «Парадигма», 2007.
2. Лопатина К.В. Антропонимический мир романа К.Х. Селы «Улей»: Автореф. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2008.
3. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. – Донецк: «Юго-Восток», 2004.
4. Рылов Ю.А. Парадоксы антропонимии // Актуальные проблемы современной иберо-романистики: Сборник статей. Выпуск 4. – М.: МГУ, 2007.
5. Faure R. Diccionario de nombres propios. Espasa Calpe. – Madrid, 2007.

© Г.Ю. Филипповский

*Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
Ярославль, Россия*

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПОВТОРЫ В ЭКСПОЗИЦИЯХ ТЕКСТОВ ЛИТЕРАТУРЫ РУСИ XII–XIII ВВ.

В статье «Поэтика экспозиций в литературе XII века» [12] уже обращалось внимание на повторы, в том числе лексические, в экспозициях таких известных литературных памятников древнерусской литературы раннего периода, как «Поучение» князя Владимира Мономаха, «Повесть об ослеплении князя Василька Ростиславича» [1], «Сказание о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери» [2], «Слово о полку Игореве» [13]. Однако лексические повторы чрезвычайно характерны и для иных текстов древнерусской литературы XII–XIII вв., таких как, например, «Хождение игумена Даниила», «Повесть об убиении князя Андрея Боголюбского», а также «Слово Даниила Заточника» [2]. Кроме того, заслуживает особого внимания именно феномен лексических повторов, охватывающих не только и не столько повторы союзных слов, частиц и других вспомогательных частей речи, но прежде всего – имён существительных, глагольных форм, словосочетаний, несущих важную семантическую нагрузку в данном конкретном тексте.

Как ни парадоксально, исследования повторов в древнерусских текстах предпринимались, в основном, литературоведами-медиевистами Н.С. Демковой [4], Д.С. Лихачёвым [8], И.П. Ерёмным [16], Л.И. Сазоновой [16], касались, в основном, произведений ораторской прозы, торжественного красноречия (например, произведений Кирилла Туровского) либо «Слова о полку Игореве». Наиболее известные работы о феномене повторов в «Слове о полку Игореве» принадлежат Д.С. Лихачёву, Н.С. Демковой, Р.О. Якобсону [17], И.П. Ерёмину, В.Ф. Ржиге [16]. Особое место в изучении лексических повторов в древнерусских текстах занимают труды известного учёного-слависта Т.М. Николаевой [9; 15], которая, правда, многие из них выполнила на материале того же знаменитого текста «Слова о полку Игореве». Необходимо также упомянуть монографию Б.М. Гаспарова «Поэтика «Слова о полку Игореве» [3], работы Б.А. Успенского [11]. Опять же к тексту «Слова о полку Игореве» тяготеют многочисленные работы, посвящённые ритмике, просодии, стихосложению этого таинственного произведения древнерусской литературы, опубликованные не только отечественными, но и зарубежными славистами.

Итоги изучения лексики «Слова о полку Игореве» подвёл В.В. Колесов [5] в «Энциклопедии «Слова о полку Игореве», где отмечены работы видных учёных-языковедов, в том числе по исследованию лексики «Слова», – Л.А. Булаховского [13], Л.П. Якубинского [17], С.П. Обнорского [15], Н.А. Мещерского [15] П.Я. Черных [15], Н.М. Дылевского [15], в особенности В.Л. Виноградовой [13] с её 6-томным «Словарём-справочником «Слова о полку Игореве». Однако надо признаться, что никто из этих выдающихся языковедов не предпринимал изучения лексических повторов в «Слове»,

тем более в других произведениях древнерусской литературы раннего периода. Именно с этих «других» произведений литературы Руси XII – начала XIII вв., а не с известного «Слова о полку Игореве» целесообразно начать очерк системы лексических повторов именно в экспозициях данных текстов. Дело опять же в не менее известном факте реального отсутствия аутентичной древнерусской рукописи с текстом «Слова о полку Игореве» (мусин-пушкинская рукопись погибла в огне Отечественной войны 1812 года).

Уже приходилось писать о лексических повторах в экспозиции «Повести об ослеплении князя Василька Ростиславича», вписанной под 1097 год в «Повесть временных лет», конкретно, в её 2-ю редакцию 1116–1117 г., так называемую «мономахову» игумена Сильвестра (по классификации А.А. Шахматова). Экспозиция этого текста включает два трюичных повтора ключевых в целом для повести образов-концептов «Русской земли» и «креста». Образ «Русской земли» вполне может претендовать на роль главного героя повести, он повторён многократно почти во всех ведущих частях композиции этого текста, но, прежде всего, в экспозиции: 1. «Почто губимъ Рускую землю, сами на ся котору имуще?»; 2. «Отселе имемься въ едино сердце и съблюдемъ Рускую землю»; 3. «И рекоша вси: «Да будетъ на нь хрестъ честный и вся земля Руская». Также три раза повторён в экспозиции повести игумена Василия образ-символ «крест»: 1. «И на томъ целоваша крестъ»; 2. «Да аще отселе кто на кого встанеть, то на того будемъ вси и честный крестъ»; 3. «И рекоша вси: «Да будетъ на нь хрестъ честный и вся земля Руская». Добавим, на то и существует заданность, «прогностика» экспозиции, чтобы развернуть, реализовать на всём последующем пространстве текста ключевые, ведущие мотивы повести, в данном случае лексические данности вступления. Помимо знаковых, трюичных повторов, в тексте экспозиции есть и двойные повторы: «целоваша крестъ» – «целовавшиеся и поидоша..»; тавтологично звучит текст двух периодов клятвы князей (см. 2 и 3 позиции повторов лексемы «крестъ»). Лексема «Любеч» отзовётся уже в первой фразе второй части текста (завязки): .. «печален быше о любви сей»; лексема «сердце («...имемься въ едино сердце» – в тексте экспозиции) отзовётся во второй фразе второй части (завязки) текста: «И влезе сотона у сердце некоторымъ мужемъ..». Помимо лексических повторов, имеющих знаковый, символический характер в сюжетно-композиционной структуре повести, в экспозиции присутствует употребление двойственного числа – «Ростиславичема» применительно к братьям-князьям Васильку и Володарю Ростиславичам – героям повести.

В «Поучении» князя Владимира Мономаха, выдающемся литературном тексте конца XI – начала XII века (сформирован как единый текст в 1116–1117 г. автором при включении его в мономахову 2-ю редакцию ПВЛ), в экспозиции также находим употребление двойственного числа той же лексемы «Ростиславича». Кроме того, С.П. Обнорский [10] фиксирует в начале текста экспозиции «Поучения» форму оборота двойной падежной конструкции: «Азь худый ... наречён (ыи) въ крещении Василии» (двойной именительный). Нельзя не упомянуть, что, по наблюдениям академика С.П. Обнорского, «постоянны у Мономаха обороты двойных именительного и винительного». В той же экспозиции «Поучения» есть и другой случай употребления двойного именительного: .. то бо ёсть начатокъ всякому добру..», «Да дети мои или нь кто слышавъ сю грамотицю..».

«Поучение» Мономаха во многих отношениях перекликается, связано с «Повестью об ослеплении князя Василька Ростиславича», в частности, в обоих текстах, первой их части, экспозиции, отмечаются два трюичных повтора, причём повторы знаковой, семантически маркированной лексики. В «Поучении» первая его фраза включает трёхступенчатое перечисление предков Мономаха, причастных к его крещению, – дед Ярослав Мудрый, отец и мать из византийского императорского рода

Мономахов: «Азь худый дедомъ своимъ Ярославомъ, благословеннымъ, славным нареченный въ крещении Василий, русьскимъ именемъ Володимирь, отцемъ влюбленным и матерью своею Мьномахы...». Задолго до появления на свет «Слова о полку Игореве» Владимир Мономах-писатель в экспозиции своего «Поучения» трижды вводит лексические единицы с семантикой **начала**: «**Первое**, Бога дея и душа своя...»; «...то бо есть **начатокъ** всякому добру...»; «аще вы последняя не любя, а **передняя** принимайте». Богата экспозиция «Поучения» и на лексические повторы, причём все они не только значимы, но и знаковы. Таковы двойные повторы лексем «любя»: 1. «..ему же любя детей моихь..»; «Аще ли кому не любя грамотица си..»; 2. «..собрах слова си любая..»; «..аще вы последняя не любя..». Разумно вспомнить повторы с корневой лексемой «люб» в экспозиции и начале завязки «Повести об ослеплении князя Василька Ростиславича», связанные с важнейшим для средневековья понятием «любовь» как Бог христианский. Двойной повтор отмечает весьма значимые для автора цитаты Псалтири, выпавшие ему в гадании по этой ключевой для культуры средневековья книге: «Вскую печалуеши, душе? Вскую смущаеши мя?» «Вскую печална еси, душе моя? Вскую смущаеши мя?» Здесь важен не менее ключевой для «Поучения» повтор лексемы «душа», ибо всё произведение – о душе, исповедь души Мономаха. Чрезвычайно важен отмеченный Д.С. Лихачёвым [7] повтор метафоры «**на санех седя**» со значением «на склоне лет, в конце жизни, на пороге Вечности». Опять же напоминает текст повести о Васильке Ростиславиче повтор экспозиции «Поучения» «..а приметь е в сердце свое..»; «страх имейте Божий в **сердце** своемь..» в «Поучении» входящий в знаковые оппозиции «душа-сердце». Они присутствуют как в экспозиции «Поучения», так и открывают третью, очень важную в сюжетно-композиционном плане часть текста – знаменитое письмо (послание) Мономаха к Олегу Святославичу, убийце сына Мономаха князя Изяслава Владимировича в распре под стенами Мурома.

Среди всех литературных памятников Руси XII–XIII вв. «Хождение игумена Даниила» (путешествие в Святую землю 1104–1106 гг.), конкретно, его экспозиция отличается самым сложным структурным характером лексических повторов. Начать с того, что два периода, абзаца текста вступления включают каждый три повтора ключевого понятия «**Иерусалим**»: «видети святыи град Иерусалимъ и Землю обетованную»; «доходихъ святаго града Иерусалима и видех свята места»; «около святаго града Иерусалима по святымъ местом»; «писахъ о святемъ граде Иерусалиме»; «доходивше святыихъ сихъ местъ и святыи град Иерусалимъ»; «ходившее святаго града Иерусалима». Однако, прежде всего следует, конечно, отметить троичный повтор личного местоимения «азь»: «Се азь недостойный игумень Данил Руския земля»; «Азь же неподобно ходихъ путемъ симъ святымъ»; «..отъ нихъ пръвый есмь азь». Наиболее сложно в данном тексте выстроена система повторов словосочетания «**святое место**» – четыре раза по три, т. е. 12 повторов: 1) «видехъ святаа места»; «по святымъ местом»; «по местомъ святымъ»; 2) «о пути еже къ святымъ местомъ»; «и места сии святаа»; «о местехъ сихъ святыихъ»; 3) «къ святымъ симъ местомъ»; «доходили святыихъ сихъ местъ»: «достигаютьъ местъ сихъ святыихъ»; 4) любве ради святыихъ местъ сихъ»; «доходившее святыихъ сихъ местъ» «и вся святаа та места». Примечательно, что на первый период текста вступления, экспозиции приходится три повтора словосочетания «святое место», а на второй период, абзаца текста приходится три раза по три повтора этого особо значимого словосочетания, обладающего в глазах автора особым сакральным смыслом, значением, семантикой (как, впрочем, и слово «Иерусалим»). О последнем следует уточнить, что повторяется не просто лексема «Иерусалим», но словосочетание «Святыи град Иерусалим». Как уже отмечалось, в первой части экспозиции включены из двух троичных повторов по одному: «азь» и «святыи град Иерусалимъ», а во второй части экспозиции, соответственно, – два

из трёх повторений «азь» и два же из трёх – «о святемъ граде Иерусалиме». Однако, существует и главный из тройных повторов: в первой части – «куда же Христос Богъ нашъ походи своима ногама» (двойственное число!); во второй части экспозиции ещё два из трёх во всём тексте экспозиции: «да ми проститъ Христос Богъ» и «мзду примуть от Бога Спаса нашего Иисуса Христа».

Есть и иные знаковые повторы: например, лексема «град» повторена 8 раз (три – в первой части экспозиции и 5 – во второй); лексема «мыслию» повторена два раза в первой части и два во второй части экспозиции: «понужен мыслию своею», «его же жадах много дний мыслию моею»; «душею и мыслию къ святым сим местом», «добрии человеци мыслию своею». По одному разу в каждой из двух частей экспозиции употреблено «очима» (двойственное число!): «И то все видех очима своима грешныма», «еже видех очима своима». Именительный двойной открывает первую фразу текста экспозиции: «Се азь недостойный игумень Данил Руския земля». В целом можно смело утверждать, что лексические повторы в экспозиции «Хожения игумена Данила» складываются в сложную систему, взаимосвязанную и взаимообусловленную во всех своих составляющих, и эта внутренняя связь определяется сакральной семантикой и знаковостью Святой земли как уникального и центрального места христианского мира. Не случайно произведение озаглавлено автором не просто как «хождение», но – «Житье и хоженье Данила Русьския земли игумена», где слову «житье» безусловно придаётся особое сакральное значение агиографического характера.

В программном тексте XII века «Сказании о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери», созданном в княжение Андрея Боголюбского в 60-х гг. XII века, экспозиция включает один, но очевидный и знаковый для всего текста повтор – инициативное движение иконы в храме монастыря в Вышгороде: «Князю же Андрею хотящу княжити на Ростовскую землю, и нача беседовати о иконах. Поведоша ему икону Вышегорода въ женском монастыри Пресвятыя Владычица наша Богородица, яко 3-жды ступила с места. 1-е видоша въ церковь и видеша ю среде церкви особе стоящую, и поставиша ю на ином месте. 2-е видиша ю, обратишюся къ олтареву лицемъ, и ркоша, яко въ олтари хочеть стояти. Поставиша ю за трапезою. 3-е видеша ю кроме трапезы особе стоящую. И иных чудес множество». Если же экспозицию текста сказания воспринимать как часть эпизода первого чуда из пространной цепочки чудес, которые и образуют текст собственно сказания, то необходимо отметить повтор глагола со значением начала, повтор троичный: «И нача беседовати о иконах», «и начать смотрити по иконам», «Князь же начать молитися ко иконе Пресвятыя Владычица наша Богородица и Приснодевици Марии».

Примечательно, что подобного же рода повтор троичный (!), повтор, как и в сказании о чудесах Владимирской иконы Богородицы инициативный, прослеживается в экспозиции «Слова о полку Игореве». Только здесь лексема «начати» соотносится с рассуждением автора, как, в какой манере начинать текст поэмы о судьбах Русской земли на фоне судьбы похода князя Игоря и самого князя: 1. «Не лепо ли ны бяшетъ, братие, начати старыми словесы трудных повестий о пълку Игореве, Игоря Святъславича»; 2. «Начати же оя тьи песни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню»; 3. «Почнемъ же, братие, повесть сию отъ стараго Владимира до нынешняго Игоря». Рассуждение о начале связано в «Слове» с выбором автором своей оригинальной манеры, отличной от манеры, стиля слав поэта прежних дней Бояна, поскольку воспеть поражение Игоря («по былинамъ сего времени», т. е. по событиям нового времени, а не старого) автор не считал возможным и разумным. Тем не менее, автор сознательно соотносит времена и события и характер их освящения – старые и новые, будучи поэтом-историком по своему менталитету. Потому в экспозиции трижды

повторено имя поэта старых времён Бояна: «по замышлению Бояню», «Боянь бо вещей», «Боян же, братие, не 10 соколовъ на стадо лебедей пушаше». Следует, правда, оговориться о неприятии варианта перестановок в начале текста «Слова», которые предлагали Н.К. Гудзий [14. С. 68-73] и некоторые другие учёные. Третий лексический повтор в экспозиции «Слова» касается лексемы «песнь»: «Начатя же ся тыи песни по былинамъ сего времени», «аще кому хотяше песнь творити», «та преди песнь пояше старому Ярославу...». Тем самым, разумно отметить, в экспозиции «Слова» три группы троичных повторов знаковых семантически лексем как и в экспозиции «Хожения игумена Даниила»: «начати», «Боян», «песнь»; «азь», «Христос Богъ», «святыи град Иерусалим». Кроме того, в «Поучении» Владимира Мономаха – троичный повтор лексем со значением начала, в повести о Васильке Ростиславиче – троичные знаковые повторы лексем «крестъ», «Русская земля», в экспозиции сказания о чудесах Владимирской иконы Богоматери – также повтор глаголов со значением начала – «нача», «начать», «начать». Последние с инициативной семантикой знаковы не только по отношению к началу данного текста, но и началу новой эпохи государственности на Руси, появлению новой столицы Руси уже не на её юге, а в центре русских земель. В «Слове о полку Игореве» рассуждение о начале повествовательного развёртывания соотносено с рассуждением о выборе жанра (слово, повесть, песнь), при том, что после троичного повтора лексемы «песнь» автор всё же завершает свой выбор жанра лексемой «повесть» в финале экспозиции: «Почнемъ же братие, повесть сию..»

Не менее характерны троичные знаковые повторы имён собственных для замечательного текста Владимирской литературы рубежа XII–XIII вв. «Повести об убиении князя Андрея Боголюбского». Трижды повторено, точнее, два раза по три – в первом и втором периоде экспозиции имя героя повести князя Андрея: «Сы благоверный и христоролюбивый князь Аньдреи», «тако и сии князь благоверный Аньдреи»; «Князь же Аньдреи»; «победный венець прияль еси, княже Аньдрию», «Князь же Аньдреи», «вражное убийство...», «страстотерпче княже Аньдрию». Будучи посвящена прежде всего храмовому и градостроительству князя Андрея Юрьевича, экспозиция текста повести включает троичные повторы названий городов – три раза «Владимир», три раза «Боголюбов», три раза повторено имя строителя библейского иерусалимского Храма – «Соломон», правда, отдельно упомянут сам Храм: «подобна быста удивлению соломонове Святая Святыихъ». Всё свидетельствует о том, что автор повести стремился создать сакрализованный контекст, в частности, в экспозиции произведения, в котором хотел особо отметить место героя текста Андрея Боголюбского, а также царя библейской древности Соломона, знаменитого своим храмовым и градостроительством, а также обозначить сакральное пространство городов Владимира – новой столицы Руси, и Боголюбова – личной резиденции, замкового города князя Андрея Боголюбского, от которого и произошло его прозвание – Боголюбский. Автор повести явно отталкивался от «Слова о Законе и Благодати» Илариона киевского, а также от текста «Хожения игумена Даниила» с его троичными повторами сакральных имён, мест и местностей Святой земли.

И завершает анфиладу текстов Руси XII–XIII вв. со значимыми повторами в экспозиции памятник начала XIII века Владимирской литературы «Слово Даниила Заточника». Поэтический контекст начала развёрнут здесь и в «Слове о полку Игореве» невероятно масштабно. Экспозицию открывает система повторов глагольных лексем, где приставки несут семантику начала действия: «**Въструбимъ**, яко **во** златокovanja трубы, в разумъ ума своего / И начнемъ бити в сребренныя органы **возвита** мудрости своеа. // **Въстани**, слова моя, **въстани въ** псалтири и в гуслах! / **Востану** рано, исповем тис я. // **Да разверзу въ** притчах моя / И **провещаю** въ языцех славу мою». Три периода глагольных повторов осложнены повторениями приставочно-предложного типа («**въструбимъ** яко

во..) с очевидной заявкой на поэтико-риторический характер текста экспозиции, что поддерживается троичным повтором лексемы «сердце»: «Сердце бо смысленаго укрепляется въ телеси его красотою и мудростию», «Сего рази покушахся написати всякъ съузъ сердца моего», «Имею бо сердце – аки безъ очию». Здесь такой троичный повтор явно принципиален и несёт некий ключ к литературно-поэтической лаборатории автора текста. Прежде, в тексте повести о князе Васильке Ростиславиче повтор лексемы «сердце»: «имемся во едино сердце» и затем в начале следующего за экспозицией эпизода завязки – «и влезе сотона въ сердце некоторым мужемъ» – скорее призван подчеркнуть антитезу, разрыв (ср. разрыв частей текста), чем собственно единение, синтез. Не лишне отметить в экспозиции «Слова Даниила Заточника» троичный повтор лексемы «ум»: «в разум ума своего», «И бысть умъ мой...» Особенно это важно в связи с другим, также начала XIII века памятником Владимирской литературы «Повестью об убиении князя Андрея Боголюбского», в экспозиции которого также трижды повторена та же лексема «ум»: «смысль бо уставивъ и умъ», «Не помрачи ума своего пьянствомъ», «Мужество и умъ в нем живяше». Вообще, экспозиция повести о смерти князя Андрея Юрьевича буквально изобилует повторами глагольных лексем со значением украшенного строительства: украсивъ, удиви, создалъ, створи, устрои, доспе, исполнена, усвети-просвети, постави и т. д., что естественно в связи с задачей автора прославить князя Андрея Юрьевича – строителя. Заслуживает особого внимания троичный повтор лексемы «ум» в начальных периодах текста «Слова о полку Игореве», что весьма характерно соотносится с троичными же повторениями той же лексемы «ум», как выше отмечено, в экспозициях не только аутентичных по рукописным источникам, но и соотнесённым с началом XIII века текстам «Повести об убиении князя Андрея Боголюбского» и «Слова Даниила Заточника». Вот эти повторы в начале «Слова о полку Игореве»: «иже истяну умъ крепостию своею», «Спала князю умъ похоти, и жалость ему знамение заступи искусити Дону великаго», «скача, славию, по мыслену древу, летая умоумъ подь облакы».

Ясно, что все проанализированные, выявленные выше повторы лексического характера в литературных памятниках Руси XI–XIII вв. не только отражают авторские поэтические, литературные интенции, все они не просто значимы, но – знаковы, семантически маркированы, принципиальны в контексте литературного мировоззрения древнерусских авторов-писателей XI–XIII вв. Всё вышеприведённое внятно свидетельствует о существовании литературной школы высокого уровня на Руси XI–XIII вв., в том числе не только южнорусской, но и общерусской (см. произведения Владимирской литературы конца XII – начала XIII вв.). К этой литературной школе принадлежит и «Слово о полку Игореве», формальный анализ системы лексических повторов в экспозиции которого полностью соотносится по своему характеру и закономерностям с системой лексических повторов в экспозициях всех других литературных памятников, подвергшихся выше анализу и сопоставлению. Особого внимания заслуживает система троичных, т. е. особых, знаковых повторов, характерных для всех без исключения рассмотренных литературных текстов Руси XI–XIII вв., имеющих не просто вступления, но и экспозиции как особые, значимые, знаковые части текста, радикально влияющие на содержательную, формальную, семантическую, символическую, поэтическую структуру каждого конкретного произведения как единого целого.

Литература

1. Библиотека Древней Руси. – Т. 1. XI–XII вв. – СПб., 1997.
2. Библиотека Древней Руси. – Т. 4. – XII век. – СПб., 1997.
3. Гаспаров Б.М. Поэтика «Слова о полку Игореве». – М., 2000.

4. Демкова Н.С. Средневековая русская литература. Поэтика, интерпретации, источники. – СПб., 1997.
5. Колесов В.В. Лексика «Слова о полку Игореве» // Энциклопедия «Слово о полку Игореве». – Т. 3. – СПб., 1995.
6. Колесов В.В. Повторы в «Слове о полку Игореве» // Энциклопедия «Слово о полку Игореве». – Т. 4. – СПб., 1995.
7. Лихачёв Д.С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. – М., 1975.
8. Лихачёв Д.С. Поэтика повторяемости в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и культура его времени. – Л., 1985.
9. Николаева Т.М. «Слова о полку Игореве». Поэтика и лингвистика текста. – М., 1997.
10. Обнорский С.П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. – М.; Л., 1946.
11. Успенский Б.А. Избранные труды. – Т. 1. – М., 1994.
12. Филипповский Г.Ю. Динамическая поэтика русской литературы. – СПб., 2008.
13. Энциклопедия «Слова о полку Игореве». – Т. 1. – СПб., 1995.
14. Энциклопедия «Слова о полку Игореве». – Т. 2. – СПб., 1995.
15. Энциклопедия «Слова о полку Игореве». – Т. 3. – СПб., 1995.
16. Энциклопедия «Слова о полку Игореве». – Т. 4. – СПб., 1995.
17. Энциклопедия «Слова о полку Игореве». – Т. 5. – СПб., 1995.

© К.В. Балеевских

*Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
Ярославль, Россия*

СТРАТЕГИИ ПЕРЕДАЧИ РОССИЙСКОЙ СПЕЦИФИКИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ПЕРЕВОДЕ АНТИУТОПИИ В. СОРОКИНА «ДЕНЬ ОПРИЧНИКА»

Выбор данного текста для анализа не случаен: «День опричника» – это квинтэссенция и гиперболизация русской натуры и образа России глазами современного российского автора. Представляется весьма интересным и полезным рассмотреть его основные особенности, а самое главное – проанализировать, как это яркое и сложное по языку произведение было передано на иностранном языке (в данном случае – на французском) иноязычному и инокультурному реципиенту. Для достижения данной цели нами был обработан русский оригинал [1] на предмет особенностей стиля автора и системы образов, им созданных, а также проведен сопоставительный анализ с его французским переводом, выполненным Бернаром Крейзом [3].

Прежде чем перейти непосредственно к анализу перевода остановимся на характерных чертах данного романа, без определения которых невозможно раскрыть и, соответственно, затем передать всю палитру языковых и образных оттенков произведения.

Роман «День опричника» – это роман-антиутопия, где автором представлен образ России в сравнительно недалеком будущем после очередной «смуты». Власть снова становится самодержавной: сильный глава государства окружает себя верной дружиной «опричников», роль которых, как и в давние времена при Иване Грозном, в том, чтобы «очищать» внутренности России от «гнилых» элементов: неугодных государю по разным причинам дворян, бояр, святых чинов, вольнодумцев.

Характерными для этой России являются: социальное и политическое устройство, схожие с эпохой 16 века; ненависть ко всему западно-европейскому (приметы уже советского периода), что подчеркивается явным экономическим превосходством российской державы; плотные политические, экономические и торговые связи с другой супер-державой – Китаем (предвосхищение автором возможного исторического сценария начиная с наших дней); главенствующая роль Церкви (гиперболизация современного положения вещей); наличие явных результатов развития высоких технологий. Сама опричнина предстает перед нами как синтез принципов опричников 16-го века и бандитов-«братков» конца 20-го века.

Интересно также отметить позицию автора: явно она нигде не обозначена, однако, прослеживается как и сатира на такую Русь, так и некоторая симпатия при описании ее превосходства над «загнившей» Европой.

Главным героем книги является один из наиболее приближенных к государю опричников – Комяга. Все произведение построено как описание одного дня из его жизни, повествование ведется от первого лица.

Яркость отмеченных образов достигается особым авторским языком, который представляет собой псевдо-старинный русский язык с элементами новой лексики для обозначения реалий, современных будущей России. Для создания подобного языка автор вводит много архаичных слов и словоформ, а также окказионализмов, построенных по принципу архаизированности. Особой чертой синтаксиса также являются конструкции и порядок слов, типичные для старорусского языка.

Все отмеченные особенности языка свидетельствуют об особой трудности этого романа для перевода, поскольку многие языковые маркеры являются инвариантом содержания, который участвует в создании системы образов «будущей» России. Поэтому перед переводчиком стояла сложная задача: передать такой «архаизированный» язык, разгадать замысел автора и смысл вводимых им окказионализмов, ознакомиться с историческими особенностями России с эпохи Ивана Грозного по настоящее время, а также суметь передать различного рода реалии (как исторические, так и бытовые и пр.). В тексте присутствуют и многочисленные пословицы, интертекстуализмы: русские стихи и песни (как полные, так и их отрывки), в том числе трансформированные (что подразумевает необходимость обладания фоновыми знаниями о российской культуре и творчестве).

Насколько успешно автору перевода удалось справиться с поставленными задачами, тем самым передавая замысел автора, и донести до иностранного читателя весь тот противоречивый образный сплав будущей России, будет видно из представленного ниже сопоставительного анализа. Поскольку ограничения в объеме не позволяют предложить полный анализ перевода, он будет представлен на примере нескольких первых глав, а также с привлечением наиболее ярких отрывков из дальнейшего повествования. Внимание будет сосредоточено прежде всего на типично русских особенностях языка, реалиях и интертекстуализмах.

Прежде всего необходимо отметить, что автор перевода в предисловии к тексту был вынужден ввести краткую историческую справку, касающуюся явления «опричнины», в которой он также подчеркнул, что некоторых ностальгирующих по Святой православной Руси до сих пор завораживает образ опричнины. Тем самым он, во-первых, облегчил читателю перевода понимание исторического и культурного контекста, а, во-вторых, навязал определенную национальную позицию (которая, однако, явно писателем не выражается).

Итак, для создания российского контекста и, прежде всего, системы бытовых, социальных и политических отношений прошлой России, Сорокиным вводятся *слова-реалии*, отсылающие нас как к далекому прошлому, так и к прошлому «дособытийному» (которое является нашей сегодняшней современностью), а также реалии «псевдобудущего». Пронаблюдаем в сравнении, как передает подобную лексику Бернар Крейз.

Оригинал «День опричника», Вл. Сорокин (ссылки на страницы оригинала)	Перевод «Journée d'un opritchnik», Bernard Kreise (ссылки на страницы текста перевода)	Комментарии
Тайный приказ (с.5)	Chancellerie secrète (p. 11)	Слово «приказ» обозначало «учреждение, ведавшее отдельной отраслью управления в Московском гос-ве 16-17 вв.» [2]. Переводчик компенсирует данный историзм термином «государственная канцелярия»

Дьяк из Посольского приказа (с. 6)	Secrétaire de la Chancellerie des Plénipotentiaires (p. 12)	«Дьяк» – в др. Руси должностное лицо, ведущее дела к-л учреждения [2]. Передано термином «секретарь» как имеющим одно из значений «управляющий делами». Дипломатический термин «Plénipotentiaires» (полномочный (представитель)) придает дополнительную окраску немаркированному слову «посольский».
Полстакана капустного рассола (с. 7)	Demi-bol de soupe aux choux (p. 13)	Бытовая реалья. В переводе «стакан» превращается в «пиалу», а «рассол» в «капустный суп». Переводчик пошел по пути упрощения ситуации, вероятно, предполагая, что французскому читателю будет чуждым снимать похмелье рассолом. Однако, ситуация все же становится довольно странной, поскольку утром есть суп нехарактерно и для русского человека.
Северо-кавказский участок Южной стены (с. 8)	Le secteur du Caucase nord de la Grande Muraille méridionale (p. 15)	Географическая реалья «псевдобудущего» передана с уточняющим словом, обусловленным контекстом положения рядом с Китаем. «Grande Muraille» – историзм, означающий «Великая китайская стена».
Дальневосточная Труба (с. 9)	Le Gasoduc d'Extrême-Orient (p. 15)	Экономическая реалья «псевдобудущего» передана окказионализмом переводчика (спровоцированным контекстом): слияние корня gas (газ) и duc (латинизм, от ductus (путь, канал)) по известной словообразовательной модели типа aqueduc.
Муромские гусяры (с. 9), гусяры (с. 13)	Bardes de Mourom (p. 15), des aèdes (p. 23)	Слово-реалья «гусяры» обычно передается на французский язык транскрипцией. Переводчик же решил прибегнуть к приему лексической адаптации (вводя, однако, для одного и того же русского слова разные переводы): в первом случае передавая историзмом «певец, бард», во втором – словом «азд» (древнегреческий певец).
Свято-Петроград (с. 9)	Saint-Pétrograd (p. 15)	Географическая реалья «псевдобудущего». Прием транскрипции.
Сырники, пареная репа, кисель (с. 9)	Raviolis au fromage blanc, des navets au miel cuits à la vapeur, la gelée de canneberges (p. 15)	Серия бытовых реалий, создающих картину типичной русской пици. Прием лексической адаптации для «сырников» – «равиоли с творогом» и для «киселя» – «желе из клюквы» (второе передает сущность реалии весьма отдаленно).
Долгополый, подбитый ватую кафтан (с. 11), кафтан (с. 21)	Justacorps aux longs pans, doublé d'ouate (p. 18), cafetan (p. 29)	Если во втором случае переводчик решил сохранить непрозрачность и языковую особенность слова, прибегая к принятой транскрипции, то в первом он применяет историзм, обозначающий «полукафтан, камзол 16 века», тем самым адаптируя реалью.
Куличи пасхальные (с. 13)	Gâteaux de Pâques (p. 20)	Традиционная реалья: у французов на Пасху таких блюд не делают. Не вводя в текст принятую в этом случае транскрипцию, переводчик сразу прибегает к экспликативному переводу: «пасхальные пироги».

«Мерин» алый (с. 13)	«Destrier» du même rouge (p. 20)	Непростая переводческая ситуация: автор оригинала вводит арголичное слово «мерин», которое заимствовано в «псевдобудущее» из нашей современности. Оно означает марку машины «Мерседес» и свидетельствует о некотором престиже. В то же время само слово «мерин» является архаизмом, означающим «кастрированный жеребец». Переводчик смог «сыграть» лишь на архаичном значении и передал это историзмом «боевой конь» вместо термина «hongre» (мерин).
Великая Чистка (с.13)	Grande Purge (p. 20)	Псевдоисторическая реалия из периода между нашей современностью и моментом повествования в книге. Передано переносным значением медицинского термина «очищение желудка».
Рублевый тракт (с. 15)	La sente de Roubliov (p. 23)	Реалия-аллюзия на нынешнее Рублевское шоссе (коннотации будут в любом случае понятны только знающему реципиенту). Не совсем понятен подобный компенсирующий прием переводчика: вместо слова, которое могло бы обозначать широкую дорогу (тракт), введено слово, значащее «тропинка».
Смута Красная, Смута Белая, Смута Серая (с. 18)	Le temps des Troubles Rouges, -, - (p. 26)	Псевдоисторические реалии из периода между нашей современностью и моментом повествования в книге. Само историческое значение передано эквивалентным словом, однако переводчик полностью пропустил другие два периода «смут» (белую и серую), вероятно, решив лишний раз акцентировать внимание на символичности «красного» в нашей истории.

Разнообразные интертекстуализмы (особый разряд лингвоэтнических реалий, оформленных как прямые или скрытые цитаты различных текстов, известных носителям данного языка из их культурно-исторического опыта) также создают яркий национальный колорит произведения. Передача подобных явлений в переводе – задача во многом творческая, успешное решение которой также зависит от уровня владения культурным фондом страны языка оригинала. В данном романе наблюдается явное присутствие всевозможных песен и цитат, которые в большинстве случаев передаются принятым переводным соответствием (прямые цитаты из Мандельштама, народные песни), но есть и случаи неявной аллюзии.

Оригинал	Перевод	Комментарии
«День опричника», Вл. Сорокин (ссылки на страницы оригинала)	«Journée d'un opritchnik», Bernard Kreise (ссылки на страницы текста перевода)	
- Осень, осень, жгут корабли-и-и... (с. 196)	A l'automne, à l'automne, on brûle les vaisseaux-aux-aux... (p. 224)	Цитата из песни русского рок-певца Ю. Шевчука «Осень». Будет опознана только знающими реципиентами. Вероятно, для создания дополнительного колорита переводчик добавляет некорректный в данном употреблении предлог «à» («в») (со словом «automne» принято употреблять предлог «en»).

В тексте оригинала присутствуют и трансформированные интертекстуализмы, которые являются известными песнями и стихотворениями, уже измененными писателем в целях создания ироничного контекста.

Оригинальное произведение	Оригинал «День опричника», Вл. Сорокин (ссылки на страницы оригинала)	Перевод «Journée d'un opritchnik», Bernard Kreise (ссылки на страницы текста перевода)	Комментарии
Да будь я хоть негром преклонных годов, И то без унынья и лени, Я русский бы выучил только за то, Что им разговаривал Ленин (В.В. Маяковский)	Да будь я евреем преклонных годов, И то – nicht zweifelnd und bitter, Немецкий я б выучил только за то, Что им разговаривал Гитлер. (с. 163)	Que je sois un Juif très âgé, Cela étant - nicht zweifelnd und bitter, J'apprendrai l'allemand seulement parce que C'était la langue d'Hitler. (p. 186)	Переводчик пошел вслед за автором: внес сноску с примечанием, где перевел прозой изначальный текст Маяковского и немецкую вставку. Перевод самого трансформированного текста выполнен белым стихом.
Веселя час и боль разлуки Хочу делить с тобой всегда! Давай пожмем друг другу руки – И в дальний путь на долгие года («Дружба», В. Козин)	Минуту горя, час трево-о-ги Хочу делить с тобой всегда-а-а! Давай сверлить друг другу но-о-о-ги – И в дальний путь на долгие года-а-а! (с. 216)	Avec toi, pour toujours, je veux partager Un instant de chagrin, une heure d'anxiété! Perçons-nous l'un l'autre les pieds, Et partons au loin pour de longues années! (p. 246)	В данном случае речь идет об измененной русской песне, которая будет опознана только знающими реципиентами. Здесь переводчику удалось сохранить и смысл стихотворных строк и передать рифму.

Одной из характерных черт романа является частое присутствие русских пословиц, поговорок, приговорков, что, несомненно, добавляет некоторой сказовости и народности языку. Почти все они переданы готовыми соответствиями (напр., Взаялся за гуж – не говори, что не дюж (с. 18) = Quand le vin est tiré, il faut le boire (p. 26)), однако определенную трудность для перевода представляют прежде всего трансформированные автором пословицы. Например, Сделал дело – гуляй смело (исходная пословица) → Сделал дело – молись смело (с. 36) (оригинал) → Sa tâche accomplie, on prie bravement (p. 46) (перевод). Чтобы передать эту трансформированную пословицу переводчик прибегнул к неопределенно-личной конструкции, создавая обобщающий эффект, и сохранил ее основное значение.

И, конечно же, одной из основных особенностей романа является особый стилизованный язык автора. Именно этот сплав создает наибольшие трудности для переводчика. С одной стороны наблюдается присутствие архаичной и намеренно архаизированной лексики, с другой стороны – особое построение фраз.

Оригинал «День опричника», Вл. Сорокин (ссылки на страницы оригинала)	Перевод «Journée d'un opritchnik», Bernard Kreise (ссылки на страницы текста перевода)	Комментарии
Вечеру (с. 6)	Ce soir (p. 12)	Перевод основного смысла. Отсутствие компенсации.

Обстояние дюжины (с. 6)	La participation d'une douzaine d'hommes (p. 12)	Перевод основного смысла. Отсутствие компенсации.
Здравы будьте! (с. 7)	Bien le bonjour ! (p. 13)	Привнесение маркированности в структуру французского выражения, намеренная архаизация.
Со стоном нутряным (с. 7)	Avec un gémissement sorti des entrailles (p. 13)	Перевод основного смысла. Выбор переводческого эквивалента, означающего «утроба, чрево» как более маркированного.
Пузырь вестевой (с. 8)	La bulle des informations (p. 14)	Стилистическая архаизация автора для обозначения «телевизора». Перевод основного смысла. Отсутствие компенсации.
Благолепна и благоуханна (с. 9)	Est accorte et embaumée (p. 15)	Архаизм «благолепный» (обладающий величественной красотой [2]) компенсирован малоупотребительным французским словом assort (значение: миловидный, приятный); «благоуханный» передан соответствующим стилистическим эквивалентом.
Черная горница (с. 12)	Antichambre des domestiques (p. 18)	Перевод основного смысла. Отсутствие компенсации. «Передняя прислуги»
Заалевшие ланиты (с. 12)	Ses joues roses (p. 18)	Типичные русские архаизмы. Перевод основного смысла. Отсутствие компенсации.
Оголился (с. 13)	Il a été dépouillé (p. 20)	Данный авторский окказионализм используется как жаргонизм опричников, обозначающий «потерял покровительство». В связи с этим переводчик вводит слово, в котором одновременно реализуются основное (голый, лишенный листьев, коры) и переносное (лишенный ч-л; обобранный) значения.
И слава Богу (с. 13)	Et loué soit Dieu (p. 20)	Присказка, завершающая почти все размышления главного героя. Может переводиться и готовым современным соответствием, однако переводчик воспользовался архаизированной, нетипичной для современного французского конструкцией.
Опростоволосились (с. 17)	Ont gaffé (p. 25)	Разговорный архаизм передан современным разговорным выражением «допустить промах, оплошность».
Едем цугом (с. 18)	Nous roulons en tandem (p. 26)	Архаизм «цугом» означает «запряжку лошадей гуськом» [2]. Переводчик умело использует основное устаревшее соответствующее значение слова «tandem». Правда, в данном контексте речь идет об автомобилях.
Ухватист и оборотист (с. 21)	Il a un tempérament fougueux et roublard (p. 30)	Краткие формы прилагательных, типичные для народного языка, передать невозможно из-за грамматических особенностей сопоставляемых языков. Однако и в лексическом плане переводчик прибегает к дополнению, не фигурирующему в оригинале: «ухватистый» означает «ловкий, быстрый», а передается словом со значением «пылкий, необузданный»; несколько ближе по значению перевод второго прилагательного как «хитрый, пронырливый».
Зубодробительный (с. 22)	D'une violence à briser menu les dents (p. 31)	Яркое составное существительное, структура которого возможна лишь благодаря синтетическому типу русского языка. Передается сложным комплексом с инфинитивной конструкцией в качестве определения.

Калики переходные (с. 24)	Tels les invalides cheminant sur une route (p. 33)	Данное словосочетание в русском народном эпосе означает «бродячие слепые певцы» [2]. Вероятно из-за неправильной идентификации первого слова (вместо «калики» «калеки») переводчик совершил ошибку, передав его словом со значением «увечный». Неоправданным выглядит и усложненная конструкция «cheminant sur une route» (бредущие по дороге), поскольку имеется более краткий эквивалент всему словосочетанию.
Рванула шутиха – и нет двери (с. 25)	Le pétard éclate et la porte n'est plus qu'un souvenir (p. 34)	Невозможность сохранения непрямого порядка слов (очень типичного для подобного сказового стиля речи) в обеих частях фразы компенсируется лексическим дополнением «и вот дверь всего лишь воспоминание».
Взвизгнуло пламя синее, яростное, уперлось в дверь тонкой спицею – и рухнула прорезь в двери (с. 25)	Une flamme bleue en glapit, furieuse, elle pénètre dans la porte comme une aiguille très fine : une ouverture est découpée, un morceau s'effondre par terre (p. 34)	Рематическая позиция (к концу предложений) русских подлежащих компенсируется неопределенным артиклем и репризой подлежащего местоимением (flamme..., elle...).
Никак ход тайный в доме имеется (с. 26)	Il n'y a pas de passage secret dans la maison (p. 35)	Неправильная передача значения русской фразы, которая подразумевает «Вероятно, в доме есть тайный ход». В переводе мы видим утверждение «В доме нет тайного хода». По всей видимости, переводчиком было неправильно интерпретировано архаизированное значение слова «никак».
Он... вырастит [малышню] честными гражданами великой страны (с. 28)	Il la fera élever par d'honnêtes citoyens de notre Grande Patrie (p. 37)	Неправильная передача значения русской фразы, которая подразумевает «Эти малыши вырастут и с его помощью станут честными гражданами...». В переводе мы видим каузативную конструкцию «faire élever», сопровождаемую предлогом «par», что передает значение «Малышню вырастят честные граждане нашей ... страны». Вероятно, переводчик неверно интерпретировал значение творительного падежа.
Вытяжки заковыристые (с. 28)	Des extraits de produits énigmatiques (p. 37)	Современное слово «вытяжки» значит в контексте кухонной техники «аппарат для выведения дыма и запахов при готовке». Т. е. данное словосочетание значит «непростые, диковинные аппараты...». Переводчик же неверно интерпретировал слово, взяв за основу другое его значение «вытяжки из продуктов», что в итоге дало «вытяжки из загадочных продуктов».
Охальник (с. 32)	Espèce de malotru (p. 42)	Архаизм, обозначающий «нахал, озорник» [2]. Компенсирован с помощью малоупотребительного слова со значением «грубиян, хам».

Несомненно, как мы видим, во многих случаях переводчику не удастся в одном и том же предложении подобрать в переводе либо подходящую архаизированную лексику, либо применить маркированную структуру фразы. Поэтому он прибегает к приему позиционной компенсации: для сохранения общей окрашенности языка он внедряет маркированные обороты там, где в оригинале это не выражено.

Оригинал «День опричника», Вл. Сорокин (ссылки на страницы оригинала)	Перевод «Journée d'un opritchnik», Bernard Kreise (ссылки на страницы текста перевода)	Комментарии
Постель (с. 6)	Couche (p. 13)	Переводное слово имеет возвышенную стилистическую окраску «ложе, постель».
Юбки (с. 9)	Cottes (p. 15)	Переводное слово – архаизм со значением «крестьянская юбка».
Бабы (с. 9)	La gent féminine (p.16)	Разговорное русское слово передано архаизмом (gent) со значением «народ, порода» и прилагательным «женский».
Лоно нерожавшей златошвейки (с. 9)	Le giron d'une brodeuse d'or bréhaigne (p.16)	Литературный архаизм «лоно» передан соответствующим стилистическим эквивалентом, а немаркированное слово «нерожавшая» – французским литературным архаизмом «стерильная» (только применительно к женщинам).
Бритва (с. 10)	Coupe-chou (p.16)	Передано разговорным устаревшим словом с тем же значением.
Командую (с. 24)	Je donne une sommation (p. 33)	Введено словосочетание, где «sommation» является стилистически маркированным словом со значением «предупреждение, приказание».
Нам не жалко (с. 24)	Peu nous chaut (p. 34)	Конструкция с применением 3 лица ед.ч. малоупотребительного глагола «chaloir», значащая «нам безразлично».

Таким образом, можно отметить, что переводчику в целом удалось где-то напрямую, где-то компенсаторно сохранить яркий стилизованный язык автора и образность произведения. Однако неправильная интерпретация некоторых значений стала причиной присутствия не соответствующих оригиналу образов.

Литература

1. Сорокин В. День опричника: роман. – М.: «Захаров», 2008.
2. Словарь русского языка / Сост. Ожегов С.И. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1953.
3. Sorokine V. Journée d'un opritchnik / traduit du russe par B. Kreise. – France: Editions de l'Olivier, 2008.

© С.А. Викторова

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
Ярославль, Россия

«ЗАДОР НЕСООБРАЗНОСТЕЙ» РУССКОЙ ЛИРИКИ РУБЕЖА XIX – XX ВВ.

Публичные декламации К. Фофанова нередко вызывали дружный смех. И. Северянин мелодекламацией своих поэм вводил в транс поклонниц и вызывал едкую иронию литературных критиков. Словотворчество этих поэтов порождало множество пародийных откликов.

И. Северянин понимал и воспринимал пародийность художественной природы образов К. Фофанова. Томик его стихотворений пестрел вычурными, à la Бенедиктов, тропами типа:

- грусть, давящая грудь, как мстительная фея;
- бледный призрак прошлых лет;
- воспоминанье, как счастье позднее измученной души;
- утраты, неясные, как сны...
- Ты будешь безмолвна, как сумрак темниц, я буду, как буря, мятежен;
- Дух певца, мятежный и кипучий, являет радугу восторженных созвучий;
- пройдя сквозь пламенный страстей;

*Пропев неряшливые строки,
Где упоителен шаблон,
Поймете сумерек намеки
И все, чем так чарует он...*

(«Поэза о Фофанове»)

О *неряшливых* строках Фофанова много писали. Но современная Фофанову критика не могла понять очарования главного, что открылось только Северянину, – *упоительности шаблона*.

Примеры *упоительного шаблона*, использованные Фофановым, бесконечны:

- лик *натупренной красы*...
- *Купидон лукаво щурится в мечтательной тоске*...
- *ночь осенняя, как грешница, рыдала*...

Подобные строки можно было, разумеется, обнаружить не только в стихах Константина Фофанова (ср.: *алая лента на грешной невесте; серебрающиеся ароматы...; олеандры на льду*...).

Эту подробную и богатую коллекцию собрал Иннокентий Анненский, описав ее типологические признаки в своей статье «О современном лиризме». По сути, эта его статья (где приведено множество иных – не из Фофанова – примеров), написанная в 1909 году, почти полностью посвящена новым для критика и поэта проблемам: что есть пародия? И что отделяет подлинное стихотворение от скрытой или таящейся в нем пародийности?

Исследуя не только крупные и значительные процессы в современной поэзии, но и малозначимые, на первый взгляд, или вообще, пародийные, Анненский во многом

предвосхитил новый подход к проблемам поэтики, который найдет свое развитие в критике и литературоведческих работах 20-х годов, прежде всего, в статьях Ю. Тынянова (например, «Промежуток» 1924 года).

Что жизнеспособно в лирике и что не имеет будущего? Почему строки, которые находятся почти вне литературы, получают «обаяние пережитости»? Разумеется, только «время смягчает задор этих несообразностей», – приходит к выводу Анненский. Можно оспорить Анненского, сказав, что время усиливает и заостряет комизм подобных нелепостей. Однако, критик нашел великолепную формулировку, найдя для этих, пока еще непривычных для него явлений в современном лиризме, специальный термин – «задор несообразностей».

И. Анненский останавливается «на пороге пародии», пытаясь найти истоки новой для него поэзии. И он находит ее «первого глашатая» – Владимира Соловьева, одного из первых русских философов-символистов, проникновенного лирика и одновременно – автора шуточных и сатирических стихотворений, блистательных эпиграмм. Молодое поколение 90-х годов восторгалось пародией Соловьева на декадентскую поэзию и знало ее наизусть.

Комизм несоответствий был блистательно разыгран Владимиром Соловьевым в стихотворении «*На небесах горят паникадила...*». Однако не Соловьеву, и тем паче, не Фофанову в истории литературы суждено было стать предтечами и первыми глашатаями «задора несообразностей».

«Задор несообразностей» Фофанова восходит к лирике Владимира Бенедиктова, представителя «низового и вульгарного романтизма», по определению Л. Гинзбург [4. С. 62]. В этом же ряду следует назвать имена графа Хвостова, Ивана Мятлева, Козьму Пруткова, рожденного коллективной фантазией трех поэтов, и некоторых других фигур последней трети XIX века.

Именно в связи с Бенедиктовым Лидия Гинзбург вводит широко известное ныне (главным образом, в сфере исследований творчества обэриутов) определение «галантерейного языка». «В галантерейном языке смешивались слова, заимствованные из различных пластов речи: светского обихода, из понаслышке усвоенной литературы (в основном романтической), со словами профессиональных диалектов приказчиков, парикмахеров, писарей, вообще мелкого чиновничества и армейского офицерства» [4. С. 384].

Современники упрекали Бенедиктова в безвкусице и пустоте, в том, что он профанирует поэзию, гремя литаврами и бубнами, что ему свойственна вульгаризация красоты, изобилие сравнений типа «змеисто взброшенные руки». Бенедиктову принадлежит множество неологизмов, которые вполне могли быть изобретены в «эпоху Фофанова»: корабль – *белопарусный алтарь*, колесница небес – *безотъездная*, женщина – *души моей поэма*... Бенедиктов называл себя «ремесленник во славу красоты...». Но он считал грехом – «В русском слове чужеречить, / Рвать родной язык, увечить».

Осознанными или неосознанными были его «нелепицы» и поэтическое озорство? Л. Гинзбург настаивала на том, что «у Бенедиктова стилистическая какофония – результат путаницы ценностных представлений – была неосознанной, простодушно серьезной», а у поэтов иных поколений (в частности, у обэриутов) – она «сознательная, умышленная и потому комическая» [4. С. 385]. «Его (Бенедиктова) какофония – неумышленна, как у графоманов», – вторит вслед за Л. Гинзбург В. Шубинский [9. С. 134]. Григорий Кружков, автор статьи о мастерстве Бенедиктова-переводчика, утверждает обратное: проблема автопародийности Бенедиктова, вокруг которой роится так много читательских недоумений, недоразумений, а точнее, недопонимания, требует серьезного исследования. «Говорить о "незапланированном комизме" у Бенедиктова нет, по-моему, никаких оснований: он хорошо знал, что делает, и обладал достаточным арсеналом приемов, чтобы делать именно то, что хочет» [6. С. 48].

В статье Л. Гинзбург «Николай Олейников» есть такая запись: «Ахматова говорит, что Олейников пишет как капитан Лебядкин, который, впрочем, писал прекрасные стихи. Вкус А.А. имеет пределом Мандельштама, Пастернака. Обэриуты уже за пределом. Она думает, что Олейников – шутка, что вообще так шутят» [3. С. 380].

Стоит вспомнить, что с Лебядкиным сравнивали и стихи Н. Заболоцкого (см., например, воспоминания П. Антокольского). Характерна реакция поэта: «Я думал об этом... Но мои стихи – не пародия, это мое зрение. Более того, это мой Петербург – Ленинград нашего поколения».

«Граф Хвостов был графоманом, – замечает литературовед И.О. Шайтанов. – Самым главным графоманом, *живой аллегорией* графомана – пока не явился вполне литературный капитан Лебядкин». Говоря о «феномене Лебядкина», И. Шайтанов отмечает, что секрет лебядкинского творчества находится *на грани графомании и пародии*. В текстах такого типа «речевая непреднамеренность ценится выше организующего и рефлектирующего мастерства» [8. С. 50].

Феномен Лебядкина еще расплывчато определяется отдельными исследователями. Так, А. Жолковский [5. С. 37] и И. Булкина относят Лебядкина исключительно к графоманам, исключительно к явлениям массовой культуры и т. д. Если бы это было так, все было бы значительно проще. Однако «Лебядкин» – не столько явление графомании, сколько ироническая авторская рефлексия графомании, имеющая самостоятельное эстетическое достоинство и звучание, его стихи существуют в сознании читателя конца XX – начала XXI века так же самостоятельно и находятся *на грани пародии и серьеза*. Этой игрой колебаний смыслов, зыбкого баланса между культурой и псевдокультурой, и привлекателен стиль «Лебядкин», прежде всего, своими игровыми контаминациями – трансформациями и масками высокой культуры, причем, трансформациями весьма успешными.

Феномен Игоря Северянина первым сравнил с явлением капитана Лебядкина Александр Блок, легко узнавший стиль стихотворчества этого романного героя. Пародийность романтической эстетики – в сочетании с сюрреалистической фантазией и элементами провинциальной графомании.

И, в самом деле, интонация, манера, образный строй стихотворных экстазов Лебядкина – *И порхает звезда на коне / В хороводе других амазонок* – сложно отличить от знаменитых строк Северянина:

Я приказал немедля подать кабриолет

И сел на сером клене в атласный интервал...

(«Фиолетовый транс»)

Блок пытался разгадать не столько причины успеха Северянина, сколько открыть секреты и загадки его творчества, возможности новых скрещений поэтического языка.

Есть даже свидетельства о том, что Блок задумывал написать статью «Игорь Северянин и капитан Лебядкин». «Ведь стихи капитана Лебядкина очень хорошие», – комментировал поэт [7. С. 4].

Перечень лебядкинских *несообразностей* без имени Блока заведомо неполон. Стихи Блока из «Пузырей земли», «Нечаянной радости» и, главным образом, «Страшного мира» («пригвожденный к трактирной стойке», или с отвращением взирающий на «штоф полинялых диванов», призывающий: «Так вонзай же, мой ангел вчерашний, в сердце острый французский каблук!») – пребывают уже на грани пародии, как и, например, «пьяницы с глазами кроликов», кричащие по латыни (!) – безусловно, это школа Лебядкина).

Иннокентий Анненский видел эти «кричащие» несоответствия в блоковской «Незнакомке»: «...Крендель, уже классический, котелки, уключины... диск кривится, пьяницы с глазами кроликов...»

И как все это безвкусно – как все нелепо, просто до фантастичности – латинские слова зачем-то... *Шлагбаумы и дамы* – до дерзости некрасиво. А между тем так ведь именно нужно, чтобы вы почувствовали приближение божества.

О, читайте, сколько хотите раз блоковскую «Незнакомку», но если вы сколько-нибудь Петербуржец, у вас не может не занять всякий раз сладко сердце, когда Прекрасная Дама рассеет и ответит от вас, наконец, весь этот теперь уже точно *тлетворный дух*. И мигом все эти нелепые выкрутасы точно преображаются. На минуту, но... <этот мир> становится для всех единственно ценным и прекрасным, из-за чего стоит жить. Грудь расширяется, хочется дышать свободно, говорить: *Дыша духами и туманами...*» [1. С. 255].

Современный эссеист Алексей Пурин считает, что к 1921 году в русской поэзии умерла сама возможность не-карикатурного существования лирического героя. Однако крушение традиционного лирического героя произошло намного раньше.

Лидия Гинзбург называет явления, о которых мы говорим, «махровым цветением поэтической глупости», или «высоким идиотизмом»: «Вероятно, каждое направление имеет свою глупость, которой свойственны смелость и последовательность чрезвычайные; ей же иногда доступны откровения и вершины, запретные для разумного существа... Крученых... был махровым цветением футуристической глупости. У символистов был свой высокий идиотизм, который по временам так страшно отражается в маске Блока и в его дневниках. Прекрасной махровой глупостью цвели Бенедиктов, Полонский, Фофанов» [3. С. 164].

«Двойное бытие» художников Серебряного века диктовало еще одну особенность мировосприятия. Двоемирие предполагает, что один из двух миров оказывается неподлинным, а значит, в воображении автора предстает чаще всего в окарикатуренном, пародийном облике. Сочетание же пародии и «серьеза» – своеобразная попытка оградить автора от поджидающих его опасностей: пародия не позволяет идентифицировать автора с высказыванием, а следовательно, должна вывести автора из-под критических стрел (однако в истории русской литературы чаще случалось обратное: происходило намеренное и ненамеренное, умышленное и неумышленное смешение автора и его героя).

Литература

1. Анненский И. Книги отражений. Литературные памятники. – М.: Наука, 1979.
2. Гинзбург Л.Я. Записи 1920-1980-х годов // Человек за письменным столом. – Л., 1992.
3. Гинзбург Л.Я. Николай Олейников // Человек за письменным столом. – Л., 1992.
4. Гинзбург Л.Я. О лирике. – М., 1974.
5. Жолковский А. Графоманство как прием (Лебядкин, Хлебников, Лимонов и другие) // Жолковский А. Блуждающие сны и другие работы. – М.: Наука, 1994.
6. Кружков Г. Бенедиктов на фоне волн и холмов // Арион. – 1997. – № 3. – С. 44-56.
7. Кустов О. Паладины. И.В. Северянин. Экзистенциальное эссе. -- http://koi.www.vladivostok.com/speaking_in_tongues/kustov.paladins4.
8. Шайтанов И.О. Графоман, брат эпигона // Арион. – 1998. – №4. – С. 44-58.
9. Шубинский Валерий «Прекрасная махровая глупость». (Лидия Гинзбург, обзриуты и Бенедиктов) // Новое литературное обозрение. – 2001. – № 49. – С. 134-143.

© О.А. Малетина, Р.А. Чернявская

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРОЯВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «ВРАЛЬ» ИЛИ «LIAR» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Ложь в общественной жизни (политика, бизнес, быт) во многом определяет не только поступки отдельных личностей, но и значительно влияет на характер общественных отношений. Проблемой изучения лжи в разных социальных и возрастных группах занимаются психологи и социологи всего мира [Paul Ekman, *Telling lies* (1985); Paul Ekman, *Why kids lie* (1991); Charles Ford, *Lies! Lies! Lies!: The Psychology of Deceit* (1996); Aldert Vrij, *Detecting Lies and Deceit: The Psychology of Lying and the Implications for Professional Practice* (2000); Eric Alterman, *When Presidents Lie* (2004)].

Лингвистическая способность утаивать информацию, обманывать, напускать туман, выдумывать, искажать факты является необходимой для сохранения равновесия человеческого сознания и равновесия в человеческом обществе. Ложь тесно связана с психологическими и социальными проблемами манипулирования сознанием и с проблемами массового общественного сознания (http://vladimir.socio.msu.ru/1_KM/theme_11.htm).

Рассмотрим определение, которое дается в толковом словаре английского языка:

1) *lie* – a type of deception in the form of an untruthful statement, especially with the intention to deceive others, often with the further intention to maintain a secret or reputation, protect someone's feelings or to avoid a punishment.

2) *to lie* – to state something that one knows to be false or that one has not reasonably ascertained to be true with the intention that it be taken for the truth by oneself or someone else.

3) *liar* – a person who is lying, who has previously lied, or who tends by nature to lie repeatedly.

Правду и неправду трудно дифференцировать, так как сложно понять, какой смысл человек вкладывает в свое слово, а другие – в понимание этого слова. Ложь – это несоответствие истине, реальности, то есть несоответствие между значением и интерпретацией; умышленное утаивание и умышленная фабрикация путем передачи фактической и эмоциональной информации с целью создания (или удержания) в другом человеке убеждения, которое сам передающий считает противным истине. Слово «ложь» имеет ряд синонимов:

1) *обман* – один из способов достижения цели, так как желаемое не может быть получено другим путем;

2) *неправда* – высказывание, которое основано изначально на личном заблуждении говорящего (<http://www.vapp.ru/docs/manipul/part5/>).

Лингвокультурный типаж «враль» – это объединение различных характеристик вербального и невербального поведения представителя определенной этносоциальной группы, которое ориентировано и направлено на обман окружающих. Рассмотрим подробнее, что включают в себя вербальные и невербальные характеристики.

1. Слова.

Лжеца, как правило, выдают неосторожные высказывания, поскольку даже опытного лжеца может подвести «языковая оговорка» (термин З. Фрейда), то есть это то, чего не хотелось сказать, но было сказано (<http://ru.wikipedia.org>). Однако следует отметить, что нельзя воспринимать каждую оговорку как свидетельство обмана, так как контекст ситуации может способствовать оговоркам, и человек оговаривается случайно.

2. Голос.

Наличие пауз может свидетельствовать о том, что лжец не продумал линию поведения заранее.

3. Пластика.

Одним из признаков лжи является выставленный средний палец при разговоре либо пожимание плечами без всяких на то причин.

4. Мимические признаки.

Лицо является весьма ценным источником информации для верификатора, так как оно может лгать и говорить правду, а также делать и то и другое одновременно. Можно рассматривать брови, губы, глаза, взгляд, нос, лоб, мышцы. Когда человек испытывает стыд или вину, он отводит глаза вниз и в сторону. Еще он может часто моргать, испытывая эмоциональное возбуждение. Зрачки расширяются, дыхание может стать частым, появится румянец, бледность (http://www.koob.ru/books/social_psychology/telling_lies.zip).

Рассмотрим синонимы слова «lie»:

- **cheat** – someone who cheats; something that is dishonest or unfair;
- **deception** – the act of tricking someone by telling them something that is not true;
- **equivocation** – avoiding making a clear statement by saying something that has more than one possible meaning;
- **fabrication** – a story or piece of information that someone fabricates;
- **falsehood** – a statement that is not true;
- **fib** – a lie about something that is not important;
- **fiction** – a report, story, or explanation that is not true;
- **fraud** – the crime of obtaining money from someone by tricking them; the action of producing false documents or information in order to get what you want;
- **invention** – a story, excuse etc that is not true;
- **mendacity** – very formal lies;
- **misrepresentation** – giving a false or incorrect account or description of what someone or something is like in order to trick someone;
- **prevarication** – avoiding saying or doing something because you want to cause a delay or hide the truth;
- **swindle** – cheating someone in order to get their money;
- **trickery** – the use of tricks to get what you want;
- **untruth** – a lie.

Таким образом, ложь – это когда говорящий сообщает слушающему ложную информацию. Пример такого поведения в анализируемом произведении – Кити Фейн, неверная жена преуспевающего врача-бактериолога, наглядно демонстрирующая неудачную линию поведения:

She **gave a startled cry**.

“What’s the matter?” he asked.

Notwithstanding the darkness of the shuttered room he saw her face on a sudden **distraught with terror**.

“Someone just tried the door.”

“Well, perhaps it was the amah, or one of the boys.”

“They never come at this time. They know I always sleep after tiffin.”

“Who else could it be?”

“Walter,” *she whispered, her lips trembling* (PV, p. 3).

В приведенном примере можно отметить явные признаки лжи: мимика, вербальное выражение эмоций. Китти не умеет обманывать, и ее охватывает страх быть разоблаченной: отсюда и крик, и лицо, искаженное ужасом, и шепот дрожащих губ.

Человеку, которой не овладел искусством лжи, трудно впервые совершать это, поэтому Китти испытывает невероятное напряжение, не может собраться и адекватно реагировать на меняющиеся обстоятельства и выдает легко узнаваемые признаки обмана (to speak in whispers – it means people try to hide something; to quake, to catch someone’s breath – to be frightened that someone will learn the truth; to scream – when you are not ready to react in an adequate way because of your guilt):

They *spoke in whispers* now. She *was quaking*. It occurred to him that *in an emergency she would lose her head* and on a sudden he felt angry with her. If it wasn’t safe why the devil had she said it was? She *caught her breath* and put her hand on his arm. He followed the direction of her glance. They stood facing the windows that led out on the verandah. They were shuttered and the shutters were bolted. They saw the white china knob of the handle slowly turn. They had heard no one walk along the verandah. *It was terrifying to see* that silent motion. A minute passed and there was no sound. Then, with the ghastliness of the supernatural, *in the same stealthy, noiseless, and horrifying manner, they saw the white china knob of the handle at the other window turn also*. It was *so frightening* that Kitty, *her nerves failing her, opened her mouth to scream*; but, seeing what she was going to do, he swiftly put his hand over it and her cry was smothered in his fingers (PV, p. 4).

Героиня еще не столкнулась лицом к лицу с мужем, не была поймана, но ей уже овладела паника, поэтому она пытается успокоиться и оправдать себя, мыслить здраво и взвешивать ситуацию, обдумывая произошедшее в который раз:

She sat down again, at a desk, and resting her face in her hands *sought to think out situation*. Of course Walter might merely have thought she was sleeping: there was no reason why she should not lock herself in. *She tried to remember if* they had been talking. Certainly they had not been talking loud. And there was the hat. It was maddening of Clarlie to have left it downstairs. But it was *no use blaming him for* that, it was natural enough, and there was nothing to tell that Walter had noticed it. He was probably in a hurry and had just left the book and note on his way to some appointment: connected with his work. The strange thing was that he should have tried the door and then the two windows. If he thought she was asleep it was unlike him to disturb her. What a fool she had been! (PV, p. 14).

Проанализированные примеры показывают, что Китти Фейн не является опытной лгуньей, так как она не умеет контролировать ни своих эмоций, ни выражения лица, ни вербальной репрезентации своих мыслей. Все указанные признаки представляют собой характерные и ярко выраженные признаки лжеца. В вышеприведенных примерах поведенческие признаки обмана, заметные наблюдателю, проявляются при высоком уровне страха, что свидетельствует о том, что лжец чего-то очень боится. Боязнь разоблачения отражается на чувствах лжеца и зависит от его представлений об умении обманываемого человека распознать ложь: слабому противнику врать намного легче, чем сильному и, соответственно, наоборот.

Прирожденные или опытные лжецы знают о своих способностях и пользуются ими для достижения целей, они не чувствуют угрызения совести, и у них нет необходимости бояться разоблачения. Например, Чарли Таунсенд, неверный муж влиятельной жены, любовник Китти, умеет планировать стратегию обмана и вводить оппонента в заблуждение при личных встречах. Чарли Таунсенд говорит Китти то, что

она хочет слышать, играя ее чувствами. Когда наступает момент разоблачения для лжеца, он объясняет, что все способы хороши для достижения цели:

“Oh, my dear, it’s rather hard to take quite literally the thing a man says when he’s in love with you.”

“Didn’t you mean them?”

“At the moment” (PV, p. 81).

Итак, лингвокультурный типаж «враль» характеризуется наличием следующих признаков, которые помогают распознать обман: мимика, жесты, эмоции, дыхание, звучание голоса, вербальная репрезентация мыслей. Учитывая вышеперечисленные признаки, мы получаем картину «преступления». Следует научиться отличать ложь от правды, не принимать правду за ложь и отчетливо понимать, когда ни то, ни другое определить представляется невозможным.

Литература

1. Дмитриева О.А. Коммуникативный типаж: К определению этнокультурной специфики // Единицы языка и их функционирование. Вып. 10. – Саратов, 2004. – С. 241-244.
2. Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: определение, подходы к изучению // Вестн. Волгоград. гос. архит.-строит. акад. Сер.: Гуманит. науки. Вып. 6. – Волгоград, 2005. – С. 217-222.
3. Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: Ин-т языкознания РАН; ВГПИУ, 1992.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002.
5. Мюллер В.К. Новый Англо-Русский Словарь. – М.: Русский язык, 1995.
6. Addison Wesley Longman. Longman Dictionary of English Language and Culture. – Barselona: Cayfosa, 1998.
7. New Webster’s Dictionary. – Delhi: Surjeet Publications, 1988.

Источники

PV – Maugham S. The Painted Veil. – М.: Изд-во «Менеджер», 2000.

© Г.В. Мурзо

*Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
Ярославль, Россия*

ТЕКСТ «ЖИВОПИСНЫЙ» И «МЕТАЖИВОПИСНЫЙ»: ПОПЫТКА ОСМЫСЛЕНИЯ

Одной из самых распространенных и выдающихся способностей человека является способность создавать знаки – семантическая деятельность. При этом совершаемое человеком действие (пишет ли он картину или книгу) управляется желанием донести до другого человека глубоко личное, что может быть передано единственно возможным способом – через материальную реальность, невербальную или вербальную [7. С. 52-54].

Так, размышляя о живописи, испанский философ и публицист Хосе Ортега-и-Гассет подчеркивал путем впечатляющих сравнений, что она «не является способом существования стен и полотен, не возникает на них неожиданно, подобно потокам и плесени, не расцветает вдруг на холсте», а есть результат человеческих действий, управляемых замыслом – способ быть «человеком говорящим» [7. С. 51].

Даже в том случае, если живописец не предполагает «собеседника», который станет отыскивать следы его намерений, он не может их не оставить. А это делает картину «знаком»: мазки находятся на поверхности холста, навсегда сохраняя характер обозначения породившего их побуждения художника. Если же художник творит с осознанным стремлением сделать творение знаком своих намерений, целенаправленно добиваясь планируемого эффекта, то картина становится, условно говоря, инструментом для передачи «сообщения».

Произведение искусства, выполняя основную для него функцию эстетического воздействия, всегда о чем-то «сообщает» людям: об отражаемой им действительности; о себе в качестве предмета реального мира; об авторе, с определенной степенью очевидности реализующем свой творческий замысел через телесную, материальную форму; об изобразительно-выразительных возможностях самой формы.

Живописное «отражение действительности», – не переводная с нее картинка, а переработка впечатлений в специфично художественную реальность – образ. Предмет изображения есть именно образ. Не столько отражающую, сколько преобразующую функцию живописи выявляет в своем рассуждении В.Г. Короленко: «Художник – зеркало, но зеркало живое <...>, в живой глубине его воображения воспринятые впечатления вступают в известное взаимодействие, сочетаются в новые комбинации в соответствии с лежащей в душе художника общей концепцией мира. И вот в конце процесса зеркало дает свое отражение <...>, где мы получаем знакомые элементы действительности в новых, доселе незнакомых нам сочетаниях» [4. С. 141].

Связь феномена искусства с удвоением реальности является онтологической предпосылкой превращения мира предметов в мир знаков, или текстов, в данном случае *живописных*. Внешний, чувственно созерцательный состав живописного образа складывается из таких оптических элементов, как пространство, масса, поверхность, плоскость, цвет,

свет. Живописец создает свое произведение, не комбинируя эти элементы, а оперируя некоторыми формами, то есть комплексами изобразительно-выразительных средств и приемов воплощения художественного содержания на плоскости картины. Значение отдельных элементов определяется не самостоятельно, а исключительно в зависимости от того места, которое они занимают в наглядно созерцаемом целом [2. С. 2].

Воспринимающим должна быть принята во внимание знаково-условная природа живописного текста, содержание которого определяет художественный образ. А это значит, что не только сюжет, но все элементы художественного произведения, в том числе и самые формальные, обладают коммуникативной ценностью. Например, краски и линии картины, характер мазка не что обозначают даже в том случае, когда отсутствует какой бы то ни был сюжет. В виртуальном семиотическом характере формальных элементов заключается коммуникативная сила бессюжетной живописи [6. С. 145]. Важно, чтобы такой усложненный живописный язык (крайняя экспрессивность, композиционная игра объемов и плоскостей, абстрактность форм) не лишил зрителя возможности «говорить» с автором, внимать ему, сопереживая.

Образ, создаваемый живописцем, индивидуален – это одно из основных условий его художественности. Общую систему изображения, использованную в картине, уподобляют языку как социальному средству коммуникации, а дополнительные проявления творческого «я» того или иного художника сравнивают с индивидуальной системой выражения – идиолектом [9. С. 171]. Только общая система картины имеет коммуникативный характер в собственном смысле слова. Отсюда следует, что возможно неправильное «прочтение» картины, интерпретация ее не на том языке, на котором она написана. Существует, например, необходимость разного подхода к толкованию классического живописного полотна и творения импрессионистов. Здесь сама система вообще носит в большей степени экспрессивный, нежели коммуникативный характер [8. С. 245].

Успех коммуникации зависит не только от понимания языка, на котором «говорит» произведение искусства, способности осознавать то, с помощью чего, как и согласно каким закономерностям чувственно воспринимаемые элементы складываются в художественную систему, но и того, насколько хорошо согласуется с ее содержанием извлекаемый зрителем смысл. Полнота понимания живописного образа, степень проникновения в замысел автора сугубо индивидуальны для каждого зрителя, определяются его эстетической восприимчивостью, отсутствием стереотипа в восприятии, богатством представлений об окружающей действительности, в том числе и художественной, актуализирующей парадигматические связи произведения.

Намеренно и ненамеренно «сказанное» автором, разбуженная им культурная память произведения-текста [5. С. 21], расширяют его смысловые границы, организуют внетекстовые ассоциации зрителя (от наиболее общих до предельно личных) и обуславливают определенную свободу толкования содержания. Подобно индивиду, свойства и способности которого раскрываются по-разному, меняясь в зависимости от того, с кем он общается и в каких обстоятельствах, смысл живописного текста тоже раскрывается несколько иначе в разных культурно-исторических контекстах и в диалоге с разными «собеседниками».

Автор, чей голос «звучит» в произведении, сосуществует словно бы одновременно с теми, кому он отвечает своим «посланием» и кого заставляет задуматься, вызывая к ответу [1. С. 2] – побуждая к созданию нового живописного текста или текста вербального, содержащего впечатление от живописного, его «пересказ» или разбор. Такой вербальный текст мы называем *метаживописным*.

Разбор, или системный анализ искусствоведа, является специальным способом «прочтения» живописного текста, исследующим природу художественного наглядно

созерцаемого образа и средства его передачи на картине. Есть два пути такого «прочтения». Во-первых, можно исходить из установления и характеристики тех оптических элементов, из которых складывается художественный образ, с тем, чтобы прийти к выявлению места этих элементов в специфической структуре живописного текста, к анализу той конструктивной или вторичной роли, которую они играют в строении образа и определяют специфику искусства. Во-вторых, обратный путь: исходя из специфики искусства, из тех внутренних форм, которые лежат в основе живописного образа, воспроизвести полный анализ этого образа, вскрыть всю внутреннюю иерархию и взаимодействие заключенных в нем форм и тем самым выявить законы внешнего существования [З. С. 262].

Специалист, способный дать рациональное обоснование художественной практики, независимо от выбранного им пути анализа, подходит к живописному тексту как предмету дешифровки, пытаясь реконструировать особый язык живописных приемов, отражающий общую для направления и стиля систему передачи специфического содержания на плоскости картины и индивидуальные, свойственные конкретному живописцу, составляющие этой системы, воплощает мысли и представления, духовный опыт общения с произведением искусства в одной из жанрово-стилистических форм метаживописного текста.

Новая, вербальная, система выражения художественного образа, предложенная искусствоведом, впитывает в себя, с одной стороны, все познавательное, научное, а с другой – все эмоциональное содержание живописного текста. Наблюдения показывают, что пишущему не удастся избежать субъективности суждений, даже если он с «протокольной точностью» стремится описать номенклатуру приемов, обнаруживая следы конвенциональности в образном языке живописи, а непрменный элемент визуализации анализируемого живописного изображения придает его высказыванию черты намеренной иконичности, хотя в основе высказывания лежат не наглядные, а понятийные закономерности. Пишущий и сообщает, и делает сообщаемое явным: создает собственную модель осмысленного изображения. Каким образом сочетается точность научной оценки и чувственная достоверность оцениваемого, зависит от метода выявления взаимодействия пространственного (континуального) и словесного (дискретного) языка, а также мастерства его применения интерпретатором живописного текста.

А для воспринимающего метаживописный текст, читателя, важно, чтобы неизбежный личностный, окказиональный компонент толкования как его специфическая составляющая не помешал, а способствовал бы, будучи образцом талантливого «перевода», полноте понимания живописного полотна, учил бы внимать языку живописи, за видимым распознавать истинное, как это делает, например, художник, исследователь искусства и педагог Н.Н. Волков:

«Жемчужина Третьяковской галереи – “Портрет П.А. Стрепетовой”. Портрет приковывает зрителя своей одухотворенностью. Ассиметрично посаженные глаза, сдвинутая переносица, приоткрытый ассиметричный рот. Но да чего же все живое! Стрепетова как будто дышит. Она говорит с вами. И блики на распущенных волосах и легко и выразительно написанное пространство в диапазоне красноватых и зеленоватых оттенков живут одной жизнью. Ясные удары кисти в своей подвижности (во многих местах просвечивает фактура холста) всюду выражают одухотворенность, создают, лепят, являют внутреннюю жизнь.

Обратим внимание на движение пятен краски. Удары кисти очень определены, почти без ретуширующих смазываний, с отчетливыми границами на переломах формы. Ясная лепка выпуклого лба подчеркнута четкими прядями волос, как будто влажных, прилипших ко лбу, лежащих плотно на форме. Сильный свет переходит в легкую

модулированную по цвету полутень, которая кончается на разделе полутеней и тени заметной вертикальной границы мазка, гладко модулирующего лоб, затем идет по охристой основе тени темная плашка, и над изломом брови – мазок-рефлекс...» [2. С. 300-301].

Образец иллюстрирует вводимое нами понятие «метаживописный текст», представляя один из его многочисленных и многообразных вариантов.

Литература

1. Баткин Л.М. Леонардо да Винчи и особенности ренессансного творческого мышления. – М.: Искусство, 1990.
2. Волков Н.Н. Цвет в живописи. – М.: Искусство, 1984.
3. Габричевский А.Г. Морфология искусства. – М.: Аграф, 2002.
4. Данилова И.Е. Судьба картин в европейской живописи. – СПб.: «Искусство – СПб», 2005.
5. Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М.: «Гнозис», 1994.
6. Мукаржовский Я. Искусство как семиологический факт // Исследования по эстетике и теории искусства. – М.: Искусство, 1994.
7. Ортега-и-Гассет Х. Веласкес. Гойя. – М.: Республика, 1997.
8. Успенский Б.А. Семиотика искусства. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.
9. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб.: «Симпозиум», 2004.

© В.Б. Оболенский, © И.В. Попова

Орловский государственный университет, Орел, Россия

АФОРИСТИКА В КОНТЕКСТЕ ФРАЗЕОЛОГИИ: АФОРИЗМЫ Б.К. ЗАЙЦЕВА

Афористика как особый раздел, изучающий «краткие, глубокие по содержанию и законченные в смысловом отношении суждения, принадлежащие определенному автору и заключенные в образную, легко запоминающуюся форму» [6. С. 3], является одним из самых древних. Однако афоризмы во все времена привлекали внимание как читателей, так и литературоведов и лингвистов. Тем не менее исследователи отмечают почти полное отсутствие литературоведческих работ в недавнем прошлом. В настоящее время появляются работы и лингвистического характера [2].

Анализируя немногочисленные работы по теории афоризма, можно попытаться сформулировать основной вопрос афористики – науки будущего, основы которой закладываются уже сегодня: является ли афоризм произведением науки или искусства? Ответ на этот вопрос будет зависеть от того, какие признаки афоризма мы будем считать определяющими (основными).

Так, если в качестве основного признака афористической мысли рассматривать ее истинность, то афоризм следует отнести к продуктам научного творчества. И тогда он сближается с математическими, физическими и другими научными формулами: они столь же совершенны по форме и истинны по содержанию. Если же определяющим признаком афоризма считать оригинальность (т. е. меткую выразительность мысли, красочность суждения, парадоксальность и т. п.), то афоризм следует рассматривать по ведомству искусства.

Один из первых исследователей афористики Бальтасар Грасиан (1601 – 1685) считает, что афоризм является детищем остроумия и что главные его признаки – это мудрость, красота (в современном понимании – художественность) и краткость изложения. Здесь подчеркивается двойственность афоризма: со стороны мудрости, он принадлежит философии, а со стороны художественности (красоты) – искусству.

Вместе с тем афоризм не только двойственен по содержанию (по природе), но и со стороны формы он имеет двучленную структуру: в первой части высказывается мысль, а во второй – делается вывод из нее. Например: «Жизнь подобна «шведскому столу»: ничего нельзя унести с собой» или «Если человек умер, то самое страшное для него – позади».

Двучленная структура афоризма делает его самодостаточным, т. е. для понимания смысла афоризма нет необходимости обращаться к смежным с ним предложениям (если афоризм находится в тексте). Это значит, что специфика афоризма состоит в том, что он является результатом проявления единства языка и мышления (самодостаточным целым), которое содержит смысл в себе самом без интеграции с другими предложениями (точнее, эта интеграция присутствует в афоризме в свернутом виде: ввиду его двучленной структуры).

С этой точки зрения афоризм может быть рассмотрен как минимальный текст (микротекст), в котором можно выделить, по меньшей мере, три уровня исследования (анализа): 1) языковой уровень (это как бы словесная «ткань» или одежда афоризма, т. е. те речевые средства, которые использованы для его создания); 2) художественный уровень (это те стилистические средства и риторические тропы и фигуры, которые используются при создании афоризма: определение, парадоксальность, антитеза, параллелизм, хиазм и др.); 3) идейно-эстетический уровень (это идейное содержание афоризма, выражаемое им определенное мировоззрение). Проведенный анализ позволяет вскрыть в афоризме как тексте три уровня: научный (он исследуется языкознанием), художественный (он доказывает принадлежность афоризма к искусству) и философский (афоризм как мировоззрение) [4. С. 67].

Кроме того, в афоризме наиболее полно и конкретно проявляется единство языка и мышления или, другими словами, противоречивое единство языка и мышления находит свое адекватное выражение в афоризме. Дело в том, что В.Гумбольдт сформулировал антиномию языка и мышления. Ее сущность состоит в том, что, с одной стороны, язык есть орган мысли, без языка невозможно формирование понятий, а с другой стороны – мысль постоянно стремится освободиться от тенет языка, так как слова стесняют ее свободу. Как говорит А. Шопенгауэр, «мысль умирает, когда она облекается в слова».

Почему же мысль обретает самостоятельность (самодостаточность) и «почти вечную» жизнь в афоризме? На наш взгляд, на это есть две причины: 1) как правило, афоризм парадоксален (т.е. антиномичен) и содержит в себе более, чем один смысл (т. е. он двусмыслен или многосмыслен); 2) имея двучленную структуру, афоризм является тем самостоятельным целым, которое содержит смысл в себе самом, не нуждаясь в интеграции с другими предложениями (для выявления смысла). Такая целостность афоризма как микротекста в сочетании с «переливающимися» внутри него смыслами делает афоризм не только устойчивым и самодостаточным, но и, если он удачен, дает ему шанс на бессмертие.

Таким образом, вход в тайну афоризма состоит в осознании двучленности его структуры, а выход – в понимании двусмысленности (или многосмысленности) его содержания.

Основными проблемами в исследовании природы и особенностей афоризмов являются две.

Первая проблема – проблема вычленения афоризма из контекста, связанная с тем, что окончательно не определены формальные признаки данных единиц. Кроме того, несмотря на возрождающийся интерес и появление значительного количества новых словарей афоризмов, теоретические представления об афористике все еще не имеют четких формулировок, и даже сам термин воспринимается достаточно расплывчато. Для одних афоризм – «это глубокая поучительная мысль в краткой образной форме», для других – «парадоксальное суждение в изощренном стиле, тяготеющее прежде всего к оригинальности» [6. С. 7].

Вторая проблема заключается в неопределенности самого статуса афоризма. Афористика, по мнению Н.Т. Федоренко и Л.И. Сокольской, находится на месте «стыковки» науки и искусства, являясь как бы своеобразным звеном между ними. С художественной литературой их сближают выразительность и образность, с наукой – точность и лаконизм, свойство синтезировать мысли, устанавливать связи между явлениями [6. С. 6]. В интересном исследовании этих авторов, посвященном основным проблемам изучения афоризмов, приводятся шесть их основных, определяющих свойств-признаков. Первый признак – глубина мысли, стремящейся к истине; второй – обобщенность; третий – краткость; четвертый – законченность мысли; пятый – отточенность мысли, ее предельная четкость, точность, выразительность, доведенная до

совершенства; шестой – его художественность, достигаемая применением различных эмоциональных и стилистических средств [6. С.181-183].

Традиционное толкование объема и границ фразеологии, как правило, исключает из её состава афористику. К примеру, В.Н.Телия выделяет шесть так называемых Фразеологий: Фразеология – 1 предполагает единицы, для которых характерны идиоматичность сочетаний слов и их знаковые функции; Фразеология – 2 включает единицы, объединенные категорией связанности значения; Фразеология – 3 – клишированность речи; Фразеология – 4 представляет собой раздел лингвостилистики, исследующий характерные для того или иного направления, стиля или отдельного автора способы номинации; Фразеология – 5 включает раздел паремиологии; Фразеология – 6 рассматривается автором как прикладная область лингвистики, коллекционирующая афоризмы, сентенции или слова, воспринимаемые как «цитации», с целью создания энциклопедических словарей крылатых слов и выражений [5. С. 75]. К собственно фразеологии В.Н. Телия относит Фразеологию – 1 – 4, оставляя, таким образом, афористику за пределами фразеологических единиц.

В Предисловии к «Словарю афоризмов русских писателей» также указывается на то, что вне афористики остаются фразеологические единицы, а также пословицы и поговорки, парадоксы, каламбуры, эпиграммы и др. [3. С. VI].

Однако другие исследователи в последние годы говорят о необходимости изучения данного материала в широком контексте фразеологии, указывая на такие признаки, как наличие в структуре слов-концептов, краткость (не более трех предложений), воспроизводимость, раздельнооформленность. А.В. Королькова приводит в качестве доказательства «фразеологичности» афоризмов такие факультативные признаки, как моделируемость, субъективность, оригинальность, парадоксальность, неожиданность формулировки, наличие переносного смысла, способность к выражению универсальных истин [2. С. 5]. Нельзя не вспомнить в этой связи концепцию Н.М. Шанского, который расширяет известную структурно-семантическую классификацию В.В. Виноградова (фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания) так называемыми фразеологическими выражениями, к которым относит номинативные единицы (*детский сад*), крылатые выражения, пословицы, поговорки.

Ещё одна проблема при определении афоризма как феномена связана с его структурой. С точки зрения количества составляющих его предложений минимальным признается одно предложение.

Однако произведя анализ афористических единиц, представленных в «Словаре афоризмов русских писателей», А.В. Королькова приходит к выводу, что «афоризм чаще всего представляет собой не одно предложение, а два или три. Причем эти предложения настолько тесно связаны семантически и синтаксически, что невозможно вычленишь лишь одно, признав, что именно это афоризм. В таком случае теряется весь смысл изречения» [2. С. 22]. Автор также утверждает, что ограничить состав афоризма тремя предложениями нецелесообразно, так как возникает проблема классификации более объемных в количественном отношении изречений, которые не обладают лаконичностью, однако имеют другие признаки афоризма. Поэтому А.В.Королькова предлагает такие изречения называть афористическими высказываниями и включать в состав афористики. Афористическое высказывание обычно представляет собой сложное синтаксическое целое, может совпадать с абзацем, может включать в себя несколько абзацев, может быть и меньше абзаца [2. С. 23].

В «Словаре афоризмов русских писателей» нашли место лишь четыре высказывания русского писателя-эмигранта Б.К. Зайцева. Мы, опираясь на все вышеуказанные признаки афоризма как самостоятельной единицы, считаем, что при

предельно широком понимании объема и границ фразеологии, можно говорить о принадлежности афористики к периферии данного раздела лингвистики. Исходя из этого, мы попытались выделить некоторые высказывания Б.К. Зайцева, которые, на наш взгляд, можно отнести к афоризмам.

Для русского человека в изгнании мировая слава Родины и сознание мировой значительности духа русского имеет и еще оттенки; защиты, укрытия в одиночестве и заброшенности. Даже больше — связи, соединения.

Так что вот: блеск культуры духовной, в древности, своеобразие, блеск ее и в новое время, величие России в тысячелетнем движении, и ощущение — почти мистическое — слитности своей сыновней с отошедшими, с цепью поколений, с грандиозным целым, как бы существом.

Сквозь тысячу лет бытия на горестной земле, борьбы, трудов, войн, преступлений — немеркнувшее духовное ядро, живое сердце, — вот интуиция Родины. Чужбина, беспризорность, беды — пусть. Негеройская жизнь, обывательская, но над нею нечто.

Думается и так: те, кому дано возвратиться на Родину, не гордыню или заносчивость должны принести с собой. Любить не значит превозноситься.

Сознавать себя «помнящими родство» и наследниками не значит ненавидеть или презирать иной народ, иную культуру, иную расу. Свет Божий просторен, всем хватит места.

В имперском своем могуществе Россия объединяла — в прошлом. Должна быть терпима и не исключительна в будущем — исходя именно из всего своего духовного прошлого: от святых ее до великой ее литературы все говорили о скромности, милосердии, человеколюбии.

Истинная Россия есть страна милости, а не ненависти.

Существует целая наука духовного самовоспитания, стратегия борьбы за организованность человеческой души, за выведение ее из пестроты и суетности в строгий канон.

Аскетический подвиг — выглаживание, выпрямление души к единой вертикали. В таком облике она легчайше и любовнейше соединяется с Первоначалом, ток божественного беспрепятственной бежит по ней.

Бог есть сила, дьявол — слабость. Бог — выпуклое, дьявол — вогнутое.

Можно рассуждать так: Бог тем более поддерживает, окрыляет и заступает за человека, чем больше устремлен к нему человек, любит, чтит и пламенеет, чем выше его духопроводность.

Чудо есть праздник, зажигающий будни, ответ на любовь.

Вообще в живой душе крепко сидит стремление к очищению и «направлению».

Единоборство Куликова поля вышло из размеров исторических. Создало легенду. В ней есть и несуразное. Подробности пусть отпадут, но, разумеется, миф лучше чувствует душу события, чем чиновник исторической науки.

Самая победа (на Куликовом поле – В.О., И.П.) — грандиозна, и значение ее — прежде всего моральное: доказано, что мы, мир европейский, христианский, не рабы, а сила, и самостоятельность. Народу, победившему на Куликовом поле, уже нельзя было остаться данником татарщины.

Жизнь поколения — ничто.

Взрослые не понимают природы. Они не знают весны, лета, осеннего очарования. Все это для них было, и жизнь их охвачена равнодушием.

Для ребенка природа есть просто часть собственного существования.

Пожалуй, нет ни одного выдающегося философа, писателя, поэта, творчество которых не было бы увенчано, как шпилем, афористическим суждением, выражающим суть их творчества. Афористика русских писателей, на наш взгляд, требует активного и глубокого изучения. Особенно представляется необходимым исследование афоризмов не только русских писателей XIX-XX века, но и афористики в произведениях современных писателей и публицистов.

Литература

1. Зайцев Б.К. Собрание сочинений: в 3-х тт. – М.: «ТЕРРА», 1993.
2. Королькова А.В. Русская афористика в контексте фразеологии: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Елец, 2006.
3. Королькова А.В., Ломов А.Г., Тихонов А.В. «Словарь афоризмов русских писателей». – М.: РУССКИЙ ЯЗЫК МЕДИА, 2004.
4. Оболенский В.Б. Афоризм как язык философии. – Орел: Издатель А.В. Воробьев, 2008.
5. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
6. Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. Афористика. – М.: «Наука», 1990.

© Т.А. Перминова

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

СТИЛЕВЫЕ ЧЕРТЫ В ПИСЬМАХ ЧАСТНОЙ ПЕРЕПИСКИ В XVIII ВЕКЕ И ИХ ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ

XVIII век называют «веком философии», «столетием разума и просвещения», «золотым веком немецкой литературы», «столетием письма», «переломным веком с точки зрения лингвистики», «XVIII век – век чувства» и т. д. Если сравнить его с XVII веком, то отчетливо виден контраст в характеристике этих двух важных для Германии эпох. XVII век – период надлома феодализма, время кризиса, перехода, начало длительного периода Нового времени, и это относительно автономная, самостоятельная историко-литературная эпоха, век Противоречия.

Но в XVII веке происходит быстрое развитие науки, которое явилось следствием возникновения и развития мануфактур разного направления. Человек научился добывать полезные ископаемые, делать станки, производить всевозможные изделия. Открытия в астрономии, физике, физиологии, математике утвердили человека во мнении его лидирующего положения в окружающей среде. Научные исследования человека в разных областях науки вызвали интерес – познать себя. Он поставил себя в центр Вселенной, появилось стремление описать все накопленное человечеством знание.

Ведущую роль в Германии в XVIII веке, как и во всех государствах Западной Европы, начинает играть буржуазия. Это – третий класс (наряду с духовенством и дворянством), появление которого было стимулировано новым этапом в развитии человечества. Буржуазия обладала капиталами, профессиональными и научными знаниями, не довольствовалась своим положением в обществе и видела ограниченность культуры общества.

Буржуазные идеологи выработали принципы нового общества и указали направление, в котором оно должно развиваться. Их идеология получила название Просвещения. Ведущими для философии Просвещения были три положения: 1) понимание разума как результата божественной деятельности, 2) ограничение роли теологии сферой церкви, 3) утверждение ведущей роли философии. Общее настроение немецкого Просвещения – мирить веру со знанием, а не отрицать, реформировать существующие порядки, а не ниспровергать их революционным путем.

Просвещение в Германии связано, прежде всего, с философией, развитием немецкой литературы и погружением во внутреннюю духовную жизнь. В создании просветительской культурной традиции трудно переоценить роль языковых обществ, работу ученых-литераторов, их борьбу за немецкую литературу, за философское осмысление действительности с просветительских позиций.

Многие идеи реформаторов XVI века были переосмыслены просветителями соответственно современной ситуации и сформулированы в качестве их руководящих принципов. Еще в XVI веке санкционированы наука и культура на родном языке для широких масс и были провозглашены духовные установки общечеловеческого значения. «Идеология повседневности» реформаторов определила тип человека в XVIII веке [4].

Революционную роль для сохранения немецкого языка сыграли церковные реформы под руководством Мартина Лютера, который провозгласил право немецкого народа общаться с Богом на родном, немецком, языке. Люди слушали в Церкви грамотно построенную немецкую речь, выстраивали свои обращения к Богу на родном языке.

Следует отметить тот факт, что многие известные представители Просвещения были из протестантских семей, например Г.В. Лейбниц, Г.Э. Лессинг, Ф.Г. Клопшток, К.М. Виланд, И.К. Готтшед, И.В. Гете, Ф. Шиллер, В. Гумбольдт, И.И. Винкельман, Х. Томазий, Х. Вольф и другие.

Особенностью немецкого Просвещения стало создание единого немецкого языка. Идея светлого будущего у просветителей (ср. фр. *Siècle des Lumières*, нем. *Zeit der Aufklärung*, англ. *Age of Enlightenment*) была связана со значением языка, общения и диалога.

У лингвистов появился интерес к языку как средству повседневного общения разных слоев населения.

Работы И.-К. Аделунга (например: “*Über den deutschen Stil*”, 1785, “*Versuch eines vollständigen grammatisch-kritischen Wörterbuchs der hochdeutschen Mundart*”, 1774–1776) знаменуют появление стилистики как научной дисциплины. Аделунг обосновывает функциональную точку зрения на языковые стили, группирующиеся в зависимости от цели высказывания. Он выделяет три основных стилистических уровня – высокий, нейтральный и сниженный, фамильярный, и соотносит их с письменной и устной формами языка. Для письменных форм литературного языка выделяется в системе помет Аделунга высший стилистический уровень поэтического языка (*dichterische Schreibart; bei den Dichtern*). Высокий стиль (*von edlerem Gebrauche*) противопоставлен нейтральному стилю (*von allgemeinerem Gebrauche*) и бытовому, сниженному (*im gemeinen Leben*).

Высокий стилистический уровень выделяется также и для устной литературной формы языка: *in der gezierten Sprechart* или (*in der*) *höheren Mundart* (где *Mundart* – «язык, речь»). Устный язык имеет нейтральный вариант: *in der anständigeren Sprechart, in anständigen Ausdrücken*. Несколько более сниженный в стилистическом отношении слой устного языка обозначается как *gewöhnliche Sprechart*, а фамильярный – как *vertrauliche Sprechart*. Затем следуют богато представленные в системе помет сниженные бытовые формы устного языка, где уже подключаются соответствующие социальные характеристики. Таким образом, Аделунг фактически фиксирует в словаре переходы от собственно литературных форм устного языка к стилистически сниженным формам устной бытовой обиходной речи, еще не имеющим у него общего названия (термин *Umgangssprache* появляется только в начале XIX века) [1. С. 252].

Аделунг, уроженец Померании, опирался на верхнесаксонский вариант немецкого языка как на образец. Он первым указал на то, что верхнесаксонский является результатом сложных процессов смещения разнодиалектных элементов.

Чрезвычайно интересным для языковеда является возможность проследить употребление немецкого языка в важном для Германии периоде Просвещения определенным носителем. Богатый материал для такого исследования представляют многочисленные письма, написанные в XVIII веке конкретными людьми, людьми разных сословий, систематизированные, многие снабженные текстологическим анализом.

В «письме», как ни в одном другом виде текста, отражается язык со стилевыми особенностями личности конкретного временного периода; язык, позволяющий говорить о чертах характера его носителя, об отношении отправителя к его получателю, об интерпретации отправителем письма политической, экономической, культурной, научной и социальной жизни в стране.

До сих пор письма рассматривались либо как литературное наследие, либо как исторические источники. Историческое языкознание занималось только поверхностно спецификой письма. Поводом тому послужило историческое исследование видов текста, целью которого было классифицировать письмо наряду с дневником, речью, автобиографией как самостоятельный вид текста. К тому же термин «письмо» в процессе исторического развития подвергался неоднократным изменениям значения. Только в XVI веке сужается употребление слова “Brief” в связи с дифференциацией документов, и до сих пор «письмо» сложно поддается дефиниции, но под которой понимают с тех пор изложение личных событий. Именно личный характер такого вида текста, как письмо, открывает исторической лингвистике разнообразные возможности для исследования.

Письмо, являясь инструментом переписки, должно выражать эмоции пишущего, его интимный мир жизни, его потребности в коммуникативной близости. Поэтому написанные от руки письма являются богатейшим источником информации об авторе письма, об эпохе, в которую оно было написано, об языковых процессах.

Объем и характер письма зависят от тематики общения, эмоционального состояния, отношений между корреспондентами и других ситуативных переменных.

В XVIII веке отмечается осознанный подход к созданию дружеских посланий. Так, установка авторов писем проявляется в использовании языковых средств в русле европейской традиции, в отрыве от церковно-книжного языка. Культура написания письма в эпоху Просвещения в первой половине XVIII века формировалась прежде всего во Франции и Англии. Своего расцвета в Германии она достигла во второй половине XVIII столетия. В развитие культуры немецкого письма большой вклад внесли великие протестанты Г. Форстер, И.К. Готтшед, Хр. Ф. Геллерт, Г. Э. Лессинг, Ф.Г. Клопшток, К.М. Виланд, Г.А. Бюргер, Г.К. Лихтенберг, В. Гумбольдт, Ф. Шиллер и И. В. Гете.

Кроме характера отношений между коммуникантами на принадлежность дружеских писем к коммуникативному ареалу непринужденного повседневного общения указывает ориентированность их на разговорность и непринужденность, а также довольно большая свобода в композиционном и этикетном отношении. В письмах использовались обращения к адресатам и на «ты», и на «вы» (в зависимости от возраста корреспондентов, стадии их неофициальной коммуникации), строгих правил оформления данного рода корреспонденции не существовало, поэтому здесь могли не присутствовать традиционные формулы приветствия, прощания и т. п.

Дружеские письма были разнообразны по тематике, содержали мысли о литературных произведениях, о литературе вообще, об искусстве, культуре, общественных событиях и т. п. Другие послания были более интимными, отражая суть личностных отношений между адресатами, открывая душевный мир каждого из них.

Для определения места личных писем в коммуникативном и языковом континууме немцев XVIII века принято учитывать следующие признаки непринужденного повседневного общения: 1) неофициальные отношения между корреспондентами, «ощущение коммуникативного комфорта»; 2) ослабленная регулируемость речевого поведения; 3) использование для коммуникации как нормированного, кодифицированного литературного языка, так и других социальных и территориальных разновидностей языка; 4) свободный выбор языка; 5) отсутствие внешней цензуры и ослабленность автоцензуры; 6) спонтанный отбор языковых средств; 7) смешанные тексты как результат коммуникации; 8) диалогический способ организации текста.

По-видимому, это связано с всеобщей свободой в выражении мыслей, установлением межличностных отношений на новом уровне, ощущением своего собственного «Я», с огромным потоком новой информации, с пониманием необходимости своей личной мобильности для того, чтобы «вписаться» в новый ритм и

новое содержание жизни. У одних из коммуникантов это протекало неосознанно, у других – осознанно.

Частично это распространялось и на деловую переписку. Это можно объяснить тем, что люди, состоящие в деловых отношениях, были либо хорошо знакомы друг с другом, либо были друзьями.

В письме выражалась культура чувств. В XVIII веке, как указано выше, отказывались от строгих законов построения письма, которые нужно было соблюдать согласно письмовнику. Письмо должно было быть индивидуальным, написанным по правилам морали, опираясь на личный вкус пишущего, приветствовался «естественный язык сердца» (*natürliche Sprache des Herzens*). Естественность, которую пропагандировал Х.Ф. Геллерт в своем произведении «Письма, вместе с практической статьей хорошего вкуса в письмах» (“*Briefe, nebst einer praktischen Abhandlung von dem guten Geschmacke in Briefen*”, 1751), содействовала в этом порыве и была в 1783 конкретизирована Карлом Филиппом Морицом.

В письмах сохраняется живой дух автора; они никогда не устаревают и всегда представляют интерес для исследователя.

Так, в 1794 году начинается дружба и дружеская переписка Гете и Шиллера. При содействии Гете Шиллер получает должность экстраординарного профессора истории Иенского университета, что дает некоторую стабильность его жизни; хотя он не получил оклад, на который рассчитывал, и ему приходится зарабатывать чтением лекций.

Гете предложил Шиллеру подготовить выпуск журнала «Ди Хорен» (*Die Horen*), в издании которого впоследствии принимали участие известные писатели и философы того времени: И.Г. Гердер, И.Г. Фихте, А.В. Шлегель, В. Гумбольдт, А. Гумбольдт, И.Г. Фосс и Ф. Гердерлин. Журнал был предназначен для широкого круга читателей с целью их просвещения и образования, обмена идеями, способствующими обогатить науку внутренним содержанием. Журнал исключал обсуждение религии и политики.

Сближение с Гете составило, по признанию Шиллера, «целую эпоху в его развитии». В их переписке ставились важнейшие эстетические вопросы времени, подробно обсуждались произведения, над которыми они тогда работали.

Судя по письмам, Шиллер умел быть благодарным тем людям, которые сделали для него что-то.

Первое письмо Шиллера Гете с просьбой поддержать создание журнала «Ди Хорен» датировано 13 июня 1794 года и соответствует всем нормам делового письма. В обращении и заключении выражается глубочайшее уважение и почтение Гете: *Hochwohlgeborener Herr, Hochzuverehrender Herr Geheimer Rath! – Euer Hochwohlgeboren gehorsamster Diener und aufrichtigster Verehrer*. И подпись: *F. Schiller*.

Затем идет описание того, как Шиллер представляет себе действия по подготовке и выпуску журнала. Автор хочет показать собеседнику, что он продумал каждую деталь. Ему хочется предстать перед Гете достойным такого доверия. В конце он подписывается: *Friedrich Schiller, Hofrath und Professor zu Jena*. Шиллер горд занимаемой должностью.

Он пишет от лица состава редакции журнала; употребляет местоимение *wir*, существительные: *Beiliegendes Blatt enthält den Wunsch einer, Sie unbegrenzt hochschätzenden, Gesellschaft, ...; diese Unternehmung*. Но все же Шиллер подчеркивает свою ведущую роль в этом проекте: *Hier in Jena haben sich die HH. Fichte, Woltmann und von Humboldt zur Ausgabe dieser Zeitschrift mit mir vereinigt, ...* (курсив – *T. II.*).

В плане языкового оформления приложения ощущается перенасыщение текста грамматическими конструкциями. Шиллер употребляет исключительно сложносочиненные (союзные и бессоюзные) и сложноподчиненные предложения, пассив (без модальных глаголов и с модальными глаголами), инфинитивные конструкции и обороты, сложное именное сказуемое (с модальным глаголом и без модального глагола),

прилагательные и наречия в сравнительной и превосходной степени (чаще в превосходной степени, что свидетельствует о некоей восторженности личности: *Jeder Schriftsteller von Verdienst hat in der lesenden Welt seinen eigenen Kreis, und selbst der am meisten gelesene hat nur einen grösseren Kreis in derselben; ... , was den Besten gefällt, ...; die vorzüglichsten Schriftsteller der Nation ...; ... , jedem Einzelnen alle die Vortheile anzubieten, die der allerweiteste Kreis der Leser und Käufer einem Autor nur immer verschaffen kann*), фразеологизмы, Streckformen (типичные для официального стиля), предложные конструкции, конъюнктив и кондиционалис (курсив – Т.П.). Но особенно бросается в глаза употребление родительного падежа в функции определения, его синонима предложной конструкции с предлогом von, придаточных определительных, придаточных с относительными местоимениями, инфинитивных конструкций в функции определения. С одной стороны, такое стремление к предельно ясному описанию можно расценить как продуманность выпуска журнала во всех мелочах, с другой – как черту характера Шиллера – боязнь быть непонятым.

Шиллер, по-видимому, это осознает, так как в конце приложения делает приписку: *Dass von dieser Anzeige kein öffentlicher Gebrauch zu machen sei, wird kaum nötig sein zu erinnern.*

Одно письмо, но как много оно говорит современному читателю. Перед нами предстает Шиллер как официальное лицо и человек. Это – знающий, целеустремленный, думающий о судьбе отечества, относящий себя к передовой части населения Германии, сложный с психологической точки зрения человек.

Спустя десять дней Гете пишет Шиллеру ответ на его приглашение поддержать выпуск журнала, первый номер которого планируется на начало 1795 года. Он, стараясь частично соответствовать официальному письму Шиллера, сдержанно благодарит его за приглашение и дает свое согласие. Письмо краткое, лаконичное, выдержанное в спокойном тоне, чувствуется его доброжелательное отношение к Шиллеру и желание ему помочь и поддерживать с ним дружеские отношения. Его письмо соответствует скорее ответной реакции на заданную тему собеседника по диалогу. Использование местоимения *ich* и близких к разговорной речи предложений (например, *Sollte unter meinen ungedruckten Sachen sich etwas finden das zu einer solchen Sammlung zweckmässig ware, so theile ich es gerne mit; gewiss aber wird eine nähere Verbindung mit so wackern Männern, als die Unternehmer sind, manches, das bei mir ins Stocken gerathen ist, wieder in einen lebhaften Gang bringen*), отсутствие в начале письма обращения и в конце письма скромная подпись: *Goethe* располагают к беседе.

Читая письма первого года переписки Гете и Шиллера, замечаешь изменения в содержании, форме и языке писем. Прежде всего это касается писем Шиллера: со временем нет в письмах открытого выражения восторга и поклонения, с 23 августа 1794 года отсутствует обращение в письмах и отмечается упрощение в подписи: *Friedrich Schiller, Hofrath und Professor zu Jena; Ihr gehorsamster Diener F. Schiller; der Ihrige Schiller; Fr. Schiller; Schiller.*

Гете в 1794 году ставил в конце письма вместо подписи часто букву *G. Sch.* в письмах Шиллера встречается с 1795 года. Оба великих человека не обращали внимание на знаки препинания.

Переписка Гете и Шиллера представляет развитие диалога, длиною в 12 лет, где отражаются их мельчайшие движения мысли и души, особенности их характера на фоне жизни Германии XVIII века.

Литература

1. Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В. Очерки по истории лингвистики. – М., 1975.
2. Гиндин С.И. Биография в структуре писем и эпистолярного поведения // Язык и личность. – М.: Наука, 1989.
3. Гухман М.М., Семенюк Н.Н., Бабенко Н.С. История немецкого литературного языка XVI – XVIII вв. – М.: Наука, 1983.
4. Кокоулин В.Г. Германия в XVI веке: история, культура, общественная мысль. – Новосибирск: НГУ, 2008.

© Э.С. Балан, Н.Н. Иванов

*Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
Ярославль, Россия*

МИФОПОЭТИЧЕСКАЯ «ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА» СОЧИНЕНИЙ МИХАИЛА ПРИШВИНА: ОСОБЕННОСТИ СЛОВОТВОРЧЕСТВА

Многие художественные открытия в прозе Михаила Пришвина состоялись, благодаря редкостному дару его словотворчества. Последнее, однако, было порождено философскими поисками – смыслотворчеством. Рассмотрим уникальность художественного языка Пришвина с позиций «внутренней формы», как принято понимать ее после А.А. Потебни и Г.Г. Шпета, и введенного нами концепта «мифологический текст».

Концепт «мифологический текст» мы обосновали возможностью сблизить с мифом ряд художественных текстов по структуре, образности, функциям и восприятию читателем. Такое типологическое объединение дает основание говорить о новой, широко мыслимой разновидности текста. И эта не формальная операция вскрывает те существенные свойства художественной литературы, которые описать в методологии и категориях лингвистической теории текста (текст – речевой материал, речевое произведение) невозможно. Природа проявленной в тексте речи – психофизиологическая, текстовая деятельность – разновидность речевой. Но речь, признают лингвисты (В.В. Виноградов, Ф.М. Березин, Б.Н. Головин), не главная сторона художественного текста. В нашем случае мифологический текст – надлингвистическое художественно-типологическое единство, обусловленное мифопоэтическими факторами актуализации смысла художественных произведений. Художественный текст в его мифопоэтической парадигме – это и есть текст мифологический. Интерпретируя прозу Пришвина с позиций мифопоэтики, вычленив в структуре его сочинений мифологические архетипы, мотивы, символику, мы вошли в тонкие духовные сферы, в сознательный, подсознательный, сверхсознательный опыт писателя. Мифопоэтика пришвинского письма активизировала читательские «образные представления» (А.А. Потебня).

Пришвин называл свое творчество «сказкотворчеством», указывал на близость своих сочинений мифу. Он неустанно «охотился за словом», искал ритм и форму, чтобы выразить «вкус мира», связать личность и «существо мировое», потрясенных внутренними противоречиями людей со «всей славой земли». «Нужно привыкнуть слышать такое слово из затаенной глубины человеческой личности»; «в себе самом находится родник неиссякаемых слов, созвучных с другими людьми» [2. Т. 4. С. 314]. Чтобы слово «дало удовлетворение творцу его, это слово должно быть пророческим и никак не служить только забавой и развлечением – такие слова мы ждем от искусства» [4. №1. С. 74]. Пришвин невольно совпадал с А.Н. Афанасьевым, обозначавшим роль слова для славян-язычников: выражать «духовные стремления человека», быть хранилищем «наблюдений и познаний о силах обоготворенной природы». Его понимание слова родственно видению А.Ф. Лосевым сущности мифа, слова, имени: «Миф есть само бытие, сама реальность, сама конкретность бытия»; «миф есть в словах данная

личностная история» [1. С. 21]; «миф есть сама жизнь» [1. С. 21]. Думаем, правомерно говорить о художественной «язычески-мифологической» доминанте в системе изобразительно-выразительных средств Пришвина. «Механизм» внутренней формы прозы Пришвина – мифопоэтический. При внешней как бы незатейливости его письмо очень емкое и плотное, с глубоким подтекстом, мифологическими проекциями, скрытыми цитатами, аллюзиями, утаенным смыслом между строк, развитыми звукописью и цветописью. И это далеко не все. Пришвин придумал, как он их назвал, – «личные образы-символы». Например, камень-правда, корень жизни, древо жизни, лес, капля воды, Китеж и другие.

Фольклорные, мифологические символы, понятия, образы писатель выстраивал так, что, дополняя друг друга, они формировали единое смысловое пространство, позволяли утвердить в качестве желаемого образца гармонию человека и природы, в качестве главных устремлений – жажду света и солнца; прославить земную красоту, радость и любовь, выразить разные светлые импульсы. Вот, например, символ Мирового дерева, «древа жизни». В славянской мифологии и фольклоре это священный «центр мироздания» [6. С. 159]. Так и Пришвин нередко уподоблял дерево храму. «Первые лучи солнца <...> осветили Звонкую борину, и могучие стволы соснового бора стали как зажженные свечи великого храма природы. Оттуда сюда, к этому плоскому камню, где сели отдохнуть дети, слабо долетело пение птиц, посвященное восходу великого солнца» [2. Т. 5. С. 16]. В славянском язычестве Солнце – символ верховного божества, природа – храм, рощи – священные. Мифологически сакрализовав пространство, писатель как бы заново открыл законы вселенского творчества, оживил древние представления, сделал их частью своего художественного мира. Образ-символ леса у Пришвина многогранен, он позволяет трансформировать внешнее во внутреннее, физиологическое в психологическое. Плывая с поморами и паломниками по морской глади на острова Соловецкого архипелага («За волшебным коlobком»), повествователь вдруг увидел «густой, зеленый подводный лес. Я люблю лес, как бродяга: для меня он, родной <...> Так хочется войти туда, в этот зеленый таинственный мир. Но это не настоящий, это сказочный лес, туда нельзя войти, мы слишком грубы для того» [3. Т. 1. С. 220]. Сказочный лес испытывал идущих по нему, но преодолев лес, герои становились выше и сильнее. Здесь подводный лес представляет иной мир. Образ восходит к самым глубоким архетипам индивидуальной психики, отсылает читателя вслед за автором к неясным предчувствиям, первосостояниям человека. Определение «сказочный» подчеркнуло изначальность таких психологических импульсов.

В начале 1930-х, почти в середине творческого пути Пришвин создал повесть «Жень-шень». Она развивала вечные его темы: тему жизни – творчества на фоне мотивов познания тайн мир, поиска правды-истины (здесь это корень жизни), преодоления беды в духовном прозрении, любви. Формально сюжет начинается элементом «отлучки» – потребностью найти «мою родину» и «неизведанную природу», залечить душевную рану. Лирическая тема утраченной любви сближает повесть с романом «Кашеева цепь». В повести широкий подтекст, обилие параллелей, реминисценции, аллюзии, образы-символы, сюжетные аналогии, скрытые микроцитаты. Об утраченном рае и любви сигнализируют библейские мифологемы (формулы): Адам и Ева. Самоуглубление усилило субъективизм и лиризм повествования. Ведя «разработку» проблем духовного самопознания, как и открытия Большого Мира, Пришвин обратился к сказочным символам дороги, пути, мотиву вхождения человека в мир. В славянской, европейской мифологических традициях этот комплекс идей, образов широко распространен, что прослеживается в работах Д. Фрезера, А. Аарне, А. Афанасьева, А. Потебни, Д. Зеленина, Д. Овсяннико-Куликовского, В. Проппа. М. Пришвину ближе других оказалась сказочно-легендарная версия выделенных представлений.

Повесть «Жень-шень» – это история о движении через лес и поисках загадочного корня жизни, поисках себя. Реликтовое, вечное, волшебное, овевянное легендами растение – корень жизни Жень-шень – один из символов смысла жизни. Разрабатывая этот символ, Пришвин углублял символ Мирового древа. Корень жизни получил смысловые оттенки, переданные опосредованно, (стал эквивалентом) философского камня, зерна жизни, эликсира молодости. Им владеет китаец Лувен, он «пришел в тайгу не тем глубоким и тихим человеком, каким он сделался в поисках корня жизни» [5. С. 41]. Этот охотник словно без возраста, он «показался не только старым, но даже очень древним человеком» [5. С. 9]. Образ Лувена вписан в архетип народного, лесного мудреца, учителя, знахаря: он посвящен во все тайны растительного царства, владеет «хитрой наукой» (мудрость и знание в сказках). Подобные таланты Пропп называл «уменье, а не знанье». Идеально воплотить такой дар для Пришвина мог бы сказочный «звериный царь» или языческий Велес – властелин растительного царства. Исак в повести «Черный араб» и китаец Лувен – развитие одного, мифологизированного Пришвиным типа – проводника высших, труднодостижимых знаний. Народный мудрец чувствовал весь мир в себе, автор же открывал духовные возможности «среднего» человека. Эта особенность взглядов отразилась и в повествовании – два голоса рядом.

Корень жизни таит родство человеческих душ, ход сиюминутного и «планетного» времени, единство труда «ушедших в землю» с теми, кто заменит их, трансформацию творческих усилий прошлого в настоящее. «Какая неистощимая сила творчества заложена в человеке, и сколько миллионов несчастных людей приходят и уходят, не поняв свой Жень-шень, не сумев раскрыть в своей глубине источник силы, смелости, радости, счастья!» [5. С. 68]. «Бывает напряжение корневой силы жизни так велико, что вы любимого человека, раз навсегда утраченного, находите в другом, и начинаете нового любить, как утраченного». Обретение корня, «самого источника творческих сил» [5. С. 35], умение «все на свете оживлять» [5. С. 42], «напряжение корневой силы жизни» [5. С. 76] обернулись изживанием «первоначальной беды», одиночества, разочарования и личной драмы. Суммированы желанные цели, стоявшие перед многими пришвинскими героями. Пришвин полагал, что сотворчество жизни возможно в едином с нею ритме («ритм жизни»), равноправном притяжении к ней слова, образа, мысли, чувства. Творчески осмысленные писателем законы древнего мировидения, мифологические мотивы, образы стали основой художественной концепции Бытия.

Писатель устанавливал через слово, повествование связь внутренних возможностей человека и Большого Мира, много и напряженно искал высшие пределы постижения истины, возможности творческой жизни. Соотнеся устремления героев с солнечным теплом, земным очарованием, утверждал связь человека с миром через любовь: переживания персонажей выражены в пейзажной цветописси. Пришвин искал общий источник, порождающий людские достижения. Постигая нравственные устремления растущей личности, он открыл полярные начала в душе на уровне детского мироощущения. С одной стороны, это символические свет, логос, дух, небо, ясность речи, а с другой – тьма, стихии земли и воды, плотские чувствования, немота; нашел образные выражения таким состояниям (скажем, Марья Моревна и Маруха). В речи детей-персонажей переданы образные границы божеского и человеческого, небесного и земного, разумного и чувственно-стихийного. «Тьма жизни» и хаос – одушевленные силы, встающие на пути людей к божественной истине, солнечному свету. Они материализованы, например, в образах-символах оврага-змея, ущелья, темного колодца, Марухи в романе «Кашеева цепь». Такова малая часть образных представлений, «внутренней формы». Подобные взгляды определили активное использование мифа, древних жанров, совмещение в повествовании мифического и исторического времени, апелляцию к мистическим верованиям и системам.

И еще об одном любимом символе М. Пришвина – граде Китеже. В славянской мифологии, средневековой литературе мифы о поисках иного царства тесно сплелись с легендами о граде Китеже – образном варианте «иного царства». «При приближении Батя К. стал невидимым и опустился на дно озера Светлояр»; «Сходные средневековые легенды повествовали о фантастических благочестивых царствах <...> земном рае, островах блаженных; ср. также старообрядческие легенды о церквах «древнего благочестия» [6. С. 223-224]. Пришвин, повествуя об «ином царстве» как «райском саде», «стране без имени, без территории», «неведомой, прекрасной стране», обратился и к той версии мифа, которая преломилась в легендах о граде Китеже. Третья книга Пришвина называлась «У стен града Невидимого» (Светлое озеро), написана по впечатлениям, полученным от поездки на озеро Светлояр, в Керженские леса, по впечатлениям от знакомства с бытом и верой старообрядцев. Но книга не сводится лишь к богословским и этнографическим аспектам. Писатель постиг глубинные основания народной веры, в которой фольклорная мифологизация христианских идей, образов дала причудливые разветвления. Китеж как вариант «иного царства», «града невидимого» в книге Пришвина высветил сокровенные стороны русской души. Небесная, невидимая церковь понята здесь как реализация заветных устремлений человека. В книге Пришвина «град невидимый» русского народа совпал с «прекрасной страной» ее автора.

Литература

1. Лосев А.Ф. Бытие-имя-космос. – М., 1993.
2. Пришвин М.М. Собрание сочинений. В 6т. Т.1-6. – М., 1956, 1957.
3. Пришвин М.М. Собрание сочинений. В 8 т. Т.1-8. – М., 1982.
4. Пришвин М.М. Леса к «Осударевой дороге». Из дневников 1909-1952 годов // Наше наследие. – 1990. – №№1,2.
5. Пришвин М.М. Родники Берендея. Повести и рассказы. – М., 1977.
6. Славянская мифология / Энциклопедический словарь /Ин-т Славяноведения и Балканистики РАН/. – М., 1995.

© А.В. Курганская

*Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет
им. Н.Г. Чернышевского, Чита, Россия*

МЕЖТЕКСТОВЫЙ СЛОВЕСНЫЙ РЯД В СОСТАВЕ ЦЕЛОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ В. ДЕГТЕВА)

Одним из признаков целого текста является его композиционная завершенность. Композиция (от лат. *compositio* – сочинение, составление, соединение) – построение, взаимное расположение и соотношение частей какого-либо произведения: словесного, музыкального, графического и других.

Следует различать понятия «композиция» и «языковая композиция». В.В. Виноградов говорит о словесной, языковой композиции. Языковая композиция связана с особенностями построения произведения, основанного на развитии словесных рядов.

Г.Д. Ахметова, рассматривая феномен языковой композиции, выделяет ее типы: закрытая композиция (внешняя) – может быть условно закрытой и собственно закрытой; открытая композиция (внутренняя); по соотношению между компонентами рассматривает типы композиции: 1) основанные на семантико-грамматических связях между ними; 2) основанные на ритмико-интонационной связи и 3) основанные на смешанной связи.

По количеству словесных рядов: композиция, связанная с большим количеством словесных рядов; композиция, связанная с ограниченным количеством словесных рядов. По наличию организующих центров (точка видения, образ): композиция, связанная с разнообразием точек видения и образов; композиция, организованная неявно выраженной точкой видения или образом.

По определению Г.Д. Ахметовой, языковая композиция – это единая сложная система, состоящая из связанных между собой по смыслу и грамматико-интонационно компонентов, очерченных рамками образа, которые динамически развиваются в тексте. Эта система изучается как со стороны формы, так и со стороны содержания, является исторически изменчивой и лежит в основе типов текстов [1].

Материалом языковой композиции, как отмечал В.В. Виноградов, являются словесные ряды. Словесный ряд представляет собой взаимосвязанную, объединенную в образы композиционную структуру, является основным компонентом композиции.

А.И. Горшков дает следующее определение данному понятию – это «представленная в тексте последовательность (не обязательно непрерывная) языковых единиц разных ярусов, объединенных композиционной ролью и соотносительностью с определенной сферой употребления или с определенным приемом построения текста» [2].

А.И. Горшков выделил свойства словесного ряда: 1. Словесный ряд – категория текста; вне текста словесного ряда нет. 2. Словесный ряд – последовательность языковых единиц разных ярусов (лексического, фонетического, морфологического, словообразовательного, синтаксического). 3. Не обязательно непрерывная последовательность языковых единиц, образующих словесный ряд: слагаемые

словесного ряда чаще всего бывают отделены друг от друга слагаемыми других словесных рядов. Все равно в тексте они образуют один словесный ряд, выполняющий определенные композиционные функции. 4. Образующие словесный ряд языковые единицы объединяются какими-либо общими признаками, главные из которых – соотносительность с определенной сферой языкового употребления и с определенным построением текста [2].

Г.Д. Ахметова обращает внимание на то, что словесные ряды – основной компонент языковой композиции, так как из них состоят все подробности текста. Диапазон словесных рядов чрезвычайно широк: от самых простых до очень сложных. «Разнообразие словесных рядов предполагает, что у них имеется общее родовое понятие – словесный ряд, которое подразделяется на видовые понятия, близкие друг другу, но в то же время отличные одно от другого» [1]. Она условно разделяет словесные ряды на низший, средний и высший уровни. Каждый из уровней становится компонентом для последующих уровней. К словесным рядам низшего уровня ученый относит словесно-звуковые, ритмико-интонационные. Их компонентами являются звуки, чередование ударных и безударных слогов в составе синтагмы или фразы. Словесными рядами среднего уровня Г.Д. Ахметова называет лексико-фразеологический и грамматический. Они лежат в основе построения словесных рядов, связанных со сферой языкового употребления: словесные ряды архаизмов, диалектизмов, профессионализмов, разговорно-просторечного, книжного и других. К среднему уровню относятся также словесные ряды, связанные с определенными приемами построения текста (предметно-логический, эмоционально-экспрессивный). К словесным рядам высшего уровня относятся разные формы и типы речи, межтекстовый, графический, смысловой. Г.Д. Ахметова отмечает, что «важнее не перечень словесных рядов, а их взаимодействие между собой в составе языковой композиции. Единство текста заключается в том, что разрушение даже одного словесного ряда влечет за собой разрушение целостности произведения, самого материала языковой композиции. Таким образом, для языковой композиции важным является не только динамическое развертывание словесных рядов, но и тесная их связь друг с другом» [1].

Если рассматривать с этих позиций межтекстовый словесный ряд, то его, наверно, можно отнести к высшему уровню. В основе его построения лежат разнообразные языковые средства, как лексические, так и грамматические. Объем межтекстовых словесных рядов также разнообразен – от одного слова до обширного контекста. Межтекстовый словесный ряд активно взаимодействует с другими словесными рядами, что способствует динамичности повествования. Межтекстовый словесный ряд реализуется в тексте в разнообразных приемах и разновидностях.

Таким образом, значимость межтекстового словесного ряда для современной прозы определяется своеобразием включения его в текст, функционирования в тексте и взаимодействия с другими словесными рядами в составе языковой композиции. Межтекстовый словесный ряд – важнейший компонент языковой композиции. Он выявляется и изучается в составе целого текста.

Существуют разные подходы к классификации межтекстовых словесных рядов, или межтекстовых связей. Мы остановимся на одной из них – стилистической классификации межтекстовых словесных рядов, предложенной А.И. Горшковым. Данная классификация рассчитана прежде всего на практический филологический анализ. Межтекстовые связи ученый делит на типы и приемы, отмечая при этом, что четкой грани между ними провести нельзя. Типы межтекстовых связей – это, как пишет А.И. Горшков, скорее типы произведений, построенные по принципу использования в них межтекстовых связей. Как полагает автор книги, такие произведения можно разделить на две группы – заданные и свободные, между которыми также нет четкой границы.

«Заданные» межтекстовые связи – это такие тексты, в которых жанром или каким-либо приемом межтекстовые связи определены, заданы заранее или же предусмотрены замыслом автора, что выявляется с помощью специального анализа. К заданным произведениям А.И. Горшков относит центон, цитатное произведение, переложение, парафразу, межтекстовый импульс, параллельную связь, тематико-композиционную связь, продолжение. «Заданные» межтекстовые связи, как правило, охватывают все произведение или его значительную часть. Но «заданные» межтекстовые связи могут быть и не указаны непосредственно, однако предусмотрены замыслом автора и выражены определенными словесными средствами: раскрываются самими авторами в пояснениях к произведениям или выявляются с помощью специального анализа.

Приемы межтекстовых связей – это отсылки, содержащиеся в том или ином произведении к другому или другим текстам. В качестве приемов межтекстовых связей А.И. Горшков называет цитату закавыченную и без кавычек, эпиграф, цитатные заглавия, аллюзию и реминисценцию, круг чтения героев, текст в тексте.

Обратимся к прозе В. Дегтева, автора полутора десятка книг прозы: «Будьте счастливы!», «Тесные врата», «Викинг», «Копье летящее», «Десять заповедей», «Падающие звезды», «Оберег», «Ответ», «Русская душа», «Крест», «Карамболь». Рассказы, эссе, очерки Вячеслава Дегтева опубликованы более чем в 140 периодических изданиях как в России, так и за рубежом, в том числе на иностранных языках: «Роман-газета», «Наш современник», «Москва», «Юность», «Слово», «Грани», «Мегаполис». Он лауреат нескольких литературных премий: имени В. Кубанева, В. Королева, Андрея Платонова «Умное сердце», «Национальный бестселлер», газеты Литературная Россия, имени А. Невского «России верные сыны». Особенности стиля В. Дегтева являются последовательное обращение к «чужим» текстам, широкое использование различных образов русской и мировой литературы.

«Заданные» межтекстовые связи, как правило, охватывают все произведение или его значительную часть. Например, в рассказе В. Дегтева «Ненависть» «заданной» межтекстовой связью является древняя легенда дагестанского народа: *«... И он начал. Вскочив, завертевшись на кошме, закружившись, как смерчь, в каком-то диком, шаманской танце, – и пахнуло стынью веков, и захолдела кровь, и полчища мурашек побежали по хребту...»* [4]. Представляет интерес композиционное построение рассказа: текст состоит из трех частей. Значительную часть рассказа занимает древняя дагестанская легенда. Она отделена от других частей повествования графически. Весь текст легенды выделен курсивом. Древняя легенда связана с рассказом, в котором главной темой, как и в легенде, является тема ненависти и ее негативного влияния на человека. Как мы видим из отрывка, в тексте легенды используются восточные слова, особенно имена, должности («козан», «джигит», «Сырчан», «якши», «орза», «кумыс», «гайда», «ясак-масак»).

В рассказе В. Дегтева «Камикадзе» «заданными» межтекстовыми связями являются отдельные строчки из стихотворений японского поэта Самадзаки Тосона. Эти межтекстовые связи никак автором не указываются, но они предусмотрены его замыслом, так как помогают понять смысл произведения. В тексте они выделяются курсивом. Эти стихотворные строчки играют важную роль и в композиционном построении рассказа. В произведении идет параллельное повествование о двух камикадзе, один из которых выполняет свой долг и гибнет за Родину, веря, что вернется на Землю в теле своего будущего племянника, а второй – хотел отомстить своей бывшей жене и ее новому мужу, убив всех троих, но так и не решился на это. Строчки из японских стихотворений как бы отделяют историю одного камикадзе от истории другого: *«... Друг мой мудрый! Забудем печали! Я спою, ты на кото сыграй!»* – вспоминается из

Тосона. Мусараки приветствует стоящих на палубе у столика с саке самурайским жестом – открытой поднятой ладонью, как равный равных <...>

Махмуд катает по столу гранату и выдерживает долгую паузу. <...> «Встретиться надо». – «Зачем? У нас с тобой нет точек пересечения.» – «Есть, сука ... <...> есть у нас эти точки....» [3]. Как видно из приведенных отрывков, автор, описывая историю первого камикадзе, использует слова, относящиеся к книжному стилю («мудрый», «приветствует»), а при описании истории второго – слова разговорного стиля, иногда даже просторечия («сука»). В данном случае можно говорить, что межтекстовые связи характеризуют образы персонажей, поскольку упоминание стихов, эксплицированное при повествовании о Мурасаки, указывает на его высокий духовно-нравственный уровень.

Следующий тип «заданных» межтекстовых связей – «параллельная» межтекстовая связь. Рассказ В. Дегтева «Пробужденье» – пример параллельной межтекстовой связи. Два стихотворения А.С. Пушкина являются тематической, композиционной основой и межтекстовым импульсом для рассказа В. Дегтева «Пробужденье». *«Я ВАС ЛЮБИЛ. Увы, приходится констатировать это в прошедшем времени. Хотя этот безудержный костер, наша ЛЮБОВЬ (он то пылал нестерпимо, то странно как-то чадил, то еле дымил), может не совсем еще угас, и ЕЩЕ, БЫТЬ МОЖЕТ, сохранился кое-какой жар В ДУШЕ МОЕЙ под серыми холодными хлопьями пепла, – Бог даст, жар еще вспыхнет, если вдруг потянет на него свежим ветерком. Я еще верю в это. И вера пока что УГАСЛА НЕ СОВСЕМ ...» [5].* Строки из стихотворений не хаотично разбросаны по тексту, а вводятся согласно тому порядку, как они следуют в произведениях поэта. Вплетение в ткань повествования, объединенного образом рассказчика, стихотворения А.С. Пушкина вводит тему любви, возвышенный характер которой подчеркнут обращением к образцу поэзии. Следует отметить тесное взаимодействие двух повествовательных планов, в котором не происходит распада текста на два независимых произведения, что обусловлено объединением образа рассказчика и лирического героя А.С. Пушкина (Я, вас и т.д.).

Свободные межтекстовые связи используются В. Дегтевым чаще, чем «заданные». Например, в рассказе «Русская душа» автор включает несколько типов свободных межтекстовых связей. На протяжении всего произведения В. Дегтев вставляет строчки из песни: *«Все как прежде, все та же гитара...» – напевал я, работая у себя в мастерской, в подвале, – подгонял верхнюю деку, доводя ее до нужной толщины <...>*

«Шаг за шагом влечет за собой...» – напевал, работая, старинный романс, осторожно присматриваясь к гостю...» [4].

Эпиграф в прозе В. Дегтева выполняет роль экспозиции и предлагает разъяснения или загадки для прочтения текста. Через эпиграфы автор открывает внешнюю границу текста для интертекстуальных связей и литературно-языковых веяний разных направлений и эпох, тем самым наполняя и раскрывая внутренний мир своего текста.

Например, в рассказе «Харизма» эпиграф представляет собой цитату, наделенную особой ролью, из книги А. Брэма «Жизнь птиц»: *«Посланник весны, милый певец, дружеский, искренний привет тебе! Сколько чудных песен ты уже спел для меня! Великолепный певец, великий артист, – привет тебе!» [4].* Эта цитата указывает и на основное содержание произведения, и на характер главного персонажа, который любит птиц, трепетно к ним относится, заботится о них. Как в рассказе В. Дегтева, так и в книге А. Брэма речь идет о певчих птицах – дроздах, об их таланте петь и доставлять удовольствие людям, в обоих произведениях авторы восхищаются дроздами. Это выражается большим количеством восклицательных предложений: *«Передать красоту пения дрозда, разнообразие плавных переливов, <...> свистов – увольте, я не в силах!*

<...> *Хороший певчий дрозд поет – словно стихи читает!*» [4]. Таким образом, эпиграф связывает между собой два произведения.

Разнообразны и источники «чужих» текстов, к которым обращается Дегтев. Это молитвы, легенды разных народов, фольклор, памятники древнерусской словесности, произведения русской и мировой литературы, публицистика, философские сочинения. Например, в рассказ «Ненависть» автор включает текст древней кавказской легенды. Древняя легенда связана с повествованием тематически. Как и в рассказе, в ней идет речь о ненависти к другому народу, о мести, о войне. Уже много веков продолжается противостояние Кавказа и России.

Межтекстовый словесный ряд может быть связан и с композиционными отрезками, организованными точкой видения персонажа. Например, при описании умирающего солдата в рассказе «Четыре жизни» курсивом выделен текст молитвы (межтекстовый словесный ряд), сопровождающий сознание персонажа, передающий его мысли: «Веньку отчислили, он собрался и без нытья и скандалов уехал в свою Сибирь, и даже ни одного письма не прислал.

- мати Божия Пречистая, воззри на мя, грешного, и от сети Дявола избави мя, и на путь покаяния настави мя, да плачуся дел моих горько...

Мусульмане кричали из-за камней: «Русский! Свинья!» – и он на каждый их выкрик отвечал отрывистым трескучим выстрелом» [4].

В некоторых случаях в произведениях В. Дегтева происходит взаимодействие межтекстовых и разнообразных словесных рядов (в основном это графические словесные ряды), придающих повествованию занимательность. Например, в рассказе «Черная луна» межтекстовые связи взаимодействуют с графическим словесным рядом: «*Вставай, бедолага, пора! То ли услышал ты, то ли померещилось.*

Тяжело повел взглядом и увидел странную женщину – всю в белом и со свечой. Она стояла, не касаясь земли, словно бы в воздухе висела ...» [3].

Таким образом, межтекстовые словесные ряды как единицы языковой композиции, связанные как с точкой видения рассказчика, так и с точкой видения персонажа, по-разному включаются в ткань повествования: 1) органично продолжают его, в результате чего происходит взаимопроникновение словесных рядов; 2) «вставляются» в текст, не связываясь с остальным повествованием, то есть развиваются параллельно; 3) стилистически меняются в составе текста.

Элементы претекстов используются в прозе писателя как в авторской речи, так и в речи персонажей. Герои В. Дегтева постоянно обращаются к образам русской и мировой литературы, проводят параллели между ситуациями, изображаемыми в произведении, и событиями других текстов, значимых для них. Например, «*И он начал. Вскочив, завертевшись на кошме, закружившись, как смерч, в каком-то диком, шаманском танце, – и пахнуло стынью веков, и заглодела кровь, и полчища мурашек побежали по хребту...*

Как пришел в степь великий коназ урусов Мономах и побил, и рассеял, разметал кыпчаков, и гнал, гнал остатки половецких орд, до самых до Железных Ворот гнал, до Дербента...» [4].

Элементы «чужих» текстов в прозе В. Дегтева многофункциональны. Цитаты и реминисценции выполняют функцию типизации. Они усиливают типичность образов или описываемых явлений.

Точные или модифицированные цитаты часто выражают и авторские оценки: «... *а еще поступил к осени учиться заочно в сельхозинститут, хотя прямая дорога ему, говорили все, была в художественную академию <...> Но с академией Митрофан Тихонович решил погодить – ужо еще! В общем, нам нет преград ни в море, ни на суше...*» [4]. Типизирующая функция в этом случае совмещается с эмоционально-оценочной.

Мы рассмотрели разнообразие приемов и типов межтекстовых связей. В. Дегтев в своих рассказах использует различные приемы: цитаты, эпитафии, аллюзии, реминисценции, текст в тексте. В. Дегтев пользуется и «заданными» межтекстовыми связями. Использование разнообразных приемов межтекстовых связей является признаком индивидуального стиля писателя. Для прозы В. Дегтева в большей мере характерны свободные межтекстовые связи. Из заданных межтекстовых связей им используются парафраз, межтекстовый импульс, параллельная связь. Особенностью стиля В. Дегтева является последовательное обращение к «чужим» текстам, широкое использование различных образов русской литературы. Произведения писателя пронизаны цитатами из других текстов, аллюзиями, реминисценциями, часто открываются эпитафиями. Разнообразны источники претекстов, к которым обращается В. Дегтев: молитвы, легенды, фольклор, публицистика и другие. Элементы «чужих» текстов и восходящие к ним образы представлены на разных уровнях художественных произведений В. Дегтева. Они выполняют различные функции (функция типизации, авторской оценки, описательная функция и другие) и обладают большим смыслообразующим потенциалом.

Литература

1. Ахметова Г.Д. Языковая композиция художественного текста (проблемы теоретической феноменализации, структурной модификации и эволюции на материале русской прозы 80 – 90-х годов XX в.): Монография. – М.; Чита: Изд-во ЗабГПУ, 2002.
2. Горшков А.И. Лекции по русской стилистике. – М., 2001.
3. Дегтев В.И. Карамболь: Рассказы. Повесть. – М.: Молодая гвардия, 2004.
4. Дегтев В.И. Крест: Книга рассказов. – М.: Андреевский флаг, 2003.
5. Дегтев В. Пробуждение // Литературная Россия. – 1997. – № 23. – С. 8-9.

© К.В. Лопатина

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

РОЛЬ ДИМИНУТИВА В СОЗДАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА К.Х. СЕЛЫ «УЛЕЙ»)

Литературные антропонимы играют важную роль в создании художественной образности произведения и в реализации авторского замысла. Использование тех или иных форм личного имени позволяет автору передать различные нюансы взаимоотношений персонажей, а также сделать очевидной для читателя свою личную точку зрения на те или иные события. Смысловый потенциал личного имени, который в обычной речевой ситуации чаще всего не ощущается носителями языка, в художественном произведении под влиянием контекста актуализируется, становится очевидным для читателя и может быть использован автором в художественных целях.

Одним из интереснейших примеров такой актуализации может служить использование уменьшительной формы личного имени (диминутива) для создания художественного образа, рассмотренное нами на примере романа «Улей» – одного из самых известных произведений современного испанского писателя, лауреата Нобелевской премии, Камило Хосе Селы.

Характерной особенностью творчества писателя является виртуозный стиль и привлечение широких слоев лексики. Умение Селы чувствовать каждое слово, каждую фразу, а также его особенное, фирменное чувство юмора неоднократно отмечали разные исследователи [5. Р. 49; 8. Р. 295-296; 6. Р.22]. Антропонимия Селы представляет огромный интерес еще и потому, что широко известен талант писателя характеризовать своих героев двумя-тремя точными и неповторимыми запоминающимися штрихами, среди которых не последнее место занимает имя персонажа [4. Р. 42].

Целью настоящей статьи является типология диминутивных форм имени в исследуемом произведении и определение их роли в создании художественных образов.

Типологизируя обиходные формы имени по способу их образования, мы опираемся на основные способы образования дериватов в испанском языке, выделенные Ю.А. Рыловым в монографии «Очерки романской антропонимии» [2. С. 81]. Итак, обиходные формы имени в романе К.Х. Селы «Улей» можно разделить на следующие группы:

1. Образованные путем **усечения основы** (в основном, с помощью апокопы): *Filo (Filomena)*, *Visi (Visitación)*, *Mari Tere (María Teresa)*, *Nati (Natividad)*, *Trini (Trinidad)*.

Сокращение личного имени является проявлением закона языковой экономии. Аббревиация антропонимов – древнейшая тенденция, проявляющаяся во всех индоевропейских языках и основной способ образования гипокористических форм имени [Супрун 2000, 75-76].

2. Тем не менее, большинство диминутивов в исследуемом романе (28 из 44 обиходных форм имени, употребленных в романе) образованы при помощи **суффиксации**:

а) с использованием суффикса **-ito, -ita**: *Socorrito, Emilita, Alfonsito, Marujita, Elvirita, Matildita, Juanita, Laurita, Petrita, Purita, Julita, Paquita, Clarita, Victorita* и др.; б) а также с использованием суффиксов **-ín, -iño**: *Javierín, Santiaguíño*.

3. Образованные **супплетивным способом**: *Paco (Francisco), Pepe (José)*. Иногда к названному способу добавляется суффиксация: *Paquito, Paquita*.

4. Образованные путем **удвоения одного из слогов основы**: *Lola (Dolores)*, а также удвоением и суффиксацией одновременно: *Lolita*.

5. Образованные с использованием **специфического «онимическо-гипокористического» звука [‘c]**: *Chus (María Jesús), Merche (Mercedes), Conchita (Concepción)*.

Среди обиходных форм личного имени в исследуемом произведении большая часть (44 из 49) выступают как **основные, доминирующие именованья**. В художественном тексте именованье персонажа главным образом с помощью обиходной формы имени позволяет писателю сделать именно диминутив своеобразным «знаком» художественного образа и использовать его в стилистических целях.

Во-первых, использование диминутива может свидетельствовать о **взаимоотношениях говорящего и называемого**. Путем присоединения к основе словоизменительных и словообразовательных морфем автор стремится запечатлеть нюансы межличностных взаимоотношений персонажей, употребляющих ту или иную форму обращения [1. С. 14]. Например, таким образом могут быть показаны особенности семейно-родственных связей между персонажами.

Например, в романе «Улей» мать называет сына, начинающего артиста, *Florentinín (Florentino del Mare Nostrum)*.

Agustín Rodríguez Silva подписывает письмо к матери семейным гипокористическим прозвищем – *Tinín*.

Другой пример: в романе донья Виситасион (*doña Visitación*) мечтает стать близкой подругой своей знакомой доньи Монтсеррат (*doña Montserrat*) и репетирует речь:

«*Si nos tuteamos lo mejor es que me llames Visi y yo te llame Montse*».

«*Раз уж мы переходим на «ты», давай я тебя буду звать Монсе, а ты меня – Виси*».

Во-вторых, диминутив в художественном произведении может свидетельствовать об **авторской оценке событий или персонажей**. Например, в анализируемом романе наблюдается частое использование уменьшительной формы имени применительно к девицам легкого поведения. В этом случае уменьшительный вариант чаще всего характеризует ироническое отношение автора к персонажу: К.Х. Села независимо от возраста называет так и молодых девушек (чаще всего легкого поведения): *Marujita, Paquita, Juanita, Laurita, Petrita, Purita, Julita*; и «пожилых проституток»: *Elvirita, Matildita*; и даже замужних женщин, которые ведут себя более чем легкомысленно: *Doña Lolita Echevarría, Doña Clarita Morales, La Marujita (Ranero de Gutiérrez)*.

В стилистическом использовании писателем этой группы диминутивов можно заметить также и симпатию автора по отношению к некоторым персонажам, девушкам с несчастной судьбой [4. С. 19; 7. С. 98].

В третьих, диминутив может быть **маркером социального положения персонажа**. Например, официанта *Pepe*, всегда называют с помощью диминутива, несмотря на солидный возраст. В этом случае коннотация «маленький рост» сочетается с коннотацией «низкий социальный статус» [2. С. 86], а использование данной формы личного имени играет большую роль в создании образа униженного, обделенного судьбой человека.

В четвертых, диминутив может использоваться как маркер национальной принадлежности персонажа. К.Х. Села, будучи галисийцем по происхождению, не мог упустить возможности охарактеризовать персонаж с точки зрения происхождения из одной из испанских автономий путем использования типично галисийского суффикса – *ño* (*Santiaguño*).

Наконец, самой частой мотивировкой использования диминутивных форм личного имени в романе «Улей» является создание крмического эффекта, важную роль которого отмечали многие исследователи творчества К.Х. Селы [69. С. 45]. Часто писатель сталкивает диминутив с резко контрастирующей с ним реальностью:

«Macario y su novia muy cogiditos de la mano, están sentados en un banco en el cuchitril de la senora Fructuosa, tía de la Matildita... Macario es un chico muy fino que todos los días da las gracias a la senora Fructuosa. Matildita tiene el pelo como la panocha y es algo corta de vista. Es pequeña y graciosa, aunque feuchina, y da, cuando puede alguna clase de piano...Matildita tiene treinta y nueve años».

«Макарио и его девушка сидят, крепко держась за руки, на скамье, в каморке сеньоры Фруктуосы – это тетка Матильдиты... Макарио – очень воспитанный человек и каждый день он любезно благодарит сеньору Фруктуосу. У Матильдиты волосы – как кукурузная метелка, она близорука, некрасива, небольшого росточка, но довольно изящная. Когда подвернется случай – дает уроки музыки... Матильдите тридцать девять лет».

Итак, уменьшительная форма личного имени – диминутив – является одним из наиболее ярких средств, способных создавать образ персонажа (например, охарактеризовать его с точки зрения возраста, социального положения, национальной принадлежности или взаимоотношений с другими персонажами произведения), а также выразить авторскую оценку героев (например, иронию, симпатию или жалость). Таким образом, можно сделать вывод о важной роли диминутива в формировании образа персонажа, а также в воплощении художественных целей и задач писателя.

Литература

1. Багирова Е.П. Эволюция антропонимикона в текстах разных редакций романа М.А. Булгакова "Мастер и Маргарита": Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2004.
2. Рылов Ю.А. Очерки романской антропонимии: Монография. – Воронеж: ЦЧКИ, 2000.
3. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: Монография. – Волгоград: Перемена, 2000.
4. Alonso, E. Introducción a Cela C.J. «La colmena». – Madrid: Colección Austral, 1997.
5. Asún, R. Introducción a Cela C.J. «La colmena». – Madrid: Castalia, 1984.
6. Moreiro, J. Introducción a Cela C.J. «La Colmena». – Madrid: EDAF, 2002.
7. Platas Tasende, A.-M. Camilo José Cela. – Madrid: Síntesis S.A., 2004.
8. Umbral, F. Las palabras de la tribu. – Barcelona: Planeta, 1996.

© В.М. Тамарова

*Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
Ярославль, Россия*

ЖАНРОВАЯ МОДЕЛЬ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПЫ АНТИУТОПИЙ

В современном литературоведении существует большое количество терминов, дающих определение категорий «жанр» и «жанровая модель». Для одних становится важным формально-содержательный компонент, и под жанром они понимают некую модель видения мира, для других жанр – историческая конкретная категория.

Любые попытки строгой систематизации жанровых моделей, по мнению С.А. Шульца, невозможны, так как момент любой иерархии и соподчинения, в узком смысле слова, в истории жанров отсутствует [11. С. 18]. Здесь приходится говорить о системе более сложного и более подвижного порядка, которая постоянно меняется и обновляется. Возможность систематизации жанровых моделей вовсе не обозначает то, что мы без труда можем отождествлять, допустим, антиутопии XIII и XX веков, но заставляет выделять общую для них линию развития – «в чем повторялись и чем различались».

Как мы уже отметили, жанр – категория двойственная. С одной стороны, это – некий инвариант, формально-содержательный канон, модель видения мира. С другой стороны, осуществление инварианта невозможно без развития жанровых форм в творчестве отдельных авторов, которые имеют свои представления о задачах и сущности искусства, исторически обусловленных. Отсюда жанр – не только типологическая и отвлеченная, но и исторически конкретная категория. Жанр, по замечанию Г.Д. Гачева, «генерирует, порождает. Современное состояние жанра влияет на жанровое истолкование произведений прошлого» [4. С. 4].

В этом отношении жанр всегда «между» – между «тождеством» и «различием» [10], между «различием» и «повторением». Ц. Тодоров говорил, что только творцы массовой литературы укладываются в рамки строгого инварианта, крупные же авторы всегда, так или иначе, привносят в него свое [9; 3].

В пространстве исторической поэтики «идея» жанра, жанровой модели как таковая, и непосредственная, осуществленная в истории ее реализация взаимозависимы и взаимодополняют друг друга. Обе они «реально» существуют. Когда мы задумываемся о жанре того или иного произведения, то в первую очередь присматриваемся к его «первичному» уровню – наличию (или отсутствию) конкретной жанровой характеристики, указанной автором, фиксируем определенные формально-содержательные компоненты (для драмы – действие, конфликт, для антиутопии – предельную степень реализации эксперимента и т.д.). Но вслед за первичным уровнем жанра обращаем внимание на «вторичный» – диахронический, связанный со «следом» ряда предшествующих жанровых моделей. Они выступают своего рода жанровыми уровнями произведения, продолжают его.

Различные исторические типы антиутопии, в той или иной мере, вписаны в ее жанровую память и тем самым формируют жанр антиутопии вообще. В этом отношении особенно важно «начало». Общепринятой точкой зрения считается следующая:

антиутопия зарождается и развивается по мере закрепления утопической традиции общественной мысли, зачастую играя роль динамического корректива утопии. По словам Е.А. Ануфриева, критика утопий «составляет параллельный поток мечтам о совершенном устройстве мира...» [2. С. 5].

Критики утопического мышления обратили внимание и на то, что в произведениях «творцов новых миров» регламентации подвергается не только жизнь индивидуума, но и его отношения с природой, пространством и временем. Антиутопизм выразил протест против конструирования такого общества, в котором человеческие страдания и жертвы представляются малозначимыми, если их соизмерять с обещанием «высоких целей». Так, своеобразными поправками на реальность к утопиям Т. Мора, Ф. Бекона и других ранних утопистов были «Левиафан» (1651) Т. Гоббса, аллегорическая сатира «Басня о пчелах, или частные пороки – общая выгода» (1714) Б. Мондевиля, «Путешествие Гулливера» Дж. Свифта.

Таким образом, антиутопия в XVII – XVIII веках в большинстве случаев рассматривается как вспомогательное средство, идеологический и практический комментарий к утопическим произведениям. Лишь позднее в сознании общества и писателей она обретает самостоятельность и художественную значимость.

«Предвестница» антиутопии, литературная утопия, в России появляется лишь в XVIII веке и наследует многие традиции утопии европейской. Так, например, М.М. Щербатов в книге «Путешествие в землю Офирскую» (1783 – 1784) рисует благословенный край, а А.Н. Радищев переносит читателя в далекое будущее, где социальный прогресс и гуманизм по отношению к отдельной личности достигли воображаемого совершенства. В XVIII – XIX веках утопия «облачается» в форму сна. Так, мы можем видеть «Счастливое общество» А.В. Сумарокова, сон в главе «Спасская Полесь» в книге А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» [1. С. 93]. Но все же главной русской утопией XIX века исследователи считают роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?». В знаменитом четвертом сне Веры Павловны мы можем видеть мир, основанный на абсолютной гармонии: труд гармонически сочетается с отдыхом, физическое здоровье с нравственным совершенством, человек с природой и т.д.

Как скрытая полемика с четвертым сном Веры Павловны звучит сон Раскольников в эпилоге «Преступления и наказания» Достоевского, в котором изображено, как властолюбивые, зараженные «трихинами» индивидуализма люди, присвоили себе «равное право» убивать, грабить и жечь, именно они ведут мир к катастрофе. Полемика с Н.Г. Чернышевским отчетливо слышится и в романе Ф.М. Достоевского «Бесы». «Бесы», – пишет Л.И. Сараскина, – как бы фиксируют моменты, когда социальная утопия с прихотливыми фантазиями и чисто романтическими ситуациями обретает статус «учебника жизни» и становится своеобразным указующим перстом для «деятелей движения» [7]. Ф.М. Достоевский утверждает, что идея счастья и насилие несовместимы, что насилие над человеческой природой может привести лишь к трагическим последствиям. Идею «принудительного равенства» в эти же годы сатирически переосмысляет М.Е. Салтыков-Щедрин в «Истории одного города», где создает образ Угрюм-Бурчеева. Своеобразным выражением его административных устремлений становятся не цветущий сад и хрустальный дворец, а пустыня, острог и серая солдатская шинель, нависшая над миром вместо неба, так как по мере реализации утопия превращается в свою противоположность.

В начале XX века, перед эпохой жестоких экспериментов по реализации утопических проектов, антиутопия окончательно оформляется как самостоятельный литературный жанр. «Антиутопия, или перевернутая утопия, – пишет Ч. Уэлш, – была в XIX веке незначительным обрамлением утопической продукции. Сегодня она стала доминирующим типом, если уже не сделалась статистически преобладающей» [8].

Антиутопический взгляд порождает особый жанр фантастического «романа-предупреждения», примерами которого могут быть «Машина Времени» Г. Уэллса, «Легче азбуки» Р. Киплинга и др. А. Зверев в статье «Когда пробьет последний час природы» рассматривает антиутопию как литературу, «предугадавшую расплату раньше, чем она началась» [5. С. 36]. Среди лучших антиутопий XX века – романы О. Хаксли, Г. Уэллса, Д. Оруэлла, Р.Брэдбери, А. Платонова, братьев Стругацких, В. Войновича. Первым же произведением, в котором черты этого жанра воплотились со всей определенностью, был роман Е. Замятина «Мы», написанный в 1920 году.

Несмотря на то, что в нашей стране к концу 20-х годов XX века развитие антиутопий, как и утопий, сходит на нет (оно было прервано насильственно, как чужеродное), исследователи считают, что жанр антиутопии в пределах XX-го столетия выкристаллизовался, «выложился полностью, сама жанрово-композиционная структура антиутопии сделалась столь ощутимой и прозрачной, что ее дальнейшая эксплуатация чревата подражательностью, эпигонством» [6. С. 214]. Антиутопия уже тяготеет к взаимодействию с другими жанрами и, возможно, растворению в них. Можно сегодня говорить об антиутопизме как о свойстве произведений самых разных, включая сюда и роман, и философскую сказку, и фантастические романы.

Одна из задач герменевтической исторической поэтики – удержать в интерпретации изначальные истоки антиутопии. Восстановить «память жанра» – значит выявить «повторения» и «различия», ее пафос, как уже нашей, интерпретаторской, «памяти». В рамках одного литературного высказывания практически всегда реализуется несколько жанровых моделей (в аспекте исторических типов жанра в том числе). Так, например, в настоящее время мы можем говорить об эпической (классической) антиутопии и о драматургической антиутопии как ее разновидности. Изображение в драматургической антиутопии всегда есть показывание в предстоянии перед аудиторией. Показывание – это то, что предназначено не только для «смотрения», но и для «разглядывания». Этот аспект несколько трансформирует ее содержание по сравнению с эпической антиутопией, заставляя автора специально выдвигать некие ключевые моменты того, что же должно быть увидено в восприятии, готовить эти моменты для «показа».

Отсюда образ человека в драматургической антиутопии заведомо строится напоказ, за счет выхода за свои подразумеваемые фабульные пределы. На коротком пространственно-временном отрезке персонаж должен сам, безо всякой видимой авторской помощи, раскрыть себя. Именно благодаря этому частный момент, выхваченный из жизни и ставший основой действия, приобретает универсальный, моделирующий мир характер. В драматургической антиутопии этим моментом становится разрушение мира. Показывание в своем пределе и в зависимости от того, *что* и *как* показывается, может обнаруживать некое самопроявление жизни в большей мере и в большей чистоте, чем в эпической антиутопии. Живая жизнь в ее движении, пластичности, психологической выпуклости словно выступает здесь из своих пределов.

Все вышесказанное позволяет нам сделать вывод, что разработка жанровой модели антиутопии – вопрос сложный и неоднозначный. Мы должны принимать во внимание «историческую герменевтику» [3. С. 405], указывающую на становление и существование жанровых форм, выявлять «повторения» и «различия», возникающие на различных этапах развития, обращать внимание на способность жанровой модели совмещать структурные свойства других жанров и др. Учет этих составляющих позволяет создать наиболее полную и четкую жанровую модель антиутопии, которая будет применима как к известным антиутопическим текстам, так и ко вновь появляющимся произведениям данного жанра, как к эпическим, так и драматургическим.

Литература

1. Айзерман Л.С. Русская классика накануне XXI века: Утопии и антиутопии в снах героев русской литературы // Литература в школе. – 1996. – № 6. – С. 11-16.
2. Ануфриев А.Е. Утопия и антиутопия в русской прозе первой трети XX века. Эволюция. Поэтика: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002.
3. Гадамер Х.Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. – М., 1988.
4. Грачев Г.Д. Феномен Турбина // Турбин В.Н. Незадолго до Водолея. – М., 1994.
5. Зверев А. Когда пробьет последний час природы // Вопросы литературы. – 1989. – № 1. – С. 36-40.
6. Новиков В. Возвращение к здравому смыслу: субъективные заметки читателя антиутопий // Знамя. – 1989. – № 7. – С.214-220.
7. Сараскина Л.И. «Бесы» – роман-предупреждение. – М., 1990.
8. Социокультурные утопии XX века. – М., 1979.
9. Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу. – М., 1997.
10. Хайдеггер М. Тожество и различие. – М., 1997.
11. Шульц С.А. Драма как объект исторической поэтики и герменевтики // Филологические науки, – 2004. – № 2. – С. 14-19.

**ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ И
СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ ЯЗЫКА**

© Т.Ю. Загрязкина

Московский государственный университет имени М.Ю. Ломоносова, Москва, Россия

БРЕТАНЬ И КУЛЬТУРА ФРАНЦИИ

За последние годы проведены многочисленные и разнообразные исследования, направленные на сопоставление разных культур, например, французской и русской. В наше время уже трудно найти учебник по французскому языку, где бы не делался акцент на «французской кухне», «французской моде», «образе жизни французов», что позволяет предупредить непонимание и возможные трудности общения представителей разных культур. Между тем эти научные и методические достижения при более внимательном рассмотрении содержат росток новых трудностей и вопросов. Сводится ли французская культура к ограниченному набору «раскрученных» компонентов повседневной культуры (например, сыры – вино – духи)? Вопрос, безусловно, эмоционально-риторический, подразумевающий только один ответ, но можно его усложнить: едина ли культура одной из наиболее централизованных стран Европы, когда-то отбросившая на периферию общения все региональные формы культуры и речи?

Термин «регион» только входит в научный оборот и, безусловно, еще долгое время будет уточняться в работах исследователей. Мы будем употреблять его в двух значениях: более широком (Франция в целом) и более узком. Под регионами Франции в узком смысле слова подразумеваются внутренние зоны, сопоставимые с лингвокультурными ареалами, которые выделяются условно и иногда совпадают с историческим административным делением на провинции. Регион может ассоциироваться с концептом, то есть эмоционально окрашенным коллективным представлением о том, что такое этот регион.

Рассмотрим в качестве примера Бретань – один из наиболее своеобразных регионов Франции. Представления о Бретани имеют стабильные и динамические черты и связаны с переживанием идентичности на нескольких уровнях: региональном – собственно Бретань; надтерриториальном – кельтский мир; национальном – «галльский миф» (последнее является расширительным толкованием, так как бретонцы не являются прямыми потомками галлов, но потомками бриттов, заселивших полуостров в V в.).

В представлениях «средних» французов регион имеет ярко выраженную языковую составляющую. Так, в словарях *Trésor de la langue française*, *Le Grand Robert* и *Le Grand Larousse* приводится не одна, а две статьи, отражающие представления о Бретани: 1) *breton* – бретонец, бретонский и 2) *bretonnant* – говорящий по-бретонски. В качестве иллюстрации приводятся примеры из художественной литературы, среди литературных названий есть памятники старофранцузской литературы и классической литературы XIX в. Они также отсылают читателя к вопросам сохранения языка и культуры; кроме того, делается акцент на обычаях и легендах Бретани [7; 11]. Это позволяет говорить о широком культурологическом фоне, формирующем представления о Бретани, и об особой значимости бретонского языка в этом контексте. Словарные статьи, относящиеся к другим регионам Франции, могут быть развернутыми (провансальский, *provençal*) или менее развернутыми (корсиканский, *corse*), во всех есть

упоминания о языке, но все регионы, кроме Бретани, представлены не в двух, а в одной словарной статье.

Большую роль в привлечении внимания к региону сыграли историки и писатели XIX в. Так, по мнению известного историка Ж. Мишле, каждый регион Франции имеет свое предназначение. Бретань – это «сила Франции, которая сосредоточена на ее окраине», это мир особой природы – «грустной и дикой». По дорожным наблюдениям Мишле, запечатленным в работе «Картина Франции», от Нормандии к Бретани городов и возделанных земель становится меньше, жилища как будто становятся ниже, на смену высоким замкам приходят низкие усадьбы (*manoirs bretons*). То же происходит и с костюмом: высокий, как бы торжествующий, головной убор женщин из Верхней Нормандии расширяется при приближении к Кану (Нижняя Нормандия) и расплющивается у Вильдье, на границе с Бретанью. У бретонского Сен-Мало он разделяется на части и трепещет на ветру, подобно крыльям мельницы или парусу корабля. Постепенно появляется одежда из кожи, более приспособленная для суровой жизни, леса становятся гуще, и даже городские названия напоминают о лесе — например, у городов Фужер (*Fougères*, *папоротник*) и Ренн (*Rennes*, тоже *папоротник*). Серые воды реки Майенн (еще Нормандия) и ее притока Вилен (уже Бретань) предвещают суровую природу [9. Р. 6, 7].

Мир Бретани, воссозданный писателями В. Гюго, П. Мериме, Г. де Мопассаном, также ассоциируется с суровой природой, морской стихией и замкнутыми, на первый взгляд, неприветливыми людьми, говорящими на «непонятном» языке и упорными в своем противодействии культуре и политике центральной Франции. Ср., например, отрывок из новеллы Г. де Мопассана «Сын»: «Башни старого замка подмываются огромным грустным-грустным озером, над которым пролетают дикие птицы»; «А на узких улочках со старинными домами мужчины носят большие шляпы, вышитый жилет и четыре куртки одна на другую»; «Девушки ... носят какой-то странный головной убор» [8. Р. 18, 419]. В романе «93 год» Виктор Гюго показал Бретань как «завязтую мятежницу», которая всегда «противопоставляла себя центральной власти, подобно тому как варварство противостоит цивилизации»: «Старинные бретонские провинции подобны пруду: стоячие воды не желают течь; дыхание ветра не освежало их, а лишь будоражило. Для бретонцев Финистером кончалась Франция, им замыкался мир, отведенный человеку, тут прекращался шаг поколений» [2. С. 200–201].

Под пером знаменитых историков и писателей XIX в. произошло оформление стереотипа Бретани как экзотического и неподвижного. Этот образ актуализируется в восприятии разных поколений читателей. Специфичность региона как бы увековечивается, устойчиво связывается с дикой и грустной аурой и стремлением к изоляции. Действительно, в истории полуострова были периоды открытого противостояния центру (например, во время французской революции) и культивирования так называемой «отрицательной идентичности» (проблема сепаратизма). Между тем другими своими гранями регион связан с общими основами культуры Франции.

Концепт «Бретань» может иметь широкую локализацию, символизируя собой часть кельтского мира, общего с другими регионами Франции. По реликтам этого мира, сохранившегося в Бретани, судят о том, каким был субстрат французской культуры в целом (речь идет, безусловно, о расширительном толковании). Поиск кельтских корней в разные периоды истории Франции имел свои особенности, однако интерес к нему не ослабевал никогда. Именно поэтому переживание кельтского прошлого называют «повторяющейся величиной» (*une constante sinusoïdale*) в самосознании французов [6. Р. 58]. Сердцевиной этого концепта является богатый и завораживающий фольклор Бретани, в котором искали «свою», кельтскую цивилизацию, стремясь противопоставить ее «чужой», средиземноморской.

В бретонском фольклоре нет веселых и радостных сюжетов. Сказки, легенды, песни несут суровый и даже трагический отпечаток, свидетельствующий о мощи стихий – воды, земли и огня, могуществе божественных сил и слабости человека, физической

или моральной. Древние города в один миг уходят под воду, золоченые дворцы превращаются в руины, прекрасные феи несут страдание и смерть, а встреча с гномами и великанами не сулит человеку ничего хорошего. Существует даже особый жанр *gwerziou* и *soniou* – протяжных жалобных песен, исполнявшихся когда-то перед традиционным очагом под шум бушующей за окном непогоды. Понятие «очаг» (*le foyer*) имеет символическое значение: по очагам, или по областям Бретани, группировал фольклор бретонский писатель Е. Сувестр, так он и назвал свою книгу «*Le foyer breton*» («Бретонский очаг» [10]). Существуют и другие классификации фольклора: по персонажам и образам (привидения, волки-оборотни, феи, гномы, великаны, Гаргантюа, Роланд; история Франции в фольклоре и др.) или по «среде обитания» (море, суша, лес). Иногда материал объединяется по мифологическим пластам: «до начала истории» (предания, связанные с культом камня, дольменами и менгирами), языческая Бретань (Мыс Раз, Город Ис), христианская Бретань (Сен-Поль-де-Деон и легенда св. Патрика), рыцарская Бретань (Лес Броселиад и легенда о чародее Мерлине).

Мотивы, персонажи и пласты часто перекрещиваются. Так, по легенде на острове Сеин (*île de Sein*) в далекие времена жили девы-пророчицы, которые вызывали бурю или хорошую погоду. Моряки в открытом море могли слышать звуки их кимвалов. На этом острове родился знаменитый прорицатель Мерлин (*Merlin*) – сын падшего ангела и девы, способный ощущать земной и божественный мир. Он обладал даром поэта и музыканта, помогал королю Артуру и его рыцарям своими предсказаниями. Зачарованный феей Вивиан, он отдал ей все: волшебную арфу, кольцо Света, вдохновение, память и саму жизнь. Мерлин уснул вечным сном в Броселиандском лесу на другом конце Бретани.

Поэтический образ Бретани очаровывал не одно поколение исследователей, писателей и читателей и постепенно превратился в застывшую картинку: к нему обращались парижане, посещавшие полуостров, как посещают далекие страны, туристы, искавшие здесь дикую природу и нетронутые чувства. Образовался своего рода замкнутый круг: создавалось общественное мнение, к которому прислушивались и обычные люди, и те, кто его создавал. Между тем некоторые грани концепта весьма динамичны и современны. Эти грани связывают образ Бретани с галльским мифом, или поиском национальной идеи (связь весьма опосредована, так как бретонцы являются потомками бриттов, приплывших на полуостров в V в.). Реальный галл умер двадцать веков назад, но галльский миф продолжает сопровождать французов до настоящего времени как обоснование преемственности в культуре страны. Символ «галльский петух» является одним из идентификаторов французской нации и выражением ее раблезианского духа. Ср., например, значение слова *la gauloiserie* – вольность, нескромность, фривольность.

В разные периоды миф приобретал разные черты. После французской революции он оказался востребован как «народная» альтернатива монархической истории Франции и роли франков как основателей династий. Позже пытались установить сходные черты характера галлов и французов (отвагу и некоторое непостоянство, жизнелюбие, стремление к равенству и т. д.). Проблема кельтского слоя французской культуры побуждала исследователей разных поколений ставить вопрос о прерывности/непрерывности идентичности Галлии-Франции. Вот как об этом писал Е. Шюре в конце XIX в.: «И если кельты исчезли как народ, может быть, кельтская душа продолжает жить во французах?» [4. С. 243] и Ф. Бродель в конце XX века: «...не думаю, что мы вправе повторить вслед за Мишле: “Галлия затонула как Атлантида”. Ибо Галлия отнюдь не затонула со всем экипажем и грузом после падения Алесии [решающая битва при Алезии, проигранная в 52 г. до н.э. галльским вождем Верцингеториксом — Т. 3.]. Пьер Ланс полагает, что она осталась неиссякаемым подземным источником для истории Франции. К тому же нашим кельтским наследием, независимо от того, ставить его выше латинского или ниже, пренебречь невозможно: хочешь не хочешь, но мы и поныне живем под знаком этой двойственности» [1. С. 72].

По мнению некоторых авторов, кельтский след актуализируется в исторической памяти французов как проявление национальной идеи. Французский исследователь М.

Агюлон пишет: «Древняя Галлия сохраняется в национальной памяти, в этом образе смешивается и критика, и нежность». Ученый предположил, что это ностальгическое чувство, которое не может поколебать никакая наука, связано с мифологизацией прошлого, выражающейся в разных образах и символах: вождя галлов Верцингеторикса, галльского петуха, галльского шлема и даже ... генерала де Голля и героя комиксов Астерикса. Переосмысление образа Франции в национальном сознании он связывает с генералом де Голлем, последним из могижан, титаном, фигура которого доминирует во Франции XX в. Агюлон считает, что де Голль пытался примирить несколько источников французской идентичности. На вопрос, сколько веков насчитывает история Франции, – пятнадцать или двадцать, генерал ответил: двадцать веков – это вождь галлов Верцингеторикс, пятнадцать веков — это Хлодвиг, основатель меровингской династии и союзник духовенства [5. Р. 296, 300]. Похоже, что де Голль действительно верил, что галльский характер – отважный, задиристый, непостоянный, недисциплинированный, но, безусловно, благородный – превратился во французский характер. Именно он объясняет все французские революции и гражданские войны, вплоть до режима сосуществования различных партий.

М. Агюлон делает интересное и весьма неожиданное предположение: не является ли герой известных комиксов Астерикс аллегорией деятельности де Голля? Исследователь иллюстрирует это игрой слов: «Et si la France s'appellait le [муж. р. – Т. 3.] Gaulle?» (А что, если называть Францию Голлией? Ср. *la Gaule*, Галлия — *de Gaulle*, де Голль). Астерикс вовсе не двойник Верцингеторикса. Тот – побежденный герой, пусть и самый знаменитый, самый блестящий в истории Франции. Астерикс же непобедим, и римляне не победители, а обобщенная иная сила – любая крупная международная реалия, которой противопоставлен островок французской непокорности, независимости, самобытности, восходящей к периоду доримской Галлии [5. Р. 300]. В таком случае Астерикс – это немножко де Голль, который всей своей деятельностью отстаивал особую позицию Франции, получившую неофициальное наименование *exception française* (букв.: «французское исключение»).

Культура Франции не представляет собой единого монолита, ее скорее можно сравнить с разноцветным ковром, чья расцветка уникальна и своеобразна. Свой вклад в развитие культуры вносили все регионы Франции: с одной стороны, они противостояли центру, с другой – закладывали базовые основы французской цивилизации. Так, Бретань является символом своеобразия, однако она напоминает и об общем культурном субстрате. Разнообразие и взаимосвязь регионов Франции – это две стороны одной медали, создающие неповторимый и изменчивый облик страны. Невозможно раз и навсегда установить особенности французской культуры, но можно показать противоречивость ее развития в ту или иную эпоху. Как пишет С.Г. Тер-Минасова, «миссия служителей иностранных языков – преподавателей и переводчиков – тоже противоречива, поскольку противоречив сам язык и его роль в жизни человека» [3. С. 282].

Литература

1. Бродель Ф. Что такое Франция? В 2-х тт. Т. 2, часть 1.
2. Гюго В. 93 год. – М., 1988.
3. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. – М., 2007.
4. Шюре Е. Великие легенды Франции (1908). – М., 2003.
5. Agulhon M. Le mythe gaulois // *Ethnologie française*. Т. XXVIII, n. 3. – P., 1988.
6. Belmont N., Chamarat J., Gluck D. L'Académie celtique // *Hier pour demain / Arts, traditions et patrimoine*. – P., 1980.
7. Le Grand Larousse de la langue française. En 7 vol. – P., 1986.
8. Maupassant G. de. Contes et nouvelles. – P., 1974.
9. Michelet J. Tableau de la France. – P., 1949.
10. Souvestre E. Le foyer breton. – P., 1947.
11. Trésor de la langue française : Dictionnaire de la langue du XIX et du XX siècle. En 16 vol. – P., 1971-1994.

© С.А. Мызников

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия

О ЛЕКСИКЕ МАРИЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ВЕТЛУЖСКОМ КРАЕ

Ветлужская земля расположена на границе западных контактов с марийцами, а исторически являлась территорией с автохтонным марийским населением. Город Ветлуга берет своё начало от деревни Шулепниково, первое упоминание о которой в истории относится к 1686 году, позднее в начале XVIII века переименовано в село Верхнее Воскресенское. С 1779 года Ветлужский уезд – один из обширнейших уездов Костромской губернии. В него входили следующие современные административно-территориальные образования: Пыщугский, Шарьинский, Поназыревский районы Костромской области, Тоншаевский, Шахунский, Ветлужский и часть Варнавинского района Нижегородской области. С 1922 года город Ветлужский район является составной частью Горьковской области.

По историческим данным часть марийского этноса занимала территорию междуречья Ветлуги и Вятки, бассейны рек Большой и Малой Кокшаги, Илети и Юшута. В XIX веке типичными для обозначения групп луговых марийцев стали названия – *шернур марий, торъял марий, ронго марий, ярань марий, морко марий*. Соседями марийцев были русские, которые в XIX веке со стороны севера и северо-востока (вятские, яранские, санчурские, уржумские) активно проникали в марийские земли.

Русские, заселяя данную территорию, вступали в сложные взаимоотношения с местным населением. Имеются свидетельства об ассимиляции финно-угорского населения как русскими, так и тюрками. Татары отступали под натиском русской колонизации Среднего Поволжья на территории, занятые другими этносами. Имеются сведения об отатаривании марийцев ряда деревень Казанского и Лаишевского уездов (Смолякова, 1977, 105). Об очувашивании марийцев в южной и западной частях Козмодемьянского уезда свидетельствует Селищев (Селищев, 1927, 63). Длительное сосуществование на одной территории чувашского и марийского этносов отразилось и на уровне лексики. Вероятно, вследствие этого в Словаре Даля *чуваши* и *черемисы* даются как «одноколенные народы, одноплеменные». Не случайно русские источники начала XVI века не различают чувашей и чувашей, используя этноним – черемисы (Мадуров, 2004, 134).

Для этого региона характерно наличие на одной и той же территории субстрата общеприбалтийско-финского типа и различных дифференцированных финно-угорских типов. Задача их различения и разграничения была поставлена еще в работе О.В. Вострикова, который анализируемые обширные данные русских говоров Волго-Двинского междуречья объяснял с привлечением материалов волжско-финских, пермских, прибалтийско-финских и саамского языков (Востриков, 1981, 3-45).

В смежных русских говорах Приветлужья (Варнавинский, Ветлужский уезд Костромской губернии) Селищев (Селищев, 1927, 37) отмечал слова черемисского (марийского) происхождения: *валгажо'вой* 'белый', ср. мар. *волгалташ* 'блестеть' (РМС,

15); **вашкетно** 'скоро', ср. мар. *вашке* 'быстро' (МРС, 395); **вид** 'вода', ср. мар. *вуд* 'вода' (МРС, 34); **ербизёнок** 'ребенок', ср. мар. *изи рвезе* 'мальчик' (МРС, 167); **имля** 'кобыла', ср. мар. *имне* 'лошадь' (МРС, 163); **кокур** 'два', ср. мар. *кокыр* 'полколейки, грош' (МРС, 72); **мишкур** 'брюхо', ср. мар. *мўкыр* 'живот, утроба' (МРС, 127)

В проведенном нами исследовании русских говоров на территории Марий Эл, было зафиксировано несколько десятков слов марийского происхождения, а в ряде случаев были скорректированы этимологические версии, так, например, для лексемы **вара'ш** была предложена марийская этимология: **Вара'ш** 'ястреб' Совет. (Фокино). Килемар. (Водозерье). Мари-Турек. (Хлебниково). Мари-Турек. (Алексеевское) (Марий Эл, 2004). **Вара'ш** 'ястреб' Уржум. Вят., 1882 (СРНГ, 4, 45). **Вора'ш** Вят. (Васнецов; СРНГ, 5, 98). **Варашо'к** Уржум. Вят. (Магницкий, 1884). Ранее для этого слова имелись только данные по Вятской губернии (см.), однако по последним полевым данным география заимствования значительно расширилась. Иванов предлагает марийскую этимологию, ср. мар. *вараиш* 'ястреб' (Иванов, 1969, 106). Калима возводит данные Васнецова к коми *variš* 'ястреб' (Калима, 1927, 20), см. также Фасмер, 1, 351. Авторы КЭСЯ говорят о заимствовании из пермских языков в русские говоры: коми *варыш*, удм. *варыш*, мар. *вараиш*, *вāраиш* 'ястреб', при манс. *vōrēs* 'хищная птица' (КЭСЯ, 47), но, исходя из вокализма, более предпочтительна марийская этимология. Ср. также мар. *варош*, *вāраш* 'ястреб', *калья вāраш* 'ястреб-мышатник', *орави вāраш* 'воробьиный ястреб', *вараиш цывы* 'ястреб-цыплятник', *кадыр вараиш* 'ястреб-тетеревятник' (Петров, 1988, 129), мар. *кугывараиш* 'коршун', *сурвараиш* 'лушь полевой', мар. горн. *алавараиш* 'ястреб-тетеревятник', *йўдвараиш* козодой', *чыве вараиш* 'красный коршун', *мардеж йўшў вараиш* сарыч', *колявараиш*, *кўдырвараиш* 'ястреб-перепелятник' (Васильев, 1982, 102, 103). Серебренников также говорит о мар. *вараиш*, как возможном источнике для русского слова (Серебренников, 1962, 31). Следует отметить, что чуваш. *варакиш* 'ястреб-тетеревятник', зафиксированное в говорах верхового диалекта, рассматривается как марийское заимствование (Петров, 1988, 129).

Отмечается лексика сельскохозяйственной сферы.

Шокша'рины 'подпорки к центральной жерди в кладке сена' Кужен. (Мари Кугунур). **Шакша'рина** «срубленные елочки, поставленные к овину для того, чтобы держалась солома» Куженер. Мар. АССР (Иванов, 1969, 112). **Шопша'ры** 'составленные в козлы жерди для просушки в поле гороха' Яран. Вят. Сопоставляется с мар. *шопшар* 'сделанная из ветвистых сухих еловых. сучьев изгородь' (Иванов, 1969, 112).

В костромских говорах отмечается **ши'ма** «верхний сноп на копне, на бабке, крестце, суслоне; крыша, покрывка» (Костром., Даль, 4, 652), при фиксации сходных данных в шима'х 'пучок конских волос' (Р. Индигирка, Чикачев, 1990, 166), **Ши'ма** «прозвище» (Черепов., Герасимов, 1910), **расшимо'тить** 'растрепать (волосы)' (Курбск., ЯОС, 1989, 128), на **шима'к** 'к черту' (Онеж., КСРГК). Первоначально это трактовалось нами как субстрат мерянского (мари) типа (см. Мызников, 2004, 138), однако, вероятно, для костромских данных можно привести другой этимон, который в функциональном плане довольно близок значению «верхний сноп на бабке», ср. мар. *шымакш* 'головной убор марийских женщин в виде прямоугольного куска холста, один конец которого сшивался в виде конуса, закреплявшийся на голове с помощью деревянного, берестяного или войлочного колпачка' (см. также Молотова, 1992, 35). Исходя из описания, скорее всего, сюда же относится лексема **шамшу'ра** 'старинный женский головной убор – шапочка, надеваемая под платок' Вохом., Октябрь. (ККОСР), хотя следует отметить, что имелись еще мар. *шурка* 'каркасный остроконечный головной убор' (Молотова, 1992, 34).

Имню'шка «лошаденка, клячонка» Козьмодемьян., Ядрин. Казан., 1849 (СРНГ, 12, 194; Даль). Ср. мар. *имне* 'лошадь' (МРС, 163). См. также Фасмер, 2, 129.

Шкала' 'корова' Ветл., Костром. (Марков). **Шкалу'ха** 'корова' (Громов, 2000, 33), Нейск. Костром. (Попов, 1964, 448). Попов, рассматривая жгонское **шкалуха** 'корова', приводит морд. *скал*, мар. горн. *шкал*, луг. *ушкал*, причем, по его мнению, наиболее вероятно в качестве источника мар. горн. *шкал*, при удмурт. *скал* (Попов, 1964, 448).

Единично встречаются наименования животных: КЭСКЯ **мара'нга** 'заяц' Ветл. Костром. (СРНГ, 17, 369), 'кошка' Ветл. Костром. (СРНГ, 17, 369). Восходит к мар. горн. *морен*, мар. луг. *мерат* 'заяц', которое рассматривается совместно с чувашскими данными, ср. чуваш. *морен* 'заяц-русак', *морян*, *мӓрен* 'заяц' (Ашмарин, 8, 273, 275, 317), мар. * *мӓ* 'поле' + чуваш. *хорян*, *хурян* (Егоров, ЭСЧЯ, 122; Федотов, ЭСЧЯ, 2, 318; Федотов, 1, 360).

Отмечается лексика, относящаяся к сфере религии, народной духовной культуры и т. п.

Локти'ть 'гадать' Уржум. Вят. Восходит к мар. *локтаи* 'заколдовать' (Иванов, 1969, 109).

Ю'ма (И) 'Бог' Ветл. Костром. (Марков). «Главное черемисское божество» Ветл. Костром. (Марков). 'Икона' Ветл. Костром. (Марков). 'Праздник' Ветл. Костром. (Марков). **Юма'к** 'верующий в Бога человек' Ветл. Костром. (Марков). «Последователь Бога Юма» Ветл. Костром. (Марков). **Юма'чить** 'молиться' Ветл. Костром. (Марков). **Юма'шиться** 'молиться' Ветл. Костром. (Марков). **Отъюма'шить** 'отмолить' Ветл. Костром. (Марков, 1916). 'Отпраздновать; отпраздноваться' Ветл. Костром. (Марков, 1916). **Отъюма'шивать** Ветл. Костром. (Марков, 1916; СРНГ, 25, 14). **Отъюма'шиться** 'отмолиться' Ветл. Костром. (Марков, 1916). 'Отпраздноваться' Ветл. Костром. (Марков, 1916). **Отъюма'шиваться** Ветл. Костром. (Марков, 1916; СРНГ, 25, 14). В марийском пантеоне божеств главное место принадлежит *юма*, *юмо* (Ахметьянов, 1981, 51). По-видимому, приведенный материал связан с марийским влиянием, ср. мар. *юмо* 'бог' (МРС, 16), фин., кар. *jumala*, вепс. *g'utal*, ливв. *jumalu* 'бог', морд. *Jumi*, *jumishipas* 'мордовский бог', удм. урж. *jũmә* 'бог' (SKES, 122). Ср. коми *ёма*, *juma* 'ведьма, баба-яга' из прибалтийско-финского (КЭСКЯ, 100).

Ирха' 'злобная женщина' Ветл. Костром. (Иванов, 1969, 106). Иванов считает, что слово происходит от марийского собственного имени *Ирга*. «По одной марийской легенде, записанной примерно в тех же краях, Ирга — гордая, смелая, свободолюбивая девушка, отдавшая свою жизнь за свободу родного народа в борьбе с царскими колонизаторами. Для русских это имя превратилось впоследствии в нарицательное и стало синонимом всех злых, нехороших женщин» (Иванов, 1969, 106).

Лексика материальной культуры имеет свою специфику: **Ке'мы** 'сапоги' Ветл. Костром. (СРНГ, 13, 180). Ср. мар *кем* 'сапог, сапоги' (МРС, 65), *кем* 'кожаная обувь' (СЭКФУ, 76).

Перт' 'изба, дом'. Ветл. Костром., (Марков, 1933; СРНГ, 26, 294). Соотносится с мар. *pört* 'изба'. Следует отметить, что в севернорусских говорах отмечается **перть** 'жилая изба' (Кем. Арх., Подвысоцкий), возводимое к иным прибалтийско-финским источникам, ср. кар. *pirtti*, вепс. *pert'* 'дом, изба'.

Кербас' 'пила' Ветл. Костром. (СРНГ, 13, 183). Вероятно, следует сопоставлять с **кирбяс** 'топор' Углич. Яросл. (Свешников). Ткаченко рассматривает **кирбяс** как результат мерянского влияния (Ткаченко, 1985, 150). Ср. сходные прибалтийско-финские данные: фин. *kirves* 'топор', ливв. *kirves*, вепс. *kirvez* 'топор', которые, в свою очередь, — балтийского происхождения, ср. литов. *kirvis*, латыш. *cirvis* 'топор' (SKES, 200).

В ряде случаев, при фиксации на территории Поветлужья лексические данные соотносятся на данный момент только с прибалтийско-финскими источниками. **Ю'па'к** 'Сапог' Ветл. Костром. (Марков, 1933; КСРНГ). **Упа'ки** 'валенки' Ветл. Костром. (Марков). Нейск., Мантур., Макарьев., Костром. (Востриков, 1981, 13). Слово известно в

памятниках письменности: **упоки** «мягкие сапоги с разрезом (сзади), обычно с короткими голенищами, без каблуков и подметок, иногда с загнутыми сверху носками» Приход.-расход. кн. Онеж. мон. 1661, (Вахрос, 1959, 183). **Упаки** – *Явиль вытегорець Антипъ Васильевъ сынъ 9-ры упакы*. Там. кн. Тихв. мон. 1663 (Вахрос, 1959, 183). «В Петровское время такие сапоги носили в качестве рабочей обуви нижние чины пехотных гарнизонных полков: «чулки белые, и, независимо от башмаков, длинные до колен рабочие сапоги или упакы из нечерненой кожи» (Висковатов, 2, 35). Ср. также **у'поки** «род простонародной обуви» (Слов. Акад. 1847). **Упаки** «обутки из сырой кожи» Устюг Великий (Симонии, 1757). Калима полагает, что для русского слова первоисточником послужило фин. *huorokas*, pl. *huorokkaat* 'валенки, валенки', а фин. *urokas* 'широкий башмак, сапог без голенища' является обратным заимствованием из русского; причем из русского языка слово вошло в коми, ср. коми-перм. *uroki* 'праздничная обувь', коми удор. *ukari* 'валенки' (Kalima, 1915, 233). Вахрос, говоря о заимствовании данного типа обуви русскими, полагает, что наименование этой обуви вошло в русский язык из финского (Вахрос, 1959, 184). Еще в Ухтинском крае (1930 г.) основной обувью местного населения были «**упакы** – высокие сапоги, шьющиеся из мягкой юхты, без всяких каблуков и набоек, на подошве, с поднимающимися вверх носками» (Золотарев, 1930, 13-14). В конце XIX вв. **упоки** были распространены в Шенкурском уезде Архангельской губернии: «По покрою похожи на лапы с голенищами» (Ефименко, 1877, 56). В прибалтийско-финских языках это гнездо широко распространено, ср. фин. *urokas* 'сапог, обувь без каблука', 'вид саамской обуви, сапог без голенища', *urikas* 'саамский сапог с загнутым носком', ливв. *urakko* 'саамский сапог с загнутым носком', 'стоптанный башмак', вепс. южн. *urak* 'сапог', 'лапоть с голенищем', *urud* 'сапоги из бересты', 'лапти с голенищами', водск. *urakka* 'вид женской обуви' (SKES, 1543), вепс. *urud* 'берестяные башмаки, лапти с голенищами' (СВЯ, 603), вепс. исаев. *urakot* 'валенки' (Basilier, 1890, 66). Следует отметить, что Basilier говорит, что в качестве отхожего промысла у исаевских вепсов было распространено катание валенок и изготовление сапог. Они из Исаевской волости ходили через Вытегру на р. Оять и Белое озеро, а также по Вологодской, Ярославской и Тверской губерниям (Basilier, 1890, 66). Ср. в этой связи коми удор. *упакы*, *чёръя упакы*, *укапи* 'валенки', удор. *ной упакы* 'зимняя обувь, состоящая из валеных головок и пришитых суконных или холщевых голенищ' (ССКЗД, 393), и ярославские, тверские (**выпуки**) данные.

Некоторые лексемы имеют довольно широкий ареал бытования в Среднем Поволжье, так, например: **куба'** 'черемиска или русская, имеющая сходство с черемиской'. Ядрин., Козьмодемьян. Казан., 1849. Казан. (СРНГ, 15, 376); **ку'ба** 'толстая женщина или девочка; толстуха' Нерехт. Костром. (Диев). Влад., 1820. Яросл., Калуж. (СРНГ, 15, 375). Отмечается также дериват **кубё'нка** 'девочка черемиска' Ядрин., Козьмодемьян. Казан. (СРНГ, 15, 381). Одно слово (относящееся, вероятно, сюда же) трактуется Бондалетовым как угличский арготизм: **кубафeya** «баба» Углич. Яросл. (Бондалетов, 1980, 27). Ткаченко пытается разделить два варианта **куба'** 'черемиска' и **ку'ба** 'женщина' как результат марийского и мерянского воздействия (Ткаченко, 1985, 158). Однако их можно сопоставить с мар. *куба* 'старуха, женщина пожилого возраста', 'жена, супруга' (СМЯ, 3, 69). Фасмер приводит в качестве источника мар. горн. *киво* 'теща' (Фасмер, 2, 394).

В ряде случаев лексика марийского происхождения получает словообразовательное освоение: **Кербасить** 'пилить' Ветл. Костром., **ке'рбаситься** 'пилиться (о дровах и т. д.) Ветл. Костром. (СРНГ, 13, 183), **ке'рбасовый** 'относящийся к пиле' Ветл. Костром. (СРНГ, 13, 183), от **кербас** (см. выше); **перт пе'ртить** «дом домить». Ветл. Костром. (Марков, 1933; СРНГ, 26, 294), **пе'ртный** 'домашний' Ветл. Костром. (Марков, 1933; СРНГ, 26, 294), от **перть** (см. выше); **юпа'шить** 'сапожничать'

Ветл. Костром. (Марков, 1933; КСРНГ), юпа'шной 'сапожный' Ветл. Костром. (Марков, 1933; КСРНГ), от юпак (см. выше).

Иногда в русской лексеме удается выделить иноязычный корень, при безаффиксальной лексеме в русских говорах: *поты'лить* 'сжечь' (Ветл. Костр., СРНГ, 30, 321). Ср. мар. горн. *тыл* 'огонь' (СМЯ, 7, 239).

Ранее ареал бытования марийского этноса был значительно продвинут на запад, имеются данные о распространении марийцев в Ивановской, Костромской, Нижегородской области, что заставляет несколько иначе смотреть проблему мерянского субстрата на этих же территориях. При том, что территория Поветлужья давно уже рассматривается как пространство, связанное с марийским этногенезом, а некоторые топоформанты, такие как – *-энер*, *-энгер*, *-инер*, *-ингур*, зафиксированные на территории Ярославской, Костромской, Нижегородской, Вятской губерний, соотносятся с марийскими данными на территории Марий Эл.

Литература

Ахметьянов – Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. – М., 1981.

Бондалетов, 1980 – Бондалетов В.Д. Условные языки на территории Калининской и Ярославской областей и их изучение // Лексика и фразеология севернорусских говоров. – Вологда, 1980. – С. 26-32.

Васильев, 1982 – Васильев В.Н. Названия птиц в марийском языке // СФУ, 1982, XVIII, №2. – С. 101-104.

Васнецов – Васнецов Н. М. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. – Вятка, 1907.

Вахрос – Вахрос И. С. Наименования обуви в русском языке. 1. Древнейшие наименования до петровской эпохи. – Хельсинки, 1959.

Востриков, 1981 – Востриков О. В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // Этимологические исследования. – Свердловск, 1981. – С. 3-45.

Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Тт. 1-4. – М.-СПб., 1880-1882.

Егоров, ЭСЧЯ – Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары: Чувашиздат, 1964.

Ефименко, 1877 – Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П.С. Ефименком. – М., 1877.

Иванов – Иванов И.Г. Марийские лексические заимствования в русских говорах Вятского края // СФУ, 1969, V, № 1. – С. 105-113.

ККОСР – Краткий костромской областной словарь (рукопись).

КСРГК – Картотека Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей (хранится в Словарном кабинете им. Б.А. Ларина, СПбГУ).

КСРГН – Картотека Словаря русских народных говоров (хранится в ИЛИ РАН).

КЭСКЯ – Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. – Сыктывкар, 1999.

Марков – Марков Д.А. Слова, записанные в Ветлужском уезде // Изв. Общ. археол. ист. и этногр., 1907, т. XXIII, вып. 2. – С. 132-135.

Молотова – Молотова Т.Л. Марийский народный костюм. – Йошкар-Ола, 1992.

МРС – Васильев В.М., Учаев З.В. Марийско-русский словарь. – Йошкар-Ола, 2003.

Мызников, 2004 – Мызников С.А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ. – СПб., 2004.

Петров, 1988 – Петров Л.П. Чувашские орнитонимы марийского происхождения // Межъязыковое взаимодействие в Волго-Камье. – Чебоксары, 1988. – С. 127-130.

Попов, 1964 – Попов А. И. Финно-угорские языки и лексика русских говоров // *Studia slavica. A magyar tudományok Akadémia nyelv- és irodalomtudományi osztályának közlemé.* – Budapest, 1964. Fasc. 3-4. – С.445-449.

- РМС – Учаев З.В., Захарова В.С. Русско-марийский словарь. – Йошкар-Ола, 1999.
- СВЯ – Зайцева М.И., Муллонен М.И. Словарь вепсского языка. – Л., 1972.
- Селищев, 1927 – Селищев А.М. Русские говоры Казанского края и русский язык у чуваш и черемис. (К изучению культурно-языковых взаимоотношений в Среднем Поволжье) // Ученые записки Института языка и литературы РАНИОН (Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук). – М., 1927. – Т. 1. – С. 36-72.
- Симонии, 1757 – Симони П. К. Словарь областных слов, употребляемых в г. Устюге Великом (по записи 1757 г.) // Живая старина. – 1898. – Вып. III-IV. – С. 443-448.
- Слов. Акад. 1847 – Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. Акад. наук. Тт. I-IV. – СПб., 1847.
- Смолякова, 1977 – Смолякова Л.П. Формирование фонетической системы русских говоров Волго-Камья. – М., 1977.
- СМЯ – Словарь марийского языка. Т. 1–8. – Йошкар-Ола, 1990–2003.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Тт. 1-41. – М., Л., СПб., 1965-2007.
- ССКЗД – Сравнительный словарь коми зырянских диалектов. – Сыктывкар, 1961.
- СЭКФУ – Современная этническая культура финно-угров Поволжья и Приуралья / Отв. ред. Н.Ф. Мокшин. – Йошкар-Ола, 2002.
- Ткаченко, 1985 – Ткаченко О.Б. Мерянский язык. – Киев: Наукова Думка, 1985.
- Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Тт. 1–4. – М., 1964-1973.
- Федотов, ЭСЧЯ – Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. Тт. 1-2. – Чебоксары, 1996.
- ЯОС – Ярославский областной словарь. Вып. 1-10. – Ярославль, 1981-1991.
- Basilier, 1890 – Basilier Hj. Vepsäläiset Isajjevan voolostissa // Suomalais-ugrilaisen seuran aikakauskirja. VIII. 1890. – S. 43-84.
- Kalima, 1927 – Kalima J. Syrjänisches Lehngut im Russischen // FUF, XVIII. Helsinki, 1927. – S. 1-56.
- SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1-7. – Helsinki, 1955-1981.

© М.М. Раевская, © М.М. Чавес Уаман

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ В ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ СТРАНАХ (КОНТАКТ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР НА ПРИМЕРЕ АНДСКОГО РЕГИОНА)

Языковая реальность в зонах билингвизма в Латинской Америке до сих пор по многим параметрам является *terra incognita*. Однако в настоящее время уже появились исследования, позволяющие заглянуть в совершенно особый мир этнолингвокультурного сознания народов, населяющих данный континент. При этом все их авторы говорят о необходимости учитывать тесное переплетение исторических, этнографических, культурных и лингвистических факторов, приведшее к возникновению единственного в своем роде языкового сознания каждого лингвокультурного сообщества.

В вопросе изучения специфики мировидения конкретного этноса отдельным, определяющим этапом является приобретение необходимых знаний относительно символики. Информацию о символах мы находим в реалиях или, согласно определению О.А. Корнилова, «реальных объектах материального мира», объектах коллективного творчества, характеристика которых напрямую связана с проведением анализа исторического фона развития данного этноса. Кроме того, необходимые сведения содержатся в языке и в мифологии, аккумулирующей представления народа о мироздании. В свою очередь, комплекс данных сведений отражается в структуре языковой картины мира, которая, согласно О.А. Корнилову, представляет собой совокупность категорий, соотнесенных с реалиями объективного мира и концептов, являющихся артефактами коллективного языкового сознания. Под «концептами» в данном случае подразумеваются абстрактные логические понятия и оценочно-ценностные, а также мифические категории. Следует отметить, что символы отражают абстрактные логические понятия, и в этом, как представляется, заключается их особая ценность, так как они являются графическим, и, следовательно, схематичным отображением абстрактного.

Специфика восприятия абстрактно-логических понятий у конкретного этноса сказывается на особенностях функционирования оценочно-ценностных категорий. К примеру, осознание пространства и времени отличается у представителей различных культур, в связи с этим различаются положительная и отрицательная оценки пространственного и временного отрезков, различное восприятие понятий далеко-близко, долго-быстро. Владение подобной информацией, безусловно, необходимо в условиях межкультурного контакта, определяет корректное общение в большинстве коммуникативных ситуаций и способствует преодолению культурного шока.

При изучении особенностей национальных менталитетов в рамках латиноамериканского региона особый интерес представляют мезоамериканский и андский ареалы, в связи с наличием богатого культурного наследия древности и сохранением традиционных концептов коллективного сознания. Древние культуры Мезоамерики и Южной Америки известны высокой степенью символизма, наиболее ярко

проявляющегося в монументальном строительстве и искусстве, великолепные примеры которых до сих пор являются предметом для различных исследований.

Цивилизация инков, распространившая свое влияние на обширной территории от Колумбии до Чили в период с 1400 по 1533 гг., определила мощную культурологическую базу современных народов ряда стран Южной Америки. Наследие великих предков прослеживается в философии, искусстве, обычаях и языке. Для понимания особенностей современного мировосприятия жителей данного региона необходимо обратиться к истории древней цивилизации, определить специфику существовавшей категоризации мира.

Андская символика представляет богатый материал в области числовых ориентиров, анализ которых позволяет осуществить декодировку сакрального числа, играющего решающую роль в определении конфигурации картины мира, – сведения, необходимые для описания особенностей национальных менталитетов.

Безусловно, большая часть информации относится к периоду существования империи инков как последней, наиболее развитой культуры, о которой сохранилось достаточное количество сведений. Для их цивилизации характерно внезапное появление и бурный расцвет, сопровождаемый рядом стремительных завоевательных кампаний. И если происхождение инков окутано тайной и уходит корнями в мифологию, то покорение ими многочисленных народов, которые и оформили состав империи, имеет вполне реальные очертания. Инки умело использовали знания, приобретенные покоренными народами, совершенствовали их наилучшие изобретения, впитывали культурное наследие. В состав империи входили различные этнические группы, среди наиболее многочисленных можно назвать кечуа, аймара, чиму и уру, которые также славились собственной историей. К легендарному прошлому народов андского региона относятся такие значимые культуры, как Чавин, Паракас, Наска, Моче, Уари, Тиауанако, которые оставили после себя примеры монументального строительства, гончарного и ткацкого производства. Инки, ассимилировав обычаи и мировоззрение коренных народов, стали последним звеном развития андских цивилизаций доколумбового периода.

Анализ системы организации империи Тауантинсуйу (*Tawantinsuyu* (кечуа) – страна четырех сторон света) выявляет принцип подчинения числу четыре (*tawa*):

1. Состав самой империи предполагал ее деление на четыре части (*Antisuyo*, *Qollasuyo*, *Chinchasuyo*, *Qontisuyo*).

2. Каждой части (*suyo*) соответствует свой цветовой символ: зеленый (*Antisuyo*), белый (*Qollasuyo*), красный (*Chinchasuyo*), желтый (*Qontisuyo*), и, таким образом, создается четырехцветовая символика, в которой каждый цвет ассоциируется с определенной частью света или направлением.

3. Структура инкского общества представлена в виде четырех основных звеньев, которые можно представить по мере возрастания их значимости следующим образом: супружеская пара, семья, айлью (община), империя.

4. Социальное деление выявляет четыре класса: правящий класс, служители культа, военные, гражданские. Внеобщинный сектор также подразделялся на четыре группы: аклякуна (*akllakuna*) – девушки, занимавшиеся ткачеством; льянакуна (*llanakuna*) – слуги, обслуживавшие элиту; камайок (*kamallok*) – разного рода ремесленники, к примеру, составители и толкователи узелкового письма кипу, называвшиеся *quipukamallok*; митимае (*mitimaye*) – военные, выполнявшие роль колонистов-переселенцев.

Искусство и архитектура инков свидетельствуют о принципе подчинения базовому символу, которым является четырехугольник (графическое воплощение сакрального числа четыре):

1. Городская планировка ориентирована на центральную трапециевидную площадь (*kancha*), окруженную жилыми кварталами, составляющими «сеточную схему улиц» [4. С. 309], каждый квартал являлся четким прямоугольником – ячейкой.

2. Наличие четырех типов постройки, которые иллюстрируют классовое деление внутри общества: дворцы, культовые сооружения, фортификационные сооружения (*pukara* (кеч.)- крепость), гражданская застройка.

3. Основной элемент архитектурного стиля инков – четырехугольник (трапеция); декоративный элемент инкской постройки – трапециевидные ниши, а также окна и двери, выполненные в форме трапеции, по утверждению фон Хагена, являлись «лейтмотивом инкского зодчества», «чудом пропорции и симметрии» [4. С. 391-392].

4. Геометрический орнамент в архитектурном декоре, гончарном и ткацком производстве, наличие характерного «ступенчатого орнамента», расположение фигур в квадратах-ячейках (*tosaru*) или ромбах, кратность изображаемых элементов или фигур числу четыре (наиболее частотное количество – 16, 24, 48). Наиболее повторяющийся элемент – четыре квадрата внутри квадрата-ячейки.

Анализируя мифологию и культ инков можно выявить следующие тенденции:

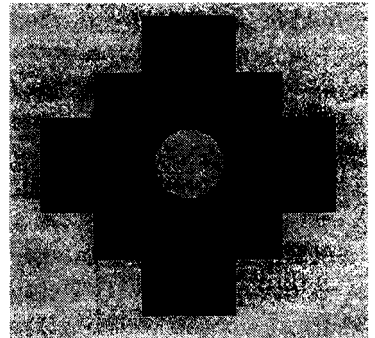
1. Жертвоприношения четырем основным божествам: Солнцу, Воздуху, Воде и Холоду.

2. Отдельный культ Земли (*Pachamama*), символом которой в узелковой письменности – кипу – является число четыре.

3. Происхождение инков связывается с мифом о четырех супружеских парах прародителей, вышедших из четырех окон – пещер в Пакаритамбо.

4. Миф о боге-творце выявляет персонажа Виракочу, имеющего четыре ипостаси (Пачамак, Тунупа, Пачайаччик, Кон-Тики).

Наиболее ярким воплощением сакрального числа четыре в андском мировоззрении можно назвать священный символ чакана (*chakana*), в современной интерпретации также называемый андским крестом (*la cruz andina*). Данный символ, являющийся наиболее часто изображаемым элементом в искусстве и архитектуре инков, демонстрирует совмещение двух основных символов: квадрата и круга. Можно предположить, что квадрат являлся иллюстрацией пространства, мыслимого как четырехмерное, а круг – отражал концепт времени, представляемого инками как цикличное, о чем свидетельствует принцип реинкарнации и равнозначное восприятие прошлого и будущего, имеющих в языке кечуа единое обозначение *pacha*. Таким образом, объединяются два различных графических символа – два различных концепта, образуя и иллюстрируя единый пространственно-временной континуум, символизирующий дуализм андского мировосприятия.

Такое восприятие пространственно-временного континуума нашло своеобразное выражение в языке кечуа и, соответственно, в испанском языке этой зоны. Способ восприятия времени в андских культурах непосредственно связан с его относительностью, ход времени не является определяющим в сознании говорящих, он происходит согласно законам природы, поэтому, на первый взгляд, время в сознании кечуа кажется статичным. Однако *pacha* является одновременно статикой и динамикой пространственно-временного континуума, настоящим, вмещающим в себя прошлое и будущее, не связанным с необратимостью времени. Этой способностью наделена коллективная память, которая посредством ритуалов может возвращать уже свершившееся настоящее. Жизнь простирается в поиске гармонии будущего с прошлым,

которое постоянно находится перед человеком. Подобные представления практически не сообразуются с представлениями, бытующими в любом европейском сознании.

Наиболее яркий пример этому с точки зрения любого «европейского» языкового сознания – относящаяся к сфере повседневного общения фраза-реплика хозяина дома на вопрос гостя о том, есть ли кто-нибудь дома: «¡Tú habías sido!» (А, это ты!), в ситуации, когда хозяин выходит навстречу гостю. Как отмечают перуанцы-билингвы, испанская нормативная форма «eres tú» не является в данной ситуации корректной с точки зрения языкового сознания кечуа, поскольку подразумевает, что гостя увидели еще до того, как он пришел. Использование формы Pluscuamperfecto в ситуации настоящего времени является ярким примером языковой интерференции двух языковых сознаний – кастильского и кечуа, для которого прошлое и настоящее, а также ближайшее будущее находятся в одном и том же пространстве.

Еще одним примером языковой интерференции испанского и кечуа является повседневно употребляющееся обещание прийти навестить друга/знакомо́го: «voy a venir a tu casa» вместо ожидаемого нормативного испанского клише «voy a ir a tu casa», что объясняется взаимосвязанностью субъектно-объектных отношений в сознании кечуа, отражающейся на корреляции движения «вперед/назад». Последняя дословно интерпретируется сознанием кечуа как «voy a alejarme de tu casa», поскольку дословное соответствие кечуа испанскому глаголу *ir* обозначает движение в противоположную сторону от дома. Таким образом, в сфере субъектно-объектных отношений для сознания кечуа приоритетным является объект, то есть собеседник в проекции на говорящего.

Не менее показательным примером языковой интерференции является традиционный ответ «sólo acasito po más» на вопрос о том, где находится такой-то объект (город, поселок), расположенный за несколько километров от говорящих. Фраза «sólo acasito po más» является практически дословным переводом выражения *kaylla*, которое на кечуа обозначает «un lugar que difícilmente aparece debido a que el pueblo se encuentra detrás de una o varias montañas». Как считают специалисты (Manga Qespi; Faller, Cuellar), подобное осмысление ситуации возможно только в условиях особого восприятия сознанием кечуа пространства и времени, которые находятся в особой взаимосвязи.

В целом, использование пространственных концептов в осмыслении времени характерно для всех языков, различие же состоит лишь в том, какие пространственные концепты выбираются тем или иным языковым сознанием в качестве приоритетных и как согласуются между собой пространственные и временные понятия.

В некоторых исследованиях [6] приводятся факты позиционирования будущего в языках кечуа и аймара позади говорящего, а прошлого – впереди человека. Однако М. Фаллер и М. Куэльяр [7] приводят уточненные данные метафоризации времени в языковом сознании кечуа. В своем исследовании они показывают, что понятия «*delante*» и «*detrás*» экстраполируются не на человека, а на другой промежуток в траектории времени, что говорит об относительной модели восприятия этого понятия языковым сознанием кечуа. Кроме того, во временном арсенале кечуа значатся глаголы вертикального измерения «*subir*» и «*bajar*», не связанные с человеком, а также выражения, свидетельствующие о циклической концептуализации времени, связанной с видимым движением солнца.

В отличие от кечуа, кастильское языковое сознание использует дейктическую и относительную модели осмысления времени, которое разворачивается из будущего в прошлое («*vendrán tiempos nuevos, se fueron los tiempos tristes*). Относительная модель представлена такими структурами, как *antes de ayer, después de hoy*, при том же направлении временной прямой. Обе модели реализуют представление о времени в пространственной дихотомии «вперед/сзади».

Интересно, что в сознании кечуа будущее может находиться «позади» некоего другого события (не обязательно человека), а прошлое – «впереди» какого-либо другого интервала, никоим образом не связанного с человеком. При этом позиционирование прошлого впереди имеет логичное объяснение: его, в отличие от будущего, можно «видеть», ибо в дословном переводе с кечуа прошедшее время называется «время глаза» (*tiempo (del) ojo*), что можно также интерпретировать как *tiempo en el ojo*. Фактически мы имеем дело с метафорическим осмыслением времени в сознании кечуа, согласно которому память о жизненном опыте индивида прежде всего ориентирована на зрительные образы. Одновременно говорящий находится как бы вне времени, соотнося друг с другом события, и в то же время позиционируя себя как объект внутри континуума неких событий. В обоих языках (кечуа и кастильском) временная прямая разворачивается из будущего в прошлое.

Однако при одной и той же относительной модели временной концептуализации метафоры движения в этих языках разные. Если в кастильском бытует представление о времени как о движении (*tiempo es movimiento*), то в кечуа есть еще один способ осмысления времени и человека, который может «войти» или «выйти» из временного интервала, что свидетельствует о его понимании как некоего вместилища (*tiempo es un contenedor*) – «*en el interior del invierno*».

В языковом сознании кечуа существует также вертикаль времени, в которой будущее находится сверху (*ya está bajando el año (venidero), ya estamos subiendo al próximo año*), а прошлое – снизу по отношению к настоящему, однако специальных исследований по данной тематике практически не имеется.

Идея цикличности времени реализуется посредством употребления глагола «*volver*»: *ya volvió el nuevo mes, ya volvió el día*. При этом возвращение месяца, дня или времени года не подразумевает возврат того же самого временного отрезка, речь скорее идет о возвращении неких темпоральных абстракций, которые заполняются различными событиями, чья последовательность и создает представление о временной прямой. Однако, согласно исследованиям [2; 9], общее представление о времени в сознании кечуа реализуется, скорее всего, в виде спирали из последовательных и одновременно накладывающихся друг на друга кругов, где будущее генерируется из непосредственного предшествования как базовая проекция, порождающая следующий пространственно-временной виток. Европейское линейное представление событий во времени не укладывается в концепцию времени кечуа, объединяющую линейные темпоральные отрезки в спиралевидную цепочку следующих друг за другом и одновременно порождающих друг друга событий (Г.Г. Ершова, описывая картину времени в кечуа, использует термин «лента Мебиуса»).

Вместе с тем явная языковая интерференция кечуа и испанского наблюдается в сфере системы грамматических времен и концептуализации прошедшего времени как вмещающего в себя наибольшее количество самых разнообразных фактов. В частности, система грамматических времен кастильского языка испытала на себе сильнейшее влияние со стороны языкового сознания кечуа, привнесшего в концептосферу прошедшего времени дополнительный оттенок степени достоверности информации, полученной говорящим на основе личного опыта или услышанной от другого лица. Так, например, время *Preterito perfecto simple* употребляется для передачи информации, полученной на основе личного опыта; время *Preterito perfecto compuesto* передает информацию, полученную от другого источника; время *Pluscuamperfecto* снимает всякую ответственность с говорящего за переданное им сообщение.

Однако богатство дополнительных оттенков грамматических времен испанского языка на этом не заканчивается: *Preterito perfecto compuesto* и *Pluscuamperfecto* (каждое в соответствующем грамматическом контексте) могут передавать удивление говорящего

по отношению к информации: «Vi a Felipe y ha estado casado» обозначает «vi a Felipe y resulta que está casado».

С формальной точки зрения к системе грамматических времен кастильского языка, передающих идею прошлого, добавляется еще один способ, объясняющийся исключительно влиянием кечуа: идея перфективности в зоне рассматриваемого двуязычия преимущественно передается при помощи конструкции «глагол + герундий», в которой за герундиальной формой закреплено значение непосредственного предшествования действию, выраженному глаголом в личной форме. Так, например, фраза «viene durmiendo y por eso está tranquilo» интерпретируется следующим образом: «durmió antes de venir y por eso está tranquilo». Следует отметить, что употребление данной структуры не имеет ограничений во времени и наклонении, порядок следования главной и придаточной части также не имеет значения.

Таким образом, языковая реальность в двуязычных ареалах может дать богатейший материал для изучения возможной концептуальной интерференции двух языковых сознаний (кастильского и кечуа), что в свою очередь могло бы дать очень интересные результаты для пополнения общей картины концептуализации времени и пространства в различных языках.

Литература

1. Боден Л. Инки. Быт, культура, религия. – М., 2004.
2. Ершова Г.Г. Древняя Америка: полет во времени и пространстве. Т. Мезоамерика. – М., 2007.
3. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М., 2003.
4. Хаген фон В. Ацтеки, майя, инки. – М., 2004.
5. Acosta J. Historia natural y moral de las Indias. – Madrid, 1954.
6. Estermann J. Filosofía Andina. – Quito: Editorial Abya-Yala, 1998.
7. Faller M., Cuellar M. Metáforas del tiempo en el quechua. Publicación online, 2005.
8. Laurencich-Minelli L. El curioso concepto de "cero concreto" mesoamericano y andino y la lógica de los dioses Números incas. Espéculo. Revista de estudios literarios. Universidad Complutense de Madrid. 2004.
9. Manga Qespi A.E. Pacha: un concepto andino de espacio y tiempo. Revista Española de Antropología Americana, 24. – Madrid: Complutense, 1994.
10. Radden G. The Metaphor TIME AS SPACE across Languages. In: Baumgarten, Nicole et al. (Eds.). Übersetzen, Interkulturelle Kommunikation, Spracherwerb und Sprachvermittlung. Das Leben mit mehreren Sprachen. Festschrift für Juliana House zum 60. Geburtstag. Zeitschrift für Interkulturellen Fremdsprachenunterricht (online) 8(2/3):226-239, 2003.

© Э.М. Рянская

Нижевартовский государственный гуманитарный университет, Нижневартовск, Россия

ОБРАЗНОСТЬ КАК КУЛЬТУРНО-ЗНАЧИМЫЙ КОМПОНЕНТ (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ)

Обращаясь к когнитивным аспектам языка, современная психолингвистика ставит задачей синтезировать теорию словесного знака и теорию осмысленного образа. Как отмечает А.А. Леонтьев, чтобы понять носителей другого языка и другой культуры, важно перейти на другой образ мира, но при этом должно быть сходное понимание реальности [7. С. 268-269]. Автор различает варианты и систему инвариантных образов мира, или абстрактных моделей. Под образом мира в психолингвистике понимается отображение предметного мира в психике человека, «опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии» [7. С. 268]. Для понимания роли образа в формировании структуры языковой единицы важно знать, что он отличается от представления «своей целостностью и смысловой содержательностью, формируемой восприятием, памятью, воображением и накопленными впечатлениями» [1. С. 115]. Часто образность воспринимается как метафоричность в широком смысле. Под образностью слова понимается также естественная способность стимулировать в сознании или подсознании мысленный образ, при этом доминировать могут разные образы сознания и необязательно его предметное содержание. Слова или термины могут обладать национально-культурной маркированностью образов. По наблюдениям В.В. Красных [6. С. 295], на образность могут оказывать влияние как собственно лингвистические факторы, так и «культурная память», которая проявляется в фольклоре, стереотипах и других культурно-значимых единицах языка.

В соответствии с принятой нами концепцией наибольший интерес для нас представляют именно варианты образов мира и, если брать еще уже, образность и ее источники в национальных языках и региональных вариантах.

Согласимся с высказыванием Н.Ф. Алефиренко, что для русского языкового сознания образное восприятие мира является доминантным. Как пишет автор, «его этнокультурную основу составляют языковые знаки, представляющие смысловое содержание концептов на уровне их образного и символического воплощения. В русской философской традиции всегда считалось, что понятие омертвляет вещь; вещь уходит на периферию сознания, поскольку она уже осмыслена и переведена в распоряжение логического мышления» [1. С. 144]. Однако установление степени образности языков – непростая задача, требующая специального исследования с использованием различных параметров.

Обратимся к ряду примеров. Большой интерес для этнографов, культурологов и лингвистов имеют сведения о названиях месяцев в различных диалектах хантыйского языка, отражающих природо-хозяйственные циклы, своеобразие традиционного образа жизни коренных народов. Каждый из месяцев содержит чаще всего сведения о

природных явлениях: сентябрь – «листопад», октябрь – «месяц отлета уток», «мало замерзает»; ноябрь – «месяц замерзания Оби», «много замерзает»; январь дает названия, обыгрывающие тему мороза, – «морозный месяц», «большой морозный месяц»; февраль – «месяц замора Оби»; март – «вороний месяц», «таежный месяц», «месяц орла»; апрель – «месяц бурундука», «месяц лебедя»; май – «месяц прилета гусей и уток» или «отметавшего икру осетра месяц»; июнь – «месяц цветения ягод», «месяц, когда рыба мечет икру» и даже «месяц комаров»; июль – «месяц муксуна», «середина лета» [3; 11; 10]. Названия могут быть связаны с традиционной хозяйственной деятельностью: август – «месяц сбора ягод» или «месяц больших уловов рыбы», ноябрь буквально обозначает «осень тайга ездить мужчина» или «месяц осеннего хождения в лес (на охоту)», «месяц белкования». Имеются также названия месяцев, связанные с оленеводством. Невольно напрашивается аналогия с республиканским календарем эпохи Великой французской революции 1789-1794, в котором названия месяцев были связаны с природо-хозяйственными циклами: *Brumaire*, «месяц туманов», *Pluviose*, «месяц дождей», *Floreale*, «месяц цветения», *Fructidor*, «месяц созревания фруктов», и т.д. В данном случае можно говорить о совпадении когнитивных моделей в рамках одного понятийного поля.

А вот традиционный календарь лесных ненцев характеризуется подвижностью и отличается от общепринятого деления годового цикла на месяцы. Иллюстрированное издание «Песни реки Аган» [8] содержит следующие сведения. Прежде всего, год в ненецком календаре делится условно на шесть периодов. Начинается он с периода *вы'ну* (начало мая – начало июня), «когда снег и лед растаяли, но листья на деревьях еще не появились». Период *таңичу* (с 10-х чисел июня до 20-х чисел августа) означает время «появления полного листа до первых заморозков или до начала желтения листа». Этот период еще называют нетянкмалша, или «комариный период». Холодное время года начинается с периода *каньчу*, «похолодание» (конец августа – конец сентября, иногда включая первую декаду октября) или *нимялу пану*, «мошки период», и соответствует времени «от начала желтения листа до появления первых льдинок». Конец сентября – вторая половина октября – период *мыличу* («наледь»), длящийся до сильных морозов. Самый большой период (с 20-х чисел октября до 20-х чисел марта) соответствует периоду *хыла* (от *хыл* – «снег»). И, наконец, период, начинающийся с прилета орла-белохвоста и длящийся до начала мая, называется *налка* (от *нашаняни* – «время наста»).

Известно, что наиболее репрезентативным слоем национального мировосприятия является лексика цветообозначения. Заметим, что если в русском языке можно выделить обозначения ягод по цвету (*голубика*, *черника*) и обратные наименования (*малиновый* цвет), то в хантыйском языке обозначение цвета чаще связано с оттенками реальных объектов: *алый* от слова *брусника*, *красный* – от слова *кровь* и даже ассоциируется с промокательной бумагой; светло-зеленый – «цвета свежего сена»; темно-голубой – «спинка белки»; светло-желтый – «цвет глины» и т.д. [11. С. 247]. Манси обозначают такие оттенки, как красный, рыжий, оранжевый, бордовый, словом – *выгыр* или *келл* (цвета крови) [4. С. 168].

Ключевыми словами для национального языкового сознания, как известно, являются *ум*, *душа* или *сердце*. Рассмотрение особенностей, выражаемых этими терминами концептов, представляет огромный интерес и может стать предметом специального исследования. Отметим лишь, что в различных языках эти термины встречаются во фразеологических оборотах, пословицах и поговорках, подчеркивая их национальное своеобразие. Подобный пример мы находим в ненецком языке: слово *сердце*, употребленное в смысле «жизненная сила», «мужество», включается в выражения «сердце крепкое», «сердце тонкое». В случае если человек проголодался, говорят «сердце заболело», «сердца кончик жевать» означает «перекусить» [13. С. 78].

Тесная связь мира человека с окружающей средой просматривается во флористической лексике [12]. В основе хантыйских названий растений лежат такие признаки, как цвет, место произрастания, характер поверхности, способ применения, по названиям животных и птиц, которые питаются растением. Эти признаки придают флористической лексике яркую образность: *черника* ассоциируется с цветом золы, *рожь* буквально означает “черной хлебной муки трава”; *клюква* – “ягода кочки” или “ягода открытой болотной местности”, “журавль, ягода”; *голубика* означает буквально “голубая ягода” или (в другом диалекте) “ягода гагары”; *подорожник* – “трава двора деревни”; *малина* – “чайное дерево”, т.е. для чаепития. В мансийских названиях деревьев и кустарников также зафиксированы образные представления об окружающей природе, свидетельствующие о внимательности и наблюдательности этого народа, о меткости подобранных характеристик [9]. Так, некоторые названия образованы по принципу звукоподражания. Слово *черемуха* (куст) состоит из двух элементов – ‘хрум-хрум’ + ‘дерево’, образ основан на производимых звуках при поедании ягод. Подобная ассоциация лежит в основе названия ягоды *морошки*: буквально “глуховато хрустеть”. Названия деревьев могут указывать на особенности их строения (*ель* – “гибкое, легко поддающееся раскачке”), на сходство с животным (*сосна* буквально переводится с мансийского как “журавль”), на особенности древесины (*осина* – “в лодку превращаемое”, т.е. отмечено качество, необходимое для изготовления лодки), и т. д.

Если образная основа представленной здесь флористической лексики хантыйского и мансийского языков лежит на поверхности, то в таких языках, как русский и французский, этот пласт лексики имеет много слов, внутренняя форма которых не выражена. Однако за такими терминами могут стоять глубинные образы, которые также можно рассматривать как культурно-значимые компоненты. Представление о внутренней форме как отражении движения мысли человека в процессе созидания слова (А.А. Потебня, Ю.С. Маслов) позволяет проследить формирование скрытой образной основы слов и сравнить на языковых примерах сопоставляемые культуры. Раскрытие внутренней формы слова, считает В.И. Карасик, может быть убедительным приемом для доказательства того или иного тезиса. Анализ этимологии слов показывает, что «существуют принципы именования, отражающие сущность явлений с точки зрения тех сообществ, в которых возникла необходимость выделить и обозначить эти явления» [5. С. 80]. Тезис о детальной и вариативной номинации явлений, актуальных для определенной лингвокультуры, может служить одним из подходов к изучению национально-культурной специфики языкового сознания [5. С. 21].

Обратимся к примерам. Изучение этимологии французского термина *airelle* (f), утратившего в современном языке свою образность, позволяет установить, что глубинное значение слова связано с цветовым образом: заимствованное из провансальского, оно восходит к латинскому *atra*, *черный*. В ботанике это название стало использоваться в качестве родового термина, т. е. ягода. Видовое название связано со словом *myrtille*: *airelle myrtille* – *черника*. На юге Франции принято использование термина *airelle*, на севере – *myrtille* [14]. Постепенно оба слова заменяют региональные названия *brimbelle* (f), *moret*, *mouret* (m) и *sentine* (f). Названия первых двух терминов связаны с германским наименованием тутовой ягоды, *sentine* (f) восходит к народнолатинскому *sentis*, кустарник. История некоторых названий может рассказать о далеком прошлом народа. Так, термин *sorbe* (f), рябина, образован от латинского *sorbum*, заменившего первоначальный кельтский термин, обозначавший понятие “збродивший напиток”. Можно предположить, что кельты, населявшие территорию Галлии, использовали ягоды рябины для приготовления такого напитка. Происхождение названия смородины во французском языке имеет две версии, согласно которым в названии отражается либо образ “ягоды с завитком”, т. е. ассоциация по форме (из древневерхненемецкого), либо

ассоциация по вкусу – “горький” (из латинского языка). Интересно, что русское название *смородина* содержит в себе ассоциативную связь с запахом: слово представляет собой исконное суффиксальное производное от *морода*, того же корня, что и *смердеть*, *смад* [15].

Представленный материал подтверждает известную идею о том, что свойственный языкам способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен. Когнитивный подход к изучению иноязычных культур через языки позволяет выявить и сравнить культурно- значимые концепты.

Изучение разноструктурных языков всегда связано с определенными трудностями. Во-первых, это специфика структуры языка, а во-вторых, это обширный культурный пласт, формирующий языковую картину мира. Кроме языковой компетенции необходимы фоновые (страноведческие, культурологические и т. д.) знания. Однако работа с разноязычным материалом имеет и большую познавательную ценность: изучение региональной лексики дает возможность извлечь через язык социокультурную информацию, увидеть за языковыми знаками историю, традиции, мировоззрение, самобытность носителей языка, лучше понять их культуру и восхититься образностью восприятия человеком окружающего мира.

Как справедливо отмечает Т.И. Вендина, «... для лингвиста ключом к тайнам многослойного мыслительного универсума любой культуры является язык, ведь именно он формирует понятия и организует восприятие в связанную картину мира, причем, чем важнее в культурном отношении понятие, тем больше и детальнее оно параметризовано» [2. С. 42]. Изучение языковых явлений различного порядка с когнитивных позиций предполагает реконструкцию языковой картины мира и выявление универсальных или специфических особенностей мировосприятия человеком или народами, говорящими на определенных языках.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке. – М.: Флинта: Наука, 2005.
2. Вендина Т.И. Введение в языкознание. – М.: Высшая школа, 2001.
3. В краю селькупов: Красноселькупский район: Природа. Люди. Экономика. Экология. – Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2000.
4. Загадки мансийские (вогульские) / Авт.-сост. Т.Д. Слинкина. – Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 2002.
5. Иная ментальность / В.И.Карасик, О.Г. Прохвачева, Я.В. Зубкова, Э.В. Грабарова. – М.: Гнозис, 2005.
6. Красных В.В. «Свой» среди «Чужих»: миф или реальность. – М.: Гнозис, 2003.
7. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М.: Мысль; СПб.: Лань, 2003.
8. Песни реки Аган. – Мегион-Варьеган: Изд-во регион. историко-культ. центра, 2003.
9. Ромбандеева Е.И. Этимология названий деревьев и кустарников в мансийском (вогульском) языке // Народы Северо-Западной Сибири. Вып. 9. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – С. 46-48.
10. Сальмский край. – Екатеринбург: Тезис, 2000.
11. Сирелиус У.Т. Путешествие к хантам / Пер. с нем. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001.
12. Соловар В.Н. Флористическая лексика хантыйского языка // Народы Северо-Западной Сибири. Вып. 9. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – С. 36-45.
13. Сподина В.И. Представление о странстве в традиционном мировоззрении лесных ненцев Нижневартовского района. – Новосибирск: ЦЭРИС, 2001.
14. Dauzat A. Dictionnaire étymologique de la langue française. – Paris: Librairie Larousse, 1968.
15. <http://etimology.net.ua/g/php>

© G.G. Sokolova

Université d'Etat Pédagogique de Moscou, Moscou, Russie

L'ÉVOLUTION DE LA PHRASÉOLOGIE ET SES PERSPECTIVES (LA VARIANTE QUÉBÉCOISE DU FRANÇAIS)

La linguistique des dernières décennies voit paraître de nombreux ouvrages, relatant le problème du fonctionnement des langues plurielles dans le monde de nos jours. Remarquons que l'intérêt de cette problématique est, également, inhérent à la linguistique française d'aujourd'hui. Nombre de parutions en langue française considèrent cet idiome (le français) en tant que composant spécifiquement (national et culturel de plusieurs communautés-utilisatrices de cette langue. Cette orientation part de la thèse que dans diverses aires d'expression française (européenne, canadienne, etc.) le français joue le rôle de moyen de communication en commun et de système de plusieurs variantes nationales dont chacune a pour traits distinctifs des particularités fonctionnelles, structurelles et normatives.

L'étude de ces problèmes offre un amalgame d'approches ethnoculturelle, civilisationnelle, sociolinguistique et, naturellement, linguistique, toutes d'une grande actualité, ce qui confirme une tendance anthropologique de la linguistique actuelle.

Le matériel de phraséologie québécoise dont il est question a été analysé depuis un complexe de méthodes de pointe, utilisées normalement à décrire l'image linguistique du monde, déterminée par les propriétés nationales de la variante québécoise du français et des composants culturels qui lui sont particulièrement spécifiques.

L'analyse des québécismes phraséologiques sur le plan sémantique, stylistique et civilisationnel reflète des tendances de la recherche en linguistique générale du siècle courant, du moment qu'elle prévoit d'examiner et de systématiser facteurs, tendances et résultats de l'évolution du corpus phraséologique canadien (en tant que variante nationale), en corrélation avec des données du français standard.

Nous servant de données, empruntées aux livres de référence, essayons de découvrir la spécificité nationale des phraséologismes québécois ; en nous référant parfois au matériel du français de Belgique, de Suisse Romande. Par la même occasion, notre idée était de mettre en valeur le degré d'expressivité et d'appréciation des UPh qui reflètent le train de vie des Québécois et certains traits de leur mentalité. C'est ce qui donne une idée de certains fragments de l'image linguistique du monde, propre à la présente communauté linguistique.

Les thèses exposées précédemment se basent, à leur tour, sur les points concernant les particularités de la coexistence des aires du Québec, fortement influencées par la présence de l'anglais et l'intensité des interférences interlingues existant dans la communauté linguistique canadienne, de leur tendances d'évolution, aussi.

L'étude de la perspective d'évolution dynamique, propre à la phraséologie québécoise (au corpus phraséologique), en particulier, est en corrélation avec l'emprunt d'anglicismes (conditionné par le statut bilingue de l'Etat Canadien).

Des anglicismes constituent 10 % environ du volume de corpus phraséologique de la variante québécoise, alors que la variante métropolitaine en compte 7 % et demi. La formation d'emprunts phraséologiques qui constituent un nouveau tout sémantique (v. l'oeuvre de E. M.

Solodoukho), *formé à travers les motivations-stimulants* étrangers (images directes, réalia, situations, sujets, événements, etc.) est un des indices prépondérants de *l'emprunt d'unités phraséologiques (UPh)*. La forme des UPh empruntées est déterminée par *deux* facteurs qui sont : l'image étrangère de l'UPh (le prototype motivant, terme de G. S.) et le système de la langue-source, c'est-à-dire un complexe de facteurs, linguistique et extralinguistique, dont la corrélation et le contact sont là à dicter les schémas de l'expression verbale de l'emprunt dans la langue-source.

Les UPh de la variante nationale québécoise revêtent la forme de calques, semi-calques et phraséologismes imitant la forme d'UPh basiques. Remarquons que *les calques phraséologiques* se subdivisent en 3 sous-groupes :

- a. calques, dont les prototypes motivants sont absents de l'usage français métropolitain : *journalisme jaune (yellow journalism), la cerise sur le sundae (the cherry on the cake)* ;
- b. calques, dont les prototypes sont parallèles à ceux de la variante métropolitaine du français : *avoir un blanc fam. (to have bad memory), se mettre des lunettes roses (to look at the world through rose-colored glasses, etc.*
- c. les semi-calques des UPh, qui comportent deux types de composants-empruntés et traduits : *avoir un fun bleu/vert (to have a good time), donner blanc-seign (to give illimited power).*

Parfois, le matériel analysé inclue des UPh de forme étrangère : *black light (rayons ultra-violet), blue jean, black list (liste noire).*

À côté des calques phraséologiques, répliques de l'original, sont à mentionner ceux qui s'intégrant en français, deviennent autonomes et suivent plus tard l'évolution du système de la langue française. Tout comme pour les UPh d'origine française, les emprunts connaissent un certain dynamisme d'évolution qui s'étend à leur composition sémantique et grammaticale, ainsi qu'aux mots-composants .

Le décalage sémantique d'emprunts vis-à-vis de leurs prototypes anglais (ou américains) prend la forme d'extension de sens d'UPh dans le système de la langue-cible. Ainsi, le semi-calque *to black out*, dont le sens initial était «fermer les volets, les fenêtres» dans les années 60 du XXe siècle, acquiert le sens de «garder un secret». Il est naturel que les emprunts phraséologiques à l'anglais, adoptés par le français, modifient de beaucoup la structure du système de leurs sens de départ, en en perdant une partie. À titre d'exemple, citons *éléphant blanc* au sens dictionnaire français de «chose absolument inutile», alors qu'en anglais, à part le sens indiqué, on lui connaît celui de «projet ou affaire bâclé, e».

Pour ce qui est de différences de grammaire, elles sont dictées par le système de la langue emprunteuse. Ainsi, les adjectifs anglais, normalement *préposés* au substantif, sont *postposés* au cas de l'emprunt phraséologique, comprenant des composants de nature adjectivale : *vert m de pratique*, de structure prépositionnelle, confirme la préférence du français, allant aux adjectifs analytiques (*une porte en bois, plaqué de platine, la « Tour d'argent »*). Résumant ce qui est dit plus haut, soulignons que l'évolution des calques se réalise en accord avec la norme du français.

On peut dénombrer des cas de calquage qui laissent voir des contradictions, typiques des deux systèmes. L'exemple d'une divergence semblable peut être l'impact d'une langue de départ sur l'évolution ultérieure de l'unité phraséologique au sein d'une langue emprunteuse. L'utilisation du verbe *to clear* dans la variante québécoise, en particulier, a conduit à la formation des UPh, telles que : *clairer la table «desservir», clairer ses dettes «rendre ses dettes», etc.* Le verbe *clairer* se présente également comme mot-composant du CVF (le

complexe verbal figé, terme, introduit par I. I. Tchernycheva), absent de l'anglais. Citons, aussi, *se clarier d'un accident* « *éviter un accident* »¹.

Dressant le bilan, soulignons que les emprunts phraséologiques anglo-américains et, bien entendu, certains emprunts lexicaux, constituent une composante non négligeable, caractérisant l'évolution du corpus de la variante québécoise du français métropolitain.

Références

1. Dictionnaire des mots et expressions de couleur. – P., 1998.
2. Dictionnaire Québécois Français. – Montréal, 1999.
3. Cormier Y. Dictionnaire du français acadien. - Montréal, 1999.
4. Longman Dictionary of Contemporary English. – London, 2000.
5. Macmillan English Dictionary for advanced learners. – London, 2002.
6. Rey A., Chantreau S. Dictionnaire des expressions et des locutions. – P., 1997.
7. Robert. Le Nouveau Petit Robert. – P., 2000.
8. Robinson S., Smith D. Dictionary of canadia French. – Lincolnwood, 1997.

¹ Notons, entre-autres, que le français de Québec forme facilement des verbes du 1er groupe non seulement à partir des verbes étrangers, mais des substantifs français, également. D'où le verbe *magasiner* qui remplace le français *faire les courses*. Il en ressort la diversité du corpus phraséologique de la variante québécoise.

© И.И. Быкова

Камчатский государственный университет имени Ватуса Беренга,
Петропавловск-Камчатский, Россия

ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ЧЕЛОВЕКА, В КАМЧАТСКИХ ГОВОРАХ

Предметом нашего исследования явились имена прилагательные, характеризующие человека по физическому самочувствию, настроению, расположению духа, росту, комплекции, физическим особенностям, зафиксированные в говорах камчадалов. Прилагательные, относящиеся к данной группе, в исследуемых говорах достаточно многочисленны и представляют значительный интерес, так как отличаются от соответствующей группы прилагательных литературного языка. К анализу привлекался материал из картотеки камчатских говоров, хранящийся в лаборатории региональной этнолингвистики Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга, материал, представленный в «Словаре русского камчатского наречия» под ред. К.М. Браславца [1], а также материал, собранный автором во время диалектологических экспедиций. Анализ проводился методом сопоставления. В качестве исходной берется диалектная система (в данном случае – говоры Камчатского края), в качестве сопоставимой – система ЛЯ. Система значений лексической единицы ЛЯ дана по «Словарю русского языка» в четырех томах под редакцией А.П. Евгеньевой [2]. Сопоставление семантической структуры общерусских прилагательных, функционирующих в диалектных системах камчатской языковой территории, позволило выделить группу прилагательных, которые имеют в диалектных системах больше значений, чем в ЛЯ.

Обратимся к анализу некоторых прилагательных.

Прилагательное *бойкий* в ЛЯ имеет три лексических значения (МАС, т. 1, с. 103):

1. Решительный и находчивый, смелый. 2. Живой, быстрый. 3. Оживленный, полный движения, деятельности. ◊ Бойкий (боек) на язык. Бойкое перо.

Прилагательное в говорах имеет три значения, отмеченные в ЛЯ. В говорах представлено устойчивое словосочетание: ◊ Идти на бойких шагах со значением «торопиться», а также зафиксировано собственно диалектное значение: 1. *Бойкой йа был, смелый.* Млк. *Йа дефчѣнка была бойкая, сильная, никогда на месте не сидела, ничево не боялась.* У.-Х. 2. *Говорит, што бабушка была ударница, она такая бойкая, шустрая была, добрая была, фсегда улынка на лице была.* Млк. 3. *Тропинка раньше была бойкая, фсе по ней бегали.* У.-Б. ◊ *Дет назат на бойких шагах шёл (торопился), дал ногам волю.* Млк.

Собственно диалектные значения: 1. Разговорчивый, словоохотливый. *Ох, ты бойкая какая, не заткнёшь.* У.-Х.

Прилагательное *бодрый* в ЛЯ имеет одно лексическое значение (МАС, т. 1, с. 102): Полный сил, здоровья, энергии. || Выражающий бодрость, свидетельствующий о бодрости. || Веселый, оживленный. || Придающий силы, оживляющий.

Семантическая структура данного прилагательного в камчатском говоре включает

значение, идентичное оттенку значения ЛЯ: *Молодые бо́дрые были, везде поспева́ли. Он такой был бо́дрый и крутой, бо́дрый по-теперешнему боевой, весёлый. Иа́ иещё́ была́ бо́драя. Ну и бо́драя ш ты!* Млк.

Собственно диалектное значение: «Смелый». *Иа́ кака́-то была́ такая́ вот, про́шта бо́драя, ни боя́лась: сме́рть да́к сме́рть – фсе́ ровно.* Елз. *Бо́дрый, не бо́ица нико́во, нико́во не слухает.* Млк.

Прилагательное *бра́вый* в ЛЯ имеет одно значение (МАС, т. 1, с. 111): Молодцеватый, мужественный с виду. В говорах камчадалов оно зафиксировано в трех значениях, одно из которых совпадает со значением, имеющимся у него в ЛЯ: *Полёнья в бане хватали, иесли́ прямо́е – бра́вый муз, а криво́е – с сутулом.* Клч., а другое является собственно диалектными «красивый»: *У неё му́щина бра́вый.* Млк. Красивый говорили, ну и бра́вый зе, по-камчадальски иногда говорили [1: 31].

Слово *балованный* в ЛЯ имеет два лексических значения (МАС, т. 1, с. 58): 1. Прич. страд. прош. от баловать. 2. в знач. прил. Разг. Привыкший к исполнению своих желаний и прихотей, испорченный баловством. || Требующий заботы о себе; изнеженный.

Семантическая структура слова в говорах также включает два значения, идентичные значениям ЛЯ, а также собственно диалектное значение: 1. *Внучка у меня́ такая́ балованная́ родителями, фсе́ для неё.* Елз. 2. *Балованный ребёнок.* Млк.

Собственно диалектное значение: «Не живший половой жизнью, целомудренный, невинный». *Иесли́ де́вуска по-хоро́сему выходила́, не балованная́, то свадьба́ на фсе́ село́.* Длн.

У прилагательного *глу́пый* в ЛЯ зафиксировано три лексических значения (МАС, т. 1, с. 317): 1. Умственно ограниченный, тупой; неумный. || Недогадливый, несообразительный. || Разг. Неразумный, несведущий, наивный (о детях, молодых существах). 2. Выражающий умственную ограниченность, отсутствие ума. 3. Свидетельствующий о недостатке ума, лишенный разумной содержательности, целесообразности. || Разг. Неуместный, бессмысленный (при выражении досады, отрицательного отношения к чему-л.).

В камчатских говорах у прилагательного отмечено равное количество значений, они идентичны значениям, имеющимся у прилагательного в ЛЯ: 1. *Ликбе́с у нас был, и фсе́х глу́пых учили. Ты, наве́рное, башковитая́ была́, а иа́ софсе́м глу́пая.* Млк. || *Он иещё́ глу́пый, потому́ што ма́ленький (о щенке).* Кзр. 2. *У него́ был такой́ глу́пый вит, што фсе́ рассмея́лись.* Млк. 3. *Глу́пая передача́, иа́ не смотре́ю телеви́зор, только́ новости́ смотре́ю.* Млк.

Отмечено собственно диалектное значение: «Умалишенный». *У меня́ бы́ло че́тверо дете́й, да ба́бушка́ глу́пая, пото́м в ду́рной дом иейо́ увезли́.* Млк.

Прилагательное *де́тский* в ЛЯ имеет два лексических значения (МАС, т. 1, с. 394): 1. Прил. к дети. || Предназначенный для детей. 2. Свойственный ребёнку. || перен. Не свойственный взрослому, ребяческий, незрелый. ◊ Детский городок. Детский дом. Детские игрушки или детская забава. Детский лепет. Детское место. Детский сад. Детские ясли. Время детское.

Семантическая структура прилагательного в говорах включает все значения, имеющиеся у слова в ЛЯ, ◊ «детский дом», а также собственно диалектное значение: 1. *Нагру́днички де́цкие кру́гленькие с вяза́чками. Де́цкая боле́знь то сы́ть, то ко́рь.* Млк. *Родимец – де́цкая боле́знь.* Кзр. || *Горница́ – де́цкая спа́льня. Взяла́ де́цкий утю́к.* Млк. *Хонби́ – де́цкая меховая́ оде́жда.* Длн. *Иа́ ф комсомо́ле работала́, ну, по де́цким там шко́лам.* У.-Х. *Сестра́ была́ врач де́цкий.* Млк. 2. *Иа́ фсе́гда́ ией говори́ла, што де́цкие ша́лости к до́бру не приво́дят.* Кмк. ◊ *Иа́ в де́цком доме́ росла́.* Млк. *Кайровые́ иайца́ ра́ньше собира́ли для де́цких садо́ф, шко́л ф ста́рые времена́.* У.-Х.

Собственно диалектное значение: «Девичий» (о фамилии). *Дю́пина, де́цкой у неё*

фамíлий был. Тгл. *Де́цкая фамíлия йейо́ Толман*. Млк.

Описание семантической структуры имен прилагательных, функционирующих в диалектных системах камчатской языковой территории, позволило выделить группу собственно диалектных имен прилагательных, характеризующих человека.

Прилагательное *балдоватенький* в говорах камчадалов употребляется в значении «пьяный»: *«Здра́стуй», – сам смеёца и говорит: «Да пока живо́й», а он-то поздоровался, имёл в виду́ «Здра́стуй, пока живо́й», и пошёл, то́же был балдоватенький. Йа балдоватенький был, но фсе́ помню, нат пьяне́нким челове́ком мо́жно посмея́ца*. Млк.

Прилагательное *банакистый* в говорах камчадалов употребляется в значении «важничавший»: *Банакистый, который прилично одет и задаёца. О, па́рень, ты банакистый*. Елз.

Прилагательное *бескультурный* в говорах употребляется в значении «некультурный»: *Были они́ о́чень бешкультурныя*. Щпн.

Прилагательное *береженный* в говорах камчадалов употребляется в значении «поврежденный, больной»: *А у ей нога́ бэрэ́жэная, и она́ от так иё́ жано́шит*. Клч.

Прилагательное *гонореистая* в говорах камчадалов употребляется в значении «заносчивый»: *Она́ баба гонореистая, с норовом, к ней лучше не ходи́ть*. У.-Х.

У прилагательного *гипнозицкой* в говорах камчадалов зафиксировано значение «плохой»: *Наро́та плахой, гипнозицкой наро́т*. Сбл.

Прилагательное *ерестливый* в говорах употребляется в значении «бранчливый, брюзга, воркун». *Йерестливый па́рень, ве́чно недово́лен*. Елз.

Прилагательное *жа́рный* в говорах камчадалов употребляется в значении «горячий, задорный, страстный до чего-либо»: *Жа́рный на охоту́ был, жа́рный, азартный до охоты*. Елз.

Прилагательное *кобе́нливый* употребляется в значении «капризный»: *Кобе́нливый тако́й, упря́мый или не хо́цит*. Тгл.

Прилагательное *копа́тский* употребляется в значении «ленивый»: *Йесли́ челове́к лени́вый, ти́хо копа́ца, говоря́т копа́цкой челове́к*. Млк.

Прилагательное *линтева́тый* в говорах камчадалов употребляется в значении «ленивый»: *Э́тот внук линтева́тый па́рень, помога́ет, но нет, нет да сорве́ца*. Прт.

Прилагательное *неприме́тливый* в говорах камчадалов употребляется в значении «не замечающий примет»: *Йа неприме́тливая, не зна́ю ни че́*. Квр. *И вот йесли́ беспаме́тливый челове́к, неприме́тливый, собо́ль йево заблудит*. Млк.

Прилагательное *неслу́шной* в говорах камчадалов употребляется в значении «непослушный, беспокойный»: *Они́ йейо́ фсе́ измучали, они́ горо́цкие, неслу́шные*. Млк.

Прилагательное *неприка́натный* в говорах камчадалов употребляется в значении «необщительный, недобродушный»: *А ты что з это, бо́цка, неприка́натный какой?* (СРКН, 112).

Прилагательное *пища́лый* в говорах камчадалов употребляется в значении «хилый, больной»: *Се́цас наро́т како́й-то пища́лый, больно́й*. Млк.

Прилагательное *перету́жий* в говорах употребляется в 2 значениях: 1. Крепкий, сильный (о человеке): *Крепкий, си́льный челове́к, ле́хко перенося́щий тру́ды – перету́жий челове́к*. Млк. 2. Продолжительный, постоянный (о ветре). *Перету́жий ве́тер*. Млк.

Прилагательное *пу́тявый* употребляется в значении «умный»: *Нет нача́льства пу́тяво́во*. У.-Б.

Прилагательное *прика́натный* в говорах камчадалов употребляется в значении «общительный, добродушный»: *Прика́натный он тако́й, писе́лый (весе́лый), посу́тит*. Елз.

Прилагательное *ра́нешной* в говорах камчадалов употребляется в двух значениях:

1. Старый (о людях): *Успёнье, ф цёркофь ходили ранесные люди.* У.-Кмч. 2. Традиционный (об обычаях): *По ранешным обычаям сфатались, интересная свадьба была, ф Култушном озере.* У.-Кмч.

Прилагательное *развёртливый* в говорах камчадалов употребляется в значении «быстрый»: *Ой, и развёртливая ты.* Кхч.

Прилагательное *скобычковатый* в говорах камчадалов употребляется в значении «нервный, вспыльчивый»: *Муш скобычковатый, фспыльчивый. О, как скобычковатый.* Елз.

Прилагательное *шутельненькой* в говорах камчадалов употребляется в значении «приятный»: *Пока ты шутельненька, очень приятненька, преславненька, шутельненькая.* Клч.

Прилагательное *шухарной* в говорах камчадалов употребляется в значении «веселый, заводной»: *Ольча шухарная была.* Длн.

Прилагательное *шаловый* в говорах камчадалов употребляется в значении «шаловливый, озорной, непослушный»: *Сяз дети шаловые, куда не надо уйдут.* Млк.

Прилагательное *шутной* в говорах камчадалов употребляется в значении «весельчак, шутник»: *Шутной такой.* Кхч.

Материалы, представленные в данной статье, свидетельствуют об уникальности и неповторимости имен прилагательных, функционирующих в исследуемых говорах, способных передавать особенности мировосприятия ее коренных жителей, их своеобразный взгляд на качественный мир окружающих их вещей.

Литература

1. Словарь русского камчатского наречия / Под ред. К.М. Браславца. – Хабаровск: Изд-во Хабаровского государственного педагогического института, 1977. (СРКН)
2. Словарь русского языка: в 4-х т. / Ин-т рус. яз АН СССР; под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981-1984. (МАС)

© Н.Г. Олесова

Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга,
Петропавловск-Камчатский, Россия

НАЗВАНИЯ ЛОСОСЁВОЙ РЫБЫ В ПЕРИОД НЕРЕСТА В ГОВОРАХ КАМЧАДАЛОВ

Вылов лососёвой рыбы начинается во время её нереста, точнее, до метания икры. Рыба же, отметавшая икру, считается непригодной в пищу человеку, но может быть использована для хозяйственных нужд. Данный факт находит отражение на лексическом уровне: **названия лососёвой рыбы в период нереста** образуют отдельную группу, в основу её выделения положены такие дифференциальные признаки (далее ДП), как «пригодность / непригодность в пищу», «качество мяса», «живая / неживая»². Названия двух циклов нерестового периода лососёвой рыбы образуют две подгруппы, которые находятся в оппозиции – «**Названия лососёвой рыбы до нереста**» / «**Названия лососёвой рыбы после нереста**». Кроме того, вторая подгруппа также делится на две противопоставленные друг другу микрогруппы – «**Названия живой отнерестившейся лососёвой рыбы**» / «**Названия неживой отнерестившейся лососёвой рыбы**».

Названия лососёвой рыбы до нереста	Названия лососёвой рыбы после нереста				
рыба запомная	Названия живой отнерестившейся лососёвой рыбы		Названия неживой отнерестившейся лососёвой рыбы		
	пригодная для человека	непригодная для человека			
	рыба лоцáвая : рыба лоцáлая : лоцáлка	самец кебарь : кибар : кибарь : кибара	самка белохвóстка	рыба снулая : снёнка : инёнка : уснева́лка = ива́йлук = ева́ла	
				кимчи́л : кимчи́к : кимуч : кимуц	

Рассмотрим каждую подгруппу.

I подгруппа «**Названия лососёвой рыбы до нереста**» представлена одним атрибутивным словосочетанием *рыба запомная*, которое в говорах имеет значение, не

² Здесь и далее знаком «/» обозначена оппозиция, знаком «:» отмечены вариантные отношения, знаком «=» – синонимичные, знаком «↑» – градуальная оппозиция с увеличивающейся степенью градации.

отмеченное в ЛЯ: «Идущая на нерест лососёвая рыба, качественная, с упругим телом». *Хорошую налитую рыбу называют заломной. Млк.*

II подгруппа «Названия лососёвой рыбы после нереста», образующая эквиполентную оппозицию с 1-ой подгруппой, представлена большим количеством наименований: [*рыба лоцáвая : рыба лоцáлая : лоцáлка / (кѣбарь : кѣбар : кибарь : кибара / белохвостка)*] / [*рыба снулая : снѣнка : шнѣнка : усневалка = ивайлук = евала ↑ кимчил : кимчик : кимуч : кимуц*].

В этой подгруппе возможно произвести классификацию названий по разным ДП. Так, ДП «живая / неживая рыба» положен в основу выделения микрогрупп, образующих бинарную привативную оппозицию – «**Названия живой отнерестившейся лососёвой рыбы**» / «**Названия неживой отнерестившейся лососёвой рыбы**».

Первая микрогруппа «**Названия живой отнерестившейся лососёвой рыбы**» объединяет следующие собственно диалектные наименования, образующие сложные семантические оппозиционные отношения: *рыба лоцáвая : рыба лоцáлая : лоцáлка / (кѣбарь : кѣбар : кибарь : кибара / белохвостка)*. Так, гипосема «пригодная / непригодная для человека», актуализируясь в значениях названий *рыба лоцáвая : рыба лоцáлая : лоцáлка / кѣбарь : кѣбар : кибарь : кибара; белохвостка*, образует первую оппозицию.

Рыба лоцáвая : рыба лоцáлая (с лексическим вариантом *лоцáлка*): «Отнерестившаяся живая лососёвая рыба, пригодная в пищу человеку». *Лоцáвая рыба, плапки потѣрты, ходит, но потѣртая. Кхч. Лоцáвая – это ужэ выбитая, которая рыба вверх идёт, она живая, ужэ пятнами, сухая такая, а когда она померает – снѣнка. У.-Б. Лоцáвая – тоцáя, нежсырная рыба фторово сорта, она худая, но ёсть можно. Млк. Рыба, правда, лоцáлая была, но голофки хорошие. Сбл. Корм плохой, так как рыба лоцáлая, т. е. выметавшая икру и переродившаяся [1. С. 129]. Лоцáвая – рыба, выметавшая икру (или молоки), у которой на боках красноватые неправильные пятна; впоследствии в вершинах рек и к осени она становится почти белой. Вкус ее хуже свежей [2. С. 246]. Лоцáвая рыба – это плохая, лоцáлка. Млк.*

Кѣбарь : кѣбар : кибарь : кибара; белохвостка: «Отнерестившаяся живая лососёвая рыба, пригодная в пищу собакам или другим животным». *Лоцáвая – тоже живая, но тоцáя, избитая, худая, а кибар – это вопцѣ такой ужэ пятнами, хвост жѣлтый, почти бѣлый – это кибар, прямо свѣрху как мох бывает. Лососѣ, которьй избитьй, называеця кибарь – это ужэ худая рыба, ёщё живая, но приходит ужэ фся ф пятнах, привезут эту рыбу, она воняет. Кибара, он заживо гнийот, живой ёщё, голова фся избита, нос, губы. Белохвоска – избитая рыба, живая, хрептина, хвос, пупок бѣлый. Млк.*

Вторую, оппозицию, которая является частью первой, образует гипосема «самец / самка», актуализирующаяся в значениях наименований *кѣбарь : кѣбар : кибарь : кибара / белохвостка*.

Кѣбарь : кѣбар : кибарь : кибара: «Отнерестившийся живой самец лососёвой рыбы, пригодной в пищу собакам или другим животным». *Ходили на рецку, ловили гольца, кѣбаря, кѣту, хариуса. Шрм. Отнерестифшиийся самец называем кибар, йейо не йедят, она как удобрение гнийот, зверь йей питаеця: соболь, лиса, заяц не ёст почемуто. Берѣшь багор лѣвить кибарей шобакам. Длн. Кибарь – рыба плохая, нежсырная. Кибарь, или кибар – это он ёщё живой, но отнерестовался, лоцáвый, избитьй весь. Собакам на йеду избитую рыбу – кибары – истѣртая рыба. Кибар – которая икру сметала, хвост бѣлый, вода йейо просто несѣт, усневает она. Кибар только собакам, но свиней можно кормить. Млк. Кибара – рыба старая, икру випустит, пливѣт, называют кибарой. Длн. Оджсыфшая рыба – кибара. Млк.*

Белохвостка: «Отнерестившаяся живая самка лососёвой рыбы, пригодной в пищу собакам или другим животным». *Белохвостка одна плавает – бѣлый хвост, голова*

и фсе, начинаёт гнить с хвоста. Белохвостка отнерестится, пускает плоть и умирает белая, бледная становица, пёрыски и хвост, медведи ейю љдят. Млк.

Вторая микрогруппа «**Названия неживой отнерестившейся лососёвой рыбы**» объединяет также собственно диалектные наименования: *рыба снулая : снёнка : шнёнка : усневалка = ивайлук = евала* ↑ *кимчил : кимчик : кимуч : кимуц*. Снёнка – снулая рыба, которая подохла после нереста. Длн. Снёнка – мёртвая рыба для собак. Рыбу кидаетшь в воду, можно з запахом, которая снёнка. Млк. Воздух сильно отравлен благодаря уже появившейся на берегах в большом количестве снёнке, т. е. рыбе, издохшей после того, как была выметана икра. Снёнку надо видеть на месте, чтобы получить о ней понятие, – никакие описания не сделают этого. Пласты рыбы под водой, рыба на всех коряжинах и местами на камнях, нанизанная на острые выступы их бегущей сверху водой; рыба на отмелях и у береговых тальников. Вся эта масса рыбы гниет и находится на всевозможных стадиях разложения [1. С. 94, 134]. *Отметафшая рыба кимчик*. Кзр. *Кимчил – это рыба плохая, одна шкура осталась*. Клч.

Микрогруппу представляют лексемы, образующие вариантно-синонимические ряды и обозначающие разную степень разложения мёртвой рыбы, то есть отношения между двумя рядами носят градационный характер. Так, значение «Мертвая отнерестившаяся рыба» – объединяет в один вариантно-синонимический ряд названия: *рыба снулая : снёнка : шнёнка : усневалка = ивайлук = евала*. *Усневает, подышает, короче, мёртвая – снёнка, снулая рыба, замучилась, ейю нанесло*. Снёнка – мёртвая рыба, в запоре может выбица ис сил и подохнет, йещё не гниёт, но ужэ не живая. Снёнка – дохлая, отнерестифшаяся рыба. Снёнка – это рыба без ыкры. Плохая, нежырная – снёнка. Снёнка – пропайая, умирающая рыба. Млк. Проезжая берегом реки, невольно чувствуешь запах гнилой рыбы (снёнки), которая, видно, валяется тут же на берегу на дресве и в воде, покрытая плесенью [3. С. 43-44]. *Ивайлук – рыба старая, которая должна умереть, которая мечет икру и становица белой, плохой*. Елз. *Рыба, когда умирает старая, ивайлук называеца*. Млк. *Несёт ейю, она бес сознания, йевала – ну, рыба, которая уи уходит на нерест, выметывает икру, молоку выпускает – называли-то ейю йевала*. *Йевала – выпустила икру, ейю вода несёт мёртвую*. Тгл. Лексической доминантой ряда является атрибутивное словосочетание *рыба снулая* с разными типами вариантов: лексическим (*снёнка*), фонематическим (*шнёнка*) и словообразовательным (*усневалка*). В основе их номинации лежит мотивация по смежности: названия даны по действию, присущему рыбе в определённый период нереста. Действие это обозначается диалектным значением общерусского глагола *уснуть*: «Умереть (о рыбе)». *Рыба уснёт – выбьеца ис сил, устайот, когда долго стоит на одном месте, усневает, подышает, короче, мёртвая снулая рыба*. Млк. Подтверждение этому находим в работе П.Ф. Кузмищева: «Шнёная, шнёнка – мертвая, заснувшая рыба /испорчен. от сонная, снёная/» [2. С. 258]. *Снёнка – умершая рыба, выметала икру*. Елз. *Снёнка уснула, кибарь, на грани жызни и смёрти*. *Снёнка – отметала, плавает туда-сюда, сама себе, уснула – снёнка*. *Снёнка уснула*. Млк. *Усневалка – рыба, которая ужэ не трепещица, задыхалася, они мордами бились, уснула*. Млк.

Значение «Отметавшая икру и уже разлагающаяся рыба» – актуализируется в вариантных названиях *кимчил : кимчик : кимуч : кимуц*. *Отнерестифшую рыбу, йесли она разлагаеца, то называют кимчил*. *Кимуц – мёртвая рыба, которая гниёт, разложыфшаяся, достанешь йево, он воняет*. *Кимуц – рыба любая старая, туда ближе к осени, усневает, кимуцом называют*. Млк.

Таким образом, группа «Названия лососёвой рыбы в период нереста» характеризуется сложностью и разнообразием семантических отношений, отражающих реальные связи между явлениями объективной действительности:

1. Группа имеет сложную гипонимическую структуру организации: представлена видовыми членами, объединяющимися в подгруппы, микрогруппы и более мелкие семантические объединения с учетом различных ДП и экстралингвистических факторов: [рыба лоца́вая : рыба лоца́лая : лоца́лка / (кеба́рь : кибар : кибарь : кибара / белохо́стка)] / [рыба сну́лая : снёнка : шнёнка : уснева́лка = ива́йлу́к = ева́ла ↑ кимчи́л : кимчи́к : кимуч : кимуц].

2. Описанная группа объединяет собственно диалектные слова, находящиеся в отношениях синонимии (рыба сну́лая = ива́йлу́к = ева́ла) и вариантности. Представлены варианты:

- фонематические – рыба лоца́вая : рыба лоца́лая; кеба́рь : кибар : кибарь; снёнка : шнёнка; кимчи́л : кимчи́к; кимуч : кимуц;
- лексические – рыба лоца́вая : лоца́лка; рыба сну́лая : снёнка;
- словообразовательные – снёнка : уснева́лка;
- грамматические – кибар : кибара;
- комбинированные – кимчи́л : кимуч.

3. Многие наименования лососёвой рыбы после нереста имеют прозрачную внутреннюю форму, в них легко угадывается мотивация по цвету (белохо́стка), а также мотивация по смежности (название дано по действию, постоянно присущему данной рыбе – рыба лоца́вая : рыба лоца́лая : лоца́лка; рыба сну́лая : снёнка : шнёнка : уснева́лка).

Литература

1. Комаров В.Л. Путешествие по Камчатке в 1908-1909 годах. Избранные сочинения. – Т. VI. – М.-Л., 1950.
2. Кузмищев П.Ф. Собрание особенных или имеющих другое значение слов и некоторых выражений, употребляемых в Камчатке // Москвитянин. Ч.2. 1842. – № 3-4; Ч.6. 1842. – №11.
3. Тюшов В.Н. По западному берегу Камчатки // Записки императорского Русского Географического Общества. Т. 37. – СПб., 1906. – № 2.

Список населённых пунктов и их сокращения

Дли. – Долиновка	Млк. – Мильково
Елз. – Елизово	Сбл. – Соболево
Кзр. – Козыревск	Тгл. – Тигиль
Клч. – Ключи	У.-Б. – Усть-Большерецк
Кхч. – Кихчик	Шрм. – Шаромы

© Л.П. Седлова

Вологодский государственный педагогический университет, Вологда, Россия

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАИМЕНОВАНИЯ ПОСТРОЕК (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

Проблема языковой ситуации в современной Франции является предметом острых дебатов в романистике.

Обращение к этому аспекту правомерно и актуально, так как именно лексикон региолектов с его самобытностью позволяет раскрыть новые стороны французской языковой картины мира.

В региональных языках в отличие от литературного наблюдается бóльшая степень детализации и расчлененности одного и того же семантического пространства с помощью разнообразных словообразовательных средств.

Это обусловлено особенностями концептуализации и членения окружающего мира, потребностями его дифференциации в целях лучшей ориентации и освоения.

Рассматривая язык как фактор культуры, соприкасающийся с различными сферами сознательной человеческой деятельности, в частности, со сферой восприятия и познания человеком окружающей действительности, опираясь на мысль известного отечественного лингвиста А.А. Потебни о языке как способе дискретизации действительности [1. С. 106], целесообразно выяснить, как сквозь призму словотворчества отражаются в языке элементы познавательной и классифицирующей деятельности человека.

С этой целью в данной работе предпринята попытка представить особенности наименования жилища человека и других характерных построек, отраженных в специальных словарях французских регионализмов [2. Р. 2].

Нетрудно заметить, что понятие «жилище» в лексиконе региолектов проработано достаточно подробно. Этот факт легко объясним с учетом элементарных жизненных ценностей человека. Данное понятие актуально во все времена и в любом обществе и по этой причине словообразовательно маркируется с самых разных точек зрения.

В исследуемой тематической группе репрезентированы прежде всего различные виды крестьянского жилища в зависимости от типа строения, назначения, места расположения и состояния помещения. При этом словоформа, соответствующая родовому понятию «жилище», отсутствует. Таким образом, лексематическое выражение в региональной речи имеют лишь элементы семантического пространства, связанные между собой когипонимическими отношениями. Рассмотрим детально эту группу номинаций с точки зрения использования внутренних ресурсов языка.

Регионализм *bourrine, f*, используемый в болотистой Вандее, характеризует длинный низкий одноэтажный дом с белыми стенами и створчатыми окнами зеленого либо синего цвета, построенный на болоте. Лексема представляет собой фонетически искаженную литературную форму существительного *bourrine, f* «дом с крышей из соломы и камыша», датируемую 1354 годом. Таким образом, в современное название

опосредованно транспонирован дифференциальный признак местоположения жилища (камыш обычно растет на болоте), а не особенностей строительного материала.

Аналогичный мотивировочный признак сохраняется и в деминутивном суффиксальном деривате *bourrinon, f.*

Среди номинаций фермерских жилищ на равнинной территории особо следует выделить композит *cour-masure, f* (Нормандия), характеризующий своеобразный тип сельского дома с фахверковыми стенами, окруженного яблоневым садом и пристройками. В отличие от литературного языка, где *masure, f* используется в пейоративном значении «лачуга», региональный вариант сохранил первичное нейтральное – «жилище» (от лат. *mansus* «дом»).

К данному этимону восходит и следующее частное наименование строения *mas, m*, датируемое X веком. На территории Прованса номинация является социально дифференцированной, характеризуя типичный дом зажиточного фермера с массивными стенами и красной черепичной крышей.

Производные от *mas, m*, датируемые варианты *maset, m* и *mazot, m* «домик для отдыха» семантически дифференцируются по признаку строительного материала (камень/ дерево).

Подтверждением вариативности региолектного лексикона служит и использование на территории Прованса лексемы *cabanon, m* в аналогичном значении «дачный домик».

Примечательно, что корневая лексема *cabane, f* («дом, большая ферма») бытует лишь в речи жителей западного региона. Как известно, в общенациональном языке в отличие от региолекта она имеет пейоративную коннотацию «хижина, лачуга».

Чрезвычайно показателен в этой связи и пример с регионализмом *échope, f.* Так в Аквитании именуется тип одноэтажного дома с расположением комнат в виде анфилады и единственным окном по фасаду, в то время как окна всех остальных комнат выходят в сад.

Этимологически номинация связана с нидерландским названием XII века *schoppe* «лавка ремесленника». Использование местным населением иноязычной лексемы обусловлено аналогией особенностей конструкции помещения. В номинации сельского дома гасконца путем метафоризации экстраполируется признак внутреннего устройства помещения и социального табу: подобно лавке торговца либо ремесленника доступ посторонним открыт здесь только в переднюю часть помещения, а не во внутренние покои.

Отметим попутно, что, как и в предыдущих примерах, в общенациональном языке лексема *échope, f* используется в пейоративном значении «хибарка, домишко». Иными словами, «поглощение» данного блока имен общенациональным языком сопровождается их переходом в стилистически-сниженный пласт лексики.

На наш взгляд, обозначенная тенденция к пейоративному использованию региональной специальной лексики обусловлена в значительной степени социальными причинами: пренебрежительным отношением определенных групп носителей языка к ценностным установкам крестьянской материальной культуры.

Помимо названных регионализмов, отдельную небольшую группу составляют имена репрезентирующие типы жилища в горной местности: *buron, m* (Овернь); *chasal, m* (северные Альпы).

Первые существительные используются для обозначения пастушьей хижины на высокогорных альпийских лугах, где он может укрыться в период выпаса стада.

Этимологически номинация восходит к лексеме *beurre, m* «сливочное масло», поскольку когда-то место сезонного проживания пастуха служило и маслодельней. Таким

образом, характер мотивации регионализма основан на признаке первичного назначения помещения.

Номинация *buron, m* оформлена по метонимической модели «продукт» → «место его изготовления» путем присоединения к базовой лексеме деминутивного суффикса.

При помощи второго существительного передается оценка внешнего состояния жилища в горах. *Chasal, m* характеризует полуразвалившийся домик из камня. При этом для оформления регионализма помимо пейоративной коннотации используется и метонимический перенос по признаку названия местности «Les Choseaux».

Единственным исключением из перечня типов жилища является регионализм *retirance, f* (Центр), характеризующий дом, жилье в психологическом аспекте как место уединения, покоя, жизни в свое удовольствие.

Последнее качество прозрачно мотивируется присоединением суффикса оценки *-ance* к глагольной основе. По аналогичной модели создан его абсолютный синоним *demeurance, f*.

В отличие от типов жилища наименования его частей и хозяйственно-бытовых пристроек проработаны значительно скромнее.

Семантический участок «части дома» представлен следующими именами: *bas, m* «нижний этаж» (Франш-Конте); *chambre haute, f* «комната на втором этаже» (Шампань); *chambre de bain, f* «ванная комната» (Эльзас); *souillarde, f* «помещение за кухней для мытья посуды» (Лион); *homme debout, m* «простенок в прихожей для одежды» (Запад); *gatouneyre, f* «лазейка для кошки» (Аквитания).

Как видно из перечня лексем, большую часть из них составляют мотивированные имена. В регионализмах *bas, m* и *chambre haute, f* при помощи субстантивации прилагательного *bas* «низкий», подключения антонима *haut* «высокий» к когипониму *chambre, f* на основе метонимического переноса актуализируется признак месторасположения в пространстве.

В следующей номинации использование кальки с немецкого обусловлено влиянием экстралингвистического фактора – территориальной близостью Эльзаса и Германии. Сравните: нем. *Vadezimmer* «ванная комната» → реч. *chambre de bain, f* вместо литературного *salle de bain, f*.

В ином ракурсе освещен характер мотивации остальных лексем. Привлечение словообразовательных и семантических средств продиктовано здесь необходимостью указать на назначение данной части помещения.

К примеру, номинация *souillarde, f* оформлена на основе распространенной метонимической модели «емкость» → «ее местонахождение». Сравните: лит. *souillarde, f* «помывочный бак» → рег. *souillarde, f* «помещение за кухней для мытья посуды». При этом пейоративный характер исходной лексемы (от базового существительного *souillure, f* «грязь, пятно») сохраняется и в региональном деривате.

Посредством антропоморфной метафоры по модели «человек» → «предмет/ место расположения предмета» создана номинация *homme debout, m* (букв. «человек в положении стоя»), обозначающая длинный и узкий простенок в прихожей, подобие шкафа для одежды.

Любопытно происхождение регионализма *gatouneyre, f* «лазейка для кошки». Этот суффиксальный дериват возник под влиянием окситанского языка, где *gato* означает кошку.

Своеобразие детализации объектов материального мира проявляется и в наименовании бытовых пристроек к жилищу человека.

Так, композит *serre-bois, m* (Запад) с прозрачной внутренней формой слова (букв. «сжимающий дрова») передает значение «дровяник». Для номинации туалета вне жилого дома на англо-нормандских островах используется эвфемизм приличия *petite maison, f*

(букв. «маленький домик»). Неотъемлемый элемент ограждения вокруг дома – калитка – представлен абсолютными синонимами *barriau, m* (Центр) и *porti, m* (Арденны), которые различаются, однако, по способу образования.

Первый из них является результатом фонетической деформации литературного *barreau, m* «перекладина, прут» и создан по метонимической модели «материал» → «предмет». Второй регионализм – с помощью подключения уменьшительного суффикса по метафорической модели «предмет» → «предмет»,

В представлении жителей района Северных Альп, известного своими превосходными пастбищами и молочным животноводством, название сыроварни *fruitiere, f* (от лат. *fructus* «плод») ассоциируется с местом переработки «плодов» деятельности животного. Таким образом, выразительность номинации создается за счет метафоризации суффиксального деривата.

Не меньший интерес представляет механизм семантических изменений, положенных в основу регионализмов – *écurie de poules, f* «курятник» (Бургундия) и *chambre à grain, f* «амбар» (Нормандия).

Техника конструирования в данном случае однотипна: от специализации значения к его генерализации и вновь к специализации посредством присоединения к основной лексеме второго компонента словосочетания по модели *N+prép.+N*.

Отметим попутно, что в отличие от литературного языка, где лексемы *écurie, f* «конюшня» и *chambre, f* «спальня» имеют уточняющее значение, в бургундском и нормандском региолектах они называются любое помещение. В этой связи для конкретизации назначения строения используется дополнительная конструкция.

Как видно из анализа регионализмов, называющих конкретные предметы материальной культуры, в выборе определенных мотивировочных признаков прослеживается отчетливая избирательность культурно-исторического и социального характера, что позволяет ярче увидеть своеобразие системы ценностей и ориентиров носителей региолектов в этом мире.

Литература

1. Потебня А.А. Мысль и язык // Эстетика и поэтика. – М., 1976.
2. Dépecker L. Les mots des régions de France. – P., 1992.
3. Doppagne A. Les régionalismes du français. – P., 1978.

© Н.В. Шеминова

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

ИНТРОДУКТИВНЫЕ МОДЕЛИ, СОДЕРЖАЩИЕ ПРОЗВИЩНЫЕ ИМЕНОВАНИЯ, В ПУБЛИКАЦИЯХ ИСПАНСКОЙ ПРЕССЫ

Прозвища как «неофициальные экспрессивно-образные или эмоционально-оценочные имена, употребляемые в дополнение к антропониму или вместо него» [3. С. 89], первоначально возникли как дополнительные идентифицирующие именованья, которые давались человеку его окружением. Функция второго личного (некалендарного) имени состояла в уточнении и конкретизации наименования человека, оно служило средством его отграничения и выделения из ряда других лиц, носящих то же крещеное имя. По мере развития государственности у человека формировалось фамильное имя, производящей основой которого в том числе становились и прозвищные именованья. Однако, образовывая фамилию как условный антропонимический знак, абстракцию, прозвища переставали выполнять функцию индивидуальной качественной характеристики человека. По всей видимости, именно недостаток дополнительной информации о человеке, необходимость в характеристике его личных качеств, которую могли фиксировать только прозвища, а также традиция двойного именованья, сохранившаяся в Испании особенно в сельской местности и в наши дни, помогли этой категории антропонимов обрести свой специфический статус в современном испанском ономастическом пространстве. В Испании нарекают не только индивидуальными прозвищами отдельных людей, но и дают семейно-родовые прозвища, передающиеся, как и фамилии, по наследству от отца к сыну, а также коллективно-территориальные, к которым относятся прозвища целых групп людей, объединенных не родственными отношениями, а территориально, т. е. всем жителям городов, населенных пунктов, целым нациям [6. С. 23-40].

Проанализировав собранный материал периодических изданий, мы можем сделать вывод о том, что в прессе Испании функционируют три типа прозвищ: антропонимические, смешанного типа и несобственные.

В данной работе мы объединяем термином антропонимические прозвища дериваты исходной формы личного имени и отфамильные прозвища.

Не все российские исследователи согласны с тем, что варианты личных именованья являются прозвищными именами. Так, например, О.И. Александрова не относит к прозвищам все образования антропонимического происхождения, считая их фатическими именами, которые выполняют лишь «контактоустанавливающую функцию и определяют атмосферу общения» [1. С. 130]. Д.И. Ермолович относит к прозвищам только отфамильные образования, считая, что личные имена не могут образовывать прозвища, так как их вариативность «санкционирована социальной нормой», в то время как официальная запись фамилии при регистрации исключает наличие других вариантов, и в случае их появления можно говорить о прозвищных образованиях, основная функция которых состоит не в том, чтобы как-то охарактеризовать человека, а в «использовании нестандартного способа его именованья» [3. С. 89]: *Jimmy – José María Jimenez*,

испанский велосипедист, выступающий за сборную команду банка *Banesto*; *Schumi* – *M. Schumacher*, гонщик, многократный победитель гонок класса Формула-1.

Большая группа ученых (З.П. Никулина, П.Т. Поротников, Н.Н. Ушаков, Е.Н. Полякова, Т.Б. Мещерякова, О.В. Боронина, Л.В. Вахрушева) включают в понятие «прозвище» не только отфамильные образования, но и варианты личных имен, но только в том случае, если дериват исходной формы имени не является его паспортным эквивалентом. Е.Ф. Данилина, анализируя категорию так называемых «сокращенных» форм имен в русском языке, приходит к выводу о том, что некоторые ласкательные формы личного имени могут быть приравнены к прозвищам, которые «вследствие частого употребления теряют свою экспрессивность и начинают употребляться как нейтральные, становясь таким образом средством различения, а не оценки» [2. С. 157]. В испанской лингвистике также признается факт перехода некоторых гипокористических имен из категории бытовых (*familiares*) в разряд прозвищных:

El marchador andaluz Paquillo Fernández, que ganó en los Juegos de Atenas la medalla de plata en los 20 km, fue ayer distinguido en una gala (*El Mundo*, *La Crónica de León*, 17.01.2005, p.2):

Paquillo < *Paco* < *Francisco*

Ésa es la impresión de Manuel Fernández, *Lito*, líder del metal (*El País*, 15.03.2002, p.64):

Lito < *Manuelito* < *Manuel*

Nicolás Sguiglia, *Nico* para sus amigos, es un argentino con pasaporte italiano, muy conocido en el ambiente de los movimientos sociales de Málaga – donde vive desde hace cinco años – por su militancia en defensa de los derechos de los emigrantes (*El País*, 16.03.2002, p.28):

Nico < *Nicolás*

Прозвища смешанного типа состоят из двух лексических элементов: антропонимического и нарицательного (оценочного, образного или характеризующего). Некоторые прозвища содержат подлинное имя референта. В них нарицательный компонент характеризует его по каким-либо внешним, личностным чертам, либо по месту жительства (*el Belga* – *бельгеец*) или по роду деятельности (*el Mago Migue* – *Mago* – «маг, фокусник» *Migue* – дериват исходной формы личного имени *Miguel*).

Несобственные прозвища состоят только из нарицательных элементов. У прозвищ данного типа реализуется значение как результат отражения особых черт человека, выделяющих его, по мнению имядателя, из ряда других.

Первую, и достаточно многочисленную, группу составляют прозвища, информирующие о физических качествах индивида, возникших в результате объективации самой доступной для наблюдения, бросающейся в глаза черты человека. Эти прозвища отличаются содержательной стороной характеризующих признаков и свойств денотата, послуживших основой номинации: *El pequeño gigante* – «маленький гигант», *El Flaco* – «тощий».

При метафорическом переосмыслении апеллятива большую роль играет коннотация прозвища, которая сохраняет или искусственно «оживляет» значение апеллятива, из которого оно возникло. По характеру эмоционально-экспрессивной отмеченности можно выделить прозвища, дающие положительную оценку внешним данным именуемого, и прозвища, содержащие указания на его физические недостатки, например, прозвище *El Grillo* известный итальянский велосипедист Паоло Беттини получил из-за невысокого роста, суперактивной мобильности и умения всегда быть заметным.

Прозвища, информирующие об особенностях характера и поведения индивида, возникают, во-первых, по ассоциативной соотнесенности с именами, выступающими в качестве их производящих, при этом ассоциации могут носить как положительный, так и

отрицательный характер. Известный игрок футбольного клуба «Реал Мадрид» был окрещен своим другом по команде “*ferrari*” из-за своих феноменальных скоростных качеств, а прозвище известного шахматиста Гарри Каспарова *el Ciclón de Bakú* связано со взрывным характером спортсмена, уроженца города Баку.

В вышеприведенных примерах в основе номинации лежит метафорическое переосмысление апеллиатива, и поэтому в прозвищах данного типа актуализируется только одна или несколько сем производящих их апеллиативов: в первом случае – скорость, во втором – стихия, сметающая все на своем пути.

Второй способ образования оценочно-характеризующих прозвищ реализует принцип семантической деривации, когда семантика производных онимов целиком базируется на значении производящих апеллиативов, например, *El Loco* (безумный), *El Desorejado* (безухий), *La Bruja* (ведьма).

Прозвищные именованья способны характеризовать человека по его происхождению (*El Chino, El Tanito* – дериват от прилагательного “*Napolitano*”), а также по любым другим обстоятельствам и событиям в его жизни (*El Piojo, El Gelete, El Pepillo*).

Функционирование прозвищных имен в прессе имеет ряд особенностей.

Во-первых, прозвища в большинстве случаев вводятся в текст публикации не как самостоятельные единицы номинации, а параллельно с публичными моделями их обладателей.

Во-вторых, в интродуктивных моделях, в окружении именного контекста, прозвищные именованья всегда выделяются курсивом. Исключение составляют только прозвища категории исторических.

В-третьих, в структуре интродуктивной модели прозвищные именованья не имеют четко фиксированного положения по отношению к публичной модели имени. Тем не менее, исходя из проанализированного материала, можно сделать вывод о том, что для испанских моделей более характерно постпозиционное положение (*Vicente Alberto Pernía, El Tano*), в то время как для иностранных – медиальное (*Edgardo Patón Bauza*).

В публикациях испанской прессы встречаются прозвищные имена трех категорий референтов: исторических личностей; артистов, спортсменов, тореро и *прозвища современных политических деятелей*.

Для испанской официальной прессы (в том числе оппозиционной) нехарактерно употребление прозвища по отношению к политику – лицу, обладающему высоким социальным статусом. Однако, вследствие распространенности данного феномена в публицистике других стран, соответствующие модели стали появляться и на страницах испанских газет.

В большинстве случаев прозвища политических деятелей вводятся в конструкцию модели при помощи выражений “*conocido (calificado) como*” (*известный как*) или “*apodado*” (*по прозвищу*). Онтологически связанные с неофициальной сферой бытования, они не могут быть включены в публичную модель официальных лиц страны. Их основной функцией является не столько номинация или идентификация лица, сколько «дифференциация имени и предоставление его к выражению различных тонких оттенков, зависящих от каких-либо своеобразных факторов образования личности» [4. С. 98]. Информативность прозвищных именованья и их эмоционально-выразительный потенциал дают автору дополнительную возможность косвенно охарактеризовать своего героя, и поэтому наивысшая частотность их употребления зарегистрирована не столько в информационных материалах, сколько в аналитических и критических публикациях прессы.

В качестве доминирующих признаков мотивации традиционно используются различные признаки, например, такие, как особенности характера и поведения лица:

La viceprimera ministra **Wu Ji**, conocida como *la Dama de Hierro*, asume la cartera de Sanidad y lanza un ataque frontal contra el coronavirus, responsable de la infección (El País, Domingo, 4 de mayo de 2003, p.2).

Это прозвище было дано вице-премьеру Китая ее окружением по аналогии с известным прозвищем бывшего премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер *Iron Lady* (Железная Леди), которое досталось ей как за жесткий курс реформ, проводимых ее кабинетом министров, так и за сильный характер и умение отстаивать свои интересы.

Una de las estrellas más rutilantes del universo ideológico que rodea la Casa Blanca es **Richard Perle**, un personaje apodado *El Príncipe de las Tinieblas*, que pertenece a un grupo ultraconservador... (El País, 29.03.2003, p.16).

“Князем тьмы” был окрещен один из помощников Джорджа Буша за умение вести блестящие политические интриги, при этом всегда оставаясь на втором плане.

Рассматриваемый материал показал активность употребления в качестве вторичных личных именовании прецедентных имен, актуальных в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане:

Podría haberse tratado de una operación como tantas otras de no haber mediado un juez como **Miguel Ángel López Marchena**, apodado *El Garzón de El Puerto* (El País, 10.11.2002, p.22).

Судья небольшого испанского городка *El Puerto* был прозван “Гарсоном местного значения”, так как его действия в качестве представителя судебной власти не всегда были достаточно законны, как и действия Бальтазара Гарсона, государственного чиновника самого высокого ранга в отношении активистов террористической организации ЕТА.

María Estela Martínez, Isabel, vicepresidenta de Juan Perón en 1973, reside en España y no viajó a Buenos Aires (El País, 25.05.2003, p.2).

Основой прозвища может служить дериват имени референта:

Luiz Inacio Lula da Silva, ex obrero y líder sindical, quiere hacer valer mañana el dicho de que a la tercera va la vencida, en un intento más por llegar a la presidencia de Brasil (El Mundo, 3.10.1998, p.22).

В последнее время на страницах испанской прессы наряду с индивидуальными появилось единственное в своем роде коллективное антропонимическое прозвище “*Los Albertos*”, образованное от имен двух директоров *Banco Zaragozano Alberto Cortina* и *Alberto Alcocer*, в настоящее время находящихся в тюрьме за банковские махинации в особо крупных размерах. Мотивацией создания данного прозвища является не только совпадение двух одинаковых имен, но и тот факт, что в народном сознании это имя связывают с людьми ловкими, проворными, смышленными: *Albertos – despiertos* [5. С. 180]:

Los ex presidentes del Banco Zaragozano **Alberto Cortina** y **Alberto Alcocer**, *Los Albertos*, han consignado el importe de las indemnizaciones a cuyo pago fueron condenados por el Tribunal Supremo (El País, 9.04.2003, p.61).

Среди прозвищных именовании, используемых в публикациях официальной прессы, встречаются прозвища, достигшие исторической категории (*исторические прозвища*) и являющиеся своеобразными “титулами” правителей страны. В романской ономастике они обозначаются термином *sobrenombre*, который в этом случае трактуется не в широком значении имени вторичной номинации, а в его узком толковании как *обязательное дополнение* к имени. Оно используется в сочетании с личным именем его носителя и представляет собою семантически единую формулу **ИС+определенный артикль+прилагательное**, выступая в качестве оценочного имени, прозвища: *Isabel I de Castilla y Aragón, la Católica; Felipe I de Castilla, el Hermoso; Felipe II el Prudente; Pedro I de Castilla, el Cruel*.

Вследствие того, что данные прозвища являются постоянными атрибутами АМ, служащими для идентификации известных исторических личностей, они не могут быть опущены и при воспроизведении в тексте никогда не выделяются курсивом:

Su trabajo ha buscado la plena integración de los restos del palacio, construido por **Sancho VI el Sabio** (El País, 29.03.2003 p.38).

En el caso de **Juana la Loca**, le ha interesado especialmente la facena humana, “desventurada y cautivadora a la vez” (elmundo.es-Cultura- 5.10.2002).

Индивидуальные прозвища обладают активностью узуса прежде всего при формировании интродуктивных моделей представителей шоу-бизнеса, спортсменов, исполнителей фламенко, тореро.

В отличие от прозвищных имен официальных политических деятелей, эволюция индивидуальных прозвищ такова, что в определенный момент своего бытования они перестают быть только параллельными моделями официальной формы именования и приобретают независимый статус функционирования в качестве публичных моделей своих владельцев. В первую очередь это относится к исполнителям фламенко, которые в обществе известны только под своими сценическими именами. Используясь в качестве самостоятельной модели, они никогда не выделяются курсивом:

Artistas como **Antonio Pozo, El Mochuelo; Manuel el Sevillano; y Rafael Moreno, El de Jerez**, volverán a sonar, ahora con mayor nitidez, 150 años después de grabar sus cantes (El País/Andalucía, 9.04.2003, p.10).

Другой обширной группой референтов, использующих в качестве интродуктивной модели только прозвищное именование, являются тореро. Их публичная модель, по мнению испанского исследователя Х.М. Албайхеса, занимает промежуточное положение между прозвищем и сценическим псевдонимом: *El Califa, El Cid, El Fandi*.

Х.М. Албайхес пишет, что в мире тавромахии крайне редки случаи, когда знаменитыми тореро становятся выходцы из аристократических семей с благородными и звучными фамилиями. В основном это представители неимущих слоев населения, и их фамилии принадлежат к наиболее распространенным в Испании, обладающим низкой степенью дифференциации. Так, в списке, состоящем из 210 самых известных испанских тореро, процент фамилий на *-ez* соответствует 45% от общего состава фамилий, в то время как на национальном уровне этот процент намного ниже и составляет приблизительно 15% [5. P. 172]. Чтобы сделать свое имя запоминающимся, обладающим высокой различительной силой, тореро использует для его создания прозвища, полученные от своих друзей и почитателей таланта, а также создает их сам, зачастую прибегая к помощи психологов и имиджмейкеров.

Подводя итоги, следует еще раз отметить, что присутствие прозвищных именований в ономастическом пространстве Испании всегда являлось ярчайшей его характеристикой. Однако, если первоначально сферой их распространения была только разговорная речь и зачастую она ограничивалась общением внутри определенных социальных групп, то в настоящее время исследования материалов публикаций прессы показали, что данные категории ономастической лексики по-прежнему являются частотными и функционально нагруженными элементами текстов печатных СМИ.

• Литература

1. Александрова О.И. Неофициальные личные имена в частной переписке и дневниковых записях конца XIX – начала XX века // Ономастика Поволжья, 3. – Уфа. 1973. – С. 130-135.
2. Данилина Е.Ф. Категория ласкательности в личных именах и вопрос о так называемых “сокращенных” формах имен в русском языке // Ономастика / Академия наук СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1969. – С. 157-165.
3. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. – М.: Р.Валент, 2001.
4. Флоренский П.А. Малое собрание сочинений. – М.: Наука, 1993.
5. Albaigés J.M. Enciclopedia de los nombres propios. – Barcelona, 1995.
6. Díez Barrio G. Motes y apodos. – Valladolid: Castilla, 1995.

© Н.Н. Бобырева

Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, Казань, Россия

ТЕРМИНОЛОГИЯ СОКОЛЬСКОЙ ГИМНАСТИКИ В ИСТОРИИ ГИМНАСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Создание специальной терминологии в гимнастике имеет длительную историю, поскольку в ходе развития физического воспитания в целом и гимнастики в частности появлялись самые разнообразные гимнастические упражнения, диктовавшие необходимость их обозначения. Очевидно, что многие гимнастические упражнения отличались от повседневных движений человека, поскольку они создавались в целях физического совершенствования человека и не имели специальных названий [1. С. 7].

С развитием гимнастических систем развивалась и совершенствовалась гимнастическая терминология. В середине XIX в. начала создаваться сокольская система гимнастики. Это первый комплекс, значимый с точки зрения его вклада в развитие славянской системы физического воспитания, получивший название «Сокол», символизирующий свободу, мужество, независимость. Основателем этого комплекса был известный деятель культуры Чехии, преподаватель Пражского университета Мирослав Тырш (1832 – 1884). Будучи представителем интеллигенции, он стремился к объединению и сплочению чешского народа в борьбе за национальную независимость, так как Чехия в то время находилась под владычеством Австрии.

Сокольская гимнастика внесла значительный вклад в создание современной спортивной и художественной гимнастики. Она включала в себя уже известные из немецкой и шведской гимнастики упражнения, но существенно дополнила их рядом других движений. В сокольской гимнастике была сделана попытка классификации физических упражнений на новой основе. Они подразделялись на четыре основные группы. *Первая* группа – упражнения без снарядов: ходьба, бег, вольные упражнения, строевые упражнения, хороводы, танцы. *Вторая* группа – снарядовые упражнения: прыжки простые и в длину, прыжки «атакой» в высоту, прыжки с шестом в глубину, упражнения на козле, столе в длину, коне в длину и ширину с ручками и без ручек, перекладине, брусьях, кольцах на месте и в каче, на ходулях, лестнице, шведской стенке, канатах, шестах, шведской скамье, бревне, шаре, коньках, велосипеде. Упражнения со снарядами: упражнения с различными отягощениями (палками, гантелями, тяжестями, пиками, цепями, киями, молотами, палицами, лопатами, кирками, мотыгами, косами, лукам, лестницами, бревном), упражнения в метаниях (копья, диска, молота, куба, ядра, мяча), упражнения с предметами (флажками, флагами, булавами, скакалками). *Третья* группа – групповые упражнения: пирамиды, массовые гимнастические выступления, подвижные игры. *Четвёртая* группа – боевые упражнения: фехтование, борьба, бокс, упражнения с сопротивлением.

Шагом вперёд явилось то, что в сокольской гимнастике обращалось внимание не на количество повторений, как это было в немецкой и шведской гимнастике, а на красоту выполнения движений. Гимнастические упражнения стали соединять в

комбинации, начали использовать музыкальное сопровождение, красивые костюмы, различное внешнее оформление. Урок делился на три части: подготовительную, основную и заключительную (так, как это делается в настоящее время). Методика проведения занятий включала много интересного и нового, особенно при массовых гимнастических выступлениях, в которых участвовали до 15-20 тыс. человек [3. С.55-56].

Основатели сокольской системы, чехи, использовали оформившуюся к тому времени немецкую гимнастическую терминологию, переведя её на чешский язык [2. С.3]. Эта наиболее совершенная для того времени терминология была очень искусственна, зависела от формальной классификации упражнений и, как правило, не определяла в достаточной степени смыслового содержания и характера гимнастических упражнений [1. С. 8].

В дореволюционную Россию эту чешскую терминологию занесли преподаватели-чехи, работавшие в качестве учителей гимнастики в средних учебных заведениях. В 1911 г. был издан на русском языке курс сокольской гимнастики, автор которого Н.В. Манохин сделал перевод чешской гимнастической терминологии на русский язык. Попытку эту следует признать явно неудачной, так как законы русского словообразования Н.В. Манохиным не были приняты во внимание, и работа переводчика свелась к русификации чешских терминов, что привело к невероятному засорению русского языка малопонятными и странными словами, применение которых лишь тормозило развитие гимнастики [2. С. 3]. Например, авторы стремились одним словом (термином) обозначить активную часть тела, само движение и его направление. Так, движения руками или ногами обозначались глаголами, образованными от названия конечностей. Например, для движения ног в любом направлении применяли глагол **ножить**, для движений руками – **ручить**. Чтобы указать направление движений или конечное положение, к такому глаголу добавлялись приставки: **пред-** (*движение вперёд*), **за-** (*движение назад*), **у-** (*движение в сторону*), **вз-** (*движение вверх*) и **при-** (*возвращение в первоначальное положение, т. е. опускание рук к телу, приставление ноги*). Таким образом, поднимание рук вперёд определялось термином **предручить**, а отведение ноги назад термином **заножить** и т. д. [1. С. 8-9]. По этому же принципу образованы следующие единицы, обозначающие движения: **предножить**, **уножить**, **заножить**, **разножить**, **предручить**, **заручить**, **уручить**, **приручить**, **взручить** [6. С. 13]. Большая группа языковых единиц образована путём присоединения соответствующих приставок к корню **клон**. Например, **заклон** *наклон туловища назад*, **уклон** *наклон туловища в сторону*, **предклон** *наклон туловища вперёд* и т.д.

«Ввиду того, что движения, употребляемые в сокольской гимнастике, отличаются своей непродолжительностью, приходится в качестве названий их употреблять прямо корни глаголов, обозначающих эти движения, избегая длинных слов. Таким образом, были образованы слова: **вис** *вместо висение*, **сед** *вместо сидение*; **мах** *вместо махание*, **взмах** *вместо замахивание*, **кач** *вместо качание*, **выдерж** *вместо выдерживание*, **стойка** и **стой** *вместо стояние*» [6. С. 13]. Следует заметить, что большинство существительных, образованных от корней глаголов, функционирует и в современной гимнастической терминологии.

Принцип использования корней тех или иных единиц (большей частью устаревших к тому времени) и приставок к ним характерен для терминологии упражнений на гимнастических снарядах. Ряд названий упражнений был непонятен русскому человеку в силу иноязычного происхождения терминов (хотя эта терминология и была переведена на русский язык). Например, **вышмыг**, **прешмыг**, **вельвышмыг**, **«подъём дергом сзади**, **выжим передом**, **меты уножив задом**, **загиб**, **наброс**, **взнос**, **заскок**, **натянутие**, **разогнутие** и т. п. [1. С. 9]. Однако именно этой терминологией пользовались в Советском Союзе до 1938 года, внося в неё к тому же изменения и

добавления без всякой системы и плана, что в ещё большей степени ухудшало положение [2. С. 4].

Приведём ещё некоторые примеры терминологии сокольской гимнастики и их семантизацию по Н.В. Манохиной: **двуповорот** (двойной поворот) на целый круг, (360°); **двускок** двойной прыжок – два прыжка подряд; **дружина** группа упражняющихся; **залоктье** часть руки от локтя до плеча; **заскок** при вольных упражнениях прыжок прямо назад; **комбинация** (состав – фигура) соединение нескольких приёмов движений в одно упражнение; **круг** кругообразное движение; **назад** означает всякое движение в сторону спины; **на локтях** на изгиб локтей; **на носках** на подъём стоп; **обеножно** исполнение упражнений обоими ногами вместе; **оберучно** исполнение упражнений обоими руками вместе; **одинакосторонние движения руками** когда обе руки делают одинаковые движения в одном и том же направлении и в одну и ту же сторону; **одноножно** исполнение упражнения одной ногой; **одноручно** исполнение упражнения одной рукой; **основная стойка** пятки вместе, носки врозь, приручит; **предлоктье** часть руки от кисти до локтя; **предскок** при вольных движениях поскок (прыжок) с места вперёд; **присун** присоединить выставленную на носок ногу к ноге; стоящей на месте; **разогнутие** быстрое, натягивающее согнутую руку или ногу движение, происходящее только в локтевом или коленном суставах; **скакалка** прыгалка; **согнутие** сгибающее руку или ногу движение происходящее только в локтевом суставе, при неподвижном залоктье, или коленном или неподвижном бедре; **сун** (сунуть) приставной шаг; получается, когда присунем (приставим) ногу, стоящую на месте, из которого вышли к ноге, перешедшей в какую-нибудь стойку; **сунная ходьба** получается повторением следующих приёмов: шаг одной ногой и приставление к ней другой; **телоупражняльня** гимнастический зал; здание для физических упражнений; **трехскок** тройной прыжок; три прыжка подряд; **уклон** (уклониться) наклонение туловища в сторону; **украшенные шаги** танцевальные «па»; при женских вольных упражнениях, прodelьваемых с места шаги с одновременными движениями руками, ногами или туловищем; **упражняльница** поле, место, площадка для физических упражнений; **упражняльня** телоупражняльня; **фигура упражнений** состав, комбинация; **фигурная маршировка** гимнастический хоровод; **хват** приём держания кистями за снаряд для поддержки тела; **ходьба переменная** получается повторением следующей комбинации приставных шагов: шаг левой ногой вперёд, правую приставить к ней – шаг правой вперёд и левую приставить; **ходьба присунная** (приставными шагами) происходит, делая шаг всё время одной и той же ногой и другую приставляя, и повторяя эти приёмы; **хороводы** художественные строевые упражнения – фигурная маршировка.

В дореволюционной России, независимо от существовавших зарубежных систем гимнастики и применявшихся там терминологий, складывалась своя, отечественная, гимнастическая терминология. Ряд терминов того времени сохранил своё значение и до настоящего времени (**приседание, сгибание, кружение** и др.) Например, для определения движений руками, ногами и их положений применялись (и сохранились до настоящего времени) названия: **руки вперёд, руки назад, руки в стороны** и т. п. [1. С. 10].

Е. Дулетов в статье «О терминологии» выражает мнение большинства гимнастов, отмечая, что «большинство видов спорта в настоящее время избавились от нерусских терминов дореволюционного спорта в России и уже не пользуются ими» [5. С. 7]. Автор считает возможным определять движения, пользуясь русским литературным языком вместо следующих терминов сокольской гимнастики: **предручить, заножить, уклон, заклон** и др.

А. Темников предлагал «идти по линии описательного метода, используя образные слова народного языка с последующей литературной их обработкой» и исключить из гимнастической терминологии все иностранные слова [8. С. 19].

Необходимость пересмотра гимнастической терминологии обуславливалась ещё и тем, что до 1938 г. терминология было засорена всевозможными «поправками». Эти поправки, как правило, не упорядочивали, а усложняли сокольскую терминологию, так как вносились без установления определённых принципов. Практика применения поправок приводила к тому, что можно было говорить о сокольской терминологии московского, ленинградского, украинского и тбилисского толка [4. С. 7]. Русифицированные термины сокольской гимнастики применялись для обозначения упражнений на гимнастических снарядах, вольных упражнений и опорных прыжков; термины, применявшиеся артистами цирка, – для акробатических упражнений; термины из балета – для упражнений танцевального характера; русские названия – для прикладных и строевых упражнений. Столь неоднородная, бессистемная терминология была малопонятной и препятствовала широкому развитию советской гимнастики [1. С. 11].

В сентябре 1937 г. Комитет по делам физической культуры и спорта назначил специальную комиссию, в составе которой были И.А. Бражник, А.Т. Брыкин, Г.С. Егнатошвили, Л.П. Орлов. На основе имевшихся материалов была подготовлена новая терминология, утверждённая и введённая в 1938 г. [2].

Таким образом, терминология сокольской гимнастики не могла далее применяться в спортивной практике, так как, во-первых, не могла охватить всё разнообразие упражнений системы гимнастики в нашей стране в начале XX в. и во-вторых, не соответствовала законам словообразования и грамматике русского языка. Ввиду того, что одним из требований, предъявляемых к терминам, является доступность, терминология должна строиться на базе словарного состава родной речи. Без соблюдения данного требования терминология не может быть понятной, удобной для изучения, доступной широким кругам специалистов физической культуры и спорта.

Литература

1. Брыкин А.Т. Гимнастическая терминология. – М.: Физкультура и Спорт, 1969.
2. Гимнастическая терминология, с приложением словаря. – М.: Физкультура и спорт, 1938.
3. Гимнастическая терминология: Справ. по курсу «Гимнастика» / Сост. С.А. Александров. – Гродно: ГрГУ, 2000.
4. Голошапов Б.Р. История физической культуры и спорта: Учеб пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001.
5. Дулетов Е. О терминологии // Гимнастика. – 1937. – № 3.
6. Кун Л. Всеобщая история физической культуры и спорта. Пер. с венгерского / Под общей редакцией В.В. Столбова. – М.: Радуга, 1982.
7. Подробный курс сокольской гимнастики. Пер. Н.В. Манохина. – Изд. Всевобуча Вятского Воен. Комиссариата, 1922.
8. Темников А. Ещё о терминологии // Гимнастика. – 1937. – № 6.

© Ю.Г. Есина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА И КУЛЬТУРЫ НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК ВАНДЕИ (ФРАНЦИЯ)

Согласно определению, пословица – это «краткое, устойчивое, ритмически организованное образное народное изречение, имеющее способность к многозначности и употребляющееся в речи по принципу аналогии» [3]. Как архаический жанр, пословицы выражают так называемое древнее «обычное право» (кутюм) – неписаное правило человеческого общежития. Близкие к пословицам поговорки представляют собой образное общепринятое выражение, имеющее эмоциональную окраску. Пословицы и поговорки, с одной стороны, имеют универсальный общечеловеческий смысл, с другой – могут отражать национальную или региональную специфику.

Во французской научной литературе пословица рассматривается как одна из форм этнотекста, тем самым "подчеркивается, прежде всего, ценность культурной информации, которой они обладают" [6. Р 37]. В рамках этой концепции пересматривается традиционное представление о пословицах как раритете, непродуктивном жанре, основанном на том, что новые пословицы не создаются, а большой массив уже существующих пословиц активно не используется. С точки зрения таких авторов, как, например, К. Мартель (фр. Claude Martel) или Т. Шиппер (фр. Th. Schippers), пословицы (proverbes) и поговорки (dictons) до сих пор служат средством идентификации коллектива, так как они сохраняют сведения, необходимые для жизни данного коллектива [7]. Пословица отражает «дух», вековую мудрость народа.

В данной работе использовались пословицы и поговорки из сборника «2189 пословиц и поговорок Пуату-Шарант и Вандеи» (фр. 2189 proverbes et dictons en Poitou-Charentes, Vendée) [4]; составителем корпуса вандейских пословиц в нем является Ж.-Л. Ле Келлек (фр. J.-L. Le Quellec). Важно, что в этой книге пословицы и поговорки даны как на французском языке, так и на вандейском диалекте. Это подчеркивает народность высказываний, отражающих культуру именно вандейского региона.

Сначала будут рассмотрены пословицы, связанные с влиянием океана и болотистой местности. Затем более подробно мы остановимся на материале, касающемся равнины, бокажей. Здесь мы рассмотрим, с одной стороны, роль леса, а с другой – влияние бокажей на менталитет и повседневную жизнь вандейцев. Пословицы запечатлели религиозность вандейцев, их профессии, традиционные еду и одежду. Немало примет и пословиц о животных. Наконец, мы рассмотрим, как Вандейское восстание 1793 г. нашло отражение в устном народном творчестве.

В департаменте Вандея присутствуют три основных географических ареала: берег океана, болотистая местность Марэ и равнинная Бокаж. Влияние океана, как и повсюду, сказалось на традициях края, откуда и культурное наследие, связанное с морем. До сих пор в современной Вандее семьи на выходные уезжают к морю, и населенные пункты в центре департамента пустеют. Остров Иль д'Йе (фр. Ile d'Yeu) – один из самых

известных, принадлежащих Вандее. С ним связана такая поговорка, как «Ветер с севера: моряк, спи! Ветер с юга, моряк, бди!» (фр. Vent du nord: marin, dors! Vent du sud: marin, méfie-tu!) [4. P.314]. Эта поговорка до сих пор используется моряками острова Иль д'Йе [4. P. 314]. Другая пословица: «Когда Рошбонн восстанет, Иль д'Йе *потонет*» (фр. Quand Rochebonne surgira, l'île d'Yeu s'enfoncera) [4. P. 276]. Рошбонн – скала неподалеку от Иль д'Йе. *Эта пословица вписывается в ряд французских поговорок о переходе влияния от одного города к другому* (например: «Нант погибнет – Сен-Бревен возродится» (фр. Nantes périra, St-Brévin renaîtra) [4. P. 276]). Интересно утверждение «Нет ножа – нет куска [хлеба]» (фр. Pas de couteau pas de morceau [de nourriture].) Ж.-Л. Ле Келлек пишет, что «моряки не выходили на улицу (из дома) без ножа» [4. P.247].

В болотистом крае Северное Марэ (фр. le Marais Nord) всё ещё употребляется поговорка «Вода, везде вода – лихорадка круглый год» (фр. De l'eau, de l'eau partout les fièvres tous les ans.) [4. P. 254]. Эта поговорка характеризует жизнь в условиях малярии, которая некогда свирепствовала в этой местности. Благодаря усилиям местных властей, в XIX в. были прорыты каналы, собравшие воду, и теперь на месте болот в Вандее плодородная почва, а каналы служат для увлекательных путешествий туристов.

Бокажи занимают большую часть Вандеи и являются ее основной особенностью. Слово bocage обозначает участок земли – поле, окаймленное деревьями. Считается, что подобный ландшафт повлиял на менталитет ванзейцев, стремящихся обособиться от мира на своей маленькой родине. Вплоть до XIX века леса окружали отдаленные разрозненные приходы. Это нашло отражение в пословицах. Например, об охоте в лесах хранит память пословица «Одного выстрела хватит, чтобы убить волка» (фр. Il ne faut qu'un coup pour tuer le loup.) [4. P.259], то есть часто один случай может решить все. В пословице «Дуб кренился туда, куда упадет» (фр. Le chêne penche du côté où il va tomber.) [4. P. 260] говорится про какое-либо весьма вероятное событие, то есть все приближается к тому, что, в конце концов, случится. «Где есть ежевика, будет хлеб; где растет папоротник, не растет ничего» (фр. Où il y a des ronces, vient du pain, où poussent les fougères ne pousse rien.) [4. P. 265]. Папоротники росли в лесах Западной Франции, так что в честь них даже назван город в Бретани Фужер (фр. fougère – папоротник). Колючие изгороди из ежевики и сегодня нередко огораживают бокажи, наравне с деревьями.

Итак, ванзейцы проживали в приходах, окруженных лесом. По сей день религиозность отличает жителей Вандеи. Ее подтверждают такие пословицы, как «Нельзя одновременно звонить в колокола и идти за хоругвями» (фр. On ne peut pas sonner les cloches et être à la procession.) [4. P. 254]. Другими словами, нельзя все успеть. «В каждом приходе свои прихожане» (фр. Chaque paroisse produit bien ses paroissiens.) [4. P. 254] – так интерпретируется мысль «В чужой монастырь со своим уставом не ходят».

Религиозную лексику содержит пословица «И собака смотрит на епископа (фр. Un chien regarde bien un évêque.) [4. P. 249], которая означает, что любой человек может позволить себе не опускать глаза, держать голову выше перед важной персоной. Существует и другое высказывание «Нельзя исповедоваться лисе» (фр. Il ne faut pas se confesser au renard.) [4. P. 259]. Следовательно, надо уметь держать язык за зубами. Бывают и иронические пословицы, опровергающие общепринятые ценности, как, например, «Кто верит жене и юре, рискует разориться» (фр. Celui qui croit sa femme et son curé court grand risque de se ruiner.) [4. P. 269].

Некоторые пословицы сообщают нам о профессиях, наиболее распространенных в Вандее: о ремесленных цехах, ремесле каретника, плотника, столяра [4. P. 249]. Неслучайно известное контрреволюционное восстание в Вандее 1793 года возглавлял, среди прочих, каретник Катлино. Население Вандеи в большинстве своем было крестьянским. «После хорошего труда – хороший урожай» (фр. A bon labours, bonnes moissons.) [4. P. 253] – гласит пословица, то есть, кто работает вовремя, собирает

хороший урожай. О распорядке дня сообщает пословица «Для долгой жизни, хороший совет: ложиться с курами, вставать с вороном» (фр. Pour vivre longtemps, une bonne école : coucher de poule et lever de corbeau.) [4. P. 255], что свидетельствует о том, что было принято рано вставать и рано ложиться.

Также в пословицах сохраняется упоминание о традиционной пище: бобах, супе «melote» (который быстро готовится из хлеба и луковицы). О традиционной крестьянской обуви – сабо – говорится в такой пословице, как «Если бы не было глупцов, адвокаты ходили бы в сабо» (фр. S'il n'y avait pas de sots, les avocats marcheraient en sabots.) [4. P. 278]. Интересно, что во время подавления Вандейского восстания маркиза де Ларошжаклен была вынуждена переодеться в крестьянскую одежду, и в своих мемуарах она подчеркивала, как тяжело ей было с непривычки ходить в сабо [5]. Маркиза де Ларошжаклен была женой одного из предводителей Вандейского восстания Лекюра, а во втором браке – супругой брата знаменитого героя того же восстания Генриха де Ларошжаклена. В ее мемуарах описаны как военные действия, так и повседневная жизнь Вандеи.

Пословицы сохранили ссылки на домашних животных, игравших немалую роль в жизни сельского мира. «Если каждый будет заниматься своим делом, то и бараны будут под присмотром» (фр. Chacun son métier, les moutons seront bien gardés.) [4. P. 257]. В этих словах одновременно мы находим описание повседневной жизни и мысль о том, что лучше делать одно дело, но хорошо. В мемуарах маркизы де Ларошжаклен также сообщается о том, что она была вынуждена следить за овцами и баранами, так как это занятие не вызывало подозрений у республиканцев. Собаки, сторожившие дом, часто упоминаются в поговорках: «Не надо больше всего бояться лающую собаку» (фр. Le plus à craindre, ce n'est pas le chien qui jappe.) [4. P. 249], «Хорошая собака напрасно не укусит» (фр. Bon chien ne jappe pas à tort.) [4. P. 251]. Маркиза де Ларошжаклен пишет, как часто собаки спасали прятавшихся аристократов и роялистов своим лаем при приближении республиканских отрядов [5. P. 388].

Поговорка «Где коза привязана – там пусть щиплет травку» (фр. Où la chèvre est attachée, faut bien qu'elle broute.) [4. P. 269] воспроизводит припев хорошо известной в Вандее песни. Она сходна по духу с упомянутой пословицей о желательности заниматься одним и тем же делом, что позволяет сделать вывод о том, что ценилось больше у вандейцев. Кроме поговорок, сохранилось много примет (proverbes météorologiques) [6. P. 24]. Например, во многих из них упоминается паутина. Одна из них звучит очень образно, объединяя христианское мировоззрение и природно-бытовые мотивы: «Если Мадонна пряла, то на следующий день она стирает» (фр. Quand la Vierge a filé, lendemain, elle fait sa lessive.) [4. P. 251]. Иными словами, «пряжа Мадонны» возвещает о дожде. В свою очередь, эта «пряжа» – мельчайшая паутинка. Здесь явно прослеживается переплетение с языческими, более древними, представлениями о феях, которые и пряли, и стирали [2. С. 146]. В вандейской пословице Мадонна исполняет «работу» фей. Другие приметы связывают с изменениями погоды цвет пролетающих бабочек или время появления радуги [4. P. 252].

Очень многое о повседневной культуре вандейцев хранится в фольклоре. Центральное событие в истории департамента – Вандейское восстание 1793 года – также не могло не оставить следа в пословицах, доказательством чего является следующая: «Луидор из золота, наполеон из серебра, республика – из бумаги» (фр. Louis d'or, Napoléon d'arjhent, République de papier.) [4. P. 283]. В ней высказана негативная оценка пришедшим временам республики, поскольку подчеркивается, что деньги при короле были из золота, а при республике – из бумаги. Тем самым проводится сравнение двух политических режимов, скорее в пользу монархии.

На основании сказанного можно сделать вывод о том, что в пословицах и поговорках Вандеи сохранилось отражение культуры и традиций края. Самобытность Вандеи поддерживалась благодаря ее обособленности от других регионов, консервативным взглядам, католической вере, а образность мышления вандейцев сказалась на их восприятии природы.

Литература

1. Аникин В.П. Теория фольклора. – М., 2007.
2. Загряжская Т.Ю. Франция в культурологическом аспекте. – М., 2007.
3. Кравцов Н.И. Русское народное поэтическое творчество. – М., 1971.
4. Chevrier J.-J., Chenin G., Le Queullec J.-L. 2189 proverbes et dictons en Poitou-Charentes, Vendée. – La Crèche, 2007.
5. La marquise de La Rochejaquelein. Mémoires. – P., 2002.
6. Tradition orale et identité culturelle : problèmes et méthodes. (Dir. par Bouvier J.-C.). – Marseille, 1980.
7. Les voies de la parole : Ethnotextes et littérature orale, approches critiques // Réd. de Pelen J.-N. et Martel Cl. – Aix-Marseille, 1992.

© Д.Г. Карелова

Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, Казань, Россия

ТЕРМИН КАК ЕДИНИЦА ИССЛЕДОВАНИЯ ПОДЪЯЗЫКА СТРОИТЕЛЬСТВА (НА ПРИМЕРЕ ТЕРМИНОВ ГИБКИХ МОБИЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ)

Одним из направлений современного строительства является отрасль гибких мобильных сооружений, а именно новые английские термины этой отрасли и их русские эквиваленты. Появление данной отрасли в строительстве связано с развитием техники, а также с использованием достижений современной химии. Уменьшение веса конструкции является одной из основных тенденций во всех отраслях строительства. Ускорение темпов жизни, а также развитие науки и техники требуют создания сооружений, которые можно быстро и экономно возводить, демонтировать, перемещать, реконструировать [3]. Применение строительных материалов из пленок и волокон открывает большие возможности создания новых высокоэффективных инженерных конструкций, методов строительного производства, важных для дальнейшего развития данной сферы. Основоположником этого направления в строительстве является немецкий ученый Ф. Отто [10], который с 70-х гг. возглавляет Штутгартский Научно-исследовательский Институт Легких конструкций.

Развитие научных исследований в области легких мобильных сооружений на основе мягких оболочек, наличие и создание новых материалов привело к появлению большого количества новых терминов. Возросший обмен научной информацией в данной области явился причиной затруднения при переводах. Соответственно, возникла необходимость в упорядочении и систематизации массива терминов. Основой любой отрасли строительства (включая строительство мобильных сооружений с использованием мягких оболочек) является непосредственно терминология, тот тезаурус, который необходим специалисту для профессионального общения.

Необходимость словарной манифестации новых научно-технических понятий стимулирует постоянное и интенсивное пополнение лексического фонда языков. В связи с ростом взаимовыгодных экономических и научно-технических партнерских отношений между специалистами необходим обмен информацией в рамках международной стандартизации и межъязыковой унификации научно-технических терминов. В связи с развитием контактов по применению пневматических и тентовых сооружений и элементов зданий из синтетических пленок и текстиля значительно возросли объемы технической и экономической информации, требования к точному переводу, необходимость создания взаимоувязанной терминологии и документации в архитектурной строительной науке и технике. Охватываются многие, не свойственные для традиционной строительной техники особенности таких сооружений, что значительно расширяет профессиональную лингвистическую среду.

Профессиональный подъязык строительства терминологии, в состав которых входит терминология гибких мобильных сооружений с мягкими оболочками, сложился в процессе развития строительного производства, для него характерна терминологическая

неупорядоченность различного рода: наличие множества системных параметров, устанавливающих связи лексических единиц рассматриваемого подъязыка, антонимов, синонимов. Такое положение в настоящее время расценивается как серьезное отставание строительной терминологии от современных требований, неупорядоченность терминологии имеет следствием не только неточность излагаемой мысли, но и нередко даже её неправильность.

Термин «подъязык» определяется в науке о языке как «исторически сложившаяся, относительно устойчивая для данного периода автономная экзистенциальная форма национального языка, обладающая своей системой взаимодействующих социолингвистических норм первого и второго уровней, представляющая собой совокупность некоторых фонетических, грамматических и, преимущественно, специфических, лексических средств общенародного языка, обслуживающих речевое общение определённого социума, характеризующегося единством профессионально-корпоративной деятельности своих индивидов и соответствующей системой социальных понятий» [6. С. 7-13].

Профессиональный подъязык строительства представляет собой норму первого (термины и номены) и норму второго (профессионализмы, депрофессионализмы, квазипрофессионализмы, интерпрофессионализмы) уровней, так как включает в себя кодифицированные и некодифицированные единицы. Г.П. Мельников определяет «номен» как единицу, непосредственно соотносённую «с предметами и объектами реальности, а не с теоретическими единицами – понятиями об этих предметах и уже только через него с понятием, то есть не с единицами уровня «логоса»» [7].

Профессионализмы – единицы нормы второго уровня профессионального подъязыка, функционирующие в низком регистре институционального дискурса как субституции терминов. Структурной основой профессионализмов чаще всего служит не специальная, а общеупотребительная лексика, используемая в специальном значении. И если, находясь вне пределов профессионального подъязыка, единица не обладает ни образностью, ни экспрессивностью, то, попадая в специальный контекст, слово «зажигается», обретает некоторую коннотативную нагрузку.

Депрофессионализмы – лексические единицы нормы второго уровня профессионального подъязыка, значение которых не имеет параллелей в терминосфере соответствующего вида деятельности. Как правило, депрофессионализмы употребляются только в соответствующей профессиональной среде и не выходят за пределы неофициального общения людей данной профессии.

Непрерывность профессионального языкового континуума обеспечивается группой единиц, квазипрофессионализмов, занимающих промежуточное положение между профессионализмами и депрофессионализмами. Это единицы, не имеющие параллелей в терминисистеме, однако их денотативное значение соотносимо с профессиональными действиями и объектами [8. С. 25].

Интерпрофессионализмы – единицы нормы второго уровня, употребляющиеся в ряде профессиональных языков [4. С. 85-95].

Ядро профессионального подъязыка строительной терминологии гибких мобильных сооружений с мягкими оболочками составляют современные термины, имеющие тематическую соотносённость с 16 основными группами отраслей и направлений развития техники:

1. Традиционная и новая техника палаточных и шатровых сооружений, в том числе с конструкциями и оборудованием для тентовых, пневматических и других систем.
2. Архитектурное и строительное использование тентовых, пневматических, отделочно-облицовочных, гидро-паро-газоизоляционных покрытий, прослоек, стеновых ограждений, свето-звуко-теплоактивных конструкций; трансформирующихся устройств, например, раздвижных перегородок; спасательных средств, например, рукавных

эвакуаторов; для строительной индустрии и строительной технологии, например, пропарочные камеры, опалубка, воздуховоды; укрытия строящихся и реставрируемых объектов. 3. Одежда и другие изделия легкой промышленности, в том числе спецзащиты на производствах. 4. Резино-технические изделия, в том числе резино-ткани, пожарные рукава, транспортные ленты автошины, пневмобаллоны, бензобаки. 5. Автотранспортное машиностроение, в том числе автофургоны. 6. Текстильная промышленность, в том числе отрасли волокон, нитей, тканей, нетканых сетчатых крученых и др. изделий. 7. Летательные и воздухоплавательные аппараты, аэростаты, дирижабли, парашюты, дельтапланы. 8. Химия, технология, материаловедение полимеров, пленочных и др. изделий из пластиков и композитов. 9. Специальные раздвижные антенны исследовательских аппаратов. 10. Чехольная, упаковочная, тарная, экспедиционная оснастка. 11. Несущие каркасы, опоры, крепеж, механизмы и устройства для трансформации конструкции из специальных, в том числе легких металлов и сплавов и профилей, древесины, пластмасс со сшивкой, клейкой, окраской и др. 12. Мягкие и гибкие судовые конструкции, в том числе переборки, плавсредства, суда на воздушных подушках. 13. Защитно-закрепляющие покрытия и прослойки при возведении насыпей, дамб, озеленений откосов, геотекстильные устройства. 14. Передвижные гидротехнические сооружения-плотины, лотки, водоемы, бункеры, водоводы, бассейны. 15. Парусное вооружение судов, кораблей. 16. Другие типы и виды гибких, подвижных устройств конструкций, оборудования и процессов, в том числе защитных и отделочных покрасок [3].

Являясь одной из форм реализации языка, профессиональный язык не выбирает собственные способы образования единиц, использует морфологическую деривацию и семантическую деривацию, функционирующие в других разновидностях национального языка. Очевидно, что номинация осуществляется в тех случаях, когда: 1) нет имени объекта, явления или процесса; 2) существующее название не удовлетворяет потребностям коммуникантов [8. С. 58].

Большинство терминов, входящих в состав профессионального подязыка строительной терминологии гибких мобильных сооружений с мягкими оболочками, являются исходными семантической деривации в рамках экзистенционного языка, обладают следующими функциями словообразования: номинативной, экспрессивной, конструктивной, компрессивной. Помимо внутрilingвистических факторов, на развитие подязыка строительной терминологии гибких мобильных сооружений с мягкими оболочками влияют также экстралингвистические.

Определенное количество составляют абсолютные термины, то есть слова, функционирующие исключительно как элемент специальной терминологии, в рамках которой они соотносятся с определенным понятием и не имеют предметно-логических значений с другими терминами.

В данной работе мы принимаем за основу определение термина, данное И.В. Арнольд: «термином принято называть слово или словосочетание, служащее для точного выражения понятия, специфичного для какой-нибудь отрасли знания, производства или культуры, и обслуживающее коммуникативные потребности в этой сфере человеческой жизнедеятельности» [2. С. 85]. Совокупность терминов той или иной отрасли образует ее терминологическую систему. «Термин представляет в современных исследованиях как слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знаний или деятельности» [5. С. 508-509]. По мнению К.Я. Авербуха, термин – понятие функциональное, ничем субстанционально от слова не отличающийся уже хотя бы потому, что сам является в частном случае словом; термин – единица номинации, языковой знак специальной сферы использования. Различают полный, краткий и неполный варианты термина, а также в функции термина могут выступать замещения термина – местоимения, аббревиатуры и перифразы.

О полном термине можно говорить в том смысле, в каком он раскрывается в общепринятом определении термина; краткий термин – это эллиптическая конструкция, в которой усечению подвергаются атрибутивная часть (вся или частично) или терминологический элемент, обозначающий субъект или объект действия. Неполный термин – продукт эллипсиса стержневого терминологического элемента [1. С. 70].

В результате исследований и обобщений было определено, что в качестве первого шага в деле упорядочения существующего сложившегося лексикона в такой новой области техники, как мобильные сооружения из ограждения из мягких оболочек, наиболее целесообразна лексикографическая обработка словесного массива с целью разработки «Терминологического словаря».

Учитывая тот факт, что терминология в области гибких мобильных сооружений и мягких строительных конструкций включает многочисленные понятия не только из строительной техники и архитектуры, но также из парусного дела, парашютной техники, текстильной, полимерной и химической промышленности, машиностроения и других сфер, для первоочередного решения были включены следующие вопросы:

- 1) выявление новых терминов – языковых неологизмов;
- 2) выявление закономерностей терминообразования;
- 3) фиксация эквивалентов на русском и английском языках.

В связи с увеличением количества терминов, что, в свою очередь, явилось следствием развития науки во многих направлениях, актуальны вопросы термина и терминологии в целом. Различные толкования понятий «термин» и «терминология» свидетельствуют об отсутствии единого мнения среди ученых и о нерешенности данной проблемы, поэтому упорядочение, к примеру, терминосистемы профессионального подязыка гибких мобильных сооружений с использованием мягких оболочек, дает возможность расширить представления о терминах, входящих в состав данной терминологии, а также раскроет их сущность и связь с другими терминосистемами.

Литература

1. Авербух К.Я. Общая теория термина. – М.: Изд-во МГОУ, 2004.
2. Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике. – М.: Высш.шк., 1991.
3. Блинов Ю.И. Пленки, ткани и сетки в гражданских и промышленных сооружениях // Вопросы теории развития гибких мобильных сооружений. – Казань, 1971.
4. Быков В. Жаргоноиды и жаргонизмы в речи русскоязычного населения: новые слова и значения в современном русском языке // Русистика. – 1994. – №1/2. – С. 85-95.
5. Васильева В.Н. Термин // Языкознание: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М., 1998. – С. 508-509.
6. Коровушкин В.П. Контрастивная социодialeктология как автономная лингвистическая дисциплина // Язык в современных общественных структурах (Социальные варианты языка – IV): материалы междунар. науч. конф., 21-22 апреля 2005 г. – Н. Новгород, 2005. – С. 7-13.
7. Мельников Г.П. Основы терминоведения. – М.: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1991.
8. Солнышкина М.И. Профессиональный морской язык. – М.: Академия, 2005.
9. Тондл Л. Проблемы семантики. – М., 1975.
10. Otto F., Trostel K.Z. Zugbeanspruchte Konstruktionen. – Stuttgart: Ullstein Verlag, 1962.

© **О.В. Малоземлина**

*Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга,
Петропавловск-Камчатский, Россия*

НАЗВАНИЯ ПРИПРАВ В ГОВОРАХ КАМЧАДАЛОВ (ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В настоящее время многими диалектологами отмечается важность изучения русских народных говоров территорий позднего заселения, к числу которых относятся говоры камчадалов – метисированного населения Камчатского полуострова, появившегося на Камчатке вследствие межэтнической ассимиляции русских казаков и крестьян (носителей севернорусского наречия), поселившихся на Камчатке в конце XVII в., и коренных народов полуострова (ительменов, коряков, эвенов), основным средством межъязыковой коммуникации у которых стало русское камчатское наречие. «Специфика русских говоров камчадалов обусловлена иноязычным окружением на протяжении всей их истории: говоры формировались в тесном контакте с ительменским, эвенским и корякским языками» [1. С. 3]. В связи с тем, что в нынешнее время резко возросло влияние различных факторов (как лингвистического, так и экстралингвистического характера) на диалектную лексику, представляется несомненным тот факт, что говоры камчадалов нуждаются в неотложном многостороннем описании, и задача каждого диалектолога – сохранить тот уникальный диалектный языковой материал, который достался нам от наших предков. «Потерять диалектные слова – это значит потерять для нации, для истории нашего народа, истории его духовной и материальной культуры, его языка значительную часть того, что составляло содержание жизни миллионов людей в течение многих столетий» [3. С. 4].

Целью настоящей статьи является описание и анализ лексики пищи родо-видовой группы (далее РВГ) «Названия приправ» в говорах камчадалов.

Иллюстративный материал, представленный в работе, получен путём сплошной выборки из картотеки лаборатории региональной этнолингвистики Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга, включающей материалы диалектологических экспедиций 1971-2008 гг., в ходе которых было обследовано 20 населённых пунктов Камчатского края, из полевых записей диалектологических экспедиций вуза, в которых традиционно участвуют студенты, аспиранты лаборатории и преподаватели; также использованы собственные полевые записи, сделанные автором публикации в трёх диалектологических экспедициях в период с 2007 по 2008 гг. в с. Мильково Мильковского района и с. Ковран Тигильского района Камчатского края.

Семантическая структура общерусских слов представлена через словарные дефиниции «Словаря русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой 1981-1984 гг. (далее МАС) [4]. Под общерусским словом (вслед за Н.Г. Ильинской) понимаем «условное название лексической единицы, имеющей одинаковую форму выражения, функционирующей в ЛЯ и в говорах, не являясь в последних заимствованием из ЛЯ или из каких-либо других источников» [2. С. 29].

В статье используются следующие условные обозначения: : – варианты наименования; = – синонимичные наименования; // – противопоставленность лексических единиц по роду и виду; / – противопоставленность лексических единиц по виду.

В состав РВГ «Названия приправ» входят наименования различных приправ, используемых камчадалами при приготовлении каких-либо блюд.

Анализируемая группа состоит из 20 наименований (включая варианты).

Данную РВГ в говорах камчадалов возглавляет гипероним *припра́ва*, объединяющий следующие наименования: *запра́вка* : *запра́ва* = *спе́ция* // *соль* : *шоль* : *шол*; *пе́рец* (ласк. *пе́рчик* : *пе́рчик*) / *горо́шек*; *лавровый лист* : *лавроу́шка*; *уксу́с*; *черемша* : *церемша* : *церемса*; *олхна*; *подлив*; *майонез*.

В рамках РВГ «Названия приправ» в говорах камчадалов выделяются две родовые подгруппы (далее РВП): РВП «Названия приправ» и РВП «Названия соусов».

РВП «Названия приправ».

Лексема *припра́ва* общерусская, в литературном языке (далее ЛЯ) имеет следующее значение: «То, что добавляется в кушанье для улучшения его вкуса, для аромата и т.п. || *перен. Разг.* То, что сопровождает что-л., служит добавлением к чему-л.» [МАС. Т. 3. С. 435]. В говорах камчадалов значение слова совпадает со значением в ЛЯ. Оттеночное значение нами не зафиксировано. *Тельно за́рили / фарс ыз ры́бы / карто́ску / фсяку́у припра́ву / как пироски.* МЛ. *Чинёная рыба / з гольца́ сънять шкуру / фсе перемолотъ / рису добавля́ют / фсяку́у припра́ву / снова набива́ют // Любо́й вре́мя // А камчада́ы ниский пирок де́лали / ниска́я корачька // Ни очинь мно́га припра́вы ло́жыли.* МЛК. *Гале́ц ыли ри́бу обыкнове́нну́у / ску́ру съни́мес / мя́со вы́берес / припра́ву поло́зес / туда́ припра́вы фся́кие / рис отвари́с / это́ гале́ц цинё́ный / молоко́ туда́ / фарс туда́ зде́лайес / ф ску́ру наталка́йес / вро́де колбасы́ зде́лайес ы ф пе́цку.* ТГЛ. В качестве синонимичных в говорах используется общерусское слово *запра́вка*, значение которого совпадает со значением 2 у слова в ЛЯ: «То, чем заправляют пищу; приправа» [МАС. Т. 1. С. 560], и его собственно диалектный словообразовательный вариант *запра́ва*. *Сушы́ли / запра́фку де́лали / морко́фку / укро́п / свеко́лку посоли́ть // А это́ запра́вка на бо́рц // Хмель ф пачьках бы́ // Астаница́ нимно́шка запра́вка / ийо́ нимно́га броси́и ы астави́и // Ми э́ту запра́ву о́чень люби́м // Купи́ што-нибу́ть для запра́вы.* МЛК. Зафиксирован также общерусский синоним *спе́ция*, значение которого в говорах совпадает со значением в ЛЯ: «обычно мн. ч. (специи, -ий). Приправа к кушанью, пряность» [МАС. Т. 4. С. 222]. *Шурпа́ / из ди́кой у́тки / де́лали дома́инну́у ла́шу / му́ка / соль и спе́ции.* ДЛН. *Закрыва́шка // Ловят ры́бу / разде́лыва́ют / на протье́вень кро́шат карто́шку / спе́ции / покрыва́ют брюшко́м.* МЛК.

Соль – общерусская полисемантическая лексема, одно из значений слова в ЛЯ следующее: «Белое кристаллическое вещество с острым характерным вкусом, употребляемое как приправа к пище» [МАС. Т. 4. С. 192]. Значение слова в говорах соответствует значению в ЛЯ. *Когда́ будеш бра́ть куша́ть / соль возьми́ и кушай // Нога́ медве́жья / йейо́ выпали́ть / вы́мыть / на кусо́чки наре́зать / окро́мя соли́ и лавру́шки ничево́ не кла́сть // Соль мо́жно доба́вить и ничево́ // Кто пе́рец ло́жыт // Тельно́ // В ри́бный фа́ри доба́вляйеца́ йайцо́ ʹ карто́ска / лук / пе́рчик поперчи́ть / соль / фсе взбивало́сь / толку́чкой толкли до вя́скости // Чю́ / это́ ры́бу залива́ют раство́ром уксу́са / пе́рца / соли́ и не́сколько чясо́ф стои́т // О́чень фку́сно чю́ / йе́то блю́до из ры́бы де́лают.* МЛК. Зафиксированы фонематические собственно диалектные варианты *шоль* : *шол*. *Итэльме́ны отличи́юца́ разгово́ром / на́шы называ́ли чя́й «ца́й» // В Анавга́е эвены́ жы́вут / у них свой йа́зык // Пожы́лые́ говори́ли «шоль» // Камчада́лы и итэльме́ны / одно́ и то́ же.* МЛК. *Воды́ кипяти́ли сперва́ / шорону́ поло́жым / шол / ша́вел / церемшу́ то́жэ.* КВР.

Перец – общерусское наименование, в ЛЯ имеет следующие значения: «1. Тропическое растение, а также плоды его в виде зерен, острые и жгучие на вкус. 2. Овощное пряное растение сем. пасленовых, а также плоды его в виде стручков. 3. Порошок из плодов этих растений, употребляемый как приправа» [МАС. Т. 3. С. 106]. Значения слова в говорах совпадают со значениями в ЛЯ. Для обозначения перца в значении 1 ЛЯ камчадалы используют общерусское наименование **горошек** в собственно диалектном значении. *Абычьна фсе хаділі сабіралі черемшу // Рассол красны / зависит ат карешка // Паложыла я лисьтик / затем абмакывайу ф соль и раскладывайу / потом горошек свёрху и фсе / через месяц йеи.* МЛК. 2. *Перец слаткий йесть / красны ы жолты / йедім йево.* МЛК. 3. *Бирёца чюлок / можо и лук / и перец / ана (рыба) набывайеца и ф пёчку / ана называйеца чинёнка.* ДЛН. *Соль можно добавить и ничево // Кто перец ложыт // Чю / это рыбу заливайут раствором уксуса / перца / соли и несколько чясоф стоит // Очень фкусно чю / йето блюдо из рыбы делают.* МЛК. Камчадалы в своей речи употребляют также ласкательную форму **перчик (перцик)**. *Тельно // В рыбный фарш добавляйеца йайцо / картоска / лук / перчик поперчить / соль / фсе взбивалось / толкучькой толкли до вязкости.* МЛК. *Тельно // Щиснок цёрез мясорупку / рынку свезуу / ф тазик лозу / перцику / йайско / цють соды / луцёк / укропцик / молоцька / перемнять руками / будит тельно.* ССН.

Лавровый лист – составное общерусское наименование, в ЛЯ имеет следующее значение: «Высушенные листья лавра, употребляемые в качестве приправы к пище и при приготовлении маринадов» [МАС. Т. 2. С. 159]. Значение слова в говорах соответствует значению в ЛЯ. *Йесли сыруу рыбу вымочиши ы на сковоротку с маслом / и рыбу тонко / лук / лавровава листочка и истолцёной картошки / бестолковая называлась.* КЛЧ. Наряду с составным наименованием в говорах камчадалов используется диалектный номинативный вариант **лаврушка**. *Окромя соли и лаврушки ничево не класьть // Ложут картошку сыруу / капусту / луку / лаврушки положут.* МЛК.

Уксус – общерусская лексема, в ЛЯ имеет следующее значение: «Жидкость с резким кислым вкусом, представляющая собой водный раствор уксусной кислоты (употребляется в пищу как острая приправа, для консервирования и маринования)» [МАС. Т. 4. С. 484]. Значение лексемы в говорах полностью совпадает со значением в ЛЯ. *Такуу препарацыйу делайет / отмочит голову сутки / утречьком порезать / лучьку / уксусом / постоит минут двацат / хрящик самый фкус.* КЛЧ. *Чю / это рыбу заливайут раствором уксуса / перца / соли и несколько чясоф стоит // Очень фкусно чю / йето блюдо из рыбы делают.* МЛК.

В качестве приправы к пище камчадалы используют также черемшу. Лексема **черемша** общерусская, в ЛЯ имеет следующее значение: «Вид дикорастущего лука, по вкусу и запаху напоминающий чеснок; медвежий лук» [МАС. Т. 4. С. 663]. Значение слова в говорах соответствует значению в ЛЯ. *Черемшу сабіралі / на зиму солят / в основном мы йейо добавляли в уху / она запах чесночный дайт.* ДЛН. Черемшу камчадалы употребляют как в свежем виде, так и заготавливают на зиму путём соления, реже – сушения. *На зиму черемшу запасали / и солили / и сушили // Черемшу и сушили / и солили / но сухайа плохо пахнет.* МЛК. Зафиксированы диалектные фонематические варианты **черемша**: **церемса**. *Воды кипятили сперва / шорону положыш / шол / шавел / церемшу тожэ.* КВР. *Калгу йели // Картошка чищена варили с рыбой / потом одбиралі косьти и церемсу туд / и йели.* МЛК.

Олхна – собственно диалектное наименование, в говорах имеет следующее значение: «Приправа для национального ительменского блюда, которая готовится из сушёного растения Иван-чая». *Олхна готовили из иван-чая для толкушы // Олхну готовили из иван-чая.* КВР.

РВП «Названия соусов».

Соус – общерусское слово, в говорах имеет следующее значение: «Жидкая приправа, подливка к кушанью» [МАС. Т. 4. С. 212]. Данный номен в говорах камчадалов нами не зафиксирован.

Подлив – общерусское наименование, в ЛЯ имеет следующие значения: «1. Действие по знач. глаг. подлить – подливать и подлиться – подливаться. 2. Спец. То же, что подливка (в 3 знач.)» [МАС. Т. 3. С. 196]. Значение слова в говорах расходится со значениями в ЛЯ: лексема используется в качестве синонима общерусского **подливка** – «Жидкая приправа, которой поливают кушанье; соус» [МАС. Т. 3. С. 196]. *Тихтер / топлёное сало с мукой / как подлиф // Тихтер / медвежий жир топят / ужэ одно сало и муки / получаица / как подлиф / как холодец*. МЛК.

Майонез – общерусская лексема, в ЛЯ имеет следующие значения: «1. Соус из растительного масла, яичного желтка, уксуса, горчицы и других приправ. 2. Холодное кушанье из рыбы, птицы, овощей, залитое таким соусом» [МАС. Т. 2. С. 216]. Значение слова в говорах совпадает со значением 1 в ЛЯ. *Голуцы / только фарш рыбный / и ф капусту // Я ложу ф кастрюлю / ф подливу и кипятить на слабом огне / майонез добавляю*. МЛК.

Итак, РВГ «Названия приправ» в говорах камчадалов составляют наименования различных приправ, используемых коренным населением Камчатки при приготовлении каких-либо блюд. Возглавляет группу гипероним **приправа**, объединяющий 19 наименований (учитывая варианты). В рамках данной группы лексики выделяются две родо-видовые подгруппы: РВП «Названия приправ» и РВП «Названия соусов».

Проанализированный языковой материал позволяет сделать вывод о том, что основной объём словаря данной группы составляет лексика общерусская, сформировавшаяся на базе лексики сибирских говоров, связанных с языковым комплексом севернорусского наречия. Зафиксировано одно собственно диалектное наименование и несколько диалектных вариантов общерусских лексем. Значения общерусских слов в говорах либо полностью совпадают со значениями, представленными в ЛЯ, либо характеризуются некоторыми отличительными особенностями. Для лексики, входящей в состав родо-видовой группы, свойственны отношения синонимии и вариантности, что позволяет говорить о её системном характере.

Литература

1. Григоренко Н.А. Лексика флоры и фауны в говорах камчадалов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ярославль, 2007.
2. Ильинская Н.Г. Общерусское слово в лексикологическом аспекте. – Петропавловск-Камчатский: Изд-во КГПУ, 2001.
3. Мельниченко Г.Г. Региональная лексикология и лексикография: Избранные работы. – Ярославль: ЯГПУ, 2007.
4. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981-1984. (МАС)

Сокращения названий населённых пунктов Камчатского края

ДЛН – Долиновка	МЛК – Мильково
КВР – Ковран	ТГЛ – Тигиль
КЛЧ – Ключи	ССН – Сосновка
МЛ – Малки	

© Л.В. Пиликова

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
Ярославль, Россия**ОСОБЕННОСТИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В РЕЧИ МОЛОДЕЖИ (НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

В системе любого языка со временем происходят изменения, которые сначала находят отражение в узуальной норме, а потом в самой системе языка и в кодифицированной норме литературного языка. Если мы хотим знать изменения и тенденции развития языка, то следует обращаться не только к письменному тексту, но и непосредственно к речи человека.

Представляется актуальным изучение речи молодежи, бытование которой ограничено не только определенными возрастными рамками, как это ясно из самой ее номинации, но и социальными, временными, пространственными факторами. Язык молодежи является особенно плодотворным полем для исследователя в социолингвистическом плане.

Широко распространено мнение, что для речи молодых людей особенно характерен *сленг* (Партридж 1964, Флекснер 1975, Химик 2000, Спирс, 2002, Никитина 2004 и др.). Действительно, молодежь, ярко выражающая стиль времени, является преимущественным носителем сленга, она делает его элементом поп-культуры, престижным и необходимым для самовыражения. *Молодежный сленг* как особое *речевое поведение* обладает множеством особенностей. В арсенале современной молодежи есть лексические единицы, которые используются особенно интенсивно только молодыми носителями языка в ситуациях непринужденного общения, т.е. при минимальном социальном контроле – в общении между «своими» и равными, и определяют, таким образом, специфичность их речи. Предпочтение отдается некодифицированному языку, отличающемуся в лексическом плане широкой инкорпорацией стилистически сниженных, просторечных элементов. Использование такой лексики – вызов предписанным канонам поведения, что так импонирует подростку в его тяге к самоутверждению [4]. Сленг – это некая языковая «униформа», позволяющая почувствовать принадлежность к кругу «своих» и противопоставить себя «чужим». Своеобразие речи молодежи также состоит в сочетании ее стилистической сниженности и эмоциональной гипертрофированности, в «текучести» словарного состава (т.е. стихийности возникновения сленговых единиц и их быстрой архаизации) и нестабильности значения лексических единиц. Такая речь, необычная, нетрадиционная, оригинальная и экспрессивная, дает интересные образцы того, как строятся новые слова, создаются яркие метафоры [1].

В спектр функций, выполняемых молодежным сленгом, входят как те, которые присущи языку в целом, так и те, которые реализуются социальными диалектами: коммуникативная, номинативная, демонстративная (репрезентативная), интегративная, дифференцирующая, креативная [3].

Общим для молодежного сленга, как и для прочих его разновидностей, является *негативная ценностная ориентация*. Этим, вероятно, объясняется преобладание сленгизмов с доминантами: *наркотики, алкоголь, секс* и пр., в то время как сленгизмы с позитивной ценностной ориентацией (*учеба* и др.) составляют незначительное число.

Материалом для исследования словообразовательных особенностей речи молодежи послужила сленговая лексика, представленная в словарях: *Dictionary of American Slang* (H. Wentworth, S. B. Flexner), *Cassell's Dictionary of Slang* (J. Green), в интернет-словаре *The Online Slang Dictionary*, а также в художественном произведении Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи».

Установка на разговорность, непринужденность способствует проникновению в речь молодежи тех лексических единиц, содержательные характеристики которых нарушают обстановки непринужденности. Они не актуальны для официального общения. Это **сниженные дублеты-синонимы** (типа *roaddog, dude, boogerhead = chap, pal, fellow, bud(dy), guy, chum, mate, friend, associate* – «товарищ, приятель, друг, компаньон» и пр.) или собственно сленгизмы. К этой категории слов также относятся такие единицы, как: *wench, gooeey = girlfriend* – «подружка, любимая девушка»; *bank, yen, duckets, spent, bones, benjamin, loot = money* – «деньги; бабки, зеленые»; *posse, dogpack, tribe, crew = one's circle of friends* – «круг друзей»; *to bum = ask* – «просить»; *buzz crusher = killjoy* – «зануда, человек, отравляющий удовольствие другим, брюзга»; *to jack = to steal* – «воровать, стащить»; *to jet, jam = to leave, to go* – «уходить»: *jammed = upset, irritated* – «расстроенный, раздраженный»; *janky = unattractive, not stylish* – «непривлекательный»; *jewels = a very nice pair of shoes* – «красивая пара туфель»; *to kill, kari = to make fun of* – «подсмеиваться»; *to lurch, go nuts, go gaga = to go crazy* – «свихнуться».

Особого внимания заслуживает та часть молодежного сленга, которая представляет собой **эмоционально окрашенную лексику**, чаще всего с насмешливой, иронической или пародийной коннотацией, что, в общем, характерно для любого профессионального жаргона: ср. *bacon* и *police* – «полицейские»; *beef* и *problem* – «разногласие, проблема»; *mule with a broom* и *a very ugly girl* – «очень некрасивая девушка»; *business class* и *fat, too large to fit in a normal-sized seat* – «слишком толстый, чтобы разместиться на обычном сидении»; *dark side* и *the student neighborhood* – «студенческий район», *seed* и *offspring, child* – «отпрыск, ребенок»; *dome* и *one's head, skull* – «голова»; *fruit* и *a loser, stupid person* – «дурак». Как видно из вышеприведенных примеров, в образовании этих единиц значительную роль играет **метафорический перенос** [2].

Продуктивным является и **аффиксальный тип словообразования**, в частности **суффиксация**. Образованные таким образом слова могут быть как производными от обычных слов (например, *shiner* – синяк, *kisser* – лицо), так и производными от слов, входящих в сленг (например, *jittery* – нервный, возбужденный от *jitters* – нервозность, *lamster* – беглец от *lam* – бежать).

При образовании сленгизмов используются те же суффиксы, что и в нейтральной лексике, но в сленге они приобретают более широкий спектр значений. Типичной чертой является превращение ряда полнозначных слов в полусуффиксы. Так, слово *happy* используется в качестве полусуффикса со значением «помешанный на чем-либо, одержимый»: *skirt – happy* – помешанный на женщинах, *gin – happy* – пьяный, *slap – happy* – потерявший сознание (о нокаутированном боксере, ср. *punch – drunk*).

Слово *dog* в качестве полусуффикса синонимично *man* («хитрый или тот, кому посчастливилось»): *choke-dog, crazy-dog, dumb-dog, funny dog, handsome dog, low dog, lucky dog, penny dog, mean dog, shoe-dog*.

Из сленговых суффиксов следует особо отметить **-o**, который не имеет специального значения, но придает словам своеобразный сленговый колорит: *buddyo* (= *buddy*), *clucko* (= *stupid person*), *beano* (= *money*), *blindo* (= *drunk*), *feeblo* (= *feeble-minded person*), *firo* (= *piromaniac*), *foldo* (= *failing, unsuccessful*), *stingo* (= *liquor, rum*), *wrongo* (= *a person who cannot be trusted*). Суффикс **-ee**, имеющий весьма ограниченное распространение в английском литературном языке, в американском молодежном сленге, как и в общем сленге, является очень продуктивным, причем этот суффикс не обязательно обозначает объект какого-либо действия, но и самого деятеля: *forgettee, kissee, wishee, happenee* и др.

Суффикс *-er* со значением деятеля, действующего лица нередко прибавляется не только к глаголу, но и к послелогу: *picker – upper, goer-awayer, looker-after*; также интересны образования: *goer-to-bedder, putter-to-bedder, reader-in-bedder* и др. [6]

Интересной особенностью американского (как и английского) общего и молодежного сленга является возможность разрыва слова и использование в качестве инфикса другого слова, как это имело место в готском (явление *тмесиса*): *abso-bloody-lutely, inde-goddam-pendent*.

Нельзя не остановиться на вопросе о заимствованиях в языке молодежи. Американский молодежный сленг проникает для лексики, заимствованной из других профессиональных групп и групповых жаргонов и арго и, в свою очередь, служит источником заимствований для этих социальных диалектов. Например, в образовании *God squad* – студенты, специализирующиеся на изучении религии, произошел метафорический перенос военного термина *squad* – взвод и библейского *God* – бог; метафорическое выражение *jump on the grenade* (досл. бросаться на гранату) означает «развлекать некрасивую девушку, чтобы дать возможность своему другу развлекаться с ее красивой подругой»; *walk of shame* (образованное по аналогии с *walk of fame* – аллея славы) означает «возвращение в одиночестве домой на виду у всех соседей после ночного randevu»; *false messiah* – нечто или некто, воспринимаемые как нечто, не оправдывающее ожидание; *commodore* – от морского звания «командующий соединением кораблей», но после метафорического переноса означающее «медленно работающий компьютер»; *communist* – глупый, плохой; *da nazzis* – человек, облеченный властью, прерывающий вечеринку и т.д.

В речи молодежи присутствуют также заимствования из языков других народов, населяющих США и составляющих американскую нацию, например: *shlock* – хлам, низкопробный товар (из идиш), *vamoose* – уходить (из испанского языка).

Особая связь существует между молодежными жаргонами внутри молодежного сленга, потому что молодой человек может одновременно употреблять слова, относящиеся к различным социолектам. При употреблении слов, бытующих в речи неформальных групп, молодой человек не стремится реноминировать реалии, поэтому и в бытовом общении в учебном заведении пользуется этими жаргонизмами, оптимизируя процесс попадания лексем к новым носителям.

Студенческие коллективы черпают свои инновации в лексиконах пользующихся популярностью групп, служащих для них поведенческим ориентиром. Немало жаргонизмов почерпнуто из лексикона наркоманов: *hooch, tree, buddak, cripps, doobie, hronik, smokey treat* – марихуана; *to get one's johny, blaze(on), burn, pull tubes, play monopoly* – курить марихуану; *el, reefer* (из лексикона Black English), *spliff* – сигареты с марихуаной; *fiend, geeka* – находиться в зависимости от марихуаны; *hypertweaked* – зависимый от кокаина; *blew out* – находящийся в состоянии опьянения или возбуждения под воздействием марихуаны. Иногда лексемы жаргона наркоманов входят в пассивный словарный запас молодого человека с четкой маркированностью языка-первоисточника и используются им в целях создания комического эффекта в речи или, наоборот, с целью показа своей осведомленности об этом явлении.

Молодежь использует большое количество сленгизмов, которые являют собой табуизированную лексику, относящуюся к сексуальной сфере. Большую группу студенческого сленга составляет лексика, связанная с употреблением алкоголя и вечеринками (*chill* – расслабиться; *have arms, chizzil, paint the town red* – устроить вечеринку, кутить; *raize da roof* – хорошо провести время и т.д.).

Особо следует остановиться на различных видах аббревиатур, акронимов и усеченных форм, которые широко используются в молодежном сленге. Можно привести многочисленные примеры создания экспрессивно окрашенных сокращений, функция которых меняется в зависимости от ситуации. Некоторые из них, вероятно, употребляются в конспиративной функции, например, тогда, когда используется табуизированная лексика (*B.D.S.* < *Big Dick Syndrome* «самонадеянный»). Иногда они используются в целях языковой экономии: *I.T.Z.* < *doing well* «дела идут хорошо», *I's* < *ID*

«водительские права; *sco* < *let's go* – «пошли», *T.P.T.* < *trailer park trash* = *a white poor person who lives in a trailer* – бедный белый, проживающий в автоприцепе; *P.* < *parent* – «родитель».

Аббревиатурам американского сленга в первую очередь присущ фамильярно-разговорный, ироничный характер. Они часто используются как эвфемизмы вместо бранных слов и вулгаризмов: например, *BS* – *bullshit* – «чепуха»; *SOB* – *son of a bitch* – сукин сын.

Немало сленгизмов образовано путем *усечения*: *za* < *pizza*, *fam* < *family* – семья, *fundas* < *fundamentals*, *basics* < *basic subjects*, – основные предметы, *dorm* < *dormitory* – студенческое общежитие; *petro* < *gasoline* – бензин, *rony* < *pepperoni* – пицца с колбасой.

Следует также отметить значительное число сленговых образований, в состав которых входят **числительные и десятичные дроби**: 2,5 – «университетский полицейский или охранник»; 5,0 – «полицейский»; 42 = *cool*, *hip* – «хиповый, клевый», 86 – «избавляться, выбрасывать».

Особое место среди единиц сленга занимает довольно обширная группа сленгизмов, представленная **междометиями**, которые придают экспрессивную окраску высказыванию и служат для непосредственного выражения чувств и волеизъявления. Чаще всего они представляют собой короткие выкрики или звукоподражания, выражая различные степени удивления (например, *bonk!*, *chyaa!*, *eesh!*, *flip mode!*, *oh my goshness!*, *shnikies*); согласие (*bet! dude! shoots for real!*, *ah... ja!*); несогласие (*bet! dude! negotary! ta huh!*); одобрение (*dig that! cool! score! damm right!*); смущение (*sqeeps!*, *erf!*); недоверие (*badand*); неодобрение (*boo!*); возбуждение (*squish! woochow!*); отвращение (*shiznet*); выражение радости (*woopu* – *woo!*); способы привлечения внимания (*yo!*) и т.д. [5]

Весьма распространен такой способ словообразования, как **удвоение слова**, которое часто сопровождается звукоподражанием (например, *dingy-dingy* – сумасшедший, *blah-blah* – болтовня).

Широко распространены также **рифмованные сленгизмы**: *cheat sheet* – шпаргалка, *cop shop* – полицейский участок и др.

Учащиеся формируют особый пласт лексики с маркированным значением, характерным для конкретного учебного заведения, например: сленгизм *to play All-Ivy* («сыграть на высшем уровне», применительно к области спорта) – употребляется студентами 8 старейших привилегированных учебных заведений на северо-востоке США, входящих в «Лигу Плюща» [7].

Высокочастотными являются слова широкой семантики *stuff*, *thing*, *story*, а также вулгаризм *shit*. Нередко они используются в сочетании с местоимениями: *this thing*, *stuff like that* и т. п. Особенно они распространены в речи учеников, однако иногда встречаются и в речи учителей. Подобные слова и словосочетания могут использоваться для обозначения общего члена ряда однородного перечисления: *things like that*, *stuff like that*, *shit like that*. Это слова-заместители, их значения можно понять только в контексте.

В изобилии можно встретить паразитические словосочетания типа *or something*, *or anything* «или что-нибудь такое», «или что-нибудь в этом роде». Например: *He could tell her I'd gone home or something. The language like anything*. В языке школы наблюдается интенсивное употребление местоимений *this* («этот самый»), *these*, *those* («эти самые») для замещения полнозначных слов. Такие единицы имеют функцию указательного элемента, непосредственно соотносящего содержание речи с каким-нибудь референтом реальной обстановки (или с тем, что известно говорящим из общего опыта), а также для обеспечения непрерывности в синтаксическом строении. Например, *one of those guys that wear those suits; he had these very broad shoulders*. Стоит отметить, что подобные выражения являются характерными как для языка школьников, студентов, так и для разговорного языка в целом.

Частотен **эмфатический усилитель** *hell*, особенно *as hell* (или, изредка, его эвфемистический эквивалент *heck*), который используется во всевозможных синтаксических конструкциях, например, в сравнениях: *What made it even worse, my eyes were sore as hell*. Очень часто в фамильярно-разговорной речи студентов встречается

грубо-просторечное *ass* «ягодицы», которое употребляется в переносном смысле: *He was strictly a pain in the ass, but he certainly had a good vocabulary*; и даже в адъективных и адвербиальных дериватах: *in a half-assed way* «недостаточный, бестолковый»; *back-asswards* «задом наперед, наоборот».

Фамильярно-разговорной речи молодежи свойственна лексика обзывания: *sonovabitch, bitch, you're a big Harvard jock*. Встречаются вульгаризмы: *Fuck. Screw. Crap. Goddam. Nerts to you. Shit*.

Глаголы могут встречаться в метафорическом употреблении и в случае гиперболизации: *It kills me!* «Это убивает меня!». Широко используется десемантизированное, и вследствие этого приобретающее лишь эмоционально-усилительное значение, прилагательное *old*. Оно определяет людей независимо от возраста и может быть использовано в качестве определения неодушевленных предметов: *old sadist, I could shoot the old bull to old Spencer* «я мог заливать старику Спенсеру».

Установка на непринужденную «разговорность» стиля студентов находит выражение в присутствии оценочных эпитетов: *phony* «липовый» (*phony smile, a phony kind of friendly*); *lousy* «поганый», что находит широкое применение в разговорной речи.

Трудности в понимании разговорного языка могут быть вызваны нечеткостью произношения, причиной этого является расслабленность органов речи, типичная для неформальной беседы. При этом используются разнообразные стяжения, например: *who belongsa this, willya? Ya got 'em, lemme be your manager, cut 'em over the table, willya? For cryin' out loud, don't gimme that, how'sa boy, ..?, see ya later, wanna do me a big favor? You goin' out...?where'dja get...? why don'tcha? ya know yet? Coupla minutes, get offa me..., I letcha up..., I tellya to..., Y'awake..? I was tryna sleep, Where ya callin' from? Wudga say? I toleja..., Y'innarested? I awreddy got it, ...you're gonna force me inna roughin' ya up a little bit* и т. д.

Общеизвестно, что эмоциональность сленга может выражаться путем создания неологизмов и окказионализмов, которые проявляют известную устойчивость, переходя в иные стилистические пласты (например, *rentals = parents* – родители; *digthead* или *tool* – тот, кто много работает с компьютером; *braniac* – интеллигентный студент; *floppy disc* – зубрила; *iron pimp* – школьный автобус; *metal mouth* – подросток, носящий брэкеты и т.д.) [2].

Итак, проанализировав особенности языка молодежи и определив способы пополнения молодежного лексикона, можно констатировать, что молодежный сленг представляет собой особую систему в рамках молодежной культуры. Он выступает ступенью социализации молодежи, формируя иерархию, речевые коды, устанавливая взаимоотношения со смежными объединениями. Языковые процессы, развертывающиеся в языке молодежи буквально на наших глазах, делают его естественной экспериментальной лабораторией для наблюдения над когнитивными механизмами формообразования и семантики, грамматики и фонетики в современном английском языке.

Литература

1. Береговская Э.М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. – 1996. – № 3. – С. 32-41.
2. Коловская Н.А. Особенности функционирования американского студенческого сленга. – <http://www.yspu.yar.ru>
3. Орлова Н.О. Сравнительная национально-специфическая характеристика американского и русского сленга: лексико-грамматический аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ярославль, 2006.
4. Розен Е.В. Подростково-молодежный словесный репертуар // Иностранные языки в школе. – 1975. – № 2. – С. 7-18.
5. Шаронов И.А. Функционирование жаргонных междометий в языке современной молодежи // Изменения в языке и в коммуникации. XXI век: Сб. статей. – М., 2006. – С. 259-272.
6. Швейцер А.Д. Очерк современного английского языка в США. – М.: Высшая школа, 1963.
7. Partridge E. Slang today and yesterday. – London, 1979.

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

© Н.С. Ганцовская, © Г.Д. Неганова

Костромской государственной университет имени Н.А. Некрасова, Кострома, Россия

ЧАСТОТНЫЙ СЛОВАРЬ КАК ТИП ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ТЕЗАУРУСА ЯЗЫКА ПИСАТЕЛЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛАНДШАФТНОЙ ЛЕКСИКИ ЧАСТОТНО-АНАЛИТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ А.Н. ОСТРОВСКОГО)

Массовое создание в настоящее время частотных словарей писателей значительно продвинуло изучение типологии литературного языка, различного рода внелитературных образований и самого языка писателя как относительно самостоятельного идиома внутри общенационального узуса. Частотный словарь художественных произведений А.Н. Островского (ЧСО), созданный в последнее время группой костромских исследователей как часть «Энциклопедии А.Н. Островского», насчитывает около 22 тыс. слов, почти столько же, сколько и «Словарь языка Пушкина» [СЯП]. Если А.С. Пушкин по праву считается основоположником нового, современного русского литературного языка, то выдающееся значение лексикона А.Н. Островского как воплощение его национально-художественного творчества и как вклад в развитие русского литературного языка также неоспоримо. Во многом тому причиной является органическая связь языка его произведений с общенародным языком и его выразительными средствами как продолжение и развитие пушкинской демократической традиции.

Изучение языка А.Н. Островского чрезвычайно важно для понимания структуры языка XIX в. как исходной базы современного, сегодняшнего литературного русского языка и вместе с тем для определения его недавней ретроспективы и перспектив его развития, для наблюдения за конкретно-историческими изменениями его словарного состава и определения его традиционно устойчивой части. В ЧСО отразился живой, активный словарь эпохи, который мы можем видеть в движении времени в соответствии с тремя периодами творчества драматурга: 1) 1840–1850 гг.; 2) 1860-е гг.; 3) 1870–1880-е гг. XIX в. Вместе с тем ЧСО является и ключом к пониманию текста произведений Островского как в плане выявления продуктивности тех или иных лексических единиц (высокой или низкой частотности в целом и по отдельным периодам, по разным произведениям и т. д.), так и в качественном соотношении его различных системных групп и подгрупп, в своеобразии синтагматики слов в их составе, их функционально-стилистических и экспрессивно-выразительных свойств. Наконец, материал его пьес «исторического цикла» позволяет увидеть преемственность в развитии лексики различных эпох, выделить его номинативно-устойчивую часть с возможной филиацией значений, дошедшую до наших дней, и её переменную составляющую, архаическую часть общенародного фонда или же отошедшую в узкие функциональные сферы народно-поэтического творчества, диалектов, жаргонов и др.

Тезаурус ЧСО по своему составу напоминает Словарь Даля, включая в себя лексику литературного языка, современную и архаическую, диалектизмы, профессионализмы, жаргоны и просторечие, лексику русскую и заимствованную с

заметным перевесом французской, славянскую, книжно-славянскую и неславянскую, правда, в несколько иной пропорции, чем у Даля, но, как и у Даля, с большой долей в его составе экспрессивно-разговорных элементов. Основные составляющие языка пьес А.Н. Островского актуальны и до настоящего времени, а его лексика, и высокочастотная, и редкая, включая и гапаксы, активного запаса литературного языка и пассивного (историзмы, архаизмы, регионализмы, жаргонизмы, профессионализмы, экзотизмы, неадаптированные заимствования и др.) таким образом включается в тексты реплик персонажей и авторские ремарки, что «то, что говорят действующие лица, всеми понимается без затруднений, безошибочно и исчерпывающе» [3. С. 336]. ЧСО содержит лексику всех частей речи, служебных и знаменательных, предметных и не предметных, полисемантов и моносемантов, бытовую и терминологическую, свободную, синтаксически и фразеологически связанную, нейтральную и экспрессивно окрашенную, объединяющуюся в различные классы, группы и семантические поля.

Самым частотным словом у Островского является союз *и* (36192 употреблений), на втором месте *я* (34510), на третьем – *не* (26240). Затем первые 28 мест списка, за исключением глагола *быть* (13 место, 8937 употреблений), это союзы, местоимения, предлоги, междометия, частицы: *и, а, не, что, в, ты, а, вы, с, на, он, да, быть, этот, так, как, за, весь, она, же, вот, мы, уж, к, мой* и т. д. Вообще же знаменательные слова (*говорить, мочь, люди, дело, хотеть, Москва, человек, пьеса, видеть, театр, уходить, явление*) лишь спорадически, начиная с 39 места, появляются среди 75 самых частотных слов в пьесах драматурга, которые все сплошь представляют собой служебные слова, местоимения и наречия

Частота употребления слов, варьирование их значений в разные периоды творчества писателя объясняется как изменением в общенациональном языке за данный отрезок времени, так и причинами, связанными с тематикой и жанром пьес и тем хронотопом, который отражён в них.

Одной из наиболее устойчивых и продуктивных групп словарного состава ЧСО является ландшафтная лексика как в её прямом значении, так и в переносном. Рассмотрим её функционирование в пьесе «Воевода (Сон на Волге)», действие которой происходит в XVII в. и, возможно, в Костроме (в ремарке – «в большом городе на Волге») и где она (Воевода) особенно частотна. Наличие её в пьесе (более ста слов), возможно, во многом объясняется тем, что действие развёртывается преимущественно вне помещений, нередко на природном фоне. Главными действующими лицами пьесы являются посадские люди, в том числе и «беглые», должностные городские люди и их слуги, в речи которых постоянно присутствует географическая тематика, особенно в обильно цитируемых всеми персонажами отрывках из разных фольклорных жанров. Кроме того, и вне пьесы, в контексте всех произведений драматурга, ландшафтная лексика нередка и обладает большей или меньшей продуктивностью. Это названия городов: *Москва* (частотность по периодам 59/195/0), *Нижний* (0/29/0), *Ростов* (0/29/0), *Кострома* (0/7/0), *Ярославль* (0/6/0), государств: *Литва* (3/10/0), рек: *Волга* (13/50/0), *Волга-мать* (0/2/0), *Волга-матушка* (0/1/0), *Москва-река* (27/0/0), *Дон* (0/4/3), *Унжа* (0/1/0), оттопонимические образования: *костромской* (0/1/0) (приказ), *галицкой* (0/1/0) снет, *белозерской* (0/1/0) снет (сушёная рыбка, то же, что галицкий вандыш). В качестве ландшафтной лексики специализированно выступают народно-географические термины для обозначения возвышенностей: *берег, бережочек, возвышение, гора, гора горой, пещера, остров*; низин: *спуск, ущелье, омут, овраг, яр, болотца, нора, низ, дно*; всякого рода обозначений места и направления движения: *речка, дорога, ручей, задние воротца (кругом болотца в задние воротца), мост, верхний плёс*. Однако чаще всего для обозначения локуса используется нарицательная лексика, которая наиболее успешно выполняет эту роль вследствие сочетания генетически заложенной в ней географической

семьи в сочетании с тем культурным компонентом, который ей приписывается вследствие условий общения (ситуации) и устойчивых устно-поэтических традиций. В последнем случае вторичное кодовое значение реалии, как правило, выявляется в особом синтагматическом окружении, имеет переносный характер и зачастую яркую образность. Благодаря творческому её воспроизведению писателем, она выступает системно и функционально значимо в качестве культурно-географического знака. Это слова *ворота, крыши домов, город, село, деревня, пустошь, мелколесье, вырубка, сосняк, поместье, сад, густой сад, тенистый сад, дубьё, вязьё рощёное, лес, луг, волошка, тенистый бор, зелёный сад, где вишенье-орешенье наросло, бор, малина, лужок, хоромы, погост, пустынь, лес, луга, поле, терем, кусты и шалаш, тюремное сиденье, опушка, чаща, две берёзы, пенёк сосновый, дерево, речной снет, озёрный снет, глушь, сине-море, жёлтый песочек, боярское подворье, песок зелёный, камни зелёные, зелёная трава, посад, приказ и др.*

Поясним вышесказанное примерами. Заметим, что уже начальная ремарка пьесы изобилует культурно-географическими приметам городского ландшафта. Это географические термины, собственные имена-топонимы и нарицательная лексика (отметим их курсивом), номинации одиночных лексем и словосочетаний (берём только знаменательную лексику): «*Площадь* в городе. Налево *ворота* воеводского *двора*, несколько узких *домов*, в углу *проезд* в городские *ворота*, на заднем плане гостиный *двор* с лавками; за ним городская *стена*, которая постепенно понижается к правому углу. Через *стену* видна *Волга* и ее *берег*, направо, на первом плане, *приказная изба*, под ней *лавки*, далее, на небольшом *возвышении*, низкая каменная *ограда* и *ворота* с тремя каменными ступенями; далее *спуск* и видны *крыши* домов. Действие происходит в большом *городе на Волге*, в половине XVII столетия».

Из текста видно, что нарицательная лексика выполняет свою роль репрезентанта культурного ландшафта только на фоне синтагматического окружения, близкого и дальнего. Это сочетание существительного с определением, согласованным или несогласованным, или же именными словосочетаниями с управлением и примыканием его членов. Таковы словосочетания: *площадь* = в городе; *налево* = *ворота*; *ворота* = с тремя каменными ступенями; *двор* = воеводский; *ворота* = городские, *стена* = *городская*; *через стену* и др. Всё это номинации с прямым значением. Помимо ремарок, подобные обозначения ландшафта, с более или менее ощутимой географической составляющей их значения, обильно разбросаны в текстах реплик персонажей пьесы.

Приведём примеры имен собственных в репликах персонажей: *Волга-мать*, *Дон* («На белом свете много Привольных мест – и он, и Волга-мать»), *Волга-матушка* («кормилица ты наша, мать родная! а всех милей: «По матушке по Волге!»), *Литва* («Ты, парень из какой Литвы, из какой орды?»), *Москва Москвой* («Не страшно. Не грози! Москва Москвой»). Наричательные географические термины, как и имена собственные, также выступают как в своём прямом значении: *гора, овраг, бор* и др. (в ремарках – «гора – в ней пещера», «под горой овраг и речка», «лесистая гора»), так и в метафорическом: *гора* как обозначение чего-то высокого, большого («гора горой пуховики лебязьи», «за воевод дьяки всегда заступа, горой стоят»); *овраг* как место обитания разбойников («ножи точить, в оврагах жить, по Волге грабить?»), *бор сырой* приравнивается к *тюремному сиденью* и др.

Преимущественно образной структурой обладают, как уже говорилось, имена нарицательные, выступающие в функции знака освоенного человеком культурного географического пространства. Характерной особенностью данной пьесы является осмысление этого пространства в традиционно фольклорных образах, которые в союзе с другими средствами обозначения географического пространства, образными и необразными, вполне точно могут служить географическими ориентирами в узком

пространственно-временном континууме пьесы и одновременно выполнять функции, связанные с её идейно-смысловым замыслом. Таковы слова *луг*, *волюшка*, *бор*, *сад*, *алый цвет*, *вишенье-орешенье* в реплике Марьи Власьевны: «Ты – старая: тебя не манит лето на *волюшку*, на *шёлковы луга*, В *тенистый бор*, где белым днём потёмки, В *зелёный сад*, где *алый цвет* цветёт, где *вишенье-орешенье* созрело, И налилось, и ждёт девичьих рук». Всё это – образное обозначение того места, где девушке хорошо, где она ощущает себя свободной и счастливой, своего рода эдем. То же значение имеет и слово *малина* в следующем контексте: «Марья Власьевна. Пойдём в малину! Не найдут до завтра». Слова *омут*, *погост* в речи Марьи Власьевны выступают не в своём реальном значении, а как символ безысходности, смерти: «Куда ж бежать? Уж лучше на погосте...», «мне лучше в омут, чем назад в хоромы». В речи же воеводы в слове *омут*, с которым сравнивается *поместье*, подчёркивается другая сторона его семантической структуры – отдельность, глубокое отторжение от окружающего мира, ведущая к безнаказанности тирана: «Воевода. Не страшно. Не грози! *Москва Москвой*; готовься сам к ответу. В *поместье* ты как в *омуте*, уселся и думаешь, ты царь, тебе суда нет». Семантические нити слов *поместье* – *омут* тянутся к гиперболическому выражению *Москва Москвой*, расширяя смысловое пространство обозначаемой географической реалии.

Таким образом, можно отметить бесценный вклад писателя в изучение русского культурно-исторического ландшафта определённого времени, что вряд ли было возможно сделать с такой полнотой и системностью на материале любых других источников.

Литература

1. Воевода (Сон на Волге) // Собр. соч.: в 10 т. Т. 4 / Под общ. ред. Г.И. Владыкина, А.И. Ревякина, В.А. Филиппова; коммент. В.А. Бочкарёва. – М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1959.
2. Словарь языка Пушкина: в 4 т. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956–1961. (СЯП)
3. Шамбинаго С.К. Из наблюдений над творчеством Островского // Творчество Островского. Юбилейный сборник / Под ред. С.К. Шамбинаго. – М.-Пг., 1923.

© Иоланта Мэндэльска

Университет им. Казимира Великого, Быдгощ, Польша

НОВОЕ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ РУССКО-ПОЛЬСКОЙ И ПОЛЬСКО-РУССКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Вполне современная русско-польская лексикография стала развиваться в Польше примерно с 60-х гг. XX в. [12], особенно заметно совершенствовалась в 70-80-е гг. (и позже) в результате небывалого расцвета русско-польского и польско-русского сопоставительного языкознания [26; 23; 8; 10], создания новой теории составления двуязычных словарей [11; 4; 19; 14], творческой критики существующих переводных словарей [1; 18; 25; 24], а также выхода в свет первого русско-польского польско-русского словаря нового типа [5], вызвавшего глубокий интерес и дискуссии в среде лексикографов [21].

Именно в упомянутом выше словаре впервые нашли применение новые теоретические положения и практические установки составления двуязычных словарей. Главное – это признание в качестве основания для сравнения явлений, принадлежащих разным языкам, конкретной речевой ситуации, в которой употребляются языковые средства, подлежащие переводу. Данная ситуация включает, с одной стороны, семантико-информационное намерение адресанта, с другой – всякие остальные обстоятельства общения (напр. практическую цель, эмоциональность, возможную поэтизацию). В конкретной речевой ситуации согласно одному коду употребляется выражение *a*, согласно второму коду – выражение *k*. Данное «*tertium comparationis*» однозначно навязывает следующий тип сравнительного утверждения: в ситуации *s* кодом K_1 предусмотрено употребление выражения *a*, кодом K_2 – выражения *k*. Констатации, основанные на «*tertium comparationis*» определённой речевой ситуации, – это констатации конкретных переводных соответствий. Отправным пунктом обязательно выступает выражение одного из сравниваемых языков, пунктом достижения – выражение второго языка [8. С. 5-6]. Сравнение этого рода А. Богуславский назвал переводной описью языков. Она представляет собой список переводных соответствий конкретных выражений, принадлежащих сопоставляемым языкам [8. С. 7].

Я. Вавжинчик [21], подробно анализируя качественно новый словарь, указал наличествующие в нём показатели прогресса в лексикографической практике.

Итак, раньше в двуязычных словарях в качестве иноязычных соответствий заголовочных слов приводились, как правило, слова, принадлежащие аналогичным грамматическим категориям (существительному приписывалось существительное, прилагательному – прилагательное и т. д.). Составителями словарей нередко не замечалось, что данного рода категориальных соответствий в переводе может и не быть (ср. в паре: *дважды герой* – *dwukrotny bohater* русское наречие как единственно возможный транслят польского прилагательного), что переводятся тексты, а не независимые друг от друга отдельные слова [21]. Сегодня уже ясно, что чем больше в словаре нетрадиционных переводных эквивалентов, тем более он современен, т. е. более надёжен. В настоящее время продолжается работа над вскрытием именно таких переводных соответствий, в которых транслянд и транслят (переводимый и переводящий

члены словарного соответствия) принадлежат разным грамматическим категориям, ср. в работе А. Богуславского переводную пару: *beda* как (очень) – *okropnie* Δ б. как далеко *okropnie daleko*; без памяти (стремительно) – *jak szalony* [6. С. 152, 180], или же межъязыковые эквиваленты, составляющие пару, состоящую из неоднословной и однословной единиц, ср.: *człowiek boi się* (z bezok.: uogólnienie) – *страшно* или *kołysać się z boku na bok* – *переваливаться* [7. С. 15, 21]. Устанавливаются также такие, напр., переводные эквиваленты, в которых прилагательному одного языка соответствует существительное второго языка в косвенном падеже, ср. в работе Я. Вавжинчика проект лексикографической разработки словарной статьи *agencjynu*: «переводится косвенными падежами суш. *агентство*» [22. С. 209] и в работе А. Богуславского соответствие: *эстрадная звезда* – *gwiazda estrady* [7. С. 18]. В новейшем, во многих отношениях новаторском русско-польском словаре зафиксировано множество таких нетрадиционных соответствий, напр.: *кустовой* 2. (напр. собрание) *zjednoczenia / zjednoczeniowy*; *куцый* 3. (напр. щенок) *z obciętyм ogonem*; *осетровый* – *jesiotrowy / z jesiotra* [27. С. 341, 480].

Новаторство первого вполне современного русско-польского польско-русского словаря состоит, по Я. Вавжинчику [21], также в фиксации т. н. нулевых переводных соответствий. Дело в том, что в процессе перевода текста встречаются и такие случаи, когда слово или словоформу одного языка необходимо оставить без реального эквивалента, ср. пример: *она хороша собою* – *ona jest ładna*, где русский компонент *собою* на польский не переводится. Аналогичные польско-русские пары с нулевым соответствием приводит в своей новейшей работе А. Богуславский, см. м. др.: *pójść sobie* – *уйти* [7. С. 25]. Я. Вавжинчик во вступлении к своему новому большому русско-польскому словарю пишет, что традиционная пара межъязыковых соответствий *горожанин* – *mieszkaniec miasta* в части контекстов оказывается непригодной, напр., при переводе аутентичного заглавия: *Санкт-Петербург – портрет города и горожан* компонент *miasta* в польском сочетании *mieszkaniec miasta* следует пропустить [27. С. 10].

Говоря о преимуществах описываемого словаря, Я. Вавжинчик [21] упоминает также применение в нём чётких указаний, разграничивающих сферу употребления иноязычных соответствий, что существенным образом облегчает пользователю правильный выбор нужного ему слова или словосочетания. Заодно Я. Вавжинчиком подвергаются критике прежние решения, состоящие в перечислении – после запятой или точек с запятыми – иноязычных соответствий без какой бы то ни было подсказки, который из них наиболее подходит к определённой речевой ситуации. В качестве примера приводится традиционное решение, представленное в одном из больших словарей, а именно: *straszny* – *страшный, ужасный, жуткий*, и приём, применённый в новом словаре: *straszny* – 1. *страшный* 2. (*okropny, zły, duży, intensywny*) *ужасный*. В новейших трудах по лексикографии языковой материал, как правило, представлен чётко упорядоченным по образцу первого вполне современного двуязычного словаря. Наиболее показательна в этом плане, на наш взгляд, обширная статья В. Хлебды [13], а также работы А. Богуславского, ср. там дополнение к существующим словарным статьям с заголовочным словом *popatrzeć*: *popatrzeć na siebie* (dać sobie wzrokiem coś do zrozumienia) *перегляднуться* [7. С. 24]. Последовательное применение данной системы регистрации переводных соответствий приводит к резкому ограничению простого перечисления эквивалентов. Оно встречается лишь в случае двух или больше абсолютно синонимичных переводных соответствий, напр.: *materac* – *матрас, матрац, тюфяк* [21. С. 161]. В новейшем большом польско-русском словаре запятые и точки с запятыми в этой роли устранены, их заменили косые чёрточки (ср.: *inwentaryzacja* – *переучёт / инвентаризация* [27. С. 214]), так как замечено, что запятая может выступать в другой функции, напр., входить в состав переводимой единицы, быть неотъемлемым её компонентом, ср. в [27. С. 8] пару соответствий: *цып-цып* – *сип, сип* (ср. также: *те, кто... – ci, którzy...*).

Новое в двуязычном словаре (скорее: сравнительно новое) – это также широкий учёт в словнике т. н. практических текстов (всякого рода надписей, вывесок), напр.: *курить воспрещается* (ср. польский непоэлементный перевод: *palenie wzbronione*) или *с приветом* (ср. польский непоэлементный перевод: *łącze pozdrowienia*) [21]. Обширный список русских единиц, представляющих собой городские и другие надписи, содержится в работе Я. Вавжинчика, напр.: *без стука не входить, женская консультация, закрывайте дверь* [20. С. 239, 245]. Многие такого рода надписи не переводятся на польский поэлементно и поэтому представляют собой готовые (и весьма интересные) переводные единицы, ср. наши: *без стука не входить* – польское соответствие: *proszę pukać*; *женская консультация* – польское соответствие: *poradnia K*; *закрывайте дверь* – польское соответствие: *proszę zamykać drzwi*. В новый большой русско-польский словарь введён богатый материал такого рода, ср.: *Парковка запрещена* (надпись) – *Zakaz parkowania* [27. С. 514], *перегон скота* (дорожный знак) – *zwierzęta gospodarskie* [27. С. 524], *пересечение с трамвайной остановкой* (дорожный знак) – *tramwaj* [27. С. 537]. Мало того, в этом словаре есть заголовочные слова – буквы русского алфавита (причём не н а з в а н и я букв, а именно буквы как единицы, подлежащие переводу!), ср.: *а буква а, л буква l / l, т буква t, щ буква szcz* [27. С. 19, 343, 790, 902].

Следующее новшество, на которое обращает внимание Я. Вавжинчик, анализируя новый двуязычный словарь, – это особое внимание, уделённое т. н. функциональным (грамматическим) словам, выступающим прежде всего в роли показателей синтаксических отношений (типа *что, где, чтобы, который, это*). Таких слов совсем немного, но нередко они трудны в лексикографическом плане, потому что – вопреки ожиданиям – могут переводиться при помощи «несловарных» эквивалентов, напр.: русскому *где* во многих контекстах соответствует, правда, аналогичное польское *gdzie*, но встречаются и такие контексты, в которых необходимо *где* перевести, напр., с помощью польского *w którym* (ср.: *дом, где мы живём – dom, w którym mieszkamy*) [21].

Последняя проблема, способ решения которой указывает на прогрессивный или отсталый характер двуязычного словаря, – это фиксация в нём собственных названий. Первый основной слой данной лексики, географические названия, в традиционной русско-польской и польско-русской лексикографии чаще давался отдельным послекорпусным списком, иногда включался в основной словарный корпус, второй же основной слой – личные наименования, как правило, вообще находился за пределами двуязычных словарей. Согласно мнению многих лексикографов [2; 21; 19. С. 30-31; 15], первое решение неправильно, «для перевода иностранных текстов этого совершенно недостаточно» [3. С. 52]. подача географических названий (а также личных наименований) в виде приложения, в каком-то смысле, выводит эти слова за пределы обычной лексики, в то время как они составляют весьма существенный слой в процессе создания текста на любом языке и – подобно остальным словам – могут вызывать ряд трудностей при переводе. Если географические названия даются списком, а не в виде тщательно разработанных словарных статей, то утрачивается связь между ними и их дериватами, а также словосочетаниями, их включающими, ср. на польском языке топоним *Cannes* и помещённые в списках географических названий русские соответствия *Канн* или *Канны*, но отсутствие в тех же списках сочетания *festiwal w Cannes*, которое переводится не поэлементно, а при помощи прилагательного: *каннский фестиваль* [19. С. 30]. Как заметил Р. Левицки, в словарях довольно часто встречаются прилагательные, образованные от названий государств, напр. *английский*, но дериваты названий городов практически отсутствуют. Отсутствуют также всякие другие грамматические классы слов, производных географических названий: существительные (напр.: *polszczyzna, polskość, Zamojszczyzna*), наречия (*po rosyjsku, z francuska*) [15. С. 21]. Аналогичные проблемы создают в переводе личные наименования, а именно: личные имена (как в официальной, так и в уменьшительной формах), фамилии (как единичные, так и

массовые), прозвища, псевдонимы и т. п. Здесь главное – это «перевод» фонетической (графической) формы наименования, а также учёт акцентных и грамматических особенностей.

В новый двуязычный словарь, анализируемый Я. Вавжинчиком [21], включены собственные названия. Они даются в основном корпусе и трактуются (разрабатываются) точно так же, как и нарицательные слова. Сам Я. Вавжинчик – как составитель большого русско-польского словаря – сделал ещё один шаг вперёд: можно сказать, не очень даже преувеличивая, что он главное внимание сосредоточил именно на русских собственных наименованиях как объекте перевода (см. об этом подробнее [16; 17]). В его словаре нередко встречаются такие страницы, на которых доминируют онимы, напр., в правой колонке на с. 263 зафиксированы 43 заголовочные слова, из которых 34 – это собственные названия, 5 – их дериваты, а всего 4 единицы – это нарицательные слова (!). В качестве переводимых единиц, кроме указанных выше онимов, в новом большом русско-польском словаре зарегистрированы, напр., названия польских городов (на русском), в том числе и маленьких городков (ср. *Радомско*, *Рацибуж*), фиксируются как актуальные, так и неактуальные географические наименования, а также популярные усечённые названия (ср.: *Ленинград*, *Петербург*, *Путер*, *Санкт-Петербург* [27. С. 348, 544, 547, 714]) и – конечно – всякие производные собственных названий. Ономастические словарные статьи тщательно, можно даже сказать педантично, разработаны, напр., наряду с польскими переводами – транскрипциями помещены и переводы, являющиеся полонизированной версией названия, ср.: *Артём* 1. *Artiom* 2. (в полонизир. форме) *Artemiusz*; *Патышинский* 1. *Ratuszynski* 2. (в полонизир. форме) *Ratuszyński*; *Регенбург* 1. *Regensburg* 2. (в полонизир. форме) *Ratyzbona* [27. С. 37, 689, 691]. Конечно, фиксация огромного числа собственных названий в основном корпусе переводного словаря общего типа отрицательным образом сказалась на объёме нарицательной лексики, включённой в словник. Необходимым оказался тщательный отбор слов и – как его результат – выведение немалой их части за пределы словаря. В новом, вполне современном русско-польском словаре пришлось отказаться от такой весьма актуальной лексики, как, к примеру, *автозаправка*, *амфетамин*, *анимация*, *антивирусный*, *антицеллюлитный*, *аппликатор*, *аудиоклип*, *аудиофайл*, *афро* (другие примеры см. [16. С. 204]). Однако решение редактора рационально. Актуальную лексику нетрудно встретить в других переводных словарях, в наши дни часто появляющихся в продаже, в то время как онимические русско-польские переводные соответствия в таком объёме, как в труде Я. Вавжинчика, не найти нигде.

Новый большой русско-польский словарь современен и прогрессивен также потому, что включает два своеобразных приложения. Первый – это небольшой список лексем со смешанным написанием (латинско-русским), начинающихся с латинской буквы и поэтому не вошедших в основной словарный корпус, напр.: *IT-рынок*. Это, однако, не просто список, а тщательно разработанная неотъемлемая часть переводного словаря, содержащая обычные словарные статьи со всей необходимой переводной информацией, ср.: *CD-проигрыватель* /су-ди/ [ля] *odtwarzacz CD*; *sms-ка* /эс-эм-эс/ [ки] *esemes* [27. С. 923]. Во втором приложении зафиксированы самые частотные польские переводные соответствия компонентов русских слов. Это начальные компоненты, напр.: *выше-*, *зелено-*, *пятидесяти-*, и конечные компоненты, напр.: *-ец*, *-носый*, *-цилиндровый*. Это тоже отнюдь не обычный список, а настоящий переводной словарь, ср. словарную статью *нижне-* (s. 927): *нижне-*1. *нижнелужицкий* *dolnołużycki* 2. (расположенный в низовьях реки) *położony w dolnym biegu czego* ▽ *нижневолжский* *położony w dolnym biegu Wołgi*.

Как видно, новое в теории и практике составления русско-польских словарей, начавшееся в 60-е годы XX в., привело к постоянному совершенствованию лексикографических изданий, к появлению вполне современных, надёжных, дружественных к пользователям двуязычных словарей.

Литература

1. Берков В.П. Вопросы двуязычной лексикографии (Словник). – Л., 1973.
2. Берков В.П. Двуязычная лексикография: Учебник. – М., 2004.
3. Bartwicka H., Mędeńska J., Wawrzyńczyk J. Glosy do Wielkiego słownika polsko-rosyjskiego Dymitra Hessena i Ryszarda Stypuły. – Bydgoszcz, 1983.
4. Bogusławski A. Dwujęzyczny słownik ogólny. Projekt instrukcji z komentarzami // Studia z polskiej leksykografii współczesnej, pod red. Z. Saloniego. – Wrocław, 1988. – С. 19-65.
5. Bogusławski A. Ilustrowany słownik rosyjsko-polski polsko-rosyjski. – Warszawa, 1978.
6. Bogusławski A. Materiały для русско-польского словаря // Współczesny język polski i rosyjski. Konfrontacja przekładowa, pod red. A. Bogusławskiego i J. Mędeńskiej. – Warszawa, 1997. – С. 147-196.
7. Bogusławski A. Polsko-rosyjskie materiały leksykograficzne. – Łask-Warszawa, 2008.
8. Bogusławski A. Problem „tertium comparationis” w porównaniu lingwistycznym // Kwartalnik Neofilologiczny. – 1976. – № 3. – С. 295-303.
9. Bogusławski A. Problem „tertium comparationis” w porównaniu lingwistycznym (tezy) // Polsko-rosyjskie językoznawstwo konfrontatywne. Wybór materiałów, pod red. J. Wawrzyńczyka. – Łódź, 1978. – С. 5-7.
10. Bogusławski A. Zagadnienie jednostek przekładowych // Problemy językoznawstwa porównawczego, pod. red. M. Bobrana. – Rzeszów, 1976. – С. 41-62.
11. Bogusławski A. За рациональное построение словарной статьи в русско-иноязычных и иноязычно-русских словарях // Третий Международный конгресс преподавателей русского языка и литературы. Основные доклады и сообщения польской делегации. – Warszawa, 1976. – С. 179-189.
12. Bogusławski A., Karolak S. Uwagi o budowie hasła i specyfice hasła z wyrazami pomocniczymi w słowniku rosyjsko-polskim // Slavia Orientalis. – 1961. – № 3. – С. 357-376.
13. Chlebda W. Biblizmy języka polskiego i rosyjskiego. Koncepcje opisu leksykograficznego // Współczesny język polski i rosyjski. Konfrontacja przekładowa, pod red. A. Bogusławskiego i J. Mędeńskiej. – Warszawa, 1997. – С. 23-66.
14. Chlebda W. Czym jest – a czym mógłby być słownik przekładowy? // Studia ze współczesnej leksykografii polsko-rosyjskiej, pod red. J. Wawrzyńczyka. – Toruń 1990. – С. 47-64.
15. Lewicki R. Opracowanie leksykograficzne derywatów nazw własnych w słowniku polsko-rosyjskim // Leksicographica slavica, pod. red. A. Bogusławskiego. – Toruń, 1992. – С. 21-25.
16. Mędeńska J. Jan Wawrzyńczyk (red.), Wielki słownik rosyjsko-polski z kluczem polsko-rosyjskim, PWN, Warszawa 2004, 1360 stron // Linguistics Applied. – 2008. – С. 201-209.
17. Mędeńska J. Roman Lewicki, Polsko-rosyjski słownik nazw własnych, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, Lublin 2008, 222 s. // Slavia Orientalis. – 2008. – С. 553-558.
18. Mędeńska J. Zaimek w polsko-rosyjskiej konfrontacji przekładowej. – Bydgoszcz, 1992.
19. Mędeńska J., Wawrzyńczyk, J. Między oryginałem a przekładem. Rzecz o słownikach dwujęzycznych. – Kielce, 1992.
20. Wawrzyńczyk J. Materiały nad badań nad rosyjskimi napisami miejskimi // O języku polskim i rosyjskim. Studia i szkice. – Łask, 2006. – С. 238-264.
21. Wawrzyńczyk J. Nowoczesność w polsko-rosyjskiej leksykografii przekładowej // Przegląd Humanistyczny. – 1980. – № 4. – С. 187-193.
22. Wawrzyńczyk J. O języku polskim i rosyjskim. Studia i szkice. – Łask, 2006.
23. Wawrzyńczyk J. O современном состоянии сопоставительного исследования русского языка в Польше // Zeszyty Naukowe WSP w Bydgoszczy. Studia Filologiczne. – 1981. – № 12. – С. 29-40.
24. Wawrzyńczyk J. Polsko-rosyjskie minucje słownikowe. – Warszawa-Poznań, 1988.
25. Wawrzyńczyk J. Problemy konfrontacji przekładowej języka polskiego i rosyjskiego (w świetle krytyki leksykograficznej). – Bydgoszcz, 1982.
26. Wawrzyńczyk J. Rosyjsko-polskie i polsko-rosyjskie językoznawstwo konfrontatywne. Przegląd bibliograficzny 1945-1985. – Warszawa, 1987.
27. Wawrzyńczyk J. (red.). Wielki słownik polsko-rosyjski. – Warszawa, 2005.

© **Е.С. Иванова**

*Уральский государственный университет им. А.М. Горького, Екатеринбург,
Россия*

ВИЗУАЛЬНЫЕ, ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭКСПРЕССИВНЫЕ СИМВОЛЫ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ

Изучение эмотивной лексики – задача, поставленная перед лингвистами еще в 19 веке В. фон Гумбольдтом, который писал, что язык как деятельность пронизан чувствами и призывал изучать язык в тесной связи с человеком. Современное направление лингвистики – антропологическая лингвистика – активно развивает его идеи через понятие языковой картины мира [11]. Наиболее полно исследование эмотивов ведется Волгоградской школой лингвистики эмоций под руководством В.И. Шаховского [16]. Также глубокий анализ различных аспектов эмотивной лексики представлен в работах Л.Г. Бабенко и ее коллег, направляющих свои усилия на выявление корпуса лексики, непосредственно называющей эмоции и чувства человека [2].

Основная трудность, с которой сталкиваются исследователи-лингвисты при попытке найти обоснования объема исследуемых понятий в психологии эмоций связана с отсутствием четких критериев того, что в психической организации личности следует относить к сфере эмоций, чувств, состояний, а также очень слабые предпосылки к разграничению указанных категорий психического. В результате, исследователям психологии и лингвистики эмоций приходится довольствоваться либо подходом, предлагаемым сторонниками теории «базовых» эмоций, которые все многообразие мира чувств сводят к ограниченному набору «фундаментальных» переживаний [5], либо использовать формальный подход, основанный на частоте употребления тех или иных эмотивов в различных словарях, художественных произведениях, в естественном языке [7]. Таким образом, проблема создания словаря эмоций и обоснования критериев его построения остается нерешенной. Необходимость разработки такого словаря обусловлена не только интересами лингвистов, но и целым рядом проблем, накопившихся в психологии эмоций, психологическом консультировании, психотерапии, психолингвистике, психологии развития.

Изучение эмоциональной сферы тесно связано с вопросами эмоционального здоровья, личностного развития, успешности в создании и поддержании межличностных отношений. Как отмечают исследователи [5; 8; 15], эмоциональную жизнь современного человека определяют две разнонаправленные тенденции. Первая тенденция характеризуется возрастанием частоты, интенсивности, продолжительности эмоциональных нагрузок, чему способствует ряд особенностей современной жизни: постоянное обновление информации, стремительное изменение социальной и физической среды, повышение темпов жизни и ее стоимости, разрушение традиционных семейных структур, социальные и экологические катаклизмы. На это человек реагирует переживанием страха, тревоги, беспомощности, тоски и отчаяния. Вторая тенденция характеризуется негативным отношением к эмоциям, которым приписывается деструктивная, дезорганизирующая роль в жизни человека.

Исследователи [9; 10; 15], указывают на резкое сокращение словаря эмоций современного человека, что ведет к формированию алекситимии, склонности

соматизировать эмоциональные переживания, неспособности вербально, на символическом уровне осознавать и адекватно проживать свой эмоциональный опыт, а также соприкасаться с эмоциональным опытом других людей.

Таким образом, назрела необходимость разработки словаря эмоций, содержащего максимально полный перечень эмотивов-номинативов современного русского языка, а также словарные статьи, дающие не только лингвистическую характеристику и толкование содержания того или иного понятия, но и его символическую представленность, причины возникновения, цветовые ассоциации, т. е. целый ряд психологических характеристик, которые важны для понимания специфичности каждого переживания, но остаются за рамками лингвистического подхода.

Данный словарь необходим для психологов, занимающихся развитием эмоционально-личностной сферы, для психологов-консультантов и психотерапевтов, так как одним из основных этапов работы с любой психологической проблемой является анализ переживаний – ведь именно эмоции маркируют наиболее лично значимые события, отношения, ситуации и т. д. Но неспособность осознать и адекватно вербализировать свой эмоциональный опыт, склонность реагировать рациональными суждениями и/или соматическими проявлениями, характерные для современных людей, затрудняют эффективное прохождение этого этапа в психотерапии и консультировании, т. е. возникает необходимость обучения человека, обратившегося за психологической помощью, навыкам работы с собственными чувствами – ознакомление с их разнообразием, отличиям в проявлении, различным влиянием на когнитивные и физиологические процессы. Овладевая семантикой эмотивов-номинативов, человек учится использовать эти языковые символы для осознания, структурирования, рефлексии своего эмоционального опыта, что невозможно без развитого словаря эмоций.

Необходимо отметить, что анализ специальной литературы – толковых словарей, словарей синонимов и антонимов, семантических словарей, трудов ведущих исследователей-лингвистов, работающих в этом направлении, показал, что подходы, характерные для языкознания, не дают полноценного списка эмотивов-номинативов, а также развернутой и доступной для понимания читателей, далеких от филологии, характеристики тех или иных эмоций и чувств. Чаще всего конкретное переживание определяется через синоним или оценку его интенсивности, положительности/отрицательности, а нередко даже как эмотив-номинатив не рассматривается. Так, в «Русском семантическом словаре» [12] в разделе «Разные чувства, эмоциональные состояния, их проявления», перечислены 258 понятий, из которых 167 являются собственно номинативами эмоций и чувств. В результате обобщения работ ведущих психологов – исследователей эмоций, было установлено, что 23 понятия, которые обозначают эмоции (*интерес, любопытство* и пр.), не указаны в соответствующем разделе «Русского семантического словаря», который в значительной мере реализует формальный принцип частоты употребления того или иного эмотива в специальной литературе. Более подробный анализ представлен в наших предыдущих публикациях [3; 4].

Для преодоления перечисленных противоречий, сложившихся в психологии и лингвистике эмоций, нами был разработан и апробирован список, включающий 227 эмотивов-номинативов, полученных в результате анализа специальной лингвистической литературы (толковые словари, словари синонимов, монографии по проблеме эмотивной лексики), а также данных психологических исследований и ассоциативных экспериментов, направленных на выявление «естественных словарей эмоций» [4]. Указанный список получил рабочее название «Словарь эмоций», однако, чтобы стать словарем, системно и комплексно представляющим многообразные переживания личности, данный перечень нуждается в специальном психосемантическом исследовании каждого из содержащихся в нем эмотивов. Основная трудность в разработке структуры стандартной словарной статьи заключается в том, что эмоция человека может

существовать на трех уровнях: на уровне *субъективного переживания*, наполненного личностным смыслом и оценкой, отношением субъекта к причине, вызвавшей эмоциональный отклик; на уровне *экспрессии*, т. е. являть себя в мимических, пантомимических, просодических, вегетативных изменениях; а также на уровне *поведенческом*, изменяя цели, мотивы деятельности личности, обуславливая выбор средств и способов достижения желаемого результата. Все три аспекта эмоции одновременно реализуются крайне редко, обычно у каждого человека, в зависимости от ситуации и личностных predispositions, преобладает один: либо план переживания, либо план экспрессии, либо план поведенческих изменений, остальные уровни эмоционального реагирования обычно не получают достаточного количества психической энергии для своей полноценной реализации. По данным психологических исследований [5; 6], на всех трех уровнях наблюдаются значительные возрастные и гендерные различия, что особенно затрудняет создание полной и объективной характеристики каждой эмоции.

В данном сообщении представлены первые результаты использования психосемантического подхода к организации и проведению эксперимента по сбору и анализу ассоциаций, представлений испытуемых о способах визуального, лексического и экспрессивного (поведенческого) выражения положительных и отрицательных эмоций. В качестве объекта исследования выступили эмотивы-номинативы, относимые различными исследователями к категории «базовых» переживаний [5]: *радость* (активная положительная эмоция), *гнев* (активная отрицательная эмоция), *страх* (пассивная отрицательная эмоция). В качестве испытуемых, в соответствии с методическими указаниями, имеющимися в литературе [1; 13], выступила группа носителей языка в количестве 32 человек, в возрасте 20-22 лет, представленная студентами-психологами, согласившимися принять участие в исследовании. Выбор именно этой возрастной категории основывался на результатах исследования А.О. Прохорова, который указывает, что данный возраст характеризуется наибольшим спектром значимых переживаний, активным расширением эмоционального опыта [10].

В специальном бланке испытуемым предлагалось зафиксировать цветовые ассоциации и визуальные образы, связанные с переживаниями *радости*, *гнева* и *страха*, указать синонимичные и антонимичные по смыслу эмотивы, а также кратко охарактеризовать мимические и пантомимические проявления, наиболее отчетливо выражающие представленные базовые эмоции. Через выявление наиболее частотных, общегрупповых ассоциаций предполагалось установить визуальные, лингвистические и экспрессивные символы эмоций. Рассмотрим полученные результаты.

Наиболее характерными цветовыми ассоциациями для эмоции *радости* являются *желтый* (46% ответов) и *оранжевый* (28% ответов) цвета, что соответствует имеющимся литературным данным. Радость как переживание предполагает, с одной стороны, некую обращенность вовне, с другой – внутреннюю притягательность для окружающих. Эти же характеристики указываются и в символическом описании желтого и оранжевого цветов [14]. В качестве пиктограмм, визуализирующих данную эмоцию, 50% испытуемых изобразили «смайлики», используемые в Интернет-общении, остальные 50% ответов распределились между различными рисунками, которые можно рассматривать как источник радости, а не ее непосредственный зрительный образ: подарок, торт, цветок и т. д. Можно отметить некую подмену понятий при попытке визуализации испытуемыми радостного состояния: «смайлик», призванный быть одной из узко утилитарных форм передачи данной эмоции в виртуальном сообщении, в настоящее время становится чуть ли не единственным ее символом, понятным большинству.

Синонимический ряд для эмоции *радости* оказался представлен большим количеством индивидуальных ассоциаций. Только 26% указали в качестве синонима *счастье*, 10% – *восторг*, остальные испытуемые предлагали низкочастотные ассоциации. Примеры антонимов оказались также довольно разнородны: в качестве смысловой

противоположности эмоции *радости* 20% испытуемых указали *печаль*, столько же – *грусть*, среди остальных ассоциаций также перечислялись астенические состояния: *подавленность, уныние, тоска*.

Что касается экспрессивного компонента, то представления о мимических проявлениях *радости* в данной выборке довольно однородны: 72% указали *улыбку* как основной способ выражения радости. Пантомимические характеристики более разнообразны: *всплескивание руками* – 24%, *прыжки* – 21%, *аплодисменты* – 18% испытуемых указали в качестве способа выражения этого переживания.

Полученные данные характеризуют *радость* как эмоцию положительную, активную, но со слабой преобразующей внешней направленностью.

Цветовые ассоциации для эмоции *гнева* представлены *черным* (26% ответов), *бордовым* (26% ответов), *красным* (11% ответов) цветами. Эти ассоциации менее однородны по смыслу, чем для эмоции радости, так как черный цвет символизирует уничтожение, хаос, красный – активность, агрессию, сексуальность, бордовый – внутреннюю силу, телесную мощь. Также разнообразны и пиктограммы, символизирующие гнев – 54% представлены различными изображениями, характеризующими состояние напряжения, агрессии, 25% – абстрактными символами, 21% – в виде изображения характерной мимики – стиснутые зубы и губы, сведенные к переносице брови, суженные глаза.

В качестве синонимов испытуемые указали *злость* – 23%, *ярость* – 17%, *ненависть* – 13% и ряд других, менее частотных, характеристик (*раздражение, бешенство* и т.д.). Антонимы для эмоции гнева представлены крайне разнообразно: наиболее частотным указано *спокойствие* (16%), *радость* (10%), а также *восторг, удовольствие, нежность* и т. д.

Экспрессия эмоции гнева, как и радости, более однородна в отношении мимики (64% указали *сжатые, стиснутые части лица*: рот, зубы, глаза), но довольно неопределенна в отношении жестов, пантомимики: 39% указали *сжатые кулаки*, остальные 61% ответов равномерно распределились между индивидуальными вариантами: *хождение из стороны в сторону, глубокий выдох, пощечина* и пр.

В целом, эмоция *гнева* характеризуется испытуемыми высокой степенью напряжения, затрат энергии, направленностью вовне, а также стремлением контролировать ее проявления.

Цветовые ассоциации для эмоции *страха* наиболее частотно представлены *серым* (43%), *белым* (18%), *черным* (14%). С точки зрения М. Люшера, символическое значение серого цвета характеризуется как «невовлеченность, отрешенность» [14]. В русском языке распространено выражение «побледнеть (побелеть) от страха», но очевидно, что символическое значение белого цвета – чистота, непорочность – входит в конфликт с переживанием страха как негативной, пассивно-оборонительной реакции. Остается открытым вопрос, почему относительно немногочисленны ассоциации с черным цветом, ведь экзистенциальные переживания, связанные со страхом темноты, смерти, уничтожения, обычно изображаются и профессиональными художниками, и клиентами арт-терапевтических занятий именно черным цветом. Также 58% испытуемых представили в пиктограммах разнообразные причины, вызывающие страх: гроза, машина, парашют и т. д. В виде мимического изображения (широко открытые глаза, поднятые брови, сморщенный лоб) страх представили 23% испытуемых, остальные 20% избрали абстрактные символы – линии, замкнутые ломаные или неопределенные, бесформенные геометрические фигуры.

Разнообразен и неоднороден синонимический ряд для эмоции *страха*: *боязнь* (18%), *испуг* (16%), *ужас* (13%), *тревога* (12%). Следует отметить, что в психологии ужас понимается как очень высокая степень переживания страха и характеризуется несколько иными психофизиологическими проявлениями. Также в психологии четко разделяется тревога как боязнь неопределенная, диффузная, порой неосознаваемая, в

противовес эмоции страха как боязни чего-то конкретного, захватывающего сознание субъекта и требующего немедленных действий, негативно влияющего при этом на качество мыслительных процессов. Антонимы эмотива *страх* наиболее частотно представлены такими характеристиками, как *отвага* (26%), *уверенность* (12%), *спокойствие* (9%).

Интересным представляется факт, что мимические и пантомимические характеристики *страха* противоположны – для мимики характерны напряженно, широко *открытые глаза* (29%) и *рот* (12%), для пантомимики характерны тенденции *закрыться, скрестив руки, ноги* (30%), *дрожь* (24%), *сжатие, уменьшение в размерах*, вплоть до *позы эмбриона* (15%).

Эмоция *страха* актуализировала у испытуемых наиболее разнообразный синонимический ряд, по сравнению с эмоциями *радости* и *гнева*. Вероятно, это связано с большим количеством причин, способных вызвать данное переживание, особенно сильным воздействием на поведенческие и когнитивные процессы, трудности в формировании адекватных копинг-стратегий.

В заключение необходимо отметить, что работа по выявлению визуальных, лингвистических и экспрессивных характеристик эмотивов, представленных в разработанном нами «Словаре эмоций» [4], продолжается. Наиболее актуальной исследовательской проблемой на данном этапе представляется оценка гендерных и возрастных различий ассоциативного ряда, характеризующего в представлении испытуемых особенности субъективного переживания, внешнего выражения и реализации в непосредственном поведении того или иного эмоционального состояния.

Литература

1. Артемьева Е.Ю. Психология субъективной семантики. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.
2. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989.
3. Иванова Е.С. Словарь эмоций: на пересечении лингвистики и психологии // Тезисы докладов междунар. конф. «Знак: иконы, индексы, символы». – СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2005. – С. 32-34.
4. Иванова Е.С. Возможности методики «Словарь эмоций» для диагностики и развития эмоциональной сферы // Психологическая диагностика. – 2008. – № 1. – С.101-112.
5. Изард К.Э. Психология эмоций. – СПб.: Изд-во «Питер», 2000.
6. Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. – СПб.: Питер, 2002.
7. Исследование речевого мышления в психолингвистике / Под ред. Е.Ф. Тарасова. – М.: Наука, 1985.
8. Кристал Г. Интеграция и самоисцеление. Аффект, травма и алекситимия. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2006.
9. Перфильева С.Ю. Исследование слов – названий эмоций методом шкалирования // Семантика слова и текста. – Тверь: Изд-во Тверск. ун-та. – 1998. – С. 121-127.
10. Прохоров А.О. Семантические пространства психических состояний. – Дубна: Феникс+, 2005.
11. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988.
12. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений // РАН, Ин-т рус. яз. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 2003. – Т. 3. – С. 238-278.
13. Серкин В.П. Методы психосемантики. – М.: Аспект Пресс, 2004.
14. Собчик Л.Н. Метод цветовых выборов. Модификация восьмицветового теста Люшера. – СПб.: Речь, 2007.
15. Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г. Культура, эмоции и психическое здоровье // Вопросы психологии. – 1999. – № 2. – С.61-74.
16. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1987.

© И.В. Косарева, © Э.И. Сушок

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского,
Брянск, Россия**ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССОВ СЕМАНТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В
ДВУЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ**

Язык представляет собой модель структуры отношений в самом широком смысле. Он устанавливает отношения слов и понятий в потоке речи и тем самым, воспроизводя объекты и ситуации, порождает знаки, отличные от материальных референтов [1. С. 30]. Структура мира в лексике проявляется, в частности, в типах содержательных связей между отдельными ЛСВ многозначных слов, которые являются языковыми аналогами определенных элементов системы мира. Слово, как базисный знак языка, является средоточием множества характеристик. Эти характеристики охватывают не только семантические признаки, из которых формируется содержательное наполнение значений, но и те, которые раскрывают источник значений: речь идет о двух типах переноса: по сходству и по смежности. Именно они являются мощными факторами, во-первых, обогащения понятий, во-вторых, демонстрируют, что язык «являет собой самый экономичный образец символизации» [1. С. 80].

Обогащение языка, как известно, происходит не только через рождение новых слов, сколько через появление новых значений. По верному наблюдению С.И. Ожегова, речь идет о «способности языка фиксировать в своей системе мельчайшие изменения в смысловой структуре слова» [5. С. 179].

В данной работе объектом рассмотрения являются толковые французские и двуязычные французо-русские словари (в дальнейшем – PR, – НФРС, ФРСА).

Словарные статьи НФРС-2004 отличаются большим объемом за счет увеличения показа количества значений впервые зафиксированной лексики, так же, как и новых значений, не зафиксированных в ФРСА-1998.

Предметом исследования данной статьи послужило семантическое развитие 17 лексем, отобранных путем сплошной выборки из указанных двуязычных словарей. Проанализируем некоторые из них. Например, слово *cabine f* > *cabane*. фонетически изменилось под влиянием *picard*. (*maison de jeu*, PR). Одна из его главных сем «маленький размер» образует два ЛСВ: 1) *petit local à usage déterminé*, PR) и 2) *partie d'un véhicule (camion, avion) réservée au conducteur ou au pilote*, PR), т. е. часть пространства, где находятся люди. С развитием техники и появлением космических кораблей потенциальная сема «жилье» второго варианта выходит на первый план следующего варианта «отсек», «модуль» (*partie habitable d'un vaisseau spatial*, PR). Перенос наименования по месту расположения определяет семантическую эволюцию единицы *cabinet m*. Слово *cabinet* от *picard*. *cabine* имеет значение (*petite pièce située à l'écart*, PR). Данное слово редко употребляется самостоятельно, но чаще в сопровождении прилагательного: *cabinet de débarras*, *cabinet noir*, *cabinet particulier* и т. п. Словарная дефиниция этого слова позволяет выделить следующие семы: 1) отдельное расположение от остального помещения; 2) помещение, предназначенное для людей, для особого

использования вещей и т.п. Эти выделенные в данном предмете броские признаки фиксируются в его новых ЛСВ: 1) музейный зал, кабинет в музее; и на основе «отделяемости»; 2) кабинет (*шкафчик с отделениями для хранения ценных предметов*) (НФРС-2004).

Следующая единица *canon m* от *it. cannone* (tube = appareil de forme cylindrique..., PR). Это слово в границах метафорического переноса «внешнего сходства по форме» расширяет свое значение: 1) стержень пера (*чаще гусиного*); 2) *уст.* штанина; верхняя часть чулка; 3) *вет.* цевка; 4) *прост.* стакан (НФРС-2004).

С метафорическим переносом связано семантическое развитие слова *carré m* «четырёхугольник, квадрат». Метафорический перенос «внешнее сходство по форме» вызывает появление следующих значений: 1) клетка, квадратик рисунка; поле шахматной доски; 2) четырёхугольный платок; 3) бумага форматом 45x55см.; 4) *кул.* кубик; 5) *кул.* спинная часть баранины (НФРС-2004). Семантическое развитие прилагательного *carré* основано на метафорическом переносе наименования, закрепленного за предметом неживой природы на качества, свойственные живому существу: *carré des épaules* (*плечистый, широкоплечий*) – *homme m carré* (*прямой, бесхитростный человек*). В эволюции этого слова наблюдается и обратный перенос, когда те или иные признаки живых существ становятся основой для характеристики неодушевленных предметов: *мор.* прямой; *voile m carré*; *mat m carré* мачта с прямыми парусами; *réponse f carrée* «прямой ответ».

Метонимия, основанная на названии предмета по месту его изготовления, лежит в основе появления слова *camembert m.* (nom d'un village d'Orne, PR). Новые значения этой единицы образованы путем метафорического переноса значения по внешнему сходству (...fromage de forme ronde, PR), поэтому этим словом названы предметы подобной формы: 1) полурулон бумаги; 2) *арго* диск автомата; 3) *разг.* круговая диаграмма (НФРС-2004).

Интересна история появления новых значений у слова *carotte f.* 1) верченый мяч (в теннисе); 2) *перен. разг.* подачка; приманка, пряник; 3) *разг.* обман, надувательство (НФРС-2004). Данное слово входит в состав выражения *la carotte et le bâton*. Оно содержит намек на осла, которого заставляли двигаться вперед или с помощью палки, или моркови: морковь служила приманкой для осла. Метафорический перенос «сходство по функции» позволяет рассматривать *carotte* как заменитель всего того, что может служить в качестве приманивания кого-либо. В таком употреблении у слова *carotte* имеется скрытая коннотативная сема «обман», «надувательство». На семе «обман» основано значение «верченый мяч» (*au tennis, balle qui tourne sur elle-même et trompe l'adversaire, PR*).

Метафорические, а также их разновидность – функциональные переносы возникают в лексической системе постоянно, однако не все слова одинаково подвержены их влиянию. Метафоризация и функциональная ориентация особенно заметны в тех слоях лексики, которые связаны с наименованием актуальных для общества проблем. Например, в современном языке наблюдается активизация спортивной лексики. Значение слова *baigneur m* 1) купальщик 2) банщик (НФРС-2004) расширилось как раз на метафорической основе, приобретя новое значение 3) инструктор по плаванию, а значение 4) голыш (*кукла*) приобретает функционально-метафорическое 5) *арго* тело, труп (НФРС-2004).

Семантическая эволюция слова *banane f* включает несколько типов метафорических переносов (*fruit oblong, à pulpe farineuse, à épaisses peau jeune, PR*). На основе метафорического переноса «сходство по форме» образуются значения: 1) *разг.* двухвинтовой вертолет; транспортный вертолет морской пехоты 2) *разг.* взбитая прядь волос надо лбом 3) *fiche*~ эл. банановый штепсель (НФРС-2004).

В отличие от метафорических переносов, метонимические сдвиги в семантической структуре слов более регулярны и продуктивны. Виды метонимического преломления лексических значений обобщены в четыре класса, которые исчерпывают все объективные связи в реальном мире: между вещами, частью и целым, вещью и признаком, признаками вещей [4. С. 37]. Рассмотрим эволюцию слова *came f* 1) *argo* дрянь, барахло (*о скверном товаре*); 2) товар (*незаконно сбываемый*); ворованные вещи; 3) *разг.* кокаин, наркотик, кокаин (НФРС-2004). Слово является аббревиатурой *camelot* (*marchand ambulant qui vend des marchandises à bas prix, PR*). На основе метонимического переноса «обладатель предмета – предмет» образуется значение «товар плохого качества». Данное значение оформляется в отдельное слово через его аббревиатуру, получая самостоятельное развитие: «товар плохого качества, продается на периферии рынка или за его пределами, там, где чаще всего продаются ворованные вещи», следовательно, образуется связь «ворованные вещи» – «вещи, продажа которых преследуется законом» (наркотики). Понятийная метонимическая корреляция «характеристика предмета – предмет» лежит в основе нового значения 3) *разг.* кокаин; наркотик (НФРС-2004).

Рассматривая значение в лексике как важнейшую лингвистическую категорию, исследователи обязаны подходить к понятию знака, по замечанию Р.А. Будагова, «с учетом постоянно действующих отношений: знак > значение > вещь» [2. С. 119]. Но каждый язык обнаруживает особенности в способе наименования. Так, французский язык часто прибегает к специализации и терминологизации общеупотребительной лексики. Например, существительное *baladeuse*, образованное от глагола *balader* с общей семой перемещения, получает значение "портативный приемник с наушниками", напоминающий по форме радиоприемник. Следующая единица *fantôme* с общей семой «отсутствие чего-то реального» среди терминов электротехники получает значение «зеркальная чистота».

Проанализируем семантическую эволюцию слова *battement*, образованного от глагола *battre*. Значение последнего разворачивается в рамках метафорического переноса: действие, совершаемое человеком – действие, совершаемое предметом. *Battement* сохраняет глагольный признак действия, совершаемого предметом: 1) битье, хлопанье (в ладоши); 2) биение, пульсирование; 3) взмах (крыльями); мигание (ресницами); 4) хореогр. батман (в балете и спорте) (ФРСА-1998). Перенесенное в другие сферы *battement* расширяет свой ономаσιологический объем и представляет собой последовательное метафорически ориентированное развертывание семы "действие, совершаемое предметом": битье, взмах – 1) спорт. удар по оружию (в фехтовании); отбив (в боксе); взмах ноги (в кроле); 2) тех. мертвый ход; качание (маятника); ход поршня; 3) На базе ЛСВ "мертвый ход" появляется значение "пауза", "интервал"; 4) тех. перескакивание; эл. несовпадение фаз при включение генератора на синхронную работу (НФСР-2004).

Появление ЛСВ с пометами "arg", "fam" базируется на переосмыслении общеупотребительных слов, так как французские разговорно-бытовые слова широким потоком вливаются в литературу, на страницы газет, в рекламу, создавая постепенно, параллельно общеупотребительному лексическому ядру второй, разговорно-бытовой лексический фонд [3. С. 79]. Эти ЛСВ также могут основываться на метафорическом переносе. Например, на основе сходства по форме округлости слово *ballon* – шар, мяч приобретает в разговорной речи значение "живот", а в аргю – "зад". *Auberge* с устаревшим ЛСВ "постоялый двор" в аргю получает значение "тюрьма" на основе сходства условий проживания на постоялом дворе и тюрьмы. В жизни людей разграничиваются три основные сферы: повседневная бытовая жизнь, производственная деятельность, общественные отношения. Если в просторечии для обозначения места работы

используется слово *baigne* с семей «место, где используется подневольный, тяжелый труд», то можно сказать, что производственная деятельность не вызывает восхищения у французов.

Наши наблюдения над семантическим способом обогащения французской лексики подтверждает мысль В.Г. Гака о том, что во французском языке для наименования нового понятия существует способ не создавать нового слова, а использовать старое [1. С. 32]. Одно французское слово выполняет подчас очень много функций и многозначно (в НФРС-2004 фиксируются слова с 10 – 17 значениями).

Метонимические и метафорические переносы расширяют номинативные возможности словаря без увеличения количества слов, а в лексикографии, соответственно, без увеличения словарных статей, но наполняемость лексикой одной словарной статьи НФРС-2004 явно выше, чем подобной в ФРСА-1998.

В ЛСВ-терминах основное понятие получает уточнение именно по внешнему признаку: местоположению, цвету, форме и т. д. Как ЛСВ-термины, так и ЛСВ, относящиеся к фамильярной речи, основаны на переосмыслении общеупотребительных слов.

Проведенное исследование подтвердило мысль лексикографов, что динамические признаки семантической эволюции лексических единиц играют большую роль в пополнении словаря, чем его расширение с помощью новых слов.

Литература

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М., 2002.
2. Будагов Р.А. Язык и речь в кругозоре человека. – М., 2000.
3. Гак В.Г. Беседы о французском слове. – М., 1966.
4. Никитин Н.В. Основы лингвистической теории значения. – М., 1987.
5. Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. – М., 1974.

Используемые словари и сокращения

НФРС-2004 – Гак В.Г., Ганшина К.А. Новый французско-русский словарь. – М., 2004.

ФРСА-1998 – Французско-русский словарь активного типа под редакцией В.Г. Гака и Ж. Триомфа. – М., 1998.

PR – Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique. – P., 1996.

© Г.В. Рябичкина

Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия

ЛЕКСИКА РАЗГОВОРНОГО РЕГИСТРА: СОЦИОЛЕКСИКО-ГРАФИЧЕСКИЕ ИДЕИ В.Д. ДЕВКИНА

Лексикографическое описание сниженной лексики и фразеологии в монолингвальных и переводных словарях является основной задачей социальной лексикографии, активное развитие которой происходит в последние десятилетия как в России, так и за рубежом. Значительное количество исследований позволяет представить наиболее значимые проблемы развивающейся науки, одной из которых, бесспорно, является описание особого пласта лексики – лексики разговорного регистра.

Современное развитие теории языка и языковая практика свидетельствуют о востребованности и насущности создания «разговорного словаря», или словаря разговорной лексики. Он необходим для понимания обиходной речи, для чтения художественной литературы, для восприятия языка театра, кино, для освещения и изучения вопросов страноведения, для теоретического осмысления этого динамично развивающегося экспрессивного и компрессивно-информативного лексического пласта.

В.Д. Девкин, разрабатывающий в своих трудах [1; 2; 3; 4; 5] обозначенную проблематику, преимущественно, на материале русского и немецкого языков, подчеркивает, что включение в словарь стилистически сниженных лексических единиц не является ни «приглашением» активизировать их употребление в речи, ни их «осуждением» как плохих слов. Подобный словарь нужен для расширения индивидуального пассивного запаса лексики носителя языка и для теории лексикографии в аспектах уточнения понятия разговорности и средств ее лексикографического описания [4].

Так, разговорная окрашенность слов является объективным свойством языка, не исключающим известной субъективности в его отражении в словарях посредством помет, что приводит к разнобоям в лексикографической трактовке разговорности. «Боязнь» излишнего нагромождения словарных помет, уточняющих специфику разговорности, часто приводит к тому, что характер разговорности либо не отражается совсем в соответствующих пометах, либо поглощается в более обобщенных пометах.

Понятие разговорности трактуется в современном языкознании неоднозначно. Традиционно термин «разговорность» используется, по мнению исследователя, в качестве собирательного наименования всех языковых форм, фактов и единиц, которые противопоставлены «идеально правильному, непогрешимому образцово-показательному культурному стандарту». Здесь степень отклонения, отступления или отхода от эталонного стандарта может быть: «минимальной», когда разговорность не нарушает литературности; «среднесниженной», характерной для фамильярного слоя лексики; и «значительной», свойственной для грубой и вульгарной лексики. Разговорный словарь должен охватывать все пласты лексики, обладающей этими признаками разговорности [4. С. 78-80, 82-95, 162-171].

В связи с вышесказанным, в лексикографической практике разговорная лексика может, по свидетельству В.Д. Девкина, рассматриваться как лексический пласт, с одной стороны, противопоставленный фамильярной «сильно» сниженной лексике, а с другой – наиболее близкий к нейтральной лексике. В более широком понимании разговорная лексика охватывает весь лексический фонд обиходно-разговорной речи.

В свою очередь, разговорная речь трактуется В.Д. Девкиным в качестве такой формы существования языка, которая односистемна с литературной речью и базируется вместе с нею на данном языковом строе. В предложенном подходе разговорная речь противопоставляется литературной речи и обладает следующими признаками:

- **первичностью**: здесь литературная речь вторична по отношению к разговорной;
- **стихийностью** овладения ею носителями данного языка: здесь литературная речь овладевается посредством специального обучения;
- **своеобразной нормативностью** разговорных явлений и наличием своих разговорных норм, которые характеризуется следующими чертами: а) незафиксированностью в виде жестких и императивных правил, б) отсутствием регламентированной кодификации, присущей литературным нормам, в) меньшей обязательностью и большей свободностью, чем литературные нормы. При этом литературный стандарт выступает в качестве «точки отсчета» или «опоры», на основе которой выделяется и описывается разговорная речь.

В этой связи, для монолингвального и переводного словаря существенны, по мнению автора, следующие целевые установки предпочтительного выбора разговорной (а не нейтральной) лексики и ее употребления в речевом общении: 1) для создания раскованной, свободной, неофициальной атмосферы социально-речевого общения; 2) для соблюдения принятых в данной среде норм повседневного обиходно-разговорного общения – неписанной конвенции выражаться как можно понятнее, проще, привычнее, а также для следования господствующей моде – быть как все; 3) для достижения наибольшей оригинальности и творческого обновления языковых средств создания выразительности в ответ на «императивность господствующего стереотипа».

В распределении лексики по трем общепринятым автономным, но взаимосвязанным и взаимопроницаемым регистрам, или стилям, – высокому, среднему и низкому – ученый отмечает следующие свойства разговорной речи и разговорной лексики: 1) разговорные лексические единицы взаимодействуют с лексикой других стилей от близких им диалектизмов до весьма удаленных терминов, переосмысливая последние; 2) изофункциональность регистров реализуется в том, что для многих слов их регистровая окраска не добавляет дополнительных денотативных характеристик в содержание этих слов; например: разговорное *х/б* одинаково по смыслу с литературным *хлопчатобумажная* ткань; 3) регистровая окраска слова, выступающая в качестве единственного различительного признака двух синонимов, например, *лик* и *лицо*, *чело* и *лоб*, все-таки привносит дополнительные денотативные семы в словесные номинации, обладающие регистровой маркированностью.

Разговорность, как признак лексики соответствующего стиля или регистра, характеризуется известной степенью диффузности, которая проявляется, в частности, в том, что такая маркировка разговорных слов, как экспрессивность и эмоциональность, представляются весьма расплывчатыми и неопределенными понятиями: с одной стороны, этими свойствами обладают и неразговорные лексические единицы, а с другой – частое употребление разговорных слов приводит к девальвации у них данных качеств. Более того, эмоционально-экспрессивная маркированность, оставаясь типичной чертой сниженных единиц, все-таки не стопроцентна не только для сленгизмов, но даже и для коллоквиализмов.

Информационная насыщенность и семантическая ёмкость разговорных лексических единиц по сравнению с нейтральными единицами может создаваться, по мнению В.Д. Девкина, за счет (а) образности коллоквиализмов, (б) включения в их семантику значений сокращаемых или опускаемых частей слов или словосочетаний, (в) привлечения параметров ситуации (ситуативные метонимии). При этом коллоквиализм может репрезентировать комплексное понятие, для наименования которого требуется целое словосочетание или развернутая перифраза из нейтральных лексических единиц; например: Radfahrer 'прижимающий нижестоящих и пресмыкающийся перед вышестоящими'. Семантические осложнения в коллоквиализмах могут также возникать за счет оценочных и коннотативных компонентов в их значениях.

Особый слой лексики разговорного регистра составляет и «безоценочная разговорная лексика», представляющая собой семантически неосложненные и денотативно близкие нейтральным словам лексические единицы, лишённые экспрессии и оценочности, присущие нейтральному регистру общения и маркируемые в словарях как разговорные. В немецком языке сюда относятся: 1) сокращения разных типов: Limo, Uni; 2) результаты компрессивного словопроизводства: Zweiteiler (< zweiteiliger Badeanzug); 3) однословные дериваты, замещающие объёмные сложные слова или словосочетания: quizzen (< im Quiz spielen); 4) фразеобразования, созданные с участием метонимии: bei der Post/Zeitung sein (angestellt sein). При этом в случае конкурирования ареальных вариантов сниженную окрашенность получают «захолустные» слова и фразеологизмы. Здесь нейтральные немаркированные синонимы могут подтверждать разговорность безоценочных разговорных лексических единиц; ср.: der Laster (безоценочное разговорное слово) – Lastcraftwagen (нейтральное слово).

В качестве критерия наличия у слова безоценочной разговорности, которая, по мнению исследователя, проходит на границе с нейтральными, неодобрительными и образными региональными лексическими единицами, может выступать неуместность употребления тестируемой единицы, по причине ее сниженности, в образцовом «нейтрально-литературном» тексте. Разговорность может присутствовать в следующих параметрах тестируемого слова: **в грамматическом аспекте** – в ущербности его парадигм; **в словообразовательном аспекте** – в нестандартных способах и приемах ее образования; **в семантическом аспекте** – в объеме значения разговорного слова, для которого более характерна конкретность, нежели абстрактность; **в аксиологическом аспекте** разговорная лексическая единица обладает способностью к стилизации и стилистическому окрашиванию речи; **в коммуникативно-прагматическом аспекте** разговорные слова и фразеологизмы могут отражать свойства коммуникативного акта – ситуации общения, характеристики коммуникантов; **в этическом аспекте** разговорная единица может сигнализировать о типе межличностных отношений участников коммуникативного акта; **в эстетическом аспекте** разговорность сопрягается с выразительностью и меньшей утилитарностью; **в аспекте импликации** разговорная форма выражения часто подразумевает недосказанность сообщения; **в диахроническом аспекте** специфика разговорности исключает архаичность разговорных слов и даже в тех случаях, когда устаревшее слово употребляется в шутовом или ироничном контексте; **в ареальном аспекте** ареальная маркированность слова выступает в качестве его разговорной окрашенности.

Уточняя границы нецензурности по отношению к тем лексическим единицам, которые находятся «на дне» лексической системы русского языка, В.Д. Девкин сформулировал следующие важные для социолексикографии позиции:

- Неприличная лексика имеется во всех языках, однако, запреты на ее употребление в речи устанавливаются в соответствии с этико-стилистическими принципами, отражающими национальную специфику для каждого языка. В русском языке имеется

так называемый мат, представляющий собой слова и выражения, характеризующиеся «сексуально-фекальной предметной отнесенностью» в табуированной области общения в приличном обществе. Для их обозначения за рубежом был изобретен термин «матизм», который, по мнению ученого, совершенно неприемлем для «русского чувства языка».

• Матизмы долгое время не пускались в толковые словари русского языка по причине традиционного отрицания существования матерной лексики, господствовавшей в русской лексикографии. Однако в настоящее время, благодаря общей демократизации языка, происходит заметная легализация русского мата, в результате которой наиболее стилистически сниженные лексические единицы становятся фамиллярными, фамиллярные – разговорными, разговорные – нейтральными.

• В этическом измерении мат занимает наиболее низкую позицию в лексической системе русского языка. Лексическое ядро мата представлено наименованиями тех понятий, которые соотнесены с гениталиями и известными физиологическими функциями человека. Эти понятия, которые не называются вслух в приличном обществе, имеют несколько кодов языкового обозначения: а) терминологический, б) литературно-иносказательный, в) разговорно-просторечный, г) вульгарный и д) матерный.

• Своеобразие русского мата заключается, по мнению исследователя, в его чрезвычайной функциональной активности и номинативной полифункциональности; в последнем отношении матизмы выступают номинациями: а) сексуально-фекальных тем, б) бранных тем – оскорбления, ругательства, поношения, в) характерологических тем с критической направленностью, г) неопределенно-расплывчатых тем – наименований лиц, предметов и действий, д) широкой и разнообразной группы тем, где подчеркиваются интенсивность обозначаемого признака, определенные эмоциональные состояния, дефекты вещей, трудности в достижении определенных целей. При этом степень этико-стилистической сниженности матизма интенсифицирует признаки, заложенные в его семантике; для примера автор сравнивает следующие слова, употребляемые переносно для характеристики человека и характеризующиеся убыванием их «обиходности»: *хавронья, свинья, поросенок*. Здесь нагнетание грубости и неприличности повышает степень этико-стилистической сниженности, заложенной в семантике этих слов. Это свидетельствует о том, что по степени интенсивности выражаемого признака слова могут выстраиваться в градуальные ряды по определенным шкалам неприличности.

• Употребления мата сводится автором к следующим семи разновидностям матерщины:

– «аффективный тип» матерщины, присущий «блиц-реакции и характеризующийся однократным, истеричным сконцентрированным шквалом «пятиэтажных» матизмов;

– «парантезный тип» матерщины, проявляющийся в содержательно избыточных, привычных для коммуниканта, автоматических и бесконтрольных речевых вставках в ситуации необязательно раздражительной тональности общения;

– «нарративный тип» матерщины, характеризующийся нагнетанием и максимальной концентрацией матизмов для создания «насыщенной эссенции» в ситуации «возбужденного монолога»;

– «этикетный тип» матерщины, характеризующийся преднамеренными и целенаправленными спорадическими матерными вставками с целью соблюдения «этикетной нормы» при конформистской установке коммуниканта и следования принятым в данной среде неписанным правилам общения, для создания дружеской и раскованной атмосферы общения, для подчеркивания близости с собеседником, для «маркировки свойскости среды»;

– «неэкспрессивный тип» матерщины, характеризующийся обычным употреблением матерных слов и выражений, основанным на «наивном» представлении об их безвредности и не преследующем определенных установок;

– «экстраординарный тип» матерщины, характеризующийся исключительно редким однократным употреблением нецензурной лексической единицы для достижения «кульминации сообщаемого»;

– «цитирующий тип» матерщины, представленный буквальным воспроизведением чужого мата.

• Среди самых сниженных пластов русской лексики выделяются: *нецензурные или матерные* слова и словосочетания; *гробьянизмы* – грубые наименования тех предметов и явлений, которые в приличном обществе обозначаются эвфемизмами, которые также подвержены снижению в процессе их частого употребления; *вульгаризмы*, охватывающие: а) бранные лексические единицы, для которых характерен «недифференцированный признак осуждения» и которые наиболее адекватно маркируются в словарях пометой *общебранное*: *гад, дрянь, мразь, и т. д.*; б) специализированная ругань: *харя* ‘противное лицо’, *чокнутый* ‘придурковатый’ и т. д.

• Комплексный фонд субстандартной лексики и фразеологии, включающий в себя все лексические единицы, которые находятся «ниже стилистического нуля», может быть собран, по мнению лексикографа, в рамках большого толкового словаря широкого диапазона, охватывающего слова и фразеологизмы, включаемые в colloquialный лексически пласт, не нарушающий литературность, до самого стилистически сниженного пласта лексики, характеризующейся «табуированной нецензурностью».

В противоположность литературности к нелитературности, или к нелитературному языку, и соответствующим нелитературным языковым фактам, В.Д. Девкин относит следующие языковые разновидности: *территориальные диалекты*, рассматриваемые автором в качестве особых социолектов, которые присущи старшему поколению деревенского населения, имеющего невысокий уровень образования; *речь малообразованных горожан*, являющихся выходцами из сельской местности, которые не смогли освоить в достаточной степени нормы литературного языка; *нарушение «этических конвенций»* по причине их незнания или целенаправленно для выполнения определенных коммуникативных установок; разнообразные *отклонения* от жестко кодифицированной *нормы литературного языка*, проявляющиеся в виде речевых вкраплений в литературных текстах; *завышение правил культуры речи* посредством использования неуместных единиц и редких терминов, относящихся к официально-торжественному стилю. При этом нелитературность проявляется на всех уровнях языка, а на лексическом уровне в качестве показателя нелитературной вульгарной речи могут выступать гробьянизмы, вульгаризмы и жаргонизмы [1. С. 5-7; 3. С. 13-18].

В связи с изложенным выше целесообразно подчеркнуть, что В.Д. Девкин, говоря о нормативности разговорной речи, не отделяет норму от вариантности, встречающейся на фонологическом, морфемном, синтаксическом и лексическом уровнях языка. При этом вариантность литературной нормы уступает вариантности нормы разговорной речи. Здесь узальность нарушается в двух противоположных направлениях: в «унификации выражения одного и того же значения» и в «специализации выражения определенного значения». Норма в этих случаях состоит в реализации системных моделей как соблюдении общепринятых правил функционирования языковых единиц. Язык, по мнению ученого, регламентируется общенациональной нормой и частными нормами и нормами конкретных функциональных стилей и специальных сфер функционирования языка. При этом в обиходной сфере общения также действуют различные варианты норм. Нормы специальных сфер общения действуют в более узком составе носителей соответствующей формы языка [2. С. 65-70].

В качестве своеобразного итога проведенного нами обзора перечисленных выше положений социолексикографического подхода В.Д. Девкина целесообразно привести его идеи по расширению профилей словарей, содержащиеся в статье «О неродившихся

немецких и русских словарях» [5. 85-97]. Автор предлагает создать следующие типы словарей, в которых могли быть зарегистрированы следующие пласты лексики, которые, по нашему мнению, относятся к объекту социолексикографии: словари (1) эвфемизмов, (2) пейоративов, (3) словари, в которых сопоставляются различные лексические слои – официального, высокого, разговорного, фамильярного и сильно сниженного стилей, (4) разговорного языка, (5) словарь введения в узус того, что ранее считалось ортологической ошибкой, (6) словари разговорно звучащих слов (словоформ), например: (а) в русском языке: *ваще* ‘вообще’, *грит* ‘говорит’, *стока* ‘столько’ *чэк* ‘человек’; в немецком языке: (а) *glaum* ‘glauben’, *ham* ‘haben’, *ntak* ‘guten Tag’, *tschulgn* ‘Entschuldigung’.

Таким образом, В.Д. Девкин изложил свое видение проблем лексикографического описания сниженной лексики и фразеологии в монологических и переводных словарях, что представляется особенно важным при изучении лексики разговорного регистра.

Литература

1. Девкин В.Д. Проблемы немецкой разговорной речи (лексика и семантика): Автореф. дис.... д-ра филол. наук. – М., 1974.
2. Девкин В.Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. – М.: Междунар. отнош., 1979.
3. Девкин В.Д. О видах нелитературности речи // Городское просторечие. Проблемы изучения. – М.: Наука, 1984. – С. 12-21.
4. Девкин В.Д. Очерки по лексикографии. – М.: Прометей, 2000.
5. Девкин В.Д. Словари, которые не напечатали // Вопросы языкознания. – 2001. – №1. – С. 85-96.

© Т.А. Чубур

*Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж, Россия***ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОНТРАСТИВНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ**

Лексикография как словарная работа – древнейший вид лингвистической деятельности человека, есть данные о двуязычных словарях, которым около четырех тысяч лет. Однако серьезных работ по теории лексикографии, по сравнению с работами в других областях языкознания, очень немного.

Существуют разные типы словарей, которые различаются по объему, специфике, по расположению материала, концепции и т. д. Каждый из этих словарей имеет свой круг пользователей и свою специфику [3]. Однако исследователи отмечают невозможность представить в словаре «всю в той или иной мере исчерпывающую информацию о языке, которая удовлетворила бы в равной степени все общество в целом и отдельные его слои в частности. Именно поэтому в любой национальной лексикографии мы находим десятки, а то и сотни словарей самых разных типов» [14.С. 12].

В настоящее время лингвисты-лексикографы, переводчики и преподаватели иностранных языков все больше ощущают потребность в более точной передаче семантического объема той или иной языковой единицы, так как традиционный принцип раскрытия содержания значения слова через краткое толкование понятия недостаточен. Простой перевод не может отразить всего национально-культурного своеобразия языковых единиц.

Необходимо введение в комментарий толкования определений, которые реально дифференцируют слова двух языков на уровне денотативных, коннотативных и функциональных компонентов значения слова и которые подтверждены компонентным анализом, а также информантами – носителями языков. В. Берков пишет: «В идеале эквивалент должен передавать максимум информации, сообщаемой переводным словом. Однако в силу различных причин – как объективных, так и субъективных – это достигается далеко не во всех случаях». Далее автор говорит о том, что, сравнивая два разных эквивалента для одного и того же слова, мы должны определенным образом оценивать степень потери информации в каждом из них. «Это было бы не столь сложно и решалось бы не столь субъективно, если бы для каждого слова данной пары языков существовало точное и полное описание всей сообщаемой им информации, чего пока нет, по-видимому, ни для одного языка» [1.С. 50].

Современные лексикографы подвергают сомнению «существование некоей общей для всех членов общества базовой, инвариантной картины мира, которая могла бы быть описана в толковом словаре как функционирующий современный язык. ... Правомерно ли вообще ставить вопрос о возможности лексикографического описания лексической системы, опосредованной говорящим человеком?» [13. С. 365]. «Иногда составители словаря осознанно или бессознательно навязывают читателю понимание слов, явно противоречащее их истинному значению» [4. С. 217].

Н.Ю. Шведова, исследуя лексикографическое отражение особенностей слова в словарной статье, отмечает, что языковой микромир проявляется через микромир слова, как бы конденсируется в нем. Автор насчитывает пять парадоксов словарной статьи, противоречащих природе слова, и замечает, что «сведения, заключенные в словарной

статье, представляют собой не что иное, как отсылающие к классу сигналы, которые обязательно предполагают достаточные знания о классах в отдельности и об их системе в целом», «в сознании читателя обязательно тут же должна развернуться картина класса в целом» [17. С. 6].

Развитие науки о языке в целом и лексикографии в частности не могло не привести к возникновению новых подходов к разрешению традиционных и новых проблем в изучении словарного состава языка. Лингвисты все активнее начинают привлекать данные анкетирования носителей языка. Ю.Н. Караулов формулирует принципиально новую для русской лексикографии проблему – «человек и словарь, словарь в личности и личность в словаре» [6. С. 26-27].

В.П. Берков указывает на необходимость для решения задач лексикографии использования эксперимента с репрезентативной группой потенциальных пользователей двуязычных словарей. По мнению автора, необходимо отразить в словаре лексический запас носителя конкретного языка – взрослого человека, имеющего полное среднее образование, хорошо ориентирующегося в научно-популярной и политической литературе, знакомого с основными видами практической деятельности, выполняемыми в данном обществе [2. С. 46 – 47].

Лексикографы обращают внимание на то, что в переводных словарях часто нет указания на коннотации слов, что далеко не все словари и не всегда отражают эмоционально-оценочные коннотации лексической единицы (Ладо 1982). Однако, по мнению С.Г. Тер-Минасовой, «существует проблема перевода экспрессивно-эмоционально-оценочных коннотаций» слова [15. С. 7]. Поэтому «и в языковых учебниках, и в учебных словарях должны быть отобраны специальные лексико-семантические средства адекватного выражения эмоций коммуникантов» [16].

Слово в родном языке обычно сопровождается разного рода коннотациями, порождаемыми привычными для читателя условиями функционирования данного слова. Сопоставляя данное слово с иностранным словом, «читатель склонен приписывать последнему те же коннотации, с которыми связано данное слово в родном языке. Только ознакомившись с толкованием иностранного слова в статье, он начинает различать особенности его функционирования в речи, его необычные для родного слова связи и отношения» [4. С. 215].

Как известно, в дополнение к лексическому значению многие слова содержат в себе элемент оценки, отношения говорящего к понятию, обозначаемому данным словом. Однако изучение словарей показывает, что в переводной лексикографии оценочный параметр, как правило, не учитывается или смешивается с эмоциональным, с которым он тесно связан, но которому не тождествен.

Анализ многих словарей показывает, что лексикографы зачастую сознательно прибегают к переводу слов, принадлежащих к какому-либо функциональному стилю, при помощи стилистически нейтральных эквивалентов, снабжая их – и то не всегда – стилистическими пометами.

Один из способов передачи национально-специфического значения – с помощью нового типа лексикографического описания, контрастивных переводных словарей разного типа. Еще И.Р. Гальперин писал, что «контрастивная лингвистика направляет мысль языковеда и по другому руслу – это проблемы теории и практики составления двуязычных словарей. Большинство переводных словарей, скованных необходимостью наиболее точно передать значение слов и словосочетаний языка А на язык Б, избегает контрастивных сопоставлений. А ведь именно в двуязычном словаре, в силу его онтологических свойств ... контрастивная лингвистика может показать различия, несхожесть, противоречия в сопоставлении описываемых единиц» [4. С. 216]. И далее автор делает вывод, что «контрастивность представляет собой фундамент, на котором должны быть построены теории и практика двуязычных словарей» [4. С. 218].

В результате своеобразного «лексического бума» в области усвоения иностранного языка появились важные изменения в лексикографической практике. В

частности, созданы и продолжают создаваться все новые одноязычные и двуязычные словари. Создатели этих словарей декларируют новые принципы представления лексики: опора на огромный корпус языкового материала, приближение примеров, иллюстрирующих словоупотребление, к реальной речи, отражение в словаре особенностей как устной, так и письменной речи, формального и неформального стиля общения, британского и американского вариантов в словарях английского языка и т. д. Кроме толковых словарей для иностранцев создаются и словари новых типов – тезаурусы, «активизаторы» лексики, «путеводители». В связи с этим некоторые исследователи говорят о возникновении новой области – «педагогической лексикографии» [18]. Базой эмпирических исследований служит, как правило, английский язык, изучаемый как иностранный, что связано, в первую очередь, с особой ролью английского языка как языка международного общения.

Диапазон переводных словарей в настоящее время чрезвычайно широк и постоянно пополняется за счет появления новых вариантов и ракурсов описания лексики. Лексикография перевода – активно развивающееся научное направление. Владение методикой использования разнообразных словарей имеет огромное значение для студентов и преподавателей, профессиональных переводчиков, специалистов по международным отношениям и т. п. В качестве средства разрешения многих практических проблем перевода чаще всего используются двуязычные переводные словари. В процессе обучения иностранному языку студенты сориентированы именно на такой вид словарей.

Проблемы, связанные с изучением лексики в процессе обучения иностранному языку, подробно анализируются в работе [10]. И.Л. Медведева рассматривает различные подходы к роли лексики в процессе обучения иностранному языку. По нынешний день актуальной остается проблема отбора той лексики, которую надлежит считать необходимой для усвоения, а также подготовка тех словарей, которые наилучшим образом могут эту лексику представить для обучаемых.

В настоящее время существует огромное количество самых разнообразных словарей. Причины этого разнообразия хорошо объяснены в известной работе Л.П. Ступина «Лексикография английского языка», где четко указано, что обусловлено это сложностью и многоаспектностью самого объекта лексикографического описания – языка, а также наличием многочисленных потребностей общества в получении самой разнообразной информации [14. С. 12].

Ключевую роль в процессе как перевода, так и обучения иностранным языкам играют двуязычные (переводные) словари, которые призваны устанавливать значения слов из сфер двух языков и, соответственно, смыслы семиотических объектов двух культур. Сложность процесса перевода, а также обучения иностранным языкам требует использования не только переводных словарей разной наполненности, но и словарей других типов для выявления и осмысления истинного содержания культурного объекта.

Акцентуация переводных словарей может быть различной. Например, для словарей, предназначенных для изучающих иностранный язык с целью овладения разговорной речью, характерен акцент на факторе словосочетаемости, употребления данного слова в типичных речевых ситуациях. По мнению В.П. Крупнова, с точки зрения проблем перевода и обучения иностранным языкам, будущее в развитии двуязычных словарей – за специальными тематическими словарями [8. С. 32].

Важной проблемой, стоящей перед переводчиком, преподавателем, а также изучающим иностранный язык, может оказаться учет стиля переводимого текста и подбор соответствующих стилистических средств в родном языке. Особое значение это имеет при переводе текста художественного или публицистического характера, однако, нужно отметить, что научные тексты, например, на английском языке зачастую включают единицы и иных стилей, кроме литературного языка. Кроме того, слова и выражения довольно быстро могут перемещаться из одного стиля в другой в связи с общими тенденциями развития. В частности, процессы демократизации в языке,

отмеченные многими исследователями [13], широкое использование сленга в средствах массовой информации приводят к изменению стилевой принадлежности той или иной единицы. Учет стилевых оттенков особенно необходим для соблюдения соответствующей социальной окраски переводимых терминов и текста в целом, считает В.П. Крупнов [8. С. 99].

Исследователи-лексикографы отмечают такие активные языковые процессы, как «онаучивание» языка, с одной стороны, и процесс «демократизации, пополняющий словник разговорной, сниженной лексикой и жаргонизмами», – с другой, что не всегда находит своевременное отражение в словарях [13. С. 371].

Лексикограф не может не считаться с тем, что двуязычный словарь – одно из основных пособий при обучении языку, человек запоминает и по-своему обрабатывает информацию, извлеченную из словаря [10]. Особенности восприятия индивидом вербальных знаков приводят к той или иной интерпретации значения единиц номинации, идентифицируемых человеком.

Одной из основных проблем современной лексикографии остается проблема эффективности дефиниции, то есть насколько полно раскрывается значение слова, насколько толкование понятно пользователю словарем. Несмотря на то, что в последние годы многие авторитетные издания внесли огромный вклад в разработку новых толковых, толково-переводных словарей разного типа, недостаточно изучен вопрос о том, какая структура словарной статьи является наиболее приемлемой. По словам В.В. Морковкина, «на передний план выдвигается проблема компактного и эксплицитного отражения всего многообразия значения слова в словаре» [11. С. 18]. В словаре должен быть воплощен основной лексикографический принцип: «максимум информации на минимуме места – без ущерба для интересов читателей» [2].

В любых переводных словарях острой проблемой является система помет, уточнение значений с помощью разъяснений в скобках. Поскольку назначение данной информации – показать, как слово фактически реализуется в речевой практике носителей языка, то вполне понятно, насколько важна и существенна такая информация. Однако, вопрос использования той или иной системы помет сложен еще и потому, что существуют определенные разночтения в самих терминах, используемых для помет [8. С. 30].

Вопрос о доступности словаря потребителю играет особую роль. Если говорить об учебно-переводном словаре, то он должен быть написан так, чтобы он был понятен тому, кому адресован.

П. Н. Денисов называет составление дефиниций «вершиной лексикографического искусства». «В дефиниции надо резюмировать содержание слова, а это предполагает тонкий семантический анализ, или описать предмет, что требует знания реалий и умения их рассматривать с позиции семиотической релевантности дифференциальных и интегральных признаков» [5. С. 191].

Н.Ю. Шведова сформулировала основные трудности составления словарной статьи: «Словарная статья берёт на себя сразу очень много различных задач. Она должна дать всесторонние характеристики самого слова, вынесенного в заглавную часть; удовлетворительно информировать о разных видах его окружений, о контекстных, парадигматических, синтагматических связях слов, о силе и слабости этих связей; сообщить о тех стилистических и функциональных сферах, к которым принадлежит слово; показать его деривационные возможности, словообразовательное гнездо; вместить слово в его «фразеологическое поле» и показать разную степень фразеологической связности тех или иных значений слова» (цит. по [7. С. 65]).

В.В. Морковкин [11. С. 131] пишет, что в настоящее время абсолютно преобладающей тенденцией в подготовке словарей является лексикографирование по образцам, создание на новом языковом материале словарей уже известных типов с использованием уже известных методик. Однако, успешность развития лексикографии, как и любой другой науки или научно-практической области, определяется не только мастерством, с которым воплощаются уже широко известные идеи, но и степенью участия в разработке новых идей и обогащении этого фонда.

Таким образом, в настоящее время лингвисты-лексикографы, переводчики и преподаватели иностранных языков все больше ощущают потребность в более точной передаче семантического объема той или иной единицы, так как традиционный способ раскрытия содержания значения слова через толкование понятия недостаточен. Необходимо введение в словарное толкование семантических компонентов, которые реально дифференцируют слова двух языков на уровне денотативных, коннотативных, и функциональных компонентов значения слова и которые подтверждены компонентным анализом, а также информантами – носителями языков.

Один из способов передачи национально-специфического значения – новый тип лексикографического описания, предполагающий использование результатов посемного компонентного анализа. Практическим результатом контрастивного анализа лексем сопоставляемых языков является создание контрастивных словарей разного типа.

Литература

1. Берков В.П. Слово в двуязычном словаре. – Таллин: Валгус, 1977.
2. Берков В.П. Двуязычная лексикография. – СПб., 1996.
3. Будагов Р.А. Толковые словари в национальной культуре народов. – М.: Изд-во МГУ, 1989.
4. Гальперин И.Р. Избранные труды. – М.: Высшая школа, 2005.
5. Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. – М.: Рус. яз., 1980.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.
7. Козырев В.А. Вселенная в алфавитном порядке: Очерки о словарях русского языка. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2000.
8. Крупнов В.Н. Лексикографические аспекты перевода: английский язык: учеб. пособие для институтов и факультетов иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1987.
9. Ладо Р. Лингвистика поверх границ культур / Пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. – М.: Прогресс, 1989. – С. 32-62.
10. Медведева И.Л. Психолингвистические аспекты функционирования иноязычного слова. – Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та, 1999.
11. Морковкин В.В. Антропоцентрический подход versus лингвоцентрический подход к лексикографированию // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре: Сб. науч. статей. – М.: Наука, 1988. – С. 131-136.
12. Морковкин В.В. Контрастивная ценность русских слов как объект интерпретации в педагогической лингвистике и учебной лексикографии // Теория и практика учебной лексикографии. – М.: Институт русского языка им. А.С. Пушкина, 1988. – С. 7-22.
13. Складневская Г.Н. Об одном словаре антропоцентрического типа // Языковая личность: текст, словарь, образ мира. К 70-летию чл.-корр. РАН Юрия Николаевича Караулова: Сб. статей. – М.: Изд-во РУДН, 2006. – С. 364-377.
14. Ступин Л.П. Лексикология английского языка: Учеб. пособие для институтов и факультетов иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1985.
15. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000.
16. Шаховский В.И. Эмотивный компонент научающей коммуникации и его отражение в учебной лексикографии // Актуальные проблемы учебной лексикографии: Материалы общесоюзной конференции. – М.: Институт русского языка им. А.С. Пушкина, 1988. – С. 129-131.
17. Шведова Н.Ю. Парадоксы словарной статьи // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. – М., 1988. – С. 6-11.
18. Hartmann R. Lexicography, with particular reference to English learners' dictionaries. State of the art article // Language teaching. – 1992. – Vol. 25. – № 3. – P. 56-61.

© С.А. Стройков

Самарский государственный педагогический университет, Самара, Россия

К ВОПРОСУ ОБ ЭЛЕКТРОННОМ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ГИПЕРТЕКСТЕ

Лингвистические публикации последних лет сделали из понятия «гипертекст» самостоятельный и полноправный объект лингвистических исследований. Изучению проблем гипертекста как сравнительно нового типа письменного текста посвящены работы О.В. Барст [1], М. Визеля [2], С.О. Вывенко [3], К.В. Давыдовой [4], О.В. Дедовой [5], Е.В. Зыковой [6], Н.Ф. Ковалевой [7], И.Р. Купер [8], Н.С. Ларионовой [9], О.А. Левоненко [10], С.В. Лесникова [11], А.В. Лория [12], М.В. Масаловой [13], В.В. Негуторова [14], Р.К. Потаповой [15], Т.И. Рязанцевой [16], М.М. Субботина [22], Ю. Хартунга и Е. Брейдо [23], Н.А. Шехтмана [24], В.Л. Эпштейна [25] и др. Интерес лингвистов к данному понятию обусловлен тем, что в последнее время создается значительное количество гипертекстовых систем, развивается всемирная сеть Интернет, совершенствуется и уже достаточно широко используется новая материальная форма письменного текста (электронный гипертекст), однако все еще не создано всестороннее лингвистическое описание англоязычного электронного лексикографического гипертекста [21. С. 3].

Настоящая статья рассматривает особенности и уникальность электронного лексикографического гипертекста, который является новой формой представления лингвистических и энциклопедических знаний. Важность разработки вопроса презентации лингвистических и энциклопедических знаний в виде лексикографического гипертекста диктуется, с одной стороны, возрастанием роли словарей и энциклопедий в процессе информатизации общества, потребностями изучения английского языка как глобального языка мирового общения и, с другой стороны, необходимостью решения некоторых проблем печатной лексикографии.

Под термином «электронный лексикографический гипертекст» мы понимаем некоторый нелинейно организованный объем лингвистической и энциклопедической информации, обладающий текстовыми характеристиками, структурными и функциональными особенностями, интегрирующий непересекающиеся информационные ресурсы, между которыми могут быть установлены однонаправленные и перекрестные ссылки. Показательными примерами электронного лексикографического гипертекста могут послужить следующие источники лингвистических и энциклопедических знаний: электронные словари Longman Dictionary of Contemporary English, Macmillan English Dictionary for Advanced Learners, АБВУЯ Lingvo x3, «The Free Dictionary» и свободная энциклопедия Википедия. Последний пример из представленного списка представляет собой общедоступную многоязычную универсальную энциклопедию, которая по объёму сведений и тематическому охвату считается самой полной энциклопедией из когда-либо создававшихся за всю историю человечества.

Проведенное исследование англоязычного электронного лексикографического гипертекста «The Free Dictionary» показало, что словарь-энциклопедия обладает довольно сложной структурой. Такая сложность заключается в достаточно большом объеме словарной статьи, средний размер которой составил 5,1 машинописных страницы

формата А4. Кроме того, лексикографическая статья снабжена значительным количеством гипертекстовых ссылок – в среднем статья общего словаря насчитывает 140 однонаправленных и перекрестных, внешних (межтекстовых) и внутренних (внутритекстовых) ссылок. Гипертекстовые ссылки, которые связывают между собой различные виды информационных единиц в зависимости от целей читателя, служат основным средством когезии и средством обеспечения когерентности электронного лексикографического гипертекста. В пределах одной гипертекстовой ссылки мы выделили ее источник, через активацию которого вызывается новая информационная единица, и объект ссылки – новая информационная единица, которая предлагается читателю после активации источника. В собственно текстовой части исследуемого лексикографического гипертекста источник гипертекстовой ссылки выделяется синим цветом и подчеркивается. Каждая информационная единица исследуемого электронного лексикографического гипертекста может быть гипертекстовым ядром и гипертекстовой периферией.

Кроме того, сложность структуры англоязычного электронного лексикографического гипертекста «The Free Dictionary» объясняется тем, что он, обладая макро- и микроструктурой, состоит из нескольких словарей и энциклопедий (Houghton Mifflin's Premiere Dictionary, the American Heritage Dictionary of the English Language, Computer Desktop Encyclopedia, the American Heritage Stedman's Medical Dictionary, the People's Law Dictionary, the Cambridge International Dictionary of Idioms, the Cambridge Dictionary of American Idioms и Википедия (Wikipedia), в которые входят отдельные информационные единицы (тексты, аудио-файлы, элементы креолизации). Мы установили, что в большинстве случаев словарная статья содержит заглавное слово; грамматическую информацию (96%); транскрипцию (99,3%); ссылку на звуковой файл (медиафайл), озвучивающий лексическую единицу (98,8%); зону толкования, которая состоит из значений лексической единицы; историческую справку (66%); иллюстрацию (50,4%); тезаурус (98,2%); цитаты из классической литературы, в которых употребляется искомая лексическая единица (80%); а в некоторых случаях словарная статья содержит ссылки на периодическую литературу (8%).

Изучение структуры словарных статей словарей, входящих в состав англоязычного электронного лексикографического гипертекста «The Free Dictionary», показало, что в процессе пользования словарем-энциклопедией читатель, в зависимости от цели, имеет возможность работать со многими видами информации, что позволяет ему получать разностороннюю и исчерпывающую информацию лингвистического и энциклопедического характера об искомой лексической единице.

Кроме того, сложность структуры электронного лексикографического гипертекста «The Free Dictionary» обуславливает также его уникальность, поскольку в полном объеме данный источник лингвистических и энциклопедических знаний невозможно издать на печатном носителе – он может существовать только в виде электронного издания во всемирной сети Интернет.

Проведенное изучение англоязычного электронного лексикографического гипертекста «The Free Dictionary» позволило сделать вывод о том, что он является сетевым, сложным, динамическим, бесконечным, нехудожественным электронным гипертекстом с квазигипертекстуальными художественными элементами, способным существовать только в сети Интернет, обладающим по степени актуализации реализованной гипертекстуальностью и по характеру элементов текстуального образования реализованной внутритекстовой и межтекстовой гипертекстуальностью.

В ходе исследования было также установлено, что электронный лексикографический гипертекст «The Free Dictionary» обладает специфическими категориями: 1) дисперсность структуры, 2) композиционная нестабильность, 3) нелинейность, 4) мультимедийность, 5) интерактивность. Дисперсность структуры в материале исследования проявляется в том, что войти в структуру словаря-энциклопедии «The Free Dictionary» можно с любой информационной единицы, не только с помощью

домашней страницы электронного ресурса, но и посредством различных поисковых систем. Композиционная нестабильность заключается в том, что при пользовании словарем читатель создает отличный от предыдущего путь чтения. Нелинейность представляет собой невозможность линейного прочтения словаря-энциклопедии «The Free Dictionary». Мультимедийность исследуемого англоязычного словаря-энциклопедии заключается в наличии звуковых файлов, элементов креолизации и шрифтового варьирования. Интерактивность электронного лексикографического гипертекста объясняется активным читательским воздействием, поскольку читатель может пополнять словарь своими собственными значениями лексических единиц, что впоследствии проверяется создателями указанного словаря-энциклопедии [21. С. 17].

Анализ прагматических характеристик электронного лексикографического гипертекста «The Free Dictionary» показал, что этот лексикографический источник выполняет следующие функции: информативную; коммуникативную; нормативную; кумулятивную, или тезаурусную; культурную и культуuroобразующую; учебную и эстетическую.

Электронный лексикографический гипертекст «The Free Dictionary» обладает также *гибкостью* и *динамичностью*, поскольку читатель может обращаться к данному словарю и находить информацию в пределах наиболее короткого времени и у читателя есть возможность пополнять данный источник лингвистических и энциклопедических знаний [20. С. 342].

Исследование текстового материала электронного лексикографического гипертекста «The Free Dictionary» выявило, что благодаря внутренним и внешним гипертекстовым ссылкам, а также интерактивности изучаемого словаря, читатель может работать с информационными единицами различных жанров, принадлежащих различным функциональным стилям речи, что позволяет нам сделать вывод о полифункциональности и полижанровости изучаемого электронного лексикографического гипертекста.

Англоязычный электронный лексикографический гипертекст «The Free Dictionary» представляет собой солидный банк современного текстового материала, обилие информационных ресурсов дает исследователю и переводчику обширное поле разнообразных по тематике и по жанрам аутентичных материалов, предоставляя возможность овладения иностранной речью в ее жанрово-стилевом и предметном разнообразии, что, как известно, является показателем развитости языковой личности и весьма актуально для переводческой практики и обучения иностранного языка.

Исследование англоязычного электронного лексикографического гипертекста «The Free Dictionary» выявило также и его недостатки: 1) громоздкость структуры; 2) необходимость наличия доступа к персональному компьютеру и сети Интернет; 3) некоторое количество опечаток, встречающихся в текстовых информационных единицах. Тем не менее, указанные недостатки словаря-энциклопедии «The Free Dictionary» не оказывают отрицательного влияния на обучение студентов.

В результате исследования мы пришли к выводу, что на современном этапе развития компьютерной лексикографии все накопленные лингвистические и энциклопедические знания следует представлять именно в виде электронного лексикографического гипертекста, что позволит читателю экономить время, сделает словари-энциклопедии более удобными для использования и тем самым решит такие проблемы печатной лексикографии, как: 1) объем словарной статьи, 2) скорость поиска необходимой информации в словаре, 3) интегрированность разнородной информации в рамках одного словаря, 4) соответствие содержания словаря текущему моменту, 5) долговечность словаря, 6) стоимость, 7) компактность.

Литература

1. Барст О.В. Структурно-семантические особенности организации гипертекстового нарратива. На материале гиперромана М. Джойса «Twelve Blue»: Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2005.

2. Визель М. Гипертексты по ту и эту сторону экрана. – <http://www.litera.ru/slova/viesel/visel-ht.html>.
3. Вывенко С.О. Индоевропейские этимологические словари в гипертекстовой среде: Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2000.
4. Давыдова, К.В. Гипертекстуальность как свойство художественного текста. На материале английских художественных текстов: Дис. ... канд. филол. наук. – Армавир, 2006.
5. Дедова О.В. Лингвосомиотический анализ электронного гипертекста (на материале русскоязычного Интернета): Автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. – М., 2006.
6. Зыкова Е.В. Организация гипертекста в сети Интернет (на материале англоязычных сайтов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2006.
7. Ковалева Н.Ф. Комментарии к тексту как лингвистический гипертекст: Дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2004.
8. Купер И.Р. Гипертекст как форма социального знания: Дис. ... канд. социол. наук. – М., 2001.
9. Ларионова Н.С. Гипертекст как модель современной культуры: Дис. ... канд. социол. наук. – М., 2005.
10. Левоненко О.А. Языковая личность в электронном гипертексте. На материале экспрессивного синтаксиса ведущих электронных жанров: Дис. ... канд. филол. наук. – Таганрог, 2004.
11. Лесников С.В. Гипертекст русского языка // Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и материалы Международного конгресса русистов-исследователей. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 413-414.
12. Лория А.В. Электронное издание на базе гипертекста: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1998.
13. Масалова М.В. Гипертекстуальность как имманентная текстовая характеристика: Дис. ... канд. филол. наук. – Ульяновск, 2003.
14. Негуторов В.В. Гипертекст как феномен современного общества: Дис. ... канд. философ. наук. – Краснодар, 2003.
15. Потапова Р.К. Новые информационные технологии и лингвистика: Учебное пособие. – М.: МГЛУ, 2002.
16. Рязанцева Т.И. Теория и практика работы с гипертекстом (на материале английского языка). – М.: Издательский центр «Академия», 2008.
17. Стройков С.А. Лексикографический электронный гипертекст как новая форма представления лингвистических и энциклопедических знаний // Вестник Самарского государственного экономического университета. – Самара. – 2006. – № 5 (23), – С. 428-435.
18. Стройков С.А. К вопросу о жанровой классификации электронных гипертекстов // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы: Материалы второй международной научно-практической конференции. – Самара: Издательство СГПУ, 2007. – С. 315-318.
19. Стройков С.А. Статья электронного словаря-энциклопедии «The Free Dictionary» как гипертекст // Дискурсивный континуум: текст – интертекст – гипертекст: Материалы Всероссийской научной конференции (май 2006) – Самара: Изд-во СГПУ, 2007. – С.277-283.
20. Стройков С.А. Типологические, структурные и функциональные характеристики электронного словаря-энциклопедии «The Free Dictionary» // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы: Материалы третьей международной научно-практической конференции. – Самара: Издательство СГПУ, 2008. – С. 338-342.
21. Стройков С.А. Лингвопрагматические характеристики англоязычного электронного лексикографического гипертекста: на материале словаря-энциклопедии «The Free Dictionary»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2008.
22. Субботин М.М. Теория и практика нелинейного письма (взгляд сквозь призму «грамматологии» Ж.Деррида) // Вопросы философии. – 1993. – № 3. – С. 36-45.
23. Хартунг Ю., Брейдо Е. Гипертекст как объект лингвистического анализа // Вестник Московского университета. Сер. 9 Филология. – 1996. – № 3. – С. 61-77.
24. Шехтман Н.А. Проблема понимания речевого произведения и гипертекст. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2005.
25. Эпштейн В.Л. Введение в гипертекст и гипертекстовые системы. – <http://www.ipu.ru/pub/epstn.htm>.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАЦИИ.....	5
<i>Л. Г. Антонова</i> (Ярославль) Способы и средства взаимодействия в современном коммуникативном пространстве.....	6
<i>Г. М. Вишневская</i> (Иваново) Иностранный язык для профессиональных целей: проблемы коммуникации.....	11
<i>Л. А. Городецкая</i> (Москва) Лингвокультурология в контексте гуманитарного знания.....	16
<i>С. Г. Макеева</i> (Ярославль) Проблемы личностно-языкового развития младших школьников.....	21
<i>Е. И. Власова</i> (Новосибирск) Прагматические особенности немецких директивных высказываний.....	24
<i>Н. Ю. Ивойлова</i> (Ярославль) Современная христианская проповедь как специфический вид речевой коммуникации (на материале английского языка).....	30
<i>М. В. Китик</i> (Астрахань) Парламентские дебаты как политическая коммуникация.....	35
<i>Е. П. Логунова</i> (Мичуринск) Искусство как язык культуры.....	39
<i>Е. В. Маринина</i> (Москва) Когнитивные и лингвокультурологические аспекты прагматических текстов.....	42
<i>Т. Н. Омеляненко</i> (Москва) Культурологические аспекты коммуникации и перевода: о выражении чувств и эмоций в разных культурах.....	47
<i>А. А. Петрова</i> (Волгоград) Симультанная модель диалога в раннем онтогенезе.....	52
<i>О. С. Синепупова</i> (Мичуринск) Социокультурный аспект языковой картины мира в публицистическом тексте.....	57
<i>И. И. Хрулева</i> (Ярославль) К вопросу о роли изучения иностранного языка как средства приобщения к иной культуре.....	61
<i>А. Н. Шовгенин</i> (Волгоград) Социолингвистическое пространство в научной парадигме социолингвистики.....	62
<i>С. А. Герасимова</i> (Москва) Роль адресата в письменной педагогической коммуникации.....	65
<i>Т. И. Дик</i> (Азов) Языковая личность в современном социокультурном пространстве и русско-английской межкультурной коммуникации.....	68
<i>М. Ю. Корнилова</i> (Ярославль) Этикет и социальный статус человека.....	71
<i>Л. А. Моргунова</i> (Ростов-на-Дону) Гендерные культурные стереотипы в рекламе....	75
<i>И. М. Печенкина</i> (Воронеж) Интерпретация художественного текста в стратегии формирования «вторичной языковой личности».....	80
<i>С. В. Попова</i> (Астрахань) Паспорт, типажа «школьная учительница» (по сочинениям информантов).....	83
<i>Н. А. Спирина</i> (Сургут) Семейное речевое поведение.....	89
<i>А. А. Шмаков</i> (Новосибирск) Способы выражения адресата в современной печатной рекламе (на примере обращений).....	93

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ.....	99
<i>Т. Г. Игнатъева</i> (Красноярск) Семиметрический анализ в диахроническом аспекте.....	100
<i>Е. Н. Михайлова</i> (Белгород) Проблема наречия в ренессансных описаниях французского языка.....	105
<i>Е. И. Бейн</i> (Таганрог) Асимметрия как источник движения в языке (на материале формирования частей речи во французском языке).....	111
<i>Е. Г. Васильева</i> (Петрозаводск) Функционирование унипосессивов в англо-нормандской и нормандской скриптах.....	116
<i>С. А. Кузичев</i> (Вологда) Сложное дополнение в старофранцузском языке.....	122
<i>С. А. Мачульская</i> (Петрозаводск) Отрицательно-безличные предложения и их корреляция с личными негативными структурами в коммуникативном аспекте (на материале старорусской публицистики).....	125
<i>А. Г. Москалева, Е. А. Воробьева</i> (Ярославль) Проблема неологизма в русском языке XVIII-XIX вв.....	130
<i>И. Н. Нечитайло</i> (Киев, Украина) Формирование значений праславянских диалектизмов (темпоральный блок).....	135
<i>Е. В. Опахина</i> (Вологда) Глагольные перифразы в старофранцузских текстах: скриптуральная дифференциация.....	139
<i>Т. В. Слива</i> (Киев, Украина) Особенности семантической связи лексем-членов ассоциативно-семантической группы.....	142
<i>Р. Ф. Смирнова</i> (Таганрог) О роли когерентности в становлении и «достаточности» коммуникативных средств языка.....	148
<i>Е. О. Заляева</i> (Казань) Структурно-языковые характеристики номинаций Одина (на материале русских переводов Старшей и Младшей Эдды).....	154
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА.....	157
<i>Г. Д. Ахметова</i> (Чита) Модификация языковой композиции (на материале романа В. Маканина «Испуг»).....	158
<i>Е. М. Болдырева</i> (Ярославль) Автобиографическая орнаментальность и способы манифестации автобиографической дискурсивной стратегии в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» и в модернистских автобиографиях первой половины XX века.....	164
<i>Л. Г. Викулова</i> (Москва) К проблеме синтеза слова и изображения: поликодовый текст.....	170
<i>В. П. Григорьев</i> (Санкт-Петербург) Отражение речевой ситуации в ранних испанских драматических текстах.....	174
<i>Е. А. Ермолин</i> (Ярославль) Стилистика современной русской прозы.....	184
<i>Н. Н. Иванов, Э. С. Балан</i> (Ярославль) Образные представления в системе восприятия художественного текста.....	188
<i>И. Ю. Лученецкая-Бурдина</i> (Ярославль) Соотношение художественного и научного дискурсов (на материале публицистики Л.Н. Толстого).....	191
<i>Ю. А. Рылов</i> (Воронеж) Антропонимы в художественном дискурсе.....	196
<i>Г. Ю. Филипповский</i> (Ярославль) Лексические повторы в экспозициях текстов литературы Руси XII-XIII вв.....	200

<i>К. В. Балеевских</i> (Ярославль) Стратегии передачи российской специфики во французском переводе антиутопии В. Сорокина «День опричника».....	207
<i>С. А. Викторова</i> (Ярославль) «Задор несообразностей» русской лирики рубежа XIX – XX вв.....	215
<i>О. А. Малетина, Р. А. Чернявская</i> (Волгоград) Анализ особенностей проявления личностных характеристик лингвокультурного типажа «враль» или «liar» в художественном дискурсе.....	219
<i>Г. В. Мурзо</i> (Ярославль) Текст «живописный» и «метаживописный»: попытка осмысления.....	223
<i>В. Б. Оболенский, И. В. Попова</i> (Орел) Афористика в контексте фразеологии: афоризмы Б.К. Зайцева.....	227
<i>Т. А. Перминова</i> (Новосибирск) Стилиевые черты в письмах частной переписки в XVIII веке и их языковое воплощение.....	232
<i>Э. С. Балан, Н. Н. Иванов</i> (Ярославль) Мифопоэтическая «внутренняя форма» сочинений Михаила Пришвина: особенности словотворчества.....	238
<i>А. В. Курганская</i> (Чита) Межтекстовый словесный ряд в составе целого текста (на материале прозы В. Дегтева).....	242
<i>К. В. Лопатина</i> (Воронеж) Роль диминутива в создании художественного образа (на примере романа К.Х. Селы «Улей»).....	248
<i>В. М. Тамарова</i> (Ярославль) Жанровая модель и исторические типы антиутопий....	251
ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ ЯЗЫКА..	255
<i>Т. Ю. Загрязкина</i> (Москва) Бретань и культура Франции.....	256
<i>С. А. Мызников</i> (Санкт-Петербург) О лексике марийского происхождения в Ветлужском крае.....	260
<i>М. М. Раевская, М. М. Чавес Уаман</i> (Москва) Языковое сознание в латиноамериканских странах (контакт языков и культур на примере андского региона).....	266
<i>Э. М. Рянская</i> (Нижевартовск) Образность как культурно-значимый компонент (на примере региональной лексики).....	272
<i>G. G. Sokolova</i> (Moscou) L'évolution de la phraséologie et ses perspectives (la variante québécoise du français).....	276
<i>И. И. Быкова</i> (Петропавловск-Камчатский) Имена прилагательные, характеризующие человека, в камчатских говорах.....	279
<i>Н. Г. Олесова</i> (Петропавловск-Камчатский) Названия лососёвой рыбы в период нереста в говорах камчадалов.....	283
<i>Л. П. Седлова</i> (Вологда) Региональные особенности наименования построек (на материале французского языка).....	287
<i>Н. В. Шеминова</i> (Воронеж) Интродуктивные модели, содержащие прозвищные именованья, в публикациях испанской прессы.....	291
<i>Н. Н. Бобырева</i> (Казань) Терминология сокольской гимнастики в истории гимнастической терминологии русского языка.....	296
<i>Ю. Г. Есина</i> (Москва) Особенности регионального менталитета и культуры на материале пословиц и поговорок Вандеи (Франция).....	300
<i>Д. Г. Карелова</i> (Казань) Термин как единица исследования подъязыка строительства (на примере терминов гибких мобильных сооружений).....	304
<i>О. В. Малоземлина</i> (Петропавловск-Камчатский) Названия приправ в говорах камчадалов (лексико-семантический аспект).....	308
<i>Л. В. Пилюкова</i> (Ярославль) Особенности словообразования в речи молодежи (на материале американского варианта английского языка).....	312

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	317
<i>Н. С. Ганцовская, Г. Д. Неганова</i> (Кострома) Частотный словарь как тип представления тезауруса языка писателя (на материале ландшафтной лексики частотно-аналитического словаря А.Н. Островского).....	318
<i>Иоланта Мэндэльска</i> (Быдгощ, Польша) Новое в теории и практике русско-польской и польско-русской лексикографии.....	322
<i>Е. С. Иванова</i> (Екатеринбург) Визуальные, лингвистические и экспрессивные символы положительных и отрицательных эмоций.....	327
<i>И. В. Косарева, Э. И. Сушок</i> (Брянск) Отражение процессов семантического развития в двуязычной лексикографии.....	332
<i>Г. В. Рябичкина</i> (Астрахань) Лексика разговорного регистра: социолексикографические идеи В.Д. Девкина.....	336
<i>Т. А. Чубур</i> (Воронеж) Теоретические проблемы контрастивной лексикографии.....	342
<i>С. А. Стройков</i> (Самара) К вопросу об электронном лексикографическом гипертексте.....	347

Научное издание

**ЯЗЫК И МЫСЛЬ:
ТРАДИЦИИ И НОВЫЕ ПАРАДИГМЫ**
ВТОРЫЕ ЯРОСЛАВСКИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

*Сборник научных трудов
Международной конференции
16 – 18 июня 2009 г.*

Том 2

Ответственный редактор:
Ольга Сергеевна Егорова

Компьютерная верстка Н.В. Осинкиной
Статьи печатаются в авторской редакции
Технический редактор С.А. Викторова

Подписано в печать 28.05.2009 г.
Объем 44,25 п.л. Формат 60х92/8. Тираж 100 экз.

Издательство ЯГПУ им. К.Д. Ушинского
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108